Александр Широкорад

АРТИЛЛЕРИЯ в ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

АРТИЛЛЕРИСТЫ, СТАЛИН ДАЛ ПРИКАЗ...

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ

Annotation

Артиллерия была решающей силой в Первой мировой войне и сохранила свое значение во Второй мировой войне. Несмотря на резкое увеличение боевых возможностей танков и авиации, без массированной артиллерийской поддержки проведение серьезных операций было немыслимо. Автор пишет о «блеске и нищете» советской артиллерии, о ее применении в страшном 1941 году, в великом противостоянии при обороне Сталинграда, в битве на Курской дуге и в завершающих боях под Будапештом и Кенигсбергом, броске на Берлин и последнем штурме вражеской цитадели.

- Александр Широкорад
  - От автора
  - Раздел I
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - Раздел II
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Раздел III
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7

        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
    - Раздел IV
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
        - Глава 12
        - Глава 13
        - Глава 14
    - Заключение
    - Приложения
        - Приложение 1
        - Приложение 2
        - Приложение 3
        - Приложение 4
        - Приложение 5
        - Приложение 6
        - Приложение 7
        - Приложение 8
        - Приложение 9
        - Приложение 10
    - Список сокращений
    - Список использованной литературы
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43

- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82

- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121

- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160

- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187

Александр Широкорад
Артиллерия в Великой Отечественной войне

Артиллерия — самый важный род войск.
Артиллерия — бог современной войны.

Из выступления И. В. Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий РККА в Кремле

От автора

Артиллерия уже пять столетий называется богом войны. Она была решающей силой в Первой мировой и оставалась таковой во Второй мировой войне. Несмотря на резкое увеличение боевых возможностей танков и авиации, без массированной артиллерийской поддержки ни танковые войска, ни авиация не могли решить ни одной достаточно серьезной задачи.

Увы, послевоенные лавры были неравномерно распределены между родами войск. Эмоции возобладали над опытом войны, и ее главными героями стали летчики и танкисты. Подавляющее большинство военных мемуаров и научных исследований посвящены именно танковым войскам и авиации, а артиллерия скромно осталась в тени.

К сожалению, после войны все военные архивы в СССР, включая трофейные документы, были засекречены. Кстати, и до сих пор большая часть военных архивов, связанных с артиллерией, так и не открыта.

В советский период участники боев не могли говорить правду в своих мемуарах. Я уж не говорю о том, что большинство военных мемуаров в 1950–1980-х гг. писали не участники войны, а литобработчики, имевшие об артиллерии весьма смутные представления.

Все вышесказанное крайне затруднило автору написание этой книги. Добавим еще жесткий лимит по объему издания и необходимость популярного изложения. Мне пришлось выкинуть несколько глав о боевом применении советской и германской самоходной артиллерии, главы «Оборона Одессы», «Горная артиллерия» и другие. В случае благосклонного отношения читателей к этой монографии надеюсь их опубликовать позднее.

Рассказ о двух грандиозных артиллерийских сражениях Великой Отечественной войны — битве за Ленинград и Севастополь — читатель найдет в моей отдельной монографии «Время больших пушек. Битва за Ленинград и Севастополь».

Большинство читателей обычно игнорируют цифровые приложения в конце книги. Но на сей раз я прошу сделать исключение. Все статистические сведения взяты из «служебных источников» и практически нигде не публиковались. Причем в Приложении приведены подробные сведения и по артиллерии ВМФ, поскольку она неразрывно связана с артиллерией РККА.

Раздел I
Блеск и нищета советского бога войны

Глава 1
Противотанковая артиллерия

В последние два десятилетия у нас выпущено несколько десятков более или менее достоверных изданий, где приведены сравнения отечественных танков и самолетов с германскими накануне 22 июня 1941 г. Увы, по артиллерии такие справочники отсутствуют. Есть, правда, несколько изданий Министерства обороны еще советского периода, где приведены сравнительные таблицы тактико-технических характеристик (ТТХ) наших и германских орудий, из которых авторы делают вывод о полном превосходстве к началу войны советской артиллерии над германской.

Увы, это не совсем так, и, чтобы понять причины поражения 1941 г., нам придется разобраться с состоянием артиллерии обеих сторон к 22 июня 1941 г.

Проще всего делать сравнение с противотанковой артиллерией. По своим ТТХ состоявшие на вооружении германские и советские противотанковые пушки были примерно одинаковы.

Согласно Версальскому договору, Германии было запрещено создавать противотанковые пушки. Тем не менее уже в 1926 г. фирма «Рейнметалл» создала первый опытный образец 3,7-см противотанковой пушки обр. 26. От 37-мм противотанковой пушки обр. 18 новая пушка отличалась лучшей баллистикой. У пушки обр. 18 снаряд весил 0,46 кг и имел начальную скорость 506 м/с, а у пушки обр. 26 эти цифры составляли 0,68 кг и 762 м/с. На дистанции до 800 м новая пушка могла пробить броню любого танка с противопульной броней.

Дистанция 800 м являлась предельной табличной дальностью стрельбы для бронебойного снаряда. Баллистическая дальность стрельбы им была в 8–9 раз больше, но стрелять на дистанцию более 800 м по танкам было безнадежно из-за большого рассеивания снарядов.

Говоря о бронепробиваемости снарядов противотанковых пушек, нужно сделать небольшое лирическое отступление, дабы не подвергнуться критике педантичных читателей, которые могут найти иные данные. И дело тут не только в том, что автор выбирал наиболее достоверные источники. Бронепробиваемость в отличие от баллистических данных орудия — понятие довольно относительное. В некоторых официальных источниках, как, например, в «Таблицах стрельбы», бронепробиваемость

рассчитывалась теоретически по формуле Жакоб де Марра и другим. Причем в нашей армии данные по бронепробиваемости постоянно завышались по указанию начальства, автор нашел это в архивах в данных для различных противотанковых пушек от 45-мм обр. 1932 г. до 85-мм Д-48. Но даже если таблицы честно составлены по результатам стрельб, то и здесь бронепробиваемость существенно зависит от качества конкретной партии бронебойных снарядов и испытуемой брони. Не менее важен критерий бронепробиваемости. Так, можно считать, что снарядом данная броня пробивается, если она пробита 60 % снарядов, а 40 % снарядов застряли в броне или рикошетировали, а можно этот критерий поднять до 90 %. Тогда получится совершенно иная таблица бронепробиваемости.

3,7-см пушка обр. 26 имела вид классической противотанковой пушки. В отличие от пушек обр. 18 с однобрусным лафетом она имела раздвижные трубчатые станины, обеспечивавшие больший угол горизонтального обстрела. Однако новая пушка была рассчитана в основном на конную тягу — ее ход был с деревянными колесами и не имел подрессоривания.

Естественно, что испытания и производство запрещенных Версальским договором 3,7-см пушек проводились фирмой «Рейнметалл» в глубокой тайне. Между тем в конце 1920-х гг. по Германии вовсю рыскали контрольные комиссии западных союзников, проверявшие выполнение немцами кабальных условий Версальского договора. Надо ли говорить, что лучшим местом проведения полномасштабных испытаний и массовой эксплуатации пушки была территория, неподконтрольная союзным комиссиям. Лучшим местом испытаний первых германских танков и самолетов с конца 1920-х гг. стала территория СССР. Там же решила испытывать свои орудия и фирма «Рейнметалл».

Руководство фирмы «Рейнметалл» с ведома и содействия германского правительства и командования рейхсвера создало в начале 1930-х гг. подставную фирму — общество с ограниченной ответственностью «Бюро для технических работ и изучений»[1], а сокращенно «Бютаст», то есть берлинский филиал черноморской конторы «Рога и копыта».

6 августа 1930 г. начальник Государственного Орудийно-оружейно-пулеметного объединения товарищ Будняк и руководитель фирмы «Бютаст» господин Гуго Фрейзенштейн заключили в Берлине договор о технической помощи.

Фирма «Бютаст» обязалась оказать техническую помощь в организации производства в СССР шести артсистем:

1) 7,62-см зенитной пушки;

2) 15,2-см миномета;

3) 3,7-см противотанковой пушки;
4) 2-см автомата;
5) 15,2-см гаубицы;
6) 3,7-см автоматической зенитной пушки.

Все эти орудия были созданы фирмой «Рейнметалл».

По условиям договора СССР выплачивал фирме 1 125 000 американских долларов, заметим, огромную сумму. В договоре были специальные статьи, согласно которым СССР не должен был оглашать ни условий сделки, ни данных германских орудий, а Германия соответственно не должна разглашать сведения о советских артиллерийских заводах. Замечу, что обе стороны молчат до сих пор. Автору же удалось случайно обнаружить это соглашение в Архиве экономики имени Плеханова[2].

Фирма «Бютаст» поставила в СССР двенадцать 3,7-см противотанковых пушек общей стоимостью 25 тысяч долларов, а также комплекты деталей и полуфабрикатов на несколько артсистем и полную технологическую документацию. Любопытная деталь — 3,7-см пушки поставлялись в СССР с горизонтальным клиновым затвором с четверть-автоматикой. У таких орудий после выстрела затвор заряжающий открывал вручную, а после досылки гильзы затвор закрывался автоматически. У орудий с полуавтоматикой отпирание и запирание затвора производится автоматически, но подача снаряда — вручную. И наконец, у автоматических орудий подача снаряда производится автоматически и функции расчета сводятся к наведению орудия на цель.

Фирма «Бютаст» обязалась после изготовления в СССР первых 100 серийных 3,7-см пушек заменить затвор с четверть-автоматикой на полуавтоматический. Однако своего обещания не выполнила, и все 3,7-см противотанковые пушки фирмы «Рейнметалл» до конца своего производства в 1942 г. имели затвор с четверть-автоматикой.

Изготовление 3,7-см противотанковых пушек фирмы «Рейнметалл» было начато в 1931 г. на заводе № 8 в подмосковной деревне Подлипки, где пушка получила заводской индекс 1К. Приказом Реввоенсовета от 13 февраля 1931 г. пушка была принята на вооружение под наименованием «37-мм противотанковая пушка обр. 1930 г.».

Выстрелы советской и германской пушек были полностью взаимозаменяемы.

Однако калибр 37 мм не устроил советское руководство, которое желало увеличить бронепробиваемость пушки, особенно на больших дистанциях, и сделать пушку универсальной — имеющей качества противотанковой и батальонной пушек. 37-мм осколочный снаряд оказался

очень слаб, поэтому желательно было иметь тяжелый 45-мм осколочный снаряд. Так появились наши 45-мм противотанковые и танковые пушки. Советские конструкторы после длительных доработок ввели в 1933–1934 гг. полуавтоматический затвор для 45-мм противотанковых и танковых пушек.

В Германии в 1935–1936 гг. 3,7-см пушка фирмы «Рейнметалл» также прошла модернизацию, которая в основном коснулась колесного хода пушки. Так, деревянные колеса заменили металлическими с резиновыми шинами и ввели подрессоривание. Модернизированная пушка получила название 3,7-см Pak 35/36.

Замечу, что и модернизированная пушка обр. 35/36 в конце мая 1937 г. была доставлена на завод № 8 в Подлипки. Интересно, что в секретной документации на пушки она именовалась «37-мм пушка ОД», то есть «особой доставки». Так наше руководство секретило свои сделки с Германией даже от средних и высших командиров РККА. На базе 3,7-см пушки Pak 35/36 был модернизирован лафет советской 45-мм противотанковой пушки 53К. 24 апреля 1938 г. 53К была принята на вооружение РККА под названием «45-мм противотанковая пушка обр. 1937 г.», а 6 июня 1938 г. ее передали в валовое производство.

3,7-см пушка Pak 35/36 отлично зарекомендовала себя в боевых действиях в Испании в 1936–1939 гг. На любых реальных дистанциях она легко пробивала броню всех республиканских танков, включая советские БТ и Т-26.

С начала 1930-х гг. в СССР тысячами производились легкие танки с противопульной броней типа БТ, Т-26, Т-37 и т. д. Заместитель наркома обороны по вооружению М. Н. Тухачевский делал ставку на борьбу «с классово-неоднородным противником», то есть с частями, в которых пролетарский элемент, сочувствующий Красной Армии, преобладал над выходцами из буржуазной среды. Армады советских легких танков должны были наводить ужас на «классово-неоднородного противника». Испанская война поколебала, а Советско-финляндская война и 1941 год окончательно похоронили иллюзии советского руководства о «классово-неоднородном противнике».

Проанализировав причины потерь советских танков в Испании, наше руководство приняло решение о создании тяжелых и средних танков с толстой противоснарядной броней. А руководство вермахта, наоборот, почило на лаврах войны в Испании и к 1939 г. считало 3,7-см Pak 35/36 вполне современным оружием, способным бороться с любыми танками вероятного противника.

К 1 сентября 1939 г., то есть к началу Второй мировой войны, вермахт располагал 11 200 пушками 3,7-см Pak 35/36 и 12,98 млн выстрелов к ним. (Среди этих пушек было незначительное количество неподрессоренных систем с деревянными колесами, изготовленных до 1936 г.)

Наиболее боеспособные пехотные дивизии вермахта именовались дивизиями первой волны, к 1 мая 1940 г. насчитывалось 35 таких дивизий. В каждой дивизии первой волны имелось три пехотных полка, в каждом из которых была одна рота противотанковых пушек — двенадцать 3,7-см Pak 35/36. Кроме того, в дивизии был эскадрон тяжелых орудий с тремя 3,7-см Pak 35/36 и противотанковый артиллерийский дивизион (с марта 1940 г. — истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион) с тремя ротами по двенадцать 3,7-см Pak 35/36 в каждой. Итого в пехотной дивизии первой волны имелось 75 противотанковых пушек калибра 3,7 см.

В четырех моторизованных дивизиях (они имели двухполковой состав) было по 48 противотанковых пушек 3,7-см Pak 35/36, а в кавалерийской дивизии имелись 24 такие пушки.

До 22 июня 1941 г. 3,7-см противотанковые пушки обр. 35/36 действовали достаточно эффективно на всех театрах военных действий. К 1 апреля 1940 г. в войсках находилось 12 830 таких пушек. Неприятным сюрпризом оказалось то, что снаряды 3,7-см пушек почти не пробивали средние французские танки S-35 «Сомуа», имевшие броню 35–45 мм, причем большая часть брони была наклонной.

Однако танков «Сомуа» у французов было немного, по разным данным, от 430 до 500, применялись они тактически безграмотно и имели ряд конструктивных недостатков, одним из которых было наличие всего одного члена экипажа (командира) в башне. Так что бои с французскими частями, оснащенными танками «Сомуа», не привели к большим потерям для немцев.

Немцы сделали некоторые выводы из встречи с танками «Сомуа» и начали ускоренное проектирование 5-см противотанковых пушек, а также разработку подкалиберных и кумулятивных снарядов, но по-прежнему считали 3,7-см противотанковые пушки эффективным средством для борьбы с танками. 3,7-см пушка обр. 35/36 продолжала оставаться основной противотанковой пушкой как в частях, так и в производстве.

После начала войны в 1939 г. было изготовлено 1229 3,7-см пушек обр. 35/36, в 1940 г. — 2713, в 1941 г. — 1365, в 1942 г. — 32, и на этом их производство закончилось.

К 1 июня 1941 г. вермахт располагал 14 459 3,7-см пушками обр. 35/36.

К началу Великой Отечественной войны на учете Главного

артиллерийского управления (ГАУ) РККА состояло 14 791 противотанковых пушек калибра 45-мм, из которых 1038 требовали «мастерского ремонта».

Для развертывания артиллерии по штатам военного времени требовалось 11 460 противотанковых пушек, то есть обеспеченность по исправным орудиям составляла 120 %.

Из имевшихся 14 791 45-мм противотанковой пушки 7682 пушки были обр. 1932 г. (заводской индекс 19К), а 7255 — обр. 1937 г. (заводской индекс 53К)[3]. Баллистика обеих пушек была одинакова. Основное различие — это введение подрессоривания в пушках обр. 1937 г., что позволило увеличить максимальную скорость возки по шоссе с 25 км/ч до 50–60 км/ч.

По штатам военного времени, введенным в апреле 1941 г., в стрелковых и мотострелковых дивизиях было положено иметь 45-мм противотанковых пушек 54, а в моторизованных дивизиях — 30.

Следует заметить, что по другому, тоже засекреченному источнику, к началу Великой Отечественной войны в РККА состояло 45-мм противотанковых пушек обр. 1932 г. и обр. 1934 г. — 15 468 и в ВМФ — 214, итого 15 682 пушки. На мой взгляд, разница в 891 орудие в обоих источниках связана с различиями в методике подсчета, как, например, в какой стадии приемки орудия от промышленности оно засчитывалось. Очень часто справка о состоянии матчасти артиллерии составлялась по отчетам военных округов, зачастую сделанным несколькими неделями ранее.

Большие проблемы для историка создали советские и германские генералы, которые с завидным упрямством старались не помещать в своих отчетах сведения об использовании трофейных орудий. Обычно их или включали в число штатных германских или, соответственно, советских орудий, или же вообще информация о них выкидывалась.

К 22 июня 1941 г. на учете ГАУ малосерийных и трофейных противотанковых пушек состояло сравнительно немного. Это — около пятисот 37-мм противотанковых пушек обр. 1930 г. (1К). В 1939 г. было захвачено свыше 900 орудий бывшей польской армии. Из них по крайней мере треть составляли 37-мм противотанковые пушки обр. 1936 г.

Я не располагаю данными о наличии в частях РККА 37-мм польских противотанковых пушек к 22 июня 1941 г. Но позже они активно использовались. Во всяком случае, ГАУ дважды, в 1941 г. и в 1942 г., издавало «Таблицы стрельбы» для 37-мм противотанковой пушки обр. 1936 г.

Наконец, в армиях Эстонии, Латвии и Литвы, которые после

основательной чистки офицерского и унтер-офицерского состава влились в Красную Армию, имелось 1200 орудий, из которых около трети приходилось на противотанковые пушки.

Немцы с 1938 г. до июня 1941 г. захватили около 5 тысяч противотанковых пушек в Чехословакии, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции, Югославии и Греции. Большая часть этих орудий была использована в береговой обороне, укрепленных районах (УРах), а также передана союзникам Германии.

Наиболее мощными среди этих орудий были 47-мм противотанковые пушки. Так, в 1940 г. во Франции было захвачено большое число 47-мм противотанковых пушек обр. 1937 г. системы Шнейдера. Немцы присвоили им название 4,7-см Pak 181(f). Всего немцы использовали 823 французские 47-мм противотанковые пушки.

Ствол пушки — моноблок. Затвор полуавтоматический вертикальный клиновой. Пушка имела подрессоренный ход и металлические колеса с резиновыми шинами. В боекомплект пушек, отправленных на Восточный фронт, немцы ввели германские бронебойные подкалиберные снаряды обр. 40, что значительно увеличило эффективность борьбы с танками Т-34. Несколько десятков 4,7-см пушек Pak 181(f) немцы установили на шасси французских танков «Рено» R-35.

Наиболее эффективной из трофейных легких противотанковых пушек оказалась 47-мм чехословацкая пушка обр. 1936 г., получившая у немцев название 4,7-см Pak 36(t), а ее модификацию именовали просто 4,7-см Pak(t). Характерным отличием пушки был дульный тормоз. Затвор пушки клиновой полуавтоматический, тормоз отката гидравлический, накатник пружинный. Орудие имело несколько необычную для своего времени конструкцию — для транспортировки ствол разворачивался на 180° и крепился к станинам. Для более компактной укладки можно было сложить и обе станины. Колесный ход пушки подрессорен, колеса металлические с резиновыми шинами. В 1941 г. немцы ввели в боекомплект пушки бронебойный подкалиберный снаряд обр. 40.

С мая 1941 г. 4,7-см чехословацкие пушки стали устанавливаться на французские танки R-35.

В 1939 г. в Чехословакии было изготовлено 200 4,7-см Pak 36(t), а в 1940 г. — еще 73, на чем производство их прекратилось. Но в том же 1940 г. было начато производство модификации пушки обр. 1936 г. — 4,7-см Pak (t). В 1940 г. изготовили 95 этих пушек, в 1941 г. — 51 и в 1942 г. — 68. Пушки для колесного шасси назывались 4,7-см Pak (t)(Kzg.), а для самоходных установок — 4,7-см Pak (t)(Sf.).

Было также налажено массовое производство боеприпасов к 4,7-см чехословацким орудиям. Так, в 1939 г. выпущено 214,8 тысячи выстрелов, в 1940 г. — 358,2 тысячи, в 1941 г. — 387,5 тысячи, в 1942 г. — 441,5 тысячи и в 1943 г. — 229,9 тысячи выстрелов.

К моменту вхождения Австрии в состав Рейха австрийская армия располагала 357 47-мм противотанковыми пушками М. 35/36, созданными фирмой «Бёлер» («Böhler»). (В ряде документов эта пушка именовалась пехотной.) В вермахте использовалось 330 таких орудий, получивших обозначение 4,7-см Pak 35/36(ö). Длина ствола орудия составляла 1680 мм, то есть 35,7 калибра. Угол вертикального наведения пушки от -10° до +55°, угол горизонтального наведения 45°. Вес орудия 277 кг. В боекомплект пушки входили осколочный и бронебойный снаряды. При весе снаряда 1,45 кг начальная скорость составляла 630 м/с. Вес патрона 3,8 кг.

В сентябре 1940 г. производство пушек 4,7-см Pak 35/36(ц) было возобновлено, и до конца года изготовили 150 орудий. В феврале 1941 г. почти всю партию продали Италии. Позже часть этих орудий немцы отобрали у итальянцев в Северной Африке и использовали против союзников. Любопытно, что орудиям, отобранным у «макаронников», немцы присвоили название 4,7-см Pak 177(i).

Как видим, в противотанковой артиллерии у обеих сторон к 22 июня 1941 г. наблюдалось количественное и качественное равенство. Штатных противотанковых пушек — 14 459 у немцев и 14 791 у русских. Советские 45-мм противотанковые пушки могли успешно действовать против всех танков германского производства, а 3,7-см германские противотанковые пушки — против всех советских танков, кроме КВ и Т-34.

Знали ли немцы о создании в СССР толстобронных танков? Можно однозначно ответить, что не только офицеры и генералитет вермахта были поражены, встретив наши КВ и Т-34, стрельба по которым из 3,7-см противотанковых пушек была абсолютно бесполезна.

Существует версия, что германская разведка предоставила Гитлеру данные о масштабах производства и тактико-технических характеристиках советских толстобронных танков. Однако фюрер категорически запретил передавать эту информацию даже руководству вермахта.

На мой взгляд, эта версия достаточно убедительна. Скрыть от германской разведки наличие сотен КВ и Т-34 в приграничных округах (на 22 июня 1941 г. там имелось 463 танка КВ и 824 танка Т-34) было физически невозможно.

А что у немцев было в резерве?

Проектирование 5-см противотанковых пушек Pak 38 фирма

«Рейнметалл» начала в 1935 г. Однако из-за ряда технических и организационных трудностей первые две пушки поступили в войска только в начале 1940 г. В боевых действиях во Франции принять участие они не успели. К 1 июля 1940 г. в частях было 17 противотанковых пушек калибра 5 см. Крупносерийное производство их наладили лишь в конце 1940 г., и к 1 июня 1941 г. в частях было уже 1047 5-см противотанковых пушек.

Пушки 5-см Pak 38 при удачном попадании могли подбить танк Т-34, но против танков КВ они были малоэффективны. Пушки несли большие потери. Так, только за три месяца (с 1 декабря 1941 г. по 28 февраля 1942 г.) на Восточном фронте было потеряно 269 5-см пушек.

В 1936 г. фирма «Рейнметалл» начала проектирование 7,5-см противотанковой пушки, получившей название 7,5-см Pak 40. Однако первые 15 орудий вермахт получил только в феврале 1942 г. В боекомплекте пушки имелись как калиберные бронебойные, так и подкалиберные и кумулятивные снаряды. До 1942 г. это было довольно эффективное противотанковое орудие, способное бороться как с танками Т-34, так и с КВ.

Еще в 1930-х гг. немцы вели разработку противотанковых пушек с коническим каналом ствола, которые, безусловно, являлись шедевром инженерной мысли. Их стволы состояли из нескольких чередующихся конических и цилиндрических участков. Снаряды имели специальную конструкцию ведущей части, допускающую уменьшение ее диаметра по мере продвижения снаряда по каналу. Таким образом обеспечивалось наиболее полное использование давления пороховых газов на дно снаряда за счет уменьшения площади поперечного сечения снаряда. Впервые патент на ружье с коническим каналом ствола в 1903 г. получил немец Карл Руфф.

Летом 1940 г. была запущена в производство первая в мире серийная пушка с коническим каналом ствола. Немцы именовали ее тяжелым противотанковым ружьем s.Pz.B.41. Ствол имел в начале канала калибр 28 мм, а у дула — 20 мм. Ружьем система называлась по соображениям бюрократического характера, на самом деле это была классическая противотанковая пушка с противооткатными устройствами и с колесным ходом, и я буду называть ее противотанковой пушкой. Вес пушки в боевом положении составлял всего 229 кг.

В боекомплект входили подкалиберный снаряд с вольфрамовым сердечником и осколочный снаряд. Вместо медных поясков, применяемых в классических снарядах, оба снаряда имели по два центрирующих кольцевых выступа из мягкого железа. При выстреле выступы сминались и

врезались в нарезы канала ствола. За время прохождения всего пути снаряда по каналу диаметр кольцевых выступов уменьшался от 28 до 20 мм. Осколочный снаряд имел очень слабое поражающее действие.

Подкалиберный снаряд под углом 30° к нормали на дистанции 100 м пробивал 52-мм броню, на дистанции 300 м — 46-мм, на дистанции 500 м — 40-мм.

В 1941 г. на вооружение была принята 4,2-см противотанковая пушка обр. 41 (4,2-см Pak 41) фирмы «Рейнметалл» с коническим каналом ствола. Начальный диаметр его был 40,3 мм, конечный — 29 мм. Пушка устанавливалась на лафет от 3,7-см противотанковой пушки Pak 35/36. В боекомплект пушки вошли подкалиберный и осколочный снаряды. В 1941 г. изготовлено 27 4,2-см пушек обр. 41, а в 1942 г. — еще 286.

На дистанции 457 м ее подкалиберный снаряд пробивал 87-мм броню по нормали и 72-мм броню — под углом 30°.

Самой мощной серийной противотанковой пушкой с коническим каналом стала 7,5-см Pak 41. Проектирование ее было начато фирмой Круппа еще в 1939 г. В апреле — мае 1942 г. фирма Круппа выпустила партию из 150 изделий, на чем производство их и прекратилось.

Пушка 7,5-см Pak 41 неплохо показала себя в боевых условиях. На дистанции до 500 м она успешно поражала все типы тяжелых танков. Однако из-за технологических трудностей, связанных с производством пушки и снарядов, массовое производство пушки налажено не было.

Если германская разведка утаила от своих генералов сведения о наших толстобронных танках, то советская разведка до смерти напугала генералов и вождей вражьими «суперпанцерами». Советская разведка в 1940 г. получила «достоверные сведения» о том, что-де в Германии не только созданы, но и запущены в серийное производство супертанки со сверхтолстой броней и сверхмощной пушкой. При этом назывались астрономические величины.

Обобщив все эти данные, Разведуправление Генштаба РККА 11 марта 1941 г. представило «наверх» спецсообщение № 316. О тяжелых танках вермахта там говорилось следующее: «По сведениям, требующим дополнительной проверки, немцы начинают строить три образца тяжелых танков.

Марка танка	Вес	Вооружение	Броня
Тип V	36 т	1 — 75-мм пушка и 2 пулемета	До 60 мм
Тип VI	45 т	1 — 75-мм пушка, 1 — 20-мм пушка и 3 пулемета	До 70 мм
Тип VII	90 т	1 — 105-мм пушка, 1 — 20-мм пушка и 4 пулемета	—

Кроме того, на заводах Рено производится ремонт 72-тонных французских танков, участвовавших в войне на западе.

По сведениям, поступившим в марте мес. с.г. и требующим проверки, на заводах Шкода и Круппа ставится производство 60 и 80 т танков»[4].

Как видим, в Генштабе сидели умные ребята — анализировать и перепроверять германскую «дезу» не стали, а лишь подстраховались: «По сведениям требуется проверка».

Что же было на самом деле? Да, в Германии велись опытно-конструкторские работы по созданию тяжелых танков и даже изготовили несколько прототипов тяжелых танков VK-6501 и VK-3001 (оба фирмы «Хеншель и сын»). Но это были фактически макетные образцы шасси. Не было сделано даже опытных образцов пушек для тяжелых танков. Самыми мощными танковыми орудиями были 7,5-см пушки KwK 37L24 (чуть лучше нашей 76-мм пушки обр. 1927/32 г. и куда хуже Ф-32 и Ф-34).

Ну, кроме того, на полигоне в Куммерсдорфе проводились испытания французских танков с противоснарядной броней. Вот и всё! А дальше шла великолепная дезинформация абвера. Когда и как на нее клюнули наши разведчики, мы, видимо, никогда не узнаем — в Ясенево независимым историкам вход закрыт.

Напуганное руководство потребовало срочно создать мощные танковые и противотанковые орудия. В 1940 г. В. Г. Грабин представил проект 107-мм танковой пушки Ф-42, а затем еще более мощной 107-мм танковой пушки ЗИС-6.

Одновременно Грабин создает и мощную противотанковую пушку. В мае 1940 г. он приступил к проектированию 57-мм противотанковой пушки Ф-31.

Для нее был принят бронебойный снаряд весом 3,14 кг, начальная скорость предполагалась 1000 м/с. Гильзу решили использовать от 76-мм дивизионной пушки с переобжатием дульца гильзы с калибра 76 мм на 57 мм. Гильза, таким образом, почти полностью унифицировалась.

В октябре 1940 г. на заводе № 92 был закончен опытный образец Ф-31, и Грабин приступил к его заводским испытаниям.

Где-то в начале 1941 г. у новой 57-мм ПТП заводской индекс Ф-31 был заменен на ЗИС-2. Это было связано с присвоением заводу № 92 имени Сталина.

В начале 1941 г. пушка ЗИС-2 была принята на вооружение под наименованием «57-мм противотанковая пушка обр. 1941 г.».

Интересно, что параллельно с ЗИС-2 Грабин создавал еще более мощную 57-мм ПТП ЗИС-1КВ. Ее проектирование было закончено в декабре 1940 г. Пушка ЗИС-1КВ была спроектирована под начальную скорость 1150 м/с для калиберного снаряда весом 3,14 кг. Длина ствола была увеличена до 86 калибра, то есть до 4902 м. Лафет, верхний станок и прицел для ЗИС-1КВ были взяты от 76-мм дивизионной пушки Ф-22УСВ.

Хотя Грабин и попытался облегчить вес конструкции лафета, вес новой 57-мм ПТП оказался на 30 кг больше веса дивизионки Ф-22УСВ (около 1650 кг). В январе 1941 г. был закончен опытный образец ЗИС-1КВ, прошедший полигонные испытания в феврале — мае 1941 г. Разумеется, при такой баллистике живучесть пушки оказалась низкой. Сам Грабин в книге «Оружие победы» писал, что после 40 выстрелов начальная скорость резко падала и кучность становилась неудовлетворительной, а после 50 выстрелов ствол пришел в такое состояние, что снаряд не получал «закрутки» в канале ствола и летел кувыркаясь. Этот эксперимент обозначил границы возможностей 57-мм противотанковых пушек.

Следует отметить, что Грабин несколько упрощает ситуацию, на самом деле с живучестью ЗИС-1КВ дела были не так уж плохи. А дальнейшие работы по ней были остановлены в связи с началом валового производства ЗИС-2.

Валовое производство ЗИС-2 началось 1 июня 1941 г. и было приостановлено 1 декабря 1941 г. За это время изготовили 371 пушку.

В заключение стоит сказать пару слов о ротных противотанковых пушках, о которых не знают или не хотят говорить наши официальные военные историки. Дело в том, что с 1935 г. по 1941 г. в СССР проходили испытания несколько образцов ротных противотанковых пушек. Для стрельбы из них использовались патроны от штатных пушек — 20-мм зенитной пушки обр. 1930 г., 20-мм авиационной пушки ШВАК — и новый 25-мм патрон.

Под патрон обр. 1930 г. В. Владимиров и М. Н. Биг сконструировали 20-мм противотанковую пушку ИНЗ-10 обр. 1936 г. (в документации ее иногда называли «20-мм ротное противотанковое ружье»). Один из образцов был на сошках, другой — на колесном лафете. Пушка была полуавтоматической. Полуавтоматика действовала за счет энергии отката.

Ствол пушки подвижный. Пять патронов помещались в надствольном коробчатом магазине. Вертикальное и горизонтальное наведение производилось плечевым прикладом. Щита не было. Колеса мотоциклетные велосипедного типа с пневматическими шинами. Вес системы в боевом положении на сошках — 50 кг, на колесах — 83,3 км.

Под патрон ШВАК в 1936 г. была создана 20-мм ПТП ЦКБСВ-51 системы С. А. Коровина. Опытный образец был изготовлен в Туле. Полуавтоматика работала на принципе отвода газов. Ствол неподвижно закреплен в кожухе. Затвор перекашивающийся, по типу «Кольт». Питание производилось из однорядного магазина емкостью 5 патронов. Пушка имела мощный дульный тормоз системы Слухоцкого. Пушка была установлена на треноге с сошниками (всего 5 опор). Вес системы в боевом положении 47,2 кг.

4 марта 1936 г. на рассмотрение Главного артиллерийского управления от артиллерийских инженеров Михно и Цырульникова поступил проект 25-мм самозарядной ротной противотанковой пушки МЦ.

Согласно этому проекту, ПТП имела ствол с дульным тормозом. Автоматика с «длинным ходом ствола». Затвор поршневой. Емкость съемного магазина 5 патронов. Патрон специальный. Лафет состоял из хода, нижнего станка, верхнего станка и двух трубчатых станин, раздвигающихся на угол 60°. Вертикальное и горизонтальное наведение осуществлялось плечевым упором. Накатник пружинный. Колеса с шинами велосипедного типа. Для переноски вручную система разбиралась на три части. Стрельба могла вестись как с треноги, так и с колес. Вес системы в боевом положении 107,8 кг.

Все эти, а также ряд других проектов в 1936–1940 гг. прошли полигонные испытания, но ни одна из этих пушек не была принята на вооружение, хотя необходимость в таких орудиях была крайне велика.

В конце 1940 г. наши генералы были уверены, что в армии с избытком хватает 45-мм противотанковых пушек, кроме того, планировалось начать производство 57-мм пушек. В итоге Совет Народных Комиссаров не включил в план заказов на 1941 г. 45-мм противотанковые пушки. Однако катастрофических последствий это не имело вопреки мнению ряда историков. Дело в том, что технология изготовления этих орудий на заводах осталась.

Кроме того, на 1941 г. было запланировано изготовление 2664 45-мм танковых пушек обр. 1934 г., тела которых незначительно отличались от противотанковых пушек обр. 1937-го. Благодаря этому с началом войны производство 45-мм противотанковых пушек было быстро восстановлено.

Глава 2
Дивизионные пушки

В вермахте, в отличие от РККА, полковые орудия именовались пехотными, а дивизионные и корпусные — полевыми. Самое любопытное, что у немцев среди пехотных и полевых орудий не было… пушек! Противотанковые и зенитные пушки, естественно, не в счет. Наши и германские генералы имели принципиально различные взгляды на использование полевой артиллерии.

В вермахте все пехотные и полевые орудия должны были иметь возможность вести навесной огонь, для чего обладали большим углом вертикального наведения и выстрелами раздельно-гильзового заряжания. В выстрелах раздельно-гильзового заряжания, меняя число пучков пороха, можно было легко менять начальную скорость и соответственно крутизну траектории снаряда.

В РККА же полагались в основном на настильную стрельбу. Советские полковые орудия не могли вести навесную стрельбу, а из дивизионных и корпусных орудий навесной огонь могли вести 122-мм и 152-мм гаубицы и 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20.

Увы, земля плоская только на картах наших генералов. На самом деле, как это знает любой ребенок, «на природе» — это холмы, гребни высот, овраги, балки, впадины, леса и т. д. А в городе — это дома, заводы, насыпи железных и шоссейных дорог, мосты и т. д. Все эти объекты создают «мертвые зоны» для настильного огня на десятки или даже сотни метров.

Германские конструкторы сделали все, чтобы для их пехотных и полевых орудий практически не было «мертвых зон». Зато наши военные и историки в военно-исторической литературе потешаются над немцами, в отличие от наших конструкторов, мол, те были настолько глупы, что не ввели унитарное заряжание в своих пехотных и полевых орудиях. Да, действительно, унитарное заряжание на первых порах дает выигрыш в скорострельности, но затем предельный темп стрельбы определяется противооткатными устройствами (из-за их нагревания).

Как уже говорилось, в Германии пехотными орудиями назывались полковые орудия. Пехотные орудия делились на легкие — калибра 7,5 см и тяжелые — калибра 15 см. Оба типа пехотных орудий представляли собой своеобразный гибрид пушки, гаубицы и мортиры. Они могли вести как настильную, так и навесную стрельбу. Причем основным видом стрельбы

была навесная.

В германской пехотной дивизии каждый пехотный полк имел роту пехотных орудий в составе шести 7,5-см легких пехотных орудий обр. 18 (le.I.G.18) и двух 15-см тяжелых пехотных орудий обр. 33 (S.I.G.33). С учетом двух легких пехотных орудий в разведывательном батальоне по штату пехотная дивизия вермахта располагала 20 легкими и 6 тяжелыми пехотными орудиями.

7,5-см легкое пехотное орудие обр. 18 (7,5-см le.I.G.18) было создано в 1927 г. фирмой «Рейнметалл». В войска орудие начало поступать в 1932 г. Первоначально орудия изготавливались с деревянными колесами, а затем — с дисковыми металлическими.

Орудие могло перевозиться как с передком, так и без передка. В последнем случае оно возилось в одноконной упряжке, а на поле боя — силами орудийного расчета на лямках. При необходимости орудие разбиралось на пять частей и могло транспортироваться на вьюках.

В отечественной военно-исторической литературе, как официальной, так и любительской, принято давать сравнение германского легкого пехотного орудия с советской 76-мм полковой пушкой обр. 1927 г. в качестве превосходства отечественных артиллерийских систем над вражескими. В самом деле, наша «полковушка» стреляла штатным осколочно-фугасным снарядом на 6700 м, а облегченным снарядом ОФ-343 аж на 7700 м, а германское легкое пехотное орудие стреляло ими на 3550 м. Но никто не задает себе вопроса, нужна ли дальность стрельбы 6–7 км орудию, предназначенному для непосредственной артиллерийской поддержки пехотного батальона, в крайнем случае полка. Я уж не говорю о том, что указанная дальность стрельбы из пушки обр. 1927 г. могла получиться лишь при угле возвышения в 40°. А придать ей такой угол возвышения действием подъемного механизма было нельзя, он давал максимум 24–25°. Теоретически можно было вырыть ровик под хоботом и стрелять на полную дальность.

А вот легкое пехотное орудие могло вести огонь под углом до 75°. Кроме того, легкое пехотное орудие имело раздельно-гильзовое заряжание. Заряд орудия был переменный. На самом малом заряде № 1[5] начальная скорость снаряда составляла всего 92–95 м/с, а максимальная дальность стрельбы была всего 25 м, то есть орудие могло стрелять у кирпичной стенки или около хаты и поражать цели непосредственно за препятствием. Никакие бугры, овраги и другие препятствия не могли служить укрытием врагу от навесного огня германских легких и тяжелых пехотных орудий.

А советская 76-мм пушка обр. 1927 г. была реликтом начала XX века и

предназначалась исключительно для настильной стрельбы. Фактически пушки обр. 1927 г. представляли собой облегченный вариант 76-мм дивизионной пушки обр. 1902 г. с ухудшенной баллистикой. Недаром до войны ее основным снарядом была шрапнель. У легкого же пехотного орудия шрапнели в боекомплекте вообще не было. Следует заметить, что в начале 1930-х гг. некоторые наши артиллеристы попытались дать возможность пушке обр. 1927 г. вести хоть какую-то навесную стрельбу и для этого предложили перейти на раздельно-гильзовое заряжание. Но руководство Главного артиллерийского управления отвергло это предложение, и в войну пушки обр. 1927 г. стреляли унитарными патронами.

Заканчивая сравнение обоих полковых орудий, замечу, что пушка обр. 1927 г. имела вес в боевом положении на металлических колесах 903 кг, а легкое пехотное орудие — 400–440 кг. Писать умнику легко, а пусть он покатает обе системы вручную на поле боя.

Для стрельбы по танкам в конце 1941 — начале 1942 г. в боекомплект легкого пехотного орудия был введен кумулятивный осколочный снаряд обр. 38 (7,5-см Igr.38). Любопытно, что в советском закрытом издании 1947 г. этот снаряд был назван фугасным, что дало повод умникам утверждать, что-де немцы создали специальный фугасный снаряд обр. 1938 г. для стрельбы по танкам.

Несколько позже, в 1942 г., в части поступил и более мощный кумулятивный снаряд обр. 38 H1/A с большей бронепробиваемостью. Причем этот снаряд в большинстве случаев подавался в унитарном патроне.

В 1927 г. фирмой «Рейнметалл» было создано 15-см тяжелое пехотное орудие. В войска оно начало поступать в 1933 г. под названием 15-см s.I.G.33.

В ходе войны 15-см s.I.G.33 легко разрушало полевые фортификационные сооружения противника. Его фугасные снаряды проникали под укрытия толщиной до трех метров из земли и бревен.

Станок орудия однобрусный коробчатый. Подрессоривание торсионное. Колеса из алюминиевого сплава, у орудий, возимых конной тягой, имели железную шину. При возке мехтягой на колеса надевали сплошные резиновые шины.

15-см тяжелое пехотное орудие могло действовать и как сверхтяжелый миномет. Для этого в 1941 г. был разработан мощный надкалиберный снаряд (мина) весом 90 кг, содержавший 54 кг амматола. Для сравнения: мина Ф-364 советского 240-мм миномета «Тюльпан» содержит 31,9 кг

взрывчатого вещества. Но в отличие от миномета тяжелое пехотное орудие могло стрелять надкалиберным снарядом и прямой наводкой по дотам, домам и другим целям.

Для борьбы с танками в конце 1941 г. — начале 1942 г. в боекомплект тяжелого пехотного орудия были введены кумулятивные снаряды, прожигавшие по нормали броню толщиной не менее 160 мм. Таким образом, на дистанции до 1200 м (табличная дальность стрельбы кумулятивным снарядом) тяжелое пехотное орудие могло эффективно поражать любые типы танков противника.

Лафет тяжелого пехотного орудия был подрессорен, и при возке мехтягой скорость могла достигать 35–40 км/час. На конной тяге орудие с передком перевозилось шестеркой лошадей.

К 1 июня 1941 г. в вермахте было 4176 легких пехотных орудий и 7956 тысяч снарядов к ним и 867 тяжелых пехотных орудий и 1264 тысячи снарядов к ним.

А теперь перейдем к артиллерии дивизий Красной Армии. Согласно штату стрелковых и мотострелковых дивизий военного времени от 5 апреля 1941 г., в каждом артиллерийском полку должна была быть 6-орудийная батарея 76-мм пушек обр. 1927 г.

По предвоенным штатам 4 пушки обр. 1927 г. должны были иметь полки моторизованной, кавалерийской и танковой дивизий.

К началу войны в РККА имелось 4768 76-мм полковых пушек обр. 1927 г. Еще 120 таких пушек было в ВМФ. Кроме того, в ВМФ имелась 61 76-мм короткая пушка обр. 1913 г. Замечу, что 76-мм пушка обр. 1927 г. была создана на базе короткой пушки обр. 1913 г. В конце 1930-х гг. все оставшиеся пушки обр. 1913 г. были переданы ВМФ.

Ну а теперь перейдем к дивизионной и корпусной артиллерии. В отличие от немцев красные командиры по-прежнему считали основным орудием полевой артиллерии 76-мм дивизионную пушку. Идея «триединства», то есть один калибр, одна пушка, один снаряд, возникла где-то в начале 90-х гг. XIX века.

С подачи французских генералов оную идею с воодушевлением приняли в русском Военном ведомстве. И вот в 1900 г. принята на вооружение 76-мм (3-дюймовая) пушка обр. 1900 г., а 3 марта 1903 г. была принята на вооружение знаменитая «трехдюймовка» — 76-мм пушка обр. 1902 г., отличавшаяся от обр. 1900 г. системой лафета и отсутствием цапф на теле ствола. К ней полагался единый боеприпас — 76-мм шрапнель.

Трехдюймовка стала чудо-орудием, «косой смерти», как ее величали наши генералы. Батарея пушек обр. 1902 г. могла буквально выкосить

шрапнелью целый пехотный батальон противника за 30-секундный артналет.

Пушка действительно могла решать все задачи в войне против противника, действовавшего в соответствии с тактикой времен наполеоновских войн. По пехоте, засевшей в окопах, оврагах, домах (даже деревянных!), действие шрапнели было неэффективно.

Уже Русско-японская война 1904–1905 гг. показала полную бредовость теории «триединства».

В 1907 г. в боекомплект 76-мм пушки была введена осколочно-фугасная граната, а в последующие годы в России началось производство 122-мм и 152-мм полевых гаубиц обр. 1909 г. и 1910 г.

Гражданская война была маневренной войной и имела ряд специфических моментов, отсутствовавших в иных войнах. Применение 76-мм шрапнели и осколочно-фугасных снарядов оказалось в ней достаточно эффективно. В 1918–1920 гг. «трехдюймовка» была основным орудием артиллерии красных, белых и националистических формирований.

В конце 1920-х гг. снабжением РККА артиллерией ведали малокомпетентные, но крайне амбициозные люди — Тухачевский, Павлуновский и К°.

Они решили увеличить дальность дивизионных орудий, не увеличивая калибра орудий и даже оставив в неприкосновенности гильзу 76-мм пушки обр. 1900 г. Как говорится, и рыбку съесть, и не уколоться. А ведь очевидная вещь — увеличь калибр, и не только возрастет дальность стрельбы, но и в кубе возрастет вес взрывчатки в снаряде.

А как увеличить дальность стрельбы, не изменяя калибра и гильзы? Ну, гильза рассчитана с запасом, и можно всунуть больший заряд, не 0,9 кг, а 1,08 кг, больше никак не поместится. Далее можно улучшить аэродинамическую форму снаряда, и это сделали. Можно увеличить угол возвышения орудия. Так, граната весом 6,5 кг при начальной скорости 588 м/с летела на 6200 м при угле +16°, а при угле +30° — на 8540 м. Но при дальнейшем увеличении угла возвышения дальность почти не увеличивалась, так, при +40° дальность составляла 8760 м, то есть увеличивалась всего на 220 м, при этом резко увеличивалось среднее отклонение снаряда (по дальности и боковое). Наконец, последним средством было увеличение длины ствола с 30 до 40 и даже до 50 калибров. Дальность возрастала незначительно, зато увеличивался вес пушки, а главное, резко ухудшалась маневренность и проходимость.

Ну, использовав все упомянутые средства, добились при стрельбе гранатой «дальнобойной формы» под углом 45° из ствола в 50 калибров

дальности 14 км. А что проку? Наблюдение разрывов 76-мм слабых гранат на такой дистанции наземному наблюдателю невозможно. Даже с самолета с высоты 3–4 км разрывов 76-мм гранат не видно, а спускаться ниже разведчику считалось опасным из-за зенитного огня. И конечно, огромное рассеивание, да еще маломощных снарядов.

Тут уместно сказать о грандиозной затее создания сверхдальнобойных снарядов. Нашлось несколько десятков умников, предложивших увеличить дальнобойность дивизионной, корпусной и даже морской артиллерии за счет введения так называемых беспоясковых снарядов — полигональных[6], подкалиберных[7], нарезных[8], а также их различных комбинаций.

В результате на всех полигонах Союза грохотали многие десятки орудий калибра от 76 до 368 мм, стрелявших оными снарядами. Об этой грандиозной авантюре я рассказал еще в 2003 г. в книге «Тайны русской артиллерии».

Здесь же я только скажу, что десятки типов полигональных, подкалиберных и нарезных снарядов были испытаны в России с 1858 по 1875 г. Отчеты об их испытаниях с перечнем недостатков и с изложением причин, по которым они не были приняты на вооружение, можно прочитать в «Артиллерийском журнале» за 1860–1876 гг., а также в делах военно-исторических архивов.

Один довольно грамотный артиллерист в 1938 г. составил выжимки из отчетов об испытаниях беспоясковых снарядов в СССР в 1923–1937 гг. и отправил их анализ в ГАУ, а копию анализа — в НКВД. Чем закончились приключения любителей сверхдальней стрельбы, предугадать нетрудно.

Так что стрелять из 76-мм пушек пришлось лишь обычными поясковыми снарядами. Удалось лишь улучшить их аэродинамику, введя снаряд обр. 1928 г. В 1930 г. была произведена модернизация 76-мм пушки обр. 1902 г. Основными изменениями стали удлинение ствола с 30 до 40 калибров и увеличение угла вертикального наведения с 16°40′ до 37°, что позволило увеличить дальность стрельбы дальнобойной гранатой (ОФ-350) до 13 км. Замечу, что увеличение длины ствола на 10 калибров дало выигрыш всего в 1 км. Модернизированная пушка стала именоваться «обр. 1902/30 г.».

Затем решили довести длину ствола до 50 калибров. Первой такой пушкой стала 76-мм обр. 1933 г., а затем — пушка Грабина Ф-22 (обр. 1936 г.). Угол возвышения у нее был доведен до 75°, чтобы из дивизионной пушки можно было вести зенитный огонь.

Понятно, что эффективность стрельбы из Ф-22 по самолетам конца

1930-х — начала 1940-х гг. стремилась к нулю.

С устранением Тухачевского, Павлуновского, а также большей части членов ГАУ появились идеи увеличения калибра дивизионных пушек. Уже во второй половине 1937 г. известные конструкторы Сидоренко и Грабин предложили создать дуплекс — 95-мм дивизионную пушку и 122-мм гаубицу на едином лафете. Грабин на заводе № 92 создал систему из 95-мм пушки Ф-28 и 122-мм гаубицы Ф-25. Аналогичный комплекс из 95-мм пушки У-4 и 122-мм гаубицы У-2 был создан на УЗТМ.

Обе системы были достаточно эффективны и могли сыграть важную роль в войне. Но на Руси народ и вождей всегда заносит. То 40 лет наши генералы, как дети за подол матери, держались за 76-мм калибр, а потом их понесло — да что такое 95 мм, подавай калибр 107 мм. На беду из Чехословакии поступила к нам на испытания 105-мм пушка «ОДЧ» (особой доставки чешская). Начальству она понравилась, да плюс еще слухи о толстобронных германских танках, о которых упоминалось ранее.

Вопрос о назначении проектировавшихся в 1938–1941 гг. 107-мм пушек до сих пор во многом неясен. В те годы их именовали то корпусными, то дивизионными, а иногда дипломатично — полевыми. Дело в том, что в корпусной артиллерии уже была 122-мм пушка А-19, которой, как говорится, 107-мм пушка и в подметки не годилась. А с другой стороны, четырехтонные 107-мм пушки были слишком тяжелы для дивизии.

В 1960-х гг. некий стратег в своих мемуарах писал, что Сталин на совещании перепутал 107-мм пушки обр. 1910 г. и новую пушку М-60. Но это лишь анекдот, характеризующий умственный уровень стратега.

Так или иначе, но 5 октября 1938 г. ГАУ выслало на завод № 172 (г. Пермь) «Тактико-технические требования» (ТТТ) на разработку новой 107-мм пушки. По этим ТТТ завод № 172 разработал проект 107-мм пушки в 4 вариантах: два варианта имели одинаковый заводской индекс М-60, остальные два — индексы М-25 и М-45. Пушки М-25 представляли собой наложение 107-мм ствола на лафет 152-мм гаубицы М-10. Затвор у всех четырех вариантов был взят от 122-мм гаубицы обр. 1910/30 г. Пушки М-25 и М-45 были несколько тяжелее и выше М-60. Вес в походном положении 4050 и 4250 кг против 3900 кг, и высота минимальная 1295 мм против 1235 мм. Зато М-25 и М-45 имели больший угол возвышения — +65° против +45°.

Опытные образцы пушек М-25 и М-45 прошли заводские испытания на Мотовилихинском полигоне. Тем не менее по неясным причинам ГАУ не захотело иметь дуплекс — 107-мм пушку и 152-мм гаубицу на одном

лафете и предпочло М-60.

Серийное производство М-60 было поручено новому артиллерийскому заводу № 352 в городе Новочеркасске. В 1940 г. завод № 352 изготовил опытную серию в 24 пушки, а в 1941 г. — 103 пушки. На этом работы над М-60 были закончены. В 1941–1942 гг. особой нужды в ней не было, а Новочеркасск захватили немцы.

В. Г. Грабин, при всех своих достоинствах конструктора, был большим конъюнктурщиком. Он практически свернул работы по дуплексу 95/122-мм — Ф-28/Ф-25 и в 1940–1941 гг. спроектировал 107-мм пушки ЗИС-24 и ЗИС-28.

107-мм пушка ЗИС-24 была скорее не полевая, а противотанковая. На лафет 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 наложили длинный ствол (в 73,5 калибра). Пушка имела огромную начальную скорость для калиберного снаряда — 1013 м/с. Изготовили опытный образец, на чем работы и прекратились.

Проект 107-мм дивизионной пушки ЗИС-28 был выполнен в мае — июне 1941 г. в инициативном порядке. Система спроектирована на базе М-60 и отличалась от нее качающейся частью с длиной ствола 48,6 калибра. Баллистика пушки взята от танковой пушки ЗИС-6, начальная скорость снаряда 830 м/с. В связи с началом войны работы по изготовлению опытного обр. ЗИС-28 прекратились.

Ну а пока создавались 95-мм и 107-мм дивизионные пушки, руководство ГАУ решило подстраховаться и параллельно работало над 76-мм дивизионками, вернувшись к длине ствола в 40 калибров и с уменьшением угла возвышения до 45°. Фактически это был шаг назад.

76-мм пушка УСВ конструкции Грабина была принята на вооружение 22 сентября 1939 г. под наименованием «76-мм дивизионная пушка обр. 1939 г.».

К началу Великой Отечественной войны на вооружении РККА состояло 8521 76-мм дивизионных пушек. Из них 1170 — обр. 1939 г. (УСВ), 2874 — обр. 1936 г. (Ф-22) и 4447 — обр. 1902/30 г. Причем среди последних большинство было снабжено стволом длиной 40 калибров, но у части остались и старые стволы в 30 калибров.

Кроме этого, на складах имелось еще несколько типов орудий, в том числе непеределанные 76-мм пушки обр. 1902 г. и 1900 г., 76-мм пушки обр. 1902/26 г., то есть старые русские «трехдюймовки», переделанные в Польше, 75-мм французские пушки обр. 1897 г. и др.

Как уже говорилось, германская армия не имела штатных дивизионных пушек. Однако во второстепенных (охранных и других)

дивизиях вермахта использовались старые (времен Первой мировой войны) германские пушки. Любопытно, что старая 7,7-см полевая пушка F.K.16 в начале 1930-х гг. получила новые стволы калибра 7,5 см, и в индекс были добавлены буквы n.A (новый образец).

Принципиальным отличием 7,5-см F.K.16.n.A от 76,2-мм советских, 75-мм французских и других дивизионных пушек было наличие раздельно-гильзового, а не унитарного заряжания. Германская пушка имела четыре заряда, что позволяло ей вести навесную стрельбу.

Кроме того, ограниченно использовались трофейные дивизионные пушки калибра 75–80 мм, взятые по всей Европе, — чешские, польские, голландские и т. д. Больше всего (несколько тысяч) немцы захватили французских 75-мм пушек обр. 1897 г., которые в германской армии получили название 7,5-см F.K.231(f).

Глава 3
Дивизионные гаубицы

В наследство от царской армии Красная Армия получила две 122-мм гаубицы — обр. 1909 г. и 1910 г. с почти одинаковыми тактико-техническими характеристиками. А вот конструкции обеих систем имели принципиальные отличия, начиная с клинового затвора у гаубицы обр. 1909 г. и поршневого у гаубицы обр. 1910 г. Да и внешне обе системы имели кардинальные различия.

Какой же был смысл иметь на вооружении две такие разные системы? С военной точки зрения — никакой. Но в 1909–1910 гг. всеми заказами Военного ведомства ведал генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Николаевич. Великий князь, его метресса Матильда Кшесинская, а также франкоязычное правление завода Шнейдера и русскоязычное правление Путиловского завода организовали преступное сообщество. В итоге все принимаемые на вооружение в России артсистемы должны были быть обязательно системы Шнейдера и производиться исключительно во Франции или на единственном в России частном пушечном заводе, то есть Путиловском.

Формально же по-прежнему проводились открытые конкурсы на объявленные Военным ведомством образцы орудий. Пострелять на ГАП приглашались все иностранные и русские заводы. И вот в отсутствие великого князя, отдыхавшего на Лазурном берегу, был принят выигравший конкурс образец 122-мм гаубицы системы Круппа. Его и запустили в производство под названием «122-мм гаубица обр. 1909 г.».

Взбешенный Сергей Николаевич приказывает уже вдогонку принять на вооружение образец фирмы Шнейдера. Так в Российской армии появились две совершенно различные 122-мм гаубицы — обр. 1909 г. и 1910 г.

В 1930 г. на Пермском заводе была произведена модернизация 122-мм гаубицы обр. 1910 г. Главная цель модернизации — увеличение дальности стрельбы. Для этого камора гаубицы была расточена (удлинена) на один калибр. Модернизированная система получила название «122-мм гаубица обр. 1910/30 г.». Пермский завод произвел модернизацию 762 гаубиц обр. 1910 г.

В 1937 г. на том же заводе произвели аналогичную модернизацию и крупповской гаубицы обр. 1909 г. Новый образец получил название «122-

мм гаубица обр. 1909/37 г.».

Независимо от этих модернизаций с 1937 г. обе гаубицы начали снабжаться металлическими колесами с шинами ГК взамен деревянных. Тем не менее замена колес шла медленно. Об этом свидетельствуют жалобы командования Западного особого военного округа (ЗапОВО) в ноябре 1940 г. о наличии значительного числа гаубиц 122-мм обр. 1910/30 г. и 152-мм обр. 1909/30 г. на деревянных колесах.

Любопытно, что 122-мм гаубица обр. 1910/30 г. производилась до самого начала Великой Отечественной войны. Так, в 1938 г. было произведено 711 единиц, в 1939 г. — 1294, в 1940 г. — 1139 и в 1941 г. — 21 такая гаубица.

Новая 122-мм гаубица М-30 была принята на вооружение постановлением Комитета обороны (КО) от 29 сентября 1939 г. под названием «122-мм дивизионная гаубица обр. 1938 г.». Она имела подрессоривание, раздвижные станины и металлические колеса.

Валовое производство М-30 началось лишь в 1940 г., тогда было изготовлено 639 систем.

Всего к началу войны в РККА состояло 8142 122-мм гаубицы. Из них 1563 — М-30, 5690 — обр. 1910/30 г. и 889 — обр. 1909/37 г.

Кроме того, на складах имелось две-три сотни трофейных 100-мм польских гаубиц обр. 1914/1919 г. Они применялись в ходе войны, о чем свидетельствуют «Таблицы стрельбы», изданные для них в 1941 и 1942 гг.

А теперь перейдем к 152-мм гаубицам. От «проклятого царизма» РККА достались две 152-мм гаубицы — полевая обр. 1910 г. и крепостная обр. 1909 г.

Обе гаубицы использовали одинаковые снаряды, а разница в баллистике была невелика — начальная скорость снаряда 335 м/с и дальность 7,8 км у обр. 1910 г. и, соответственно, 381 м/с и 8,7 км у обр. 1909 г., то есть дальность различалась менее чем на 1 км.

Обе системы были, естественно, спроектированы Шнейдером. Принятие на вооружение двух почти одинаковых гаубиц можно объяснить лишь слабоумием царских генералов.

В 1930–1931 гг. на Пермском заводе была проведена модернизация 152-мм гаубицы обр. 1909 г. Основная цель модернизации — увеличение дальности стрельбы. Для этого была удлинена камора, что позволило стрелять новой гранатой ОФ-530 на дальность 9850 км.

Помимо переделки старых гаубиц велось и производство новых гаубиц — обр. 1909/30 г. Так, в 1938 г. было изготовлено 480 единиц, в 1939 г. — 620, в 1940 г. — 294, и последние 10 гаубиц были выпущены в 1941 г.

В 1936–1937 гг. аналогичной модернизации подверглась и 152-мм гаубица обр. 1910 г. Модернизированная гаубица получила название «152-мм гаубица обр. 1910/37 г.». На ее стволах было выбито: «удлиненная камора».

Новые гаубицы обр. 1910/37 г. не изготавливались, а происходила только модернизация старых гаубиц обр. 1910 г.

В 1937 г. у обеих 152-мм гаубиц начали постепенно заменять деревянные колеса на металлические. Делалось это независимо от модернизации.

В 1937 г. начались испытания 152-мм гаубицы М-10, созданной на Пермском заводе. Постановлением КО от 29 сентября 1939 г. гаубица М-10 была принята на вооружение под названием «152-мм дивизионная гаубица обр. 1938 г.».

Однако для дивизионной артиллерии М-10 оказалась слишком тяжелой, а для корпусной — недостаточно мощной. Боевой вес системы превышал 3,6 т, что тогда считалось недопустимым для полевой артиллерии. Тем не менее М-10 была запущена в серийное производство на заводе № 172 в Перми. В 1939 г. завод сдал 4 гаубицы, в 1940 г. — 685.

Всего к началу войны в составе РККА имелось 3768 152-мм гаубиц. Из них 1058 — М-10, 2611 — обр. 1909/30 г. и 99 — обр. 1910/37 г.

Кроме того, в РККА имелись 92 британские 152-мм гаубицы Виккерса, сохранившиеся со времен Первой мировой и Гражданской войн. Дальность стрельбы гаубицы — 9,24 км, вес в боевом положении 3,7 т. Причем 67 152-мм гаубиц Виккерса к началу Великой Отечественной войны находились в ЗапОВО.

В составе РККА было и несколько десятков польских трофейных 155-мм гаубиц обр. 1917 г., для которых в 1941 г. создали «Таблицы стрельбы». В частности, 13 таких гаубиц участвовали в обороне Севастополя в составе 134-го гаубичного полка.

По штатам военного времени в основе советской стрелковой дивизии предполагалось иметь 32 122-мм гаубицы и 12 152-мм гаубиц. В мотострелковой дивизии количество 122-мм гаубиц было сокращено до 24, а в моторизованных дивизиях — до 16. В танковых дивизиях должно было быть по 12 гаубиц обоих калибров.

В вермахте к маю 1940 г. в составе 35 пехотных дивизий 1-й волны был один артиллерийский полк. В составе полка были: 3 легких артиллерийских дивизиона по 3 батареи в каждом (4 легкие полевые гаубицы калибра 10,5 см в каждой батарее), 1 тяжелый артиллерийский дивизион трехбатарейного состава (4 тяжелые полевые гаубицы калибра

10,5 см в каждой батарее). Все эти гаубицы были германского производства.

В моторизованных пехотных дивизиях артиллерийский полк состоял из двух легких артиллерийских дивизионов трехбатарейного состава (4 легкие полевые гаубицы калибра 10,5 см в каждой батарее), одного тяжелого артиллерийского дивизиона трехбатарейного состава (4 тяжелые полевые гаубицы калибра 150 мм в каждой батарее).

Артиллерийский полк танковых дивизий состоял из двух легких артиллерийских дивизионов трехбатарейного состава (в каждой батарее по 4 легкие полевые гаубицы калибра 10,5 см). 1, 2-я и 10-я танковые дивизии имели, кроме того, по одному тяжелому артиллерийскому дивизиону трехбатарейного состава (две батареи тяжелых полевых гаубиц калибра 15 см и одна батарея 10,5-см пушек; в 1-й танковой дивизии — 3 батареи тяжелых полевых гаубиц).

Первая послевоенная 10,5-см легкая полевая гаубица была создана фирмой «Рейнметалл» в 1929 г. В войска гаубица начала поступать в 1935 г., в целях конспирации она получила название «10,5-см легкая полевая гаубица обр. 18» (10,5-см le.F.H.18). Гаубица обр. 18 представляла собой вполне современное орудие с раздвижными коробчатыми станинами, подрессоренным ходом и металлическими колесами. Отличительным признаком гаубицы было расположение противооткатных устройств над и под стволом в обойме люльки.

10,5-см гаубицы обр. 18 и последующих образцов имели самый большой ассортимент выстрелов. В их боекомплектах насчитывалось свыше десятка типов осколочных и осколочно-фугасных снарядов, дымовые, осветительные и бронебойные калиберные снаряды.

10,5-см осколочно-фугасные гранаты имели разлет осколков вперед на 10–15 м и вбок на 30–40 м. Эти снаряды пробивали бетонную стену толщиной 30 см, а кирпичную стену толщиной до 2,1 м.

10,5-см гаубица обр. 18 бронебойным снарядом пробивала на дистанции 500 м при угле 30° от нормали броню толщиной до 50 мм.

Особое место занимали 10,5-см снаряды с отравляющими веществами. В их числе были снаряды типа Kh весом 14,0 кг, ZB весом 13,23 кг, 38 Kh весом 14,85 кг, 40 AB весом 14,0 кг и 39 ZB весом 13,45 кг.

В конце 1941-го или в начале 1942 г. в боекомплект 10,5-см гаубиц для борьбы с танками Т-34 и КВ были введены подкалиберные бронебойные и кумулятивные снаряды. В 1934 г. начались работы по созданию 10,5-см активно-реактивных снарядов. Однако к маю 1945 г. для 10,5-см гаубиц была выпущена лишь небольшая партия активно-реактивных снарядов.

Всего к началу войны вермахт располагал 4845 10,5-см гаубицами обр. 16 и 18. К ним имелось 16 млн осколочно-фугасных снарядов и 214,2 тысячи снарядов, содержащих отравляющие вещества.

В 1926–1930 гг. фирмы Круппа и «Рейнметалл» совместно создали 15-см тяжелую полевую гаубицу. В 1934 г. она начала поступать в войска под названием «15-см s.F.H.18». Такие гаубицы состояли в тяжелых артиллерийских дивизионах артиллерийских полков пехотных дивизий 1-й — 6-й волн, горнострелковых и моторизованных дивизий.

В дивизионе было три батареи по четыре орудия, то есть 12 15-см гаубиц на дивизион. Кроме того, 15-см тяжелые полевые гаубицы входили в состав дивизионов артиллерии РГК. Так, к 1 мая 1940 г. в артиллерии РГК имелся 21 смешанный артиллерийский дивизион, в каждом дивизионе имелось по две батареи 15-см тяжелых гаубиц и по одной батарее 10,5-см пушек, и 41 дивизион тяжелых полевых гаубиц, в каждом дивизионе имелось по три батареи тяжелых полевых гаубиц калибра 15 см.

В боекомплект 15-см гаубицы входили почти два десятка типов снарядов. 15-см осколочно-фугасные снаряды (гранаты) снабжались ударным и механическим дистанционными взрывателями. Оптимальной высотой взрыва дистанционной гранаты была высота 10 м. В этом случае убойные осколки летели вперед на 26 м и в стороны на 60–65 м, назад осколки не летели. При мгновенном же срабатывании головного взрывателя при попадании в грунт убойные осколки летели вперед на 20 м, вбок на 50 м и назад на 6 м.

Осколочно-фугасный снаряд типа 15-см Gr.19 и 19 stg. пробивал по нормали бетонную стену толщиной до 0,45 м, кирпичную стену до 3,05 м, песчаный грунт до 5,5 м, рыхлый грунт до 11 м.

Бетонобойный 15-см снаряд Gr.19 Be пробивал железобетонную стену толщиной 0,4–0,5 м.

Дымовой 15-см снаряд Gr.19 Nb при разрыве образовывал дымовое облако диаметром около 50 м, сохранявшееся при слабом ветре до 40 секунд.

Для борьбы с танками с 1942 г. в боекомплект гаубицы вводятся кумулятивные 15-см снаряды Gr.39 H1, Gr.39 H1/A и Gr.39 Hl/B. 15-см кумулятивные снаряды поражали броню любого тяжелого танка. Бронепробиваемость их составляла 150–200 мм при попадании под углом 45° от нормали. Эффективная дальность стрельбы по танкам (по кучности) кумулятивными и осколочно-фугасными снарядами составляла 1500 м.

Германская 15-см тяжелая полевая гаубица стала первым в мире артиллерийским орудием, в боекомплект которого вошли

активнореактивные снаряды. Работы над активно-реактивными снарядами были начаты в Германии в 1934 г. С помощью таких снарядов конструкторы стремились увеличить дальность стрельбы. Однако немцы столкнулись с рядом трудностей. Так, в активно-реактивных снарядах по сравнению с обычными снарядами уменьшился вес разрывного заряда, ухудшилась кучность стрельбы и т. п. Замечу, что многие эти проблемы не решены и до сих пор. В предвоенные годы на работы по активно-реактивным снарядам немцы затратили около 2,5 млн марок.

Первоначально опыты шли с пушечными снарядами калибра 7,5 см и 10 см. В качестве ракетного топлива использовался черный порох. Однако из-за непрочности шашек этого пороха удовлетворительных результатов получить не удалось.

Лишь в 1938 г. фирме «ДАГ» в городе Дюнеберге удалось создать технологию прессования прочных шашек бездымного пороха и надежную схему воспламенения. В результате испытываемый опытный активно-реактивный снаряд имел дальность стрельбы на 30 % большую по сравнению с обычным снарядом.

В 1939 г. фирмой «Бариф» был разработан 15-см активнореактивный снаряд Rgr.19. Вес снаряда составлял 45,1 кг, длина 804 мм/5,36 калибра. Снаряд содержал 1,6 кг взрывчатого вещества. Дульная скорость снаряда 505 м/с. Дальность стрельбы 18,2 км. После испытаний снаряд был принят на вооружение.

В 1940 г. в Военном арсенале города Бамберга было изготовлено 60 тысяч активно-реактивных снарядов 15-см Rgr.19. Все они были направлены в Африканский корпус.

В 1941–1944 гг. фирмы «Рейнметалл» и Круппа выпустили небольшую партию улучшенных активно-реактивных снарядов 15-см Rgr.19/40 с дальностью стрельбы 19 км. Широкого распространения эти снаряды не получили из-за плохой кучности стрельбы и малой прочности снарядов. Отклонения по дальности при стрельбе на 19 км составляли до 1250 м.

В 1944–1945 гг. для 15-см гаубицы было создано несколько образцов осколочно-фугасных оперенных снарядов. Длинный 70-килограммовый снаряд выстреливался нормально из гаубицы, но за счет наличия в хвостовой части снаряда пробуксировающей шайбы с выступами он получал в 20 раз меньшую угловую скорость, чем обычный снаряд. После вылета снаряда в его хвостовой части раскрывались четыре стабилизатора, размах которых составлял 400 мм. Начальная скорость снаряда достигала 360 м/с. Германское обозначение снаряда 15-см Flü. Ni.Gr. (крылатая мина).

Помимо штатных 10,5-см и 15-см гаубиц германского производства в

вермахте использовались тысячи трофейных гаубиц калибра 100–155 мм.

Глава 4
Корпусные пушки

От царской армии РККА досталась довольно слабая 107-мм (42-линейная) корпусная пушка обр. 1910 г. В 1930 г. пушка прошла модернизацию, в ходе которой ствол был удлинен на 10 калибров (с 28 до 39 калибров), введен дульный тормоз, увеличена зарядная камора, унитарное заряжание заменено раздельно-гильзовым и т. д. Всего было модернизировано 139 пушек обр. 1910 г. Они получили новое название — «107-мм пушка обр. 1910/30 г.». Кроме того, в 1931–1935 гг. было изготовлено 430 новых систем обр. 1910/30 г.

Независимо от модернизации, в 1937 г. началась медленная замена деревянных колес на металлические.

К началу войны в РККА, по данным работы «Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны», состояло 863 пушки, а по архивным данным — 864 пушки, и еще четыре 107-мм пушки обр. 1910/30 г. состояли в ВМФ.

Помимо них имелось не менее двух сотен 105-мм польских (французского производства) пушек обр. 1913 г. и 1929 г., а также 107-мм японских пушек обр. 1905 г. Замечу, что в 1941 г. ко всем трем пушкам были изданы «Таблицы стрельбы» (№ 323, 319 и 135).

Весьма любопытна история создания 152-мм гаубицы-пушки обр. 1937 г. (МЛ-20), которая стала самым мощным и наиболее распространенным орудием советской корпусной артиллерии.

В 1910 г. под нажимом великого князя Сергея Михайловича была принята на вооружение 152-мм осадная пушка Шнейдера, хотя аналогичная система Круппа показала на испытаниях в России лучшие результаты. Она получила название «152-мм осадная пушка обр. 1910 г.», и заказ на ее производство, естественно, был выдан Путиловскому заводу. С 1914 по 1930 г. завод сдал 85 таких пушек.

В 1930 г. пушки прошли модернизацию, которая заключалась в удлинении ствола на один калибр и расточке каморы под дальнобойный снаряд обр. 1928 г. Был также введен дульный тормоз. В 1930 г. модернизированная пушка была принята на вооружение и получила наименование «152-мм пушка обр. 1910/1930 г.».

К 1 ноября 1936 г. все 152-мм пушки обр. 1910 г. были переделаны заводами «Красный Путиловец» и «Баррикады» в обр. 1910/1930 г. К этому

времени в РККА имелись 152 пушки обр. 1910/1930 г.

В новой 152-мм пушке обр. 1910/1930 г. по-прежнему лафет оставался слабым местом системы. Поэтому в 1932 г. был разработан проект наложения ствола 152-мм пушки обр. 1910/1930 г. на лафет 122-мм пушки обр. 1931 г. (А-19). Полученная таким образом система первоначально называлась «152-мм гаубица обр. 1932 г.», затем — «152-мм гаубица обр. 1934 г. А-19», то есть ей присвоили заводской индекс 122-мм пушки обр. 1931 г.

Система была принята на вооружение и запущена в валовое производство, хотя в наименованиях и далее был разнобой: «152-мм пушка обр. 1910/1934 г.» или «152-мм гаубица обр. 1934 г.».

В ходе проектирования 152-мм пушки обр. 1910/1934 г. много споров вызвал способ перевозки системы в походном положении. Для нее было разработано два варианта возки — в раздельном и нераздельном положении.

Производство 152-мм пушки обр. 1910/1934 г. велось на Пермском заводе. В 1934 г. завод сдал 3 пушки, в 1935 г. сдал тоже 3 пушки (это при плане 30 штук).

На 1 ноября 1936 г. в РККА имелось четырнадцать 152-мм пушек обр. 1910/1934 г.

К 1 января 1937 г. было изготовлено 125 пушек. В течение 1937 г. произведено еще 150 пушек. На этом производство 152-мм пушек обр. 1910/34 г. было прекращено. Всего изготовили 225 пушек.

152-мм пушка обр. 1910/1934 г. (в 1935–1936 гг. она именовалась «152-мм гаубицей обр. 1934 г.») имела много недостатков. Основными из них были:

— подрессорен был только лафет, а передок не имел подрессоривания, и скорость возки по шоссе была ограничена 18–20 км/час.

— подрессоривание выключалось специальным механизмом, а не автоматически, на что уходило 2–3 минуты.

— верхний станок представлял собой слишком сложную отливку.

И самым серьезным недостатком было совмещение подъемного и уравновешивающего механизма в одной системе. Скорость вертикального наведения за один оборот маховика не превышала 10 минут, что было предельно мало.

Наконец, система 1934 г. хоть и именовалась гаубицей, но угол возвышения у нее (+45°) для гаубиц 1930-х гг. был слишком мал.

В ходе модернизации системы обр. 1910/34 г. на Пермском заводе был создан образец гаубицы пушки МЛ-20.

После проведения войсковых испытаний система МЛ-20 22 сентября 1939 г. была принята на вооружение под названием «152-мм гаубица-пушка обр. 1937 г.».

Серийное производство МЛ-20 началось в 1937 г., когда было выпущено 148 пушек, в 1938 г. — 500, в 1939 г. — 567, в 1940 г. — 901.

К началу Великой Отечественной войны в РККА состояло 2610 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, а также 267 152-мм пушек обр. 1910/30 г. и 1910/34 г.

Разработка 122-мм дальнобойной пушки велась на Пермском заводе с 1929 г. 122-мм пушка обр. 1931 г. (А-19) была принята на вооружение Постановлением Совета Труда и Обороны (СТО) от 13 марта 1936 г.

Первоначально возка ствола и лафета осуществлялась раздельно, но в 1937 г. перешли на нераздельную возку. После наложения ствола системы А-19 на лафет МЛ-20 система стала называться «122-мм пушка обр. 1931/37 г.». К 22 июня 1941 г. в РККА состояло 1255 пушек обр. 1931 г. и 1931/37 г., из которых обр. 1931 г. была только 21 пушка.

В Германии в 1926–1930 гг. была создана 10,5-см пушка K.18 нового типа с раздвижными станинами, подрессоренным ходом и металлическими колесами. Стволы для этих пушек делали фирмы Круппа и «Рейнметалл», а лафеты — фирма Круппа. К 1 апреля 1940 г. имелось 700 пушек и 1427 тысяч выстрелов к ним.

10,5-см пушки K.18 состояли в полках и дивизиях частей РГК вермахта и при необходимости придавались пехотным и другим дивизиям. К маю 1940 г. в РГК состояло 27 моторизованных дивизионов 10,5-см пушек трехбатарейного состава и 21 смешанный моторизованный артиллерийский дивизион (по две батареи 15-см тяжелых полевых гаубиц и по одной батарее 10,5-см пушек в каждом).

15-см пушка K.16 была создана фирмой Круппа и принята на вооружение в январе 1917 г. Система производилась до 1933 г. в двух почти идентичных вариантах, изготавливавшихся фирмами Круппа и «Рейнметалл» (K.16.Kp. и K.16.Ph.), отличавшихся весом ствола и размерами. Так, длина ствола у образцов Круппа была 42,7 калибра, а у образцов фирмы «Рейнметалл» — 42,9 калибра.

Ствол K.16 состоял из трубы, кожуха и съемного казенника. Затвор горизонтальный клиновой. Лафет коробчатый однобрусный. Тормоз отката гидравлический. Колеса железные дисковые. Первоначально система перевозилась на двух повозках, а затем стали применять нераздельную возку на передке (за мехтягой). Скорость возки не превышала 10 км/ч.

К 1 сентября 1939 г. вермахт располагал 28 пушками K.16 и 26,1

тысячи выстрелов к ним. В ходе войны пушки K.16 не изготавливались. Однако в 1940 г. было возобновлено производство боеприпасов к ним. В 1940 г. выпустили 16,4 тысячи выстрелов, в 1941 г. — 9,5 тысячи и в 1942 г. — 4,6 тысячи выстрелов, на том их изготовление было закончено. К концу войны осталось 16 пушек K.16, 15 из которых находились на фронте.

В связи с нехваткой 15-см дальнобойных пушек командование вермахта в конце 30-х гг. пошло на вынужденную меру и приняло на вооружение 15-см морскую пушку SKC/28. Эти пушки устанавливались на линкорах «Бисмарк» и «Шарнхорст», броненосцах типа «Дейчланд» и других кораблях. В вермахте 15-см пушки SKC/28 устанавливались на восьмиколесные повозки. Система представляла собой подвижную береговую установку с низким силуэтом в боевом положении.

Ствол SKC/28 состоял из свободной трубы с кожухом и имел дульный тормоз. Затвор горизонтальный клиновой.

В походном положении пушка перевозилась на восьмиколесной (четырехосной) повозке, наподобие зенитного орудия. В боевом положении пушка опускалась на опорную плиту, которую уравновешивали восемь крестообразно расположенных станин (немцы их называли «сигарами») и сошник, забиваемый в грунт.

В 1941 г. на службе состояло пять моторизованных дивизионов с 15-см пушками SKC/28 (№ 511, 620, 680, 731 и 740), в каждом дивизионе имелось по три батареи трехорудийного состава.

Кроме того, в 1941 г., в связи с тем что изготовление 15-см стволов к пушкам K.18 шло медленно, а полевые войска срочно нуждались в них, 8 стволов пушек SKC/28 были наложены на лафеты 21-см мортир обр. 18.

Взамен 15-см пушек K.16 фирма «Рейнметалл» начала проектирование 15-см пушки K.18. В войска пушка K.18 начала поступать в 1938 г.

Стрельба велась с колес или с платформы, состоящей из двух частей и допускающей круговой обстрел. В походном положении система перевозилась на двух повозках. Скорость возки на колесах с грузошинами допускалась до 24 км/ч, а с пневматическими шинами — до 50 км/ч.

В годы войны пушки K.18 находились в производстве с 1940 по 1943 г. В 1940 г. была сдана 21 пушка, в 1941 г. — 45, в 1942 г. — 25 и в 1943 г. — 10. В 1940 г. было изготовлено 48,3 тысячи выстрелов к K.18, в 1941 г. — 57,1 тысячи, в 1942 г. — 86,1 тысячи, в 1943 г. — 69 тысяч и в 1944 г. — 11,4 тысячи выстрелов.

В 1941 г. 15-см пушки K.18 находились на вооружении трех моторизованных батарей (821, 822-й и 909-й). К марту 1945 г. уцелела только 21 пушка K.18.

В 1938 г. Турция выдала заказ фирме Круппа на 15-см пушки. Две такие пушки были поставлены туркам, но в ноябре 1939 г. командование вермахта заставило Круппа разорвать контракт и уплатило 8,65 млн рейхсмарок за остальные заказанные 64 пушки. В вермахте они получили название «15-см K.39». До конца 1939 г. Крупп сдал вермахту 15 пушек K.39, в 1940 г. — 11, в 1941 г. — 25 и в 1942 г. — 13 пушек. Боеприпасы для K.39 производились с 1940 по 1944 г.: в 1944 г. — 46,8 тысячи выстрелов, в 1941 г. — 83,7 тысячи, в 1942 г. — 25,4 тысячи, в 1943 г. — 69 тысяч и в 1944 г. — 11,4 тысячи выстрелов.

15-см пушки K.39 использовались как в тяжелой полевой артиллерии, так и в береговой обороне. 15-см пушки K.39 сводились в дивизионы трехбатарейного состава. В каждой батарее было по три 15-см пушки и по семь тягачей Sd.Kfz.9. Имелись и отдельные тяжелые трехорудийные батареи.

Помимо 15-см пушек германского производства, вермахтом использовались многие десятки трофейных французских, чешских, бельгийских и других пушек.

Глава 5
Орудия большой мощности

В конце 1930-х гг. в СССР был создан триплекс большой мощности (БМ) в составе 152-мм пушки Бр-2, 203-мм гаубицы Б-4 и 280-мм мортиры Бр-5. Из них наибольшее распространение получила гаубица Б-4.

Первоначально, в 1937 г., пушки Бр-2 изготавливались с мелкой нарезкой. Однако живучесть их стволов была крайне низкой — около 100 выстрелов.

В июле — августе 1938 г. на НИАПе был испытан ствол Бр-2 с углубленной нарезкой (с 1,5 мм до 3,1 мм) и уменьшенной каморой. Пушка стреляла снарядом, у которого вместо двух был один ведущий поясок. По результатам испытаний Артуправление объявило, что живучесть пушки Бр-2 увеличилась в 5 раз. К подобному заявлению надо относиться осторожно, так как имело место явное мошенничество: критерий живучести пушки — падение начальной скорости — был тихо увеличен с 4 % до 10 %. Так или иначе, но 21 декабря 1938 г. вышло постановление Артуправления «Утвердить для валового производства 152-мм пушку Бр-2 с углубленной нарезкой», а опыты со стволами Бр-2 в 55 калибров решено прекратить.

В 1938 г. серийные пушки Бр-2 не сдавались. В 1939 г. было сдано 4 пушки (по плану 26), а в 1940 г. — 23 (по плану 30), в 1941 г. не было ни одной пушки.

Таким образом, в 1939–1940 гг. было сдано 27 пушек Бр-2 с глубокой нарезкой, в 1937 г. сдано 7 пушек Бр-2 с мелкой нарезкой. Кроме того, до 1 января 1937 г. промышленность сдала 16 152-мм пушек обр. 1935 г. (среди них, видимо, были Бр-2 и Б-30).

По штату от 19 февраля 1941 г. в составе тяжелого пушечного полка РВГК состояло 152-мм пушек Бр-2 24, тракторов — 104, автомобилей — 287 и 2598 человек личного состава. В полк входили четыре дивизиона трехбатарейного состава. В каждой батарее состояло 2 пушки Бр-2.

Всего в артиллерии РВГК к 22 июня 1941 г. с учетом мобилизационного развертывания состоял один пушечный полк (24 пушки Бр-2) и две отдельные тяжелые пушечные батареи (в каждой по 2 пушки Бр-2). Итого 28 пушек. Всего же в РККА на 22 июня 1941 г. имелось 37 пушек Бр-2, из которых 2 требовали капитального ремонта. Тут учтены пушки полигонов и др. Кроме того, можно предположить, что пушки с

мелкой нарезкой с вооружения не снимались, но и в части не выдавались.

Более живучим оказался ствол 203-мм гаубицы Б-4. Официально 203-мм гаубица Б-4 была принята на вооружение 10 июня 1934 г. В 1933 г. производство гаубиц Б-4 началось на заводе «Баррикады».

К 22 июня 1941 г. в РККА имелось всего 849 гаубиц Б-4, из которых 41 гаубица нуждалась в капитальном ремонте.

В 1938–1939 гг. была предпринята попытка ввести 203-мм гаубицы в корпусные артиллерийские полки («полки второго типа»), по 6 гаубиц в дивизион. Однако к началу войны Б-4 были выведены из корпусной артиллерии, причем взамен шести гаубиц каждый дивизион получил 12–15 гаубиц-пушек МЛ-20.

К началу войны гаубицы Б-4 были только в гаубичных артиллерийских полках большой мощности РВГК. По штату полка (от 19 февраля 1941 г.) в нем имелось 4 дивизиона трехбатарейного состава. В каждой батарее состояло 2 гаубицы, соответственно одна гаубица считалась взводом. Всего в полку имелось 24 гаубицы, 112 тракторов, 242 автомобиля, 12 мотоциклов и 2304 человека личного состава (из них 174 офицера). К 22 июня 1941 г. в составе РВГК имелось 33 полка с гаубицами Б-4, то есть всего по штату 792 гаубицы, а фактически в полках состояло 727 гаубиц.

Испытания 280-мм мортиры Бр-5 были начаты в декабре 1936 г.

Хотя мортира Бр-5 не была отлажена, завод «Баррикады» запустил ее в валовое производство. Всего в 1939 г. было сдано 20 мортир, и еще 25 — в 1940 г. В 1941 г. не было сдано ни одной 280-мм мортиры. После начала Великой Отечественной войны мортиры Бр-5 не производились.

22 июня 1941 г. в РККА имелось на вооружении 25 280-мм мортир Шнейдера и 47 280-мм мортир Бр-5 (видимо, 45 серийных мортир и две опытные мортиры, сданные в начале 1939 г.).

Все 280 мортир входили в 8 Отдельных артиллерийских дивизионов особой мощности (ОАД ОМ). В каждом дивизионе имелось по 6 мортир. Итого в АРГК имелось 48 280-мм мортир Шнейдера и Бр-5.

Из систем триплекса наиболее удачной оказалась 203-мм гаубица Б-4. Забегая вперед, скажу, что она долго эксплуатировалась в Советской Армии, а в 1964 г. для нее началось проектирование ядерного заряда.

Однако сказанное относится исключительно к качалке Б-4, а не к ее ходу. Советские инженеры в середине 20-х гг. решили отказаться от платформы при стрельбе из орудий большой мощности. Но в те годы ни одни колеса не могли выдержать силу отдачи при стрельбе полным зарядом. И тогда умные головы решили заменить колесный ход гусеничным, не подумав ни о весе системы, ни, главное, о ее

проходимости. В итоге эксплуатация орудий триплекса даже в мирное время превратилась в непрерывную «войну» с его ходовой частью.

К примеру, угол горизонтального наведения системы составлял всего ±4°. Чтобы повернуть на больший угол 17-тонную махину Б-4, требовалось усилие расчетов двух и более гаубиц. Возка системы, естественно, была раздельной. Гусеничные лафеты и ствольные повозки на гусеничном ходу (Б-29) обладали ужасной проходимостью. В гололедицу повозку лафета или ствольную повозку должны были тянуть два «Коминтерна» (самых мощных советских тягача). Итого на систему — четыре «Коминтерна».

Уже 8 февраля 1938 г. ГАУ выдало тактико-технические требования на разработку колесного дуплекса, то есть нового лафета для Б-4 и Бр-2. Проект дуплекса М-50 был разработан Пермским заводом, но к 22 июня 1941 г. он так и остался на бумаге.

В последующие 10 военных и послевоенных лет ряд конструкторов, в том числе В. Г. Грабин, делали попытки поставить триплекс на колеса, но все было безуспешно. Лишь в 1954 г. главный конструктор завода «Баррикады» Г. И. Сергеев создал колесный лафет (фактически только ход) для 152-мм пушки и 203-мм гаубицы. Системы на колесном лафете получили названия «Бр-2М» и «Б-4М».

Германский аналог Б-4 — мортира 21-см Mrs.18. Мортира была принята на вооружение в 1936 г.

Из-за длинного ствола в некоторых английских справочниках 21-см мортира Mrs.18 названа пушкой. Это принципиально неверно. Дело не только в большом угле возвышения (+70°). Стрелять под углом 0° мортира могла только на малых зарядах — с № 1 по № 4. А при большом заряде (№ 5 и № 6) угол возвышения должен был быть минимум 8°, иначе система могла опрокинуться. Таким образом, 21-см Mrs.18 была классической мортирой.

Характерной особенностью 21-см мортиры обр. 18 был двойной откат: ствол откатывался по люльке, а люлька вместе со стволом и верхним станком — по нижнему станку лафета, чем достигалась хорошая устойчивость мортиры при стрельбе.

В боевом положении мортира опиралась спереди на опорную плиту, а сзади — на хоботовую опору. Колеса при этом вывешивались. В походном положении ствол снимался и устанавливался на специальную ствольную повозку. Обычно возка производилась раздельно — ствольная повозка и отдельно лафет с передком. Скорость буксировки при этом не превышала 20 км/ч. Однако на короткие расстояния со скоростью 4–6 км/ч допускалась перевозка мортиры в неразобранном виде, то есть со стволом, наложенным

на лафет.

В боекомплект мортиры входили две осколочно-фугасные гранаты и бетонобойный снаряд. При ударе осколочно-фугасной гранаты о грунт под углом не менее 25° убойные осколки разлетались вперед на 30 м и в стороны на 80 м, а при падении под углом более 25° осколки летели вперед на 75 м и в стороны на 50 м. Наиболее же эффективным осколочным действием снаряд обладал при разрыве на высоте 10 м. Убойные осколки летели вперед на 80 м и вбок на 90 м. Поэтому 21-см осколочно-фугасные гранаты снабжались дистанционными механическими взрывателями.

Бетонобойный снаряд пробивал бетонную стенку толщиной 0,6 м и кирпичную стенку толщиной до 4 м, а также проникал при попадании, близком к нормали, в песчаный грунт на глубину до 7,2 м, а в рыхлый грунт — до 14,6 м.

К 1 июня 1941 г. в вермахте имелось 388 мортир 21-см Mrs.18. Все 21-см мортиры обр. 18 находились в артиллерийских частях РГК. К концу мая 1940 г. 21-см Mrs.18 состояли на вооружении двух смешанных моторизованных артиллерийских дивизионов (№ 604 и № 607). В каждом дивизионе имелось по две батареи 21-см мортир (трехорудийного состава) и по одной батарее 15-см пушек. Также 21-см мортиры обр. 18 состояли в пятнадцати моторизованных дивизионах, по три батареи трехорудийного состава в каждом (2-й и 3-й дивизионы 109-го артполка, 2-й дивизион 115-го артполка, дивизионы № 615, 616, 635, 636, 637, 732, 733, 735, 736, 777, 816, 817). Кроме того, по три мортиры было в 624-м и 641-м дивизионах особой мощности в дополнение к батареям 30,5-см мортир.

В 1939 г. фирма Круппа произвела наложение ствола 17-см (172,5-мм) морской пушки на мортирный лафет. Система получила обозначение 17-см K.Mrs.Laf. Германские историки считают 17-см пушку обр. 18 на мортирном лафете (17-см K.Mrs.Laf) лучшей пушкой своего класса во Второй мировой войне.

17-см пушки K.Mrs.Laf состояли чаще всего в составе смешанных моторизованных артиллерийских дивизионов РГК вермахта. В каждом дивизионе было по две трехорудийные батареи 21-см мортир обр. 18 и по одной трехорудийной батарее 17-см пушек.

Первые четыре 17-см пушки поставили в части в январе 1941 г. В 1941 г. от промышленности получена 91 пушка, в 1942 г. — 126, в 1943 г. — 78, в 1944 г. — 40 и в 1945 г. — 3.

Кроме этих двух штатных систем, немцы использовали на Восточном фронте многие десятки орудий большой и особой мощности чешского, французского, голландского и британского производства.

Глава 6
«Минометная мафия»

Впервые с минометами Стокса-Брандта, то есть минометами, созданными по схеме мнимого треугольника[9], краскомы познакомились в октябре 1929 г. в ходе советско-китайского конфликта на КВЖД.

В ходе боев части Красной Армии захватили несколько десятков китайских 81-мм минометов Стокса-Брандта и сотни мин к ним. В ноябре — декабре 1929 г. трофейные минометы были отправлены в Москву и Ленинград для изучения.

Китайские минометы первым делом попали в группу «Д». При первом же знакомстве с минометами руководитель группы Н. А. Доровлев оценил гениальную простоту изделия. Не раздумывая, он отказался от глухой схемы, хотя работы по таким системам еще велись некоторое время по инерции. В течение нескольких месяцев группа «Д» разработала по схеме мнимого треугольника (а точнее, скопировала китайский миномет) систему из трех минометов калибра 82, 107 и 120 мм.

Так были созданы первые советские минометы по схеме мнимого треугольника.

Постепенно группу «Д» и их высокопоставленных поклонников в ГАУ занесло. Они решили, что минометы могут заменить классическую артиллерию. В 1930 г. был создан образец двенадцатипёрой 160-мм мины и несколько образцов 160-мм минометов. Началось проектирование 240-мм минометов.

С другой стороны, в конце 1939 г. был создан оригинальный тип миномета — «37-мм миномет-лопата», выполненный по схеме «унитарный ствол».

В походном положении миномет представлял собой лопату, рукоятью которой служил ствол. Миномет-лопата мог быть использован для рытья окопов.

При стрельбе из миномета лопата выполняла роль опорной плиты. Лопата сделана из броневой стали и не пробивалась 7,62-мм пулей.

Миномет состоял из ствола, лопаты — опорной плиты и сошки с пробкой.

Труба ствола соединена наглухо с казенником. В казенник запрессован боек, на который накладывался капсюль вышибного патрона мины.

Зимой 1940 г. при использовании 37-мм миномета-лопаты в боях в Финляндии была обнаружена низкая эффективность 37-мм мины. Оказалось, что дальность полета мины при оптимальном угле возвышения незначительна, а осколочное действие слабое, особенно в зимнее время, когда почти все осколки застревали в снегу. Поэтому 37-мм миномет-лопату и мину к нему сняли с вооружения и прекратили их производство.

К началу Великой Отечественной войны в РККА состояло 36 324 ротных 50-мм миномета, 14 525 батальонных 82-мм минометов, 1468 горных 107-мм минометов и 3876 полковых 120-мм минометов.

Уже в середине 1930-х гг. ряд конструкторов-минометчиков и их покровители буквально объявили войну всем артиллерийским орудиям, способным вести навесной огонь.

Вот, к примеру, рассмотрим орудия, включенные в систему артиллерийского вооружения на 1929–1932 гг., которая была утверждена постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июля 1920 г. и имела силу закона. В этой системе в разделе «Батальонная артиллерия» состояли 76-мм мортиры. В разделе «Полковая артиллерия» — 76-мм гаубицы сопровождения пехоты и 122-мм мортиры. В разделе «Дивизионная артиллерия» — 152-мм мортиры. В разделе «Корпусная артиллерия» — 203-мм мортиры.

Как видим, упрекать наших артиллеристов в недооценке навесного огня просто несерьезно. Но увы, ни один из пунктов программы выполнен не был.

А вот система артиллерийского вооружения на 1933–1937 гг. Среди прочего там:

— 76-мм пушка-мортира для вооружения стрелковых батальонов;

— 152-мм мортира для вооружения стрелкового полка;

— 203-мм мортира для корпусной артиллерии.

Результат? Опять все три пункта не были выполнены.

Таким образом, если по остальным образцам артиллерийского вооружения обе предвоенные программы были выполнены, то ни одна мортира на вооружение не поступила. Что это — случайность? Или, может, наши конструкторы сплоховали и кривые мортиры делали?

В 1928–1930 гг. было изготовлено не менее дюжины 76-мм батальонных мортир. В их проектировании принимали участие лучшие конструкторы страны. Все эти системы прошли испытания и показали в целом неплохие результаты. Но в начале 1930-х гг. работы над ними прекратили.

В декабре 1937 г. Артуправление решило вернуться к вопросу о 76-мм

мортирах. Военный инженер 3-го ранга НТО Артуправления Синолицын написал в заключении, что печальный конец истории с 76-мм батальонными мортирами «является прямым актом вредительства… Считаю, что работы по легким мортирам надо немедленно возобновить, а все ранее изготовленные мортиры, разбросанные по заводам и полигонам, разыскать».

Тем не менее работы по этим мортирам возобновлены не были, а 4 опытные 76-мм мортиры были отправлены в Артиллерийский музей.

В систему же артиллерийского вооружения на 1933–1937 гг. была включена «76-мм пушка-мортира». Вес ее должен был быть 140–150 кг, дальность стрельбы 5–7 км, скорострельность 15–20 выстрелов в минуту. Пушка-мортира предназначалась для вооружения стрелковых батальонов.

Выражение «пушка-мортира» не прижилось, и такие системы стали называть батальонными гаубицами. Было спроектировано и испытано две таких гаубицы — 35К завода № 8 и Ф-23 завода № 92.

Гаубица 35К была спроектирована и изготовлена на заводе № 8 под руководством В. Н. Сидоренко. Она предназначалась для горных и воздушно-десантных частей, а также в качестве батальонного орудия для непосредственной поддержки пехоты.

Проектирование гаубицы 35К началось в 1935 г. 9 мая 1936 г. первый опытный образец был сдан военпреду.

Орудие разбиралось на 9 частей весом от 35 до 38 кг. Таким образом, в разобранном виде оно могло транспортироваться не только на конских, но и на людских вьюках.

Гаубица 35К испытывалась на НИАПе 5 раз.

Первое испытание произошло в мае — июне 1936 г. После 164 выстрелов и 300 км пробега гаубица вышла из строя и была снята с испытаний.

Второе испытание — сентябрь 1936 г. При стрельбе лопнула лобовая связь, так как отсутствовали болты, скреплявшие кронштейн щита с лобовой частью. Кто-то, видимо, вынул или «забыл» поставить эти болты.

Третье испытание — февраль 1937 г. Опять кто-то не залил жидкость в цилиндр компрессора. В результате при стрельбе из-за сильного удара ствола была деформирована лобовая часть станка.

Четвертое испытание — при стрельбе из новой опытной гаубицы 23 мая 1937 г. поломка пружины накатника. Причина — грубая ошибка инженера в чертеже веретена компрессора.

Пятое испытание — декабрь 1937 г. — испытывались сразу 9 систем 35К. Из-за недокатов и набросов при стрельбе под углом 0° комиссия

решила, что система испытаний не выдержала. Тут налицо явная придирка, так как подобные явления были у всех горных орудий, например, 7–2 и 7–6.

Всего к началу 1937 г. на заводе № 8 было изготовлено двенадцать 76-мм гаубиц 35К. Однако к этому времени, имея множество более выгодных заказов, завод потерял всякий интерес к этой гаубице.

В начале 1937 г. все работы по гаубице 35К были перенесены с завода № 8 на завод № 7, которому был дан заказ на изготовление 100 гаубиц 35К в 1937 г. Но и завод № 7 ничего не хотел делать с «чужой» системой.

Возмущенный Сидоренко 7 апреля 1938 г. написал письмо в Артиллерийское управление: «Завод № 7 не заинтересован в доделке 35К — это грозит ему валовым произволом… У Вас [в Артуправлении] 35К ведает отдел, который является убежденным сторонником минометов и, следовательно, противником мортир». Далее Сидоренко прямо писал, что на испытаниях 35К на НИАПе было элементарное вредительство.

Уникальную 76-мм батальонную гаубицу Ф-23 создал знаменитый конструктор В. Г. Грабин в КБ завода № 92 в Горьком. Особенность конструкции гаубицы заключалась в том, что ось цапф проходила не через центральную часть люльки, а через ее задний конец. В боевом положении колеса были сзади. При переходе в походное положение люлька со стволом поворачивалась относительно оси цапф назад почти на 180°. Как и у Сидоренко, гаубица разбиралась для перевозки на конские вьюки. Надо ли говорить, что и Ф-23 постигла судьба 35К.

На заводе в Перми (тогда г. Молотов) в 1932 г. был изготовлен и испытан опытный образец 122-мм полковой мортиры М-5, а в следующем году — 122-мм полковой мортиры «Лом». Обе мортиры имели достаточно высокие тактико-технические данные, но на вооружение их не приняли. Причем заметим: если, к примеру, 76-мм дивизионную пушку Ф-22 можно было принять или не принять, благо, в последнем случае на вооружении дивизий и в производстве все равно остались бы 76-мм пушки обр. 1902/30 г., то никакой альтернативы 122-мм мортирам М-5 и «Лом» в полках не было.

В 1930 г. КБ завода «Красный Путиловец» разработало проект 152-мм дивизионной мортиры. Но шансов выжить у нее не было. Согласно заключенному 28 августа 1930 г. договору с фирмой «Бютаст» (подставной конторой фирмы «Рейнметалл»), немцы должны были поставить восемь 15,2-см мортир[10] фирмы «Рейнметалл» и помочь организовать их производство в СССР.

В СССР мортира была принята на вооружение под наименованием «152-мм мортира обр. 1931 г.». В документах 1931–1935 гг. она называлась

мортира «Н» или «НМ» (НМ — немецкая мортира).

С 5 по 30 июня 1931 г. немецкая 152-мм мортира «Н» успешно прошла испытания на Главном артиллерийском полигоне в объеме 141 выстрел, а осенью того же года она прошла войсковые испытания в 20-й стрелковой дивизии.

152-мм мортира «Н» была запущена в серийное производство на Пермском заводе. Однако удалось изготовить только 129 мортир. Куда там фирме «Рейнметалл» против нашего минометного лобби!

Тем не менее КБ завода № 172 (г. Пермь) провело модернизацию мортиры обр. 1931 г. и представило на испытания три новые 152-мм мортиры МЛ-21. Испытания выявили ряд мелких конструктивных недостатков.

Минометное лобби в Артиллерийском управлении встретило МЛ-21 буквально в штыки. 13 июля 1938 г. из 2-го отдела Артуправления пошла кляуза маршалу Кулику: «Завод № 172 в течение ряда лет пытался отработать 152-мм мортиры в большом числе вариантов и не получил удовлетворительного решения ряда вопросов: прочность системы, вес, клиренс и др.

Испытания мортиры в войсках тоже показали неудовлетворительные результаты как по конструкции, так и по тактическим данным (для полка тяжела, а для дивизии маломощна). Кроме того, она не входила в систему вооружений. На основании изложенного Артиллерийский Комитет считает необходимым дальнейшие работы по мортире прекратить».

28 августа 1938 г. маршал Кулик в письме к наркому Ворошилову как попугай переписал все аргументы Артуправления и добавил от себя: «Прошу Вашего распоряжения о прекращении опытных работ по этой мортире». Работы по 152-мм дивизионным мортирам были прекращены окончательно.

Забегая вперед, скажу, что мортиры этого типа, в вермахте именовавшиеся 15-см тяжелыми пехотными орудиями, натворили много бед на всех фронтах Второй мировой войны.

Советскими конструкторами был успешно выполнен и пункт обеих артиллерийских программ по 203-мм корпусной мортире.

Было создано и испытано несколько образцов 203-мм корпусных мортир (в 1929 г. — мортира «Ж»; в 1934 г. — мортира «ОЗ» и т. д.). Результат тот же — ни одна корпусная мортира на вооружение не поступила. Причем замечу, что орудия настильного боя — те же «полковушки», дивизионные пушки — исправно принимались на вооружение и запускались в массовое производство.

Жертвой минометного лобби стало и уникальное орудие — 40,8-мм автоматический гранатомет Таубина, опередивший все армии мира почти на 40 лет.

40,8-мм автоматический гранатомет Таубина представлял собой грозное оружие. Темп стрельбы составлял 440–460 выстрелов в минуту. Другой вопрос, что при магазинном питании практическая скорострельность первоначально составляла всего 50–60 выстрелов в минуту. Но Таубиным был разработан и вариант ленточного питания. При этом практическая скорострельность становилась равной темпу стрельбы на всей длине ленты. С учетом малого заряда унитарного патрона нагрев ствола и его износ при стрельбе были невелики. Таким образом, длина ленты лимитировалась лишь весовыми ограничениями. Практическая дальность стрельбы гранатомета составляла 1200 м.

Испытания 40,8-мм гранатомета непрерывно велись с 1933 г. Почти каждый год изготавливались все новые модели, а то и малые серии. Так, только в 1937 г. ОКБ-16 изготовило для войсковых испытаний 12 гранатометов, а завод ИНЗ-2 — еще 24.

В конце 1937 г. 40,8-мм гранатомет Таубина проходил войсковые испытания одновременно в трех стрелковых дивизиях. Отзывы везде были в целом положительные, практическая скорострельность была доведена до 100 выстрелов в минуту (с обойменным питанием). Вот, к примеру, донесение из 90-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа, где с 8 по 18 декабря 1932 г. проходили испытания гранатометов: «Действие гранатометов безотказно».

В ноябре 1938 г. 40,8-мм гранатомет испытывался на малом бронекатере типа «Д» Днепровской военной флотилии. Гранатомет был установлен на тумбе от пулемета ШВАК. Стрельба велась как на якоре, так и с ходу. Из заключения комиссии: «Автоматика работала безотказно… меткость удовлетворительная… система при стрельбе не демаскируется благодаря слабому звуку выстрела и отсутствию пламени… взрыватель работает безотказно как по воде, так и по грунту».

Управление вооружений ВМФ 20 января 1939 г. заключило договор с ОКБ-16 на изготовление 40,8-мм и 60-мм корабельных гранатометов, но вскоре разорвало договор без объяснения причин.

Гранатомет Таубина испытывался и в частях НКВД на Дальнем Востоке, где он также получил положительные отзывы.

Уже по результатам войсковых испытаний конца 1937 г. гранатомет следовало принять на вооружение РККА. Все отмеченные недостатки были несерьезны и устранимы. Да и без недостатков у нас не принималась на

вооружение ни одна артсистема. Вон сколько недостатков было у 76-мм дивизионной пушки Ф-22 (обр. 1936 г.), а ведь пустили в массовое производство. Что же произошло?

Дело в том, что Таубин перешел дорогу «минометчикам». Они сочли, что гранатомет Таубина ставит под сомнение продолжение работ по 50-мм ротным минометам, а может, и по 60-мм и 82-мм минометам.

27 июля 1938 г. Таубин писал в Наркомат обороны: «Отдельные работники Арткома — Доровлев, Богомолов, Бульба, Игнатенко — на протяжении 1937 г. с помощью бывшего председателя Артиллерийского комитета АУ Кириллова-Губецкого создали атмосферу шантажа вокруг… 40,8-мм гранатомета»[11].

Минометчикам удалось добиться выхода Постановления КО № 137 от 22 июня 1938 г., которым был принят на вооружение 50-мм миномет, имевший много конструктивных недостатков.

Минометчики добиваются от Артуправления фантастического по глупости решения — испытывать 40,8-мм гранатомет вместе с 50-мм минометом и по программе стрельбы миномета. Естественно, что миномет не мог вести настильной стрельбы, и ее не было в программе, а гранатомет мог эффективно вести как настильную, так и навесную стрельбу. Зато при максимальном угле возвышения кучность стрельбы 50-мм миномета оказалась чуть лучше. К тому же миномет был существенно проще и дешевле гранатомета.

Так Красная Армия осталась без артсистем настильной стрельбы и без автоматических гранатометов. Замечу, что в середине 1960-х гг. американцы впервые применили автоматический гранатомет во Вьетнаме, а в конце 1969 г. в СССР начались испытания автоматического гранатомета «Пламя», по устройству и принципу действия очень похожего на гранатомет Таубина.

Конструкторы-авантюристы и безграмотные члены Арткома ГАУ устраивали кампанию за кампанией по созданию небоеспособных артсистем. Об авантюре с беспоясковыми снарядами мы уже говорили. В 1931–1936 гг. недоучившийся (2 курса) студент Леонид Курчевский, пользуясь покровительством Тухачевского, Павлуновского и Орджоникидзе, попытался заменить все орудия РККА и ВМФ на динамореактивные. Он создал тупиковое направление развития безоткатных орудий по схеме «нагруженный ствол». С 1931 по 1936 г. промышленность изготовила около 5 тысяч безоткатных орудий системы Курчевского калибром от 37 до 305 мм. Большая часть этих орудий вообще не прошла военную приемку, а несколько сот орудий состояли по нескольку

месяцев (до трех лет) на вооружении, а затем были сняты.

К 22 июня 1941 г. в РККА не состояло на вооружении ни одной артсистемы Курчевского. Любопытно, что несколько десятков тысяч снарядов типа «К» для 76-мм безоткатных пушек Курчевского в ходе битвы за Москву было подано к 76-мм полковым пушкам обр. 1927 г. и для этих снарядов составили специальные «Таблицы стрельбы».

В 1938–1940 гг. в ГАУ началась «картузомания». Накануне войны ряд деятелей решили перевести всю корпусную артиллерию РККА с раздельно-гильзового заряжания на картузное. Преимущества раздельно-гильзового заряжания более чем очевидны. Замечу, что Германия, имевшая лучшую в мире артиллерию в обеих мировых войнах, полагалась исключительно на раздельно-гильзовое заряжание. И не только в орудиях среднего калибра (10,5–20,3 см), но и в орудиях крупного калибра (30,5–43 см).

Важно отметить, что переход от гильзы к картузу касается не только выстрела, тут требуется введение изменений в стволе орудия. Так, стволы опытных 152-мм гаубиц М-10 и гаубиц-пушек МЛ-20 с картузным заряжанием были не взаимозаменяемы со штатными стволами. Крохоборы-картузники могли выиграть в копейках, зато полностью дезорганизовать нашу корпусную артиллерию. Война положила конец происками «картузников».

Крохоборы из ГАУ на время унялись, аж до 11 декабря 1967 г., когда вышло постановление о начале работ по созданию 122-мм и 152-мм гаубиц с картузным заряжанием. 5 лет напрасного труда, и в марте 1972 г. Министерство оборонной промышленности выпустило приказ о прекращении работ по картузным гаубицам 122-мм Д-16 и 152-мм Д-11.

Как видим, нашу артиллерию в 1920–1940-х гг. кидало из стороны в сторону. Миллиарды рублей, отнятых у голодного народа, шли на фокусы с беспоясковыми снарядами, «универсалками» (то есть зенитно-дивизионными пушками) Тухачевского, безоткатками Курчевского, прожектерство «картузников» и т. д.

Лично я не любитель малодостоверных сенсаций. Но создается впечатление, что в нашей артиллерии работала большая тщательно законспирированная группа вредителей. Не могло же у нас быть так много дураков, тем более что все тупиковые затеи были уж слишком хорошо продуманы.

Глава 7
Рысак и трактор

Если поставить в ряд все русские серийные и опытные полевые пушки, созданные с 1800 г. по 1917 г., а их наберется более двух десятков, то легко заметить, что их габариты почти одинаковы. То же можно сказать и о весе орудий. Дело в том, что весогабаритные характеристики полевых артсистем определяла «Ее Величество Шестерка Лошадей». Уменьшить вес — это проиграть в мощности орудия, а небольшое увеличение веса резко снижает мобильность. Увеличить диаметр колеса — лафет начнет опрокидываться на поворотах, уменьшить — ухудшится проходимость.

Оптимальной запряжкой в одну повозку всегда считалась четверка лошадей. При запряжке большего числа лошадей снижался коэффициент полезного действия. Поэтому более 10 лошадей старались не запрягать. В XIX веке состояли на вооружении легкие и тяжелые полевые (дивизионные) орудия. Первые запрягались четверкой, а вторые — шестеркой лошадей. К началу XX века было решено частично пожертвовать мобильностью полевой пушки ради улучшения ее баллистических качеств. Вес в походном положении 76-мм полевых пушек обр. 1900 г. и обр. 1902 г. оказался около 2 т, то есть крайний предел для шести лошадей. Скорость возки их по хорошим грунтовым дорогам не превышала 6–7 км/час. Причем стоит отметить, что для возки шести орудий батареи 76-мм пушек требовалось не 36 лошадей, а 108, так как на каждое орудие в батарее приходилось по 2 зарядных ящика, каждый из которых также запрягался шестеркой лошадей. Кроме того, в пешей батарее имелись лошади для офицеров, хозяйственных нужд и т. д.

Конная тяга существенно ограничивала и мощь осадной артиллерии. В русской осадной артиллерии предельным весом тела орудия был вес в 200 пудов (3,2 т). В 1910–1913 гг. в России принимаются на вооружение разборные осадные орудия. Так, например, 280-мм мортира (Шнейдера) разбиралась в походном положении на 6 частей. Для возки каждой части (повозки) требовалось 10 лошадей, то есть для всей мортиры — 60 лошадей, не считая лошадей для повозок с боеприпасами.

Первая попытка использования механической тяги в русской армии произошла в 1912–1914 гг. Так, 152-мм осадная пушка обр. 1904 г. в 1912 г. буксировалась колесным трактором по шоссе со скоростью до 12 км/час. В 1913 г. в Брест-Литовской крепости производились опыты по возке 76-мм

пушки обр. 1900 г. за грузовым автомобилем. Однако командование крепостной артиллерии смотрело на мехтягу как на фокусы, а командование полевой артиллерии вообще ее игнорировало.

В 1914–1917 гг. Россия закупила в Англии несколько тяжелых орудий и тракторов для их возки. Так, для 305-мм гаубицы Виккерса были заказаны колесные паровые тракторы «Большой лев» и «Малый лев» конструкции Фаулера. На испытаниях возкой 305-мм гаубицы с трактором «Большой лев» было «совершенно испорчено отличное шоссе из Царского Села в Гатчину». Кроме того, на разведение паров требовалось несколько часов, поэтому ГАУ отказалось от паровых «львов».

Более удачными оказались тракторы с карбюраторными двигателями — колесный 60-сильный «Мортон» и колесно-гусеничный «Аллис-Шальмерс». Эти тракторы использовались для возки 203-мм и 234-мм английских гаубиц фирмы «Виккерс». Остальные же тяжелые орудия оставались на конной тяге.

В связи с малой мощностью и немногочисленностью разборных тяжелых орудий русское командование вынуждено было мобилизовать на фронт тяжелые корабельные и береговые орудия — 152-мм пушки Кане и 254-мм пушки. Их перевозили в разобранном виде только по железной дороге. К позиции орудия специально прокладывали железнодорожную ветку нормальной колеи. Любопытен был способ возки 305-мм осадной гаубицы обр. 1915 г. К линии фронта гаубицу доставляли по железной дороге с нормальной колеей. Затем части гаубицы довольно оригинальным способом перекладывались на тележки узкоколейной железной дороги (колея 750 мм) и таким способом доставлялись непосредственно на позицию.

В годы Гражданской войны Красная Армия ни разу не применяла тяжелой артиллерии, если не считать железнодорожных и судовых установок. Любопытно, что в Крыму осадные орудия белых, брошенные в ноябре 1920 г., так и стояли почти год — красным нечем их было вывезти.

К 1 марта 1923 г. в частях ТАОН[12] РККА состояло 42 трактора, из которых 16 было неисправно. Кроме того, в случае мобилизации в ТАОН из гражданских учреждений должны были поступить 299 гусеничных тракторов мощностью свыше 50 л.с. В числе них было 107 тракторов типа «Клейтон», 110 типа «Рустан», 65 типа «Холт» и 17 типа «Ломбард». Что же касается корпусной и дивизионной артиллерии, то она полностью состояла на конной тяге.

В 1929 г. РККА получила первые 474 отечественных трактора и 3380 автомобилей. К 1 октября 1932 г. в РККА состояло уже 10 291 автомобиль

(в том числе 2068 легковых, 6438 грузовых и 1786 специальных) и 1986 тракторов. Однако все тракторы были сельскохозяйственного типа. Специальных тягачей тогда у нас еще не существовало.

С конца 1920-х гг. в артиллерии стал широко использоваться трактор «Коммунар», созданный на базе немецкого трактора «Ганномаг». Трактор был тихоходен и сравнительно маломощен. Тем не менее, за неимением лучшего, дивизионы РВГК получали «Коммунары». «Коммунар» был снят с производства в 1935 г.

К 1 января 1934 г. из 21 артиллерийского полка АРГК 10 полков были на механической тяге. По штату на 1 июля 1934 г. в АРГК требовалось 789 автомобилей (в том числе 257 легковых и 532 грузовых и специальных) и 385 тракторов, а фактически же состояло 178 автомобилей (в том числе 41 легковой и 137 грузовых и специальных) и 238 тракторов.

Такое положение было признано ненормальным, и параллельно с разработкой системы артиллерийского вооружения на вторую пятилетку была также разработана система оснащения артиллерии средствами механической тяги. Эта система была утверждена постановлением СТО от 13 августа 1933 г. Этой системой, а также дополнительными приказами Генерального штаба к концу 1936 г. предусматривалось иметь на механической тяге 21 артиллерийский полк РГК (из имеющихся 39), 16 корпусных артиллерийских полков (из 45) и все 55 тяжелых артиллерийских дивизионов артиллерийских дивизий. Кроме того, подлежала переводу на мехтягу часть зенитной артиллерии.

К 1 января 1937 г. из 21 артиллерийского полка АРГК на мехтягу было переведено 16 полков. Кроме того, мехтягой были оснащены 12 корпусных артиллерийских полков. Большинство же корпусной артиллерии, а также вся дивизионная и полковая артиллерия оставались на конной тяге.

Степень укомплектованности средствами мехтяги артполков, переведенных на механическую тягу, была очень невысокой. По данным Генерального штаба, во всех этих полках на 1 января 1936 г. числилось всего 790 тракторов ЧТЗ и «Коммунар» и 692 прицепные повозки, в то время как по штатам их требовалось в три раза больше. В специальном докладе Генштаба от 14 мая 1936 г. по этому поводу говорилось: «Существующие артиллерийские части на мехтяге даже по штатам мирного времени настолько неудовлетворительно обеспечены тракторами и автомашинами, что лишены возможности проводить полноценную развернутую учебу. Многие части на стрельбы и в лагери вынуждены выводить материальную часть поэшелонно».

В 1937–1938 гг. были проведены полигонные и войсковые испытания

опытных образцов тракторов «Ворошиловец», СТЗ-3 и С-2. По результатам этих испытаний постановлением КО от 19 декабря 1931 г. все эти тягачи были приняты на вооружение артиллерии и поставлены в валовое производство. Постановлением предусматривалось в 1940 г. изготовить 600 тракторов «Ворошиловец», 1500 тракторов С-2 и 4000 тракторов СТЗ-3. Тягачи «Ворошиловец» предназначались для артиллерии большой мощности. Тягачи СТЗ-3 предназначались для гаубичных полков АРГК и артиллерии стрелковых дивизий.

Весной 1932 г. в КБ завода им. Ворошилова началось проектирование артиллерийского тягача на шасси легкого танка Т-26. Вес тягача Т-26Т оказался 7,8 т. Серийное производство тягача началось в июле 1933 г., и до конца года было выпущено 163 Т-26Т. На испытаниях тягач не мог тянуть 7-тонный груз по размытым проселочным дорогам. К 1 июня 1941 г. в танковых частях РККА числилось 211 тягачей на базе танка Т-26.

Проектирование легкого тягача для полковых и противотанковых орудий, получившего название «Комсомолец», началось в конце 1936 г. в НАТИ под руководством Н. А. Астрова. Водитель и командир тягача (он же стрелок) были защищены броней в 7–10 см, зато весь расчет открыт для огня противника. Двигатель тягача был перегружен и постоянно выходил из строя. К серийному производству «Комсомольцев» приступили в 1937 г. В июле 1941 г. выпуск «Комсомольцев» прекратили и больше не возобновляли.

Тягачи «Коминтерн» поступили в серийное производство в 1938 г. Они предназначались для корпусной и зенитной артиллерии. Тягачи «Коминтерн» имели ряд существенных недостатков: они имели слишком большие габариты и были неэкономичны в эксплуатации. В качестве примера можно привести испытания в марте 1938 г. 203-мм гаубиц Б-4 и 152-мм пушек Бр-2, оснащенных ствольными повозками Б-29 и Бр-10. При гололедице ствольную повозку Б-29 можно было тянуть лишь двумя тракторами «Коминтерн». Один трактор не мог ее даже сдвинуть с места — проскальзывали гусеницы. Ствольная повозка Бр-10 с одним трактором «Коминтерн» застряла в канаве, засыпанной снегом, глубиной 1,2 м. Постановлением КО от 19 декабря 1939 г. трактора «Коминтерн» были сняты с производства. Их должны были заменить трактора С-2. Тем же постановлением предусматривалось довести выпуск тракторов «Комсомолец» в 1940 г. до 2700 штук.

К началу войны вся артиллерия РГК, корпусная артиллерия, частично дивизионные гаубичные полки, а также противотанковая и зенитная артиллерия были полностью переведены на механическую тягу. Конная

тяга оставалась лишь в батальонной, полковой и горной артиллерии, а также в легких артиллерийских полках стрелковых дивизий. По штатам военного времени примерно половина всей артиллерии стрелковой дивизии перевозилась конной тягой.

Артиллерии дивизии по штату полагалось иметь 99 тракторов, в том числе 21 тягач «Комсомолец», 48 тракторов СТЗ-3, 5 тракторов СТЗ-5 и 25 тракторов С-65. Однако из-за недостатка средств эти нормы, как правило, не выдерживались ни по типу, ни по количеству машин. Для буксировки 45-мм пушек вместо специальных тягачей использовались грузовые автомобили «ГАЗ-АА» и «ЗИС-5». 122-мм дивизионные гаубицы перевозились тракторами СТЗ-3 и автомобилями «ЗИС-5», 152-мм гаубицы — сельскохозяйственными тракторами С-60 и С-65 вместо положенных по штату более быстроходных тракторов СТЗ-5.

В корпусной артиллерии и АРГК для перевозки 122-мм пушек и 152-мм гаубиц-пушек вместо недостающих тягачей «Коминтерн» использовались тракторы С-60 и С-65.

На 1 января 1941 г. в артиллерии находилось 21 448 тракторов, в том числе 6150 специальных артиллерийских тягачей и 15 298 тракторов сельскохозяйственных и транспортных. Из 21 448 тракторов и тягачей 4100, то есть около 20 %, нуждались в капитальном и среднем ремонте. Вместо положенных по штату 10 528 специальных артиллерийских тягачей налицо было только 6150 (58 %), остальные заменялись еще более тихоходными сельскохозяйственными тракторами с меньшим запасом хода. В запасах центральных органов снабжения специальных тягачей не было, и в случае мобилизации артиллерия могла базироваться только на поношенные тракторы, изъятые из народного хозяйства.

Для орудий большой и особой мощности требовалось не менее 7500 тягачей «Ворошиловец», а в наличии было около 250.

Все артиллерийские части на механической тяге зенитной, дивизионной, корпусной артиллерии и АРГК были обеспечены исключительно тракторами сельскохозяйственного типа (СТЗ-3, ЧТЗ-60, ЧТЗ-65), то есть тракторами с малыми скоростями передвижения (4–6 км/ч) и с очень низкой маневренностью. Обеспеченность частей указанными тракторами, находящимися в удовлетворительном состоянии, составляла около 30–35 %.

Ситуация с мехтягой в Красной Армии в 1939–1941 гг. была, на мой взгляд, неудовлетворительной. Так, к примеру, в ходе ввода войск в сентябре 1939 г. в Западную Украину и Западную Белоруссию артиллерийские части на тракторной тяге за 3–10 суток марша отставали от

войск на сутки и более. Кроме того, наблюдался массовый выход средств тяги из строя.

В ходе Советско-финляндской войны артиллерия была укомплектована тракторами и тягачами всего на 69 % от штата. «Более 20 % отмобилизованных тракторов части бросили на месте отмобилизации из-за невозможности срочно отремонтировать их. 85 % мобилизованных тракторов составляли тракторы С-60; все они нуждались в ремонте (15 % в среднем, 85 % в капитальном)»[13].

В первом полугодии 1941 г. началось частичное развертывание армии и интенсивное формирование новых артиллерийских частей. Это еще более ухудшило ситуацию с механической тягой. Мобилизованные из народного хозяйства тракторы большей частью были изношены, а производить их ремонт армия не имела ни сил, ни средств. Средним ремонтом тракторов не занимались ни ремонтные базы Наркомата обороны, ни артиллерийские части; первые — из-за отсутствия свободных производственных мощностей, вторые — из-за отсутствия запасных частей, инструмента или мастерских.

Капитальный ремонт тракторов на ремонтных базах Наркомата обороны задерживался. Так, в Киевском особом военном округе (КОВО) на ремонтных базах находилось 960 тракторов, в ЗапОВО — 600. Срок окончания их ремонта без учета вновь поступавших тракторов намечался только на второй квартал 1943 г. В машинно-тракторных мастерских Наркомата земледелия с 1940 г. находилось около 400 тракторов, сданных в ремонт Западным и Киевским округами. Срок выпуска их из ремонта оставался неустановленным.

Таблица 1. **Основные ТТД специальных артиллерийских тягачей и тракторов, применявшихся для буксировки орудий в начале войны**

Данные	Вес, т	Мощность, л.с.	Скорость, км/ч		Максимальное тяговое усилие, кг	Запас хода, км	Номинальный вес буксируемого прицепа, т	Сорт горючего
			Максимальная	средняя по целине				
АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ТЯГАЧИ								
Легкий гусеничный «Комсомолец»	3,5	50	35	15	2500	150—170	2,0	Бензин 2-й сорт
Средний гусеничный «Коминтерн»	10,5	130	29	12	6800	60—90	10,0	Бензин 2-й сорт
Тяжелый гусеничный «Ворошиловец»	15,7	360	35	15	10 000	180—200	22,0	Дизельное топливо
ТРАКТОРЫ								
Средний гусеничный «Коммунар»	9,0	90	12	6	4600	100—150	—	Бензин 2-й сорт
Сельскохозяйственный СТЗ-3	5,1	52	8	5	2600	40—60	4,5	Керосин
Транспортный СТЗ-5	5,7	52	32	10	2450	70—120	4,5	Керосин
Сельскохозяйственный С-60	9,5	60	6,8	4—5	5500	80—130	10,0	Леграин
Сельскохозяйственный С-65	11,2	65	6,8	4—5	4000	90—150	10,0	Соляр-ное масло
Транспортный «Сталинец-2»	11,7	115	24	10—12	5300	180	10,0	Дизельное топливо

Таблица 2. **Численность, состав и качественное состояние тракторного парка советской артиллерии на 1 января 1941 г.**

Марки тракторов	Положено по штату	Имеется в арт. частях	Из них требуют ремонта		Всего неисправных	
			среднего	капитального	количество	в %
«Ворошиловец»	733	228	23	15	38	16,8
«Коминтерн»	6891	1017	164	87	251	24,6
«Комсомолец»	2810	4401	506	337	843	19,1
Итого арттягачей:	10 434	5646	693	439	1132	20,0
Тягач-60	44	1631	206	343	549	33,7
Тягач-65	3668	7170	677	320	997	13,9
Тягач-3	384	3658	504	348	852	23,3
Итого с/х тракторов:	4096	12 459	1387	1011	2398	19,0
Тягач-2	951	—	—	—	—	—
Тягач-5	5478	2839	251	55	306	10,8
«Коммунар»	94	504	71	198	269	53,3
Итого транспортных тракторов:	6523	3343	322	253	575	17,2
Всего тракторов:	21 053	21 448	2402	1703	4105	19,1

Вот, к примеру, донесение начальника артиллерии Орловского военного округа от 5 июня 1941 г.: «По штатам мирного и военного времени, 364, 488-му корпусным артиллерийским полкам и 399-му гаубичному артиллерийскому полку положены тракторы „Коминтерн“ и „Сталинец-2“. В момент сформирования указанных артиллерийских частей тракторов „Коминтерн“, „Сталинец-2“ и их заменяющих ЧТЗ-65 в округе не было… Планом вооружения Генерального штаба Красной Армии на 1941 г. предусматривается укомплектование этих частей на 50 % штатной потребности вместо положенных тракторов „Коминтерн“ и „Сталинец-2“ маломощными тракторами СТЗ-3–5… Перевозка указанными тракторами материальной части артиллерии от станции Рада Ленинской железной дороги до лагерей производилась по лесной проселочной дороге на расстоянии 0,5–1 км… Из 10 тракторов СТЗ-3–5, участвовавших в переброске 122-мм пушек и 152-мм гаубиц-пушек, застряло 8. Все принятые меры к вытаскиванию застрявших орудий тракторами СТЗ-3-5 оказались безрезультатными… Считаю, что укомплектование указанных артиллерийских частей маломощными тракторами СТЗ-3-5 в размере 50 % штатной потребности делает их небоеспособными».

Таблица *3.* **Штатные средства тяги частей РККА к 22 июня 1941 г.**

	Людей	Тракторов	Автомобилей	Лошадей	Артиллерии
Стрелковая дивизия (военного времени)	14 483	99	358	3039	86 орудий калибра 37—122 мм
Корпусной артполк I типа	2173	84	250	—	24—122-мм пушки А-19, 12—152-мм гаубиц-пушек
Корпусной артполк II типа	1861	84	212	—	36—152-мм гаубиц-пушек
Пушечный артполк РВГК	2665	112	308	—	24—107-мм или 122-мм пушек, 24—152-мм гаубиц-пушек
Гаубичный артполк РВГК	2318	108	265	—	48—152-мм гаубиц
Гаубичный артполк большой мощности РВГК	2304	112	242	—	24—203-мм гаубиц Б-4
Тяжелый пушечный артполк РВГК	2598	104	287	—	24—152-мм пушки Бр-2

А вот донесение от 18 июня 1941 г. о передвижении частей ЗапОВО к новому месту дислокации: «Во время марша 27-й и 42-й стр. дивизий из-за низкой квалификации шоферов были случаи аварий автомашин и тракторов. Шофер 132 сп 27 сд Полтавцев 8.V.41 г. опрокинул автомашину. Находившийся в ней повар-инструктор Измайлов получил перелом правой ключицы. Мл. командир 75 гап 27 сд Кошин, управляя трактором ЧТЗ-5, наехал на 122-мм орудие, в результате чего трактор выведен из строя. Водитель трактора Тейлинский (42 сд) наскочил на впереди идущее орудие, в результате чего трактор вышел из строя и повреждено орудие. Водитель Баев той же дивизии, управляя автомашиной, наскочил на вторую автомашину, в результате чего обе машины вышли из строя. Водитель автомашины парковой батареи 42 сд Леонтьев наехал на столб, чем вывел из строя машину и ранил себя. Аналогичные факты имели место и в 75 сд.

Кроме того, во время марша в 115 сп 75 сд по причине потертости вышли из строя 23 лошади»[14].

С целью сбережения материальной части и топлива в предвоенные годы для боевой учебы и хозяйственных надобностей разрешалось

использовать лишь один трактор на батарею, причем время работы его не должно было превышать 25 часов в месяц. Можно представить себе, на каком уровне велась боевая подготовка нашей механизированной артиллерии.

Неудовлетворительное положение со средствами мехтяги наряду с другими факторами привело к катастрофическим последствиям в первые же дни войны.

26 июня 1941 г. полковник И. С. Стрельбицкий доносил командующему артиллерией 13-й армии, что из 12 артиллерийских дивизионов бригады 9 дивизионов не имеют ни тракторов, ни водителей, ни снарядов.

В г. Дубно формировался 529-й гаубичный артиллерийский полк большой мощности. Из-за отсутствия мехтяги при подходе немцев были брошены в исправном состоянии 27 203-мм гаубиц Б-4, то есть весь полк.

На пополнение парка в первом полугодии 1942 г. от промышленности поступали только тракторы СТЗ-5. Из них 1628 — до 1 июня 1942 г. и 650 — за июнь 1942 г.

Эти тракторы почти полностью пошли на укомплектование вновь формирующихся артполков стрелковых дивизий.

Трактор «Ворошиловец» не производился с августа 1941 г. И за время войны Красная Армия ни одного «Ворошиловца» не получила.

Вопрос об изготовлении опытных образцов и подготовке трактора А-45 (взамен «Ворошиловца») на базе танка Т-34 на 13 июля 1942 г. разрешен не был. Техпроект этого трактора, разработанный заводом № 183, утвержден ГАБТУ и ГАУ 4 июня 1942 г. Тем не менее в серию по разным причинам А-45 так и не пошел.

Выпуск тракторов ЧТЗ прекратился в декабре 1941 г., и на 13 июля 1942 г. производство их возобновлено не было.

Таблица 4

Тип трактора	Наличие на 22 июня 1941 г.	Поступило с 22.06.1941 по 1.01.1942		Наличие на 1 января 1942 г.
		От промышленности	По мобилизации	
«Ворошиловец»	780	27	—	294
«Комсомолец»	6668	—	—	1770
ЧТЗ	11 627	3078	30 300	35 408
Прочие марки	23 973	5240		

Тракторы из-за границы на 13 июля 1942 г. еще не поступали, и первая

партия в 400 штук ожидалась только в августе. Из доклада начальника АТУ ГАБТУ КА для секретариата СНК СССР о состоянии тракторного парка Красной Армии от 13 июля 1942 г.: «Вследствие полного прекращения выпуска тракторов „Ворошиловец“ и ЧТЗ создалось чрезвычайно тяжелое положение в артиллерийских и танковых частях. Новые формирования пушечных и тяжелых гаубичных артполков РГК совершенно не обеспечиваются механической тягой (трактор ЧТЗ). Потребность на пополнение убыли тракторов действующих частей не удовлетворяется. Во многих артполках 1 трактор приходится на 2–3 орудия. Танковые части совершенно не обеспечиваются мощными тракторами „Ворошиловец“, в результате чего тяжелые и средние танки даже из-за небольших неисправностей или повреждений своевременно не эвакуируются с поля боя и попадают к противнику…

В связи с прекращением выпуска тракторов ЧТЗ в артиллерийских частях создалось катастрофическое положение с механической тягой»[15].

В августе 1943 г. начались испытания трех опытных образцов гусеничного артиллерийского тягача Я-12, созданного в КБ Ярославского автомобильного завода. Тягачи были оснащены поставляемым по ленд-лизу дизелем GMC-4-71 мощностью 112 л.с., который позволял развивать скорость 37,1 км/ч по хорошей дороге. Вес тягача без груза 6550 кг.

Тягач Я-12 мог буксировать 85-мм зенитные пушки, корпусные артсистемы А-19 и МЛ-20 и даже (с трудом) 203-мм гаубицу Б-4. С августа до конца 1943 г. Ярославский завод изготовил 218 тягачей Я-12, в 1944 г. — 965 и до 9 мая 1945 г. — еще 1048.

А теперь перейдем к штатным артиллерийским тягачам вермахта. За первые 18 дней войны среднее ежедневное продвижение немецких войск составляло от 25 до 35 км. И достигнуто это было не в последнюю очередь благодаря системе германских колесногусеничных артиллерийских тягачей. В вермахте их называли «Somderkraftfarzeug», то есть «специальные моторизованные машины».

Изначально имелось шесть классов таких машин:

— 1/2-тонный класс, Sd.Kfz.2;
— 1-тонный класс, Sd.Kfz.10;
— 3-тонный класс, Sd.Kfz.11;
— 5-тонный класс, Sd.Kfz.6;
— 8-тонный класс, Sd.Kfz.7;
— 12-тонный класс, Sd.Kfz.8;
— 18-тонный класс, Sd.Kfz.9.

Машины всех классов были очень похожи друг на друга и оснащались

кабинами из тентов. Ходовая часть гусеничного шасси снабжалась установленными в шахматном порядке опорными катками. Гусеницы были с резиновыми подушками и смазкой траков. Такая конструкция шасси обеспечивала высокую скорость движения по шоссе и удовлетворительную проходимость по бездорожью.

Опорные катки всех машин, кроме Sd.Kfz.7, имели торсионную подвеску. Разворот машины осуществлялся поворотом передних (обычных) колес и включением дифференциалов гусеничного движения.

Самым маленьким германским артиллерийским тягачом был Sd.Kfz.2 — гусеничный мотоцикл фирмы NSU. Всего фирмы NSU и Stoewer изготовили не менее 8345 гусеничных мотоциклов.

Этот мотоцикл с мотором в 36 л.с. и собственным весом 1280 кг первоначально предполагался для использования в ВДВ для буксировки 7,5-см и 10,5-см безоткатных пушек, минометов и других систем. Усилие «на крюке» до 200 кг.

В пехотных дивизиях Sd.Kfz.2 применялся для буксировки 37-мм противотанковых пушек, 7,5-см пехотных орудий, 2-см зенитных пушек и других легких систем.

Скорость движения Sd.Kfz.2 достигала 70 км/ч. Однако на кривых участках путей скорость следовало снижать, а подъемы или холмы можно было преодолевать только по прямой, при движении же по диагонали Sd.Kfz.2 мог опрокинуться.

Весной 1942 г. ГАБТУ провело сравнительные испытания трофейного немецкого тягача Sd.Kfz.2, который у нас попросту назывался НСУ, и нашего автомобиля ГАЗ-64.

Согласно отчету от 6 мая 1942 г., «немецкий тягач НСУ и автомобиль ГАЗ-64 по силе тяги и проходимости могут буксировать 45-мм противотанковую пушку. Однако ни тягач, ни автомобиль ГАЗ-64 не в состоянии перевозить штатный расчет пушки, состоящий из 5 человек, и боекомплект. Буксировка 37-мм зенитной пушки с расчетом в 3 человека вместо семи немецким тягачом и ГАЗ-64 возможна только по хорошим шоссейным дорогам…

Проходимость тягача по проселочным и лесным дорогам в период весеннего бездорожья лучше, чем ГАЗ-64…

Отсутствие преимущества тягача НСУ в сравнении с ГАЗ-64 как по динамическим, так и по тяговым качествам, сложность конструкции тягача и трудности освоения его производства дают основания сделать вывод о нецелесообразности принятия его на производство»[16].

Следует заметить, что немцы называли свои колесно-гусеничные

тягачи 1-, 3-, 5-, 8-, 12– и 18-тонными, имея в виду не их грузоподъемность в тоннах, а условный груз, который они могли буксировать по пересеченной местности в условиях средней проходимости.

Однотонный полугусеничный тягач Sd.Kfz.10 предназначался для буксировки противотанковых пушек калибра 3,7 см, 5 см и 7,5 см. На его базе был создан легкий БТР. Мощность двигателя Sd.Kfz.10 составляла 90–115 л.с. Скорость по шоссе — до 65 км/ч.

Легковой автомобиль-тягач с силой тяги 3 т Sd.Kfz.11 предназначался для буксировки 10,5-см легких полевых гаубиц и 15-см реактивных минометов. На его базе был создан средний БТР. Мощность двигателя 90–100 л.с. Скорость хода 50–70 км/ч.

Средний тягач Sd.Kfz.6 в 5 т буксировал 10,5-см легкую гаубицу, 15-см тяжелую гаубицу, 10,5-см пушку и 8,8-см зенитную пушку. Мощность двигателя 90–115 л.с. Скорость по шоссе 50–70 км/ч.

Средний тягач Sd.Kfz.7 в 8 т буксировал 15-см тяжелую гаубицу, 10,5-см пушку и 8,8-см зенитную пушку. Мощность двигателя 115–140 л.с. Максимальная скорость хода по шоссе 50–70 км/ч.

Тяжелый тягач Sd.Kfz.8 в 12 т буксировал зенитные орудия калибра 8,8 см и 10,5 см, а также 21-см мортиры обр. 18. Мощность двигателя 150–185 л.с. Скорость хода по шоссе 50–70 км/ч.

И наконец, тяжелый тягач Sd.Kfz.9 в 18 т мог буксировать все типы танков, все тяжелые артсистемы большой и особой мощности, а также 12,8-см зенитные орудия. Естественно, что орудия особой мощности перевозились в разобранном виде. Соответственно для перевозки одной 21-см пушки K.39 требовалось три тягача Sd.Kfz.9, а для 24-см пушки K3 — пять тягачей. Для 35,5-см мортиры M.1 — семь тягачей. Мощность его двигателя составляла 230–250 л.с. Скорость хода 50–70 км/ч.

В ходе войны на базе легких, средних и тяжелых полугусеничных тягачей немцы создали с дюжину импровизированных самоходных установок. При этом пушка попросту помещалась в кузове тягача. Так были созданы самоходные ординарные и счетверенные 2-см зенитные установки, а также 3,7-см и 5-см зенитные автоматические установки, а на шасси тягача Sd.Kfz.9 — самоходные 8,8-см зенитные пушки.

На средних тягачах Sd.Kfz.6 устанавливались 3,7-см и 5-см противотанковые пушки.

Кроме полугусеничных тягачей, для возки артиллерии в вермахте использовались и чисто гусеничные машины. Особую известность среди них получил трактор RSO фирмы «Штайр».

Для «блицкрига» в России немцы использовали сотни тысяч тракторов

и автомобилей, захваченных по всей Европе в 1939–1941 гг. Степень моторизации как армии в целом, так и артиллерии в частности была в вермахте существенно выше, чем в РККА, что и стало важной составляющей артиллерийского вектора поражения 1941 г.

Глава 8
Корректировка артиллерии с воздуха

К началу Второй мировой войны основными германскими самолетами — артиллерийскими корректировщиками были одномоторные «Хеншель» HS-126. Экипаж самолета — два человека. Высокое расположение крыла обеспечивало хороший обзор пилоту и корректировщику. Максимальная скорость HS-126 — 349 км/ч, дальность полета 720 км. Машина производилась в 1938–1940 гг., всего выпущено 810 самолетов.

В июле 1938 г. начались летные испытания самого знаменитого разведчика-корректировщика Второй мировой войны — «Фокке-Вульф» FW-189. В люфтваффе его именовали «Uhu» («Филин»), германская пресса — «летающим глазом», ну а наши солдаты окрестили его «Рамой» за двухкилевую конструкцию.

Гондола-фюзеляж по своей конструкции была металлическим монококом, отдельные части которого соединялись на болтах. Носовая и хвостовая части гондолы имели большую площадь остекления, которое было выполнено плоскими панелями, не дающими искажений. В гондоле размещались три члена экипажа — пилот, штурман-наблюдатель и стрелок хвостовых пулеметных установок.

Хвостовое оперение крепилось на двух балках овального сечения, являвшихся продолжением мотогондол. По своей конструкции эти балки представляли собой монокок. Стабилизатор и кили были моноблочной конструкции. Рули имели каркас из дюралюминия и полотняную обшивку.

На «Раме» устанавливались два двигателя «Аргус» As-410A-1 мощностью 465 л.с. каждый. Винты были изменяемого в полете шага.

Самолет был вооружен двумя неподвижными 7,92-мм пулеметами MG 17 в центроплане для стрельбы вперед и двумя подвижными 7,92-мм пулеметами MG 15 в шкворневых установках в задней части гондолы. Один из подвижных пулеметов предназначался для стрельбы назад и вверх, а второй — назад и вниз. Такое вооружение, хороший обзор и высокая маневренность позволяли экипажу на вираже постоянно держать атакующий истребитель в зоне обстрела его задних огневых точек. Обстреляв атакующий истребитель, «Рама» обычно уходила спирально на малые высоты и бреющий полет. Советского летчика, сбившего «Раму», обычно представляли к награде.

Производство самолетов FW-189 на германских заводах было

прекращено в 1942 г., но на французских заводах оно продолжалось до января 1944 г., а на чехословацких — до 1945 г. Всего было выпущено 846 самолетов FW-189 всех модификаций.

К 22 июня 1941 г. ни одного FW-189 в боевых эскадрильях еще не было, а артиллерийскую корректировку в первые месяцы войны вели только HS-126. За первые три месяца войны было выведено из строя более 80 «Хеншелей», из них 43 безвозвратно.

Только в ноябре 1941 г. в действовавшую на Восточном фронте эскадрилью 2.(F)11 поступили первые самолеты FW-189A-1. Затем «Фокке-Вульфы» поступили на вооружение эскадрильи 1.(P)31, оперативно приданной 8-му армейскому корпусу, и эскадрильи 3.(H)32, приданной 12-й танковой дивизии.

«Рама» оказалась крепким орешком для наших истребителей. Вот несколько примеров. 19 мая 1942 г. над Таманским полуостровом два советских истребителя МиГ-3 на высоте 4000 м атаковали германский разведчик FW-189A. В результате был поврежден двигатель «Рамы», вышло из строя все оборонительное вооружение, но летчик все же смог посадить самолет на передовом аэродроме. При посадке машина получила повреждения: подломилась левая основная опора шасси и была смята левая плоскость крыла. Самолет быстро отремонтировали, и он вновь вошел в строй.

25 августа 1942 г. наши артиллеристы-зенитчики сбили «Раму» из эскадрильи 2.(H)12. 22-летний пилот фельдфебель Ф. Элькерст остался жив и был допрошен. Он имел большой боевой опыт, начав войну еще во Франции. Пилот рассказал, что его эскадрилья с посадочной площадки Ольшанцы под Орлом вела разведку с попутной бомбардировкой в треугольнике Киров — Жиздра — Сухиничи. За сутки производилось 5–6 вылетов, и почти всегда без прикрытия истребителей. За три месяца боев эскадрилья не потеряла ни одного самолета. Один из пилотов был тяжело ранен, но сумел долететь до своего аэродрома. По мнению немецкого летчика, избегать встреч с советскими истребителями «Фокке-Вульфам» удавалось благодаря хорошему взаимодействию с постами ВНОС[17].

В районе Сталинграда разведчики FW-189 постоянно находились над позициями наших войск. Так, над Мамаевом курганом они появлялись каждые 2–3 часа по 5–6 раз в сутки, а их вылеты сопровождались массированными артобстрелами и налетами пикировщиков.

«Фокке-Вульфы» обычно действовали на высоте 1000 м, откуда следили за переброской частей пехоты и танков, фотографировали стоянки самолетов, позиции зенитных батарей, склады, обнаруживали резервы, а

также корректировали огонь артиллерии. Разведчики работали почти в любых метеоусловиях, а попадая в зону действия ПВО, уходили на высоту до 3000 м.

В сентябре 1942 г. немцы на Восточном фронте имели 174 разведчика FW-189, а также 103 самолета He-126, 40 Bf-109 и Bf-110.

Помимо «Рамы» и Hs-126, немцы часто использовали в качестве корректировщика связной самолет «Фюзелер» Fi-156 «Шторх» («Аист»), которому для разбега требовалось всего лишь 60 метров и примерно столько же для посадки. Этого немцы добились, применив «сверхмеханизированное» крыло с подкрылками, закрылками и так называемыми зависающими элеронами, также играющими роль подкрылков.

Максимальный взлетный вес машины составлял 1325 кг, максимальная скорость 175 км/ч. Кабина была спроектирована так, чтобы обеспечить хороший обзор по всем направлениям. Боковые части фонаря кабины выступали в виде балкончиков, что обеспечивало обзор вертикально вниз. Потолок кабины также был весь прозрачный. Три сиденья располагались друг за другом. Переднее сиденье предназначалось для пилота. Заднее сиденье было съемным, и на его месте устанавливался фотоаппарат.

Серийное производство «Шторха» началось в 1937 г. в Германии на заводе в городе Касселе и продолжалось вплоть до окончания войны. Кроме того, с апреля 1942 г. эти самолеты выпускались во Франции на заводе «Моран-Солонье», а с декабря 1943 г. — в Чехословакии на заводе «Мраз». Всего по заказам люфтваффе было произведено около 2900 самолетов Fi-156.

Специально для разведки и корректировки выпускалась версия Fi-156C-2 с аэрофотоаппаратурой в кабине и Fi-156C-5 с аэрофотоаппаратурой в сбрасываемом контейнере.

В Красной Армии средства воздушной артиллерийской разведки перед войной были представлены корректировочно-разведывательной авиацией в виде авиационных звеньев (три самолета в звене), организационно входивших в состав корпусных эскадрилий (по три звена в эскадрилье) войсковой авиации. Всего по довоенным штатам полагалось содержать в 59 эскадрильях 177 корректировочно-разведывательных звеньев с 531 самолетом. Фактически же из-за неукомплектованности их было меньше. Например, в Киевском особом военном округе вместо положенных по штату 72 корректировочных самолетов было только 16. Не хватало радиостанций и аэрофотоаппаратов.

В 1930-е гг. у нас было разработано несколько проектов самолетов-

корректировщиков, но ни один из них не удалось запустить в серию. В результате корректировочные звенья укомплектовывались самолетами устаревших, не приспособленных для этих целей конструкций (Р-5 и РZ), к тому же многие из них были сильно изношены.

Летный состав корректировочных звеньев комплектовался главным образом из пилотов, отчисленных из боевой авиации в связи с переходом ее на скоростные самолеты. Специальная подготовка летчиков для корректирования стрельбы артиллерии была слабой, так как командиры эскадрилий, не будучи организационно связанными с артиллерией, не уделяли достаточного внимания этому виду подготовки.

Все эти обстоятельства привели к тому, что методы стрельбы артиллерии с корректировочной авиацией перед войной не получили широкого распространения. Так, например, из 2543 боевых стрельб, проведенных частями корпусной артиллерии 15 военных округов в 1939/40 учебном году, только 52 стрельбы (2 %) проводились с участием корректировочной авиации.

К началу войны в артиллерии было только три отряда аэростатов наблюдения (по одному аэростату на отряд), дислоцировавшихся в Ленинградском военном округе.

В августе 1941 г. на аэродроме НИИ ВВС КА проводились специальные испытания серийного самолета Су-2 производства завода № 207 с целью выявления возможности применения его в качестве «артиллерийского самолета для артразведки противника, аэрофотосъемки и корректуры артогня». По окончании испытаний, с некоторыми изменениями в оборудовании, самолет был рекомендован к принятию на вооружение корректировочных эскадрилий.

В сентябре 1941 г. начальник заказов вооружения Главного управления ВВС КА генерал-лейтенант интендантской службы Жаров в своем обращении к заместителю наркома авиационной промышленности П. А. Воронину писал: «Опытом боевых действий выявлено, что самолет Су-2 может быть использован на фронте не только как ближний бомбардировщик, но и как разведчик и корректировщик артиллерийского огня.

ГУ ВВС КА решено самолеты, поставляемые заводом № 207, направлять в разведывательные соединения ВВС КА. Прошу Вас дать срочное указание директору завода 207 т. Климовникову поставлять ГУ ВВС КА самолеты Су-2, дополнительно оборудованные под аэрофотоаппараты АФА по чертежам главного конструктора, радиостанцией РСБ, СПУ».

В феврале 1942 г. в связи с расформированием завод № 135 прекратил производство самолетов Су-2. Всего самолетами Су-2 были вооружены 12 разведывательных и корректировочных эскадрилий и 18 звеньев.

В начале 1943 г. эскадрильи корректировочно-разведывательной авиации были сведены в корректировочно-разведывательные авиаполки (по три эскадрильи в каждом).

К середине 1943 г. на смену самолетам Су-2 стали поступать переоборудованные самолеты Ил-2, которые до конца войны являлись основными разведчиками-корректировщиками артиллерийского огня.

13 августа 1942 г. командующий ВВС КА А. А. Новиков в связи с положительным опытом применения в июне — июле 1942 г. самолетов Ил-2У (с мотором АМ-38) для корректировки артиллерийского огня обратился к наркому авиапромышленности А. И. Шахурину (письмо № 376 269) с просьбой создать на базе штурмовика Ил-2 разведчик-корректировщик артиллерийского огня: «Фронт требует также разведывательных самолетов и самолетов-корректировщиков артогня. Оборудованный для этих целей двухместный самолет Ил-2 удовлетворит и это требование фронта. Прошу Вашего указания главному конструктору тов. Ильюшину срочно разработать и изготовить опытные образцы двухместного самолета Ил-2 в вариантах штурмовика, разведчика и корректировщика артогня».

7 февраля 1943 г. ГКО своим Постановлением № 2841 обязал Ильюшина «…до окончательной отработки самолета-корректировщика приспособить существующий двухместный самолет Ил-2 с АМ-38ф, установив радиостанцию РСБ и фотоустановку».

В марте 1943 г. корректировщик-разведчик Ил-2 был построен. У Ил-2КР полностью сохранилась конструкция и вооружение серийного двухместного «Ила» с АМ-38ф. Изменения были внесены только в состав оборудования, в топливную систему и в схему бронирования. Радиостанцию РСИ-4 заменили на более мощную РСБ-3бис с большей дальностью действия, которую разместили в средней части фонаря кабины экипажа непосредственно за бронеспинкой пилота над уменьшенным по высоте задним бензобаком. Для фиксации результатов разведки в хвостовой части фюзеляжа установили фотоаппарат АФА-И (допускалась установка АФА-ИМ). Внешне самолеты Ил-2КР отличались от серийных Ил-2 лишь наличием радиоантенны, установленной на переднем неподвижном козырьке фонаря кабины пилота.

Летные испытания Ил-2КР (зав. № 301 896) в НИИ ВВС КА успешно прошли с 27 марта по 7 апреля 1943 г. (летчик-испытатель А. К. Долгов,

ведущий инженер Н. С. Куликов).

В отчете по испытаниям указывалось, что объем спецоборудования недостаточно удовлетворяет предъявляемым требованиям к самолету данного назначения. Тем не менее Постановлением ГКО № 3144 от 10 апреля 1943 г. самолет Ил-2КР был запущен в серийное производство на заводе № 1, которому передавалась и программа выпуска этой модификации штурмовика завода № 30, ввиду того что последний получил задание на производство самолетов Ил-2, вооруженных 37-мм авиапушками ОКБ-16 конструкции А. Э. Нудельмана и А. С. Суранова.

В апреле 1943 г. 30-й авиазавод сумел выпустить 65 самолетов Ил-2КР, и уже 1 июля в действующей армии имелся 41 самолет этого типа.

Помимо этого для корректировки артогня использовалось значительное число штатных штурмовиков Ил-2.

В 1942 г. американцы по ленд-лизу поставили в СССР без запроса с нашей стороны 30 машин Curtiss O-52 «Owi» («Сова»). Из них наши ВВС применяли лишь 19 машин. Двухкилевой моноплан специально спроектирован как «обсервер», то есть артиллерийский корректировщик. Максимальный взлетный вес его составлял 2433 кг, максимальная скорость 354 км/ч. По мнению американских военных, самолет весьма неудобный. Кстати, в США было произведено всего 209 «Сов».

Самолетами Curtiss O-52 «Owi» была укомплектована 12-я отдельная корректировочная эскадрилья Ленинградского фронта. В 2001 г. поисковики в районе Новой Дубровки обнаружили одну из этих машин.

За неимением лучшего, для корректировки артогня у нас часто использовались одноместные истребители. Как это делалось, рассказал Герой Советского Союза А. А. Баршт, воевавший в 118-м отдельном корректировочно-разведывательном полку: «Мы — корректировщики — летали на высоте 3–4 тысячи метров, то есть снаряд совершенно свободно мог угодить в какой-то из наших самолетов. Поэтому необходимо было вообразить себе директрису стрельбы (прямую, соединяющую батарею и цель) и держаться от нее в стороне. Если я просто лечу, то из-за большой скорости плохо можно разглядеть местность. А когда я пикирую на цель, то углового перемещения почти нет. Поэтому вот что мы делали: набирали высоту примерно 4 тысячи метров у линии фронта и командовали: „огонь“! Они делают выстрел, и снаряд полетел. Теперь я опускаю нос и — пошел на цель. Снаряд меня обгоняет и взрывается, и я фиксирую, где взрыв, заранее (во время предварительной разведки) выбрав ориентир на местности — угол леса, либо изгиб реки, либо церковь — что есть. Даю поправки такие, что, как правило, второй, максимум третий залп накрывает

цель»[18].

Я оставлю без комментариев вопрос о том, насколько была эффективна корректировка стрельбы одноместными истребителями, и предоставлю это сделать читателю.

Итак, все самолеты, используемые Красной Армией в 1941–1945 гг., не годились для корректировки артогня.

В июле 1943 г. НИИ ВВС КА разработал тактико-технические требования к войсковому разведчику-корректировщику артиллерийского огня для плана опытного самолетостроения на 1943–1944 гг.

К ноябрю 1943 г. в КБ П. О. Сухого завершилась проработка проекта трехместного корректировщика с двумя двигателями М-62, выполненного по схеме немецкого разведчика FW-189. Самолет-корректировщик включили в проект плана строительства опытных самолетов Наркомата авиационной промышленности 1944–1945 гг., но в процессе согласования и утверждения плана эту тему «сократили».

В 1946 г. в КБ П. О. Сухого был создан аналог FW-189 — артиллерийский корректировщик и разведчик Су-12(РК). Длительность полета разведчика составляла 4 ч 18 мин против 3 часов, заданных тактико-техническими требованиями. Дальность полета 1140 км.

Первый опытный образец Су-12(РК) был закончен в декабре 1947 г., а в 1948 г. он прошел государственные испытания.

В конце сентября 1950 г. главком ВВС в обращении к военному министру СССР доложил, что «корректировочно-разведывательная авиация ВВС СА, состоящая из 18 отдельных авиаэскадрилий и одного полка, вооружена самолетами Ил-2, которые по своему техническому состоянию не обеспечивают выполнения стоящих перед нею задач по боевой подготовке.

Самолет Ил-2 не приспособлен к полетам ночью, в облаках и сложных метеоусловиях, поэтому летные кадры КРА лишены возможности совершенствоваться в технике пилотирования и в боевом применении ночью и в сложных метеоусловиях.

На 1 сентября 1950 г. КРА укомплектована исправными самолетами Ил-2 всего на 83 %, причем процент укомплектованности систематически снижается из-за выхода самолетов из строя по их изношенности и отсутствию пополнения новыми самолетами.

Исходя из вышеизложенного, считал бы необходимым просить СМ СССР обязать МАП организовать серийное производство прошедших испытания в 1949 г. самолетов Су-12 с мотором АШ-82ФН в течение 1951–52 гг. в количестве 185 боевых и 20 учебно-боевых самолетов».

Как видим, главком ВВС дал убийственную характеристику самолету Ил-2 в качестве разведчика-корректировщика.

Отсутствие хороших корректировщиков резко снижало эффективность действия артиллерии РККА в ходе Великой Отечественной войны.

Раздел II
Страшный 1941-й

Глава 1
Катастрофа на Западном фронте

22 июня 1941 г. в 2 часа ночи последний советский эшелон с зерном прошел железнодорожный мост через пограничную реку Буг. «На поезд поднялись два немецких таможенника. Часовой помахал русскому машинисту. Даже пристальный наблюдатель не заметил бы ничего необычного, ничего подозрительного. Паровоз медленно попыхтел в направлении находившейся на немецкой стороне станции Тересполь.

И вот стрелки показали 03.15, прозвучала команда „Огонь!“, и начался дьявольский танец. Заходила ходуном земля. Девять батарей 4-го полка минометов специального назначения тоже внесли свой вклад в адскую симфонию. За полчаса 2880 снарядов со свистом промчались над Бугом и обрушились на город и крепость на восточном берегу реки. Тяжелые 600-мм мортиры и 210-мм орудия 98-го артиллерийского полка обрушивали свои залпы на укрепления цитадели и поражали точечные цели — позиции советской артиллерии. Казалось, от крепости камня на камне не останется»[19].

Так германский историк Пауль Карель описал начало войны в районе Бреста.

В 3 ч 15 мин на участке германской 18-й танковой дивизии 50 батарей всех калибров открыли огонь, чтобы обеспечить форсирование Буга ныряющими танками. Командир дивизии генерал Неринг описал операцию как «великолепный спектакль, вместе с тем довольно бессмысленный, поскольку русским хватило ума отвести свои войска из приграничных районов, оставив только несколько частей пограничников, которые сражались храбро».

О шквале артиллерийского огня, обрушившегося на советскую территорию утром 22 июня 1941 г., не писал только ленивый. Но о первом применении 15-см реактивных минометов у нас вспоминать не принято. Раз положено считать, что реактивные установки впервые были применены 14 июля 1941 г. под Оршей батареей капитана И. А. Флерова, так и должно быть. А всякие там 15-см реактивные снаряды немцев поминаются гораздо позже.

Любопытно, что 15-см реактивный миномет, как и наши реактивные снаряды М-13, создавался для стрельбы отравляющими веществами (ОВ).

Поэтому немцы для конспирации назвали систему «15-см дымовой миномет типа „Д“». В 1941 г. ее переименовали в «15-см Nb.W 41 (Nebelwerfer)», то есть 15-см дымовой миномет обр. 41.

Немецкие же солдаты называли шестиствольный миномет «Stuka Zu Fuss» (сухопутная «Штука»). «Штука» — это название германского пикирующего бомбардировщика Ю-87 — весьма эффективного оружия первой половины войны.

Лафет для установок 15-см Nb.W 41 был взят от 3,7-см противотанковой пушки. Благодаря этому установка получилась легкой и мобильной. Подрессоренный ход позволял ехать за тягачом по шоссе со скоростью до 45–50 км/час, а на поле боя расчет вручную легко перемещал установку на небольшие расстояния.

В СССР с середины 1930-х гг. была принята исключительно крыльевая система стабилизации реактивных снарядов, хотя и предпринимались отдельные попытки создания опытных турбореактивных снарядов.

В Германии же в это время предпочитали стабилизацию реактивных снарядов вращением и отказались от крыльевых стабилизаторов. В результате у немецких реактивных снарядов дальность стрельбы была несколько меньше, чем у советских снарядов типа М-13 с крыльевыми стабилизаторами, но зато немцы выигрывали в кучности. Кроме того, для пуска турбореактивных снарядов немцы смогли использовать сравнительно короткие трубчатые направляющие, в отличие от длинных направляющих балочного типа в советских пусковых установках.

К 1 июня 1941 г. в химических частях РГК вермахта состояло четыре полка шестиствольных химических минометов и еще один полк находился в стадии формирования. Полки были трехдивизионного состава. Дивизион состоял из трех батарей, в каждой из которых имелось по 6 пусковых установок.

Несколько слов стоит сказать и еще об одной германской новинке — 60-см мортире «Карл». Работы над 60-см самоходной мортирой были начаты фирмой «Рейнметалл» в начале 1937 г. Проектирование, испытания и производство мортиры происходили в обстановке глубочайшей секретности. Даже в секретном справочнике «Германские вооруженные силы», изданном в 1941 г., мортира фигурировала как «изделие 040 с тяжелой бетонобойной гранатой».

Испытания первого обр. 60-см мортиры были начаты в 1939 г. В ноябре 1940 г. первая 60-см мортира «Адам» была передана вермахту. До середины апреля 1941 г. сданы еще три установки — «Ева», «Тор» и «Один». (Тор, Один, Локи и Фенрир — персонажи языческой германской

мифологии.)

В январе 1941 г. был сформирован 833-й тяжелый артиллерийский дивизион, включавший в себя две батареи по два орудия в каждой.

На 22 июня 1941 г. первая батарея («Тор» и «Один») была придана группе армий «Юг», а вторая батарея («Адам» и «Ева») — группе армий «Центр».

Любопытно, что немцы уже к 1 мая 1941 г. наметили маршруты движения «Карлов», их огневые позиции, наблюдательные пункты и цели в районе Бреста.

Обе железнодорожные установки были выгружены на железнодорожной станции Тересполь. На огневые позиции на границе установки дошли своим ходом.

Утром 22 июня 1941 г. из установки № 4 были выпущены три снаряда по Брестской крепости, а из установки № 3 четыре снаряда. Затем обе мортиры заклинило из-за производственных дефектов снарядов — не были до конца обточены ведущие пояски.

Лишь к вечеру 22 июня удалось разрядить орудия. 23 июня установка № 4 выпустила 7 снарядов, а установка № 3 не стреляла. Утром 24 июня установка № 3 произвела 11 выстрелов, а установка № 3–6.

Итого по Брестской крепости было выпущено 17 снарядов. После этого у немцев осталось пять 60-см снарядов, негодных для стрельбы.

Согласно отчету командира 833-го батальона подполковника Шмидта, в Брестской крепости на местах падения снарядов в грунте обнаружены воронки радиусом 15 м и глубиной 5 м. При взрыве облако дыма и пыли поднималось на высоту 170 м, а в ширину оно распространялось на 30 м. Отмечено пробитие снарядом кирпичной стены толщиной 2 м, пробить которую снаряд калибра 21 см скорее всего не смог бы.

Еще две 60-см установки «Карл» (1-ю батарею 833-мм батальона) немцы хотели использовать для разрушения польских дотов (Weelki Drial) в районе Львова. Однако эти укрепления были быстро захвачены подразделениями 297-й пехотной дивизии. По одной версии, установка «Один» произвела 4 выстрела, а по другой — немцы вообще не стреляли под Львовом 60-см снарядами. В начале июля 1941 г. обе батареи 833-го батальона отправили в Германию.

Все без исключения советские артиллерийские части в приграничной полосе оказались не готовы к немедленному открытию огня. Так, внезапным артиллерийским огнем были уничтожены две батареи и большая часть автотранспорта 204-го гаубичного полка 6-й стрелковой дивизии, находившегося между Южным военным городком Бреста и

артиллерийским полигоном. Замечу, что всего в полку числилось 32 122-мм и 12 152-мм гаубиц. Судя по всему, 11 гаубиц были уже потеряны или брошены в городе. Телефонной связи в полку не было, а рации 6-ПК не имели позывных, и ими приходилось пользоваться открытым текстом.

К 22 июня на артиллерийском полигоне для проведения учений были собраны два батальона 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии, подразделения 459-го стрелкового и 472-го артиллерийского полка 42-й стрелковой дивизии, танки, артиллерийские орудия и другая техника, предназначенная для показа участникам учения, а также 455-й артиллерийский полк, выведенный для проведения плановых стрельб. Все эти части и подразделения в первые часы войны понесли значительные потери от огня вражеской артиллерии. Начало артподготовки немцев все находившиеся на полигоне приняли за начало учений с боевой стрельбой, разрывы же снарядов в их расположении, как водится, списали на халатность руководства учений. Чтобы обратить внимание на эту «ошибку», с полигона подали сигналы — световые ракетами и звуковые трубами. И лишь когда потери наших частей на полигоне стали существенными, стало ясно, что началась война.

204-й гаубичный полк (один дивизион — на конной тяге и два — на механической) по боевой тревоге вышел из своего городка в составе 33 гаубиц. Перейти реку Мухавец, чтобы, согласно плану прикрытия, совместно с 84-м стрелковым полком оборонять район Бреста, удалось лишь нескольким батареям, так как по всем мостам через реку в это время переправлялась немецкая 22-я танковая дивизия, а 204-й гаубичный полк понес большие потери от авиации противника. Тогда, не видя возможности переправиться через Мухавец, командир полка приказал своей части идти в направлении населенного пункта Радваничи.

Судя по всему, в первые же дни войны вся матчасть 204-го гаубичного полка была утеряна, хотя полк и сохранился как часть, причем в октябре 1941 г. он сменил номер и стал 294-м полком.

Большинство артиллерии, находившейся в открытых артиллерийских парках крепости, было уничтожено на месте артиллерийским огнем немцев в первые же часы войны. Погибли почти все лошади артиллерийских и минометных частей и подразделений 6-й и 42-й стрелковых дивизий, находившиеся во дворе Брестской крепости у коновязей. Все автомашины обеих дивизий, стоявшие в открытых автопарках, были сожжены. Все документы и имущество частей остались в крепости.

131-му легкому артполку 6-й стрелковой дивизии удалось вывезти восемь 76-мм дивизионных пушек 2-го дивизиона и одну 76-мм полковую

пушку обр. 1927 г. полковой школы. Личный состав, матчасть и воинский состав 1-го артиллерийского дивизиона, находившегося в крепости, были уничтожены.

Все неприкосновенные запасы советских частей, находившиеся на складах крепости, были целиком уничтожены.

Части 28-го стрелкового корпуса, размещенные в Северном городке Брестской крепости, понесли намного меньшие потери. 17-й гаубичный полк 42-й стрелковой дивизии в составе двух дивизионов удалось вывести из городка. 447-й корпусной артиллерийский полк вывез 19 орудий и немного боеприпасов к ним. Остальные боеприпасы, находившиеся в артиллерийском парке полка, были уничтожены артиллерией противника.

А теперь перейдем к действиям конно-механической группы (КМГ) в районе Белостока. Вечером 22 июня 1941 г. нарком обороны приказал образовать КМГ в составе 6 механизированных и 6 кавалерийских корпусов. 23 июня в группу включили 124-й гаубичный артполк РВГК (под командованием майора Дивизенко) в составе 48 152-мм гаубиц Виккерса. Ранее полк входил в состав 5-го стрелкового корпуса. Полк перешел в район северо-восточнее Белостока.

4-й гаубичный артиллерийский полк 4-й танковой дивизии (12 122-мм и 12 152-мм гаубиц) 23 июня был зачем-то отправлен к Волковыску, где после авиаудара разбежался, не сделав по противнику ни одного выстрела.

7-й гаубичный артполк 7-й танковой дивизии (12 152-мм гаубиц) к началу войны находился на полигоне Червонный Бор. Бывший экспедитор секретной части Н. Ф. Грицюк позже вспоминал, что он уже в 2 часа ночи 22 июня привез из штаба дивизии «красный пакет» и вручил его командиру полка подполковнику Г. Н. Иванову. Полк был срочно поднят по тревоге и потерь не понес.

«Полк наш выходил на дорогу. На эту дорогу выходила и мотопехота, и танки нашей дивизии. Создавались пробки. Каждая часть стремилась быстрее занять исходные позиции и вступить в бой. Навстречу нам стали попадаться сначала одиночки, а потом и целые группы полураздетых, безоружных, в большинстве своем раненых бойцов. Это были стройбатовцы, не успевшие укрепить нашу границу»[20].

Немецкие самолеты атаковали на марше наших артиллеристов, нанеся им потери в личном составе. Связаться со штабом дивизии не удавалось. Вечером, когда полк остановился на привал, снова налетела авиация, на этот раз потери в личном составе и матчасти были значительные. В ночь на 23 июня полк, не зажигая фар, отошел к Белостоку, а оттуда — к Волковыску. Далее полк попросту разбежался.

В итоге в КМГ осталось всего два полка: 124-й гаубичный артполк РВГК и 77-й артполк 29-й мотодивизии. В 77-м полку имелось 12 122-мм и 8 152-мм гаубиц.

«Позже в своем докладе начальник АБТУ Западного фронта полковник И. Е. Иванов отметил крайнюю слабость артиллерийской поддержки танковых атак 6-го мехкорпуса. По 124-му артполку данных немного, и есть расхождения в датировках событий, но очень похоже, что реально он пробыл в составе конно-механизированной группы всего лишь один день и провел только одну 2–3-часовую артподготовку беглым огнем с закрытых позиций»[21].

К 25 июня оба артиллерийских полка прекратили свое существование.

Как всегда бывает в окружении, кто-то бежит, а кто-то стоит насмерть. Так, к примеру, 2-й дивизион 383-го гаубичного полка 86-й стрелковой дивизии «на марше был настигнут небольшой группой немецких танков, но отличная выучка артиллеристов не оставила им шансов одержать победу. Вспоминает бывший командир дивизиона И. С. Туровец: „Командир 3-й батареи старший лейтенант Степанов развернул своих два орудия прямо на дороге… Три танка Степанов разбил, остальные отошли“. Через некоторое время дивизион остановился: кончилось горючее. Начальник штаба уехал на его поиски, снова были развернуты в боевое положение две гаубицы, как оказалось, не зря. Группа немецких мотоциклистов, наткнувшихся на колонну, была встречена огнем. Как мне рассказал Туровец, „мотоциклы летели вверх метров на пятьдесят“… Когда вернулся начальник штаба, выяснилось, что дизтоплива он не нашел, привез только пять бочек бензина. Заправив им тягачи, тронулись в путь. Дизеля стучали и сильно грелись, но до Нарева выдержали. Дивизион снова был в расположении своего соединения»[22].

Любопытно, что 86-я стрелковая дивизия, согласно сведениям на 1 ноября 1940 г.[23], обладала невероятной огневой мощью — 54 45-мм противотанковые пушки, 37 76-мм пушек, 28 122-мм гаубиц, 10 152-мм гаубиц и 10 (!) 203-мм гаубиц. Она была единственной дивизией, имевшей 203-мм орудия.

В чем-то типична судьба 311-го пушечного артполка РГК, в составе которого было 24 122-мм пушки и 12 152-мм гаубиц-пушек. П. З. Баклан, помкомвзвода 1-го дивизиона 311-го Краснознаменного ПАП РГК, рассказывал, что в мае 41-го в полку (дислокация — штаб 1-й дивизии в Деречине, остальные дивизионы по окрестностям) были организованы 45-дневные учебные сборы, на которые было призвано от 300 до 400 человек

из окрестных сельсоветов. Среди них было много бойцов, которые раньше вообще не служили в армии (т. н. западники).

Незадолго до войны полк выехал на стрельбы под Ломжу, в Червонный Бор, а в летнем лагере возле Зельвы (в имении Холстово) было оставлено 150 «партизан», 12 новеньких 122-мм пушек и около шести тысяч выстрелов к ним. Баклан вспоминал: «Тягачей нам не дали, связь с соседними лагерями отсутствовала… В этот день я был старшим по лагерю. Узнав от местных жителей, что началась война, приказал пригнать из Зельвы трактор, чтобы выставить на позиции пушки. Когда пушки были на том месте, где нужно, оказалось, что нет снарядов. Они были закрыты на складе, а сбивать замки не посмели. В это время приехали отдыхавшие в своих семьях старшие командиры — майор и лейтенант — и стали руководить обороной. Я был послан во главе группы из 8 человек принять караул штаба полка в Деречине. Солдаты оружия не имели, только у меня была самозарядная винтовка. На второй день, 23 июня, я отправился в Зельву за вооружением. Принес 5 винтовок и несколько сот патронов и раздал солдатам для несения караула. К этому времени в Деречин возвратилось командование полка, которое находилось в Ломже и в Червонном Боре. Это комиссар Малышев, комсорг Никандров, командир 3-й батареи ст. лейтенант Черняховский, политрук Шарипов, ст. лейтенант Кучеренко с женой Марией и 30–40 солдат. Полк, по их донесению, был разбит, но отдельные группы бойцов еще оказывали сопротивление врагу»[24].

Так глупо и нелепо были в первые же дни войны утеряны тысячи первоклассных орудий Красной Армии. Как это могло случиться?

Глава 2
Человеческий фактор

В летне-осеннюю кампанию 1941 г., то есть с 22 июня по конец сентября 1941 г., советскими войсками была потеряна астрономическая сумма — 79 093 орудий и минометов! Из них минометов — 46 334, противотанковых пушек — 10 017, 76-мм пушек и 122-мм гаубиц — 15 216 и более мощных орудий — 5000.

За то же время было получено от промышленности 39 695 орудий и минометов, то есть почти в два раза меньше. Более подробно о потерях сказано в Приложении.

Попытаться провести анализ причин гибели такого числа артиллерийских орудий никто ни в открытых, ни в секретных, ни в совсекретных документах даже не пытался. Хотя в 1945–1950 гг. такие возможности были. Можно было опросить участников боев, тысячи пленных германских офицеров, разобраться в документах вермахта, в трофейной матчасти и т. д. Увы, никто этого сделать не захотел. Главная причина — нежелание признать, что подавляющее большинство орудий было не подбито, а попросту брошено.

Тысячи орудий были брошены прямо на складах, в артиллерийских парках, на полигонах, на железнодорожных платформах и т. д.

Вот, к примеру, на окружной полигон (бывший польский) юго-западнее Барановичей в мае 1941 г. было доставлено прямо с завода 480 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 с 10 боекомплектами на каждое орудие. В конце лета 1941 г. гаубицы-пушки должны были пойти на укомплектование десяти артиллерийских полков РГК. Все они целы и невредимы достались немцам 23–24 июня 1941 г.

Немцы довольно активно использовали трофейные МЛ-20, которые получили в вермахте название «пушка-гаубица 15,2-см KH.433/1(r)», ну а 152-мм пушки обр. 1910/34 г. они именовали «15,2-см K.433/2(r)».

Сколько всего было использовано немцами трофейных МЛ-20, установить не удалось, но после больших потерь к марту 1944 г. в вермахте служили 217 — 15,2-см K.433/1.

Поскольку новые трофейные снаряды с конца 1942 г. поступали нерегулярно, в феврале 1943 г. началось производство снарядов к МЛ-20, и до мая 1945 г. их выпустили 759,5 тысячи штук.

27 июня 1941 г. начальник Генштаба генерал-полковник Франц

Гальдер записал в своем дневнике, что на большом русском складе в Дубно группа армий «Юг» захватила 42 203-мм мортиры, 18 артиллерийских батарей, 50 противотанковых пушек, 215 танков и 95 грузовых автомашин.

В советских секретных изданиях пусть очень осторожно, но все же признавали неудовлетворительное состояние артиллерии в летне-осенней кампании 1941 г.:

«Артиллерия двух фронтов также была плохо укомплектована механической тягой. Например, артиллерийские части 8-й армии на 8 июля 1941 г. (начало оборонительной операции в Эстонии) были обеспечены механической тягой всего на 18 %. Артиллерия Северного фронта на 5 августа 1941 г. была укомплектована тракторами на 59,6 %. Совершенно очевидно, что низкая обеспеченность артиллерийских частей средствами тяги затрудняла боевое использование артиллерии в высокоманевренных боях и операциях летом и осенью 1941 г.

Таблица 5. **Обеспеченность механической тягой артиллерийских частей резервного фронта на 14 июля 1941 г.**[25]

Объединения (соединения)	Положено по штату	Имелось	% укомплектованности
24-я армия	3889	1804	46,4
28-я армия	883	543	61,5
29-я армия	138		0
30-я армия	445	264	59,3
31-я армия	153	54	35,3
33-й стрелковый корпус	306	96	31,4
Всего	**5914**	**2761**	**47,3**

Примечание: учтены все виды тракторов, тягачей и автомашин.

Особенно острый недостаток испытывали артиллерийские части и штабы в средствах связи. Большинство частей было обеспечено средствами связи всего на 15–25 %, многие артиллерийские части совершенно не имели радиосредств и подвижных средств связи. Это существенно влияло на управление боевой деятельностью артиллерии. В артиллерийских частях имелся большой некомплект приборов разведки и управления огнем, недоставало материалов для работы метеорологических и звукометрических станций. Корректировочно-разведывательная авиация в первые дни войны понесла большие потери и практически (в условиях

господства в воздухе авиации противника) не могла оказывать большой помощи артиллерии в ведении разведки и корректировании огня»[26].

Почти все корпусные корректировочные авиаэскадрильи погибли в первые же дни войны на аэродромах в приграничной полосе. Например, в 10-й армии Западного фронта на аэродроме в районе Ломжи утром 22 июня 1941 г. были уничтожены корпусные корректировочные авиаэскадрильи 1-го и 5-го стрелковых и 6-го кавалерийского корпусов. Из состава трех эскадрилий остался один самолет, успевший до налета авиации противника подняться в воздух. В 19 часов 22 июня в районе Кватеры была уничтожена корректировочная авиаэскадрилья 6-го мехкорпуса. Такие же большие потери корректировочной авиации были и в других армиях.

Достаточно часто артиллерия действовала неэффективно из-за безграмотности средних и высших начальников РККА. В докладе командующего артиллерией 16-й армии генерал-майора артиллерии В. И. Казакова за август 1941 г. приводятся следующие примеры использования огня артиллерии:

«20 августа командир 407-го стрелкового полка, имея в своем распоряжении шесть 76-мм полковых пушек, шесть 45-мм орудий и 26 минометов, требовал, чтобы командир 3-го дивизиона 587-го корпусного артполка, вооруженного 152-мм гаубицами-пушками, немедленно открыл огонь дивизиона по обнаруженным пулеметам противника, в то время как полковая артиллерия решением огневых задач не занималась.

Командир 343-го стрелкового полка ставил задачу 1-му дивизиону 49-го корпусного артполка вести огонь по скоплению пехоты противника в лесу, площадь которого составляла 30–40 гектаров (то есть в 6–10 раз больше площади, которую он мог обстрелять с надежной плотностью огня для подавления пехоты).

Командир 1-го батальона 18-го мотострелкового полка потребовал открыть артиллерийский огонь дивизиона по отдельным автоматчикам.

Командир 3-го батальона 6-го мотострелкового полка давал такие странные указания командиру 587-го корпусного артиллерийского полка: „Дайте чуть-чуть влево“, „Дайте чуть-чуть поближе, метров пять — десять“»[27].

Командующий 9-й армией Южного фронта в директиве от 1 июля 1941 г. отмечал, что во время боев на реке Прут выявились многие недостатки в боевом применении артиллерии, резко снижающие эффективность ее огня. От артиллерии часто требовали вести «ураганный огонь» без указания конкретных целей, что приводило к большому расходу

боеприпасов при совершенно ничтожных результатах. Так, 3-му дивизиону 266-го корпусного артиллерийского полка было приказано вести огонь в одном направлении на предельной дальности (17 км) «до последнего снаряда»[28].

Замечу, что любовь к «ураганному огню» была свойственна русским офицерам еще с 1812 г. В 1915–1916 гг. ГАУ издало несколько приказов, категорически запрещавших ведение «барабанного» и «ураганного» огня. В приказах говорилось: «Стрельба без ясно поставленной цели — преступная трата снарядов, свидетельствующая о неспокойном состоянии духа начальников».

Увы, никакие приказы не помогли ни в 1915–1917 гг., ни в 1941 г., разве что усилилось «неспокойное состояние духа начальников».

Главной причиной катастрофы летом — осенью 1941 г. стал человеческий фактор, а не материальная часть артиллерии и танков. При всех недостатках нашей матчасти, за счет многократного превосходства в танках и пушках РККА могла бы за месяц разгромить германские войска в приграничных сражениях.

Однако «кадры решают все». Еще Наполеон сказал: «Стадо баранов, предводительствуемое львом, сильнее стада львов, предводительствуемого бараном». Удачнее о катастрофе 1941 г. не скажешь.

Понятно, что исход сражения решают не только генералы, но и солдаты. Однако у нас еще никто не рискнул пойти на святотатство и сделать качественное сравнение личного состава РККА и вермахта. На еретика накинутся и националисты, и коммунисты, и либералы. Да, да, либералы! Они поливают помоями Сталина и высшее политическое руководство страны, дают критическую оценку нашему генералитету, но что касается солдат и младшего комсостава, предпочитают помалкивать.

Основные причины такой позиции «либералов» — это, во-первых, их кредо. Все в СССР было плохо — вождь, Политбюро, Генштаб и т. д. Но хаять их разрешено лишь вне контекста и категорически запрещено проводить какие-либо сравнения. Можно лишь теоретизировать, мол, была бы в России демократия или царь-государь, вот тогда бы мы немцам накостыляли и через пару месяцев были в Берлине.

Увы, царь-батюшка позорно проиграл войны 1904–1905 гг. и 1914–1917 гг., а хваленые корнеты Оболенские и поручики Голицыны уже без царя проиграли еще и третью войну — против собственного народа.

Три бездарно проигранные за 15 лет войны разве не говорят об уровне царского офицерства?

Так что с Николаем II сравнение, увы, не получается. А с западными

союзниками как? К маю 1940 г. они имели численное превосходство на Западном фронте. Французские и британские танки не брали германские танковые пушки. А результат — паническое бегство и капитуляция Франции. Замечу, что во многом, особенно в отношении действия танковых частей, ситуация летом 1940 г. и летом 1941 г. очень похожа.

Существенная же разница в одном — потерпев поражение, англичане и французы ударились в бега, а советские войска, неся огромные потери, занимали всё новые рубежи обороны и постоянно наносили контрудары.

Но вернемся к личному составу. Очевидец поражения 1940 г. на Западном фронте американский журналист и фанатик-антифашист Уильям Ширер писал, впервые увидев британских пленных: «Но больше всего меня поразило их физическое состояние. Все с впалой грудью, тощие и узкоплечие. Примерно у трети плохо со зрением — они в очках. Характерно, заключил я, для молодежи, которой Англия столь преступно пренебрегала все 22 послевоенных года, в то время как Германия, несмотря на поражение, изоляцию и 6 млн безработных, вытаскивала свою молодежь на солнце и свежий воздух… В 30 ярдах от нас в сторону фронта маршировали немецкие пехотинцы. Невольно сравнивал их с этими английскими парнями. Все немцы загорелые, крепко сложенные, на вид здоровые как львы, грудь колесом и т. д. Это один из аспектов неравной схватки»[29].

Попробуйте написать такое про советских солдат! Засудят, особенно если коснуться кавказцев и среднеазиатов! Так что я помолчу, а желающих отошлю к германской кинохронике, где показывают колонны советских пленных.

Наши военные историки и так и сяк вертят данными по числу самолетов и танков в РККА и вермахте, но почему-то никто не приводит уровень грамотности личного состава этих армий. Каюсь, я этих данных и сам не нашел. Но, по данным «Советской энциклопедии», с 1918 по 1941 г. в СССР среднее образование получили 3829 тысяч человек. Если отбросить женщин, умерших и негодных к военной службе мужчин, то среди военнослужащих к 22 июня 1941 г. было не более 1,5 млн человек со средним образованием.

А вот документ от 10 октября 1940 г. — «Сводный отчет об итогах призыва в РККА по Западному особому ВО»[30]. Подлежало явке 146 824 человека, явились 145 973 человека. Из них по образованию: с высшим образованием — 1126, со средним — 10 495, 7–9 классов — 30 025, 4–6 классов — 72 241, 1–3 класса — 26 808, неграмотных — 5278 человек.

Нельзя отрицать, что Советское правительство сделало очень многое. Для сравнения: в 1913 г. среди рядового состава русской армии было всего 1480 человек со средним образованием. А всего грамотных в армии было 604 тысячи человек, малограмотных — 302 тысячи, а неграмотных — 353 тысячи человек. Замечу, речь шла о кадровой и этнически однородной армии. Неграмотных и плохо знающих русский язык инородцев в царскую армию вообще не брали[31]. Так что качественный скачок в грамотности за первые двадцать лет советской власти налицо, но, увы, мы по-прежнему здорово отставали в этом плане от Германии.

С легкой руки Никиты Сергеевича у нас родился миф о том, что-де Сталин в 1937–1939 гг. уничтожил цвет руководства РККА, обезглавил армию и тем предопределил поражения 1941 г. Дабы избежать обвинений в «сталинизме», я приведу большую цитату антисоветчика и сиониста Марка Солонина: «Один из самых распространенных мифов состоит в том, что к середине 30-х гг. были подготовлены высокопрофессиональные и (что уже совсем необъяснимо) „опытные“ военные кадры и лишь „репрессии 37-го года лишили армию командного состава“. Спорить по данному вопросу не о чем. Надо просто знать факты. За два года (1938–1939) Красная Армия получила 158 тысяч командиров, политработников и других военных специалистов. За три предвоенных года (1939–1941-й) военные училища окончили 48 тысяч человек, а курсы усовершенствования — 80 тысяч. В первой половине 1941 г. из училищ и академий в войска было направлено еще 70 тысяч офицеров. Всего на 1 января 1941 г. списочная численность командноначальствующего состава армии и флота составляла 579 581 человек. Кроме того, за четыре года (с 1937-го по 1940-й) было подготовлено 448 тысяч офицеров запаса.

Арестовано же в 1937–1938 гг. было (по данным разных авторов) никак не более 10 тысяч командиров и политработников. Что же касается именно погибших в годы репрессий, то наиболее полный поименный перечень, составленный О. Сувенировым, состоит из 1634 фамилий расстрелянных и замученных в ходе „следствия“ командиров…

Весьма скромный некомплект командного состава (13 % на 1 января 1941 г.) был обусловлен вовсе не репрессиями, а троекратным за три года ростом численности и огромным ростом технической оснащенности Вооруженных Сил…

Ни на чем, кроме голословных утверждений, не основан и тезис о том, что в 37-м году „расстреляли самых лучших, а на их место назначили бездарей и проходимцев“. Если судить по такому формальному критерию, как уровень образования, то с 1937-го по 1941 г. число офицеров с высшим

и средним военным образованием не только не сократилось, но значительно (в два раза) возросло. Со 164 до 385 тысяч человек. На должностях от командира батальона и выше доля комсостава без военного образования составляла накануне войны всего лишь 0,1 %. Среди командиров дивизий по состоянию на 1 января 1941 г. высшее военное образование имело 40 %, среднее военное — 60 %. Среди командиров корпусов соответственно 52 % и 48 %.

Другой вопрос — каков был „коэффициент полезного действия“ этого обучения, если в Военную академию им. Фрунзе принимали командиров с двумя классами церковноприходской школы. К сожалению, в этих словах нет преувеличения. Именно с таким „образованием“ поднялись на самый верх военной иерархии нарком обороны Ворошилов и сменивший его на посту наркома Тимошенко, командующий самым мощным, Киевским военным округом Жуков и сменивший его на этом посту Кирпонос. На таком фоне просто неприлично интеллигентно смотрится предшественник Жукова на должности начальник Генштаба Мерецков — у него было четыре класса сельской школы и вечерняя школа для взрослых в Москве»[32].

От себя добавлю, что маршал Тухачевский окончил лишь пехотное училище и более нигде не учился, а предпочитал учить других. Маршал Блюхер окончил 1 (один!) класс церковноприходской школы и более нигде не учился.

Что же касается наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе и его заместителя Ивана Петровича Павлуновского, то они и военных училищ не оканчивали. Орджоникидзе в 1901–1905 гг. учился в фельдшерской школе и, видимо, ее так и не окончил. А Павлуновский вообще нигде, кроме как в церковноприходской школе, не учился. Зато Павлуновский еще ведал и мобилизационным управлением РККА. Вот эта славная троица дилетантов и вершила судьбами нашей артиллерии.

Замечу, что каждая гражданская война — это бедствие для армии, в руководство которой попадают горлопаны, «идеологи» и «партизаны». Вспомним, что в 1789–1793 гг. в генералы во Франции попало несколько тысяч адвокатов, конюхов, художников и т. п. Они ораторствовали на митингах и заседаниях, успешно убивали собственных граждан в Вандее, Бретани, Лионе и Марселе. Но вот при осаде сильно укрепленной крепости Тулон за месяц сменилось три командующих. И тут-то на военном совете среди революционных генералов протиснулся тщедушный 24-летний капитан с оливковым лицом. «Вот здесь Тулон», — ткнул он пальцем в форт Эгильет в 8 км от города. «А парень не силен в географии», —

захохотали генералы. Оценил парня лишь комиссар Огюстен Робеспьер, брат всесильного диктатора.

Тулон пал за один день. И по всей Европе замаршировали большие батальоны, ведомые «маленьким капралом». Но среди его маршалов не было ни одного революционного генерала. Генералы образца 1789–1793 гг. были казнены, высланы из страны, отправлены в свои нахапанные за революционные годы поместья или, в лучшем случае, занимали административные должности в военном министерстве. А столицы Европы брали лейтенанты и рядовые, шедшие в атаку на форт Эгильет.

Так что все повторилось и в России. Устранение «героев Гражданской войны» стало не бедствием, а благом для РККА. Другой вопрос, что чистки велись варварскими методами.

Значительную роль в летне-осенней кампании 1941 г. сыграл и частичный срыв мобилизации личного состава и средств тяги, то есть тракторов и автомашин. «Всего на временно захваченной противником территории было оставлено 5 631 600 человек из мобилизационных ресурсов Советского Союза… в Прибалтийском ОВО эти потери составили 810 844, в ЗапОВО — 889 112, в КОВО — 1 625 174 и в Одесском ВО — 813 412 человек»[33]. Это связано как с нежеланием идти воевать у значительной части населения, так и с бегством самих сотрудников военкоматов.

Выдержки из доклада командира 10-й танковой дивизии 15-го мехкорпуса: «Приписных машин из народного хозяйства, согласно мобилизационному плану, должно было поступить к исходу М-2 [то есть второго дня мобилизации]: „ГАЗ-АА“ — 188 и „ЗИС-5“ — 194. Ни одной машины из этого числа ни в М-2, ни в один из последующих дней дивизия не получила».

Из воспоминаний маршала Баграмяна: «От командира 2-й ПТАБ полковника М. И. Неделина поступило донесение, что трактора из народного хозяйства он еще не получил и двинуть к границе сможет лишь один дивизион»[34].

Причины отсутствия мехтяги были самые разные: «Крайне плохо проходила поставка по мобилизации механизированного транспорта… На сдаточных пунктах скопились тысячи автомобилей и тракторов, нуждавшихся в ремонте. Были случаи, когда автомобили на сдаточные пункты военкоматов прибывали без горючего или из-за отсутствия его в хозяйствах вовсе не прибывали… Так, из МВО не удалось отправить своим ходом автомобили, на третьи сутки мобилизации была отправлена только

четверть автомобилей… Зачастую из-за большой спешки автомобильный транспорт грузился в эшелоны и отправлялся на фронт без водителей и горючего… 1320 эшелонов (50 347 вагонов) с автомобилями простаивали на железных дорогах»[35].

Генерал Владимирский назвал и некоторые причины срыва мобилизации:

«Вечером 26 июня Военный совет 5-й армии заслушал доклад о ходе автомобилизования войск и тыловых органов 5-й армии. Было установлено, что отмобилизование войск и тылов армии, которое по мобплану должно было быть завершено в 24.00 25 июня, то есть на третий день мобилизации, объявленной с 00 часов 23 июня, фактически было сорвано… Основная масса рядового состава запаса — уроженцев западных [оккупированных в сентябре 1939 г. в ходе „освободительного похода“ в Польшу] областей Украины — либо не успела явиться в части, либо уклонилась от явки по мобилизации… Немногочисленный автотранспорт местных предприятий в войска не поступил, так как был использован для эвакуации на восток семей советских служащих и рабочих»[36].

Бедой РККА летом 1941 г. стало проживание семей комсостава на приграничных территориях. Надвигалась война, и не только генералы, но и младшие командиры должны были понимать, что немцы могут начать войну лишь летом 1941 г., во всяком случае, не позднее 15 сентября. После этого срока, учитывая климатические условия и состояние дорог России, никакой блицкриг физически невозможен. Вспомним наступление и отступление наполеоновской армии в 1812 г.

Казалось бы, почему хотя бы на лето не вывезти семью комсостава из 300-километровой приграничной полосы? Тем более что 90–95 % командирских жен не были уроженками этих местностей. Ну и поехали бы к мамам, братьям и сестрам, в конце концов, в дома отдыха. Детей можно было отправить в детские сады с выездом на дачу и в пионерские лагеря, а их мам — пионервожатыми, поварихами, нянечками и т. д.

И замечу, Москва кое-что в этом направлении предпринимала. 22 декабря 1940 г. вышел приказ наркома обороны за № 0362, в соответствии с которым переводились на казарменное положение «летчики, штурманы и авиатехники, независимо от имеющихся у них военных званий, находящиеся в рядах Красной Армии менее 4 лет».

В 7-м пункте приказа говорилось: «Семьи летно-технического состава, переводимого на казарменное положение, к 1 февраля 1941 г. вывести с территории военных городков. Выселяемые семьи отправить на родину или

переселить на местные городские и поселковые жилфонды вне расположения авиачасти»[37].

Проезд семьи по железной дороге был бесплатным. Выдавалось и «пособие на устройство в новом месте» (2000–3500 руб., в зависимости от состава семьи). Если средняя зарплата рабочего составляла в то время 350–400 рублей, то сумма эта была значительная.

В приказе наркома говорилось: «В современной международной обстановке, чреватой всякими неожиданностями, переход от мирной обстановки к военной — это только один шаг. Наша авиация, которая первая примет бой с противником, должна поэтому находиться в состоянии постоянной мобилизационной готовности… Задача создания обученных и вполне подготовленных к бою летчиков несовместима с современным положением, когда летчик переобременен семейными заботами… Нигде в мире не существует таких порядков, чтобы летчики жили по квартирам с семьями и чтобы авиационные части представляли из себя полугражданские поселки. Терпеть такое положение далее — это значит ставить под удар дело боевого воспитания наших летчиков, дело укрепления нашей авиации, оборону нашей страны»[38].

Между прочим, таких приказов, предвосхищавших события июня — июля 1941 г., Москва отдавала много. Вспомним несколько грозных приказов Ворошилова о маскировке аэродромов и других военных объектов. Но на местах выполнение подобных приказов попросту саботировалось.

Комсоставу, как младшему, так и старшему, уж очень не хотелось расставаться с семьями хотя бы на полгода. Лично я думаю, что тут решали все «ночные кукушки», а не интересы службы.

Риторический вопрос: кто мешал командиру дивизиона отправить отдыхать в Крым или на Кавказ свое семейство? Денег на это у него хватало. А подчиненным «порекомендовать» тоже отправить семейство куда подальше. Что, этим должен был заниматься лично Сталин?

Марк Солонин пишет: «Вот так и получилось, что утром 22 июня 1941 г. многие тысячи командиров Красной Армии оказались перед нечеловеческим выбором: выбором между долгом мужчины, обязанного защищать свою женщину и своих детей, и долгом военачальника, отвечающего за боеспособность вверенной ему части. Бог им всем судия, но вышло так, что практически повсеместно командиры Красной Армии бросили своих солдат и занялись спасением жен и детей…

Кто-то ограничился тем, что „съездил проверить тылы“, посадил жену

с ребенком в уходящий на восток товарный поезд и вернулся в свою воинскую часть. Кто-то грузил в машину, предназначенную для перевозки боеприпасов, домашнее барахло и фикус с горшком»[39].

В 11 ч 00 мин 22 июня 1941 г. в районе местечка Тевли артиллеристы 627-го гаубичного артполка 205-й моторизованной дивизии прямым попаданием уничтожили внезапно появившийся танк. Как оказалось, это был «Т-26, на котором эвакуировалась семья командира одного из полков 22-й дивизии»[40].

Комментарии, как говорится, излишни.

Замечу, что подобное продолжается у нас и по сей день. Так, в конце 1980-х гг. в Североморске взорвался склад боеприпасов, и над ним поднялось грибовидное облако. В результате десятки офицеров вместо того, чтобы отправиться в свою часть, занялись эвакуацией семейств в сопки.

Все серьезные авторы признают высокое профессиональное мастерство германских генералов, но, увы, никто не попытался посчитать, сколько к 1941 г. было «подкаблучников» среди германского и советского высшего комсостава. У них таковых в принципе не было, а у нас… Я сам лично знал нескольких генералов, смертельно боявшихся своих жен. Вспомним «Капитанскую дочку», где Белогорской крепостью фактически командовала жена коменданта.

На мой взгляд, не отставание в материальной части, а именно человеческий фактор сыграл решающую роль в катастрофе 1941 г. Причем основная вина лежит не на Сталине, Молотове или Ворошилове, а на командующих округами, корпусами, дивизиями и полками.

Глава 3
Почему УРы не остановили врага?

К началу 1938 г. только вдоль западной границы СССР протяженностью около 3200 км было построено и оборудовано 13 укрепрайонов, в которых имелось 3196 оборонительных сооружений (из них 409 — артиллерийских), а гарнизоны состояли из 25 специальных батальонов численностью до 18 тысяч кадровых бойцов и командиров.

Во всех же УРах запада и востока к 1 января 1938 г. состояли 222 капонирные пушки (111 взводов) и 99 орудий полевой артиллерии. В последнем случае речь идет о пушках, приписанных к УРам и не входивших в состав стрелковых дивизий, прикрывавших УРы.

Тем не менее между УРами еще оставались широкие незащищенные участки. Именно поэтому в 1938–1939 гг. на западной границе началось строительство еще восьми укрепрайонов: Островского, Себежского, Слуцкого, Шепетовского, Изяславского, Староконстантиновского, Остропольского и Каменец-Подольского. В этих УРах к концу 1939 г. было забетонировано 1028 долговременных фортификационных сооружений. Любопытно, что еще в начале 1920-х гг. известный фортификатор Д. М. Карбышев высказал мысль, что строительство фортификационных сооружений вблизи границ бессмысленно «ввиду временного характера наших границ».

Так и вышло. 1 февраля 1940 г. начальник Генштаба Б. М. Шапошников в докладе предсовнаркома В. М. Молотову предложил: «Укрепленные районы, в связи с изменившейся обстановкой, решено, за исключением Карельского перешейка, Могилев-Ямпольского и Каменец-Подольского укрепрайонов, упразднить, законсервировав боевые сооружения. Численность войск укрепленных районов определена — 48 000 человек».

Строительство новых УРов на старой границе (за исключением Каменец-Подольского) было законсервировано, гарнизоны в них не располагались.

Подробный рассказ об устройстве наших дотов выходит за рамки книги, а здесь я скажу лишь, что с 1930-х гг. у нас строили доты двух типов: первый выдерживал попадание 152-мм гаубичного снаряда, а второй — 203-мм гаубичного или мортирного снаряда. Вот, к примеру, выдержки из отчета по испытаниям дотов Западного особого военного округа за 28

июня 1939 г.: «Первое сооружение бетонировалось без заметных отступлений от правил бетонирования и армирования, испытания этого сооружения показали положительные результаты. В результате стрельбы 203-мм снарядом, прямым попаданием, дало проникновение в бетон на 71,5 см — менее, чем ожидалось расчетом.

Вывод: стены сооружения отлично выдержали испытания…

Второе сооружение бетонировалось и армировалось с заметным нарушением правил бетонирования и армирования и в результате стрельбы 203-мм снарядом дало проникновение на 102 мм, при этом внутренняя часть стен оказалась покрыта массой трещин, резко наметился внутренний откол (выпучивание), который удержала кольчужная проволока-сетка.

Вывод: второе сооружение по причине неправильного бетонирования испытание не выдержало»[41].

В дотах помещались 76-мм капонирные орудия царской армии и новых образцов. К первым относились капонирные лафеты системы Дурляхера, на которых устанавливались 76-мм пушки обр. 1900 г. и 76-мм капонирные установки Путиловского завода обр. 1913 г. и 76-мм пушки обр. 1902 г.

С начала мая 1932 г. приступили к испытанию новой установки, созданной на базе капонирной установки Путиловского завода обр. 1913 г. Пушка помещалась в боевом каземате капонира (полукапонира) площадью 3 х 2,3 м и высотой 2 м. В передней стенке каземата имелась амбразура прямоугольного сечения. Сферический щит выступал в нише амбразуры. Пушка с небронированной передней частью люльки также находилась в нише амбразуры. Высота ниши амбразуры 940 мм. Амбразура закрывалась бронированной заслонкой, открывающейся вниз. Время подъема заслонки — 50 с, опускания — 30 с.

Расчет установки — 7 человек. Командир капонира помещался в отдельной боевой рубке, где вел наблюдение при помощи перископа и руководил стрельбой.

Система была принята на вооружение под наименованием «76,2-мм пушка обр. 1902 г. на капонирном лафете обр. 1932 г.».

В качестве противотанковых пушек в дотах устанавливались 47-мм морские одноствольные Гочкиса на казематных станках. Так, к 1937 г. в Киевском УРе их имелось 68 штук. В отчете комиссии 1937 г., инспектировавшей УРы, сказано, что «надежной защитой против современных танков они служить не могут». На самом деле их баллистические данные почти не отличались от 45-мм противотанковых пушек. У пушек Гочкиса вес снаряда 1,5 кг, начальная скорость снаряда 701 м/с, скорострельность 20 выстрелов в минуту, а у 45-мм

противотанковых пушек вес снаряда 1,43 кг, начальная скорость снаряда 760 м/с, скорострельность 20–25 выстрелов в минуту.

В феврале 1939 г. начались испытания опытной казематной установки дот-4, разработанной в ОКБ-43. Установка была снабжена 45-мм танковой пушкой, спаренной с 7,62-мм пулеметом. На полигоне дот-4 выдержала подрыв 203-мм фугасного снаряда у самой амбразуры. В отличие от 76-мм установки обр. 1932 г. дот-4 не имела поднимающейся заслонки, основой ее вращающейся части был большой броневой шар.

В 1941 г. к изготовлению установочных частей дот-4 был подключен ленинградский «Арсенал» (завод № 7). По плану во II квартале 1941 г. завод должен был изготовить 200 дот-4, в III квартале — 900, а в IV квартале — 978 установок.

Понятно, что подавляющее большинство из этих 2078 установок дот-4 в западные УРы так и не попали, зато сотни их были использованы при обороне Ленинграда.

Кроме дот-4 для противотанковой обороны использовались сотни танковых башен с 45-мм пушками, как со старых, снятых с вооружения танков, так и с новых.

В сентябре 1939 г. начались испытания казематной пушки Л-17, созданной на Кировском заводе. Подобно дот-4, система Л-17 имела шаровую установку. Ствол 76,2-мм пушки был помещен в массивную броневую трубу. Л-17 должна была выдерживать несколько прямых попаданий в амбразуру из 7,5-см германской штурмовой пушки StuG 37 на самоходном шасси.

В мае 1939 г. Кировский завод получил заказ на 600 установок Л-17. Часть коробов делал Новокраматорский завод им. Сталина. Короба первоначально изготавливали длиной 1500 мм с толщиной брони 80 мм, а затем — соответственно 1350 мм и 60 мм.

Первые установки Л-17 были смонтированы в июне 1940 г. в Каменец-Подольском укрепрайоне.

Помимо 45–76-мм капонирных установок, УРы в ряде случаев вооружались орудиями среднего калибра для контрбатарейной стрельбы. Первоначально это были старые пушки: русские 152-мм в 120 и 190 пудов обр. 1877 г., 152-мм обр. 1904 г., французские 155-мм и 120-мм обр. 1878 г. и т. п. Так, в Минском УРе к 1938 г. для них было оборудовано 7 позиций на 4 орудия каждая. Фактически это были лишь глубокие окопы без бетонированных площадок. Зато убежища для личного состава и погреба находились в бетонных блоках.

С конца 1939 г. 8 подобных артиллерийских позиций строились в

Слуцком УРе. Естественно, что на этих позициях могли устанавливаться и современные артсистемы типа М-30, МЛ-20 и др.

В апреле — мае 1941 г. представители Генштаба, Наркомата обороны и ЦК ВКП(б) провели инспекцию УРов по старой границе. Вот некоторые выдержи из отчета:

«1. Намеченные мероприятия по достройке и модернизации укреплений старой госграницы в настоящее время не проведены вследствие необходимости завершения к 1 июля 1941 г. строительных работ на укреплениях новой госграницы, но будут продолжены после указанного срока…

2. Кадрами гарнизоны УР в настоящее время не обеспечены. Средняя численность гарнизона составляет в настоящее время не более 30 % от штатной (реально — 13–20 %) и не может быть увеличена ввиду отсутствия жилья и тылового обеспечения… Штатная численность пульбатов также не соответствует задачам обороны укреплений, так как может частично прикрыть не более 60 % огневых сооружений.

3. Несмотря на то что для усиления вооружения УР в 1938–1940 гг. в их распоряжение было передано большое количество артиллерийских средств, большая часть их составляет устаревшие легкие полевые орудия обр. 1877–1895 гг. без специальных станков и боеприпасов. Из сравнительно современных артиллерийских средств гарнизонам УР переданы лишь 26 76-мм орудий обр. 1902 г. и 8 76-мм полевых орудий обр. 1902/30 г. Из 200 заказанных капонирных пушек Л-17 не получено совершенно…

Установленные капонирные орудия укомплектованы не полностью… Состояние механизмов таково, что… вести из них огонь нельзя, а часто и опасно для расчета. Формуляров эти орудия не имеют… Комплекты ЗИП утрачены… Должный уход за орудиями отсутствует…

4. Стрелковое вооружение дот наполовину составляют пулеметы устаревшей конструкции и иностранных марок, к которым часто отсутствуют боеприпасы.

5. Танковые батальоны и танковые роты поддержки УР существуют только в отчетах, так как имеют устаревшую матчасть выпуска 1929–1933 гг. с полностью выработанным ресурсом, не имеют пулеметного вооружения и могут ограниченно использоваться только в качестве неподвижных огневых точек. Горючего для танковых рот поддержки нигде нет.

6. Несмотря на неоднократные указания о необходимости сооружения скрывающихся орудийных и пулеметных башенных установок… для чего в

распоряжение инженерного управления было передано более 300 танков Т-18 и Т-26, ни одной установки в настоящее время в наличии нет, а танковые башни установлены на закопанные в землю танковые корпуса, иногда дополнительно небрежно забетонированные. Системы жизнеобеспечения в таких бронебашенных установках отсутствуют…»[42]

В связи с переносом границы на запад директивой Наркомата обороны от 26 июня 1940 г. было начато строительство новых укреплений в ЗапОВО. Началось строительство (с севера на юг): Гродненского (№ 68), Осовецкого (№ 66), Замбрувского (№ 64) и Брестского (№ 62) укрепрайонов. Сооружаемые высокими темпами, новые укрепрайоны отличались от ранее построенных как конструкцией огневых сооружений, так и системой построения, значительно большим (до 45 %) удельным весом орудийных сооружений для противотанковой обороны. В каждом из укрепрайонов предусматривалось иметь по две оборонительные полосы общей глубиной 15–20 км. Полосы состояли из узлов, а узлы — из опорных пунктов. Важнейшие объекты в опорных пунктах сообщались между собой подземными галереями. В первую очередь велось строительство опорных пунктов первых полос укрепрайонов.

Гродненский УР протяженностью 80 км (в полосе 3-й армии ЗапОВО) должен был иметь 28 узлов обороны (373 сооружения), из которых в первой полосе обороны — 9 узлов и во второй — 19 узлов. На 1 июня 1941 г. было построено 165 сооружений.

Осовецкий УР, занимавший по фронту 35 км, включал, помимо вновь строящихся, сооружения крепости Осовец и являлся основным объектом для 1-го стрелкового корпуса 10-й армии ЗапОВО, части которого участвовали в дооборудовании укрепрайона. Помимо долговременных железобетонных, Осовецкий УР имел 36 бронебашенных установок (с танковыми, в том числе от МС-1, башнями), а также две роты «уровских» танков МС-1 (43 танка).

Замбрувский УР также находился в полосе 10-й армии ЗапОВО.

Брестский УР (протяженностью 180 км в полосе 4-й армии ЗапОВО) имел основными участниками обороны Брестский, Семятический и Волчинский. К началу войны в укрепрайоне были забетонированы 128 дотов, 23 из которых (в районе Брест-Семятичи) находились в полной готовности — с гарнизонами, вооружением, боезапасом.

В целом на 1 июня 1941 г. Гродненский, Осовецкий, Замбрувский и Брестский укрепрайоны имели около 200 полностью вооруженных долговременных огневых сооружений, 193 бронированные огневые точки (закопанные танки МС-1), 909 оборонительных сооружений полевого типа.

Дополнительные меры по укомплектованию войск УРов определялись постановлениями Главного военного совета Красной Армии от 21 мая 1941 г. и Совнаркома СССР от 4 июня 1941 г.

Что касается состояния УРов на линии старой госграницы, то их, несмотря на передислокацию ряда артиллерийско-пулеметных батальонов на запад и демонтаж вооружения в части сооружений, предполагалось в военное время использовать. Постановлением Главного военного совета Красной Армии от 21 мая 1941 г. предусматривалось формирование большого количества артиллерийско-пулеметных батальонов к 1 июля 1941 г., а еще — с 1 июля 1941-го.

16 июня 1941 г., то есть за 6 дней до начала войны, Совнарком принял постановление «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов». Там, в частности, говорилось: «Для обеспечения выпуска в 1941 г. 1392 пушек Ф-34 к дотам и установочные части к ней на заводе № 92 с началом выпуска их с 1 сентября 1941 г.» создать специальную комиссию. Дело в том, что Грабину не весьма корректным образом удалось дискредитировать Л-17 и настоять на замене там качающейся части Л-11 на свою Ф-34.

Но самым любопытным, на мой взгляд, был пункт 1:

«До получения вооружения из промышленности разрешить Наркомобороны взять для частей укрепленных районов пулеметы:

а) за счет „НЗ“ тыловых частей — 2700 ДП;

б) из мобзапаса Дальневосточного фронта — 3000 ДП и 2000 пулеметов „Максим“, с возвратом в IV квартале 1941 г.».

То есть фактически шло разоружение УРов Дальнего Востока. Другой вопрос, что сделано это было слишком поздно.

А вот выдержки из Докладной записки секретаря ЦК УП(б)Б П. К. Пономаренко секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину «О состоянии строительства укрепленных районов и необходимых мерах помощи» от 9 июня 1941 г.: «За апрель и май месяцы 1941 г. забетонировано 217 оборонительных сооружений, что составляет 127,7 % заданного Генштабом плана…

Несмотря на то что имеется 550 забетонированных сооружений и бетонировка новых продолжается, построено 909 сооружений полевого доусиления, свою задачу на сегодняшний день укрепрайоны — как укрепрайоны — выполнить не смогут, а могут лишь служить средством усиления войск прикрытия. Причина этому та, что из 550 забетонированных сооружений вооружены только 193. Военное ведомство не снабдило пулеметными, орудийными установками, амбразурными

коробками и другими средствами вооружения и оборудования. Так, например, недостает коробов на 200 сооружениях, вентиляционное и электросиловое оборудование ведется только на 100 сооружениях, да и то не может быть окончено и сдано в эксплуатацию из-за отсутствия элементов оборудования (электромоторов, бензорезервуаров, распределительных ящиков, вентиляторов, водогрейных котлов и т. д.).

План снабжения, составленный Управлением оборонительного строительства Красной Армии, предопределяет растягивание сроков строительства. Пример такого планирования — амбразурные короба, при потребности дот-5 во втором квартале 107 штук планируется — 50 штук, дот-4 — 429 штук планируется — 175 штук и т. д.

Сооружения бетонируются без коробов с последующей их постановкой, что приводит к снижению качества сооружения и к его удорожанию…

Необходимо разрешить подорвать все доты Барановичского укрепленного района, направленного на восток и поэтому опасного, а бронеколпаки использовать для НП»[43].

Как видим, на 9 июня и, соответственно, на 22 июня 1941 г. доты в старых УРах никто не взрывал, а лишь велись разговоры. Сплетни о том, что доты «фортов на линии Сталина с грохотом взлетели на воздух», были придуманы хрущевскими пропагандистами с целью дискредитации Сталина и подхвачены диссидентами типа отставного генерал-майора Григоренко.

Таблица 6. **Состояние укрепленных районов в ЗапОВО на 1 июня 1941 г.**

Название УРа	Фронт, км	Глубина, км	Количество ДОС		
			Строится	Построено	Боеготово
На новой границе					
Гродненский	80	5—6	606	98	52
Осовецкий	90	5—6	594	59	35
Замбровский	100	5—6	550	53	30
Брестский	180	5—6	380	128	49
Всего	450		2130	338	156
На старой границе					
Полоцкий	56	2	—	245	Нет данных
Минский	110	1—2	—	326	Нет данных
Слуцкий	60	3—5	145	—	Нет данных
Мозырский	90	1—2	—	158	Нет данных
Всего	316		145	729	Нет данных

25 мая 1941 г. вышло очередное, с 1932 г. уже десятое (!), Постановление правительства о мерах по усилению укреплений на старой и новой госграницах. По старой границе срок исполнения мероприятий устанавливался 1 октября 1941 г., но до начала войны ничего сделано не было, поскольку все силы были брошены на завершение строительства новых УРов на «линии Молотова».

Последний из документов по усилению вооружения укреплений старой госграницы датирован 11 июня 1941 г. Согласно ему, в распоряжение Летичевского УРа со складов НЗ Артуправления было отгружено: пулеметов «Максим» на станке Соколова — 4 штуки; пулеметов «Виккерса» на треноге — 2 штуки; тяжелых пулеметов Кольта — 6 штук; 37-мм батальонных орудий Розенберга на железном лафете — 4 штуки, 45-мм танковых пушек обр. 1932 г. без башен — 13 штук; осколочных артиллерийских 45-мм выстрелов — 320; шрапнельных артиллерийских 76,2-мм выстрелов — 800; 7,62-мм винтовочных патронов — 27 000.

Как видим, в УРы отправляли все, что было.

Замечу, что нытье краскомов в 1938–1941 гг. и возмущения современных историков посылкой устаревшей артиллерийской техники в УРы в большинстве случаев необоснованны. Неисправные орудия,

естественно, небоеспособны, и это равно относится как к новым, так и к старым артсистемам. Тут же речь идет об исправных орудиях.

Старые системы — 76-мм пушки обр. 1900 г., 107-мм и 152-мм пушки обр. 1877 г. и 1904 г. и т. д. — имели гораздо худшую мобильность по сравнению с новыми артсистемами 1930–1941 гг., однако баллистика их была вполне приемлема и стреляли они всеми новыми типами снарядов, включая даже химические. Скорострельность старых орудий была в 1,5–2 раза ниже, но вести огонь на пределе скорострельности орудиям калибра свыше 76 мм в УРах нужды никакой не было. А как я уже писал, через минуту-две боя скорострельность орудий определяет тепловой фактор, одинаково действовавший на новые (1930–1941 гг.) и старые (1877–1904 гг.) орудия.

С началом Великой Отечественной войны организации сопротивления УРов в целом ни на «линии Молотова», ни на «линии Сталина» не было. Часть гарнизонов УРов сражалась отчаянно, а часть бежала. Там, где находились части поддержки дотов, сопротивление УРов длилось достаточно долго. Там, где пехота бежала, оставив УРы, доты часто становились легкой добычей германских саперов. Как сказал один из участников боев: «Полевых частей нет, и мы остались как мышонки в норках».

Рассмотрим несколько примеров обороны УРов. 68-й УР был расположен в районе Гродно у Августовского канала. Там держали оборону 213-й стрелковый полк (командир майор Т. Я. Яковлев) 56-й дивизии и 9-й отдельный батальон 68-го УРа. Генерал Хейц вспоминал: «Русские силы очень упорно удерживали укрепления и населенные пункты. Мы смогли их занять только после планомерного наступления, стоившего больших потерь».

До вечера 22 июня «38-й дот и находившиеся снаружи бойцы вели огонь по врагу, отбивая атаку за атакой. Ночью закончили рытье окопов, разместили пулеметы, выставили дозорных. Наутро немцы возобновили атаки. Дот выстоял, но прорвавшийся к нему танк проутюжил окопы, расстрелял и раздавил тех, кто не успел скрыться за бетонными стенами. Третий день (24 июня) стал для маленького гарнизона последним. Гитлеровцы, чтобы подавить дот, выдвинули на прямую наводку несколько крупнокалиберных орудий. Сооружение сотрясалось от разрывов снарядов, внутри откалывались куски бетона, калеча защитников. Непрерывный грохот вызывал глухоту и кровотечение из ушей; от пороховых газов и духоты некоторые теряли сознание. Мучила жажда, хоть вода была рядом (в ручье за дотом), но пробраться к ней было невозможно. Несмотря на

множество попаданий, огонь из дзота не прекращался, продолжали действовать обе артиллерийско-пулеметные установки и станковые пулеметы в амбразурах. На земляных откосах темнели уже десятки трупов немцев, и количество их все росло. Тогда гитлеровцы ослепили 38-й дымовыми шашками и пустили в дело саперов. Они стали бросать под стены большие пакеты с взрывчаткой. Сотрясаемый взрывами, окутанный дымом, дот продолжал сражаться. Саперы-подрывники забрались на крышу, через шахту от разбитого перископа кричали: „Рус, сдавайся!“ В ответ звучали выстрелы. А внутрь падали толовые шашки, химические гранаты, лился горящий бензин, от которых гарнизон все более таял. От него уже осталось трое: сержант Захаров, курсант Грачев и курсант Ирин. Захаров выпускал из поврежденного орудия последние снаряды, курсанты вели огонь из винтовок»[44].

Наконец немцам удалось взорвать дот. Уцелел лишь курсант Леонид Ирин, позже взятый в плен.

Несколько слов скажу о судьбе дота № 39. «Командир взвода Я. М. Гриценко был в доте: сумел под огнем добраться из деревни. Две из трех пушек 39-го вышли из строя. Третья была повреждена, но с помощью молотка ее удавалось заряжать. Вели огонь, пока не кончились снаряды. Немцы подошли к доту, начали заливать в отверстия бензин. Один стал кричать в амбразуру: „Сдавайтесь!“ Раненый лейтенант Гриценко выстрелил в амбразуру из пистолета, немец умолк. Когда был полностью расстрелян боекомплект, остатки гарнизона покинули дот, но с тяжелыми ранеными далеко уйти не смогли. При зачистке местности они были обнаружены и взяты в плен.

Из учебной роты 9-го пульбата уцелел еще один курсант — А. Д. Шмелев. Его воспоминания позволяют получить представление, как сражался его дот № 59 и соседний с ним № 37. Командовал дотом лейтенант В. А. Пилькевич, в ночь на 22 июня он находился дома, но по тревоге был вызван посыльным и к моменту открытия немцами огня уже находился на месте. В первый день боев дот успешно отразил все атаки противника, гарнизон потерь не имел. Только курсанты Неумытов и Шмелев получили легкие ранения и контузию (подобравшийся к доту немец сумел забросить в гильзоотводное отверстие две гранаты)»[45].

К утру 23 июня был взорван немцами командирский дот № 38.

23 июня неожиданно ожил дот № 37, молчавший весь день 22 июня. «Его гарнизон во главе с командиром лейтенантом Чусем находился в наряде в Сопоцкине. Видимо, уцелевшие бойцы сумели добраться до

своего маленького форта и приняли бой. Результаты дружного перекрестного огня не заставили себя долго ждать: лощина, которую оба дота держали под обстрелом и которую противник считал находящейся в „мертвой зоне“, теперь действительно стала мертвой: ее усеяли десятки трупов. Но к вечеру дот № 37 расстрелял весь боекомплект и замолчал. Саперы подобрались к нему со стороны 38-го и взорвали. Ослабел и огонь дота № 59: запас боеприпасов таял на глазах. Заметив это, немецкие саперы попытались подтащить к нему взрывчатку, но дозорные сорвали несколько попыток. Из дота № 54 пришел связной сержант Портов: старший лейтенант В. Г. Мачулин спрашивал Пилькевича о том, что тот намеревался делать в сложившейся обстановке. Узнали, что Гродно взят, а уровские войска отрезаны от Немана. Взводный обратился к своим подчиненным с тем же вопросом. Ответ был один: „Будем сражаться“. Ночью немцы проникли к доту и залезли на его верхнее перекрытие. Через перископное отверстие предлагали сдаться. Сержант Глазов обстрелял их из ручного пулемета. Для завтрашнего боя оставалось по 5–6 выстрелов на орудие, полупустые ленты в пулеметах и немного патронов для личного оружия. К полудню боеприпасы были исчерпаны, саперы беспрепятственно подошли к доту и спустили в перископную шахту пакет с взрывчаткой. „Взрыв страшной силы потряс дот до основания. Рухнувшие перегородки казематов погребли под собою бойцов. Распахнувшейся, сорванной с петель стальной дверью был раздавлен лейтенант Пилькевич, воздушной волной убиты курсант Абрамов и мой помощник Неумытов. У входа с рассеченной пополам головой застыл сержант Глазов. В проходе-сквозняке повсюду виднелись обезображенные тела бойцов“. Из 22 человек уцелело пятеро, да и те израненные и контуженные»[46].

А теперь перейдем к действиям 62-го (Брестского) УРа. В описании боевого пути 3-й танковой дивизии[47] говорится, что огонь велся не только от Прилук, но и из леса между шоссе и рекой. Оказывали сопротивление и 3 из 16 дотов 2-й роты 18-го батальона Брестского УРа, расположенные в районе Митьки, Бернады — у форта литера «З». Остальные сооружения были полностью забетонированы, в некоторых имелись амбразурные короба, но не было гарнизонов. Бывший военфельдшер В. А. Якушев вспоминал, что в составе гарнизонов трех сражавшихся дотов едва ли насчитывалось по 10 человек. Один взвод убыл в гарнизонный караул в Брест, часть личного состава находилась на курсах младших командиров, многие офицеры уехали в отпуска. В дотах оставались: младшие лейтенанты И. М. Борисов, В. И. Олегов, И. П. Фролов, И. Ф. Бобков и

военфельдшер В. А. Якушев. Помощь раненым оказывала жена Бобкова. Якушев писал: «23.6.1941 г. кончились боеприпасы. ДС блокирован немцами. Взорваны двери. Через перископные отверстия гранатами уничтожена обслуга перископа и кто был в этом каземате. Немцами был пущен газ в дот в виде шашек. Кто был ранен, все задохнулись. Оставшиеся в живых, человек шесть, выползли ночью в близлежащий форт»[48].

Бывший командир взвода 3-й роты 17-го ОПАБ И. Н. Шибаков вспоминал: «25 июня во второй половине дня левый каземат был пробит снарядом, материальная часть вышла из строя… Дот блокирован. Мы отбиваемся гранатами. Подорван запасной выход, враги затопили нижний этаж, стреляли в отверстия казематов, в пробоины кидали гранаты. Отверстия мы заткнули шинелями и одеялами. Вода словно кипела от взрывов, брызги долетали на верхний этаж. Мы сели, обнявшись, на пол. Думали — вот-вот обрушится пол»[49].

«Состояние, когда боевые возможности избитого снарядами и бомбами дота исчерпаны, называется „приведен к молчанию“. Уже не припадая к земле, не прячась, подходили к умолкшим бетонным многогранникам, которым так и не успели сделать обваловку, немецкие саперы-подрывники. Привычно делали свою саперскую работу, потом писали подробные отчеты. „Защитная труба перископа имеет на верхнем конце запорную крышку, которая закрывается при помощи вспомогательной штанги изнутри сооружения. Если разбить крышки одиночной ручной гранатой, то труба остается незащищенной. Через трубу внутрь сооружения вливался бензин, во всех случаях уничтожавший гарнизоны“.

Уровцы (так их называли) несли за свои участки границы поименную ответственность, поэтому они не покинули ее, даже когда граница стала немецким тылом. „150-килограммовый заряд, опущенный через перископное отверстие, разворачивал стены сооружения. Бетон растрескивался по слоям трамбования. Междуэтажные перекрытия разрушались во всех случаях и погребали находящийся в нижних казематах гарнизон“. Но и взрывчатка не могла уничтожить бессмертных, казалось, людей. Об этом почему-то не часто пишут, но именно 22 июня стало тем днем, когда германские нацисты впервые во Второй мировой войне применили против своего противника (гарнизоны советских дотов) боевые отравляющие вещества.

О варварстве немецких войск поведали после войны выжившие защитники укреплений: для них противогазы не оказались ненужной

обузой. „Уцелевшие бойцы спускались в подземный этаж, закрывая люки. Но газ проходил по переговорным трубам, в которые не успели вставить газонепроницаемые мембраны“. „Слышим легкое шипение. Потянуло лекарственным запахом. Газы! Все одели противогазы. Гитлеровцы забрасывают гранатами. От взрыва одной из них, которую я не успел выбросить, меня ранило в левую руку и грудь… Казалось, что качается пол. И опять, теперь уже знакомое шипение. Стало тошнить, начался кашель. В противогазе пробита трубка. Попытался зажать дырку, но одной рукой не сумел. Тогда я снял противогазный шлем с убитого товарища и надел. В шлеме оказалась кровь, я захлебнулся. Когда зажал дыхательный клапан, кровь вышла из шлема. Так я и пролежал до утра. 26 июня гарнизоны дотов Шевлюкова, Локтева и Еськова отбросили противника и деблокировали наш дот. Шевлюков забрал меня к себе в „Горки“…“»[50].

А теперь перейдем к старому УРу № 82, расположенному в районе города Тирасполя. Согласно германским источникам, «ходом боев установлено, что русские не сдают долговременные боевые сооружения при выходе из строя главного вооружения, а обороняют их до последнего».

А вот описания действий вермахта против Могилев-Ямпольского УРа: «Уничтожению дотов предшествовал налет бомбардировщиков и 15-минутный обстрел выявленных сооружений выдвинутыми отдельными орудиями и 8,8-см зенитками, поддержанными противотанковыми орудиями и тяжелым пехотным оружием. Кроме того, последовал 5-минутный огневой налет всей артиллерией на те сооружения, которые находились в 300 метрах и более от противоположного берега Днестра.

Удалось полностью подавить доты, препятствовавшие форсированию…

Дот № 2 [нумерация сооружений немецкая]: бетонированный пулеметный дот, имевший 3 амбразуры со станковыми пулеметами, действовавшими фронтальным и фланкирующим образом вверх и вниз по течению реки. Гарнизон 15 человек.

Уничтожение. После форсирования ударный взвод 2-й роты 240-го инженерного батальона пересек проволочное заграждение примерно 3-метровой ширины. Подползание к доту примерно на 150 метров осуществлялось сбоку под прикрытием огня установленного на береговой позиции ручного пулемета. Амбразура, направленная вверх по течению, была уничтожена с помощью огнемета и заряда на шесте. Даже после подрыва входной двери гарнизон не сдался. Только после того, как был взорван еще 9-килограммовый заряд, 8 человек вышли наружу. Остаток гарнизона был уничтожен внутри.

Дот № 5: орудийный дот с 2 орудиями косоприцельного действия.

Уничтожение. Под прикрытием огня зенитного и противотанкового орудий ударный взвод 3-й роты 240-го инженерного батальона выдвинулся к орудийному доту. Взрыв 12,5-килограммового заряда действия не имел. Следующие заряды вскрыли силовую установку и подожгли ее. Выстрелы из огнемета по смотровым щелям дота действия не имели. Только несколько выстрелов из огнемета в вентиляционную установку вынудили гарнизон в составе 1 офицера и 26 человек к сдаче»[51].

Наступление противника на правом фланге Южного фронта заставило советское командование без боя оставить не атакованные немцами доты УРа № 82 (Тираспольского).

Итак, основной причиной захвата немцами УРов опять же стало не столько отсутствие вооружения и неполное оборудование значительной части дотов, сколько человеческий фактор. Пехотные части и полевая артиллерия в подавляющем большинстве случаев не прикрывали УРы, а отходили на восток.

Там же, где УР был прикрыт пехотой и тяжелой артиллерией, он становился практически неприступен. Характерный пример — УР в районе «Ораниенбаумского пятачка», к которому немцы подошли в сентябре 1941 г. и не смогли продвинуться вперед ни на метр до самого прорыва блокады.

Глава 4
На ближних подступах к Москве

После прорыва вяземской линии укреплений немецкие войска достигли можайской линии обороны и московской зоны обороны.

На рубеже Тургиново, Можайск, Калуга располагались четыре стрелковые дивизии, создававшие так называемую можайскую линию обороны. Эти дивизии прикрывали волоколамское, можайское, малоярославецкое и калужское направления. С 1 октября они были объединены в 5-ю армию, переданную впоследствии в состав Западного фронта.

В радиусе 25–30 км вокруг Москвы создавалась система укреплений, называемая Московской зоной обороны, эшелонированная до городских окраин.

Внешний пояс обороны Москвы, проходивший по линии Хлебниково, Нахабино, Красная Пахра, Домодедово, обеспечивался с флангов полевыми рубежами: на севере — по восточному берегу канала им. Москвы; на юге — до Серпухова и далее по Оке. Кроме того, планом обороны Москвы предусматривались: полоса обеспечения, идущая параллельно внешнему поясу; вторая оборонительная полоса, охватывавшая Москву полукольцом с запада; третья оборонительная полоса в виде кольца, замкнутого вокруг Москвы, и оборона внутри города в виде различных заграждений.

Передний край второй оборонительной полосы проходил по линии Соцгород (Вагоноремонт), Химки, Никольское, Щукино, Троицкое, Кунцево, Очаково, Тропарево, Узкое, Красное, Царицыно, Братеево. Третья оборонительная полоса проходила в 3–6 км от второй через населенные пункты и железнодорожные станции Лихоборы, Братцево, Коптево, Красная Пресня, Кутузово, Воробьевы горы, Нижние Котлы, Кожухово, Карачарово.

Основными укреплениями и заграждениями являлись: окопы, противотанковые рвы, эскарпы, контрэскарпы, надолбы, противотанковые металлические ежи (до 37 500), долговременные огневые точки и другие заграждения и сооружения. На подмосковных рубежах и в самой Москве только противотанковые заграждения (не считая минных полей) заняли полосу общей длиной 325 км, противопехотные — 256 км. Было построено до 3700 огневых точек, из них 1500 железобетонных.

Защищать Московскую зону обороны должны были 60-я и 24-я армии,

войска которых впоследствии заняли оборонительные рубежи на фронте Тарасовка, Клязьминское водохранилище, Нахабино, Перхушково (60-я армия); Давыдково, Красная Пахра, Домодедово и далее на северо-восток к Москве-реке (24-я армия). Здесь находились также 3, 4-я и 5-я московские коммунистические стрелковые дивизии, 2-я московская стрелковая дивизия, группа под командованием Лизюкова и др., в которых в общей сложности насчитывалось до 850 орудий и 870 минометов.

Наступление германских войск на московском направлении началось 2 октября 1941 г. не только в центре, то есть по наиболее коротким и удобным путям к Москве, но и на обоих флангах: в направлении на Калинин (Тверь) — севернее Москвы и на Тулу — южнее.

Развернувшиеся в октябре бои на калининском, волоколамском, можайском, малоярославецком и тульском направлениях переросли в ряд оборонительных операций: Калининскую (9 октября — 4 декабря 1941 г.), на малоярославецком и можайском направлениях (2 октября — 5 декабря 1941 г.) и Тульскую (24 октября — 5 декабря 1941 г.).

Ко 2 ноября 1941 г. на ряде участков оборона войск Западного и Брянского фронтов была прорвана и противник развернул наступление на нескольких направлениях непосредственно на Москву, а также на обоих флангах, к северу и к югу от Москвы.

14 октября советские войска оставили город Калинин, однако дальнейшее продвижение противника в результате быстрой перегруппировки наших сил было остановлено. Войска Западного фронта под ударами превосходящих сил и средств противника к 10–15 октября отошли на можайскую линию обороны, где оказали врагу упорное сопротивление. На волоколамском, можайском и малоярославецком направлениях развернулись ожесточенные бои. К этому времени готовность инженерных сооружений главной оборонительной полосы можайской линии обороны составляла лишь 40–80 %.

На тульском направлении войска Брянского фронта во второй половине октября с боями отходили к Туле. Создалась угроза захвата Тулы противником с ходу. Однако дивизии правофланговой 50-й армии Брянского фронта, отошедшие к Туле, и отряды тульских рабочих удержали город.

Таким образом, в результате октябрьского наступления немцам удалось продвинуться на 230–250 км в центре (в направлении на Москву) и на обоих флангах: до Калинина — на севере и до Тулы — на юге.

К началу оборонительного сражения под Москвой стрелковые дивизии в основном уже были переведены на штат 04/600, утвержденный еще в

конце июля 1941 г. По этому штату из дивизии был исключен гаубичный артиллерийский полк и противотанковый дивизион. В стрелковых полках вместо четырех 120-мм минометов было оставлено два, число 76-мм полковых пушек уменьшено с шести до четырех. В стрелковых батальонах вместо роты 82-мм минометов вводился только один взвод, а взвод 45-мм пушек был исключен. В стрелковых ротах 50-мм минометов стало два вместо трех.

Таким образом, несмотря на все возраставшее значение огня в обороне, особенно артиллерийского и минометного, число орудий и минометов в стрелковой дивизии уменьшилось с 294 до 142, то есть более чем вдвое. Количество пушек (основное средство борьбы с танками) в стрелковой дивизии сократилось тоже почти вдвое — с 88 до 46.

В результате этого огневая производительность стрелковой дивизии резко снизилась. Вес залпа минометов снизился на 234 кг (с 433,8 кг), а артиллерийских орудий (без зенитных) — на 1040 кг (с 1388,4 кг).

В целях принудительного массирования артиллерийских средств приказом Наркомата обороны № 0405 от 12 октября 1941 г. минометы были изъяты из стрелковых рот и батальонов и в стрелковом полку за счет их создавались минометные батальоны (24–50-мм и 24 — 82-мм миномета). Из стрелковых полков изымались 120-мм минометы, и из них в стрелковых дивизиях создавались минометные дивизионы (количество 120-мм минометов было доведено до 18).

Перед началом оборонительного сражения под Москвой в составе войск Западного фронта (6 общевойсковых армий, оборонявшихся на фронте 347 км) имелось 3551 орудие и миномет. Из них 769 орудий противотанковой и полковой артиллерии (21,7 %), 832 орудия дивизионной артиллерии (23,4 %), 364 орудия РВГК[52] (10,2 %) и 1586 минометов 50-, 120-мм калибра (44,7 %). Кроме того, в армиях Западного фронта имелись 94 зенитные пушки. В среднем на каждую общевойсковую армию приходилось по 590 орудий и минометов и по 15–16 зенитных пушек. 22, 30-й и 19-й армиям было придано по одной батарее полевой реактивной артиллерии (М-13).

В ходе ожесточенных оборонительных боев войск Западного фронта в октябре и на некоторых направлениях в первой половине ноября артиллерия понесла значительные потери. Несмотря на то что Ставка Верховного Главнокомандования непрерывно проводила восполнение потерь и формировала новые артиллерийские полки, к 16 ноября 1941 г., то есть к началу второго наступления немцев на Москву, в составе войск Западного фронта (7 общевойсковых армий, оборонявшихся на фронте

389 км)[53] оставалось всего 2436 орудий и минометов, то есть на 32 % меньше, чем в конце сентября. Из них 804 орудия противотанковой и полковой артиллерии (33,1 %), 647 орудий дивизионной артиллерии (26,5 %), 337 орудий РВГК (13,9 %) и 648 минометов 82-мм и 120-мм калибра (26,5 %). Следует заметить, что уменьшение общего количества артиллерии в основном произошло за счет минометов. Количество же противотанковых орудий не только не уменьшилось, но было увеличено как в процентном отношении ко всем другим видам артиллерии, так и в абсолютном числе, что являлось особенно важным.

Кроме 2436 орудий и минометов, в войсках Западного фронта к этому времени имелось 268 реактивных установок и 113 зенитных пушек всех калибров (в среднем 38 реактивных установок и 16 зенитных пушек на армию).

Таким образом, на каждую общевойсковую армию приходилось около 348 орудий и минометов (в 1,7 раза меньше, чем в начале оборонительного сражения, правда, средняя ширина полосы обороны, приходящаяся на одну армию, несколько уменьшилась — с 58 до 55 км).

В результате систематического усиления Западного фронта к концу оборонительного сражения под Москвой (на 1 декабря) в войсках Западного фронта (10 общевойсковых армий, оборонявшихся на фронте 480 км) имелось уже 4918 орудий и минометов, то есть в полтора раза больше, чем к началу сражения, и в два раза больше, чем на 16 ноября. Из них 1287 орудий противотанковой и полковой артиллерии (26,2 %), 1189 орудий дивизионной артиллерии (24,2 %), 323 орудия РВГК (6,6 %) и 2119 минометов 82-мм и 120-мм калибра (43,1 %). Кроме того, войска фронта имели 226 орудий зенитной артиллерии и 31 гвардейский минометный дивизион. На каждую общевойсковую армию (при среднем фронте обороны армии 48 км) приходилось в среднем по 490 орудий и минометов, по три гвардейских минометных дивизиона и по 23 орудия зенитной артиллерии.

С 28 по 30 ноября 1941 г. в распоряжение командующего войсками Московской зоны обороны прибыли артиллерийские части большой мощности — шесть гаубичных полков и один пушечный. Эти полки до начала контрнаступления войск Западного фронта были использованы так: два гаубичных полка на северном и северозападном направлениях, два гаубичных полка на западном направлении, два гаубичных полка в полосе 332-й стрелковой дивизии для прикрытия Москвы с юго-запада и юга. Пушечный полк большой мощности предполагалось использовать следующим образом: два дивизиона для прикрытия города с севера и

северо-запада и два дивизиона — с юго-запада и с юга (по второму варианту намечалось использовать полк полностью на северном направлении для прикрытия Дмитровского и Ленинградского шоссе).

Рассмотрим один из случаев успешного применения противотанковых пушек под Малоярославцем на так называемом Ильинском боевом участке, противотанковая оборона которого была построена с расчетом наиболее надежно прикрыть шоссе Медынь — Подольск. Здесь было построено четыре противотанковых опорных пункта, которые имели следующую артиллерию. Опорный пункт в районе Константиново (4 — 45-мм и 6 — 76-мм пушек), в районе Ильинское (12 — 45-мм, 8 — 85-мм и 8 — 37-мм пушек), в районе Большая Шубинка — Митрофаново (14–45– и 76-мм орудий) и на опушке леса восточнее Ильинское (8 — 76-мм пушек). Противотанковые опорные пункты совмещались с ротными районами обороны Подольского пехотного училища. На шоссе южнее Кудиново располагался артиллерийский противотанковый резерв боевого участка (батарея 76-мм полковых пушек, батарея 85-мм зенитных пушек и три танка Т-34).

Командир сводного отряда полковник И. С. Стрельбицкий для выигрыша времени на организацию обороны и предупреждения внезапного нападения противника выслал в направлении на Медынь (навстречу немцам) передовой отряд в составе двух курсантских рот и двух противотанковых артиллерийских батарей. Этот отряд 6 октября в 50 км от Ильинского с ходу вступил в бой с противником, в результате которого было подбито 10 вражеских танков и 8 бронетранспортеров. На следующий день немцы пытались сбить наш передовой отряд, но эти попытки не увенчались успехом.

Пополненный еще одной ротой курсантов и несколькими танками (на третий день боя), передовой отряд в течение пяти суток сдерживал наступление превосходящего противника, подбив за это время 20 танков, 10 бронемашин и уничтожив свыше тысячи немецких солдат и офицеров. Только после потери около 80 % личного состава и почти всей материальной части передовой отряд начал отходить к рубежу Ильинского боевого участка.

Наступление противника непосредственно на Ильинский боевой участок началось 11 октября. Попытка роты немецкой пехоты с 15 танками прорваться через мост реки Выпрейка к Ильинскому окончилась неудачно. Потеряв пять танков, противник отошел. На следующий день атакам противника предшествовала сильная бомбардировка позиций Ильинского боевого участка, но и в этот день все его атаки были отбиты. Только во

второй половине следующего дня немцам удалось прорвать левый фланг нашей обороны южнее Митрофаново и выйти на шоссе в 8 км восточнее Ильинского, что сильно осложнило положение отряда.

К исходу 13 октября немцы силами 15 танков с десантом автоматчиков атаковали Ильинский боевой участок с тыла, но, встреченные огнем орудий, находившихся в резерве командира боевого участка, в скоротечном бою потеряли все танки. В дальнейшем — 14, 15 и 16 октября — противник продолжал атаковать позиции защитников боевого участка. Используя малочисленность нашей пехоты, немецкие автоматчики в ночных боях уничтожали наши огневые расчеты прямо на огневых позициях. Силы оборонявшихся истощались, и к утру 16 октября они были окружены (около 250 человек и 5 противотанковых орудий). По приказу командования остатки личного состава курсантских рот и батарей в ночь на 17 октября прорвали кольцо окружения и отошли к Малоярославцу.

Немцы, сосредоточив в районе Можайска одну танковую и около трех пехотных дивизий, при мощной поддержке своей авиации и артиллерии в течение трех дней вели ожесточенные бои за Можайск с частями 32-й стрелковой дивизии и 19-й танковой бригады, усиленных 316-м противотанковым артиллерийским полком. Большинство атак противника оканчивалось для него безуспешно, несмотря на то что наличных сил стрелковой дивизии и танковой бригады едва хватало на прикрытие Можайского шоссе и автострады Москва — Минск. Фланги оставались открытыми и обеспечивались лишь огнем 316-го противотанкового артиллерийского полка. Только ценой больших потерь на четвертый день боев немцам удалось захватить Можайск. В этом бою огнем 316-го противотанкового артиллерийского полка был уничтожен 21 танк противника.

26 ноября в районе Есипово 2-я батарея 289-го противотанкового артиллерийского полка была атакована с фланга десятью танками противника. Одно орудие едва успело сделать два выстрела, как танки противника были уже в 10 м от огневых позиций. Расчет, укрывшись в окопе, стал забрасывать танки ручными гранатами. Второе орудие этой же батареи немедленно открыло огонь по танкам, подбило два из них и заставило остальные отойти в исходное положение.

Приданный 8-й гвардейской стрелковой дивизии 296-й противотанковый артиллерийский полк занимал огневые позиции в районе Истринской плотины и деревни Раково. Все орудия полка, кроме двух, занимали позиции по восточному берегу Истры. Перед фронтом полка своей пехоты не было. 24 ноября в 8 часов утра из деревни Ушаково в

направлении реки Истры вышли два немецких танка, которые тотчас же были подбиты орудиями, стоявшими на западном берегу реки. В 10 часов уже 40 немецких танков вышли из леса в направлении дамбы Истринской плотины. Огнем батарей полка было подбито два танка, остальные повернули обратно. Ведя огонь по отходившему противнику, батареи полка подбили еще 8 танков.

Через некоторое время противник под прикрытием сильного минометного огня повел атаку пехотой. Батареи полка открыли ответный огонь шрапнелью по немецкой пехоте, и та была вынуждена отойти в лес. После этой атаки пехоты немцы повторили наступление танками и, потеряв от огня артиллерии 12 танков, отошли в исходное положение.

Противник после неоднократных попыток атаковать огневые позиции артиллерии был вынужден изменить свое первоначальное решение и начать движение по лощине в направлении Бужарово, не проявляя в дальнейшем активности уже в течение всего дня. За день боя полком было подбито 24 немецких танка.

Тут автор в очередной раз вынужден повторить, что все сведения о подбитых танках взяты из советских, пусть и секретных источников и проверить эти данные практически не представляется возможным.

Следует заметить, что германская артиллерия постоянно отставала от танковых частей и мотопехоты. Вот как описывает Пауль Карель движение германской артиллерии во второй половине сентября 1941 г.: «Капитана Кюпперса, командира 1-го дивизиона 229-го артиллерийского полка, серьезно беспокоили темпы продвижения его части. Дорогу, по которой следовал дивизион, развезло до невозможности, и лошади с трудом тащили орудия через это нескончаемое месиво грязи. С разрешения возглавлявшего колонну подполковника Рюдерера капитан приказал своим свернуть на пересекавшуюся с главной дорогу из Юхнова в Гжатск, с тем чтобы выйти на шоссе. Командир дивизиона рассчитывал, что так сумеет ускорить продвижение.

Артиллеристы добрались до автомагистрали. Но того, что они увидели, они никак не ожидали: забитое техникой шоссе покрывали заполненные водой воронки. На что тут было рассчитывать Кюпперсу с его батареями на гужевой тяге? На участке от Гжатска до Можайска застряли от 2000 до 3000 единиц различной техники.

Узрев столь печальную картину, артиллеристы 197-й пехотной дивизии со всей поспешностью постарались вернуться обратно — прямо в грязь. Скорость их продвижения, равнявшаяся летом 45 километрам в день, теперь часто падала до полутора километров и никогда не превышала пяти

километров в день. Когда наступала ночь, истощенные боями, измученные переходами, покрытые грязью и вшами, голодные и смертельно усталые, они жались к печам в жалких крестьянских избушках в маленьких деревеньках. На улице лошади объедали жухлую замерзшую солому с крыш. Внутри солдаты сушили свою форму, и если кто-то из них спрашивал: „Кто-нибудь знает, где мы?“, то получал по-солдатски прямой и грубый ответ: „В самой заднице матушки Европы!“…

3-я танковая дивизия генерал-майора Брайта кое в чем преуспела, сумев немного потеснить противника на своем участке. Но личный состав части совершенно выдохся, а из-за ужасного состояния дорог возникли чрезвычайные трудности со снабжением. Попробовали сбрасывать боеприпасы и горючее с самолетов, летавших на высоте 5–10 метров, но и это не стало решением проблемы. В большинстве своем взрывоопасные грузы взлетали на воздух при ударе о землю»[54].

16 октября моторизованные части противника, наступавшие в восточном направлении, передовыми частями вышли на фронт Тургиново, Бренево, Воробьево, Белая Колпь, Коптягино. Справа оборонялись части 29-й, слева — 5-й армий.

16-я армия имела задачу упорно оборонять рубеж Московское море, высоту 128,6, Ярополец, Новинки, Кобылино, совхоз Болычево.

К этому времени в состав армии входили 50-я и 53-я кавалерийские дивизии (группа Доватора), Курсантский полк Московского пехотного училища им. Верховного Совета с 302-м отдельным пулеметным батальоном и 316-я стрелковая дивизия.

Кавалерийская группа Доватора оборонялась на фронте около 30 км, имея только свою штатную артиллерию. Курсантский полк с 302-м отдельным пулеметным батальоном оборонялись на 25-км фронте и были усилены дивизионом Московского артиллерийского училища (8 — 122-мм гаубиц и 4 — 152-мм гаубицы) и 483-м противотанковым артиллерийским полком (8 — 85-мм пушек и 8 — 45-мм пушек). 316-я стрелковая дивизия оборонялась на 38-километровом фронте. Ей были приданы 525-й противотанковый артиллерийский полк (8 — 45-мм пушек и 6 — 85-мм пушек), 296-й противотанковый артиллерийский полк (20 — 76-мм пушек) и 523-й пушечный артиллерийский полк (12 — 122-мм пушек).

138, 528-й и 552-й пушечные артиллерийские полки (12 — 122-мм пушек, 24 — 152-мм гаубицы-пушки) составляли армейскую группу дальнего действия.

В ходе упорных боев артиллеристы 16-й армии сумели нанести существенный урон врагу. Как писал Казаков: «В полосе 16-й армии

противник лишился возможности наступать на Москву кратчайшим путем»[55].

Увы, многие общевойсковые командиры действовали безграмотно. Вот, к примеру, выдержки из приказа войскам 5-й армии № 026 от 11 октября 1941 г.: «Большое количество потерь, которые несет артиллерия в бою, в большинстве случаев объясняется тем, что в критический момент боя пехотные начальники оставляют артиллерию без прикрытия и не оказывают ей помощи живой силой, в которой артиллерия часто нуждается для того, чтобы откатить орудия на руках за укрытие. Например, 3 октября 1941 г. в бою под Дорохово и Капанью 601-й стрелковый полк 82-й стрелковой дивизии, не предупредив артиллерию, отошел на другой рубеж. В результате погибла не только материальная часть, но почти и весь личный состав артиллерии, героически сражавшийся с наступающей пехотой и танками противника»[56].

Более удачными были действия 316-й дивизии в Волоколамском УРе.

В ходе паузы между занятием Можайского рубежа и началом боев на нем 316-я стрелковая дивизия получила в свое распоряжение достаточно крупные силы артиллерии: четыре пушечных артиллерийских полка РВГК, три противотанковых артиллерийских полка. Вместе со штатным артиллерийским полком соединения (16–76,2-мм пушек, 8 — 122-мм гаубиц) в составе артиллерии обороняющихся было 207 орудий: 4 — 25-мм зенитных, 32 — 45-мм противотанковых, 14–76,2-мм полковых пушек, 79 (!) — 76-мм пушек, 16 — 85-мм орудий, 8 — 122-мм гаубиц, 24 — 122-мм пушки, 30 — 152-мм гаубиц-пушек.

Такого мощного артиллерийского соединения не было ни на можайском, ни на малоярославецком направлениях. Собственно узел обороны Волоколамского УРа с бетонными колпаками располагался на шоссе Ржев — Волоколамск. Его занял 1077-й полк 316-й дивизии, располагавшийся на правом фланге обороны. Два других полка (1073-й в центре и 1075-й на левом фланге) вынуждены были оборудовать позиции с нуля, выкопав сплошную первую траншею и прерывчатую вторую. Наспех выкопанные окопы у Волоколамского шоссе являлись слабым местом обороны дивизии. Этот недостаток был частично компенсирован присутствием 296-го противотанкового артиллерийского полка в составе двадцати 76-мм пушек и четырех 25-мм автоматических зенитных пушек.

Главный удар немцы силами 2-й танковой дивизии нанесли утром 16 октября по сидевшему в только что вырытых окопах 1075-му полку — атака последовала вдоль Волоколамского шоссе. Такой удар, в сущности,

выводил немецкие танки в тыл остальным полкам дивизии. Два дня, 16 и 17 октября, атаки немецких танков отбивались огнем 85-мм зенитных орудий. На обозначившееся направление главного удара командующий 16-й армией К. К. Рокоссовский, за отсутствием крупных резервов, не мог выдвинуть пехоту, но отреагировал на кризис выдвижением танковой бригады и одного пушечного артиллерийского полка РВГК.

18 октября заслон на шоссе был обойден немцами, и они продвинулись на 10 км в глубь обороны 316-й дивизии. Девять из двадцати 76-мм орудий 296-го противотанкового полка были выведены из строя. Однако время, выигранное сравнительно успешной артиллерийской дуэлью 76-мм и 85-мм орудий со 2-й танковой дивизией, позволило Рокоссовскому выдвинуть на направление немецкого наступления 289-й противотанковый артиллерийский полк, 138-й пушечный артиллерийский полк РВГК и группу «катюш».

Орудия пушечного артиллерийского полка (122-мм пушки А-19) были поставлены на прямую наводку для ведения огня вдоль шоссе. Попытки развивать наступление 19 и 20 октября успеха наступающим не принесли, и с 20 по 25 октября 2-я танковая дивизия приводила себя в порядок, ожидая подхода пехоты. Прорыв Волоколамского УРа с ходу ударом на узком фронте подвижными соединениями, как это было на можайском и малоярославецком направлениях, немцам не удался. Советскому командованию даже не пришлось вводить в бой прибывшую к 19 октября в резерв Западного фронта 4-ю танковую бригаду М. Е. Катукова, прибывшую своим ходом из-под Тулы. Танковая бригада Катукова на 16 октября 1941 г. насчитывала 3 КВ, 7 Т-34 и 23 легких танка.

Второе наступление на Москву немцы начали 16 ноября против войск 30-й и 16-й армий. Соединения 30-й армии, располагавшиеся южнее Московского моря, не смогли сдержать сильного танкового удара врага на клинском направлении и после первых же атак начали отходить к Ленинградскому шоссе. Одновременно четыре танковые и три пехотные дивизии противника перешли в наступление против левофланговых соединений войск 16-й армии. В этот же день 16-я армия перешла в наступление на своем правом фланге с целью разгрома волоколамской группировки противника. Главный удар в общем направлении на западную окраину Волоколамска должны были наносить 58-я танковая, 126-я стрелковая, 20, 44, 24-я и 18-я кавалерийские дивизии. 316-я и 78-я стрелковые дивизии должны были наступать перед своим фронтом. Левофланговая 18-я стрелковая дивизия оборонялась на прежнем рубеже.

Артиллерийское обеспечение этого удара планировалось с расчетом

подхода всех артиллерийских полков кавалерийских дивизий и полков АРВГК, но большинство их к утру 16 ноября к месту сосредоточения не прибыло и 16–17 ноября еще находилось в пути из-за неправильного расчета марша. Так, например, при планировании перемещения артиллерийских полков кавалерийских дивизий не было учтено, что лошади не были подкованы, в то время как наступили заморозки.

Приданный армии 14 ноября 1941 г. 471-й пушечный артиллерийский полк прибыл к месту сосредоточения только в 15 часов 16 ноября, так как средства тяги (тракторы ЧТЗ-65) не позволяли ему преодолеть расстояние свыше 100 км в более короткие сроки. 528-й пушечный артиллерийский полк (12 — 152-мм гаубиц-пушек) имел всего один исправный трактор, а находился в 25 км от района действий. Поэтому к 15 часам 16 ноября в район огневых позиций полка прибыло всего одно орудие. Остальные орудия полка были вывезены на огневые позиции тракторами других частей на следующий день.

Все это привело к тому, что кавалерийские дивизии вводились в бой по частям и почти без поддержки своей артиллерии. В артиллерийской подготовке атаки на фронте в 10 км участвовали 138-й и 39-й пушечные артиллерийские полки (30 орудий), артиллерийские полки 126-й стрелковой дивизии (12 орудий) и 58-й танковой дивизии (12 орудий), всего 54 орудия, или 5,4 орудия на 1 км фронта. Наступление ударной группы поддерживал также дивизион полевой реактивной артиллерии (М-13).

24–25 ноября группа войск генерала Доватора (52-я и 57-я кавдивизии, усиленные частями 44-й кавдивизии, двумя батальонами 8-й гвардейской стрелковой дивизии, танковыми батальонами 129-й и 146-й танковых бригад) наносила контрудар с рубежа Кривцово, Бережки в направлении Стерлино, Субботино, Головково. Для артиллерийской поддержки этих соединений, помимо собственной артиллерии, были привлечены два пушечных полка (152-мм гаубиц-пушек — 22, 122-мм пушек — 8) и один противотанковый артиллерийский полк, имевший 19 орудий (85-мм — 13, 76-мм — 2 и 25-мм — 4). Последний действовал непосредственно в боевых порядках конницы и танков. Батареи вели огонь прямой наводкой, чтобы расчистить путь поддерживаемым частям и подразделениям. Из тяжелых пушечных дивизионов была создана артиллерийская группа для борьбы с артиллерийскими и минометными батареями противника. Благодаря четкой организации взаимодействия между конницей, танками и артиллерией группа генерала Доватора выполнила поставленную перед ней задачу и овладела рубежом Стерлино, Шапкино, Мартыново, Селищево.

Контрудар частей 7-й гвардейской стрелковой дивизии 27 ноября

1941 г. вдоль Ленинградского шоссе поддерживался специально созданной артиллерийской группой в составе 210-го гаубичного артиллерийского полка (122-мм гаубиц — 24, 152-мм гаубиц — 12), 39-го и 138-го пушечных артиллерийских полков (122-мм пушек — 8, 152-мм гаубиц-пушек — 22), причем два последних полка тремя днями раньше поддерживали действия группы генерала Доватора. Этой артиллерийской группой была подавлена система огня и живая сила противника перед контратакующими частями, и эти части заняли рубеж Есипово, Гончары.

Где-то 30 или 31 октября произошел какой-то таинственный эпизод, связанный с поселком Красная Поляна в Мытищинском районе. Как пишут несколько наших мемуаристов, после захвата Красной Поляны немцы решили установить там дальнобойные пушки, чтобы открыть огонь по центру Москвы. И тут бдительная школьная учительница Елена Горохова написала записку советскому командованию с указанием места дислокации германских орудий особой мощности и сумела как-то переправить свое сообщение через линию фронта. По другой версии, не менее бдительные колхозники по телефону позвонили в Москву и сообщили о появлении германских орудий.

31 ноября около 3 часов ночи Верховный Главнокомандующий вызвал по ВЧ командующего 16-й армией. Выслушав доклад Рокоссовского, Сталин спросил:

— Известно ли вам, что в районе Красной Поляны появились немецкие части? Что вы предпринимаете, чтобы их отбросить? Учтите, есть сведения, что из района Красной Поляны они намерены обстреливать Москву крупнокалиберной артиллерией.

— Товарищ Сталин, мне известно о выдвижении передовых немецких частей севернее Красной Поляны, — отвечал Рокоссовский, — и я уже подтягиваю туда силы с других участков. Только сил этих очень уж мало…

— Очистите район Красной Поляны от противника, а мы сейчас же отдадим распоряжение об усилении этого участка войсками Московской зоны обороны.

Спустя час начальник штаба фронта Соколовский сообщил командующему 16-й армией, что из фронтового резерва для атаки Красной Поляны посланы танковая бригада, артполк и четыре дивизиона «катюш». К этому времени Рокоссовский уже отправил туда все, что смог собрать, — два батальона пехоты и два пушечных полка.

С рассветом артиллерия 16-й армии открыла огонь по обороне врага в Красной Поляне. Бой продолжался весь день, и лишь с наступлением темноты наши танкисты при поддержке артиллерии ворвались в Красную

Поляну, захватили пленных, машины, артиллерийские орудия. Угроза обстрела советской столицы была ликвидирована.

Через пару дней немцы вновь вернули себе Красную Поляну. В закрытых материалах я не нашел никаких сведений относительно этой таинственной истории.

Представим на секунду, что немцы действительно доставили в Красную Поляну дальнобойные 17-см и 21-см орудия. Увезти их при отступлении они бы явно не успели, и захват хоть одного дальнобойного германского орудия был бы растиражирован Информбюро на весь мир. Судя по всему, какому-то колхознику или учительнице что-то привиделось, а не дюже умные дяди из НКВД поспешили донести непроверенную информацию Сталину. Ну и пошло-поехало…

Ставка решила усилить 16-ю армию, находившуюся на направлении танкового удара противника. В 16-ю армию к 25 ноября была переброшена из 49-й армии 7-я гвардейская стрелковая дивизия со своей штатной артиллерией. Из резерва Ставки в 16-ю армию были переброшены 354-я стрелковая дивизия, 36, 40-я и 49-я стрелковые бригады со своей артиллерией. Кроме того, с 16 по 28 ноября 16-я армия была усилена 471-м пушечным артиллерийским полком (из резерва фронта), 533-м, 766-м, 509-м противотанковыми артиллерийскими полками (из 5-й армии) и 610-м противотанковым артиллерийским полком (из 43-й армии).

В результате контрудара 1-й ударной армии, упорной обороны соединений 16-й и введенной в сражение 20-й армий, а также благодаря проведенным перегруппировкам общевойсковых соединений и артиллерийских частей оборона войск Западного фронта севернее Москвы оказалась весьма стойкой. Противник был вынужден приостановить наступление, а на ряде участков перейти к обороне.

На левом крыле Западного фронта германские войска еще в конце октября вышли на подступы к Туле. С 30 октября по 6 ноября они пытались захватить Тулу в лоб, но все их атаки были успешно отражены войсками 50-й армии и отрядами тульских рабочих, опиравшихся на хорошо организованную противотанковую оборону и систему огня Тульского боевого участка. С 10 по 16 ноября последовал новый удар противника в обход Тулы с северо-запада (в стык 49-й и 50-й армий). В это же время было предпринято наступление на Серпухов. Но и эти попытки прорвать оборону левого фланга войск Западного фронта решительного успеха не имели.

Потерпев неудачу в районе Тулы, германское командование решило прорваться к Москве, обойдя Тулу с востока. С этой целью основные силы

2-й танковой армии противник сосредоточил юговосточнее Тулы. Соотношение сил 2-й германской танковой армии и 50-й советской армии было примерно следующим: против 28–30 тысяч солдат и офицеров 50-й армии противник имел около 40 тысяч; в 50-й армии было всего 126 орудий (из них половина противотанковых) и 314 минометов, в то время как у немцев было около 500 орудий (из них более 200 противотанковых) и 350 минометов, и, наконец, против 45 танков 50-й армии противник располагал 500–600 танками. Таким образом, немцы имели почти полуторное превосходство в людях, четырехкратное превосходство в орудиях и одиннадцати-, тринадцатикратное превосходство в танках. Понятно, что эти цифры взяты мной из советских отчетов.

Удар юго-восточнее Тулы немцы нанесли 18 ноября, прорвав слабый фронт войск 50-й армии, и к 23 ноября их части вышли в район Венева. В боях за Венев противник понес большие потери в танках от огня зенитной артиллерии, выполнявшей задачи по противотанковой обороне города. Однако немцам удалось овладеть городом и развернуть наступление на Каширу и частью сил на Михайлов. Это создавало угрозу коммуникациям Москвы с центральными и восточными районами страны. Поэтому командование фронта приняло решение приостановить продвижение врага на каширском и рязанском направлениях.

С этой целью был подготовлен контрудар по немецким войскам, подходившим к Кашире. Контрудар наносила оперативная группа генерала Белова: две кавалерийские дивизии, 112-я танковая дивизия, 9-я отдельная танковая бригада, два танковых батальона и части 173-й стрелковой дивизии со своей штатной артиллерией. В течение 27–30 ноября оперативная группа генерала Белова, нанося фланговые удары, разбила южнее Каширы части 17-й танковой и подошедшей 28-й моторизованной дивизий противника и отбросила их к Мордвесу.

Оправившись от этого неожиданного удара, немцы 3–4 декабря вновь атаковали Тулу с востока. Части противника перерезали севернее Тулы шоссе на Москву, но захватить Тулу, соединиться с 43-м армейским корпусом, действовавшим в районе Алексина, и развить наступление на Москву врагу не удалось.

Несмотря на провал наступления севернее и южнее Москвы, германское командование не отказалось от намерения прорваться к столице. В начале декабря оно решило нанести еще один удар на Москву на центральном участке Западного фронта.

Сосредоточив западнее Наро-Фоминска значительные силы пехоты и более 100 танков, противник 1 декабря атаковал части 33-й армии (на узком

1–2-км фронте), прорвал их оборону и передовыми частями устремился в направлении Кубинки (в полосу обороны 5-й армии), угрожая выйти в тыл нашим войскам, оборонявшимся в районе автострады Минск — Москва.

Однако в районе Акулово германские войска встретили сильную противотанковую оборону 5-й армии, прорвать которую не смогли, и были вынуждены повернуть на восток, в сторону Апрелевки. 2 декабря прорвавшаяся группировка врага оказалась в глубоком тылу 33-й и 5-й армий, в 25 км от линии фронта. Кроме того, в этот же день противник частью сил 3-й моторизованной и 183-й пехотной дивизий при поддержке 20–30 танков прорвался в стыке 33-й и 43-й армий и проник в глубину нашей обороны на 8–10 км.

Для ликвидации прорыва противника командование фронта специально создало оперативную группу (одна стрелковая бригада, два лыжных и два танковых батальона и одна танковая бригада). Контрударом этой группы (3–4 декабря) прорвавшийся противник был разбит и положение на центральном участке фронта к 5 декабря полностью восстановлено.

Рассказ о германском наступлении под Москвой закончу еще одной цитатой Пауля Кареля: «Мороз ударил в ночь с 6 на 7 ноября. По всему фронту группы армий „Центр“ внезапно наступила зима. Пришел тот самый небольшой и такой желанный морозец, сковавший грязь и давший технике возможность двигаться вперед. По „загоравшим“ у дорог войскам прокатился вздох облегчения. Да, у них не было зимнего обмундирования — многие еще носили летнюю форму, — но наконец-то кончалась эта ужасная грязь.

Артиллеристы вытаскивали пушки из замерзшей земли, повсеместно ломая колеса и оси лафетов. Ну и что в конце-то концов? Возобновились поставки того, о чем уже почти забыли, вернулось все, что так „греет“ солдата на передовой: сигареты, письма из дома и спиртное. Появились запчасти, и танки стали возвращаться в строй, один за другим выходя из передвижных полевых мастерских. На передовую потекли патроны, снаряды, гранаты и мины. Потихоньку вновь начала крутиться машина войны. Вернулась надежда, что Москву все же удастся взять…

Но войска были настолько измотаны, что нуждались в передышке. Поэтому первые дни стали особо напряженными днями для частей тылового обеспечения…

16 ноября 5-й пехотный корпус Гёпнера начал атаку на город Клин, расположенный на северо-западе от Москвы на дороге к Калинину. Слева, в соответствии с планом, предстояло наступать 56-му танковому корпусу 3-й

танковой армии.

Около Мусина, что к юго-западу от Клина, забрезжил рассвет — рассвет 17 ноября, серый и туманный. Ближе к 09.00 сквозь утреннюю дымку показался большой красный диск солнца. Наблюдательный пункт батареи тяжелых орудий располагался на холме. Километрах в трех дальше виднелся лес. Поля покрывало тонкое снежное одеяло. Было холодно. Все ждали приказа атаковать.

10.00. Командиры приникли к биноклям. На опушке леса появилась кавалерия. Идя на галопе, она скрылась за холмом.

— Русские танки! — раздался возглас. По замерзшей земле катились три Т-34. С окраины села открыли огонь противотанковые пушки. Казалось странным, что танки идут одни, без поддержки пехоты. Что бы это могло значить? Пока артиллерийские наблюдатели пытались разгадать загадку, раздался другой возглас:

— Внимание! Справа от леса кавалерия.

Так и было. Конники — передовой разъезд из сорока или пятидесяти человек — приближались на рыси. Вот численность отряда выросла до сотни или двух, а мгновением позже они вылетели из леса широким фронтом. Эскадрон за эскадроном они развернулись в гигантскую линию. Позади сформировалась следующая. Все походило на какой-то диковатый сон. Шашки офицеров взлетели в небо. Сталь сияла на утреннем солнце. Теперь они шли галопом.

— Кавалерийская атака силами полка. До атакующих две тысячи пятьсот метров! — Голос наблюдателя, по телефону передававшего информацию на батарею, звучал немного сдавленно. Он лежал в углублении в земле на брезентовом полотнище. Сразу же, как выпал снег, оптическую трубу наблюдателя покрыли слоем побелки. Теперь прибор сливался с белым покрывалом, укутавшим поля и пригорки возле села Мусино. По нетронутому снегу стремя в стремя скакали кони, всадники пригибались к шеям лошадей, держа в вытянутых руках над головами шашки.

Пулеметный расчет около пункта наблюдения приготовился. Стрелок снял митенки и положил их рядом с пулеметом. Командир расчета приник к биноклю.

— Две тысячи метров, — раздался голос наблюдателя, продолжавшего по телефону давать наводку батарее.

Прошло, наверное, не больше секунды, и на заснеженном поле под Мусином разыгралась кошмарная сцена, которую не мог бы представить себе даже человек с очень богатым воображением. 3-я батарея 10-го

артиллерийского полка 106-й пехотной дивизии открыла огонь с короткой дистанции. Снаряды покинули стволы и обрушились прямо на атакующие эскадроны. Осколочно-фугасные снаряды противотанковых пушек в селе, которое только что подверглось атаке Т-34, упали среди головной группы. Падали кони. Всадники летели на землю. Вспыхивали огненные молнии. Поднимался к небу черный дым. Взлетали фонтаны пламени и грязи.

Советский полк продолжал наступать. Дисциплина их восхищала. Кавалеристы сместились в направлении своего правого фланга и устремились к селу. Но раз за разом, залп за залпом снаряды тяжелых орудий падали в боевые порядки атакующих эскадронов. Артиллеристы применяли шрапнельные гранаты, взрывавшиеся на высоте 7,5 метра над землей. Эффект, производимый такими выстрелами, был сокрушительным. Всадников буквально разрывало на части в седлах, кони падали на землю искалеченными.

Но ужасающее представление еще не завершилось. Для продолжения атаки из леса появился второй полк. Офицеры, сержанты и рядовые наверняка видели, какая участь постигла их товарищей. Тем не менее они скакали вперед.

Со второй волной немецкие артиллеристы расправились еще быстрее, чем с первой. Лишь небольшой группе всадников на маленьких казачьих лошадках удалось прорваться через стену смерти. Человек тридцать из тысячи. Они мчались к высоте, на которой расположился артиллерийский наблюдатель. Их прикончили пулеметчики.

Две тысячи кавалеристов и коней — оба полка 44-й монгольской кавалерийской дивизии — остались лежать в красном от крови снегу, растерзанные, искалеченные, раненые. Множество лишившихся всадников лошадей металось по полям, уносясь одни к селу, другие в лес. Легко раненные кавалеристы ковыляли по снегу в поисках укрытия…

Атака русских являлась совершенно бессмысленной с военной точки зрения. Два полка полегли, а при этом и волос не упал с головы хотя бы одного солдата противника. Никого с немецкой стороны даже не ранило»[57].

Глава 5
Контрнаступление под Москвой

В первых числах декабря 1941 г. сражение под Москвой вступило в решающую фазу. Части вермахта в ряде мест перешли от наступления к обороне. 1 декабря вновь сформированная 1-я ударная армия была сосредоточена на восточном берегу канала Москва — Волга, в районе Дмитров — Яхрома, и включена в состав Западного фронта. 3 декабря в состав того же фронта прибыла 20-я армия, развернувшаяся в районе Лобня — Химки. К 6 декабря на левом крыле Западного фронта закончила сосредоточение прибывшая из резерва Ставки 10-я армия.

Кроме того, в ноябре и в начале декабря в состав Западного фронта прибыли из резерва Ставки воздушно-десантный корпус, 8 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, 4 стрелковые бригады и ряд специальных частей. Фронт получил 8 вновь сформированных пушечных артиллерийских полков (138, 403, 440, 486, 517, 537, 995-й и 998-й).

В тылу Западного фронта были развернуты войска Московской зоны обороны, в их состав входили 24-я и 60-я армии и ряд отдельных частей.

Помимо перечисленных соединений, Ставка Верховного Главнокомандования в дальнейшем могла наращивать силы на западном направлении за счет своих резервов: 26, 28, 39-й и 61-й армий, сосредоточивая их в районах севернее и юго-восточнее Москвы.

В контрнаступлении, начатом 6 декабря силами Калининского, Западного и Юго-Западного (3-я и 13-я армии) фронтов, участвовали 6540 орудий и минометов. Из них 5762 принадлежали войсковой армии, а 778 — артиллерии РВГК.

В наступлении участвовали 44 дивизиона реактивных (гвардейских) минометов. Западный фронт был единственным, которому придали и два гаубичных дивизиона большой мощности, оснащенных 203-мм гаубицами Б-4.

Замечу, что наши армии имели большой некомплект как в артиллерийских орудиях, так и в тягачах, средствах связи и т. п.

Перед началом контрнаступления войска Западного фронта получили грузовых автомобилей достаточно много, но это были преимущественно маломощные машины марки «ГАЗ-АА», которые не могли быть использованы в качестве артиллерийских тягачей. Этими автомобилями удалось почти полностью укомплектовать артиллерийские полки

стрелковых дивизий как транспортными средствами, но отнюдь не средствами тяги, в чем особенно нуждалась артиллерия.

Западный фронт в целом автомобилями марки «ГАЗ-АА» был укомплектован почти полностью (из 19 тысяч по штату имелось налицо 18,9 тысячи), но не хватало автомобилей ЗИС-5 и бензоцистерн. По данным на 6 декабря, вместо положенных по штату 20,4 тысячи автомобилей «ЗИС-5» было всего лишь 10,6 тысячи (52 %), бензоцистерн — 1229 вместо 2445, положенных по штату (50 %).

Замечу, что, за неимением лучшего, автомобили «ЗИС-5» использовались для возки противотанковых и дивизионных пушек, а в некоторых случаях — и 122-мм гаубиц.

Из рук вон плохо обстояло дело со средствами связи и артиллерийскими оптическими приборами. Радиостанций артиллерия армий Западного фронта имела в пределах 50–60 % (50-я армия — 22 %), телефонными аппаратами полностью была обеспечена только артиллерия 33-й и 43-й армий, но их не хватало в частях 16-й армии (укомплектованность 28 %), 50-й (32 %) и 5-й армии (45 %). Такое же положение было и с телефонным кабелем.

В армиях Калининского фронта средняя обеспеченность дивизионной артиллерии проводной связью составляла около 18 % штатной потребности, радиостанций в артиллерийских полках насчитывались единицы. Недостаток кабеля и телефонных аппаратов приводил к тому, что командиры батарей со своих наблюдательных пунктов не имели прямой связи с огневыми позициями, а связывались с ними через командный пункт дивизиона. В таких случаях командиры дивизионов превращались в передатчиков команд на огневые позиции батареи, причем дивизион мог вести огонь одновременно только одной батареей. Стрельба всеми батареями осуществлялась только в порядке очередности.

Артиллерия обоих фронтов испытывала большой недостаток в средствах артиллерийской инструментальной разведки и корректировочной авиации. Так, на Западном фронте штатные разведывательные артиллерийские дивизионы имелись только в 30-й армии в 542-м пушечном артиллерийском полку, в 16-й армии — в 471-м, в 33-й армии — в 364-м, в 43-й армии — в 320-м и в 50-й армии — в 447-м пушечных артиллерийских полках, то есть только в пяти из девяти армий фронта. На Калининском фронте такой дивизион был только в 56-м пушечном полку (31-я армия) да нештатная звукометрическая батарея в 43-м пушечном полку (22-я армия).

Корректировочно-разведывательная авиация имелась только в двух армиях Западного фронта: в 16-й — отдельное звено в составе двух

самолетов, в 43-й армии также одно звено в составе трех самолетов СУ-2. На Калининском фронте подразделений разведывательно-корректировочной авиации совсем не было.

Ведя в течение длительного времени оборонительные бои, фронты не имели возможности сделать необходимых накоплений боеприпасов, а поставки промышленности нарастали еще крайне медленно. Поэтому контрнаступление началось при крайне ограниченных лимитах снарядов. Так, по сведениям на 6 декабря, Западный фронт имел: 45-мм выстрелов — 2,8 боекомплекта, 76-мм полковых — 4 и дивизионных — 1,4 боекомплекта, 122-мм гаубичных — 1,3, пушечных — 1, 152-мм гаубичных — 3 и пушечных — 1 боекомплект, 82-мм и 120-мм мин было 2,3 и 1,3 боекомплекта соответственно[58].

Учитывая это обстоятельство, командование фронта и армий вынуждено было прибегать к строгому ограничению расхода боеприпасов в войсках. Так, в 16-й армии на первый день контрнаступления (7 декабря) для дивизионной артиллерии было отпущено от 1/5 до 1/3 боекомплекта. Еще более «голодные» нормы расхода боеприпасов устанавливались для артиллерийских полков РВГК. Например, для пушечных артиллерийских полков РВГК (39, 138-й и 523-й) было отпущено по 1/4 боекомплекта, а для 471-го пушечного артиллерийского полка — 1/16 боекомплекта (по 3–4 снаряда на орудие), дивизионам полевой реактивной артиллерии — по одному дивизионному залпу. В 50-й армии на два дня боя было запланировано 0,5 боекомплекта на орудие и по одному 1 дивизионному залпу для полевой реактивной артиллерии.

Вот как характеризовал положение дел с боеприпасами в своей заявке в Главное артиллерийское управление начальник артиллерийского снабжения Западного фронта генерал-майор интендантской службы А. С. Волков 8 декабря 1941 г., то есть на второй день наступления:

«Доношу, что запланированные на 3-ю декаду ноября, 1-ю декаду декабря транспорты и спецпоезда в течение десяти дней не поступают и нет их на подходе к базам фронта.

Армии ведут напряженные бои, недостаток боеприпасов создает крайне тяжелое положение с их обеспечением.

На складах фронта, по состоянию на 18 час. 7 декабря 1941 г., совершенно отсутствуют следующие боеприпасы: 20-мм выстрелы, 82-мм и 107-мм мины, 57-мм выстрелы, 76-мм полковые и дивизионные, 122-мм выстрелы 1910/30, 1938 и 1931 гг. и 152-мм выстрелы 1937 г.»[59].

Военный совет фронта в своей шифровке от 18 декабря в ГКО

сообщал, что положение с боеприпасами в армиях фронта продолжает оставаться напряженным. После обращения к Верховному Главнокомандующему от 3 декабря с просьбой о подаче боеприпасов фронту наступило некоторое оживление: так, с 9 по 15 декабря на склады фронта прибыло 613 вагонов с боеприпасами, что дало возможность довести запасы в армиях до 1,5–2 боекомплектов.

В настоящее время, говорилось дальше в шифровке, «…вновь создана неопределенность в подаче боеприпасов; запасов на складах фронта нет. Подача их на 2-ю и 3-ю декады декабря не запланирована. Обеспечение боеприпасами армий идет с подходящих транспортов». В шифровке отмечалось, что такое положение со снабжением армии фронта нельзя признать нормальным, так как это может отразиться на успешности продвижения частей и на разгроме противника. Шифровка заканчивалась просьбой о содействии «в срочной подаче фронту 1,5–2 боекомплектов, ускорения продвижения уже отгруженных транспортов с боеприпасами и создания запасов на складах фронта…».

В ГАУ делали все возможное в условиях тяжелой зимы 1941 г., чтобы удовлетворить потребности Западного фронта в боеприпасах. Пытались доставлять боеприпасы даже непосредственно в стрелковые дивизии, а иногда и прямо в артиллерийские полки. Так, 5 декабря, то есть в канун контрнаступления, в 391-ю стрелковую дивизию (20-я армия) непосредственно с заводов и подмосковных складов на 36 автомобилях были отправлены винтовочные патроны, ручные гранаты и выстрелы для 122-мм гаубиц. В этот же день в 17-ю стрелковую бригаду и 338-ю стрелковую дивизию (16-я армия) боевые грузы прибывали прямо с заводов или подмосковных складов. В 50-ю армию (в район Тулы) в ночь на 7 декабря 1941 г. на 7 транспортных самолетах было доставлено два дивизионных залпа мин для полевой реактивной артиллерии. На следующую ночь автомобильным транспортом туда же прибыло из центральных складов Министерства обороны 3,5 дивизионного залпа реактивных мин.

Однако несмотря на все эти меры, артиллерийские части фронта в течение всей операции испытывали острую нужду в боеприпасах. Из запланированных Главным артиллерийским управлением на декабрь 1941 г. 1422 тысячи выстрелов было подано фронту с 1 по 22 декабря только немногим более 972 тысяч. В числе недополученных фронтом боеприпасов 193,4 тысячи 76-мм снарядов и 234 тысячи 82-мм мин, то есть наиболее ходовые виды боеприпасов.

А теперь рассмотрим ряд примеров действия артиллерии в

контрнаступлении под Москвой.

Наступление 29-й и 31-й армий Калининского фронта началось 5 декабря. В 11 часов, после 30-минутной артиллерийской подготовки, левофланговые дивизии 29-й армии атаковали противника. Переправившись под прикрытием артиллерийского огня по льду через Волгу, части 246-й и 252-й стрелковых дивизий к исходу дня вышли на дорогу Красново — Мигалово, но, встретив на этом рубеже сильное огневое сопротивление противника, дальше продвинуться не смогли. Части 243-й стрелковой дивизии, атаковавшие противника на северной окраине Калинина, также успеха не имели. Атаки этих дивизий предпринимались на трех узких (в 1,2–1,5 км) участках, удаленных друг от друга на 7–8 км. Наступая на таких узких участках, полки при продвижении вперед попадали под огонь с обоих флангов и вынуждены были прекращать атаки. Контратаками тактических резервов 6 и 7 декабря немцы ликвидировали незначительные вклинения наших дивизий в оборону и отбросили их на левый берег Волги.

В 13 часов, после 45-минутной артиллерийской и авиационной подготовки, перешли в наступление войска 31-й армии. Преодолевая упорное сопротивление противника, атакующие части медленно продвигались вперед.

В ходе артиллерийской подготовки артиллерия совместно с авиацией нанесла удары по узлам вражеской обороны в районе Эммауса, по опушкам рощ восточнее и западнее Эммауса, а также в полосе наступления 256-й стрелковой дивизии — по Малым Перемеркам и Элеватору. Одновременно артиллерия вела огонь по огневым точкам и живой силе на переднем крае обороны противника, по его минометным и артиллерийским батареям в районах Бортникова, Неготина, Никифоровки, Рубина, станции Чуприяновка и Нового Семеновского.

В момент броска пехоты по ледяному покрову Волги по вражеской обороне вели огонь прямой наводкой до 50 % полковых и противотанковых орудий, расположенных вдоль берега реки на открытых позициях; другая часть этих орудий перемещалась в боевых порядках пехоты на противоположный берег. В этот период с целью создания массированного огня перед фронтом атаки и отсечного огня на флангах ударной группировки управление артиллерией в полосе наступления (6 км) централизовалось в руках командующего артиллерией армии.

При захвате отдельных узлов сопротивления немцев орудия и батареи сопровождения пехоты выкатывались на открытые позиции для отражения контратак противника.

В боях в районе Губино и Эммаус 349-й и 790-й артиллерийские полки (119-й и 250-й сд) отбили огнем прямой наводкой танковые контратаки немцев, выдвинув для этого на открытые позиции не только 76-мм пушки, но и 122-мм гаубицы. 3-й дивизион 56-го артиллерийского полка с помощью взвода звуковой разведки уничтожил в районе Губино вражескую батарею, все орудия которой позднее были захвачены нашей пехотой.

К исходу дня части армии, продвинувшись вперед на 3–5 км, освободили Губино, Эммаус, Коленовку, Мятлево, Ошурково, Старое Семеновское, Старую Ведерню, Коромыслово. Правофланговая же (256-я) дивизия армии была остановлена противником перед передним краем его обороны.

На следующий день, 6 декабря, немцы начали контратаки из районов Прибытково, Кузьминское, Городище. Отразив ряд контратак огнем, 250-я стрелковая дивизия понесла потери и под давлением противника оставила Эммаус и Ошурково, отойдя непосредственно к берегу Волги. Командующий армией ввел в бой в полосе этой дивизии свой резерв — 262-ю стрелковую дивизию; она в ночном бою на 7 декабря выбила противника из Эммауса и закрепилась в нем. 250-я стрелковая дивизия была выведена в резерв армии.

С вводом в бой 262-й стрелковой дивизии ей были переподчинены из 119-й стрелковой дивизии два дивизиона 510-го гаубичного полка и 56-й артиллерийский полк.

В 12 часов 7 декабря, после 15-минутной артподготовки, армия возобновила наступление. Артиллерия армии вела огонь по живой силе и огневым точкам противника, мешавшим продвижению нашей пехоты. После залпа по Прибытково, произведенного 3-м гвардейским минометным дивизионом М-13, немцы оставили этот населенный пункт, не дожидаясь атаки нашей пехоты. Командир 256-й стрелковой дивизии, перегруппировав части к левому флангу, нанес удар и овладел Никифоровкой. Части же 262-й дивизии, овладев Прибытково и Ошурково, вели бой за Коленовку и Мятлево.

Продвижение частей шло крайне медленно, а при контратаках противника они действовали неуверенно, что порождалось «нечетким взаимодействием пехоты с артиллерией, которое все больше ослабевало по мере того, как пехота уходила вперед, а основная часть артиллерии продолжала оставаться на левом берегу Волги».

Командующий армией потребовал всю дивизионную артиллерию переправить на правый берег Волги в ночь на 8 декабря. Артиллерии усиления разрешалось перемещать только те батареи, у которых дальность

стрельбы становилась предельной.

262-я стрелковая дивизия дополнительно усиливалась 16-й отдельной минометной батареей М-13 и 39-м отдельным гвардейским минометным дивизионом М-8, прибывшим в распоряжение армии еще 6 декабря.

Переправа орудий полковой и дивизионной артиллерии производилась по льду (толщина льда 35–37 см), а для орудий более крупных калибров устанавливались настилы из досок в районах Поддубье и Оршино.

В боях 8 декабря наибольший успех имели части 256-й стрелковой дивизии, овладевшие Котово. Части 119-й дивизии, преодолевая упорное сопротивление противника, овладели станцией Чуприяновка.

В ночь на 9 декабря были переправлены на правый берег Волги 3-й и 4-й дивизионы 510-го и 3-й дивизион 429-го гаубичных артиллерийских полков. Остальная артиллерия РВГК подтягивалась ближе к левому берегу Волги.

С утра 9 декабря бои разгорелись с новой силой. Преодолевая упорное сопротивление противника и отражая его контратаки, правофланговые части армии расширили прорыв по фронту до 20 км и к исходу дня вышли на линию Кольцово, Котово, станция Чуприяновка.

Во всех дивизиях батареи были подтянуты ближе к атакующим цепям пехоты, и им все чаще приходилось вести огонь прямой наводкой. Артиллеристы 256-й стрелковой дивизии прямой наводкой разрушили элеватор, где укрепился противник, располагавший мощным автоматическим оружием; уничтожили шесть пулеметов и подавили, кроме того, шесть пулеметных точек и минометную батарею. Захвачено три 10,5-см орудия и два подбитых танка противника.

В последующие дни командование фронта продолжало настойчиво требовать развития наступления 31-й и 29-й армий и стремилось добиться окружения вражеской группировки в Калинине. 16 декабря немцы были вынуждены оставить Калинин.

Несколько слов стоит сказать о действиях 544-го гаубичного артиллерийского полка большой мощности. 7 декабря его 203-мм гаубицы Б-4 были привлечены для разрушения наиболее «прочных» объектов обороны противника в Крюково (каменные здания, подвалы и другие сооружения). Батареям этого дивизиона, кроме того, было приказано вести методический огонь по ряду других населенных пунктов (Жилино, Алабушево, Еремеево, Марьино, Высоково). Последнее являлось верхом безграмотности общевойсковых начальников, поскольку было достаточно и 122-мм дивизионных гаубиц.

В ночь на 8 декабря батареям 544-го гаубичного артиллерийского

полка большой мощности пришлось вести беспокоящий огонь одиночными выстрелами по деревням Михайловке, Снегири, Рождествено, Жилино, Подпорино, израсходовав 53 203-мм снаряда.

Уверен, что квасные патриоты обвинят меня в смаковании «отдельных негативных явлений». Но увы, безграмотное использование артиллерии большой и особой мощности является типичным для общевойскового командования не только в Великой Отечественной войне. Так было и в Советско-финляндскую войну. Вот, к примеру, цитата из закрытого издания «История отечественной артиллерии»: «Артчасти ведут безудержный огонь без достаточной разведки целей, не достигая нужного результата. Один 116-й артполк расстрелял с 30 ноября [1939 г.] 17 700 152-мм выстрелов (72 вагона). Относительный расход самых тяжелых калибров часто превышает расход дивизионной и полковой артиллерии. Например, 316-й артдивизион БМ израсходовал 18.12.39 шестьдесят 280-мм выстрелов на мортиру, а за этот же день в 123-й дивизии на полковую и дивизионную пушку израсходовано 18 выстрелов и на 45-мм пушку — 9 выстрелов. В том же дивизионе и в 455-м кап подавались команды беглого огня из 280-мм мортир и 152-мм пушек-гаубиц обр. 1937 г. Были случаи требования общевойсковыми начальниками вести ночью „беспокоящий“ огонь из 280-мм мортир по дорогам. Отношение к экономии и сбережению артвыстрелов в войсках пренебрежительное»[60].

Создается впечатление, что безграмотное применение артиллерии большой мощности передалось краскомам еще от царских офицеров, которые в конце XIX — начале XX века требовали введения в боекомплект 203-мм пушек и мортир… шрапнели! И действительно, для них были изготовлены десятки тысяч 203-мм шрапнельных снарядов.

Но вернемся в декабрь 1941 г. Большую помощь пехоте в бою под Крюково оказали дивизионы полевой реактивной артиллерии, которые 7 декабря произвели 2 дивизионных и 11 батарейных залпов по скоплениям пехоты и техники противника.

Огнем 857-го артиллерийского полка по Крюково и Михайловке (1 км западнее Крюково) было уничтожено 3 автомашины с пехотой и 6 машин с боеприпасами и другими грузами, уничтожен штаб танковой части вместе с его личным составом, а 138-й пушечный артиллерийский полк уничтожил 7 танков, 23 автомашины и значительное количество солдат и офицеров противника. В районе Крюково части дивизии захватили 25 немецких танков и 3 бронемашины, 36 автомашин с различными грузами и 5 орудий.

В период с 16 по 20 декабря части 16-й армии преследовали поспешно отходившего противника на новые рубежи обороны на реках Ламе и Рузе.

Поддерживая наступление стрелковых частей, артиллерия армии производила огневые налеты по скоплениям пехоты и танков противника на дорогах и в населенных пунктах, подавляла организованное сопротивление его арьергардных частей. Однако по мере того как наша пехота и танки продвигались вперед, артиллерия все больше и больше отставала.

Через реку Истру в полосе армии удалось построить лишь одну переправу в районе города Истра, что затруднило переброску артиллерии уже в самом начале преследования. Даже артиллерийские полки стрелковых дивизий задерживались на переправе от одного до трех дней. Что же касается артиллерийских полков РВГК, то они начали переправляться лишь с вечера 18 декабря и закончили переправу к 20 декабря.

Как и при отходе на истринский рубеж, противник устраивал завалы на путях отхода, минировал населенные пункты, перекрестки дорог и опушки лесов. В условиях глубокого снежного покрова, сильных морозов и недостатка средств разминирования не только терялось много времени на преодоление минных полей, но движение вперед неизбежно сопровождалось потерями в материальной части и в людях. За время преследования артиллерийские части 16-й армии потеряли от подрыва на минах 13 человек убитыми и 32 ранеными, 6 тракторов, 11 автомашин и 3 орудия. Только 921-й артполк потерял во время передвижения от подрывов на минах две 76-мм пушки и 15 человек личного состава.

Из-за плохих средств тяги отставание артиллерии от стрелковых частей нередко достигало нескольких суточных переходов. Например, 210-й гаубичный полк 9-й гвардейской стрелковой дивизии отстал от передовых стрелковых частей на расстояние двухдневного перехода. Точно так же 471, 523-й и 136-й пушечные артиллерийские полки РВГК, 296-й и 289-й противотанковые артиллерийские полки передвигались настолько медленно, что в бой вступили только с 23 декабря. Из-за плохого состояния средств тяги 39-й пушечный полк РВГК вообще не мог участвовать в преследовании и 19 декабря был выведен в резерв фронта.

В Тульской наступательной операции участвовали войска левого крыла Западного фронта в составе 49, 50, 10-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, наступавшие против 2-й немецкой танковой армии.

К 6 декабря, перед началом Тульской операции, на ширине фронта в 305 км было сосредоточено 26 артполков, в составе которых имелось 1623 орудия и миномета, а кроме того, 8 реактивных установок М-8 и 76

реактивных установок М-13. Таким образом, на 1 км фронта приходилось 5,4 орудия и миномета.

В качестве примера действия артиллерии в Тульской операции рассмотрим действия 888-го артиллерийского полка 326-й стрелковой дивизии, наступавшей на левом фланге армии[61].

Полк вместе со всей дивизией формировался в городе Саранске Мордовской АССР в сентябре — октябре 1941 г. По штатам полк состоял из двух дивизионов одинакового состава: две батареи 76-мм пушек обр. 1939 г. и одна батарея 122-мм гаубиц обр. 1938 г.

Рядовыми полк укомплектовывался исключительно из запасных третьей очереди, командным составом — частично из лиц, пришедших после ранения, а в основном — из запаса. Начальствующий состав от командира полка и до начальников штабов дивизионов имел боевой опыт.

Так как материальная часть в полку отсутствовала, то орудийные расчеты обучались на макетах. Командный состав батарей занимался стрельбой только теоретически, боевых стрельб не проводил.

Конский состав был получен из колхозов полностью.

В начале ноября 1941 г. полк вместе с дивизией, которая вошла в состав 10-й армии, пешим порядком выступил в город Пензу, а оттуда в конце того же месяца был переброшен в район сосредоточения армии. Выгрузился полк на станции Желобово, что недалеко от города Ряжска. С последним эшелоном полка сюда же прибыла материальная часть. 3 декабря полк своим ходом прибыл в город Сапожок Рязанской области, и здесь под открытым небом, при наступающих холодах, личный состав начал удалять заводскую смазку с орудий и попутно изучать материальную часть. Однако уже на следующий день, то есть 4 декабря, был получен приказ о выступлении полка в район боевых действий.

В первые дни нашего наступления противник на участке 326-й стрелковой дивизии не оказывал серьезного сопротивления и поспешно отходил. Только к исходу дня 7 декабря ее части встретили на участке Ковалевка, Хитровщина организованную оборону противника с развитой системой ружейно-пулеметного и минометного огня. Дивизия получила задачу овладеть Ковалевкой и Хитровщиной.

На рассвете 8 декабря стрелковые полки дивизии заняли исходное положение — два полка для атаки на Хитровщину и один — на Ковалевку. Огневые средства дивизии были в ослабленном составе. Минометный, противотанковый и зенитный дивизионы дивизии материальной части еще не получили, а их личный состав находился в резерве дивизии. Штатная артиллерия 1099-го стрелкового полка, которому предстояло захватить

Ковалевку, отстала на марше и в бою не участвовала.

На предстоящий бой дивизионы 888-го артиллерийского полка были распределены так: 1-й дивизион, разместившись на огневых позициях в районе высот 213,5 и 207,6, двумя батареями должен был поддержать наступление стрелковых частей на Хитровщину и одной батареей на Ковалевку. Батареи 2-го дивизиона, занявшего огневые позиции северо-восточнее Красного, были нацелены только на Хитровщину. Все орудия дивизиона были поставлены в ряд для стрельбы прямой наводкой, так как средств связи не было и стрельба с закрытых позиций исключалась.

Учитывая слабую подготовку личного состава, командование 1-м дивизионом в этом первом бою взял на себя сам командир полка капитан Худолеев, а командование 2-м дивизионом поручил начальнику штаба полка старшему лейтенанту Логачеву, командиры батарей и взводов были поставлены у орудий за наводчиков.

Атака началась без артиллерийской подготовки. Первая батарея 1-го дивизиона быстро обнаружила и подавила в районе Ковалевки два пулемета и миномет, в результате чего подразделения 1099-го стрелкового полка с незначительными потерями овладели этим населенным пунктом, но попытки развить наступление на Калиновский успеха не имели.

Бой за Хитровщину развивался менее удачно. Попытка овладеть этим населенным пунктом ударом в лоб силами только одного 1101-го стрелкового полка не увенчалась успехом. Батальоны, понеся потери, отошли в исходное положение. Но в ходе этого боя были выявлены почти все огневые точки противника.

Перед повторной атакой дивизионы вели огонь по уже обнаруженным целям, стреляя прямой наводкой. Сначала огонь был малоэффективен, так как линии прицеливания у орудий не были выверены, а расстояния определялись с большими ошибками. Все же одно орудие удачным выстрелом уничтожило вражеский пулемет, укрытый в бане на окраине села. Затем стали подавляться и другие огневые точки. Однако батареи не могли подавить пулемет и миномет, размещенные на колокольне в церкви, и эта цель сыграла решающую роль в срыве повторной атаки на Хитровщину.

Не добившись успеха лобовой атакой, командир дивизии изменил план боя. 1101-му стрелковому полку приказано было сковать противника с фронта огнем, а двум батальонам 1097-го стрелкового полка — обойти Хитровщину с северо-востока, перерезать дорогу Хитровщина — Лопухиновка. Для уничтожения огневой точки противника на колокольне выдвинули 122-мм гаубицу, которая прямой наводкой цель подавила.

К этому времени действовавшие слева части 41-й кавалерийской дивизии выбили немцев из Кашино.

Отход противника из Кашино хорошо был виден с позиций наших батарей. Две из них открыли огонь по отходящей колонне и нанесли ей потери. Подразделения 41-й кавалерийской дивизии начали преследовать немцев. Тем временем 1097-й стрелковый полк начал обход Хитровщины с севера и вскоре перерезал дорогу на Лопухиновку. Одновременно атакой с фронта противник был выбит из Хитровщины и, оставив в ней до двух десятков машин, 5 пулеметов, минометы и большое число трупов, поспешно стал отходить на запад.

После боев в районе Хитровщины 326-я стрелковая дивизия продолжала наступать в юго-западном направлении. Наступила оттепель, отчего дороги, и без этого скверные, стали труднопроходимыми. Транспорт с боеприпасами (преимущественно на крестьянских санях) не поспевал за колоннами, и орудия шли только с передковым запасом снарядов. 13 декабря, обойдя Епифань с юга, дивизия подошла к верховью Дона.

Местность на подступах к Дону сильно изрезана оврагами и преимущественно открытая. Днем моросил дождь, а к вечеру все поле боя покрылось гололедицей. Немцы организовали здесь оборону, имея значительное количество автоматического оружия, минометов и танков. Оборона опиралась главным образом на ненаселенные пункты, а промежутки между ними простреливались всеми видами пехотного огня.

С воздуха оборона поддерживалась слабо, редкие попытки одиночных самолетов противника атаковать наши войска встречали сопротивление наших истребителей и успеха не имели.

Дивизия получила задачу овладеть населенными пунктами Свобода, Чебышево и в дальнейшем наступать по западному берегу Дона, в обход епифанской группировки противника с запада.

Атака на Чебышево с ходу не удалась. Атакующий полк встретил сильное огневое сопротивление немцев и вынужден был отойти. Тогда командир дивизии развернул еще один стрелковый полк, который, действуя вдоль лощины Николаевка — Грязновка, должен был атаковать противника между Чебышево и Грязновкой и обойти Чебышево с запада.

Артиллерийский полк дивизии развернулся на огневых позициях между Николаевкой и Чебышево. Учитывая, что из-за отставания соседа правый фланг дивизии оказался открытым, командир полка решил поставить на огневые позиции выбывшие временно из строя[62], но могущие вести огонь две пушки и одну гаубицу, расположив их на дороге Николаевка — Чебышево с задачей прикрыть правый фланг дивизии от

возможных атак вражеских танков.

Когда начался бой за Чебышево, все батареи полка открыли интенсивный огонь прямой наводкой по огневым точкам и минометным батареям противника. На одном из участков атаки наметился успех, но в это время со стороны Бегичева появились девять немецких танков, двигавшихся на Чебышево, в тыл атакующим полкам дивизии. Тут и оправдалось предусмотрительное решение командира полка — на пути танков оказались три орудия.

Первым заметил атакующие танки расчет правофлангового орудия, которое, подпустив их на дальность 500–600 м, открыло огонь. Обнаружив орудие, три танка развернулись и с разных направлений пошли на него в атаку. Тогда открыли огонь остальные два орудия и подбили один танк, а вслед за ними, развернувшись в противоположную сторону, стали подключаться в бой другие батареи полка. Потеряв еще два танка, противник не выдержал артиллерийского огня и отошел назад. В этом бою от огня танков полк потерял одно орудие.

Отразив атаку танков, полк снова сосредоточил огонь всех своих батарей по противнику, оборонявшему Чебышево, и к вечеру части дивизии выбили его из этого населенного пункта и продолжали продвигаться дальше на запад.

В ходе отражения танковой атаки противника у Чебышево выявилось, что огонь батарей по танкам оказался неэффективным. Вообще стрельба прямой наводкой была малоэффективной. В последующем командир полка приказал использовать перерывы между боями и выверить в батареях прицельные линии, а с личным составом организовывать занятия по материальной части и уходу за нею. С проведением этих мер, а также по мере накопления практического опыта дело стало улучшаться. Расчеты стали действовать увереннее, повысилась эффективность огня.

В последующих боях противник еще не раз пытался контратаковать части дивизии танками, но все эти атаки огнем артиллерии отражались успешно. Немецким танкам ни разу не удавалось вклиниться в боевые порядки дивизии, а огонь из танков с ходу на больших расстояниях не причинял большого вреда нашей пехоте. Дивизия при поддержке артиллерийского огня продолжала преследовать противника.

Этот пример боевых действий 888-го артиллерийского полка является достаточно типичным для представления о ходе боев и в других дивизиях армии.

А теперь рассмотрим действия артиллерии 33-й и 43-й армий, наступавших в центре Западного фронта. В 33-й армии на 32-километровом

фронте имелось 333 орудия и миномета, то есть 10,4 орудия на 1 км фронта. В составе артиллерии армии был 3-й дивизион 590-го гаубичного артиллерийского полка большой мощности (шесть 203-мм гаубиц Б-4), а также 8 реактивных установок М-8 и 32 установки М-13.

В 43-й армии на 34-километровом фронте имелось 401 орудие и миномет, то есть 11,8 орудия и миномета на 1 км фронта. В составе армии был отдельный дивизион 590-го гаубичного артиллерийского полка большой мощности и 8 реактивных установок М-8.

Войска 33-й и 43-й армий перешли в наступление утром 18 декабря после часовой артиллерийской подготовки. Но так как система огня обороняющегося врага не была надежно подавлена, то противник с первых же минут боя оказал упорное сопротивление.

Части 33-й армии за первый день боев только в нескольких местах прорвались на западный берег реки Нары, но дальше продвинуться не могли. Артиллерия 1-й гвардейской мотострелковой дивизии (с учетом 486-го гап) за день боя выпустила более 2 тысяч снарядов калибра 76 мм и выше, а действовавший в ее полосе 25-й гвардейский минометный дивизион, дав два дивизионных залпа, израсходовал 285 мин, но этого оказалось недостаточно, чтобы обеспечить успех атаки дивизии.

В ночь на 19 декабря части 110-й стрелковой дивизии переправились через Нару, но немцы подтянули резервы и контратаками вынудили дивизию к утру отойти в исходное положение. Тогда командующий армией ввел в бой на этом участке 201-ю стрелковую дивизию, но также безрезультатно.

Лишь после успехов войск правого крыла Западного фронта, вышедших на рубеж рек Ламы и Рузы, войска левого крыла завязали бои за Калугу. Только тогда немцы начали отход в полосе действий 33-й и 43-й армий.

26 декабря части 33-й армии выбили противника из Наро-Фоминска, а 2 января 1942 г. войска 43-й армии освободили Малоярославец.

Елецкая операция проводилась частями 3-й и 13-й армий. В составе 3-й армии на фронте в 90 км имелось 114 орудий и минометов, то есть 1,3 орудия и миномета на 1 км фронта, а также 24 реактивные установки М-8.

В составе 13-й армии на 82-километровом фронте имелось 96 орудий и минометов, то есть 1,1 орудия и миномета на 1 км фронта. Армии были приданы 12 реактивных установок М-8 и 8 реактивных установок М-13.

Для наступления на столь большом участке фронта артиллерии было недостаточно. Ситуация усугублялась тем, что из пяти стрелковых дивизий армии три дивизии (132, 307, 143-я сд) не имели своих штатных

дивизионных артиллерийских полков, потерянных ими еще в октябре — ноябре 1941 г., когда они выходили из окружения. 55-я же кавалерийская дивизия не имела штатного конно-артиллерийского дивизиона.

При таких весьма ограниченных средствах, а также в условиях чрезвычайно широкого фронта наступления и не ликвидированной еще угрозы обхода противником открытого правого фланга армии или даже прорыва ее фронта командование армии (начальник артиллерии генерал-майор артиллерии В. Н. Матвеев) не решалось на какие-либо перегруппировки артиллерии для сосредоточения ее на главном направлении. Поэтому ударная группа армии не усиливалась артиллерией РВГК.

Два приданных армии пушечных артиллерийских полка РВГК были переданы дивизиям, не имевшим своих штатных артиллерийских полков: 462-й полк — 132-й стрелковой дивизии, обеспечивавшей правый открытый фланг армии, а 455-й — 143-й стрелковой дивизии, наступавшей южнее Ельца.

1-й дивизион 6-го гвардейского минометного полка М-8 был передан 148-й стрелковой дивизии, наступавшей на Елец, а 49-й отдельный гвардейский минометный дивизион М-13 — 6-й стрелковой дивизии, действовавшей на широком фронте на левом фланге армии.

Таким образом, к началу наступления артиллерийские средства 13-й армии фактически были равномерно распылены на 82-километровом фронте.

В результате наступление частей 13-й армии и 1-й гвардейской стрелковой дивизии развивалось медленно; их лобовые атаки отбрасывали противника на 5-й кавалерийский корпус, который с выходом в тыл немецким войскам отрезал им пути отхода на запад.

13–14 декабря противник предпринял ряд сильных контратак против частей 5-го кавалерийского корпуса и пытался обойти корпус с севера и юга. Немецкие части вышли на коммуникации корпуса и прервали его снабжение. 14 декабря части противника прорвали боевые порядки корпуса, развернувшегося фронтом на восток, и начали обходить его с севера. 32-я и 14-я кавалерийские дивизии с приданными им дивизионами полевой реактивной артиллерии оказались в тяжелом положении, которое усугублялось еще тем, что в этот критический момент корпус фактически остался без боеприпасов (имелось всего по три снаряда на орудие) и горючего; не было и фуража. Без горючего остались и дивизионы полевой реактивной артиллерии.

В боях с прорвавшимся противником приданные корпусу дивизионы

полевой реактивной артиллерии оказались отрезанными от основных сил корпуса и вынуждены были самостоятельно прорываться из окружения. 3-й дивизион 4-го полка М-13, находившийся в ночь на 13 декабря в Россошном, попал под огонь немецких автоматчиков, отбился от них и вышел в район Орева, откуда произвел залп по частям противника, ворвавшимся в Россошное, и 14 декабря вышел в Зыбино. Туда же и в тот же день с боем прорвался 1-й дивизион, а также 3-й дивизион (7-го полка М-8), который в 3 км севернее Зыбино встретил прорвавшуюся группу противника и уничтожил ее. К исходу дня 14 декабря все три дивизиона полевой реактивной артиллерии, приданные 5-му кавалерийскому корпусу, заняли огневые позиции в районе Кривца и своими залпами содействовали кавалеристам в отражении атак противника.

Прорываясь с боями к своим частям, дивизионы полевой реактивной артиллерии понесли значительные потери. Например, 1-й дивизион 4-го гвардейского минометного полка М-13 потерял убитыми 5 офицеров, 7 сержантов и рядовых; 28 человек было ранено. Дивизион утратил 39 автомашин и одну боевую установку М-13.

Действия артиллерии в контрнаступлении под Москвой протекали в сложной оперативной обстановке и трудных климатических условиях. Наступательные операции, как правило, начинались после ожесточенных оборонительных боев против сильных группировок противника, наносивших концентрированные удары на Москву. Время на подготовку и организацию артиллерийского обеспечения наступления ограничивалось, как правило, 1–2 сутками.

Глубокий снежный покров и сильные морозы, доходившие в начале операции до -35°, а также слабая организация дорожной службы по расчистке дорог и устройству колонных путей сильно затрудняли маневр артиллерией и подвоз боеприпасов. Положение усугублялось еще и тем, что артиллерийские части имели большой некомплект в средствах транспорта и тяги, а имевшиеся в частях тракторы и автомобили были сильно изношены и часто выходили из строя. Подвоз боеприпасов затруднялся.

После глубокого отхода, тяжелых оборонительных боев и больших потерь, которые наши войска несли в течение всей летне-осенней кампании 1941 г., численный состав артиллерии к концу года находился на самом низком уровне после начала войны. Хотя к началу декабря в войсках, участвовавших в контрнаступлении под Москвой, и находилась примерно четверть всех артиллерийских средств действующей армии, наши войска уступали противнику в артиллерии на всех операционных направлениях в

1,5–2 раза. Вводившиеся в сражение из резерва Ставки свежие армии (1-я уд., 20-я и 10-я) включались в наступление, имея по одному-два полка артиллерии усиления или вовсе без них (10-я армия). Удельный вес артиллерии РВГК в войсках, участвовавших в контрнаступлении, составлял в среднем по фронту 14 %.

Эффективность огня артиллерии РВГК, особенно пушечных полков, вооруженных дальнобойными орудиями, снижалась почти полным отсутствием корректировочно-разведывательной авиации и недостатком средств артиллерийской инструментальной разведки. Фактически пушечные полки РВГК могли вести огонь, как правило, на дальность стрельбы дивизионной артиллерии, теряя тем самым свое значение качественного усиления войсковой артиллерии.

Так как переход в контрнаступление совершался без какой-либо оперативной паузы, после напряженных оборонительных боев, времени на перегруппировку артиллерии не оказывалось, и последняя вынуждена была действовать в той группировке, какая сложилась к концу оборонительного сражения.

Командование армий, как правило, не руководствовалось известным принципом массирования средств и сил на главных направлениях, ударные группы, за редким исключением, в армиях не создавались. Этот крупный недостаток в полной мере относился и к распределению артиллерийских средств РВГК, которые равномерно распылялись между стрелковыми дивизиями первого эшелона наступающих войск. Повышение артиллерийской плотности на ответственных направлениях достигалось главным образом за счет нарезки дивизиям более узких полос наступления.

Преобладающим методом ведения огня артиллерии во время артиллерийской подготовки атаки пехоты были короткие огневые налеты по населенным пунктам и другим объектам на переднем крае обороны противника и реже огонь на разрушение. Это диктовалось, с одной стороны, самим характером обороны противника, а с другой — недостатком боеприпасов и слабой разведкой оборонительных сооружений противника. Особенно неудовлетворительно разведывались огневые средства противотанковой обороны немцев, в результате чего они, как правило, оказывались неподавленными и часто срывали атаки наших танков.

Ведение огня короткими огневыми налетами не обеспечивало надежного подавления огневых средств противника, а приводило их лишь к кратковременному молчанию, в то же время пехота из-за глубокого снежного покрова не могла сделать столь быстрого броска в атаку, чтобы

использовать результаты огневых налетов артиллерии, и это нередко приводило не только к излишним потерям пехоты, но и к срыву атак.

Орудия сопровождения для атакующих танков, как правило, не выделялись. Чем глубже пехота и танки вклинивались в оборону противника, тем слабее становилась артиллерийская поддержка их действий, так как из-за недостатка и плохого качества средств тяги значительная часть артиллерии отставала от наступающих войск.

Большой помехой в организации надежного взаимодействия между родами войск являлась также нехватка средств радио- и телефонной связи. Для устранения этого недостатка командование фронта и армии настоятельно требовало, чтобы артиллерийские командиры свои наблюдательные пункты совмещали или располагали вблизи командных пунктов командиров поддерживаемых стрелковых частей.

В целом, несмотря на вышеуказанные трудности и недостатки, наша артиллерия выполнила возлагаемые на нее задачи и сыграла большую роль в разгроме германских войск под Москвой. Личный состав артиллерийских частей, как и воины других родов войск, показал немало примеров мужества, героизма и настойчивости в преодолении всех трудностей борьбы и в достижении успеха операций.

В результате контрнаступления советских войск под Москвой враг был разгромлен и отброшен на запад на 100–250 км. Немецко-фашистские войска понесли крупные потери в людях и боевой технике. Это было их первое крупное поражение во Второй мировой войне, означавшее полный провал стратегических планов германского командования «молниеносной» войны против СССР.

Рассказ о недостатках вооружения и отдельных неграмотных действиях начальников, на мой взгляд, не умаляют подвиг Красной Армии, сумевшей в первые 2,5 года Второй мировой войны нанести серьезные поражения германской армии.

Раскроем объективный и точный справочник Мюллер-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии. 1933–1945». Там на странице 223 даны потери германских сил за три месяца на западе и на востоке. С апреля по июнь 1940 г. в ходе разгрома норвежской, бельгийской, голландской, французской и экспедиционной британской армий германские потери — убитыми 50 749 человек и пропавшими без вести 1326 человек.

С июля по сентябрь 1941 г. потери вермахта на Восточном фронте составили 149 100 человек убитыми и 8900 пропавшими без вести, а в декабре 1941 г. — феврале 1942 г. — 127 900 и 24 653 человек соответственно.

А вот потери германской артиллерии:

Таблица 7. **Сравнительные данные о потерях различных видов вооружения за отдельные периоды войны**[63]

Виды вооружения	Западная кампания с 10.05 по 20.06.1940 г.	Восточный фронт с декабря 1941 г. по февраль 1942 г.
Противотанковые пушки 3,7—8,8-см	663	1771
Тяжелые минометы (8,1-см)	331	602
Легкие пехотные орудия (7,5-см)	154	510
Тяжелые пехотные орудия (15-см)	23	165
Легкие полевые гаубицы (10,5-см)	137	147
Тяжелые полевые гаубицы (15-см)	88	361
Мортиры (21-см)	6	32

Главный же результат — в ходе летней кампании 1940 г. вся Западная Европа оказалась во власти Германии, а с декабря 1941 г. по февраль 1942 г. немцы были отброшены на запад на 100–250 км.

Раздел III
Великое противостояние

Глава 1
Война, которой не было

Летом 2006 г. некая тележурналистка с канала «ОРТ» сделала «величайшее открытие» в истории Великой Отечественной войны. Оказывается, в конце 1942 г. Гитлер отдал приказ провести массированную газовую атаку на Ленинград. Оный приказ был отправлен на самолете, пилотируемом лучшим германским асом. Но его под Ленинградом сбил в воздушном бою «один из наших летчиков, ныне проживающий в Санкт-Петербурге»[64].

Лихой журналистке была неизвестна лишь фамилия германского аса, а так все сходилось один к одному.

Ну а если без забав игривых «теледам», то «был ли мальчик»? Научный сотрудник Военно-исторического исследовательского центра в городе Фрайбург Герд Юбершеер написал в статье «Наступление на Ленинград и блокада города германским вермахтом»[65]: «В конце декабря 1941 г. одной из служб Генерального штаба сухопутных войск прорабатывался даже вопрос о возможной атаке с применением ядовитых газов против Ленинграда. Докладная записка с примерным расчетом потребностей в ядовитом газе была составлена 22 декабря 1941 г. на случай, если город должен будет взят именно таким образом. По расчетам, потребовались бы сотни тысяч снарядов с ядовитым газом. Для доставки такого количества боеприпасов к целям необходимо было задействовать более 330 батарей. И поскольку их в любом случае не было бы возможности получить, то этот план был отвергнут. По этой причине Ленинград избежал еще одной ужасной катастрофы, которым он и без того уже подвергался, начиная с блокады, установленной в сентябре 1941 г.».

Г. Юбершеер ссылается при этом в своем исследовании не только на «Военный дневник Гальдера», но и на книгу Гюнтера Геллерманна «Война, которая не состоялась. Возможности, идеи и решения немецкого верховного командования по применению химических боевых веществ во Второй мировой войне». (Кобленц, 1986 г.)

Ну а летом 1942 г. вопрос о химической атаке Ленинграда не мог даже рассматриваться германским командованием. Причем не столько из-за отсутствия достаточного числа батарей, сколько из-за боязни, что англо-американская дальняя авиация начнет массированные химические

бомбардировки германских городов.

Немцы последнего боялись как огня. Характерный пример — в 1944 г. германские химики разработали газ, который даже при небольшой концентрации заставлял глохнуть авиационные двигатели. Командование люфтваффе на всякий случай проверило действие газа на людей, и выяснилось, что в определенных случаях газ может вызвать летальный исход у пилотов вражеских самолетов. Таким образом, англичане и американцы могли счесть это за применение отравляющих веществ (ОВ) и приступить к газовым атакам германских городов. Именно по этой причине работы по «газу ПВО» были прекращены.

А могла ли использовать ОВ Красная Армия? В принципе да.

В 4 ч 30 мин 13 июля 1942 г. в Южную бухту Севастополя входит большой санитарный транспорт «Грузия». Уже осталось несколько метров до Минной пристани, и вдруг на транспорт с хорошо видимыми на борту красными крестами пикируют пять немецких Ю-87. В 4 ч 48 мин две бомбы попали в машинное отделение и корму транспорта. «Грузия» еще на плаву, но через 7 минут раздался страшный взрыв, и транспорт длиной 116 м был буквально разорван пополам. Далее наши историки ставили жирную точку, предварительно осудив очередное преступление фашистов, благо военно-морское право запрещает топить санитарные суда.

Но вот в 1948–1949 гг. в ходе очистки севастопольских бухт от затонувших судов были подняты обе части «Грузии». Обычно поднятые со дна моря суда или восстанавливают, или отправляют на судоразделочные базы. Это понятно, в 1949 г. стране как воздух был необходим железный лом. Но обе части «Грузии» почему-то не отправили в Инкерман на разделку, а отбуксировали в Казачью бухту и там затопили. Причем несколько водолазов и рабочих, участвовавших в подъеме «Грузии», были госпитализированы. У них появились на коже язвы, характерные для поражения ипритом.

Самое удивительное в том, что в 1956–1959 гг. был проведен новый подъем обеих частей «Грузии», и на сей раз их отбуксировали и затопили подальше от берега и на больших глубинах.

Что же произошло на самом деле? Начну с того, что весной 1942 г. корабли Черноморского флота испытывали хронический недостаток в зенитных средствах, особенно для защиты от низколетящих самолетов. А вот санитарный транспорт «Грузия» имел зенитное вооружение лучшее, чем на наших эсминцах того времени: пять 45-мм пушек, два 12,7-мм пулемета ДШК и шесть американских спаренных пулеметов «Кольт». А в его трюмах находилось значительное число снарядов. Но полбеды, что на

санитарном транспорте имелись сотни фугасных снарядов. Хуже того — там были сотни химических снарядов калибра от 130 до 76 мм, а также бочки с ОВ, предназначенным для снаряжения авиабомб. Вот почему потребовалось дважды перезахоранивать останки «Грузии».

Возникает риторический вопрос: зачем в июле 1942 г. везти в Севастополь химические боеприпасы? Ведь защитники города испытывали острую нужду в осколочно-фугасных снарядах. Забегая вперед, скажу, что ведь именно из-за отсутствия снарядов и был сдан Севастополь. Так нужно ли было везти туда химснаряды, которые заведомо нельзя было применить?

Видимо, «Грузия» пошла в свой последний рейс именно чтобы применить химическое оружие! Замечу, что сотни тонн химбоеприпасов — артиллерийских снарядов, авиабомб, различных выливных авиационных устройств и т. д. к началу войны хранились в многочисленных штольнях Севастополя.

Судя по всему (я не видел конкретного приказа), в Крыму наше командование готовилось к массовому применению химического оружия. Замечу, что первой применила ОВ 11-я армия генерала Манштейна в апреле — мае 1942 г. на Керченском полуострове. Генерал-полковник Ф. Гальдер в своем дневнике от 13 июня 1942 г. записал: «Генерал Окснер: Доклад об участии химических войск в боях за Керчь».

Таким образом, советская сторона вполне объективно могла заявить об ответных мерах. Массовое применение химического оружия под Севастополем могло привести к полному разгрому армии Манштейна. Замечу, что немцы под Севастополем имели огромный перевес в орудиях навесного боя (гаубицах и мортирах). А у защитников города было существенное превосходство в дальнобойных пушках (даже без учета корабельной артиллерии). Но увы, горный рельеф делал пушки с превосходной баллистикой бессильными против укрытых в складках местности германских мортир. Зато химические снаряды с дистанционными взрывателями легко выкурили бы немцев из их укрытий. Кстати, фотографии, кинохроника и многочисленные мемуары показывают, что наши бойцы до последнего дня обороны не расставались с противогазами. Зато противогазов не видно у полуголых немецких солдат под Севастополем. Поэтому нетрудно предположить эффект массированного применения ОВ.

Однако гибель «Грузии» и наступление немцев из-под Харькова на Сталинград вынудили советское командование отказаться от применения ОВ в Крыму.

Перед сдачей города в период 27–29 июня 1942 г. химические

боеприпасы в ночное время доставлялись из хранилищ Юхариной балки в бухту Казачья, где грузились на шхуну «Папанинец», на которой затем вывозились в открытое море неподалеку от бухты, где сбрасывались за борт. Глубина сброса была не менее 50 м. При этом иприт и люизит, которыми заправлялись химические бомбы, хранились в то время в бочках типа Л-100. Периодически такие бочки обнаруживаются на побережье Крыма в наши дни. «В 80-е недалеко от Казачьей бухты водолазы нашли бочку типа Л-100 и вытащили на берег. В ней обнаружили маслянистую жидкость, пахнущую геранью. Лабораторный анализ показал, что в бочке отечественного производства находится люизит, боевое отравляющее вещество»[66].

Косвенно возможность применения химического оружия на Восточном фронте подтверждают переговоры Советского правительства с западными союзниками:

У. Черчилль И. В. Сталину
Лично и секретно
21 марта 1942 г.

«…Посол Майский был у меня на завтраке на прошлой неделе и упоминал… что… немцы… могут использовать газы против Вашей страны… я хочу заверить Вас в том, что Правительство Его Величества будет рассматривать всякое использование ядовитых газов как оружия против России точно так же, как если бы это оружие было направлено против нас самих. Я создал колоссальные запасы газовых бомб для сбрасывания с самолетов, и мы не преминем использовать эти бомбы для сбрасывания на все подходящие объекты в Западной Германии, начиная с того момента, когда Ваши армии и народ подвергнутся нападению подобными средствами».

29 марта 1942 г.
И. В. Сталин У. Черчиллю
Лично и секретно

«По нашим данным, не только немцы, но и финны могут начать применение ядовитых газов против СССР…

Советское правительство было бы весьма благодарно, если бы Британское правительство могло помочь получить в Англии некоторые недостающие химические средства обороны, а также средства ответного химического удара, имея в виду возможность химического нападения Германии на СССР. Если с Вашей стороны не будет возражений, я бы мог в

ближайшее же время направить в Англию специальное лицо по этому делу».

Получено 10 апреля 1942 г.
У. Черчилль И. В. Сталину
Лично и секретно
«…2. Пожалуйста, направьте Вашего специалиста по вопросам противохимической обороны и контрнападения для точного объяснения того, какие материалы Советскому правительству необходимо получить из Англии.
3…если необходимо, то мы до получения сообщения от этого специалиста сможем предоставить Вам первым ближайшим пароходом по крайней мере тысячу тонн иприта и тысячу тонн хлора…»

22 апреля 1942 г.
И. В. Сталин У. Черчиллю
Лично и секретно
«…Выражаю Вам признательность за готовность предоставить 1000 т иприта и 1000 т хлора. Но так как СССР ощущает более острую нужду в других химических продуктах, то Советское правительство желало бы вместо указанных выше продуктов получить 1000 т гипохлорита кальция и 1000 т хлорамина или, в случае невозможности поставки этих продуктов, 2000 т жидкого хлора в баллонах.
Советское правительство намерено командировать в Лондон заместителя народного комиссара химической промышленности Андрея Георгиевича Касаткина в качестве своего эксперта по вопросам химической защиты и контрнападения».

Весной 1942 г. советские СМИ начали открыто подготавливать общественное мнение к возможным химическим «контрмерам» Красной Армии. Вот два характерных примера:

Краснодар, 8 мая. (ТАСС). «Вчера на Крымском фронте немецкие войска применили несколько мин с отравляющими веществами. Проверка показала, что отравляющие вещества поражают главным образом дыхательные органы и выводят из строя бойцов».

Лондон, 10 мая. (ТАСС). «Английский премьер-министр Черчилль, выступая по радио… остановился на возможности того, что немцы… могут применить отравляющие вещества против Советского Союза. Черчилль заявил, что, если Гитлером будет совершено это новое преступление, Англия использует свое большое и все возрастающее превосходство в

воздухе на Западе для ведения химической войны в самых широких масштабах против военных объектов Германии»[67].

Германское командование насторожилось. Начальник Генерального штаба вермахта генерал-полковник Франц Гальдер записывает в дневнике:

«7 марта 1942 г.: Полковник Окснер. О возможностях ведения химической войны русскими, а также о наших возможностях в этой области („Гелан“ и другие ОВ)».

«24 апреля 1942 г.: Генерал Окснер. Текущие вопросы химической службы. Готовность противника к химической войне. Наши оборонительные средства».

Тут я еще раз уточню, что у историков нет документов со сроками начала советскими войсками химической войны, но, как видим, вероятность подобного крайне велика.

Каким же арсеналом химического оружия располагала Красная Армия? Производство ОВ в России началось в 1915 г. и не прерывалось до 22 июня 1941 г. Возможно, были лишь кратковременные (до нескольких месяцев) перерывы. Применение отечественных ОВ в Первой мировой и Гражданской войнах я опускаю как выходящее за рамки книги.

К апрелю 1931 г. мощности советских заводов по производству иприта достигли 15 800 т в год, и строились заводы еще на 18 000 т иприта. По фосгену к 1 октября 1931 г. плановые мощности должны были составить 10 000 т.

В 1935 г. мощности по иприту составляли уже 35 000 т (при заявке Наркомата обороны на 58 000 т), по фосгену — 13 000 т, дифосгену — 1900 т. Но вот проблему масштабного производства люизита и синильной кислоты решили лишь к концу 1930-х гг. Всего же в 1935 г. при заявке Наркомата обороны на мощности в 87 500 т ОВ их было на 56 000 т.

К 1 января 1938 г. возможности промышленности по производству ОВ должны уже были достигнуть 139 560 т, к 1 января 1939 г. эти мощности планировали довести до 213 560 т. Таковы были планы.

Судя по документам Химического управления РККА, к 1939 г. промышленность поставляла армии следующие ОВ: иприт Левинштейна, иприт Зайкова, люизит, ипритно-люизитная смесь, фосген, дифосген, синильная кислота, хлорциан, хлорпикрин, адамсит, дифенилхлорарсин, дифенилцианарсин и хлоацетофенон.

Согласно отчетам Химуправления РККА, на 1 декабря 1936 г.: «Наша авиация с ее фактическим (на 1.12.35) химическим вооружением может в течение одного года войны совершить нападение на противника с расходом свыше 40 000 т ОВ». На тот момент советские ВВС имели на своем

вооружении 90 тысяч химических авиабомб, а мобилизационные мощности промышленности были рассчитаны на выпуск в течение года 796 тысяч химических бомб.

Имелись и иные средства доставки ОВ к полю боя. На 1 декабря 1935 г. в Красной Армии было: колесных боевых химических машин (БХМ) — 420 (мобмощности на 1300), химических танков Т-26 — 530 (мобмощности — 1000), 107-мм химических минометов — 600 (мобмощности — 5900), носимых приборов заражения местности — 21 800 (мобмощности — 40 000). Основная масса химсредств и боевой техники химвойск сосредоточивалась в Белорусском, Киевском и Ленинградском военных округах, а также в Забайкалье.

По понятным причинам мы более подробно остановимся на химических артиллерийских снарядах.

В Красной Армии они делились на химические, снаряженные жидким ОВ, и осколочно-химические, снаряженные твердым ОВ. Последние обеспечивали дополнительное поражение противника осколками, подобно осколочно-фугасным снарядам.

Исходной данной для расчета количества химических снарядов, необходимых для обстрела площадей, принята была норма — одна 76-мм химическая граната на 40 кв. м площади и один 152-мм химический снаряд на 80 кв. м площади.

Баллистические данные 76-мм химических гранат не отличались от обычных осколочных гранат, да и обычно изготавливали их в корпусах осколочно-фугасных гранат.

Так, осенью 1927 г. в производство пошли 76-мм химические снаряды кратковременного действия. Они тогда еще не имели буквенного индекса. Снаряды содержали 740 г ОВ, из которых хлорпикрин $C(NO_2)Cl_3$ составлял 45 %, фосген $COCl_2$ — 45 %, четыреххлористое олово $SnCl_4$ — 10 %.

Старыми химснарядами, получившими в конце 1930-х гг. индексы ХН-354Ф и ХС-354Ф, следовало вести огонь по «Таблицам стрельбы» для гранат Ф-354Ф. Обозначения ХН и ХС определялись начинкой: взрывчаткой НОВ или СОВ[68].

Во второй половине 1930-х гг. на вооружение поступила 76-мм осколочно-химическая граната ОХ-350 весом 6,25 кг и длиной 4 калибра. Она была снаряжена тротилом и ОВ типа Р-12 или Р-15[69]. Взрыватель КТМ-1. Граната вошла в боекомплект 76-мм дивизионных пушек с длиной ствола в 30, 40 и 50 калибров, а также в боекомплект полковых пушек обр. 1922 г.

Баллистические данные ОХ-350 почти совпадали с данными осколочно-фугасной гранаты ОФ-350, и расчетам было разрешено стрелять по «Таблицам стрельбы» ОФ-350 для соответствующих пушек.

Осенью 1937 г. НИИ-24 разработало к 76-мм пушке Ф-22 тяжелый химснаряд весом 7,0 кг с вышибным дном и взрывателем Т-6. Вес ОВ типа СОВ — 500 г, начальная скорость снаряда — 680 м/с.

В 1937 г. пошли в серию 122-мм химические снаряды:

— пушечный осколочно-химический снаряд ОХ-471 чертежа 2-028440 с взрывателем РГМ для пушки А-19;

— гаубичный осколочный химический снаряд ОХ-462 чертежа 3844а с взрывателем РГМ;

— гаубичный осколочный химический снаряд Х-462 чертежа 3900а с взрывателем КТМ-2.

В том же 1937 г. разрабатывался новый более совершенный гаубичный 122-мм химический снаряд чертежа 2-03217 с вышибным дном. Вес снаряда — 22,827 кг. Вес ОВ типа СОВ — 1,7 кг.

В 1939 г. поступили на вооружение 152-мм гаубичные снаряды ХН-530 и ОХ-530, и для них были составлены «Таблицы стрельбы». Химический снаряд ХН-530 был снаряжен веществом НОВ и взрывателем КТМ-2, а осколочно-химический снаряд ОХ-530 весом 40 кг снаряжен твердым ВВ и взрывателем РГ-6 или КТМ-2.

Оба снаряда входили в боекомплект как старых гаубиц (обр. 1910/37 г. и 1909/30 г.), так и новой гаубицы М-10. Стрелять снарядом ОХ-530 можно было по «Таблицам стрельбы» снаряда ОФ-530. Прошу извинения за тавтологию, но так написано в документах.

Существовал еще 122-мм гаубичный химснаряд Х-530 весом 38,8 кг.

Специально для 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 был создан осколочно-химический дальнобойный снаряд ОХ-540 (чертежа 1-09268). Стрелять им можно было по «Таблицам стрельбы» снаряда ХС-530, но в 1938 г. вышел приказ «не закомплектовывать» пушечные выстрелы снаряда ХС-530.

Всего к 1 декабря 1935 г. наши сухопутные войска располагали 826 тысячами химических снарядов (да еще мобмощностей на 3 299 000 снарядов с ОВ). Помимо этого на складах РККА находилось 160 тысяч химических мин к 107-мм минометам, 13 тысяч химических фугасов и 400 тысяч «шашек ядовитого дыма» (мобмощности: мины — 1 млн 675 тысяч штук, химфугасы — 395 тысяч штук и шашки с ОВ — 3,5 млн).

Химбоеприпасами располагал и флот. Еще в конце 1916 г. на вооружение кораблей Черноморского флота поступили тысячи химснарядов калибра 102–305 мм. Они предназначались для проведения

операции по захвату Босфора. Однако события 1917 г. сорвали оную операцию. Как и с сухопутными химбоеприпасами, автору пришлось собирать информацию по ВМФ буквально по крохам в различных архивах, не имеющих прямого отношения к созданию ОВ. Так, мне удалось установить, что крейсера проекта 68, заложенные в 1939 г., должны были иметь боекомплект из 2130 152-мм снарядов, из которых 330, то есть 15 %, — химические.

Согласно отчету Артуправления ВМФ за 1941–1945 гг., по старому штату, то есть заложенному еще до революции, крейсеру «Червона Украина» положено было по 80 осколочных химических снарядов на одну 130-мм пушку.

Соответственно на находившиеся в строю эсминцы проектов 7 и 7У положено было по 30 130-мм химических выстрелов на ствол. То же самое — на строившихся лидерах проекта 48 и эсминцах проекта 30.

Для строившихся мониторов проекта 1190 «Хасан» для Амура и проекта СБ-57 «Шилка» для Днепра — соответственно 70 и 100 130-мм химснарядов.

Старые амурские мониторы типа «Ленин» имели по 70 химических 120-мм снарядов на корабль.

Монитор «Ударный» на реке Дунай — 60 химических 130-мм снарядов.

Монитор «Активный» на реке Амур — 90 химических 102-мм снарядов.

Канонерская лодка «Верный» Пинской флотилии — 115 химических 102-мм снарядов.

Тут следует заметить, что химбоеприпасами оснащались не только Красная Армия и флот, но и соседи на востоке и западе. Так, среди затопленных судов польской Пинской флотилии было найдено два плавучих склада химических снарядов. А узнал я об этом из документации по подъему оных барж. Понятно, что о дальнейшей судьбе польских химснарядов в документах ЭПРОНа не говорилось.

Любопытный момент: советская пропаганда в конце 1930-х гг. вовсю обличала, и, замечу, не без оснований, агрессивность польской военщины. И вот, казалось, прекрасный аргумент — огромные запасы польского химического оружия. Пригласи иностранных корреспондентов, и пускай пальчиком потрогают, а можно и на сувениры по снаряду раздать. Мол, готовили паны химическую атаку на первую в мире страну социализма, хоть их фюрер Пилсудский подписал соглашение о запрете использования химического оружия. Но увы, увы… Трофейное польское химическое

оружие исчезло куда-то без следа.

Но вернемся к советским химическим снарядам. Перед войной шла доработка нового поколения корабельных химснарядов — ОХС и снарядов с жидким ОВ ударного действия. В 1941–1942 гг. были отработаны и испытаны 102-, 130-мм и 180-мм химснаряды ударного действия и изготовлено: 180/57-мм — 500 штук, 130/50-мм — 1000 штук, 102/60-мм — 100 штук. Для перехода на валовое производство была подготовлена вся техническая документация.

Приказом наркома ВМФ за № 001100 от 18 апреля 1942 г. были приняты на вооружение осколочные химические снаряды, точнее, скомплектованные выстрелы, к пушкам калибра 102/60 мм (старые эсминцы и сторожевые корабли), 130/50 мм (новые эсминцы и лидеры) и 180/57 мм (новые крейсера проектов 26 и 26 бис).

Таблица 8. **Распределение ОХС по флотам на 1 января 1943 г.**

Снаряд	Завод-снаряжатель	Балтийский флот	Черноморский флот	Тихоокеанский флот	Северный флот	Центральные склады	Беломорская флотилия	Амурская флотилия
180/57-мм	№ 114	710	500	186	200	1000	100	—
130/50-мм	№ 56	4000	2446	—	940	2688	1260	500
102/60-мм	№ 56	501	—	501	—	3823	—	—

В принципе снаряженных химснарядов по сравнению с обычными во флоте имелось немного, но промышленность была готова произвести заполнение ОВ десятков тысяч снарядов буквально в течение нескольких дней.

Использование корабельных химснарядов планировалось в основном по береговым целям.

До сих пор в РФ официальные военные историки скрывают от населения то, что развитие отечественных минометов и неуправляемых снарядов, которые в просторечии именуют «катюшами», было обусловлено исключительно желанием вести массированную стрельбы химическими боеприпасами.

В 1930–1932 гг. группой «Д» был спроектирован 165-мм полковой миномет ПМ-1. Основным назначением миномета была стрельба химической миной, поэтому он чаще назывался газометом «В». Конструктивно миномет был выполнен по схеме перевернутого реального треугольника.

При стрельбе колесный ход отделялся и миномет опирался только на деревянную опорную плиту прямоугольной формы.

В боекомплект ПМ-2 входили: химическая мина весом 17,7 кг, содержавшая 6,7 кг отравляющего вещества, и чугунная осколочно-фугасная мина весом 23,2 кг, содержавшая 6,8 кг взрывчатого вещества.

165-мм миномет ПМ и его модификация АМ-3 были выпущены малой серией.

После захвата у китайцев в 1927 г. в ходе конфликта на КВЖД минометов Стокса-Брандта, сделанных по схеме мнимого треугольника, группа «Д» перешла на такие минометы, отказавшись от старых схем с использованием опорной плиты. В частности, группа «Д» разработала несколько химических 107-мм минометов — МС-107, ХМ-107 (обр. 1931 г.) и ХМ-4.

С 1 по 11 августа 1931 г. были проведены испытания минометов в Гороховце на минометном полигоне химической группы. В Гороховец прибыла рота, вооруженная восемью химическими минометами МС-107. Испытывались химические и дымовые мины.

Химические мины были двух типов:

Таблица 9

Индекс ОВ	Тип ОВ	Вес ОВ, кг	Средний вес мины, кг
Р-5	Иприт	2,21	7,2
Р-100	Смесь веществ «Ю» и «О»	1,7	6,75

Дымовые мины снаряжены фосфором весом 7,4 кг.

Для определения действия отравляющего вещества при взрыве мин было использовано 20 животных. Отчет об этом до сих пор строго засекречен.

Минометы МС-107 выпускались небольшими сериями. К весне 1933 г. в частях они использовались только как учебные. Чтобы запутать «шпионов», а заодно и краскомов, в ряде документов миномет МС-107 именовался «минометом обр. 1928/30 г.». На самом деле в 1928 г. этого миномета и в проекте не было.

107-мм миномет ХМ-107 (ХМ — химический миномет) представлял собой модернизацию миномета МС-107.

Стрельба из миномета ХМ-107 велась минами с восемью перьями. Вес мин от 6,5 кг до 7,2 кг. Мины снаряжались веществами СОВ, НОВ и фосфором. Ипритная мина заражала площадь 80–100 кв. м, а мина с НОВ

создавала дымовое облако площадью около 80 кв. м с концентрацией отравляющего вещества не менее 3 мг/ литр в момент взрыва. Фосфорная мина создавала дымовое облако шириной 10 м и длиной по ветру около 100 м.

Миномет ХМ-107 производился серийно.

В 1939 г. поступил на вооружение «107-мм горный полковой миномет обр. 1938 г.».

В декабре 1939 г. на НИАПе была испытана 107-мм мина «большой емкости» весом 18 кг. Стрельба велась на третьем заряде, начальная скорость 170 м/с, дальность стрельбы 2500 м при угле возвышения 45°. В 1939 г. была испытана 107-мм химическая мина СКБ-4 с взрывателем М-2, снаряженная отравляющим веществом типа БХВ.

С 1940 г. изготовлялись 107-мм химические мины со снаряжением НОВ (как с ипритом, так и с «летучими веществами»), а также 107-мм мины со снаряжением СОВ.

На 1941 г. был запланирован выпуск 10 тысяч 107-мм мин типа НОВ, снаряженных ипритом, 10 тысяч мин типа НОВ с «летучими веществами» и 5 тысяч мин типа СОВ.

Важная роль в ведении химической войны отводилась и 120-мм полковым минометам. В состав артиллерии РГК перед войной было передано 11 химических минометных батальонов, которым по штату полагалось иметь 528 120-мм минометов. Фактически же у них было 512 минометов, в том числе 107-мм — 277 и 120-мм — 235[70].

Созданием знаменитых «катюш» мы тоже обязаны планам химической войны. Еще 15 июня 1936 г. начальнику химического управления РККА корпусному инженеру Я. М. Фишману представили отчет директора РНИИ военинженера 1 ранга И. Т. Клейменова и начальника 1-го отдела военинженера 2 ранга К. К. Глухарева о предварительных испытаниях 132/82-мм ракетно-химических мин ближнего действия. Этот боеприпас дополнял 250/132-мм химическую мину ближнего действия, испытания которой завершились к маю 1936 г. Таким образом, «РНИИ закончил всю предварительную разработку вопроса о создании мощного средства химического нападения ближнего действия, ожидает от Вас общего заключения по испытаниям и указания о необходимости дальнейших работ в этом направлении. Со своей стороны РНИИ считает необходимым теперь же выдать опытно-валовый заказ на изготовление РХМ-250 (300 штук) и РХМ-132 (300 штук) с целью проведения полигонных и войсковых испытаний. Оставшиеся от предварительных испытаний пять штук РХМ-250, из которых три — на Центральном химическом полигоне (ст.

Причернавская), и три РХМ-132 можно использовать для дополнительных испытаний по Вашим указаниям».

Согласно отчету РНИИ по основной деятельности за 1936 г., по теме № 1 были изготовлены и испытаны образцы 132-мм и 250-мм химических снарядов с емкостью боевой части на 6 и 30 литров ОВ. Испытания, проведенные в присутствии начальника ВОХИМУ РККА, дали удовлетворительные результаты и получили положительную оценку. Но ВОХИМУ ничего не сделало для внедрения этих снарядов в РККА и дало РНИИ новые задания на снаряды с большей дальностью стрельбы.

Вообще говоря, в РНИИ ракеты с ОВ проектировали и раньше. Так, в 1935 г. по теме 48Х была создана «воздушно-реактивная химическая торпеда» калибра 245 мм. В протоколе совещания от 8 сентября 1936 г., состоявшегося у начальника моботдела Наркомата тяжелой промышленности М. Л. Крожевского в присутствии заместителя начальника химического управления РККА комдива М. И. Степанова, сказано, что емкость боевой части химической торпеды составляла 40 литров. Таким образом, при удельной массе ОВ, равной 1,3, боеприпас имел дальность стрельбы 6000 м, а при удельной массе ОВ, равной 1,9, дальность стрельбы уменьшалась до 4500 м. По ряду причин работы над торпедой были прекращены в конце 1935 г.

В 1936 г. начались работы по созданию самоходной установки для транспортировки и стрельбы снарядами РХС-203 (20-литровыми) и РХС-245 (40-литровыми). Тактико-технические требования на эти установки были утверждены комдивом М. И. Степановым 20 ноября 1936 г.

Были разработаны два варианта самоходных установок на удлиненной базе гусеничного трактора СТЗ-3. Они предназначались для перевозки ракетных химбоеприпасов, пусковых приспособлений к ним и орудийного расчета. Первый вариант самохода должен был перевозить 30 снарядов РХС-203. Второй вариант — 20 снарядов РХС-245. Оба варианта самоходов оснащались пусковым станком соответствующего калибра для стрельбы одним снарядом с остановки.

Из пускового станка при помощи механизмов вертикальной и горизонтальной наводки велась стрельба снарядами РХС-203 на дальность от 500 до 4000 м с углами возвышения до 70–80°. Скорострельность составляла не менее 3–4 выстрелов в минуту. При стрельбе снарядов РХС-245 максимальная дальность составляла 6000 м, а скорострельность — не менее 2 выстрелов в минуту. Снаряд РХС-245 удовлетворял этим требованиям.

Для обоих снарядов кучность стрельбы требовалась не менее 1/100 по

дальности и 1/80 по боковому отклонению.

В перечень предполагаемых заказов реактивных снарядов для ВОХИМУ на 1937 г. были включены снаряды РХС-132 с пороховыми шашками 48/8 — 57,5 мм, РХС-245 (40-литровые) с пороховыми шашками 75–10/92 мм и РХС-250 ближнего действия (33-литровые) с пороховыми шашками 48/8 — 57,5 мм.

Впервые о прототипе «катюши» (БМ-13) было упомянуто 3 января 1939 г. в письме наркома оборонной промышленности Михаила Кагановича своему брату — заместителю председателя Совнаркома Лазарю Кагановичу: «В октябре 1938 г. автомобильная механизированная ракетная установка для организации внезапного химического нападения на противника в основном прошла заводские испытания отстрелом на Софринском контрольно-испытательном артиллерийском полигоне и в настоящее время проходит полигонные испытания на Центральном военно-химическом полигоне в Причернавской».

Обратим внимание, заказчики будущей «катюши» — военные химики. Финансирование работ тоже велось по линии Химуправления, и, наконец, боевые части ракет исключительно химические.

132-мм химические снаряды РХС-132 были испытаны стрельбой на Павлоградском артиллерийском полигоне 1 августа 1938 г. Огонь велся одиночными снарядами и сериями по 6 и по 12 снарядов. Продолжительность стрельбы серией полным боезапасом не превышала четырех секунд. За это время района цели достигло 156 литров ОВ, что в пересчете на артиллерийский калибр 152 мм было равноценно 63 артиллерийским снарядам при стрельбе залпом 21 трехорудийной батареи или 1,3 артполка при условии, что огонь велся нестойкими ОВ. Испытания акцентировали внимание на то, что расход металла на 156 литров ОВ при стрельбе реактивными снарядами составлял 550 кг, в то время как при стрельбе химическими 152-мм снарядами вес металла составлял 2370 кг, то есть в 4,3 раза больше.

В отчете об испытаниях говорилось: «Автомобильная механизированная ракетная установка для химического нападения при испытании показала значительные преимущества перед артиллерийскими системами. На трехтонной машине установлена система, способная вести как одиночный огонь, так и серией в 24 выстрела в течение 3 секунд. Скорость передвижения — обычная для грузового автомобиля. Перевод из походного в боевое положение занимает 3–4 минуты. Ведение огня — из кабины водителя или из укрытия.

БЧ одного РХС вмещает 8 л отравляющего вещества, а в

артиллерийских снарядах аналогичного калибра — всего 2 л. Для создания мертвой зоны на площади 12 га достаточно одного залпа с трех грузовиков, что заменяет 150 гаубиц или 3 артполка. На дистанции 6 км площадь заражения ОВ одним залпом составляет 6–8 га».

Так родилась знаменитая «катюша». А наши славные историки свыше полувека вешали лапшу на уши читателям, доказывая, что с самого начала ее проектировали исключительно для стрельбы осколочно-фугасными снарядами. Кстати, и после войны все без исключения советские системы залпового огня — М-14, «Град», «Смерч», «Ураган» и др., тактические ракеты «Луна», «Точка» и даже баллистическая ракета Р-17, самолет-снаряд С-5 и т. д. — имели наряду с иными и химические боевые части.

Замечу, что химические реактивные снаряды создавались и для вооружения самолетов. Так, для ВВС был доработан РХС-132. Его стартовый вес составлял 3,5 кг, а объем ВВ — 0,5 л.

В 1939 г. было создано и несколько опытных образцов 132-мм «реактивно-химических снарядов РАХС-132». Они имели два варианта оснащения — с СОВ и с НОВ.

В том же 1939 г. в НИИ-3 НКБ создали «132-мм авиационный ракетно-осколочный химический снаряд РОХС-132» весом 43,1 кг.

Советские химики и артиллеристы ухитрялись создавать самые «экзотические» типы снарядов. Так, в 1934–1936 гг. Остехбюро и АНИИ РККА[71] вели «работу особой секретности» по теме «Лафет». Так была зашифрована шрапнель с ядовитыми элементами. В декабре 1934 г. 76-мм ядовитая шрапнель была испытана тремя выстрелами. В маленькие 2-граммовые и 4-граммовые пульки был запрессован кристаллик ядовитого вещества. По заключению комиссии стрельбы прошли успешно.

В предвоенное время в СССР выпускались еще 45-мм бронебойно-химические снаряды, которые предназначались для отравления личного состава противника за броней танков и дотов. Вес бронебойно-химического снаряда 1,43 кг, снаряд содержал 16 граммов отравляющего вещества, помещенного в камору диаметром 24 мм. Начальная скорость снаряда 760 м/с, то есть сохранялась баллистика выстрела с однотипным бронебойным снарядом УБР-240.

А в 1940 г. в НИИ-3 НКБ был создан «132-мм авиационный ракетно-бетонобойный химический снаряд РБХС-132» весом 43,1 кг. Он должен был пробивать бетонную стенку, а затем отравлять находившихся в помещении людей. В одном из вариантов рассматривался в качестве корпуса боевой части 130-мм полубронебойный снаряд от морской системы Б-13.

Глава 2
Химическое оружие вермахта

Версальским договором 1919 г. Германии было запрещено иметь химическое оружие. Тем не менее уже в 1923 г. под видом гражданских химических производств германская промышленность возобновила работы над химическим оружием. Кроме того, германские химики вели исследования в области отравляющих веществ в нескольких странах, включая СССР и США.

17 июня 1925 г. в Женеве представители 37 государств, в том числе США, Англия, Франция, Германия и Япония, подписали конвенцию о неприменении химического и бактериологического оружия. В декабре 1927 г. к конвенции присоединился и СССР. Однако мне неизвестно ни одной страны, которая бы после подписания конвенции прекратила разработку новых видов химических вооружений.

Естественно, не стала исключением и Германия. В Третьем рейхе параллельно с широким фронтом исследовательских работ срочно создавалась мощная база по производству ОВ и боеприпасов в их снаряжении. В 1943 г. годовая мощность химических предприятий по производству различных ОВ составляла около 180 тысяч т, то есть в 1,5 раза больше, чем было израсходовано всеми воевавшими странами за годы Первой мировой войны. По данным Верховного командования вермахта, запасы ОВ в Германии составляли к концу войны до 70 тысяч т, в том числе около 32 тысяч т иприта и 13 тысяч т ядов нервно-паралитического действия.

Германский министр промышленности А. Шпеер заявил на международном процессе в Нюрнберге, что Гитлер, сам пострадавший в Первую мировую войну от ОВ, серьезно рассматривал вопрос о применении новых отравляющих веществ. Согласно показаниям Шпеера, в вермахте обсуждался вопрос об использовании двух новых боевых ОВ: табуна и зарина. Для производства этих ОВ Германия имела три завода, которые не были разрушены и работали на полную мощность. Только на одном из таких заводов в городе Дихернфурте в годы войны было произведено 12 тысяч т табуна.

После табуна и зарина в 1944 г. в Германии был синтезирован зоман — самое токсичное ОВ времен Второй мировой войны.

Большинство германских химических артиллерийских снарядов были

приняты на вооружение до 1940 г. Разработка, производство и хранение их в частях было строго запрещено. Как и в РККА, химические снаряды вермахта делали по образцу осколочно-фугасных снарядов соответствующих орудий.

К 1942 г. в вермахте были созданы химснаряды для следующих орудий:

— 7,5-см тяжелых и самоходных орудий;

— 7,5-см полевой пушки F.K.16n.A;

— 10,5-см легких полевых гаубиц обр. 16 и обр. 18;

— 15-см тяжелого полевого орудия s.I.G.33;

— 15-см тяжелых полевых гаубиц обр. 13, 18, 36 и т. д.

Как уже говорилось, баллистические данные химбоеприпасов были близки к их осколочно-фугасным аналогам. Тем не менее для химснарядов были отпечатаны вкладыши с обложкой красного цвета, которые при необходимости вкладывались в «Таблицы стрельбы» соответствующих орудий.

Так, 7,5-см снаряды имели дальнобойную форму и снабжались цельнокорпусной оболочкой. Заполнение снаряда отравляющим веществом велось через боковое отверстие в корпусе, закрываемое пробкой. Разрывной заряд состоял из нескольких шашек прессованной пикриновой кислоты, обклеенных пергаментной бумагой.

Химические снаряды к 15-см тяжелой полевой гаубице и к 15-см тяжелому пехотному орудию различались формой и конструкцией оболочек. Снаряды к полевой гаубице имели дальнобойную форму и цельнокорпусную оболочку, а снаряды к пехотному орудию — недальнобойную форму и оболочку, состоявшую из корпуса и ввинтного дна.

Рассмотрим снаряды 10,5-см легких гаубиц марок F H Gr Gelbring (гаубичный снаряд с желтым кольцом) и F H G Grünring (гаубичный снаряд с зеленым кольцом). Основные данные этих снарядов: вес разрывного заряда и детонатора — 150 г; вес ОВ — около 1740 г; объем каморы для ОВ — около 1310 куб. см; удельный вес ОВ — около 1,33–1,4.

Снаряды с желтым кольцом снаряжены ОВ удушающего действия, поражающим также и кожу. ОВ обладало запахом, напоминающим запах иприта, и заражал местность на 4–6 часов.

Снаряды с зеленым кольцом снаряжены ОВ удушающего действия, поражавшим также и кожу. ОВ обладало запахом, напоминающим запах иприта, и заражал местность на несколько часов.

Химические снаряды марок F H Gr 36 Gelbring (гаубичный снаряд обр.

36 с желтым кольцом) и F H Gr 39 Doppelgelbring (гаубичный снаряд обр. 39 с двойным желтым кольцом) снаряжены ОВ раздражающего действия, обладающим миндальным запахом.

В качестве осколочно-химических снарядов могли использоваться любые осколочно-фугасные снаряды, применяемые в орудиях средних и крупных калибров от 7,5 см и выше, при условии замены в них дымовых шашек шашками с соответственными ОВ.

В конце 1930-х гг. германским инженером Небелем были спроектированы 15-см реактивный снаряд и шестиствольная трубчатая установка, которую немцы называли шестиствольным минометом. Испытания миномета были начаты в 1937 г. Система получила наименование «15-см дымовой миномет типа „Д“». В 1941 г. ее переименовали в «15-см Nb.W 41 (Nebelwerfer)», то есть 15-см дымовой миномет обр. 41-го. Естественно, что основным назначением «дымовых минометов» была не постановка дымовых завес, а стрельба реактивными снарядами, начиненными отравляющими веществами.

К 1 июня 1941 г. в химических частях РГК вермахта состояло четыре полка шестиствольных химических минометов и еще один полк находился в стадии формирования. Полки были трехдивизионного состава. Дивизион состоял из трех батарей, в каждой из которых имелось по шесть пусковых установок.

Внешнее отличие химической 15-см мины от осколочно-фугасной — наличие приваренной, а не привинтной турбины на корпусе. Мины снаряжались удушающими, кожно-нарывными и раздражающими ОВ.

Летом 1945 г. советские военные химики рекомендовали Сталину затопить в Атлантическом океане захваченное в Восточной Германии химическое оружие. Однако сил и средств для этого у советского ВМФ не оказалось. Тогда военные предложили провести захоронение в Балтийском море. В 1946 г. в порт Вольгаст близ Пенемюнде на 42 железнодорожных эшелонах с соблюдением всех мер безопасности было доставлено 35 тысяч т химических боеприпасов Третьего рейха.

Командование советских войск зафрахтовало в английской зоне торговые суда, способные перевозить за рейс по 200–300 т. Экспедицию возглавил капитан 3 ранга К. П. Тереков. В результате операции со 2 июня по 28 декабря 1947 г. в Балтийском море было затоплено 35 тысяч т химического оружия. Еще 5 тысяч т захоронили в 65–70 милях к юго-западу от порта Лиепая. Еще 30 тысяч — южнее острова Кристиансе, к северу от датского острова Борнхольм.

Всего советские военные затопили в Балтийском море:

— 250-кг авиабомб, снаряженных ипритом, — 71 469;

— 250-кг и 500-кг авиабомб, снаряженных хлорацетофеном, дифинилхлорарсином и арсиновым маслом, и 50-кг авиабомб, снаряженных адамитом, — 14 258;

— артиллерийских снарядов калибра 7,5 см, 10,5 см и 15 см, снаряженных ипритом, — 408 565;

— химических фугасов по 20 кг и 50 кг, снаряженных ипритом, — 34 592;

— дымовых химических мин калибра 10 см — 10 420;

— технологических емкостей, содержащих 1506 т иприта, — 1004;

— 8429 бочек, в которых находилось 1030 т адамсита и дифинилхлорарсина;

— 169 т технологических емкостей с отравляющими веществами, в которых находились цианистая соль, хлорарсин, цианарсин и аксельарсин.

Химическое оружие, обнаруженное в Западной Германии американскими и английскими оккупационными войсками (всего около 240 тысяч т), в конце 1945 г. и в начале 1946 г. перевезли во временные хранилища недалеко от немецких портов Киль и Эмден. Туда же доставили устаревшие немецкие и английские корабли, крупные пассажирские лайнеры, а также собранные со всей Европы поврежденные суда. Таких транспортных средств, по одним источникам, было собрано 42 единицы, по другим — около 50.

По приказу правительств Англии и США десятки кораблей, загруженных химическими бомбами, снарядами и минами, а также емкостями с отравляющими веществами, своим ходом или на буксире были доставлены к местам затопления. Всего в шести районах акваторий Европы на морском дне осталось лежать 302 875 т отравляющих веществ. Кроме этого, 120 тысяч т английского химического оружия покоится в неустановленных местах Атлантического океана и в западной части пролива Ла-Манш.

Значительная часть германских химических боеприпасов была тайно вывезена в СССР, Англию, Францию и другие страны.

Глава 3
Оборона Сталинграда 12 июля — 18 ноября 1942 г

12 июля 1942 г. распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования был создан Сталинградский фронт, в который вошли 63, 62-я и 64-я армии, а несколькими днями позже — остатки отходившей 21-й армии из состава расформированного Юго-Западного фронта. Во второй половине июля в состав Сталинградского фронта были включены 57-я армия бывшего Юго-Западного фронта и 51-я армия Северо-Кавказского фронта.

Одновременно были приняты меры по созданию между Доном и Волгой оборонительных рубежей. С 10 июля развернулись работы по строительству следующих четырех оборонительных рубежей (обводов) для прикрытия Сталинграда:

— внешнего («О»), проходившего по линии Горная Пролейка, левый берег рек Бердия, Иловля, Дон до устья реки Мышовка, правый берег реки Мышовка и далее Абганерово, Райгород. Протяженность рубежа — до 400 км;

— среднего («К»), проходившего по линии Пичуга, Самофаловка, левый берег реки Россошка, правый берег реки Червленная, станция Тундутово, Красноармейск. Протяженность рубежа — до 150 км;

— внутреннего («С»), проходившего по линии Рынок, Орловка, Городище, Гумрак, Песчанка, Елхи, Красноармейск. Протяженность рубежа — до 70 км;

— городского («Г»), проходившего по окраинам города.

К началу боев между Доном и Волгой строительство этих рубежей не было закончено. На ряде участков внешнего обвода были подготовлены ротные и частично батальонные районы обороны, в районе города Калач оборудованы два узла сопротивления, но на других участках строительные работы только начинались. Оборонительные районы на среднем и внутреннем рубежах удалось закончить лишь наполовину.

Образование 12 июля 1942 г. Сталинградского фронта и первые столкновения передовых отрядов 62-й армии с авангардами наступавших немецких войск на реке Чир принято считать за начало битвы под Сталинградом.

С учетом 82-мм минометов к началу оборонительного сражения в войсках, действовавших на сталинградском направлении, имелось 4282

орудия и миномета, а к концу — 12 078 орудий и минометов, то есть в 2,8 раза больше.

Резервные армии, выдвинутые на сталинградское направление, к моменту перехода главных сил противника в наступление имели почти полную укомплектованность войсковой артиллерии материальной частью и личным составом. Хорошо укомплектованы были и приданные им артиллерийские полки РВГК.

21-я армия, принявшая в свой состав артиллерию расформированных 28-й и 38-й армий, была укомплектована значительно хуже, особенно минометами, потери в которых в предшествующих боях были очень велики во всех трех армиях (21, 28-й и 38-й).

В ходе оборонительных боев в большой излучине Дона артиллерия общевойсковых соединений 64-й и особенно 62-й армии и части полков РВГК понесла большие потери в вооружении, средствах тяги, связи и приборах. Укомплектованность артиллерийских частей всей боевой техникой ухудшалась. Однако под Сталинградом формирование, переформирование и доукомплектование артиллерийских частей было организовано хорошо, в результате чего понесшие потери артиллерийские полки быстро пополнялись личным составом, матчастью и другими видами боевой техники и вновь вводились в бой.

Доукомплектование или переформирование артиллерийских полков производилось в Сталинградском учебном центре, а также в тылу фронтов и даже непосредственно в армиях и дивизиях, если обстановка не позволяла отправить тот или иной полк на несколько дней в Сталинградский центр или в тыл фронта.

Дело в том, что в Сталинграде находился крупнейший советский артиллерийский завод «Баррикады»[72]. По решению ГКО с первых дней войны на заводе было прекращено производство тяжелых орудий, хотя окончание сборки начатых изделий, сдача и отправка их продолжались до конца сентября 1941 г. Зато, согласно мобилизационному плану, было развернуто производство 76-мм дивизионных пушек УСВ обр. 1939 г. Поскольку они выпускались с рядом конструктивных изменений, то получили новый индекс УСВ-Бр. В сентябре 1941 г. было сдано 130, в ноябре — 400, в декабре — 880 пушек УСВ-Бр. А с января 1942 г. «Баррикады» выпускали их более чем 1000 штук в месяц. Кроме того, «Баррикады» имели оборудование для любого ремонта практически всех орудий Сталинградского и Юго-Западного фронтов.

24 июля распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования за № 8/148 Волжская военная флотилия (ВВФ) была оперативно подчинена

командующему Сталинградским фронтом. Корабли и суда, действовавшие у Сталинграда, были сведены в Северную группу, а также в 1-ю и 2-ю бригады речных катеров.

В состав Северной группы вошли канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев», бронекатера № 14, 23, 51 и 54, а также 680-я железнодорожная батарея (о ее действиях рассказано в отдельной главе).

В 1-ю бригаду речных катеров вошли канонерские лодки «Фролов» и «Руднев», две плавучие батареи, переделанные из барж (№ 97 и 98), а также бронекатера № 11, 12, 13, 21, 25 и 101.

Во 2-ю бригаду речных катеров вошли канонерские лодки «Федосеенко», «Щорс» и «Киров», а также бронекатера № 61, 62, 63 и 53.

Вооружение канонерских лодок составляли две 100-мм корабельные пушки Б-24БМ, а также две 45-мм и две 37-мм пушки. Плавбатареи имели по две 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20. Из 14 бронекатеров два имели по две 76-мм пушки, остальные — по одной. Кроме того, бронекатер № 14 имел пусковую установку ракет М-8, а № 51 — пусковую установку М-13. Железнодорожная батарея № 680 имела три 152-мм морские пушки Б-38.

Таблица 10. **Количество и плотность артиллерии в армиях Сталинградского фронта по состоянию на 23 июля 1942 г.**

Армия	Ширина фронта обороны (км)	Количество орудий и минометов													
		Минометов			Орудий полковой и дивизионной артиллерии					Орудий РВГК					
		82-мм	120-мм	Всего	45-мм	76-мм ПА	76-мм ДА	122-мм гауб.	Всего	45-мм	76-мм	122-мм гауб.	122-мм пуш.	152-мм г.-п.	всего
63-я	300	712	108	820	179	72	144	72	467	40	20	—	—	12	72
21-я	50	151		151	158	21	197	37	413	22	68	20	8	9	127
62-я	100	576	108	684	180	72	120	72	444	—	180	—	12	24	216
64-я	80	384	92	476	120	48	80	48	296	40	—	—	—	36	76
Резерв	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	20	—	—	20
Итого	530	1823	328	2151	637	213	541	229	1620	102	268	40	20	81	511

Примечание: В число орудий и минометов 21-й армии вошли: переданные ей 48 орудий из 28-й армии; 57 орудий — из 38-й армии, а также 151 миномет и 288 орудий 115-го и 54-го укрепрайонов.

Следует заметить, что дальность стрельбы Б-24БМ составляла 22,2 км, а Б-38 — 30 км. Таким образом, 17 морских пушек калибра 100–152 мм были «длинной рукой» советского командования. Наконец, мобильность судов ВВФ и их способность маскироваться во многочисленных протоках

Волги и Ахтубы делали их малоуязвимыми для авиации и артиллерии немцев.

К 23 июля войска 63-й и 64-й армий не успели еще сосредоточиться и подготовить оборону. Ранее других (17–18 июля) на намеченный рубеж обороны вышла 62-я армия. Артиллерийские части 62-й армии с 18 по 22 июля сумели оборудовать боевые порядки, организовать систему огня и произвести пристрелку реперов и участков сосредоточенного огня. Но огонь артиллерии планировался без учета инженерных заграждений и препятствий из-за неготовности последних.

Немецкое командование создало из частей 6-й и 4-й танковых армий две ударные группировки: северную (четыре пехотные, одна танковая и две моторизованные дивизии) и южную (три пехотные и одна танковая дивизии).

Северная группа наносила удар частью сил из района селений Головский, Верхне-Черенский в направлении Цамловский, Верхняя Бузиновка, часть сил из района хуторов Перелазовский, Липовский вдоль реки Креакая на Манойлин, Верхняя Бузиновка.

Южная группа противника наносила удар из района Верхне-Аксеновский, Нижне-Черновский в северо-восточном направлении на Калач.

Для германского наступления было характерно придание орудий как пехотным, так и зенитным и противотанковым отдельным подразделениям вплоть до рот. Вот, например, при форсировании реки Донец у впадения речки Девица артиллерия дивизии «Великая Германия» подивизионно придавалась полкам. В свою очередь, отдельные орудия придавались пехотным ротам. Так, 17-й пехотной роте были приданы 15-см тяжелые пехотные орудия. Эти орудия сумели подбить советский бронепоезд, команда которого разбежалась.

7 августа советское командование решило нанести контрудар по немецким войскам. Для этого была создана группировка войск (204-я сд, Житомирское и Краснодарское военные училища, усиленный 1104-м и 1111-м пап, 2, 18-м и 19-м гв. минп), которая сосредоточивалась в районе разъезд 74-й км — станция Тингута в течение 7 и 8 августа. Несколько ранее туда же прибыли 51-й и 76-й гвардейские минометные полки полевой реактивной артиллерии.

Для артиллерийского обеспечения контрудара привлекались три пушечных, два дивизионных, три истребительно-противотанковых артполка (111 орудий), шесть гвардейских минометных полков (около 140 установок БМ-8 и БМ-13), а также артиллерия стрелковых полков 204-й и

38-й дивизий и пехотных училищ. Кроме того, один пушечный артполк, поддерживавший 126-ю стрелковую дивизию, маневрируя своим огнем, также принимал участие в обеспечении контрудара.

Перед началом наступления (во второй половине дня 8 августа) был произведен огневой налет по скоплению танков и пехоты противника. Поддержка атаки осуществлялась методом последовательного сосредоточения огня. Сопровождение атаки пехоты осуществлялось всей наличной противотанковой артиллерией, выдвинутой в боевые порядки наступавших частей, а также огнем артполков дивизий пушечных артиллерийских и гвардейских минометных полков по подходящим резервам и отходящим колоннам противника.

Ударная группировка 64-й армии нанесла противнику одновременный удар с трех направлений и в результате ожесточенного боя к исходу 10 августа восстановила занимаемый ранее 38-й стрелковой дивизией передний край обороны.

В боях 6–10 августа важнейшая роль принадлежала артиллерии и в первую очередь противотанковой (особенно 6–7 августа), пушечной и реактивной (8–10 августа). Всего на поле боя в районе разъезда 74 км осталось свыше 1000 человек убитыми, до 100 уничтоженных и подбитых танков и 23 орудия противника. Попытка германских войск прорваться к Сталинграду силами 4-й танковой армии с юго-запада, вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград, была успешно отражена совместными усилиями пехоты, артиллерии и танков 64-й армии.

17 августа немцы начали новое наступление, и 23 августа танки 16-й танковой дивизии вышли на возвышенность, с которой была видна Волга. Между тем еще 21 августа канонерские лодки 2-й бригады речных кораблей из района Светлого Яра впервые открыли огонь по наступавшим немцам с предельной дальности стрельбы.

Поддерживавшая наступавшие войска немецкая авиация действовала почти безнаказанно и наносила нашим войскам ощутимые потери. Так, 1058-й артполк 87-й стрелковой дивизии от мощного налета авиации противника 23 августа потерял половину своего конского состава, семь 76-мм и два 122-мм орудия. В тот же день второй дивизион 1103-го пушечного полка сразу же после открытия огня был почти полностью уничтожен авиацией противника. Дивизион потерял всю матчасть (шесть 122-мм пушек А-19, три автомашины, восемь тракторов и около 250 человек личного состава).

24 августа канонерская лодка «Чапаев», находясь в Сталинграде, во время налета немецкой авиации получила до 100 мелких пробоин осколков

авиабомб. На канонерке было убито 6 и ранен 21 человек.

В тот же день, в 19 ч 02 мин канонерка «Руднев» своим огнем рассеяла спускавшиеся с высот вражеские танки и мотопехоту, замечено несколько прямых попаданий. С взаимодействовавшей 15-й гвардейской стрелковой дивизией все время поддерживалась радиосвязь. Командир дивизии дал отличную оценку стрельбе канонерки «Руднев».

В 20 ч 00 мин в районе поселка Рынок канонерка «Усыскин» совместно с береговой зенитной батареей рассеяла скопление 30–40 танков, 100 автомашин и до батальона пехоты противника.

Выйдя к Волге в районе поселка Рынок, немцы развернули наступление на Сталинград с севера. Для отражения противника командование фронта не могло выделить значительных сил, так как большая часть войск 62-й армии вела бои на восточном берегу Дона. Поэтому на рубеже реки Сухая Мечетка (протекавшей по северным окраинам Сталинграда) первыми вступили в бой истребительные батальоны и отряды народного ополчения, сформированные из рабочих сталинградских заводов. Для усиления этих отрядов было выделено несколько десятков танков (находившихся в ремонте на Сталинградском тракторном заводе) и противотанковых пушек, выпущенных заводом «Баррикады». С этой же целью был направлен полк 10-й дивизии НКВД, а также 124-я стрелковая бригада, находившаяся в резерве фронта. Так как полк 10-й дивизии своей артиллерии не имел, то ему из резерва фронта выделили двадцать 45-мм и шестнадцать 76-мм орудий с орудийными расчетами.

Помимо того, распоряжением командующего фронтом 738-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк был снят с фронта 57-й армии (где шли в это время ожесточенные бои с противником, наступавшим с юга) и переброшен к утру 24 августа в район северной окраины Сталинграда.

Кроме этого полка, в ночь на 24 августа Сталинградским артиллерийским учебным центром из имевшихся в наличии матчасти и личного состава были срочно сформированы 1186, 416-й и 648-й истребительно-противотанковые артполки и к утру развернуты на огневых позициях в том же районе. Туда же днем 24 августа прибыл из учебного центра еще один дивизион (6 122-мм пушек) формируемого 457-го пушечного артполка.

В результате этих мероприятий отряды народного ополчения, истребительные батальоны, полк 10-й дивизии НКВД и 124-я стрелковая бригада, оборонявшиеся на фронте 4 км, обеспечивались довольно сильной

группировкой артиллерии, в которой насчитывалось 156 орудий, что составляло 39 орудий на 1 км фронта.

29 августа после энергичной артиллерийской и авиационной подготовки немцы вновь перешли в наступление, нанося главный удар в направлении Зеты, Гавриловки. Не встретив большого сопротивления, эта группировка войск в середине дня овладела Зетами, а к исходу дня вышла на рубеж Тундутово, Нариман. Создавалась угроза тылам 64-й и 62-й армий. Поэтому, а также с целью сокращения линии фронта (что при ограниченных силах и средствах имело большое значение) командование Юго-Восточного фронта в ночь на 31 августа было вынуждено все соединения 62-й и 64-й армий отвести на средний сталинградский обвод.

Одновременно с этим войска 64-й армии, не успев прочно обосноваться на среднем обводе, вынуждены были отбивать новый удар сильной группировки противника на участке Нариман, Ракотино. Немцам удалось прорвать еще не организованную оборону армии и занять к исходу 1 сентября Басаргино, что вновь создавало угрозу тылам 62-й и 64-й армий. Поэтому обе армии по приказу командования фронта вынуждены были отойти на внутренний обвод сталинградских позиций.

С этого момента германское командование сосредоточило основные силы своих войск против 62-й армии, оборонявшей непосредственные подступы к городу. Возникла угроза захвата Сталинграда.

12 сентября оборона Сталинграда была возложена на 62-ю армию.

Таблица 11. **Количество артиллерии в 62-й армии в период борьбы за город**

Дата	Фронт обороны (км)	Количество артиллерии 62-й армии (с учетом фронтовой артиллерийской группы)					
		Минометов 82—120-мм	Орудий ПТО 45—76-мм	Орудий ДА и РВГК 76—203-мм	Всего орудий и минометов	М-8 и М-13	М-30
15.09	20	142	201	232	575	48	—
25.09	20	376	276	157	809	160	—
1.10	20	176	295	410	881	88	—
1.11	20	483	229	466	1178	48	93

Как и при обороне Одессы и Севастополя, оборона Сталинграда делилась на секторы. Сектор охватывал территорию обороны города в несколько кварталов. Каждый сектор делился, кроме того, на участки, в

которые входило несколько улиц (две-три). Сектор обороняли войска, находившиеся под единым командованием (также и участки сектора). При этом управление артиллерией сектора возглавлялось обычно командующим артиллерией одной из стрелковых дивизий, командир которой являлся комендантом данного сектора, а управление артиллерией участка — командующим артиллерией дивизии (бригады) или командиром артиллерийской группы поддержки того или иного стрелкового полка.

Дивизионную артиллерию стрелковым подразделениям не придавали. Дивизионы артиллерийского полка стрелковой дивизии обращались на сформирование групп поддержки пехоты в каждом стрелковом полку дивизии. В группы поддержки пехоты нередко включались дополнительно и полковые батареи 120-мм минометов.

До 14 сентября в 62-й армии действовала армейская группа артиллерии дальнего действия (АДД) в составе четырех пушечных, одного гаубичного и четырех гвардейских минометных полков полевой реактивной артиллерии. Командиром группы являлся командующий артиллерией армии. Для удобства управления группа делилась на две подгруппы: северную (командир подгруппы — командующий артиллерией армии) в составе 266, 1103-го и 1-го дивизионов 457-го пушечного артполка, 47-го и 89-го гвардейских минометных полков полевой реактивной артиллерии и южную (командир подгруппы — заместитель командующего артиллерией армии) в составе 1105-го пушечного, 85-го гвардейского гаубичного, 83-го и 91-го гвардейских минометных полков полевой реактивной артиллерии.

Решением Военного совета Юго-Восточного фронта от 14 сентября 1942 г. была создана фронтовая артиллерийская группа. Для ее формирования были использованы пушечные, гаубичные и минометные полки РВГК, приданные ранее 62-й и 64-й армиям. Фронтовая артиллерийская группа была разделена на четыре подгруппы: северную для поддержки 62-й армии (266, 457, 1103-й и 1105-й артиллерийские полки, 3-й дивизион 85-го гвардейского гаубичного артиллерийского полка и 125-й минометный полк — всего 86 орудий и минометов); южную для поддержки 64-й армии, а в необходимых случаях и для поддержки 62-й армии (1111, 1104, 1159-й пушечные артполки и 140-й минометный полк — всего 64 орудия и миномета); Волжской военной флотилии (16 орудий); зенитной артиллерии (84 85-мм пушки).

Всего во фронтовой группе имелось: 76-мм пушек — 6; 120-мм минометов — 72, 122-мм пушек и гаубиц — 33 и 152-мм гаубиц-пушек — 45 (150 орудий и минометов).

Командиром фронтовой группы был назначен заместитель

командующего артиллерией фронта генерал-майор артиллерии Дмитриев, который имел телефонную и радиосвязь с командирами подгрупп, а также с командующими артиллерией 62-й и 64-й армий. Командиры северной и южной подгрупп (командиры 266-го и 1111-го пушечных артполков) были связаны с командующими артиллерией армий, которые они поддерживали.

Чтобы вывести наши орудия среднего калибра из зон действия огня вражеских минометов, танков и пехотных орудий, а также избежать потери матчасти при дальнейшем отступлении, огневые позиции частей фронтовой артиллерийской группы находились на левом берегу Волги, а большая часть наблюдательных пунктов батарей, дивизионов, полков и подгрупп была размещена на правом берегу. Соответственно основным видом связи в управлении огнем группы являлось радио.

С прибытием в первой половине октября в состав Юго-Восточного фронта еще нескольких тяжелых пушечных и гаубичных полков командование фронта выделило артиллерийские средства для сформирования и возобновления деятельности армейских артиллерийских групп дальнего действия 62-й и 64-й армий.

В состав фронтовой группы с 12 октября входили: 70-й гвардейский пушечный, 1083-й и 123-й пушечные артиллерийские полки, 5-й гаубичный артполк большой мощности, всего 66 орудий. Деление ее на подгруппы с этого времени не производилось, использовалась она преимущественно в полосе обороны 62-й армии.

Артиллерия Волжской военной флотилии была придана 64-й армии и использовалась в составе ее армейской артиллерийской группы. Подгруппа зенитной артиллерии с этого времени стала выполнять свои прямые задачи, составляя фронтовую зенитную группу.

Армейская группа 62-й армии вновь была сформирована из возвращенных армии 1103, 1105, 457-го и 266-го пушечных артполков. Кроме того, в состав этой группы дополнительно были включены гвардейские минометные полки полевой реактивной артиллерии, имевшиеся в 62-й армии. До этого (с 14 сентября по 11 октября) гвардейские минометные полки были объединены в армейскую группу гвардейских минометных частей полевой реактивной артиллерии.

К системе артиллерийского огня при обороне Сталинграда предъявлялись такие же требования, как и при обороне в полевых условиях. Однако различные элементы этой системы принимали в обороне города иное значение, чем в обычных условиях. Например, в городе много крупных каменных зданий, которые использовались для организации опорных пунктов и для исходного положения во время контратак. Такое

расположение каменных зданий в городе вынуждало оборонявшихся привлекать для поражения изготовившегося к атаке противника более мощные орудия, чем в обычных условиях. Атакующие группы пехоты и танков противника, опираясь на отдельные крупные каменные здания, не представляли собой, как в поле, сплошной линии, занимающей довольно широкий фронт. В таких случаях для отражения атак неподвижный заградительный огонь обычно заменяли сосредоточенным огнем. Изменялся порядок выбора участков и метод организации подвижного заградительного огня против танков, поскольку атаки танков проходили главным образом вдоль улиц и небольшими группами.

Атаковавшие части противника действовали небольшими штурмовыми группами или отрядами, силой от пехотной роты до батальона с танками, самоходными (штурмовыми) орудиями, полевыми легкими орудиями и минометными подразделениями. Поэтому оказалось выгодно вести не только сосредоточенный огонь по отдельным целям батареями или небольшим участкам целей — дивизионами, но и по районам целей, для поражения которых привлекалось несколько дивизионов и даже полков. Такое массирование огня применялось в тех случаях, когда атаки нескольких штурмовых групп совпадали по времени и месту, то есть бой происходил на территории нескольких кварталов. В таких условиях не только был необходим массированный огонь для отражения атак противника, но с увеличением плотности такого огня резко возрастала его роль, и нередко одним массированным огнем артиллерии срывалась очередная атака противника.

Так, например, немцы силой до двух пехотных полков неоднократно предпринимали атаки из района завода «Баррикады». Во время одной из таких атак по участку завода (размером 600 м по фронту и 400 м в глубину — 24 га) произвели 10-минутный огневой налет 250 орудиями и минометами и тремя полками реактивных минометов (около 70 установок). Для надежности подавления противника огневой налет был повторен. Такое массирование огня дало высокий эффект — немецким полкам были нанесены большие потери и сорвано их наступление.

Германский офицер — участник боев — писал: «Из еще не захваченной части „Красного Октября“ один „сталинский орган“ [установки М-13. — *А.Ш.*] постоянно давал залпы по немецким позициям и опорным пунктам. Его было просто не засечь, хотя он вел огонь постоянно с одного и того же направления. Вскоре оказалось, что русские смонтировали установку залпового огня на лифте, заряжали ее в подвале, для залпа поднимали лебедкой наверх, а затем снова спускали в

подземелье. Попытка вывести из строя эту реактивную установку, предпринятая передовым наблюдателем 83-го артиллерийского полка, находившегося на наблюдательном пункте, хорошо защищенном броневыми листами, на верхнем этаже здания, примыкавшего к этому месту, не удалась из-за слишком долгого полета наших снарядов. Хотя на орудиях был выставлен соответствующий прицел и огонь орудий вызывался в момент, когда „сталинский орган“ открывал огонь, у русских оставалось достаточно времени, чтобы снова своевременно принять реактивную установку в подвал»[73].

В городских боях дивизионы штурмовых (самоходных) орудий играли у немцев роль пожарных команд. Вот, к примеру, выдержки из донесения 79-й пехотной дивизии от 27 октября 1942 г. Штурмовые группы 212-го пехотного полка при поддержке 244-го и 245-го дивизионов штурмовых орудий наступали с севера на Металлический завод у железнодорожной станции Разгуляевка. Немцы вели атаки до наступления темноты, после чего переходили к обороне, а дивизионы штурмовых орудий отводились в тыл.

28 октября 208-й пехотный полк захватил 1-й и 2-й цеха с юго-запада. Артиллерийский полк на правом фланге полка получил ту же задачу. 212-й пехотный полк удерживал занятый прежде рубеж.

245-й дивизион штурмовых орудий был придан 14-й танковой дивизии. В 9 часов утра 28 октября пикирующие бомбардировщики атаковали нефтебазу и 4-й зал. Затем последовала атака ударных групп. В 9 ч 45 мин передовые подразделения при поддержке 244-го дивизиона вышли к западной части 4-го зала. Западная часть 4-го цеха была взята в 11 ч 30 мин после того, как удалось сломить ожесточенное сопротивление советских частей.

Замечу, что под Сталинградом сражались не только САУ StuG.III с 7,5-см пушками, но и САУ StuI.G.33 («Штурмпанцер-33»), вооруженные 15-см пехотными орудиями. Уменьшение угла возвышения с 75° до 26° практически лишило орудие возможности вести навесную стрельбу, и САУ действительно превратилась в штурмовой танк, предназначенный вести настильный огонь по целям, расположенным на дистанции до двух-трех километров.

Первые серийные «Штурмпанцеры-33» успешно действовали в боях за Сталинград в составе 177-го штурмового дивизиона. В городских боях было потеряно 16 установок StuI.G.33.

А теперь вернемся к действиям советской армейской артиллерийской группы. Перед важнейшими участками обороны, как, например, заводы

«Баррикады», «Красный Октябрь», высота 102,0 (Мамаев курган), от удержания которых зависела устойчивость всей обороны армии, подготавливался массированный огонь большей части артиллерии армии. Многие артиллерийские полки по указанным участкам не могли вести огонь из-за недостаточной дальнобойности своих орудий, но все же планировали его на случай стрельбы с запасных огневых позиций. Например, в 13-й гвардейской стрелковой дивизии артиллерия неоднократно перемещалась на запасные участки между заводами «Баррикады» и «Красный Октябрь», а также по району завода «Баррикады».

Особо важное значение при обороне Сталинграда приобретало тесное сочетание артиллерийского огня с пехотным. Например, для того чтобы подавить противника, укрепившегося в большом кирпичном доме, часто требовалось привлекать все виды огня: стрелковое оружие для прострела окон, дверей, лестниц и открытых подступов к дому, малокалиберную артиллерию — для стрельбы прямой наводкой по чердакам и окнам, особенно подвальных помещений; орудия среднего калибра — для проломов тонких стен и легких перекрытий, для обстрела подходов и, наконец, артиллерию тяжелых калибров — для проломов толстых стен, разрушения подвальных помещений, завала нижних этажей. Когда такой комбинированный огонь был умело организован, тогда он давал хорошие результаты. Так, например, используя все виды огнестрельного оружия в их тесном сочетании и умело распределив их огонь, наши части с успехом провели ряд боев по захвату зданий Госбанка, банного комбината, хлебозавода и многих других.

В условиях обороны города значительную роль сыграла стрельба орудий различных калибров прямой наводкой. В городе, где имелось большое количество вертикальных целей, а также целей, для уничтожения и подавления которых обязательно требовались прямые попадания снарядов (иногда при весьма ограниченных размерах самих целей), значение огня прямой наводкой сильно возросло. Во время боев в Сталинграде стрельба прямой наводкой, помимо надежности поражения вертикальных целей и быстроты выполнения задачи, давала большую экономию снарядов, подвоз которых сопровождался огромными трудностями.

Стрельба прямой наводкой применялась чаще всего для уничтожения хорошо наблюдаемых от орудий огневых точек и наблюдательных пунктов противника. На дальности 500–1000 м такие цели поражались обычно с трех-четырех выстрелов, а многие наводчики и командиры орудий

добивались прямого попадания по таким целям на дальности 600–800 м с одного-двух выстрелов.

Артиллерия 62-й армии за два месяца боев в городе уничтожила 156 отдельных орудий и минометов, 566 пулеметов, разрушила 446 деревоземляных огневых точек, 229 блиндажей и около 100 наблюдательных пунктов, причем абсолютное большинство из них огнем прямой наводкой. Огонь прямой наводкой был особенно эффективным при разрушении легких сооружений, которые противник использовал для укрытия перед атакой своей живой силы, а также для пролома укрытий со сплошными стенами, обращенными в нашу сторону.

Важную роль играли и противотанковые пушки. Бои в Сталинграде не позволяли немцам массированно использовать свои танки. Поэтому противник вынужден был применять их только для поддержки пехоты группами в три — пять машин, сопровождаемых, как правило, отрядами автоматчиков. Эти танковые группы могли действовать только вдоль тех улиц, которые выводили их к объектам атаки. Поэтому в городе имелась возможность создавать большую плотность противотанкового огня даже штатными артиллерийскими средствами.

В районах больших площадей, скверов и садов часто действовали более крупные группы немецких танков. Но командование дивизий и армий всегда создавало в этих районах наибольшую плотность огня и использовало наиболее сильные артиллерийские противотанковые средства — истребительно-противотанковые полки.

Поскольку в ходе боев за город особенно активно действовали немецкие авиация и артиллерия, 76-мм противотанковые орудия, как правило, укрывались в специальных окопах, рассчитанных на предохранение орудий от прямых попаданий мин и 7,5-см снарядов. Для 45-мм противотанковых пушек огневые позиции оборудовались непосредственно в системе баррикад.

Однако к осени 1942 г. не только танки T-IV и САУ StuG.III, но и танки T-III серий J, L и M имели лобовую броню 50 мм и выше. «Учитывая, что снаряд 45-мм пушки, как правило, не пробивал лобовую броню танков противника, огневые позиции для них выбирали с таким расчетом, чтобы обеспечить фланговый и косоприцельный огонь. С этой же целью нередко 45-мм пушки устанавливали в угловых зданиях, в которых пробивали две-три амбразуры и подготавливали надежные убежища для расчета и материальной части. Весьма эффективно действовали 45-мм пушки, установленные на вторых этажах зданий»[74].

Огонь противотанковой артиллерии всегда тесно увязывался с

инженерными препятствиями. Условия города были особенно благоприятными для организации различного рода противотанковых заграждений, а также для установки на улицах противотанковых мин и фугасов, обойти которые немецкие танки не могли. Для воспрещения маневра танков противника в зоне огня наших орудий широко использовались завалы улиц, расположенных перпендикулярно улицам, вдоль которых проходил боевой курс атакующих танков.

Одно из требований, предъявляемых к противотанковой артиллерии в условиях борьбы с танками противника в городе, заключалось в необходимости открывать огонь по танкам только с короткой дистанции, не превышающей 300–400 м. В тех случаях, когда это требование не выполнялось, обнаруженные противотанковые орудия легко подавлялись огнем остановившихся танков или штурмовых орудий противника, а также огнем его артиллерии с закрытых огневых позиций и авиацией.

Как и в полевых условиях, противотанковые орудия должны были обязательно прикрываться пехотой. В городе это было особенно важно, так как группы немецких автоматчиков, используя хорошо скрытые подступы, просачивались в расположение огневых позиций и уничтожали огневые расчеты наших противотанковых орудий огнем автоматов.

Рассмотрим один из удачных примеров использования советских противотанковых орудий. «В ходе боя в районе севернее завода „Баррикады“ одна батарея 499-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка за несколько минут с дистанции 200–300 м подбила четыре танка противника из восьми. Остальные танки поспешно отступили. В бою за тракторный завод 14 октября только одна батарея 1186-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка огнем двух оставшихся орудий отразила атаку пяти танков противника, причем три танка уничтожила с дистанции 400–100 м. 1186-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк в бою 14–15 октября уничтожил 18 танков противника. Вторая батарея 738-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, поддерживая действия 115-й стрелковой бригады в районе Орловка, за три дня боев уничтожила 9 танков противника»[75].

В условиях ожесточенной борьбы за отдельные участки обороняемого города, особенно за такие важнейшие объекты и командные высоты, как Мамаев курган, заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь», артиллерия 62-й армии успешно применяла мощные артиллерийские контрподготовки, которые давали неплохой эффект. Так, в течение 24–25 сентября немецкое командование готовилось к очередному наступлению на центр города, чтобы выйти к Волге и отрезать левофланговую группу войск армии от

северной группировки. В районе авиагородка и севернее его сосредоточивались вновь прибывшая 100-я пехотная дивизия, а также части 379-й и 276-й пехотных дивизий. О сосредоточении этих сил противника, о направлении удара (Мамаев курган — овраг Долгий) и о времени их перехода в наступление (с утра 26 сентября) наша разведка добыла точные данные к исходу 25 сентября.

Контрподготовка началась в 5 ч 20 мин 26 сентября и проводилась согласно плану. Всего за один час было израсходовано около 5000 снарядов и мин. В ходе налета удалось достичь высокой плотности огня — около восьми снарядов в одну минуту огневого налета на 1 гектар. Немцам был нанесен большой урон в живой силе и технике, а их атаки в этот день были успешно отражены.

Утром 27 сентября наша разведка наблюдала скопление большого количества пехоты и танков противника в районе балок юго-западнее Мамаева кургана. На этот раз немцы сузили участок сосредоточенных для атаки войск до 1 км и после мощной артиллерийской и авиационной подготовки пытались вновь прорвать нашу оборону в том же направлении.

Командование 62-й армии решило сорвать наступление противника, повторив артиллерийскую контрподготовку. По окончании артподготовки противника (во время которой наши батареи на левом берегу Волги не подавлялись) артиллерия армии провела мощный 15-минутный огневой налет, главным образом по войскам, скопившимся на исходном рубеже для атаки. В этом огневом налете принимало участие до 150 орудий и минометов и три полка полевой реактивной артиллерии. Кроме того, одновременно вели огонь по перешедшим в атаку войскам противника пулеметы, противотанковые ружья и орудия, выставленные для стрельбы прямой наводкой. И на этот раз атака немцев была отбита, но с еще большими для них потерями.

Воспользовавшись результатами контрподготовки, 95-я стрелковая дивизия перешла в контратаку, овладела юго-западными скатами Мамаева кургана и значительно улучшила свои позиции. Захваченные дивизией пленные показали, что нашим артогнем почти полностью были обескровлены два полка только что прибывшей в Сталинград 100-й пехотной дивизии немцев.

Общим результатом контрподготовки нашей артиллерии, проведенной 26 и 27 сентября, стал отказ немцев на несколько дней от атак на этом направлении.

Не менее интересен второй пример контрподготовки, проведенной артиллерией 62-й армии в первых числах октября 1942 г. на участке завода

«Силикат», поселка «СТЗ». В этом районе наша разведка установила сосредоточение до двух пехотных дивизий с танками, подготавливавших наступление с целью прорыва нашей обороны на фронте около 3 км и выхода к Волге между двумя заводами — тракторным и «Баррикады».

К этой контрподготовке командование армии смогло привлечь артиллерию пяти стрелковых дивизий и двух стрелковых бригад, северную подгруппу фронтовой артиллерийской группы (четыре пушечных полка), три истребительно-противотанковых полка и пять полков полевой реактивной артиллерии, то есть свыше 300 орудий и минометов.

Построение артиллерийской контрподготовки было следующим: 10 минут — огневой налет, 20 минут — методический огонь по отдельным наблюдаемым целям и 10 минут — повторный огневой налет. Общая продолжительность — 40 минут. В результате контрподготовки немцы понесли большие потери и сумели возобновить наступление на этом направлении только через пять дней, для чего предварительно пополнили и перегруппировали свои силы.

С началом боев за Сталинград немцы начали подтягивать туда значительные силы армии. «Кроме штатной артиллерии пехотных, моторизированных и танковых дивизий, немцы подтянули сюда восемь полков и десять отдельных дивизионов тяжелой артиллерии резерва Главного Командования, до 210-мм пушек включительно»[76].

Кроме 15-см шестиствольных реактивных минометов Nb.W.41, немцы впервые в Сталинграде применили и новый, куда более мощный реактивный пятиствольный миномет 21-см Nb.W.42.

О применении этих минометов под Сталинградом отечественные историки умалчивают. Однако недавно в окрестностях города был найден поврежденный огнем советской артиллерии 21-см Nb.W.42.

Периодически германская тяжелая артиллерия использовалась и для непосредственного сопровождения наступающей пехоты и танков. Однако большая часть германской тяжелой артиллерии вела огонь на подавление нашей артиллерии, расположенной на восточном берегу Волги. Кроме того, немцы выделили специальные группы батарей для беспрерывного обстрела наших переправ и для разрушения «Стальгрэса», то есть по наиболее важным для оборонявшихся войск армии объектам. Этими обстрелами противник пытался максимально сократить снабжение наших войск боеприпасами и продовольствием, а также переброску резервов и ликвидировать важнейший объект города — «Стальгрэс», расположенный на левом берегу реки в Бекетовке.

Поэтому борьба с германской артиллерией в ходе боев за город

приобретала значительно большее значение, нежели в предыдущих оборонительных боях и операциях, и ей уделялось большое внимание со стороны командования фронта и 62-й армии.

В условиях обороны крупного населенного пункта метод подавления батарей, по существу, не отличался от обычного метода, применяемого в полевых условиях, за исключением того, что для подавления батарей, расположенных в самом городе, особенно в кварталах с прочными каменными постройками, требовалось больше снарядов. В разведке же батарей было много особенностей.

Разведка батарей противника велась всеми видами и средствами артиллерийской разведки 62-й армии и фронтовой артиллерийской группы. Из состава артиллерийской инструментальной разведки в 62-й армии имелся один разведывательный артдивизион. Еще один разведывательный дивизион входил в состав фронтовой артгруппы. Кроме того, во фронтовой артгруппе действовала 31-я отдельная корректировочно-разведывательная авиаэскадрилья, а в армейской группе 62-й армии — 32-я эскадрилья. Однако в условиях господства в воздухе германской авиации работа нашей корректировочно-разведывательной авиации оказалась малоэффективной, а если сказать прямо, то разведки и корректировки огня артиллерии практически не было.

Поскольку основная масса германской артиллерии располагалась за чертой города, на местности, почти полностью открытой, то, используя имевшиеся в городе высокие строения, разведку вражеских батарей наши артиллеристы успешно вели с помощью средств звуковой и оптической разведки.

После того как немцы овладели значительной частью города, их батареи, до 10,5-см калибра включительно, стали располагаться в городских кварталах. Это сразу же отразилось на работе всех средств разведки — в условиях города акустические волны искажались, вспышки от выстрелов, многократно отражаясь от различных построек, становились расплывчатыми, отсутствовали также и обычные в полевых условиях признаки мест огневых позиций на аэрофотоснимках, что затрудняло их дешифрование.

Но несмотря на эти трудности, наши разведчики в большинстве случаев вскрывали группировку артиллерии противника, что обеспечивало успешное подавление его батарей. Этому способствовали длительное пребывание германских батарей на одних и тех же огневых позициях и приобретенный опыт самой разведки артиллерийских батарей. Лучшие результаты по разведке батарей противника все же давали

разведывательные артиллерийские дивизионы и в первую очередь звуковая разведка.

Только одним армейским разведывательным дивизионом за время боев в Сталинграде было засечено около 300 артиллерийских батарей и отдельных орудий и определены координаты их точек стояния.

Замечу, что в ходе боев в городе борьба с артиллерией как армейской, так и фронтовой артиллерийскими группами велась лишь специально выделенными пушечными полками и даже дивизионами этих полков. Этим дивизионам придавались взводы звуковой разведки, с помощью которых в большинстве случаев и подавлялись батареи противника.

Однако такой характер борьба с германской артиллерией носила только до тех пор, пока немцы не начинали на каком-либо участке подготовку своей очередной крупной атаки. С этого момента в борьбу с артиллерией противника включались все пушечные полки фронтовой и армейских групп, иногда и истребительно-противотанковые полки, а также гвардейские минометные полки.

При подавлении же немецких артиллерийских батарей, обстреливавших Стальгрэс, широко использовалась артиллерия стрелковых дивизий. Огонь гвардейских минометных полков полевой реактивной артиллерии и дивизионной артиллерии (до 82-мм минометов включительно) применялся для разрушения и подавления наблюдательных пунктов противника. В таких случаях разведывательные дивизионы армейской и фронтовой артиллерийских групп передавали результаты засечек батарей в штаб артиллерии армии, который ставил соответствующие задачи всей артиллерии, привлекаемой для подавления батарей противника. Фронтовая группа привлекалась к этой борьбе через командующего артиллерией фронта.

К 15 ноября 1942 г. в составе Сталинградского фронта (без 28-й армии) в частях РВГК имелось 28 122-мм пушек А-19 и 63 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20. Кроме того, в составе фронтовой артиллерийской группы имелось еще 12 122-мм пушек А-19, 36 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, 6 152-мм пушек Бр-2 и 10 203-мм гаубиц Б-4.

Как уже говорилось, активную роль в обороне Сталинграда сыграли корабли Волжской военной флотилии. В ряде случаев наши корабли даже вступали в артиллерийские дуэли с немецкими танками. Так, днем 29 августа батальон морской пехоты совместно со 124-й стрелковой дивизией при активной поддержке огнем канонерок «Усыскин» и «Чапаев» и бронекатеров подошел к деревне Латашанка, где был контратакован 18-ю немецкими танками. В 18 ч 35 мин прорвавшимися из Латашанки в

поселок Рынок танками противника были обстреляны канонерки «Усыскин» и «Чапаев».

На следующий день, 30 августа, в 11 ч 24 мин канонерки «Усыскин» и «Чапаев» и бронекатера открыли интенсивный огонь по немецким танкам в районе Латашанки.

31 августа канонерки «Усыскин» и «Чапаев» вели огонь по танкам и автомашинам противника, наблюдались три прямых попадания и взрывы. Держа под обстрелом район Рынок — Латашанка, канонерки поддерживали действия 124-го стрелкового полка и батальона морской пехоты. С «Усыскина» был выставлен наблюдательный пост в районе Погромного.

4 сентября канонерка «Руднев», находившаяся на огневой позиции в одном километре выше села Татьянка, вела огонь по танкам и пехоте немцев в районе Дубового Оврага. Всего за день лодка израсходовала 81 100-мм фугасный снаряд.

5 сентября к 4 часам утра канонерка «Руднев» заняла огневую позицию в 7 км выше пристани Светлый Яр и с 6 ч 00 мин до 6 ч 40 мин вела огонь по скоплению танков, пехоты и автоматчиков противника в районе Дубовый Овраг — высота 118,0, израсходовав 34 фугасных снаряда. В 9 ч 28 мин эта канонерка обстреляла и привела к молчанию немецкую батарею на высоте 24,4, израсходовав 6 фугасных снарядов. В 11 ч 55 мин «Руднев» вел огонь по пехоте и автомашинам противника, двигавшимся от Дубового Оврага на Чапурники. Израсходовано 17 фугасных снарядов, а противник рассеян.

14 сентября в 5 ч 30 мин по требованию начальника артиллерии 64-й армии канонерские лодки «Громов» и «Руднев» провели артналет, выпустив 59 фугасных снарядов. Залпами были накрыты две батареи противника и полк пехоты, который под огнем наших канонерок разбежался, понеся потери убитыми и ранеными.

В тот же день в 7 ч 25 мин 1-я бригада речных кораблей вела огонь по району балки Купоросная, выпустив 53 фугасных снаряда по немецкой пехоте численностью до полка.

В 8 ч 00 мин канонерские лодки 1-й бригады речных кораблей выпустили 39 снарядов по району западнее селения Купоросное и по балке Купоросной. Бронекатера выпустили 22 снаряда по танкам и пехоте противника южнее Купоросного. Огнем канонерок было уничтожено и рассеяно до роты немцев, а огнем бронекатеров — рассеяны пехота и танки противника.

В 9 ч 15 мин канонерки 1-й бригады речных кораблей вели беглый огонь по району западнее балки Купоросной и выпустили 19 снарядов.

Канонерка «Усыскин» совместно с зенитными батареями обстреляла деревню Латашанка, участок западнее Латашанки и высоту 101,3.

И так почти каждый день Волжская флотилия вела огонь по врагу.

Постепенно огневое воздействие флотилии на противника усиливалось. Сравним, для примера, 14 сентября и 14 октября 1942 г.

14 октября в 9 ч 50 мин канонерка «Усыскин» открыла огонь по скоплению автомашин и пехоты противника в районе Каменоломен и западнее поселка Рынок и подбила три танка, рассеяла и частично уничтожила до роты пехоты, израсходовав 131 фугасный снаряд.

В 10 ч 40 мин, по сведениям разведотдела армии, немцы силой до двух полков пехоты и 60 танков наступали на завод «Баррикады». В 10 ч 50 мин по радио был передан приказ Северной группе кораблей немедленно открыть огонь по району завода «Баррикады». Расход боеприпасов составил 200 снарядов и РС.

В 12 ч 10 мин канонерка «Чапаев» произвела огневой налет на район «Баррикад», выпустив 56 фугасных снарядов.

С 12 ч 30 мин до 12 ч 40 мин бронекатер № 13 вел огонь по селению Купоросное и рассеял группу пехоты противника, израсходовав 15 снарядов. Отмечено три попадания в блиндажи.

В 12 ч 55 мин, обнаружив на высоте 101,3 юго-западнее поселка Рынок десять танков и до батальона пехоты противника, канонерка «Усыскин» открыла по ним огонь.

В 13 ч 10 мин бронекатер № 14 выпустил 18 фугасных снарядов по немецким окопам и дзотам.

В 17 ч 00 мин канонерка «Усыскин» открыла огонь по немецким танкам и минометам. Израсходовав 16 фугасных снарядов, она один миномет уничтожила и один подавила. Всего за день было израсходовано 147 фугасных снарядов.

В 21 ч 35 мин бронекатер № 41 выходил на Волгу южнее поселка Рынок и дал два залпа реактивными снарядами по скоплению немецких танков и пехоты в районе Сухая Мечетка, юго-восточнее высоты 101,3.

31 октября корабли и катера Волжской флотилии провели десантную операцию, в ходе которой были высажены 650 человек из состава 300-й стрелковой дивизии. Десант должен был захватить деревню Латашанку, а затем соединиться с нашими войсками в районе Рынка. Для переброски десанта флотилия выделила 4 бронекатера, 2 катера речного флота и буксир с баржой. Операция по высадке десанта поддерживалась огнем артиллерии Красной Армии с левого берега Волги, а также канонерской лодкой «Чапаев» и залпами реактивных снарядов с катеров.

Тем не менее вследствие энергичных действий вражеской пехоты и артиллерии десант был отрезан от Волги и 2 ноября уничтожен. При этом германская артиллерия уничтожила бронекатер № 23.

Бесспорно, что решающую роль в обороне Сталинграда сыграла матушка-пехота. Следующей за ней идет артиллерия (сухопутная и морская), которая внесла куда больший вклад, чем танковые войска и авиация.

Глава 4
Триумф советской артиллерии

К ноябрю 1942 г. в междуречье Волги и Дона сложилась благоприятная обстановка для проведения контрнаступления. Немцы, истощив свои резервы в бесплодных попытках полностью захватить Сталинград, потеряли наступательные возможности. Их главная группировка, будучи втянутой в затяжные бои в самом городе и его окрестностях, оказалась на острие выдвинувшегося к Волге клина, в то время как ее фланги прикрывались румынскими и итальянскими войсками, не отличавшимися высокой боеспособностью. Советские же войска занимали охватывающее положение по отношению к противнику.

Для усиления фронтов сталинградского направления Ставка выделила из своих резервов крупные силы, концентрируя их главным образом в полосе Юго-Западного фронта[77].

С конца октября до 20 ноября Юго-Западный фронт получил из резерва Ставки 5-ю танковую армию в составе двух танковых корпусов (1-го и 26-го), 8-го кавалерийского корпуса и четырех стрелковых дивизий (47-й гвардейской, 119, 159-й и 346-й). Кроме того, из резерва Ставки в состав фронта было направлено 25 артиллерийских и минометных полков РВГК.

Войска Сталинградского фронта усиливались одним кавалерийским корпусом (4-м) и двумя механизированными корпусами (4-м и 13-м), двумя стрелковыми дивизиями и тремя противотанковыми артиллерийскими полками. В состав Донского фронта, от которого значительная часть сил передавалась в Юго-Западный фронт, из резерва Ставки прибыли только три стрелковые дивизии.

С учетом этих сил общая численность войск Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов к началу операции составляла: 11 общевойсковых и 3 воздушные армии, имевшие в общей сложности 67 стрелковых дивизий, 3 кавалерийских, 2 механизированных и 4 танковых корпуса, 6 укрепрайонов, 15 стрелковых, 3 мотострелковых и 14 танковых бригад, 3 отдельных танковых полка.

В артиллерии трех фронтов имелось 198 артиллерийских полков, из них 129 полков артиллерии РВГК. С учетом штатной артиллерии общевойсковых и танковых частей и соединений в указанных фронтах

насчитывалось более 13,5 тысячи орудий и минометов (без 50-мм минометов).

Против трех наших фронтов на участке Верхний Мамон — Астрахань действовали: часть сил 8-й итальянской армии, 3-я румынская, 6-я полевая и 4-я танковая армии немцев в составе 36 пехотных, 4 моторизованных, 5 танковых, 4 кавалерийских дивизий и двух бригад.

В ходе подготовки операции большое внимание было уделено пополнению артиллерийских частей людьми и вооружением, благодаря чему удалось добиться сравнительно высокой укомплектованности артиллерии фронтов личным составом и вооружением по отношению к штатным нормам. Особенно это относилось к артиллерии Юго-Западного и Донского фронтов, части которой были укомплектованы личным составом и вооружением в среднем на 90–95 %. На Сталинградском фронте аналогичные показатели были несколько ниже и составляли 70–80 %.

Однако подобных результатов не удалось добиться в отношении средств тяги и связи, которые все еще оставались самым узким местом в материально-техническом обеспечении артиллерии.

Укомплектованность артиллерии Юго-Западного и Донского фронтов средствами тяги оставалась все еще в пределах 55–65 %, Сталинградского фронта — 40–55 %.

Некомплект средств связи в артиллерии Юго-Западного фронта колебался в пределах 10–35 %, Донского — 15–45 % и Сталинградского — 50–55 %. Больше всего ощущался недостаток в средствах радиосвязи, а в некоторых армиях — и в телефонном кабеле.

При подготовке контрнаступления выяснилось, что значительная часть войск противника, его артиллерия и минометы укрывались от взора наших наблюдателей во множестве балок, которыми так богата степная местность в районах предстоявшего прорыва обороны противника. В то же время она ограничивала возможность выбора артиллерийских наблюдательных пунктов, обеспечивавших нормальные условия наблюдения. Противник на значительной части фронта занимал высокий (правый) берег Дона и некоторые командные высоты, из-за чего на этих участках даже ближайшая глубина его обороны с наших наблюдательных пунктов не просматривалась. Все это затрудняло работу органов войсковой артиллерийской разведки.

Кроме войсковой артиллерийской разведки, использовались средства инструментальной и воздушной разведки, но их пока было мало. В составе трех фронтов имелось только 8 отдельных разведывательных артиллерийских дивизионов (орад) и 3 отдельные корректировочно-

разведывательные авиационные эскадрильи (окраэ). Из них на Юго-Западном фронте действовали 812-й и 816-й орад и 45-я окраэ; на Донском фронте — 709, 810-й и 815-й орад и на Сталинградском фронте — 8-й гвардейский, 838-й и 875-й орад и 31-я и 32-я окраэ. Однако и эти средства не удалось использовать в полной мере. Так, на Юго-Западном фронте 812-й и 816-й орад, приданные соответственно 5-й танковой и 21-й армиям, прибыли в их полосу и приступили к работе только за три дня до начала наступления. Наиболее подготовленный из них 812-й орад сумел за это время разведать 14 артиллерийских батарей противника и провести основные топографические работы. 816-й же дивизион из-за низкой подготовки и слабой слаженности его подразделений не смог существенно помочь штабу артиллерии 21-й армии в разведке противника.

В более благоприятных условиях работали те дивизионы, которые прибывали в армии своевременно, за 15–20 дней до начала операции, и, естественно, они добивались лучших результатов. Например, 810-й орад, действовавший в составе 24-й армии Донского фронта, еще до начала подготовки ноябрьского наступления сумел своевременно и с достаточной полнотой вскрыть всю группировку артиллерии и частично минометов противника, провел работу по сгущению топографической опорной сети и привязке боевых порядков подразделений артиллерийских полков РВГК.

Следует особо отметить большие затруднения в ведении воздушной разведки. Приданная Юго-Западному фронту 45-я окраэ не имела средств связи, постоянной базы и прикрытия с воздуха истребителями. На Донском фронте средств воздушной разведки вообще не было. Приданные Сталинградскому фронту 31-я и 32-я эскадрильи за все время подготовки операции произвели всего 13 вылетов (в том числе 7 на фотографирование обороны противника, 3 на фотографирование своих боевых порядков и 3 на корректирование огня). Эскадрильи дали артиллерийским штабам армий очень ценные материалы об обороне противника, но это была капля в море для операции большого масштаба. Работа воздушной разведки в значительной мере затруднялась также и плохими метеоусловиями.

Начало артиллерийской подготовки на Донском фронте хорошо описано маршалом артиллерии В. И. Казаковым, находившимся на главном наблюдательном пункте вместе с командующим фронтом К. К. Рокоссовским: «Туман густой пеленой застилал местность. Видимость была очень плохая, и это меня беспокоило. Если к началу артиллерийской подготовки туман не рассеется, то многое в наших планах будет нарушено. Авиация не сможет подняться в воздух из-за нелетной погоды, и тогда вся тяжесть обеспечения прорыва ляжет на

артиллеристов…

К. К. Рокоссовский приказал начинать артиллерийскую подготовку в назначенное время. Так как авиация не могла действовать, успех прорыва вражеской обороны во многом зависел только от артиллерии, от ее организованности, мощности и точности огня…

Ровно в 7 часов 30 минут 19 ноября 1942 г. в тишину туманного утра ураганом ворвался гром артиллерийской канонады. В тот день всем нам впервые довелось быть свидетелями артиллерийской подготовки такой силы. Воздух наполнился грохотом многих тысяч выстрелов и вторивших им разрывов. Подумать только: во время первого огневого налета каждую минуту производилось 5–6 тысяч выстрелов. Мы различали на слух резкие выстрелы пушек, глуховатое уханье гаубиц и частое покрякивание минометов. Артиллерия усердно перепахивала оборону противника. Там поднимались столбы пыли и земли, взлетали в воздух обломки вражеских наблюдательных пунктов, блиндажей и землянок. Мы как завороженные смотрели на эту феерическую картину»[78].

Артиллерийская подготовка в полосе наступления Юго-Западного фронта началась в назначенный срок. В 7 ч 30 мин последовал первый 5-минутный огневой налет всей массы артиллерии, который, как потом показали пленные, произвел ошеломляющее воздействие на противника. Затем артиллерия перешла к выполнению последующих периодов артиллерийской подготовки.

В период разрушения большую роль сыграли орудия полковой и частью дивизионной артиллерии, выдвинутые на открытые огневые позиции на удалении 300–400 м от целей. Эти орудия нанесли противнику существенный урон в живой силе и технике. 82-мм и 120-мм минометы в период артподготовки вели сосредоточенный огонь по группам целей за укрытиями и по живой силе в траншеях. С высокой эффективностью работали дивизионы реактивной артиллерии, которые в ходе артподготовки произвели семь залпов по намеченным им участкам обороны противника в полосе 5-й танковой армии.

Так, по хутору Большой, где, по данным разведки, находился узел сопротивления противника, был произведен залп шести дивизионов реактивных установок М-30. Территория площадью в 350 га была полностью перепахана. Из 120 строений не уцелело ни одного.

В полосе наступления 119-й стрелковой дивизии 5-й танковой армии наступавшая пехота встретила упорное сопротивление противника в районе совхозной фермы № 2 (7 км северо-восточнее Клинового) и вынуждена была залечь. Чтобы сломить сопротивление противника,

начальник артиллерии дивизии приказал командирам 1-го и 2-го дивизионов 349-го артиллерийского полка дивизии и одной из батарей 210-го истребительно-противотанкового артполка немедленно занять открытые огневые позиции. Огнем прямой наводкой эти подразделения разрушили 12 дзотов и уничтожили до 100 солдат и офицеров противника. Пехота получила возможность успешно продвигаться вперед.

Наступление армий Сталинградского фронта началось 20 ноября 1942 г. Артподготовка в армиях проводилась неодновременно: в 51-й армии она началась в 7 час 30 мин, в 57-й армии — в 8 ч 15 мин, а в 64-й армии — в 13 ч 50 мин.

Артподготовка проводилась точно по плану, но из-за плохой видимости в 57-й и 51-й армиях огонь на разрушение целей пришлось вести без корректуры стрельбы, по заранее рассчитанным и пристрелянным данным. Цели на переднем крае обороны уничтожались огнем прямой наводкой.

23 ноября наши войска завершили окружение сталинградской группировки противника, создав вокруг нее внутренний фронт окружения силами 62, 64-й и 57-й армий Сталинградского фронта, 65, 24-й и 66-й армий Донского фронта и 21-й армии Юго-Западного фронта. Внешний фронт окружения по рубежам рек Кривая и Чир занимали левофланговые войска 1-й гвардейской и 5-й танковой армий Юго-Западного фронта, а с юга — войска 51-й армии Сталинградского фронта, вышедшей на реку Аксай.

В окружении под Сталинградом, длина фронта которого составляла почти 200 км, оказались:

— Управление 6-й армии;

— Корпусные управления 4, 8, 11, 51-го армейских и 14-го танкового корпусов;

— 14, 16, 24-я танковые дивизии;

— 3, 29, 60-я моторизованные дивизии;

— 44, 71, 76, 94, 100, 113, 295, 297, 305, 371, 376, 384, 389-я и румынская 20-я пехотные дивизии;

— румынская 1-я кавалерийская дивизия;

— 648-й армейский полк связи;

— 2-й и 51-й полки реактивных минометов;

— 91-й зенитный артиллерийский полк;

— 243-й и 245-й дивизионы штурмовых орудий;

— 45, 225, 294, 336, 501, 605, 652, 672, 685, 912, 921, 925-й саперные батальоны резерва Верховного Главнокомандования;

— 150 отдельных частей артиллерии резерва Верховного Главнокомандования;

— строительные батальоны, полицейские батальоны и т. д.[79]

Всего свыше 220 тысяч человек.

Любопытно, что в Сталинградском котле Паулюсу удалось 12 декабря 1942 г. сформировать новую дивизию «Фон Штумпфельд». Название, как видим, было чисто немецкое, а служили в ней… русские. В основном это были пленные и перебежчики. Вооружение тоже было в основном трофейное. Для усиления дивизии противотанковыми средствами в нее включили несколько подразделений 91-го зенитного артполка. На командных должностях состояли в основном немцы, но были и русские. Так, командиром Каменского батальона стал бывший майор РККА Тухминов. Состав этой дивизии интересен обилием орудий, предназначенных для борьбы с танками, что характерно для германских частей, окруженных в Сталинграде.

«**Пехотный полк Шмидта:**

Батальон Шона

1 Рота (2 пулемета)

2 Рота (1 пулемет)

Рота поддержки (моторизованная) (2 русских 76-мм орудий ЗИС-3, 1 — 50-мм немецкая пушка PAK 38)

Каменский батальон

1 Рота (6 пулеметов, 2 — 50-мм и 2 — 82-мм русских минометов, 1 — 75-мм PAK 40)

2 Рота (1 пулемет, 1 — 88-мм зенитная пушка Flak 36, 3 — 20-мм зенитный автомат Flak, 1 — 50-мм PAK 38)

3 Рота (5 пулеметов)

Резервная Рота (2 пулемета, 2 русских пулемета „Максим“)

Батальон Линдера

1 Рота (4 русских 82-мм миномета, 4 пулемета, 2 русские 45-мм противотанковые пушки)

2 Рота (4 русских пулемета, 2 тяжелых пулемета, 1 — 75-мм PAK 40)

Батальон Эйзенакера

1 Рота (3 русских и 1 чешский 7,62 мм пулеметы, 1 русский пулемет ДШК)

2 Рота (2 — 75-мм PAK 40, 1 русский 50-мм и 4 — 82-мм миномета)

Батальон Кехера

1 Рота (4 пулемета, 3 русских пулемета, 1 — 50-мм миномет, 1 — 75-

мм PAK 40)

2 Рота (4 пулемета, 6 русских пулеметов, 1 — 50-мм орудие PAK38)

1 (мот) Взвод (1 — 88-мм и 2 — 20-мм зенитных орудия)

2 (мот) Взвод (1 — 88-мм и 2 — 20-мм зенитных орудия)

Резервная рота (1 пулемет, 2 русских пулемета)

Пехотный полк Штелле:

Батальон Енгерта

(4 роты без тяжелого вооружения)

Батальон Фон Гадденбрюка

(4 роты без тяжелого вооружения)

II Харьковский полицейский батальон

(12 минометов, 5 пулеметов, 1 — 37-мм, 2 — 50-мм и 2 — 75-мм противотанковых орудий)

Морозовский Казачий Батальон

1 Сотня (6 пулеметов)

2 Сотня (6 пулеметов)

3 Сотня (4 пулемета)

Поддержка (2 — 88-мм, 3 — 20-мм зенитных орудия, 2 — 3-мм PAK 36)

Зенитная батарея „Фон Штумпфельд“ придана из 9-й Зенитной дивизии

(2 — 88-мм и 9 — 20-мм зенитных орудий)

Танковая рота

Рота Абендрота (три Т-34, два Т-70)

Артиллерийская группа

1 Французское 105-мм орудие

2 Немецкие 105-мм гаубицы

1 Немецкая 150-мм гаубица

4 — 88-мм зенитных орудия

6 — 20-мм зенитных автоматов

1 — 75-мм немецкая полевая гаубица

2 русских 47-мм противотанковых орудия (английские 2-х фунтовые пушки)

5 — 100-мм орудий»[80].

В целях обеспечения единого руководства операцией по разгрому окруженной группировки противника с 1 января 1943 г. 62-я, 64-я и 57-я армии Сталинградского фронта были переданы Донскому фронту,

возглавляемому генерал-лейтенантом К. К. Рокоссовским. Еще раньше в состав Донского фронта была передана 21-я армия из Юго-Западного фронта. Представителем Ставки на Донском фронте являлся генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов.

Согласно плану операции Донского фронта, главный удар наносился силами 65-й армии и смежными с ней флангами 21-й и 24-й армий с запада на восток в общем направлении на хутор Гончара и далее на сталинградский завод «Красный Октябрь».

Одновременно с этим войска 64-й и 57-й армий наносили удар своими смежными флангами в направлении на Басаргино с задачей прорвать оборону противника на реке Червленная и выйти в тыл западной группировки противника с целью ее отсечения и уничтожения.

В осуществлении операции большое значение придавалось артиллерии и авиации.

Донской фронт усиливался значительным количеством артиллерии. К началу января 1943 г. во фронт из резерва Ставки прибыли по железной дороге 11-я артиллерийская дивизия в составе 8 полков, 110-й и 138-й гаубичные артиллерийские полки большой мощности, 58-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк и 406-й отдельный дивизион особой мощности (152-мм пушки Бр-2 с дальностью стрельбы 25 км). Таким образом, всего прибыло 11 полков и один отдельный дивизион, из которых один полк (58-й иптап) был придан 57-й, а все остальные — 65-й армии. Кроме того, четыре полка (493, 496, 536-й и 1248-й иптап) запоздали в пути и прибыли во фронт в различные сроки уже в ходе операции.

Была произведена также внутрифронтовая перегруппировка артиллерии. Для усиления 65-й армии в ее состав были переданы: из 21-й армии 5 артполков (1107-й и 1166-й пап, 275-й гап, 468-й и 501-й иптап): из 24-й армии 4 полка (5-й гв. пап, 101-й и 135-й гап и 391-й иптап) и из резерва фронта один полк — 1189-й иптап. Кроме того, из резерва фронта один полк (1180-й иптап) был передан в 66-ю армию. Всего в сосредоточении из резерва Ставки и перегруппировке внутри фронта участвовало 22 артполка.

За счет сосредоточенных резервов во фронте была создана мощная артиллерийская группировка, насчитывавшая в своем составе 86 артполков РВКГ с 2454 орудиями и минометами, включая рамы и боевые установки реактивной артиллерии. С учетом вооружения войсковой артиллерии общая численность артиллерийского вооружения фронта составляла 7290 орудий и минометов, 1123 рамы и 241 боевую установку, то есть 8654

единицы вооружения. Характерно, что число полков РВГК в 2,2 раза превышало число артиллерийских полков стрелковых дивизий. Оперативная плотность артиллерии в среднем по всем армиям фронта достигала 41,8 орудия и миномета (с учетом рам и боевых машин — 49 единиц вооружения) на 1 км, чего не было ни в одной из предшествующих операций Великой Отечественной войны.

Приданные 65-й армии две тяжелые гвардейские минометные дивизии ГМЧ (2-я и 3-я), имевшие в своем составе четыре тяжелые бригады М-30 и семь полков М-13, использовались так: все четыре бригады были сведены в армейскую группу ГМЧ, а полки М-13 приданы стрелковым дивизиям. В остальных армиях приданные части полевой реактивной артиллерии распределялись между стрелковыми дивизиями.

Условия работы войсковой артиллерийской разведки в декабре 1942 г. оказались еще более сложными, чем в предыдущие месяцы. Несмотря на полное окружение, противнику удалось почти на всем фронте закрепиться на наиболее выгодных рубежах, что во многом усложнило ведение разведки. Артиллерийские наблюдательные пункты в большинстве своем располагались на весьма невыгодных рубежах, и с очень немногих из них можно было просматривать оборону противника на глубину 1–1,5 км. Гребни командных высот, большинство которых находилось у противника, скрывали от взоров артиллерийских разведчиков все, что делалось в его расположении.

Тем не менее в результате совместных усилий штабов и органов разведки к 10 января 1943 г. оборона противника была изучена и разведаны ее огневые средства. Только силами войсковой артиллерийской разведки в подготовительный период операции было разведано около 200 отдельных орудий, более 300 пулеметов, около 500 дзотов, 80 наблюдательных пунктов и много других целей.

Батареи звуковой разведки сумели до начала операции вскрыть всю основную группировку артиллерии противника, разведав около 400 артиллерийских и минометных батарей.

Хуже дело обстояло с воздушной артиллерийской разведкой. До января 1943 г. Донской фронт вообще не имел этих средств. Только 1 января в его состав прибыли 31, 32-я и 45-я отдельные корректировочные авиаэскадрильи, но из-за плохой погоды и малого количества летных дней они были использованы недостаточно эффективно, ограничивались главным образом визуальной разведкой. Основная работа корректировочной авиации проводилась уже в ходе наступления.

В целях изнурения окруженной группировки противника и маскировки

направления главного удара наших войск артиллерия Донского фронта еще за пять дней до начала наступления активизировала свои действия. Во всех армиях производился методический обстрел противника в течение суток (особенно ночью) на глубину досягаемости артогня.

Чтобы воспретить посадку транспортных самолетов, артобстрелу регулярно подвергались аэродромы противника, расположенные в кольце окружения. Особенно интенсивный огонь велся в ночь с 9 на 10 января, когда вся дальнобойная артиллерия 24, 66, 62-й и 64-й армий подвергла обстрелу аэродромы, штабы и другие важные цели в глубине обороны противника.

Наступление войск Донского фронта началось 10 января 1943 г. мощной артиллерийской подготовкой. В 8 ч 55 мин точно по плану открыла огонь вся артиллерия, сосредоточенная на участках прорыва. Передний край обороны противника покрылся сплошными разрывами снарядов и мин.

В 9 часов после заключительного 5-минутного огневого налета, который в полосе 65-й армии был особенно мощным, танки с посаженными на них десантами, а за ними и пехота перешли в атаку. Наступавшая пехота, не задерживаясь, прошла передний край обороны противника и, сопровождаемая огневым валом, продолжала продвигаться вперед.

Артиллерия стрелковых полков, а также истребительно-противотанковые артполки все время действовали в боевых порядках пехоты и прямой наводкой уничтожали огневые точки противника, обеспечивая продвижение нашей пехоты и танков.

Артиллерия групп поддержки пехоты и дальнего действия в течение первого дня поддерживала наступление пехоты огнем с основных огневых позиций, которые были сменены лишь в ночь на 11 января на рубеж, где был передний край обороны противника.

Любопытные подробности действия артиллерии Донского фронта сообщил В. И. Казаков: «Соединения 21-й армии, вошедшей в ноябре в состав Донского фронта, три дня с переменным успехом вели бои за Пять курганов. И все же высота осталась у противника. После двухдневного перерыва наступление на высоту возобновилось, но и на этот раз наши части не добились решительного успеха.

Перипетии этой небольшой операции, думаю, полностью сохранились в памяти ее участников. Первоначально выбить противника с Пяти курганов было поручено 293-й стрелковой дивизии, которая перед этим понесла большие потери в ходе нашего контрнаступления. Ее усилили

семью артиллерийскими полками всех типов и двумя полками „катюш“. Такого большого количества артиллерии, пожалуй, не получала ни одна дивизия даже в более поздних операциях. И все же эта дивизия не выполнила поставленную задачу, а только увеличила свои потери. У нее совершенно не осталось сил для активных боевых действий, и она была выведена в тыл для пополнения и приведения в порядок.

На смену пришла 252-я стрелковая дивизия под командованием полковника Анисимова… В его распоряжении осталась вся артиллерия усиления, сведенная в одну группу, во главе с командиром 275-го гаубичного полка энергичным и решительным подполковником А. И. Телегиным»[81].

По словам Телегина, «293-я дивизия вела бой без предварительной тщательной разведки, не имея достаточных сил. Ведь на каждого пехотинца приходилось чуть ли не по 3–4 орудия. И вот такая ослабленная дивизия пыталась овладеть одновременно всеми пятью курганами. Хотя артиллерии было много, использовалась она, прямо скажем, плохо. Цели не были достаточно разведаны, и дивизионы полков вели огонь по площади, да к тому же распыляли его по всему фронту. По всем этим причинам огонь артиллерии и не дал должного эффекта…

И не нужно брать сразу все пять курганов. Самый трудный и важный — левый. Вот его и нужно захватить, а остальные потом и сами не удержатся. Для поддержки роты я выделю одну тяжелую батарею 152-миллиметровых гаубиц и снарядов не пожалею. Да очень много снарядов и не потребуется…»

«…А 17 декабря все произошло примерно так, как предполагал Телегин.

Назначенная командиром дивизии рота хорошо подготовилась к выполнению задачи. Не подвел и Телегин: выделил для поддержки стрелков 1-ю батарею своего полка под командованием старшего лейтенанта Нетудыхатко, очень удачно выбрал для нее огневую позицию и наблюдательный пункт.

В назначенное время батарея открыла огонь по кургану. Артиллеристы обстреливали противника методично, не торопясь и все время корректировали огонь. С наблюдательного пункта было хорошо видно, как тяжелые снаряды вспахивали курган. Уже через 20–30 минут немцы начали покидать свои блиндажи и траншеи, ища спасения где-то за высотой.

Батарея вела огонь около часа и израсходовала всего 60 снарядов. Этого оказалось достаточно. Еще не рассеялся дым от последних разрывов,

а пехота уже поднялась в атаку»[82].

Далее Казаков пишет о неудачной операции по овладению Мариновкой и Атаманским, которую 21-я армия проводила 19 декабря «с целью срезать тактически выгодный клин и вплотную подойти к основному рубежу обороны противника. В ней участвовали 51-я, 52-я гвардейская и 96-я стрелковые дивизии, 1-я артиллерийская дивизия в составе семи полков и отдельный 648-й пушечный артиллерийский полк.

На узком участке фронта было сосредоточено 172 орудия. Большую часть их — 139 орудий — командующий артиллерией армии Д. И. Турбин приказал выставить для стрельбы прямой наводкой. Он был большим поборником такого использования артиллерии и потому назначил для этой цели куда больше орудий, чем требовала обстановка. Никакого плана действий артиллерии он не составил, видимо, считая его излишним при столь ограниченной задаче. И это привело к печальным результатам. Почти полторы сотни орудий не получили конкретных задач. В результате некоторые орудия без всякой нужды стреляли по одним и тем же целям, только мешая друг другу. В то же время многие важные цели оказались без всякого огневого воздействия.

Операция закончилась очень быстро. После двадцатиминутной артиллерийской подготовки пехота и танки еще не подошли к исходному рубежу для атаки. Пришлось продлить огонь еще на десять минут. С самого начала потеряв темп наступления, пехота, встреченная огнем уцелевших фашистских автоматчиков, не пошла в атаку, хотя отдельные бойцы уже ворвались в Мариновку. Из 26 танков только 5 прорвались до Атаманского, а остальные из-за различных неисправностей не смогли принять участие в наступлении»[83].

Следует заметить, что германская артиллерия в Сталинградском котле находилась в весьма печальном состоянии. Об этом хорошо написал участник боев из 16-й танковой дивизии: «У немецкой артиллерии были связаны руки. Снаряды для артиллерии крупных калибров самолеты не доставляли. В батареях легких орудий был установлен лимит суточного расхода — 16 снарядов, для тяжелых пехотных орудий — два выстрела. Даже с боеприпасами для стрелкового оружия приходилось обходиться бережно. Причина этого была в том, что вместо требовавшихся обещанных 500 т грузов в первые дни декабря авиация доставляла окруженным не больше 100 т. При этом в декабре под Сталинградом было потеряно 246 транспортных самолетов. Артиллеристы подрывали свои орудия, брали в руки карабины и пулеметы. В 1-м дивизионе 16-го артиллерийского полка

начались занятия по пехотной подготовке»[84].

К исходу дня 24 января 1943 г., преследуя отходящего противника, части 64-й и 57-й армий подошли к юго-западной и западной окраинам Сталинграда. С утра 25 января начались упорные уличные бои. Засев в каменных домах, противник оказывал ожесточенное сопротивление, пользуясь главным образом ружейно-пулеметным огнем. В этих условиях большую помощь нашей пехоте оказали артиллеристы, которые, ведя огонь прямой наводкой бронебойными снарядами по амбразурам огневых точек, быстро уничтожали их.

26 января часть города, расположенная к югу от реки Царица, была полностью очищена от противника. В тот же день войска 21-й армии, сломив сопротивление врага северо-западнее города, вышли в районе Мамаева кургана и соединились там с наступавшей навстречу 13-й стрелковой дивизией 62-й армии. Таким образом, основная группировка противника оказалась разрезанной на две части: южную, в районе юго-западной части города, и северную, в районе заводов «Баррикады» и тракторного.

27 января войска 57-й армии после короткой артподготовки начали новый штурм города в северном направлении. Период боев с 27 по 30 января характерен действиями штурмовых групп, поддерживаемых отдельными орудиями полковой и дивизионной артиллерии и орудиями истребительно-противотанковых артиллерийских полков, которые выбивали противника из каждой отдельной улицы, дома и квартиры. Из-за малочисленности пехоты артиллеристам самим иногда приходилось атаковать отдельные объекты, для чего у орудий оставалось по 2–3 человека для ведения огня, в то время как остальные номера орудийных расчетов совместно с разведчиками действовали как пехота.

31 января сопротивление южной группировки противника было окончательно сломлено, командующий 6-й немецкой армией фельдмаршал Паулюс и его штаб были пленены.

Теперь нашим войскам предстояло разгромить группировку противника в северной части города, которая продолжала еще упорно сопротивляться. Эту задачу предстояло решить войскам 65-й армии, наносившей главный удар во взаимодействии с 21-й и 66-й армиями. Решающее значение в достижении успеха придавалось массированному огню артиллерии, которая должна была взять под перекрестный обстрел с севера, запада и юга всю территорию, занятую противником.

Для создания мощной артиллерийской группировки 30 января была произведена частичная переброска артиллерии в полосу 66-й и 65-й армий.

Так, из 24-й армии были переданы в состав 66-й армии 1158-й пушечный артиллерийский полк и 406-й тяжелый пушечный дивизион. 65-й армии были переданы из 21-й армии 4-я артиллерийская дивизия, 99-й и 156-й пушечные полки РВГК и 138-й гаубичный полк большой мощности.

Из приданной артиллерии в 65-й армии были созданы мощные артиллерийские группы: группа дальнего действия в составе шести пушечных полков, группа разрушения из трех гаубичных полков и группа гвардейских минометных частей в составе минометной дивизии. Стрелковые дивизии усиливались в среднем одним легким или пушечным полком, двумя-тремя гаубичными батальонами и минометным полком. Так, например, 233-й стрелковой дивизии были приданы 381-й легкий артиллерийский полк, две батареи 446-го гаубичного полка РВГК и 93-й гвардейский минометный полк; 27-я гвардейская стрелковая дивизия получила на усиление 391-й легкий артиллерийский полк, две гаубичные батареи (674-го гап) и 84-й гвардейский минометный полк. Такое насыщение 65-й армии артиллерией позволило создать в полосах наступления большинства стрелковых дивизий плотность артиллерии порядка 130–170 орудий и минометов на 1 км фронта, а в 27-й гвардейской стрелковой дивизии — даже 338 орудий и минометов на 1 км фронта.

С рассветом 1 февраля артиллерия всех трех армий начала разрушение наиболее прочных оборонительных сооружений противника, а с 8 ч 30 мин последовал мощный 15-минутный огневой налет, после которого танки и пехота 65-й армии, сопровождаемые огнем артиллерии, пошли в атаку. Артиллерийские группы дальнего действия в это время вели обстрел объектов противника, расположенных в центре окруженного района. С 11 часов начала активно действовать наша авиация, успешно дополняя огонь артиллерии. Теперь не только передовая линия, но и вся глубина обороны противника прикрывалась разрывами снарядов и авиабомб. В расположении врага то тут, то там стали появляться белые флаги, возвещавшие о сдаче в плен. Враг был сломлен.

В середине дня артиллерийская канонада начала стихать, а потом совсем замолкла. Началась массовая сдача противника в плен. Сопротивление отдельных вражеских групп подавлялось пехотинцами и танкистами. Полная ликвидация окруженной группировки была закончена 2 февраля 1943 г.

Наряду с армейской артиллерией в обстреле германских войск почти ежедневно участвовали корабли Волжской военной флотилии.

Зима 1942/43 г. была особенно холодной, уже к 10 ноября на Волге от Ельца до Саратова начался ледостав. Поэтому еще 1 ноября нарком ВМФ

Кузнецов отдал приказ о переводе большей части кораблей и судов ВВФ из Сталинграда. Большинство их было отправлено зимовать в Гурьев, а плавбатареи № 98 и 99 — в Форт-Шевченко. В районе Сталинграда остались две канонерские лодки, 12 бронекатеров и ряд вспомогательных судов. В частности, канонерка «Усыскин» вмерзла в лед в затоне Киляковский, а канонерка «Чапаев» — у левого берега реки Ахтуба в районе села Киляковка.

На мой взгляд, увод Кузнецовым канонерок и плавбатарей из-под Сталинграда был большой ошибкой. Они, так же как «Усыскин» и «Чапаев», могли стать стационарными батареями и сыграть большую роль в боях за Сталинград. Надо полагать, нарком не верил, что Красная Армия отстоит город. В этом случае оставленные канонерки и плавбатареи пришлось бы взорвать. Зато уведенные в Астрахань, Гурьев и Форт-Шевченко корабли можно было бы использовать для обороны Нижней Волги и севера Прикаспия.

Соответственно в случае разгрома немцев под Сталинградом канонерки и плавбатареи ВВФ автоматически становились бы не нужны, что фактически и произошло после февраля 1943 г.

Оставшиеся под Сталинградом канонерки «Усыскин» и «Чапаев» продолжали вести обстрел противника.

Вечером 20 ноября «Чапаев» выпустил 20 снарядов. 22 ноября с 14 ч 25 мин до 14 ч 50 мин канонерка «Усыскин» вела огонь по району Латашанки и подавила немецкий шествиствольный миномет, израсходовав 10 фугасных снарядов. С 14 ч 50 мин до 15 ч 25 мин канонерка «Чапаев» вела стрельбу, поддерживая наступление нашей пехоты в районе Спартаковки, и уничтожила и рассеяла до роты пехоты противника, израсходовав 50 фугасных снарядов.

23 ноября с 15 ч 00 мин до 15 ч 45 мин канонерка «Усыскин» вела огонь по району заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады». С 19 ч 35 мин до 19 ч 15 мин канонерка «Чапаев» вела огонь по немецкой батарее, расположенной юго-западнее поселка Рынок, и подавила ее (было уничтожено два орудия и до 15 солдат противника, израсходовано 27 фугасных снарядов).

В декабре 1942 г. канонерка «Чапаев» почти ежедневно вела огонь по позициям немцев в районе Сталинградского тракторного завода. А канонерка «Усыскин» вела огонь по заводу «Баррикады» по заявкам 138-й стрелковой дивизии.

Вот, к примеру, хроника боевых действий за 24 декабря 1942 г.

С 8 ч 35 мин до 9 ч 20 мин канонерка «Усыскин» по заявке 138-й

стрелковой дивизии обстреляла позиции противника, израсходовав 20 фугасных снарядов.

С 10 ч 20 мин до 10 ч 35 мин канонерка «Чапаев» вела огонь по немецким блиндажам и дзотам в районе высоты 64,7 и разрушила один блиндаж, израсходовав 13 фугасных снарядов.

С 11 ч 05 мин до 12 ч 05 мин канонерка «Усыскин» по заявкам 138-й стрелковой дивизии обстреляла противника и уничтожила две автомашины и две огневые точки, израсходовав 38 дистанционных гранат.

С 11 ч 45 мин до 12 ч 20 мин канонерка «Чапаев» снова вела огонь по немецким блиндажам и дзотам в районе высоты 64,7 и разрушила два блиндажа, уничтожив их гарнизоны. Израсходовано 46 фугасных снарядов.

С 17 ч 06 мин до 17 ч 43 мин канонерка «Усыскин» по заявке 138-й стрелковой дивизии обстреляла немецкую пехоту, уничтожив до взвода вражеских солдат и израсходовав 22 фугасных снаряда. С 21 ч 10 мин до 21 ч 40 мин она снова вела огонь по врагу по заявке 138-й сд и выпустила два фугасных снаряда и 13 дистанционных гранат. Огнем канонерки была уничтожена одна автомашина и рассеян обоз противника, подвозивший продовольствие и боеприпасы.

6 января 1943 г. с 13 ч 10 мин до 14 ч 00 мин канонерка «Усыскин» обстреливала дом, расположенный в районе завода «Баррикады». В этот момент в доме находилось до 30 немецких офицеров. По сообщению начальника штаба 138-й стрелковой дивизии, наблюдалось 11 прямых попаданий в дом и уничтожение трех дзотов противника. Израсходовано 28 снарядов.

20 января с 13 ч 40 мин до 13 ч 42 мин канонерка «Усыскин» безуспешно обстреливала немецкий самолет Ю-88, прошедший на высоте около 1200 м. Израсходовано пятнадцать 100-мм снарядов. С 14 ч 25 мин до 15 ч 30 мин канонерка «Чапаев» вела огонь по артиллерийской батарее противника, расположенной в районе поселка «Красный Октябрь», и уничтожила одно 7,5-см орудие. В 16 ч 25 мин канонерка открыла огонь по пулеметным точкам и блиндажам противника, расположенным на окраине того же поселка, и уничтожила 4 пулеметные точки и 5 блиндажей с их гарнизонами. Израсходовано 112 фугасных снарядов.

Последний раз корабли Волжской военной флотилии стреляли 31 января 1943 г. С 15 ч 05 мин до 15 ч 27 мин канонерка «Чапаев» вела огонь по вражеским блиндажам и дзотам в районе Сталинградского тракторного завода. Рассеяно и уничтожено до взвода пехоты, израсходовано 14 снарядов.

С 10 января по 2 февраля 1943 г. войска Донского фронта полностью

ликвидировали крупную группировку противника, насчитывавшую в своем составе 22 дивизии. Было захвачено огромное количество танков, самолетов, орудий и других видов боевой техники.

За время операции по уничтожению окруженной группировки с 10 января по 2 февраля 1943 г. артиллерия фронта израсходовала 1,6 млн снарядов и мин. За то же время огнем артиллерии было уничтожено и подавлено: 565 артиллерийских и минометных батарей, 1106 отдельных орудий и минометов, 2922 станковых и ручных пулемета; уничтожено и подбито: 187 танков, 835 автомашин; разрушено около 3 тысяч оборонительных сооружений и наблюдательных пунктов.

За все же время окружения и уничтожения вражеской группировки с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. артиллерия трех фронтов израсходовала более 5,5 млн снарядов и мин всех калибров (без мин полевой реактивной артиллерии).

Роль советской артиллерии в разгроме армии Паулюса под Сталинградом трудно переоценить. Именно поэтому по распоряжению Сталина Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1944 г. день начала контрнаступления под Сталинградом — 19 ноября — был объявлен Днем артиллерии[85].

Глава 5
Сосредоточение войск на Курской дуге

В ходе наступательных операций зимней кампании 1942/43 г. войска Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов отбросили немецкие войска далеко на запад и овладели обширным районом под Курском. Этот район глубоко вдавался в расположение противника и получил название Курского выступа. На этом рубеже фронт к концу марта 1943 г. стабилизировался, и обе стороны стали готовиться к летним операциям.

В сложившейся обстановке Курский выступ имел важное стратегическое значение. Обладая им, советские войска могли нанести глубокие фланговые удары по орловско-брянской и белгородско-харьковской группировкам немцев.

В начале 1943 г. Гитлер и Верховное командование (ОКХ), рассматривая планы летней кампании 1943 г., оказались перед альтернативой:

«1. Ведение оборонительно-наступательных действий, что означало предоставить Советам возможность наступать первыми, после чего перейти в контрнаступление. Такое решение предлагали начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Курт Цейтцлер, начальник оперативного управления ОКХ генерал-лейтенант Адольф Хойзингер, командующие группами армий „Центр“ и „Юг“ фельдмаршалы Гюнтер фон Клюге и Эрих фон Манштейн. Эти генералы подчеркивали, что дело состоит не в том, чтобы удерживать территорию, а в том, чтобы разбить Красную Армию, придерживаясь оборонительно-наступательной тактики. Они полагали, что вероятнее всего, учитывая существующее соотношение сил между воюющими сторонами, к успеху приведут именно подобные действия. Как только советские войска безвозвратно втянутся в наступление, контрудар настигнет врага после периода гибкой обороны, в тот момент, когда он будет в движении. Благодаря лучшему качеству немецкого командования и солдат (что нашло подтверждение в сражении под Харьковом) такие действия скорее позволят нейтрализовать советское численное превосходство и одержать победу. А удержание слишком протяженного фронта при одновременном наступлении и прорыве полосы вражеских укреплений до тех пор, пока армии не смогут выйти на оперативный простор, малоперспективно.

2. Нанести первый удар, чтобы прекратить советские приготовления к наступлению на начальной стадии, что приведет к тому, что Красная Армия не сможет начать общее наступление в 1943 г.

Гитлер сделал выбор в пользу второго решения, определил время и снова отверг первое предложение, поскольку полностью отверг идею о какой-либо произвольной потере территории. Всегда становившийся подозрительным, когда вставал этот вопрос, он опасался того, что оборонительно-наступательные действия начнутся с преднамеренной потери территории, что приведет к началу отступления на всем фронте, остановить которое больше не удастся. Он спорил дальше о том, что у него нет времени, чтобы дожидаться, когда Сталин позволит ему начать наступление, особенно в свете надвигающегося вторжения на западе. Поэтому было принято решение ударить первыми. После этого встал вопрос, где наносить удар»[86].

В итоге Гитлер принял решение наступать под Курском и Белгородом. Курский выступ предоставлял немцам благоприятные возможности для наступления с севера и с юга в общем направлении на Курск, что могло привести к окружению войск Центрального и Воронежского фронтов и затем к дальнейшему наступлению немцев в глубь страны. Выгодным для такого наступления являлся и орловский плацдарм германских войск. Гряда высот, которую здесь занимал противник, обеспечивала скрытный подход резервов, а большая емкость плацдарма, наличие сети железных, шоссейных и грунтовых дорог создавали благоприятные условия для сосредоточения на этом направлении крупных сил из глубины. Также выгодным для наступления противника был и белгородско-харьковский плацдарм. В случае успеха наступления на Курском выступе немцы могли сократить общую протяженность фронта на 200–220 км и высвободить 12–15 дивизий для решения последующих задач.

Готовясь к летнему наступлению против наших войск на Курском выступе, германское командование сосредоточило в районе южнее Орла 9-ю армию из группы армий «Центр» и в районе Белгорода 4-ю танковую армию и оперативную группу «Кемпф» из группы армий «Юг». Против западного фаса Курского выступа была развернута 2-я немецкая армия. Всего на курском направлении противник сосредоточил 50 дивизий.

К 30 июня 1943 г. в составе войск группы армий «Юг», предназначенных для участия в операции «Цитадель», состояло 5 моторных дивизий, одна дивизия вермахта («Великая Германия») и четыре дивизии СС («Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова» и «Викинг»), шесть танковых дивизий (3, 6, 7, 11-я, 19-я и 23-я), десять

танковых бригад и несколько дивизионов штурмовых орудий. Вся группировка располагала боеспособными 1111 (166)[87] танками и 321 САУ. Кроме того, находилось в ремонте 115 (18) танков и 13 САУ. В пути были 77 (6) танков и 9 САУ. Итого 1303 (190) танков и 253 САУ.

В составе группы армий «Центр» было шесть танковых дивизий (2, 4, 9, 12, 18-я и 20-я), 21 танковая бригада, 656-й отдельный полк САУ и 78-я штурмовая дивизия, а также несколько дивизионов штурмовых орудий. Вся группа «Центр» располагала исправными 457 (156) танками и 274 САУ, 32 (34) танка и 6 САУ были в ремонте, а 64 (4) танка — в пути. Итого 552 (194) танка и 28 °САУ.

Тут мне придется развеять миф о тысячах «Тигров», «Пантер» и «Фердинандов», наступавших на Курской дуге. Помните эпизод из фильма «Место встречи изменить нельзя» — «Шарапов, ты на фронте был, видел „Фердинанды“»? Причем это не вопрос, а утверждение, само собой разумеющийся факт, поскольку человек, бывавший на передовой, не мог не видеть «Фердинандов».

Маленькое отступление. Мой отец Борис Васильевич Широкорад пошел на фронт добровольцем в августе 1941 г., хотя и имел «бронь». Воевал под Вязьмой и Москвой, затем получил ранение, демобилизовался и отправился на военный завод. Он не любил особенно рассказывать ни о войне, ни о своей работе (системах управления ракет). Но как-то на дне рождения рассказал пару эпизодов из 1941 г. Когда он произнес слова: «И тут я впервые увидел большой немецкий танк», кто-то спросил: «Какой?» Он ответил: «Т-III. Т-IV отродясь не видел, а всё Т-II и 38(t)». Увидев мою кислую мину, отец заметил: «Не нравится, так ты пойди послушай „ветеранов“, которые под Вязьмой и Москвой „Тигров“ пачками подбивали!»

Так вот, всего в составе групп армий «Юг» и «Центр» имелось к 30 июня 1943 г. 178 танков «Тигр», 204 танка «Пантера» и 9 °САУ «Фердинанд» («Элефант»).

Конкретно они были распределены:

В группе армий «Юг»:

Моторизованная дивизия «Великая Германия» (вермахт) — 46 «Тигров».

Моторизованной дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» была придана одна рота (4-я, позже перенумерованная в 13-ю) танков «Тигр» из 1-го танкового полка СС. В составе роты имелось 13 танков. Кроме того, 10 танков Т-III с 5-см пушкой, 67 танков Т-IV и 9 командирских танков[88].

Моторизованная дивизия «Мертвая голова» имела приданную одну роту (9-ю) танков «Тигр» в составе 15 машин. Кроме того, в «Мертвой голове» было 63 танка T-III с 5-см пушками, 52 танка T-IV и 9 танков управления.

Моторизованная дивизия «Рейх» на 30 июня 1943 г. также имела одну роту танков «Тигр», в количестве 15 единиц. Правда, позже число «Тигров» было доведено до 33 единиц. Кроме того, дивизия «Рейх» располагала четырьмя танками T-II, тремя танками T-III с 7,5-см в 24 калибра, десятью T-III с 5-см пушками, 25 трофейными танками T-34 и десятью командирскими танками.

Моторизованная дивизия «Викинг»[89] имела в своем составе батальон танков «Тигр» (45 единиц).

В группе армий «Центр» танками «Тигр» располагала только 21-я танковая бригада, в составе которой был 505-й тяжелый танковый батальон (204 машины).

В 18-й танковой дивизии в 656-м танковом полку было два батальона — № 653 и № 654, в которых состояло по 45 САУ «Фердинанд» («Элефант»). Это и были все «Фердинанды», произведенные за время войны.

К началу германского наступления по дуге Курского выступа развернулись войска Центрального и Воронежского фронтов, которым была поставлена задача — активной обороной измотать и обескровить ударные немецкие группировки при переходе их в наступление на Курск и тем самым создать необходимые условия для последующего перехода в контрнаступление.

Центральный фронт, имея в своем составе пять общевойсковых армий (48, 13, 70, 65-ю и 60-ю), 2-ю танковую армию в составе двух танковых корпусов (3-го и 16-го) и 11-ю гвардейскую танковую бригаду, два отдельных танковых корпуса (9-й и 19-й) и 16-ю воздушную армию, занял оборонительную полосу протяженностью в 306 км, имея справа 63-ю армию Брянского фронта и слева 38-ю армию Воронежского фронта.

По решению командующего Центральным фронтом все 5 общевойсковых армий, имея в своем составе 41 стрелковую дивизию, 4 стрелковые бригады, 2 танковые бригады, 15 отдельных танковых полков, 6 самоходно-артиллерийских полков и другие средства усиления, занимали оборону в первом эшелоне фронта. В резерве командующего фронтом находились 2-я танковая армия и два отдельных танковых корпуса (9-й и 19-й).

В армиях отдельные танковые бригады и отдельные танковые и

самоходно-артиллерийские полки использовались преимущественно для усиления стрелковых дивизий, оборонявших главную и вторую полосы. С этой целью они располагались повзводно и поротно непосредственно в боевых порядках пехоты на танкоопасных направлениях. Кроме того, часть танков группами по 10–15 машин использовалась для усиления гарнизонов противотанковых опорных пунктов. Огонь танков в обороне был организован как с места, с заранее подготовленных огневых позиций — окопов полного профиля, так и с хода. Заранее были также подготовлены запасные огневые позиции, которые должны были заниматься в процессе оборонительного боя танками, перегруппированными из глубины или с неатакованных участков фронта. Тем самым обеспечивалось массирование противотанкового огня на танкоопасных направлениях.

2-я танковая армия, а также 9-й и 19-й отдельные танковые корпуса, находясь в резерве командующего фронтом, предназначались для нанесения контрударов. Командующий Центральным фронтом предусматривал три возможных варианта нанесения контрударов танковыми соединениями.

По первому варианту контрудар предусматривалось нанести из района Верхняя Сосна на Алексеевку, по второму варианту — из района Ольховатка на Лозовец и по третьему варианту — с рубежа Городище, Хмелевое на Малахове.

Воронежский фронт имел в своем составе также пять общевойсковых армий (38, 40, 6-ю гвардейскую, 7-ю гвардейскую и 69-ю), 35-й гвардейский стрелковый корпус, 1-ю танковую армию (6-й и 31-й танковые корпуса и 3-й мехкорпус), два отдельных танковых корпуса (2-й и 5-й гвардейские) и 2-ю воздушную армию. Фронт занял оборонительную полосу протяжением в 244 км, имея справа 60-ю армию Центрального фронта и слева 57-ю армию Юго-Западного фронта.

По решению командующего Воронежским фронтом 4 общевойсковые армии (38, 40, 6-я и 7-я гвардейские), имея в своем составе 27 стрелковых дивизий, 6 танковых бригад, 8 отдельных танковых полков, 3 полка самоходно-артиллерийских установок и другие средства усиления, занимали оборону в первом эшелоне фронта на главной и второй оборонительных полосах. 69-я армия заняла третью полосу обороны, а 35-й гвардейский стрелковый корпус — первый фронтовой рубеж.

Тяжелых танков было сравнительно немного. Так, Центральный фронт располагал 70 танками КВ, а Воронежский фронт — 105. В основном это были танки КВ-1С. Кроме того, Центральный фронт располагал 924 танками Т-34 и 587 танками Т-60 и Т-70. Для Воронежского фронта эти

цифры составляли 1109 и 453 танка соответственно.

Все отдельные танковые бригады и отдельные танковые полки располагались на танкоопасных направлениях в боевых порядках стрелковых дивизий, либо на второй полосе обороны, либо в промежутке между главной и второй полосами обороны, с задачей огнем с места и короткими контратаками отражать удары вклинившегося противника.

1-я танковая армия, 2-й гвардейский и 5-й гвардейский танковые корпуса, составляя резерв командующего фронтом, располагались в следующих районах: 1-я танковая армия — за центром главной группировки Воронежского фронта, в районе Обоянь; 2-й гвардейский танковый корпус — в районе Короча; 5-й гвардейский танковый корпус — в районе Марьино.

Планом операции предусматривалось использование фронтового резерва для нанесения контрударов на том направлении, где противник будет наносить главный удар.

А теперь перейдем к подготовке отражения германского наступления.

Чтобы придать максимальную устойчивость обороне на Курском выступе, каждая из армий первого эшелона фронта оборудовала по три оборонительных рубежа: главную полосу обороны, вторую полосу (в 6–12 км от первой) и тыловую армейскую полосу (в 20–30 км от первой). На особо ответственных участках эти полосы дополнялись отсечными позициями и промежуточными рубежами. Кроме того, каждый фронт готовил по три фронтовых рубежа обороны. Таким образом, в каждом фронте готовилось на предполагаемых направлениях ударов противника до шести оборонительных рубежей.

За три месяца подготовительной работы армейские и фронтовые оборонительные рубежи были оборудованы в инженерном отношении. Например, на Центральном фронте было отрыто до 5000 км траншей и ходов сообщений, установлено около 400 тысяч мин и фугасов. Только в полосах обороны 13-й и 70-й армий было построено 112 км проволочных заграждений и установлено свыше 170 тысяч мин. На Воронежском фронте было вырыто 4240 км траншей и ходов сообщений, а также до 60 тысяч стрелковых и пулеметных окопов, уложено свыше 600 тысяч мин и построено до 500 км противотанковых препятствий.

Части Центрального и Воронежского фронтов доукомплектовывались до штатного состава людьми и вооружением. Численность стрелковых дивизий доходила до 8–9 тысяч человек, стрелковых рот — до 120–130 человек. В состав обоих фронтов прибывали новые части и соединения артиллерии РВГК.

В результате принятых мер численность артиллерии фронтов значительно возросла. Если на 1 апреля 1943 г. в составе Центрального и Воронежского фронтов имелся 161 полк артиллерии РВГК, то к 1 июля число таких полков возросло до 253, то есть увеличилось на 92 полка. Особенно значительное усиление получил Воронежский фронт (56 полков, из них 31 истребительно-противотанковый артиллерийский полк).

Кроме того, с марта по июль из Главного артиллерийского управления в распоряжение обоих фронтов поступило на доукомплектование артиллерийских частей 3522 миномета (82-мм — 2374 и 120-мм — 1148) и 5635 орудий наземной артиллерии (в том числе 45-мм — 3569, 76-мм ПА — 586 и 76-мм ДА —1195), подавляющая часть которых пошла на доукомплектование артиллерии стрелковых дивизий. Из общего числа 5635 орудий 2772 орудия поступило на Центральный фронт и 2863 — на Воронежский. Помимо того, фронты получили 237 зенитных пушек. В результате укомплектованность артиллерийских частей вооружением уже к 1 июня резко повысилась и составляла 82 %.

За июнь укомплектованность артиллерии обоих фронтов материальной частью была доведена по войсковой артиллерии до 94–96 %, а по большинству артиллерийских частей и соединений РВГК до 99–100 %.

Укомплектованность личным составом артиллерийских частей фронтов также поднялась до 82–91 %.

Таблица 12. **Укомплектованность артиллерии Центрального и Воронежского фронтов материальной частью на 1 апреля и на 1 июня 1943 г.**[90]

Наименование вооружения	Центральный фронт			Воронежский фронт		
	По штату	Нали-цо	% уком-плекто-ванности	По штату	На-лицо	% уком-плекто-ванности
На 1 апреля						
Минометы (50 — 120-мм)	7291	4324	59	4939	1620	33
Пушки	3725	2518	67	2232	949	43
Гаубицы	552	485	88	510	329	65
Зенитные пушки	504	247	49	196	84	43
Всего орудий и минометов	12 072	7574	63	7877	2982	38
На 1 июня						
Минометы (50 — 120-мм)	8159	6706	82	6943	5783	84
Пушки	4715	3769	80	4035	3233	80
Гаубицы	832	741	89	332	313	94
Зенитные пушки	554	503	91	474	370	79
Всего орудий и минометов	14 260	11719	82	11 784	9699	82

Значительно хуже обстояло с укомплектованностью артиллерии средствами тяги и транспорта. Ставка Верховного Главнокомандования не смогла повысить укомплектованность фронтов лошадьми и автотранспортом более половины штатной нормы частей. Только артиллерия Центрального фронта была обеспечена средствами механической тяги удовлетворительно. Все это снижало маневренные возможности артиллерии фронтов, тем более что из имевшихся на 1 июня в артиллерии обоих фронтов 36 889 лошадей только 17 317 были артиллерийские, остальные — обозные и верховые, что еще более ухудшало положение с подвижностью войсковой артиллерии.

Таблица 13. **Укомплектованность артиллерии Центрального и Воронежского фронтов средствами 1 тяги и транспорта на 1 апреля и 1 июня 1943 г.**[91]

Средства тяги	Центральный фронт			Воронежский фронт		
	По штату	Нали-цо	% укомп-лектован-ности	По штату	Нали-цо	% укомп-лектован-ности
На 1 апреля						
Лошади	42 755	23 334	55	27 194	9548	35
Автомобили	6798	2574	38	3561	1740	49
Автотягачи и тракторы	2275	1170	52	970	548	57
На 1 июня						
Лошади	40 037	22 584	56	32 868	14 305	44
Автомобили	10 545	3689	49	7570	3843	51
Автотягачи и тракторы	3338	2930	88	1847	1052	57

В апреле 1943 г. начали формировать истребительно-противотанковые артиллерийские бригады в составе трех полков. Однако к началу Курской битвы многие бригады еще не были укомплектованы до штата и имели по два полка полностью и по одной батарее третьего полка. Так, из семи приданных Воронежскому фронту бригад только две бригады (14-я и 32-я) имели по три полностью укомплектованных полка, остальные же (27, 28-я, 29, 30-я и 31-я) — только по два полка.

Таким образом, артиллерия Центрального и Воронежского фронтов перед Курской битвой представляла мощную и боеспособную силу, хотя ее маневренные возможности были несколько ограничены из-за неукомплектованности средствами тяги.

Переходя к группировке Центрального фронта, следует заметить, что основные средства и силы были сосредоточены на вероятном направлении удара противника. Так, в полосе обороны 48, 13-й и 70-й армий было сосредоточено (с учетом второго эшелона и резервов фронта) 109 из 135 артиллерийских полков наземной артиллерии, которые имели в своем составе 70 % всех орудий и минометов фронта и 85 % всей артиллерии РВГК.

По количеству артиллерийских средств особое положение занимала 13-я армия, в полосе которой удар главных сил противника считался наиболее вероятным. Армия занимала только 11 % протяженности всей полосы обороны Центрального фронта и получила 44 % имевшихся во фронте артиллерийских полков РВГК. 13 % артиллерийских полков получила 70-я армия и 6 % — 48-я армия. Всего в полосе этих трех армий

было сосредоточено 63 % всех артиллерийских полков РВГК. Если учесть, что на этом же направлении располагалась артиллерия РВГК, входившая в состав резервов и в войска второго эшелона (24 % всех полков РВГК), то в полосе 48, 13-й и 70-й армий находилось 87 % артиллерийских полков РВГК, тогда как в 65-й и 60-й армиях, оборонявшихся на второстепенном направлении, насчитывалось всего 13 % полков РВГК.

В приданном 13-й армии 4-м артиллерийском корпусе прорыва (две артиллерийские дивизии и одна дивизия гвардейских минометных частей полевой реактивной артиллерии) имелось 484 орудия, 216 минометов и 432 установки полевой реактивной артиллерии. В одном этом корпусе имелось 700 орудий и минометов от 76-мм калибра и выше, а во всей 13-й армии 752 орудия и миномета от 76-мм калибра и выше (без 82-мм минометов и 76-мм пушек ПА). Средняя плотность артиллерии армии только за счет средств корпуса увеличилась на 22 орудия и миномета и на 13,5 боевой установки на 1 км фронта.

Роль 4-го артиллерийского корпуса прорыва в обороне ясно видна из сравнения огневых возможностей артиллерии 13-й армии и корпуса.

Армии Воронежского фронта были развернуты в два эшелона: в первом — 38, 40-я и 6-я и 7-я гвардейские армии, во втором — 69-я армия и 35-й гвардейский стрелковый корпус и в резерве — 1-я танковая армия, 2-й и 5-й танковые корпуса.

Наиболее опасным считалось левое крыло фронта, поэтому здесь, уступом за 6-й и 7-й гвардейскими армиями, был развернут второй эшелон фронта, резервы и большая часть артиллерийских средств усиления. В полосах обороны 6-й и 7-й гвардейских армий с учетом второго эшелона и резервов фронта находилось 87 артиллерийских полков из 130 полков, имевшихся во фронте. С учетом войсковой артиллерии на этом направлении было сосредоточено 67 % всех орудий и минометов, в то время как ширина полосы обороны этих двух армий составляла только 47 % всей полосы обороны фронта. Следует отметить, что из 3255 орудий и минометов 6-й и 7-й гвардейских армий 1079 орудий (33 %) приходилось на противотанковые. Если учесть, что к борьбе с танками привлекались не только специальные части и подразделения противотанковой артиллерии, но и дивизионная артиллерия и часть пушечной артиллерии РВГК, то средства борьбы с танками составляли свыше 40 % всей имевшейся во фронте артиллерии.

Таблица 14. **Боевой состав 4-го артиллерийского корпуса прорыва на 4 июля 1943 г.**[92]

Соединения	Части	Количество орудий и минометов								Рамы М-30
		76-мм пушки	122-мм гаубицы	152-мм гаубицы	122-мм пушки	152-мм г-п	203-мм гаубицы	120-мм мин.	Всего	
12-я артиллерийская дивизия прорыва										
46 лабр	786, 1007 и 1214 лап	70	—	—	—	—	—	—	70	—
32 габр	469, 539 и 872 гап	—	83	—	—	—	—	—	83	—
11 минбр	208, 224 и 232 минп	—	—	—	—	—	—	108	108	—
41 пабр	125 и 155 пап	—	—	—	16	18	—	—	34	—
89 ттабр	Четыре дивизиона	—	—	32	—	—	—	—	32	—
104 габр БМ	Четыре дивизиона	—	—	—	—	—	24	—	24	—
Итого		70	83	32	16	18	24	108	351	—

Соединения	Части	Количество орудий и минометов								Рамы М-30
		76-мм пушки	122-мм гаубицы	152-мм гаубицы	122-мм пушки	152-мм г-п	203-мм гаубицы	120-мм мин.	Всего	
5-я артиллерийская дивизия прорыва										
16 лабр	540, 697 и 768 лап	72	—	—	—	—	—	—	72	—
9 габр	208, 293 и 876 гап	—	81	—	—	—	—	—	81	—
1 минбр	106, 124 и 139 минп	—	—	—	—	—	—	108	108	—
24 пабр	642 и 753 пап	—	—	—	15	17	—	—	32	—
86 ттабр	Четыре дивизиона	—	—	32	—	—	—	—	32	—
100 габр БМ	Четыре дивизиона	—	—	—	—	—	24	—	24	—
Итого		72	81	32	15	17	24	108	349	—
5-я гвардейская минометная дивизия										
16, 22 и 23 гв. минбр	—	—	—	—	—	—	—	—	—	432
Всего в корпусе		142	164	64	31	35	48	216	700	432

В результате такой группировки артиллерии на главном направлении обороны Воронежского фронта также удалось создать высокую плотность орудий и минометов. Если средняя по фронту плотность артиллерии составляла 35,2 орудия и миномета на 1 км фронта (из них 10,4 орудия противотанковых), то в полосе обороны 6-й и 7-й гвардейских армий (с учетом резервов и второго эшелона) она достигала 50,7 орудия и миномета (из них 15,7 орудия противотанковых).

Учитывая сосредоточение крупных сил авиации противника на

Курском выступе, командование фронтов выделило для прикрытия войск с воздуха значительные средства зенитной артиллерии. К началу оборонительного сражения (5 июля) войска обоих фронтов имели 9 зенитных артиллерийских дивизий, 26 отдельных полков малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА) и 7 отдельных дивизионов среднекалиберной зенитной артиллерии (СЗА).

Наибольшее количество зенитной артиллерии в обоих фронтах получили армии, оборонявшиеся на главных направлениях: им было придано по зенитной артиллерийской дивизии (13-й армии — две) и еще по одному — 2 зенитных полка.

Помимо войсковой и зенитной артиллерии РВГК, для противовоздушной обороны железнодорожных узлов, тыловых объектов и войск, расположенных на Курском выступе, привлекались соединения и части ПВО страны. Эти средства к 10 июня в своем составе имели 2 зенитных полка смешанного состава, 1 полк МЗА, шесть дивизионов СЗА, 10 зенитных бронепоездов, 10 зенитных пулеметных рот и 2 истребительные авиационные дивизии.

При распределении зенитной артиллерии внутри армий исходили прежде всего из необходимости первоочередного прикрытия боевых порядков войск. Так, например, в 13-й армии Центрального фронта обе зенитные артиллерийские дивизии (1-я и 25-я) прикрывали войска, составляя армейскую зенитную артиллерийскую группу, и только один полк МЗА прикрывал выгрузочную станцию (станция Возы) и командный пункт армии.

В 6-й гвардейской армии Воронежского фронта из пяти зенитных артиллерийских полков (с учетом полков 26-й зенад) три полка прикрывали боевые порядки войск, один — станцию снабжения и армейские склады в районе станции Прохоровка и один — аэродром. В 7-й гвардейской армии из шести зенитных артиллерийских полков пять полков прикрывали боевые порядки армии и один — станцию снабжения Волоконовка.

До мая 1943 г. артиллерия обоих фронтов корректировочно-разведывательной авиации не имела. Только в начале мая в состав Центрального фронта прибыли 14, 47, 53-я и 48-я отдельные корректировочно-разведывательные авиационные эскадрильи (окраэ). Первые три из них были использованы в 48-й и 13-й армиях, а 48-ю эскадрилью придали 70-й армии; таким образом, все они находились на правом крыле фронта. В конце мая в состав Воронежского фронта прибыли 51-я и 56-я отдельные корректировочно-разведывательные авиационные эскадрильи, которые соответственно были приданы 6-й и 7-й гвардейским

армиям.

Советское командование планировало привлечь к борьбе с танками зенитную и полевую артиллерию. Огневые позиции зенитных батарей выбирались в указанных районах так, чтобы можно было вести стрельбу прямой наводкой по танкам на дальности 800–1000 м. Батареям выдавались бронебойные снаряды, каждая батарея имела свой план противотанковой обороны, а орудие — карточку противотанкового огня.

Огонь полевой реактивной артиллерии планировался по вероятным районам сосредоточения танков. Участки запланированного огня заблаговременно пристреливались специально выделенными установками или взводами от каждого дивизиона. Кроме того, от каждого дивизиона полевой реактивной артиллерии требовалось подготовить на танкоопасных направлениях несколько огневых позиций для стрельбы по танкам прямой наводкой из реактивных установок. Выполняя эти требования, каждый дивизион подготовил от трех до семи огневых позиций, оборудованных для ведения огня прямой наводкой.

Таблица 15. **Распределение и плотность зенитной артиллерии Центрального и Воронежского фронтов на 5 июля 1943 г.**[93]

Фронт, армия	Ширина полосы обороны (км)	Количество орудий			Плотность на 1 км фронта
		СЗА	МЗА	всего	
Центральный фронт					
Главное направление					
48-я армия	38	28	60	88	2,3
13-я армия	32	32	110	142	4,5
70-я армия	62	—	64	64	1,0
Всего	132	60	234	294	2,3
Второстепенное направление					
65-я армия	82	—	15	15	0,2
60-я армия	92	—	16	16	0,2
Всего	174	—	31	31	0,2
Резервы и тыл фронта (включая 2-ю танковую армию)	—	68	116	184	—
16-я воздушная армия	—	—	48	48	—
Итого по фронту	306	128	429	557	1,8
Воронежский фронт					
Второстепенное направление					
38-я армия	80	—	31	31	0,4
40-я армия	50	16	48	64	1,3
Всего	130	16	79	95	0,7
Главное направление					
6-я гвардейская армия	64	16	64	80	1,25

Фронт, армия	Ширина полосы обороны (км)	Количество орудий			Плотность на 1 км фронта
		СЗА	МЗА	всего	
7-я гвардейская армия	50	16	77	93	1,8
Всего	114	32	141	173	1,5
Резервы и тыл фронта (включая 69-ю и 1-ю танковые армии)	—	40	125*	165	—
2-я воздушная армия	—	—	36	36	—
Итого по фронту	244	88	381	469	2,0
Всего по двум фронтам	550	216	810	1026	1,9

* В том числе 24 пушки малого калибра в отдельных зенитных батареях соединений 1-й танковой армии.

Следует заметить, что использование зенитной артиллерии в качестве противотанковой успешно проводилось обеими сторонами с июня 1941 г., а вот с реактивной артиллерией вопрос более чем спорный. Генералы, требовавшие от расчетов боевых машин вести стрельбу по танкам прямой наводкой, видимо, не удосужились посмотреть в святцы, пардон, в «Таблицы стрельбы» снарядов М-13.

Так, согласно ТС-13, изданным в 1942 г., при дальности стрельбы 3000 м отклонение по дальности составляло 257 м, а боковое — 51 м. Для меньших расстояний отклонение по дальности вообще не приводилось, так как рассеивание снарядов не поддавалось расчету. Нетрудно представить вероятность попадания реактивного снаряда в танк на такой дистанции. Если же теоретически представить, что боевая машина как-то ухитрилась выстрелить в танк в упор, то и тут дульная скорость 132-мм снаряда составляла всего 70 м/с, что явно недостаточно, чтобы пробить броню «Тигра» или «Пантеры». Здесь недаром оговорен год издания «Таблиц стрельбы». По «Таблицам стрельбы» ТС-13 одного и того же реактивного снаряда М-13 среднее отклонение по дальности в 1944 г. составляет 105 м, а в 1957 г. — 135 м, а боковое — соответственно 200 и 300 метров. Очевидно, что вернее таблицы 1957 г., в которых рассеивание увеличилось почти в 1,5 раза, а в таблицах 1944 г. имеют место ошибки в расчетах или скорее всего преднамеренная фальсификация для поднятия боевого духа «отцов-командиров».

Глава 6
«Тигры» идут

Боевые действия бронетанковых и механизированных войск в оборонительной операции Центрального фронта развернулись на фронте шириною в 40 км и в глубину 12 км. Переход немцев в наступление не был неожиданным для советского командования. Сталин еще 2 июля специальной телеграммой предупредил командующего фронтом о возможном переходе немцев в наступление в период с 3 по 6 июля.

Накануне дня немецкого наступления перед фронтом 13-й армии было отмечено снятие на отдельных участках минных полей. Наконец, поздно вечером (в 22 ч 00 мин) 4 июля на участке 13-й армии был взят в плен сапер противника, по национальности поляк, который сообщил, что переход в наступление назначен на 2 ч 30 мин 5 июля. Предшествующие данные позволили признать это показание пленного решающим в определении момента начала контрподготовки. И в ту же ночь командующий Центральным фронтом принял решение начать артиллерийскую контрподготовку на участке 13-й армии в 2 ч 20 мин 5 июля, то есть за 10 минут до начала намеченного срока наступления немцев.

Точно в назначенное время началась контрподготовка на всем фронте 13-й армии. В огневом ударе участвовали 595 орудий и минометов и два полка полевой реактивной артиллерии. Огонь велся по артиллерийским батареям, наблюдательным пунктам и штабам, а также по районам вероятного накапливания живой силы противника — в центре и на левом фланге оборонительной полосы армии, на участке Глазуновка, Верхнее Тагино, где, по данным разведки, сосредоточивались для наступления значительные силы танков и пехоты противника. Как и намечалось планом, контрподготовка длилась 30 минут.

Ответный огонь во время контрподготовки открыли только восемь батарей противника. Наша артиллерия израсходовала четверть боекомплекта снарядов. В результате полученного мощного огневого удара противник не смог начать в установленное время (в 2 ч 30 мин) артиллерийскую подготовку. Только через два часа после этого срока, то есть в 4 ч 30 мин, его артиллерия открыла огонь, но вела его неорганизованно, не причиняя почти никакого вреда нашей артиллерии.

Тогда наше командование приняло решение провести повторную

артиллерийскую контрподготовку по тому же плану, но на этот раз всей намеченной артиллерией (967 орудий и минометов) с расходом боеприпасов также в четверть боекомплекта.

По данным разведывательных органов, в итоге всей артиллерийской контрподготовки было подавлено 90 батарей, 60 наблюдательных пунктов и взорвано 6 складов боеприпасов. Потери были нанесены и живой силе противника.

После захвата нашими войсками районов огневых позиций противника офицерами штаба 4-го артиллерийского корпуса прорыва было организовано изучение результатов огня нашей артиллерии во время контрподготовки. На месте огневых позиций тринадцати батарей был произведен обмер отклонений разрывов снарядов от орудийных окопов, и результаты обмера занесены в специальные карточки.

Обмер показал достаточно высокую точность стрельбы наших артиллеристов. Так, свыше 46 % снарядов разорвалось на таком удалении от целей, на котором орудиям и обслуживающему их личному составу могли быть нанесены поражения осколками разорвавшихся снарядов (зона действительного поражения). Свыше 21 % снарядов разорвалось в радиусе до 20 м от цели (зона сплошного поражения). По пяти целям имелись прямые попадания.

Против 70-й армии противник начал артиллерийскую подготовку в 7 ч 30 мин; она была достаточно организованной и более эффективной, чем в полосе 13-й армии. Это вынудило командование 70-й армии в 7 ч 40 мин, то есть через 10 минут после начала артиллерийской подготовки противника, средствами артиллерии 28-го стрелкового корпуса и 1-й гвардейской артиллерийской дивизии провести контрподготовку по немецким батареям. Плотность артиллерии на участке проводимой контрподготовки составила 27 орудий и минометов на 1 км фронта. В результате из 48 артиллерийских батарей противника, подвергшихся огневому удару нашей артиллерии, было подавлено 15.

На Воронежском фронте, в частности в 6-й гвардейской армии, условия проведения артиллерийской контрподготовки сложились несколько иначе, чем в 13-й армии. Так же как и на Центральном фронте, приготовления противника к наступательным действиям начали отмечаться нашей разведкой еще в середине июня. 28 июня передвижения немецких войск, особенно по Белгородскому шоссе, усилились. 1 и 2 июля противник начал подтягивать к нашему переднему краю танки, мотопехоту и артиллерию. Захваченные пленные показывали, что в районе Белгорода разгружаются эшелоны с большим количеством танков, пехоты и

артиллерии.

К середине дня 4 июля командование Воронежского фронта и 6-й гвардейской армии, имея все эти данные, сочло нужным назначить артиллерийскую контрподготовку на 22 ч 30 мин.

В 22 ч 30 мин 4 июля последовал сигнал и артиллерия 6-й гвардейской армии произвела 5-минутный огневой налет по запланированным целям. Огневому воздействию подверглись 17 основных пунктов сосредоточений танков и пехоты противника, 12 артиллерийских батарей, 17 наблюдательных пунктов и другие цели. На этом огневом налете контрподготовка была прервана.

На следующий день, 5 июля, в 3 часа артиллерийская контрподготовка была проведена в полном объеме по разработанному ранее плану. Началась она 5-минутным огневым налетом, затем 15 минут — методический огонь, и снова 10-минутный огневой налет. Все полки полевой реактивной артиллерии в первом огневом налете произвели по одному полковому залпу, а в последнем — каждый полк произвел по одному дивизионному залпу. Обстрелу подверглись в основном те же цели, что и накануне.

По данным разведывательных органов, в результате артиллерийской контрподготовки противник на фронте 6-й гвардейской армии понес большие потери в живой силе и технике: было подавлено 10 артиллерийских батарей, уничтожено 14 наблюдательных пунктов, подбито до 50 танков и уничтожено до 4 тысяч человек. Намеченный противником срок начала артиллерийской подготовки атаки был сорван. Пехота и танки, подтянутые на исходные позиции для наступления, вследствие потерь и частичной дезорганизации управления к наступательным действиям в назначенный срок оказались не готовы.

В 7-й гвардейской армии артиллерийская контрподготовка назначалась на 3 часа 5 июля. Продолжительность ее вместо запланированных 40 минут была определена в 30 минут, из которых 5 минут отводилось на первый огневой налет, 15 минут — на методический огонь и последние 10 минут — на второй огневой налет.

В обеих армиях Воронежского фронта на артиллерийскую контрподготовку было израсходовано по 0,5 боекомплекта снарядов и мин. (Данные по боекомплекту советских орудий приведены в Приложении.)

На Центральном фронте 5 июля в 7 ч 30 мин немецкие войска (4 пехотные и 3 танковые дивизии, насчитывающие до 500 танков) при поддержке артиллерии и большого количества авиации перешли в наступление с фронта Согласный, Архангельское, Новый Хутор в общем направлении на Ольховатку. Впереди шли группами в 10–15 машин

тяжелые танки «Тигр», потом легкие и средние танки, а за ними двигалась на бронетранспортерах пехота.

Первыми в борьбу с противником вступили артиллерийские части, которые с закрытых огневых позиций вели сосредоточенный, подвижный и неподвижный заградительный огонь, а по мере приближения противника к переднему краю в бой вступали и орудия противотанковых опорных пунктов, ведя огонь прямой наводкой. Над полем боя появилась наша штурмовая авиация и начала бомбардировать боевые порядки противника. Значительные потери танки противника несли и на наших минных полях.

С трудом преодолевая плотные завесы артиллерийского огня, немцы только в девятом часу вплотную подошли к переднему краю обороны 81-й и 15-й стрелковых дивизий 13-й армии и атаковали его. В бой вступили все огневые средства пехоты, противотанковых опорных пунктов и всех артиллерийских групп, поддерживавших бой этих дивизий. Артиллерия в тесном взаимодействии с пехотой отбила первые четыре атаки противника, но он ввел в бой свежие силы, после чего ему удалось вклиниться в расположение 81-й и 15-й стрелковых дивизий.

«К 10 ч 30 мин немцы сумели захватить 1-е Никольское, Озерки, Ясную Поляну. После этого одна его группа танков из района 1-го Никольского развернула наступление на 1-е Поныри, а вторая (до 120 танков) — в направлении Сновы. Около 40 танков и до двух полков пехоты вышли в район Подоляни, угрожая правому флангу 70-й армии.

Для уничтожения прорвавшихся танков командующий 13-й армией использовал и свои резервы: два подвижных отряда заграждений, 27-й гвардейский танковый полк и несколько саперных подразделений, которые совместно с пехотой и артиллерией вели упорные бои на линии вторых эшелонов стрелковых дивизий и в районах огневых позиций основной массы артиллерии.

В бой с танками вступила не только дивизионная и противотанковая артиллерия РВГК, но и зенитная, полевая реактивная артиллерия и даже гаубичные полки. Например, 9-я гаубичная бригада, прикрывая отход частей 81-й стрелковой дивизии, выдвинула свои орудия для стрельбы прямой наводкой по танкам в район 1,5 км севернее Ржавца. В свою очередь, командир 81-й стрелковой дивизии выделил специальное пехотное прикрытие для бригады (армейскую штрафную роту и 8-ю роту 519-го сп), благодаря чему артиллеристы, не отвлекаясь на борьбу с автоматчиками противника, подбили и уничтожили до 25 танков врага.

При атаках танков противника в направлении Понырей из резерва армии на поддержку той же 81-й стрелковой дивизии был выдвинут 86-й

гвардейский минометный полк. Часть его боевых установок заняла открытые огневые позиции для борьбы с танками и пехотой противника. В ходе развернувшихся боев подразделения полка реактивной артиллерии огнем с закрытых и открытых огневых позиций наносили потери противнику. По донесениям полк за вторую половину дня рассеял и частично уничтожил до четырех батальонов пехоты, поджег 12 танков и два штурмовых орудия, израсходовав на это четыре полковых залпа»[94].

В очередной раз приношу читателю извинения за весьма спорную информацию. Я располагаю только нашими и германскими источниками. Причем наши источники — это не рассказы бравого солдата Швейка, а секретные и совершенно секретные отчеты, но, увы, и они содержат много откровенного вранья. Если проанализировать «наисекретнейшие» отчеты командиров наших частей, то на Курской дуге было уничтожено больше танков, чем их имелось в Германии, Италии и Англии, вместе взятых.

Разумеется, преувеличивали потери противника и немцы. Вот один из редчайших примеров, когда удалось реально сравнить потери обеих сторон. Согласно донесению штаба моторизованной дивизии «Лейбштандарт», 10 июля дивизия подбила 53 русских танка. А по донесениям потери противостоящего «Лейбштандарту» 2-го танкового корпуса оказались равны 45 танкам[95].

5 июля на Воронежском фронте во второй половине дня противник начал наступление крупными силами танков в обход села Черкасского одновременно с востока и запада. Его авиация последовательными бомбовыми ударами прокладывала дорогу атакующим танкам и следовавшей за ними пехоте. Враг бросил в бой свыше 250 танков. Впереди шли тяжелые танки T-VI и самоходные орудия «Фердинанд». Основной удар танков приняли на себя истребительно-противотанковые артиллерийские полки, которые в бою за Коровино и Черкасское подбили и уничтожили до 80 танков противника. Большой урон противнику нанесли орудия противотанковых опорных пунктов, а также артиллерия, стрелявшая с закрытых огневых позиций. Только пушечные полки группы артиллерии дальнего действия 67-й гвардейской стрелковой дивизии подбили 23 танка. До 25 танков подорвались на минных полях на подступах к Черкасскому.

Ценой больших потерь противнику все же удалось вклиниться в оборону 71-й и 67-й гвардейских стрелковых дивизий и к исходу дня занять Коровино и Черкасское. Под прикрытием огня артиллерии и арьергардов части дивизий отошли на последующий рубеж обороны Бубны, Ново-

Ивановка, Красный Починок, Черкасское, Триречное.

В этот же день (5 июля) в 2 ч 30 мин после 30-минутной артиллерийской и авиационной подготовки противник предпринял наступление и против 52-й гвардейской стрелковой дивизии на участке Задельное, Березов в общем направлении на Козьмодемьяновку. Однако первая атака противника была отбита огнем артиллерии дивизии. Чтобы сбить боевое охранение дивизии, противнику потребовалось три с половиной часа. Затем в течение полутора часов он подтягивал свои войска к переднему краю нашей обороны. Артиллерия дивизии вела интенсивный огонь по районам сосредоточения противника и наносила ему потери в людях и танках.

В 9 часов немцы атаковали наш передний край, и на ряде участков им удалось ворваться в расположение обороны 52-й гвардейской стрелковой дивизии и захватить Березов. Для усиления огневых средств на атакованном направлении командир дивизии еще с началом боя отдал распоряжение своему противотанковому резерву (1008-й иптап) выдвинуться на заранее подготовленный рубеж в 5 км южнее Быковки. На этом рубеже 538-й и 1008-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки нанесли противнику значительные потери. Только один 1008-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (командир полка гвардии подполковник Котенко) в первые же часы боя подбил и уничтожил 18 танков, из них 10 танков «Тигр». В этом бою сами полки также понесли значительные потери (первый — 15 орудий, второй — 17) и были выведены из боя.

Большую роль в борьбе с танками на этом направлении сыграли различного рода минно-фугасные заграждения. Так, только под Березовом от взрывов фугасов было уничтожено 11 танков и 4 самоходных орудия.

В 11 часов, произведя перегруппировку своих сил и подтянув резервы, противник ввел в бой на 3-километровом фронте свыше 200 танков и при активной поддержке своей авиации вновь атаковал части 52-й гвардейской стрелковой дивизии. После ожесточенного боя части дивизии к 16 часам отошли на рубеж Вознесенский, Быковка, Журавлиный, Гонки.

Учитывая создавшееся положение на фронте 52-й гвардейской стрелковой дивизии, командующий армией усилил ее 28-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой из своего резерва. Немцы также произвели перегруппировку и нанесли удар крупной танковой группой на еще более узком участке обороны дивизии. Встав здесь на путях атаки танков, 28-я истребительно-противотанковая бригада вступила в бой и до конца дня подбила и уничтожила свыше 25 немецких танков. Тем не менее

противнику удалось потеснить части 52-й гвардейской стрелковой дивизии и к исходу дня овладеть районом Быковка, Козьмодемьяновка.

Южнее Белгорода немцы, сосредоточив три танковые и две пехотные дивизии, начали форсировать реку Донец на широком фронте. Переправу через реку немецкие войска начали после 30-минутной артиллерийской подготовки и при непрерывной поддержке большого количества авиации.

Оборонявшиеся здесь части 78-й гвардейской стрелковой дивизии оказали противнику упорное сопротивление. Артиллерия групп поддержки пехоты и группы дальнего действия дивизии немедленно открыла огонь по районам сосредоточения танков и по переправе, нанося немецким войскам ощутимые потери. После того как первый эшелон его в количестве 30 танков и до двух батальонов пехоты под прикрытием огня артиллерии форсировал реку, в бой вступили артиллерия противотанковых опорных пунктов и все виды пехотного оружия. В результате короткого боя значительная часть переправившейся пехоты и танки врага были уничтожены.

Только к 13 часам около 40 немецких танков сумели переправиться через реку, захватить плацдарм и преодолеть передний край обороны дивизии. Артиллерия дивизии к этому времени израсходовала почти все боеприпасы, но огневые расчеты противотанковых орудий вместе с пехотой продолжали уничтожать танки связками гранат и бутылками с горючей смесью. Только после того, как противник прорвал оборону у соседа слева и отдельные группы его танков начали заходить в тыл противотанковых опорных пунктов, части дивизии отошли на вторую позицию. В этом бою только средствами противотанковых опорных пунктов № 1 и 2 дивизии было подбито и уничтожено до 40 вражеских танков.

Когда германские танки прорвались через противотанковый опорный пункт № 2 и вышли к селу Разумному, по ним открыли подвижный заградительный огонь два дивизиона 158-го и один дивизион 265-го гвардейских артиллерийских полков. Вместе три дивизиона подбили и сожгли около 25 танков.

Введя в бой до 100 танков и до двух батальонов пехоты, немцы в 18 часов овладели Разумным и юго-западной частью Крутого Лога, но здесь были остановлены огнем артиллерии и пехоты противотанкового опорного пункта № 5.

Отчеты о боевых действиях Воронежского фронта тоже пестрят данными об успешном применении реактивной артиллерии против танков. Вот, к примеру, эпизод 5 июля: «В 11 часов противнику удалось вклиниться в оборону 81-й стрелковой дивизии и обойти один ее полк с флангов. Его

танки и бронетранспортеры рвались к станции Поныри. Командир приданного дивизии 65-го ГМП майор Н. В. Соклаков, быстро уяснив обстановку, направил в попавший в тяжелое положение полк разведчика с радиостанцией и приказал выдвинуть 313-й дивизион на открытые огневые позиции. Вскоре же разведчик сообщил координаты сосредоточения танков и мотопехоты на западной окраине Понырей. Дивизион тут же произвел залп. Огненные стрелы реактивных снарядов, прочертив почти прямую короткую траекторию, угодили в скопление сил врага. Загорелись три танка, расстроился боевой порядок мотопехоты. В это время в полосе этой же дивизии занял позицию 86-й ГМП подполковника П. А. Зазирного и тоже ударил одним дивизионом по западной окраине Понырей. Затем через головы стрелков дивизии прогремел второй дивизионный залп 65-го ГМП. Вспыхнули еще пять танков, а вражеская пехота еще раньше покинула поле боя. Теперь назад повернули и танки. Угроза окружения стрелкового полка была отведена. Командир 81-й стрелковой дивизии счел своим долгом специально доложить Военному совету 13-й армии о героических действиях личного состава 65-го и 86-го полков „катюш“, подчеркнув, что соединение смогло удержать свои позиции во многом благодаря эффективной помощи реактивной артиллерии. В тот день гвардейские минометы выпустили 2400 снарядов»[96].

На следующий день у станции Поныри, когда там создалась угроза прорыва позиции 307-й стрелковой дивизии, на ее участок из полосы 81-й стрелковой дивизии был выдвинут 65-й гвардейский минометный полк. «Огонь полка и ствольной артиллерии позволил стрелковым соединениям в течение дня отбить 13 ожесточенных атак врага. И на другой день натиск гитлеровцев не ослабевал. Сдерживая его, гвардейцы выпустили 1340 снарядов. От их ударов противник потерял большое количество живой силы и техники, в том числе 23 танка.

В те дни части реактивной артиллерии впервые так широко применили стрельбу прямой наводкой по атакующим танкам. Не было полка, дивизиона или батареи, которые бы не прибегали тогда к этому способу. 5 июля под Ольховкой, где враг отчаянно лез вперед, командир 86-го ГМП подполковник П. А. Зазирный в полосе 81-й стрелковой дивизии выдвинул один дивизион на стрельбу прямой наводкой. „Катюши“ развертывались в боевой порядок под грохот разрывов снарядов и свист осколков. На разворот и наводку в цель боевых машин расчеты затратили не более трех минут. Цель была видна как на ладони — по рыжему, обгоревшему полю, изрыгая дымки выстрелов, ползли танки с десантом пехоты на борту. Но вот последовал залп дивизиона, и они остановились. Три из них запылали,

а остальные повернули назад.

6 июля 86-й полк близ населенного пункта Кошары, стреляя прямой наводкой, отбил еще одну вражескую атаку…

В полосе 132-й стрелковой дивизии 70-й армии, действовавшей южнее населенного пункта Гнилец, непреодолимую огневую преграду создавал своими залпами 84-й ГМП подполковника М. М. Коломийца. Его дивизионы смело выходили на позиции для стрельбы прямой наводкой. В течение 5–7 июля они вывели из строя 61 танк и 72 автомашины противника, рассеяли до трех его полков пехоты»[97].

Самое интересное, что в составлении выше цитированной книги принимали участие маршал артиллерии П. Н. Кулешов и ряд генералов, да и списаны все примеры из секретного издания «Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне» (Москва, 1955).

Тут можно только развести руками: два дня, три эпизода и 95 подбитых вражеских танков! Если бы это было правдой, то следовало бы расформировать противотанковую артиллерию и заменить ее установками залпового огня.

А может, на огромные цифры подбитых танков влияло то, что за каждый подбитый танк расчет боевой машины получал 2000 руб., из них 500 руб. — командиру, 500 руб. — наводчику, остальное — остальным.

Раз уж зашла речь о реактивных снарядах, то следует отметить, что на Курской дуге впервые состоялось массовое применение новых реактивных снарядов М-20. Снаряд этот имел ту же ракетную часть, что и М-13, но более длинную и тяжелую боевую часть. Таким образом, вес ВВ возрос с 4,9 кг до 18,4 кг. Соответственно возросла и длина снаряда с 1415 до 2090 мм. Стрелять М-20 можно было также с верхних направляющих БМ-13, в результате залп сокращался с 16 до 8 выстрелов.

Расчетам БМ-13 на Курской дуге категорически запрещалось стрелять снарядами М-20, находясь в кабине боевой машины. Также была запрещена стрельба снарядами М-20 при температуре воздуха свыше 24 °С.

Ракеты М-20 периодически взрывались на направляющих пусковых установках, при этом боевую машину разносило вдребезги. Чтобы избежать взрыва, расчеты накрывали ракеты брезентом и по мере необходимости поливали их водой.

В ходе боевого применения снарядов М-20 на Курской дуге выяснилось, что из-за большой длины головной части они имели недостаточное фугасное действие, а из-за тонких стенок — незначительное осколочное действие.

После Курской битвы производство М-20 упало в три с лишним раза.

По некоторым данным, в 1943 г. М-20 сняли с вооружения, однако их производство в небольшом объеме велось до 1945 г. включительно.

Примерно половина боевых машин БМ-8 и БМ-13 на Курской дуге имели шасси автомобиля «Шевроле», а остальные — шасси «Студебеккера». При стрельбе у «Шевроле» часто ломались рамы. «Студебеккер» показал себя куда лучше. Любопытный нюанс — янки поставили нам около 400 тысяч автомобилей высокой проходимости «Студебеккер», и в ЗИПе каждого была отличная меховая куртка «канадка». (Замечу, что отдельно от машин «канадки» в СССР не поставлялись.) Но увы, водители на фронте не получили из них ни одной. Зато N-ное число офицеров и генералов, а также их дочек, сынков и зятьков щеголяли в «канадках» как во время, так и после войны.

Мифы о войне порождают новые мифы, зачастую диаметрально противоположные задачам «сказочников» первого поколения. Так, при Хрущеве и особенно при Брежневе был создан миф о «массовом героизме советского народа». Мол, все были героями, а трусы и воры встречались весьма редко, «кое-где… порой». Этот советский миф стал основой нового, уже антисоветского, мифа. Мол, раз были одни герои, то из кого формировали штрафные роты и батальоны? Естественно, злодеи Сталин и Берия загоняли туда исключительно героев войны. Увы, трусов и воров в РККА хватало, начиная с рядовых и кончая высшими генералами. Так, в ходе Курской битвы ГАУ обратило внимание на выход из строя значительного числа гаубиц и пушек. Причиной этого у 122-мм гаубиц М-20 была перевозка на лафетах ящиков с боеприпасами и расчетов, в результате чего появлялись трещины в хоботовой части лафета и осадка рессор, а у 152-мм гаубиц к тому же срезались заклепки в рессорах.

Бичом 45 — 76-мм противотанковой и дивизионной артиллерии стало ведение огня с не полностью раздвинутыми сошниками, что приводило к деформации станин и механизма подрессоривания.

Последнее еще можно объяснить необходимостью срочно переходить из походного положения в боевое и открывать огонь на ограниченном пространстве — улице населенного пункта, в складках местности, лесу и т. п. В принципе это нечасто случается. В остальных же случаях имели место либо халатность, либо, чаще, злой умысел. Орудие выходило из строя, производился его ремонт или замена на новое, а расчет несколько дней, а то и недель самых жарких боев «загорал» в тылу.

Я немного отвлекся, и пора возвращаться к действиям реактивной артиллерии. На Курской дуге весьма успешно применялись 300-мм реактивные снаряды М-30 и М-31. За характерную форму головной части

М-30 фронтовики называли его «Лукой Мудищевым» (герой одноименной поэмы Баркова). Естественно, что это прозвище, в отличие от растиражированной «катюши», официальная пресса предпочитала не упоминать. «Лука», подобно германским 28-см и 30-см снарядам, запускался из деревянного укупорочного ящика, в котором он доставлялся с завода. Четыре, а позже восемь таких ящиков ставили на специальную раму, в результате чего получалась простейшая пусковая установка.

Мощная головная часть М-30 имела неудачную аэродинамическую форму, и кучность была в 2,5 раза хуже, чем у М-13. По этому снаряды М-30 применялись только массированно. На 1 км фронта прорыва было положено сосредоточивать не менее трех дивизионов М-30. Таким образом, на 1000-метровой линии обороны противника обрушивалось не менее 576 снарядов. По рассказам фронтовиков, часть снарядов М-30 застревала в укупорках и летела вместе с ними. Интересно, что думали немцы, наблюдая летящие на них кувыркающиеся деревянные ящики?

Мощность снарядов «Лука» (М-30 и М-31) производила большое впечатление как на противника, так и на наших солдат. О «Луке» на фронте ходило много разных предположений и выдумок. Одна из легенд состояла в том, что будто бы боевая часть ракеты начинена каким-то специальным, особо мощным взрывчатым веществом, способным сжигать все в районе разрыва. На самом деле в боеголовках применялись обычные взрывчатые вещества. Исключительный эффект действия снарядов «Лука» достигался за счет залповой стрельбы. При одновременном или почти одновременном взрыве целой группы снарядов вступал в силу закон сложения импульсов от ударных волн.

Рассмотрим в виде примера действия 5-й гвардейской минометной дивизии подполковника Г. М. Фанталова: «Первые залпы 5-й гвардейской минометной дивизии прогремели над степью 6 июля, когда противнику кое-где удалось вклиниться в оборону 13-й армии. В полосе 307-й стрелковой дивизии в тот день отдельные его подразделения проникли к высоте 255,1. Как раз на этой высоте штабом 23-й бригады был намечен удар двух дивизионов. Залп прозвучал тотчас, как только командир стрелковой дивизии попросил „дать прикурить“ ворвавшимся туда танкам и мотопехоте. Смерчем от не менее чем 400 тяжелых 300-мм снарядов буквально срезало вершину высоты; казалось, вместе со взметнувшимся пламенем поднялась в воздух и она сама. Этим ударом было уничтожено семь танков, рассеяно до двух батальонов пехоты, а главное — гитлеровцы уже больше не пытались наступать на этом направлении.

6 июля противник оттеснил за Самодуровку 17-й гвардейский

стрелковый корпус. К исходу дня было установлено, что в этом населенном пункте сосредоточиваются крупные силы танков и пехоты. Получив заявку штаба корпуса, командир 16-й бригады полковник Вальченко решил с заходом солнца вывести один дивизион перед населенным пунктом и произвести по нему огневой налет. Густая июльская темень надежно прикрыла переброску пусковых установок и снарядов на огневую позицию. Их подвозили на расстояние 2–3 км от нее, а затем стокилограммовые чушки снарядов и тяжелые пусковые станки переносили на плечах и тащили волоком.

Прозвучавший в 3 часа залп из 200 с лишним снарядов разметал войска противника в Самодуровке.

Штаб оперативной группы ГМЧ фронта подметил, что гитлеровцам сильно досаждали ночные огневые налеты тяжелых дивизионов. Ночью они предпочитали накапливать силы, отдыхать, а тут с неба сыпятся с громом и молнией реактивные снаряды. Решили чаще вести ночами залповый огонь из кочующих пусковых установок. Эффект от этого тоже был большой: противник не только нес заметные потери, но и находился в постоянном страхе»[98].

Убедившись в невозможности преодолеть сопротивление 1-й танковой армии на обоянском направлении, немецкое командование с 10 июля прекратило дальнейшие попытки прорваться на Курск через Обоянь. Выставив заслоны против 1-й танковой и 6-й гвардейской армий, немцы начали перегруппировывать основные свои силы с обоянского на прохоровское направление. Кроме того, немецкие войска, действовавшие на корочанском направлении, должны были направить свои основные усилия также на Прохоровку. Тем самым противник стремился слить усилия своих группировок, действовавших на главном и вспомогательном направлениях, с тем чтобы окружным путем прорваться к Курску.

В целях срыва немецкого наступления на прохоровском направлении, а также для того, чтобы иметь наготове ударные группировки при переходе в контрнаступление, Ставка Верховного Главнокомандования 9 июля приказала командующему Степным фронтом направить на белгородско-курское направление три армии: 27-ю армию с 4-м гвардейским танковым корпусом — в район Курска; 53-ю армию с 1-м мехкорпусом — на первый фронтовой рубеж Воронежского фронта, проходивший по реке Сейм; 5-ю гвардейскую общевойсковую армию — на рубеж (исключительно) Обоянь, Прохоровка. Кроме того, 5-й гвардейской танковой армии было приказано из района Салтыково, Меловое, Орлик совершить за день 100-километровый марш, с тем чтобы к исходу 9 июля сосредоточиться в

районе Бобрышево, Александровский, Большие Сети. С выходом 5-й гвардейской танковой армии в указанный район ей были переданы в оперативное подчинение 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус и 2-й танковый корпус. Оба эти корпуса имели в своем составе около 200 исправных танков. Таким образом, к началу боев в районе Прохоровки 5-я танковая армия имела в своем составе 793 танка, из них 501 танк Т-34, а остальные — Т-70.

С воздуха войска этих двух армий прикрывались тремя зенитными артиллерийскими дивизиями (6, 26-й и 29-й) и тремя отдельными полками МЗА, имевшими в общей сложности 48 орудий среднего и 192 орудия малого калибра. За счет этих средств на прохоровском направлении (на участке в 24 км) была создана плотность зенитной артиллерии в десять орудий на 1 км фронта.

К этому времени немецкое командование успело сосредоточить в районе западнее Прохоровки крупную группировку своих войск, насчитывавшую более 700 танков, в том числе свыше 100 танков «Тигр», и тяжелых самоходных орудий «Фердинанд». Таким образом, по количеству танков соотношение сил было примерно равным, но в тяжелых танках противник имел перевес.

В ночь на 11 июля командующий Воронежским фронтом принял решение мощным контрударом разгромить главную группировку врага и восстановить ранее занимаемое положение. С этой целью 5-й танковой армии была поставлена задача — нанести во взаимодействии с 5-й общевойсковой армией контрудар в направлении Грезное, Яковлево; 1-й танковой армии силами 10-го и 5-го танковых корпусов во взаимодействии с войсками 6-й гвардейской общевойсковой армии нанести контрудар через Покровку также на Яковлево. Готовность войск к нанесению контрудара устанавливалась к утру 12 июля.

Ширина полосы 5-й гвардейской танковой армии для нанесения контрудара составляла 10 км, а глубина ее задачи на 12 июля — около 25 км.

По решению командующего 5-й танковой армией контрудар предусматривалось нанести в двухэшелонном построении. В первом эшелоне находились 18-й и 29-й танковые корпуса и во втором эшелоне — 5-й гвардейский мехкорпус. Приданный армии 2-й танковый корпус, находясь в обороне в непосредственном соприкосновении с противником, должен был прикрыть выход в исходные районы 18-го и 29-го танковых корпусов, а с началом контрудара прикрывать их правый фланг наступлением на Сухо-Солотино. Левый фланг армии прикрывался 2-м

гвардейским танковым корпусом, имевшим задачу нанести удар из района восточнее Ясной Поляны на Яковлево.

Боевые порядки корпусов были также глубоко эшелонированными, что видно из построения 18-го танкового корпуса. Корпус был построен в три эшелона. Ширина его полосы для нанесения контрудара равнялась 5 км. В первом эшелоне находились 181-я и 170-я танковые бригады, во втором — 32-я мотострелковая бригада и 36-й гвардейский танковый полк, в третьем — 110-я танковая бригада и мотоциклетный батальон.

Такое глубокое построение армии и корпусов обеспечивало наращивание силы из глубины и давало возможность сохранять общее превосходство над противником до успешного выполнения поставленной задачи.

До начала контрудара 2-я и 17-я воздушные армии силами штурмовых и бомбардировочных корпусов под прикрытием истребителей провели непосредственную авиационную подготовку по боевым порядкам танков, артиллерии и пехоты противника. Всего было произведено 1002 самолето-вылета. Одновременно 5-й истребительный корпус патрулированием в воздухе прикрывал главные силы 5-й гвардейской танковой армии от воздействия вражеской авиации.

Боевые действия 5-й танковой армии при нанесении контрудара приняли характер встречного сражения, поскольку одновременно с началом контрудара противник, в свою очередь, с двух сторон перешел в наступление на Прохоровку. Из района западнее Прохоровки наступали четыре танковые и одна пехотная дивизии, а из района Рокавец на Прохоровку с юга — три танковые дивизии.

Действия 5-й танковой армии во встречном сражении развивались на двух направлениях: западнее Прохоровки действовали главные силы армии, а южнее Прохоровки — два отряда, объединенные под общим командованием заместителя командующего 5-й танковой армией. В состав одного отряда вошли 11-я и 12-я механизированные и 26-я танковая бригады, а также части 92-й гвардейской и 375-й стрелковых дивизий. Второй отряд состоял из 53-го гвардейского танкового полка, 1-го гвардейского мотоциклетного полка, 689-го истребительно-противотанкового артполка и 678-го гаубично-артиллерийского полка.

Боевые действия главной группировки 5-й гвардейской танковой армии западнее Прохоровки начались в 8 ч 30 мин 12 июля наступлением 18-го и 29-го танковых корпусов. Поддержанные массированными ударами артиллерии и авиации, 18-й танковый корпус силами 181-й и 170-й танковых бригад нанес удар с северо-востока на совхоз «Октябрьский», а

29-й танковый корпус силами 32-й и 21-й бригад — с юго-востока. Сломив сопротивление контратакующих частей противника, бригады концентрическими ударами к 14 ч 00 мин этого дня овладели совхозом «Октябрьский».

В то время, когда шли бои за совхоз «Октябрьский», противник, в свою очередь, перешел в наступление на участке Красный Октябрь, Козловка. Прорвав оборону 52-й стрелковой дивизии, начал развивать наступление в северо-восточном направлении.

Для срыва этого наступления противника и охвата правого фланга его наступавших войск командующий 5-й танковой армией по приказу командующего фронтом направил 18-й танковый корпус в направлении Андреевка, Васильевка. Выделив вперед в качестве передового отряда 181-ю бригаду, 18-й корпус после овладения совхозом «Октябрьский» приступил к выполнению указанной задачи. Разгромив на своем пути отдельные танковые группы противника, главные силы корпуса к 17 ч 00 мин захватили Андреевку, а его передовой отряд (181-я бригада) с ходу атаковал двигавшуюся вражескую колонну танков из 40 машин и, разгромив ее, овладел Васильевкой. Успешным выполнением поставленной задачи 18-й танковый корпус вынудил наступавшие с рубежа Красный Октябрь, Козловка войска противника в районе высоты 226, Полежаев перейти к обороне. Важную роль в срыве этого наступления немцев сыграла также 95-я гвардейская стрелковая дивизия, упорно оборонявшая район Полежаев.

Дальнейшее продвижение 18-го танкового корпуса после овладения Андреевкой и Васильевкой было остановлено сильным огнем и контратаками танков противника. По приказу командующего армией корпус занял на достигнутом рубеже круговую оборону, расстреливая огнем с места контратакующие группы немецких танков. Общее продвижение 18-го танкового корпуса за 12 июля равнялось 3 км.

Действия 29-го танкового корпуса после овладения совхозом «Октябрьский» также свелись к отражению огнем с места неоднократных атак танков противника. Только его 53-я мехбригада нанесла удар на совхоз «Комсомолец», где и разгромила оборонявшиеся части противника. Однако после того, как противник дополнительно перебросил крупные силы к совхозу «Комсомолец», бригада отошла в исходное положение и совместно с главными силами корпуса вела в дальнейшем оборонительные действия.

Удар противника из района Рохавец на Прохоровку с юга был успешно отражен выделенными из состава 5-й танковой армии двумя отрядами.

Выдвинувшись в район Покровка, Авдеевка, правый отряд нанес

контрудар с северо-запада и северо-востока на Рындинка, а левый отряд — на Ново-Хмелевое. Этим контрударом наступавшие войска противника не только были остановлены, но и отброшены с большими потерями в исходное положение за реку Северный Донец.

В ходе боев в районе Прохоровка в течение 12 июля противник потерял около 300 танков, 500 автомашин и свыше 4500 солдат и офицеров.

(Общее соотношение войск в Прохоровском сражении на 10 июля 1943 г. приведено в Приложении.)

Встречное сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 1500 танков и которое поддерживалось с воздуха таким же количеством самолетов, протекало с огромным напряжением и характеризовалось разнообразными действиями. На одних участках проводилось наступление с одновременным отражением контратак противника, на других — оборона с одновременным нанесением массированных контрударов по наступавшим вражеским войскам.

Встречное сражение, длившееся в течение одного дня — 12 июля, выиграла 5-я гвардейская танковая армия. Она нанесла врагу настолько серьезные потери, что он вынужден был отказаться от дальнейших попыток продолжать активные наступательные действия и перешел к обороне.

12 июля наступил кризис немецкого наступления. В этот день фашистское командование полностью отказалось от достижения своей основной цели — овладения Курском с юга. В этот же день перешли в наступление войска Западного и Брянского фронтов на орловском направлении.

(Соотношение сил во встречном танковом сражении 12 июля 1943 г. приведено в Приложении.)

Потерпев неудачу прорваться к Курску через станцию Прохоровка, немцы с 13 июля повсеместно перешли к обороне. Лишь на участке юго-западнее Прохоровки они попытались окружить часть войск 69-й армии, находившихся в полосе между реками Северный Донец и Липовый Донец. Однако и эта попытка немцев закончилась безуспешно. 16 июля они были вынуждены прекратить наступление и на этом участке фронта, а к 23 июля отброшены на тот рубеж, с которого начали наступление на Курск с юга.

А вот германская версия наступления 2-го танкового корпуса СС[99]. К началу наступления в корпусе состояло 35 танков «Тигр», а всего 541 танк и САУ.

В 23 ч 00 мин 4 июля атакующие соединения всех трех дивизий должны были скрытно выдвинуться вперед без огневой поддержки с целью

захвата советского охранения перед главной линией обороны. 315-й гренадерский полк и дивизия «Мертвая голова» направили роты на соответствующие участки с целью захвата высот для артиллерийских наблюдателей и корректировщиков, но на самом деле это было сделано для того, чтобы скрыть направление главного удара корпуса. Дивизия «Рейх» направила две роты на исходные позиции для наступления в направлении Яхонтово с востока, так как 1-й мотопехотный полк «Л.А.Г.» выделил роту для занятия оврага к северо-западу от этого города. 2-й мотопехотный полк «Л.А.Г.» выделил роту, чтобы под покровом темноты занять высоту 228.6. Саперы, приданные данной группе, должны были «проложить и отметить проходы через минные поля и места пересечения танковых рвов по как можно более широкому фронту», с тем чтобы «Тигры» и штурмовые орудия смогли взобраться на высоту 228.6 в тот момент, когда начнется огневая подготовка.

Остальные подразделения атакующих полков должны были начать выдвижение на передовые позиции в 3 ч 00 мин, за пятнадцать минут до начала огневой подготовки. Артиллерийский огонь велся четкими последовательными сериями залпов для поддержки отдельных серий атак, одновременно не давая русским возможности определить, где осуществляется главный удар немецких войск. В 03 ч 15 мин, когда «Тигры» и штурмовые орудия начали выдвижение к высоте 228.6, артиллерия «Лейбштандарта» вместе с 861-м артиллерийским дивизионом открыла ураганный сосредоточенный огонь к северу от этой высоты. С 3 ч 17 мин до 3 ч 35 мин этот огонь постепенно перемещался на север к советским позициям на другой стороне дороги на Быковку. Одновременно в 3 ч 00 мин артиллерия дивизии «Рейх» и два полка реактивных минометов «Небельверфер» открыли 20-минутный сосредоточенный огонь по Яхонтову для обеспечения огневой поддержки атаки силами двух полков. По обоим флангам артиллерия, приданная 315-му гренадерскому полку и дивизии «Мертвая голова», открыла огонь для обеспечения поддержки их наступления.

В 3 ч 35 мин огонь основной артиллерии в полосе «Лейбштандарт» — «Рейх» был резко прекращен на 10 минут. Эта пауза преследовала три цели: она позволяла артиллеристам взять новые цели, давала атакующим подразделениям возможность преодолеть первые рубежи, вводила противника в заблуждение относительно начала атаки. Ровно в 3 ч 45 мин вновь был открыт огонь. На этот раз дивизионная артиллерия дивизий «Лейбштандарт» и «Рейх», усиленная 861-м артиллерийским дивизионом и одним дивизионом минометов «Небельверфер», имела основной целью

советские укрепления вдоль дороги на Быковку, так как 2-й мотопехотный полк «Л.А.Г.» двинулся в атаку. Наступление в направлении Быковки должно было отвлечь внимание советских войск к центру этого участка. Однако несколько мгновений спустя был открыт еще более мощный артиллерийский огонь (два артиллерийских дивизиона, минометный дивизион и пять дивизионов «Небельверфер») для поддержки наступления 315-го гренадерского полка вдоль реки Ворскла с юго-западного направления на Быковку, а затем без какого-либо предупреждения перемещен в район к северу от Яхонтово с целью обеспечения огневой поддержки наступающим на этом участке 1-му мотопехотному полку «Л.А.Г.» и полку «Дейчланд». Через двадцать минут, то есть в 4 ч 05 мин, запланированная огневая поддержка была закончена, а далее в задачу артиллерии входило оказание по мере необходимости огневой поддержки главного удара частей.

Целью этой сложной схемы (с ее незабываемым расписанием) было привлечь внимание русских к параллельным атакам, которые осуществлялись силами 315-го гренадерского полка и 2-го мотопехотного полка «Л.А.Г.» против стыка 153-го и 151-го гвардейских стрелковых полков, защищавших юго-западное направление на Быковку. Как предполагалось, эти два полка на протяжении всего 5 июля будут пробивать себе дорогу через Быковку, причем «Тигры» и штурмовые орудия играли роль магнитов, которые притягивали советские тактические резервы. Как только русские концентрировали силы против этой угрозы, 1-й мотопехотный полк «Л.А.Г.» и «Дейчланд» должны были передвигаться от Яхонтово, через Березов, к Быковке и наносить удар с востока. Полк «Дейчланд» и бронегруппы дивизии «Рейх» должны были сменить направление резко на восток с целью расширения бреши в линии обороны противника. 1-й мотопехотный полк «Л.А.Г.» в то же время двигается на Яковлево и вторую линию русской обороны. Как только передовые отряды пройдут Быковку, в бой вводилась бронегруппа дивизии «Лейбштандарт», с тем чтобы, обойдя атакующие соединения, выдвинуться вперед, захватить мосты и переправы через реку Псел. Если бы все произошло так, как предполагалось в плане, то к вечеру 5 июля 2-й танковый корпус СС совершил бы прорыв советской линии обороны на глубину 30 км и шириной приблизительно 15 км.

52-я гвардейская стрелковая дивизия оказалась более крепким орешком, чем кто-либо мог предположить. К 12 ч 30 мин оба мотопехотных полка дивизии «Лейбштандарт» продолжали бои на севере, захватив лишь высоту 215.4, в 2,5 км южнее Быковки. Их комбинированные атаки не

смогли выбить противника из поселка до 16 ч 15 мин, а атакующее соединение «Дейчланд» из дивизии «Рейх» смогло добиться этого, даже при поддержке правого фланга «Лейбштандарта», только к 18 ч 00 мин. Приблизительно в это время бронегруппа «Лейбштандарт» (введенная в бой, как только передовые части дивизии прошли к северу от Быковки) «с наступлением ночи двинулась на противотанковые укрепления под Яковлево». Ценой потерь в 1000 человек и 35 танков 2-му танковому корпусу СС удалось прорвать первую советскую линию обороны и отбросить наши войска к краю второй линии. Если краткий приказ обер-группенфюрера Хауссера на 6 июля «атаковать позиции противника на юго-востоке от Яковлево с целью достижения уже обозначенных задач» и дает какое-то представление о том, в каком он был замешательстве, то важно еще понять и то, что будь успехи 48-го танкового корпуса столь же значительными, как те, которых добились «Лейбштандарт» и «Рейх», этого было бы достаточно, чтобы немецкие войска смогли развивать прорыв в направлении Обоянь и Курск.

Любопытная оценка боя у деревни Прохоровка содержится в статье кандидата военных наук Л. Н. Лопуховского «Прохоровка — без грифа секретности»: «К сожалению, ввод в сражение стотысячной группировки (численность 5-й гвардейской танковой армии на 10 июля — 42 901 человек, 5-й гвардейской армии — около 65 тысяч), в составе которой было более 700 танков и САУ, не привел к решительному перелому в обстановке. Многочисленные факты свидетельствуют, что ни о какой внезапности контрудара не могло быть и речи. Это один из мифов, созданных вокруг боев под Прохоровкой. Немцы следили за подходом крупных советских резервов и подготовились к отражению удара. Не было встречного сражения на „широком поле под Прохоровкой“. Как не было и двух мощных лавин — 800 танков с одной стороны и 700 с другой, которые „устремились навстречу друг другу“. Три наших танковых корпуса наступали, части танковых дивизий „Адольф Гитлер“ и „Рейх“ оборонялись, предпринимая контратаки. Во второй половине дня происходили встречные бои между подразделениями и частями двух сторон. Части танковой дивизии „Мертвая голова“, наступавшие с плацдарма на р. Псел, пытались выйти в тыл 5-й гвардейской танковой армии.

Если уж вести речь о встречном сражении под Прохоровкой как разновидности наступательных действий оперативных объединений, когда обе стороны стремятся выполнить поставленные задачи наступлением, то оно развернулось 12 июля не на „танковом поле“ шириной 5–6 км, а в

полосе 35 км. Гитлеровцы пытались охватить фланги основных сил танковой армии с одновременным отражением ее удара в центре. Наши войска стремились разгромить вклинившуюся на прохоровском направлении группировку армии Гота нанесением сильного рассекающего удара в центре с одновременными ударами по ее флангам. В сражении в трех районах — западнее, юго-западнее и южнее Прохоровки — с нашей стороны участвовали механизированный и четыре танковых корпуса 5-й гвардейской танковой армии и два стрелковых корпуса 5-й гвардейской и 69-й армий, со стороны противника — 6 танковых и 2 пехотных дивизии корпуса СС и 3 танковых корпуса, всего — до 1100 танков и самоходных (штурмовых) орудий с обеих сторон.

Фронтовой контрудар закончился неудачей. 5-я гвардейская танковая армия 12 июля понесла огромные потери — около 500 подбитых и уничтоженных танков и САУ из 860 боеготовых. Не имело успеха и наступление соединений 5-й гвардейской армии в излучине р. Псел и западнее, которые без танков и при недостаточной поддержке артиллерии пытались атаковать танковые дивизии противника. Неудача контрудара не превратилась в поражение только благодаря упорству и самоотверженным действиям танкистов, а также солдат и офицеров 5-й гвардейской и 69-й армий, которые сорвали замысел противника охватить фланги танковой армии и окружить ее основные силы»[100].

Под Прохоровкой решили «выбить клин клином». Для этого П. А. Ротмистров в целях обеспечения сильного первоначального удара в первый эшелон оперативного построения армии включил большую часть своих сил — три танковых корпуса из четырех. Основные силы 5-й гвардейской танковой армии — два танковых корпуса первого эшелона, введенные в бой на фронте максимум 5 км (заболоченная пойма р. Псел не в счет), так и не смогли вырваться из дефиле. Зажатые в узком коридоре между рекой и железной дорогой, они не смогли использовать преимущество своих танков в маневренности и подвижности. Противник навязал танкистам Ротмистрова «танковую дуэль» в самых невыгодных для них условиях. Основному нашему танку Т-34 трудно было выиграть в единоборстве с немецким средним танком T-IV с его новой длинноствольной пушкой (48 калибров, начальная скорость снаряда которой в 1,5 раза выше, чем у нашей 76-мм пушки Ф-34), не говоря уже о тяжелом «Тигре». И противник в полной мере использовал свое качественное превосходство в танковом вооружении.

Тезис Ротмистрова о превосходстве противника в танках в свете фактов не выдерживает никакой критики. В стремлении оправдать

неудачные действия своей армии и большие потери он явно передергивал факты…

…Как об этом рассказывает П. А. Ротмистров в своих мемуарах: «Противник вел себя как-то странно. В его расположении раздавались взрывы. Потом выяснилось, что немцы подрывали свои подбитые танки, которые нельзя было эвакуировать». Увы, немцы взрывали наши подбитые танки, оставшиеся на контролируемой ими территории. Командиры частей и соединений противника на этот счет имели строгий приказ: «Все захваченные подбитые танки противника, которые невозможно больше использовать и отремонтировать или эвакуировать, должны быть тотчас уничтожены, чтобы они снова не попали во вражеские руки». Это признал и член Военного совета фронта Н. С. Хрущев, докладывая 24 июля по ВЧ Сталину о результатах операции: «Поле боя осталось за противником — почти все поврежденные советские танки были немцами подорваны или сожжены, тогда как немецкая техника эвакуирована».

В действительности на «танковом поле» юго-западнее Прохоровки нашим четырем танковым корпусам первого эшелона (свыше 500 танков и САУ) противостояло не более 220 танков и штурмовых орудий противника. По оценке А. М. Василевского — более 200. Большая часть танковой дивизии «Мертвая голова» наступала за р. Псел против соединений Жадова. Ошибка с нанесением контрудара по наиболее сильной группировке противника (три танковые дивизии СС) не позволила реализовать наше превосходство над противником в количестве танков и их маневренности. Танковая армия, которая должна была сыграть главную роль в контрнаступлении на белгородско-харьковском направлении, понесла потери, несопоставимые с достигнутым результатом и уроном, нанесенным противнику.

И отход противника, вопреки очередному мифу, был вызван не разгромом его ударной группировки, а невозможностью удержания района вклинения протяженностью по фронту до 160 км. Тем более что в 35 км южнее находился хорошо оборудованный рубеж. Войска Воронежского фронта не смогли опрокинуть части прикрытия противника и сразу перейти в неотступное преследование, чтобы разгромить его отходящие главные силы, не вследствие «исключительной переутомленности» (выражение Г. К. Жукова, которому цензура много крови испортила), а в связи с большими потерями[101].

Достаточно подробно известны потери 5-й гвардейской танковой армии, наступавшей в составе Степного фронта.

Накануне Прохоровского сражения в соединениях 5-й гвардейской

танковой армии было: 18-й танковый корпус — танки Т-34 — 68 ед., Т-70 — 58 ед., «Черчилль» — 18 ед. (всего 144 ед.); 29-й танковый корпус — танки Т-34 — 123 ед., Т-70 — 81 ед. (всего 204 ед.); 5-й гвардейский мехкорпус — танки Т-34 — 120 ед., Т-70 — 56 ед. (всего 176 ед.); 2-й гвардейский танковый корпус — танки Т-34 — 84 ед., Т-70 — 52 ед., «Черчилль» — 3 ед. (всего 139 ед.); 2-й танковый корпус — танки Т-34 — 35 ед., Т-70 — 46 ед., «Черчилль» — 4 ед. (всего 85 ед.). Итого на армию — 524 ед., с учетом усиления — 748 ед.

В Боевом донесении № 9 от 10 ч 00 мин 12 июля 1943 г. командующий 5-й гвардейской танковой армией докладывал: «Ввиду малой насыщенности артиллерии, артиллерийская подготовка прошла слабо… В 8.30 началась атака 18, 29-го танковых корпусов и 2-го гвардейского танкового корпуса». Оперативная сводка № 1 от 19 ч 00 мин 12 июля 1943 г. сообщала: «Авиация противника по 25–50 самолетов с 5 ч 20 мин непрерывно бомбит наши войска. Наблюдается до 1500 самолето-вылетов авиации противника… Наша истребительная авиация надежного прикрытия войск армии не обеспечила… Войска армии испытывают затруднения с боеприпасами, в некоторых частях осталось 0,5 боекомплекта, продовольствия и горючего… 18-м танковым корпусом уничтожено в боях 13 танков противника, потери танков МК-4 („Черчилль“) — 11 ед., Т-34 — 6 ед., Т-70 — 4 ед.; 29-й танковый корпус — потери танков — Т-34 — 54 ед., Т-70 — 54 ед., САУ сгорело СУ-122 — 4 ед., подбито СУ-76 — 4 ед.; 5-й гвардейский мехкорпус — уничтожил 4 танка, потери танков — Т-34 — 2 ед., Т-70 — 2 ед.».

К 7 ч 00 мин 13 июля 18-й танковый корпус уничтожил 15 танков «Тигр», 3 орудия и 300 солдат и офицеров. Потерял МК-4 — 15 ед., Т-34 — 18 ед., Т-70 — 10 ед., ранено 107 человек, убит 21 человек. 29-й танковый корпус уничтожил 26 танков (11 «Тигров»), 22 орудия, 12 пулеметов, 16 минометов, свыше 100 автомашин, до 1000 солдат и офицеров. Потери танков: Т-34 — 95 ед., Т-70 — 38 ед., установок самоходной артиллерии — 31 ед., убитых 240 человек, 610 раненых. 5-й гвардейский мехкорпус уничтожил 4 танка и 4 орудия. Потерял Т-34 — 2 ед., Т-70 — 2 ед., БА-64 — 1 ед.; 2-й гвардейский танковый корпус уничтожил 21 танк (9 «Тигров»), 12 орудий, 15 пулеметов, 12 минометов. Потери танков Т-34 — 10 ед., МК-4 — 1 ед., Т-70 — 8 ед., 85-мм орудий — 4 ед.

Всего 5-я гвардейская танковая армия за сутки боев уничтожила 66 танков противника. При этом потеряла 199 танков. Соотношение примерно 1:3. К 7 ч 00 мин 13 июля в строю оставалось 549 танков. К концу дня (к 21 ч 00 мин) армия насчитывала 413 танков. Потери за день — 136 ед.

Таким образом, 5-я гвардейская танковая армия за два дня боев под Прохоровкой потеряла 335 танков.

Согласно Оперативной сводке штаба 5-й гвардейской танковой армии № 8 к 4 ч 00 мин 17 июля 1943 г. в строю армии насчитывалось: 18-й танковый корпус — танков МК-4 — 9 ед., Т-34 — 44 ед., Т-70 — 45 ед.; 29-й танковый корпус — танков Т-34 — 39 ед., Т-70 — 45 ед.; 5-й гвардейский мехкорпус — танков Т-34 — 62 ед., Т-70 — 37 ед.; 2-й гвардейский танковый корпус — танков Т-34 — 40 ед., Т-70 — 17 ед.; 2-й танковый корпус — танков Т-34 — 31 ед., Т-70 — 24 ед., МК-4 — 5 ед.; отряд генерала Труфанова — танков — Т-34 — 15 ед., Т-70 — 6 ед.

К концу Прохоровского сражения 5-я гвардейская танковая армия в своем составе насчитывала 419 танков. В эту цифру включены пополнение и танки, вернувшиеся из ремонта.

В ходе всего оборонительного сражения под Курском, равно как и во время нанесения контрударов, артиллерия обоих фронтов действовала с большим напряжением. Расход артиллерийских боеприпасов, как это видно из данных нижеприведенной таблицы, составлял 2 млн 228,9 тысячи снарядов и мин, из них 1 млн 61 тысяча снарядов и мин на Центральном фронте и 1 млн 167,9 тысячи на Воронежском. Расход зенитных снарядов по обоим фронтам исчислялся в 195,7 тысячи, из которых 182,7 тысячи, или 93 %, составляли малокалиберные 37-мм снаряды.

Таблица 16. **Расход снарядов артиллерией Центрального и Воронежского фронтов за период оборонительных боев под Курском**[102]

Наименование боеприпасов	Централь-ный фронт с 5 по 12 июля (тысяч шт.)	Воронежский фронт с 5 по 15 июля (тысяч шт.)	Итого (тысяч шт.)
Артиллерийские выстрелы			
45-мм	137,0	290,1	427,1
76-мм ПА	60,0	63,7	123,7
76-мм ДА	274,6	324,8	599,4
122-мм гаубиц	82,8	29,2	112,0
122-мм пушек	9,1	—	9,1
152-мм гаубиц	24,1	—	24,1
152-мм гаубиц-пушек	16,3	8,0	24,3
203-мм	0,1	0,1	0,2
Всего	604,0	715,9	1319,9
82-мм мины	296,0	342,5	638,5
120-мм мины	161,0	109,5	270,5
Всего мин	457,0	452,0	909,0
Итого снарядов и мин	1061	1167,9	2228,9
37-мм зенитные выстрелы	119,0	63,7	182,7
85-мм зенитные выстрелы	8,3	4,7	13,0
Всего зенитных выстрелов	127,3	68,4	195,7
Патроны противотанковых ружей	378,0	754,8	1132,8

Что же касается немцев, то они с 5 по 14 июля израсходовали на Курской дуге 49 662 т боеприпасов. Из них только дивизией СС «Адольф Гитлер» было израсходовано за это время 2757 т различных боеприпасов, а только на 5 июля 2-й танковый корпус СС имел в своем распоряжении 24 464 снаряда и 9270 ракет для реактивных минометов, большая часть которых должна была быть использована в артподготовке. В их числе было более 16 тысяч снарядов для 10,5-см гаубиц и более 4 тысяч выстрелов для 15-см гаубиц.

Глава 7
Контрнаступление под Курском

Для наступления на орловско-брянском направлении были привлечены войска трех фронтов:

— левое крыло Западного фронта в составе двух общевойсковых армий (50-й и 11-й гвардейской) и трех танковых корпусов (1, 5-го и 25-го). Кроме того, на Западном фронте предусматривалось в ходе операции ввести еще дополнительно 4-ю танковую армию в составе 11-го и 30-го танковых корпусов и 6-го гвардейского мехкорпуса. К началу операции 4-я танковая армия заканчивала формирование под Москвой, в районе Кубинки и Солнечногорска;

— Брянский фронт в составе трех общевойсковых армий (61, 3-й и 63-й) и двух танковых корпусов (20-го и 1-го гвардейского); кроме того, предполагалось в ходе операции привлечь дополнительно 3-ю гвардейскую танковую армию в составе 12-го и 15-го танковых корпусов и 2-го мехкорпуса, которая заканчивала формирование в районе Плавска;

— правое крыло Центрального фронта в составе трех общевойсковых армий (48, 13-й и 70-й), 2-й танковой армии в составе 3-го и 16-го танковых корпусов и двух отдельных танковых корпусов (9-й и 19-й).

Общевойсковые армии были усилены семью отдельными танковыми бригадами, 26-ю отдельными танковыми полками и 10-ю самоходно-артиллерийскими полками.

Фронтам Ставкой Верховного Главнокомандования были поставлены следующие задачи:

— Западному фронту — прорвать оборону противника юго-западнее Козельска и, разгромив совместно с войсками Брянского фронта болховскую группировку противника, развивать наступление в общем направлении на Узкое, Хотынец с тем, чтобы охватить с северо-запада левый фланг орловской группировки противника;

— Брянскому фронту — нанести два удара: один из района Новосиль на Орел, охватывая его с юга; другой из района северо-восточнее Болхова на Болхов с целью совместно с войсками Западного фронта ликвидировать болховскую группировку противника, а затем наступать на Орел с севера;

— Центральному фронту — ближайшая задача ликвидировать вклинившуюся вражескую группировку севернее Курска и восстановить ранее занимаемое положение, затем развивать удар в общем направлении

на Кромы и далее на северо-запад, охватить орловскую группировку с юга и юго-запада и содействовать войскам Брянского и левого крыла Западного фронтов в ее уничтожении.

По решению командующих фронтами все отдельные танковые бригады и отдельные танковые и самоходно-артиллерийские полки, входившие в состав общевойсковых армий, использовались для непосредственной поддержки пехоты при прорыве тактической зоны обороны противника.

Отдельные танковые корпуса были оперативно подчинены командующим общевойсковыми армиями и использовались для развития успеха своих армий в качестве армейских подвижных групп:

— 1, 5-й и 25-й танковые корпуса предназначались для развития успеха 11-й гвардейской армии Западного фронта;

— 20-й танковый корпус — 61-й армии Брянского фронта;

— 1-й гвардейский танковый корпус — 63-й армии Брянского фронта;

— 9-й танковый корпус — 13-й армии Центрального фронта;

— 19-й танковый корпус — 70-й армии Центрального фронта.

Ввод танковых корпусов в прорыв предусматривалось осуществить после того, как общевойсковые армии с танками непосредственной поддержки пехоты прорвут главную полосу обороны противника.

Массирование артиллерийских группировок было проведено в куда большей мере, нежели в предшествующих операциях. Так, 11-я гвардейская армия Западного фронта получила артиллерии усиления в девять раз больше, чем 50-я армия, наносившая вспомогательный удар. На Брянском фронте все три армии участвовали в контрнаступлении, сам фронт решал главную задачу в операции, и потому массирование артиллерии в какой-либо одной армии выражалось не так ярко. Здесь идея массирования артиллерии была больше выражена в тактическом масштабе — в сосредоточении ее к участкам прорыва. На Центральном фронте 13-я армия, наносившая главный удар, получила артиллерии усиления почти в два раза больше, чем 48-я и 70-я армии, вместе взятые.

В наземной артиллерии заметно возросло количество артиллерии РВГК. В полосах предстоящего контрнаступления было сосредоточено 4984 орудия и миномета артиллерии РВГК, что составляло 29,5 % от общего количества артиллерии. С учетом же боевых машин и рам полевой реактивной артиллерии РВГК это соотношение было еще большим (40,5 %).

Помимо наземной артиллерии, обеспечивавшей взлом обороны противника, фронты создали на направлениях главных ударов и сильную

группировку зенитной артиллерии для прикрытия войск от ударов воздушного противника. Нужно отметить, что количество зенитной артиллерии, выделяемое фронтам для прикрытия войск, возрастало от одной операции к другой. В Орловской операции, например, три стрелковых корпуса 11-й гвардейской армии прикрывались тремя зенитными дивизиями (14, 17-й и 48-й зенад) и двумя отдельными полками. В них имелось 216 зенитных пушек калибра 37–85 мм и 200 зенитных пулеметов. Кроме того, на прикрытие коммуникаций, баз снабжения и органов управления войсками было выделено три зенитных артиллерийских полка и два отдельных зенитных дивизиона (76 зенитных пушек и 74 пулемета). Примерно так же прикрывались и войска других фронтов. Например, 15-й и 18-й гвардейские стрелковые корпуса 13-й армии прикрывались 16-й и 25-й зенитными артиллерийскими дивизиями.

Таблица 17. **Распределении артиллерии в армиях к началу операции**

Артиллерия и ее построение	Состав артиллерии	Количество			Фронт наступления (км)	Плотность на 1 км фронта	Количество	
		Минометов	Орудий	Всего орудий и минометов			Установок БМ-8 и БМ-13	Рам М-30 и М-31
Западный фронт								
50-я армия	Главное направление							
1-й эшелон: 64, 212, 234 сд	арт. сд; 39 и 188 пап, 1/447 пап; 542 минп; 54 и 307 гмп	250	293	543	6	90,5	47	—
2-й эшелон: 49 сд	арт. сд	38	53	91	6	15,2	—	—
Итого на главном направлении		288	346	634	6	105,7	47	—
В обороне: 38 ск (326, 17 и 413 сд)	арт. сд; 1091 пап, 2/447 пап; 600 иптап	204	187	391	38	10,3	—	—
Всего в армии		492	533	1025	44	23,3	47	—
11-я гв. армия	Главное направление							
1-й эшелон: 16 гв. ск (169, 16 гв., 31 гв. сд.)	арт. сд; 6 адп; 11 гв. пабр; 24 и 25 гмбр; 16 гв. гап; 403 и 761 пап; 523 кап; 40 и 325 гмп	304	550	854	7	122,0	43	576

8 гв. ск (11 гв., 83 гв. сд)	арт. сд; 3 адп; 12 гв. и 15 гв. пабр; 56 и 1093 кап; 59 гмп	269	466	735	3	245,0	23	—
36 гв. ск (18 гв. сд)	арт. сд; 13 и 14 гв. пабр; 995 и 537 пап 1165 кап; 15 гв. гап; 551 иптап, 545 минп: 74 гмпминп; 74 гмп	133	277	410	4	102,5	23	—
Итого в 1-м эшелоне		706	1293	1999	14	142,8	89	576
2-й эшелон: 1 гв., 26 гв., 84 гв., 5 гв. сд	арт. сд	346	338	684	14	48,9	—	—
Резерв: 108 сд, 1 и 5 тк	арт. сд и тк	234	121	355	14	25,3	—	—
Итого во 2-м эшелоне и резерве		580	459	1039	14	74,2	—	—
Всего на главном направлении		1286	1752	3038	14	217,0	89	576
В обороне: 217 сд	арт. сд	84	64	148	12	12,3	—	—
Всего в армии		1370	1816	3186	26	122,5	89	576
Итого в 50-й и 11-й гв. армиях	на главном направлении	1574	2098	3672	20	183,6	136	576
	в обороне	288	251	539	50	10,8	—	—
	Всего	1862	2349	4211	70	60,1	136	576

Артиллерия и ее построение	Состав артиллерии	Количество			Фронт наступления (км)	Плотность на 1 км фронта	Количество	
		Минометов	Орудий	Всего орудий и минометов			Установок БМ-8 и БМ-13	Рам М-30 и М-31
Брянский фронт								
61-я армия	Главное направление							
1-й эшелон: 9 гв. ск (12 гв., 76 гв., 77 гв. сд), 336 сд	арт. сд; 41 и 971 ап 97 и 110 сд; 7 акп; 13 минбр; 67 гв. пап; 60 гв. кап; 533 иптап; 547 минп; 310 и 311 гмп, 10 огмд	772	974	1746	12	145,5	56	720
2-й эшелон: 97 и 110 сд; 20 тк	арт. сд (без ап) и тк	295	140	435	12	36,2	—	—
Итого на главном направлении		1067	1 114	2181	12	181,7	56	720
В обороне: 46 ск (356, 415 сд)	арт. сд	197	206	403	60	6,7	—	—
Всего в армии		1264	1320	2584	72	35,9	56	720
3-я армия	Главное направление							

1-й эшелон: 235, 380 сд	арт. сд; 1011 ап 308 сд; 20 адп; 8 гмбр; 420 пап; 584 иптап; 475 минп; 85, 312 гмп	338	504	842	6	140,3	48	142
2-й эшелон: 308 сд	арт. сд (без ап)	93	60	158	6	26,3	—	—
Итого на главном направлении		436	564	1000	6	166,6	48	142
В обороне: 342, 283, 259 сд	арт. сд; 12 иптабр	298	270	568	50	11,3	298	—
Всего в армии		734	834	1568	56	23,0	48	142
63-я армия	Главное направление							
1-й эшелон: 129, 348, 287, 250 сд	арт. сд; 27 и 1015 ап 5 и 397 сд; 2 акп; 44 пабр; 1071, 1311 иптап; 86 минп; 93 и 113 гмп.	638	960	1598	12	133,1	48	720
2-й эшелон: 5, 397 сд, 1 гв. тк	арт. сд (без ап) и тк	267	164	431	12	36,0	8	—
Итого на главном направлении		905	1 124	2029	12	169,1	56	720
В обороне: 41 сд		99	84	183	18	10,2	—	—
Всего в армии		1004	1208	2212	30	73,7	56	720
Итого на Брянском фронте	на главном направлении	2408	2802	5210	30	173,7	160	1582
	в обороне и резерве	594	560	1154	128	9,0	—	—
	Всего	3002	3362	6364	158	40,3	160	1582

Артиллерия и ее построение	**Состав артиллерии**	**Количество**			**Фронт наступления (км)**	**Плотность на 1 км фронта**	**Количество**	
		Минометов	**Орудий**	**Всего орудий и минометов**			**Установок БМ-8 и БМ-13**	**Рам М-30 и М-31**
70-я армия	Главное направление							
1-й эшелон: 28 ск (162, 175, 181, 280 сд)	артил. четырех сд; 425 ап 132 сд; 1,4, 14 иптабр; 378 иптап; 136 минп; 56, 84, 92 гмп	411	452	863	16	54,0	68	—
ААГ	1 ад, 68 пабр	—	192	192	16	12,0	—	—
Итого в 1-м эшелоне		411	644	1055	16	66,0	68	—
2-й эшелон: 132 сд; 13 тк	арт. сд (без ап) и тк	173	77	250	16	15,6	—	—
Итого на главном направлении		584	721	1305	16	81,6	68	—
В обороне: 140, 106, 211, 102 сд	арт. сд	393	338	731	58	12,6	—	—
АПТР фронта	130 и 563 иптап	—	44	44	—	—	—	—
Всего в полосе армии		977	1103	2080	74	28,1	68	—

Итого на Центральном фронте	на главном направлении	1752	2023	3775	36	104,9	200	468
	на вспомогательном направлении	944	807	1751	56	31,3	—	—
	в обороне и резерве	393	382	775	58	13,4	—	—
	Всего	3089	3212	6301	150	42,0	200	468
Всего на трех фронтах	на главном направлении	5734	6924	12657	86	147,2	496	2626
	на вспомогательном направлении	944	807	1751	56	31,3	—	—
	в обороне и резерве	1275	1193	2468	236	10,4	—	—
	Всего	7953	8924	16 876	378	44,6	496	2626

Глубокое эшелонирование боевых порядков войск, естественно, уменьшало количество одновременно действующих на главном направлении огневых средств пехоты и войсковой артиллерии. Так, например, в 11-й гвардейской армии из 3078 орудий и минометов, сосредоточенных на главном направлении, в первом эшелоне находилось только 66 %, в 63-й армии из 2029 орудий и минометов в первом эшелоне находилось 1598 (79 %); в 13-й армии из 2470 орудий и минометов в первом эшелоне находилось 1958 (79 %).

Как видно, в 11-й гвардейской армии к участию в артиллерийской подготовке и поддержке атаки было привлечено меньше орудий и минометов, чем в 63-й и 13-й армиях. Это объясняется тем, что командование армии не использовало для поддержки войск первого эшелона артиллерийские полки стрелковых дивизий из второго и третьего эшелонов.

Около 40 % от общего количества артиллерии составляли минометы, из которых более половины (примерно 56–58 %) приходилось на долю 82-мм минометов. Это показывает, что после битвы под Сталинградом, когда Красная Армия прочно захватила стратегическую инициативу в свои руки и перешла преимущественно к наступательным боевым действиям, необходимое насыщение войск более дальнобойной мощной артиллерией к лету 1943 г. еще не было обеспечено.

В 11-й гвардейской армии Западного фронта (командующий артиллерией армии — генерал-лейтенант артиллерии П. С. Семенов) находились 8-й артиллерийский корпус прорыва (командир корпуса — генерал-лейтенант артиллерии Н. Ф. Саличко) и 4-я гвардейская пушечная дивизия (командир дивизии — генерал-майор артиллерии Л. И. Кожухов).

3-я и 6-я артиллерийские дивизии прорыва (8-го акп) побригадно были приданы стрелковым корпусам. Командиры и штабы этих дивизий возглавляли группы «ДД» (дальнего действия) соответственно 8-го и 16-го гвардейских стрелковых корпусов. Одновременно они держали связь со

всеми своими штатными бригадами в готовности взять управление ими, как только на то будет соответствующее приказание.

На командира 8-го артиллерийского корпуса прорыва была возложена задача по организации борьбы с артиллерией противника. Однако армейской группой «ДД» в операции фактически командовал командир 4-й пушечной артиллерийской дивизии.

Совершенно новым в этой операции являлось создание корпусных артиллерийских групп. Можно поставить под сомнение целесообразность формирования четырех групп в каждом корпусе, однако главное заключается в том, что командование артиллерии армии сделало правильный и решительный шаг в организации корпусных артиллерийских групп.

Артиллерийская воздушная разведка, выполняемая отдельными корректировочно-разведывательными авиаэскадрильями, использовалась в данной операции значительно успешнее, чем во всех предыдущих наступательных операциях. Например, 50-я окраэ (Брянский фронт) в июле провела 44 боевых самолето-вылета: на корректирование огня артиллерии — 10 (из 10 батарей противника было уничтожено 8); на фотографирование обороны противника — 23 (было сфотографировано 61 кв. км обороны и выявлено свыше 1200 целей); на визуальную разведку — 4 и на обучение войск по опознаванию своих самолетов — 7.

Однако замечу, что и в Орловской операции все еще не были изжиты некоторые недостатки в боевом обеспечении работы окраэ. В первую очередь это относится к прикрытию самолетов окраэ истребителями. Например, 53-я окраэ (3-я армия) в июле должна была по плану произвести 52 самолето-вылета, а сделала всего 22. В 19 случаях причиной невылетов являлся отказ выделить для прикрытия самолеты-истребители; в 10 случаях вылеты не состоялись из-за плохих метеорологических условий и только в одном — из-за неподготовленности экипажа к полету.

Наступление войск левого крыла Западного и Брянского фронтов началось 12 июля 1943 г., а 15 июля, с переходом в контрнаступление войск Центрального фронта, наступление наших войск развернулось на трех направлениях: болховском, орловском и кромском.

На болховском направлении главную роль играли войска 11-й гвардейской и 61-й армий. Артиллерийская подготовка атаки началась в 11-й гвардейской армии в 3 ч 20 мин, а в 61-й — в 3 ч 50 мин и была проведена по плану. В каждой армии разрушалось и подавлялось до 200 целей, не считая сплошного артиллерийского огня по всем траншеям и ходам сообщения первой позиции обороны противника общим

протяжением до 30 км. В одной 61-й армии за артиллерийскую подготовку было израсходовано около 1500 тысяч снарядов и мин, или 2800 снарядов и мин на 1 кв. км подавляемой площади. Огонь артиллерии дополнялся бомбовыми ударами авиации. Артиллерийская и авиационная подготовка атаки была достаточно эффективной, обеспечившей захват первых траншей броском пехоты в атаку.

С момента подъема пехоты в атаку (5 ч 25 мин — 61-я армия и 6 ч 05 мин — 11-я гвардейская армия) артиллерия переключилась на ее поддержку огневым валом и провела ее также по плану на глубину 700 м в 11-й гвардейской армии и на 400 м — в 61-й армии. Дальше сплошной линии траншей не было, и артиллерия продолжала поддержку атаки последовательным сосредоточением огня (ПСО). Сначала ПСО осуществлялось по заранее разработанным планам от одного атакуемого объекта к другому, а затем — с нарушением хода атаки против намеченных планов — по ходу боевых действий войск. На каждый опорный пункт или очаг сопротивления противника, занятый силами до батальона, сосредоточивался огонь 3–6 дивизионов, а в глубине, где возрастало сопротивление противника, и более. Огонь по каждому объекту сосредоточения велся 5–10 минут, а при повторных атаках и до 15 минут.

К исходу дня 11-я гвардейская армия прорвала оборону противника на всем участке прорыва и вклинилась в нее на 10–12 км, подойдя вплотную к тыловой оборонительной полосе в районе Ульяново[103]. Успеху наступления армии содействовал 5-й танковый корпус, введенный в середине дня для допрорыва тактической зоны обороны противника.

61-я армия продвигалась медленнее. Если на преодоление первой позиции обороны противника 11-я гвардейская армия затратила около двух часов, то 61-я армия на это потратила шесть — восемь часов. К исходу дня она продвинулась всего на 3–7 км. Из этого можно заключить, что взаимодействие артиллерийского огня с ударом пехоты и танков в 11-й гвардейской армии было организовано эффективнее, чем в 61-й армии.

В результате боевых действий наших войск на болховском направлении противнику было нанесено серьезное поражение, он понес большие потери, но не был окружен и уничтожен. Его войска с арьергардными боями медленно отходили в юго-западном и западном направлениях.

Дальнейшая борьба на этом направлении затянулась. 11-я гвардейская и 4-я танковая армии с 31 июля по 5 августа вели трудные бои в направлении на Хотынец. Для ускорения темпа наступления 11-й гвардейской армии ее границы были значительно сужены, и она была

усилена 197-й стрелковой дивизией, 36-м и 42-м танковыми, 1444-м и 1529-м самоходными артиллерийскими полками.

Для прорыва организованной на подступах к Хотынцу обороны противника командующий армией создал ударную группировку в составе двух стрелковых корпусов, действующих каждый совместно с танковым корпусом (36-й гв. ск и 1-й тк, 8-й гв. ск и 25-й тк). 16-й гвардейский стрелковый корпус должен был перейти в наступление на второстепенном направлении после того, как ударная группировка выйдет на рубеж реки Мошенки.

Для поддержки действий ударной группировки войск армии к 5 августа была осуществлена перегруппировка артиллерии, в результате которой большая ее часть была придана 36-му и 8-му гвардейским стрелковым корпусам. Для поддержки 16-го гвардейского стрелкового корпуса оставили всего 5 артиллерийских полков РВГК (523-й кап, 637-й лап, 557-й иптап, 169-й и 545-й минп).

Была спланирована артиллерийская подготовка атаки продолжительностью в 55 минут (5 минут — огневой налет, 40 минут — подавление, 10 минут — огневой налет). Поддержку атаки планировалось осуществлять огневым валом на глубину до 900 м (пять рубежей через 150 м) с расходом снарядов на орудие — на первых двух рубежах по 5, на третьем — 6, на четвертом и пятом — по 7.

С 6 до 12 часов 6 августа вели боевые действия разведывательные роты стрелковых полков первого эшелона. За это время артиллеристы уточнили цели для стрельбы, а противник под воздействием наших разведрот был вынужден выйти из убежищ и занять траншеи. Благодаря этому первым же огневым налетом артиллерийской подготовки, начавшейся в 12 ч 05 мин, ему были нанесены большие потери.

В 13 часов пехота и танки под прикрытием огневого вала пошли в атаку и к 15 ч 30 мин прорвали оборону противника на глубину до 3 км, после чего были введены в бой танковые корпуса. К исходу дня был прорван и промежуточный рубеж обороны. В 8 ч 10 мин 7 августа после 10-минутного огневого налета наступление было возобновлено и развивалось успешно. Это позволило ввести в сражение основные силы 4-й танковой армии. Несмотря на то что противник оказывал упорное сопротивление, войска 11-й гвардейской и 4-й танковой армий при мощной поддержке артиллерии успешно продвигались вперед и к исходу 8 августа охватили с трех сторон хотынецкий узел сопротивления. К утру 10 августа Хотынец был полностью очищен от немецких войск, в то время как основные силы 11-й гвардейской и 4-й танковой армий были направлены на

Карачев.

Утром 12 июня на орловском направлении перешли в наступление войска 3-й и 63-й армий Брянского фронта. Артиллерийская подготовка атаки в обеих армиях была проведена по плану. Несмотря на это, наша пехота, перейдя в атаку, сразу же натолкнулась на упорное сопротивление немцев. Соединения 63-й армии около четырех часов вели бой на переднем крае. Только после сосредоточения огня почти всей артиллерии армии по опорным пунктам в районе Большого Малиновца и на высотах южнее оборона была прорвана, и к 12 часам части овладели Большим Малиновцем, продвинувшись в глубину до 5 км.

Уже к 10 часам самолеты противника группами по 40–50 машин бомбили боевые порядки пехоты и танков, переправы через реку Зуша и огневые позиции артиллерии. До 12 часов над расположением войск армии было зафиксировано свыше 600 самолето-пролетов противника. К месту прорыва немцы спешно подбрасывали свежие силы пехоты и танков. В результате в первый день наступления войска 3-й и 63-й армий так и не смогли полностью прорвать главную полосу обороны противника и вынуждены были вести тяжелую борьбу по уничтожению большого количества опорных пунктов, оборудованных в ближайшей глубине обороны.

Командующий артиллерией 63-й армии в ночь на 13 июля провел частичную перегруппировку артиллерии, смену ее боевых порядков и поставил задачи на следующий день. 13 июля действия артиллерии и войск 63-й армии были более успешными и задача по прорыву главной полосы обороны была выполнена. К исходу дня наши части овладели Марьино, крупными опорными пунктами Сетуха и Березовец, а 348-я и 237-я стрелковые дивизии, значительно выдвинувшись вперед, завязали бой на подступах к сильно укрепленному населенному пункту Архангельское. Общая глубина прорыва за 12 и 13 июля составила 13–14 км. В этот же день для развития успеха на стыке 3-й и 63-й армий был введен в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус, который, однако, успеха не имел.

В последующие три дня войска армии, преодолевая упорное сопротивление противника и отражая многочисленные контратаки его пехоты и танков, медленно продвигались в западном направлении.

Начавшееся с утра 1 августа наступление войск 3-й и 63-й армий развивалось успешно. К исходу 4 августа правофланговые соединения 3-й армии вышли на рубеж Калмыково, Малое Спицино, Плещеево, создавая непосредственную угрозу городу Орел с севера, а части 41-го стрелкового корпуса — на восточный берег Оки, овладев прилегающей к нему частью

города. 5-я и 129-я стрелковые дивизии 63-й армии вышли на рубеж Большое Разуваево, Грачевка, Малая Куликовка, где были встречены огнем и контратаками с заблаговременно подготовленного оборонительного рубежа противника. Сосредоточенным огнем нашей артиллерии огневые средства противника были подавлены, контратаки отражены, и немецкие войска были отброшены на восточную окраину Орла.

Перед боями непосредственно за город из 3-й армии были выведены в резерв фронта 12-я истребительно-противотанковая бригада[104] и 312-й гвардейский минометный полк, а 20-я артиллерийская дивизия убыла в подчинение командира 2-го артиллерийского корпуса, обеспечивавшего боевые действия 61-й армии. Таким образом, в составе артиллерии 3-й армии оставались всего четыре артиллерийских полка усиления (420-й кап, 584-й иптап, 475-й минп и 85-й гмп). Количество артиллерии уменьшилось еще на 397 орудий и минометов разных калибров (не считая реактивных установок). Состав артиллерии 63-й армии за первые пять дней августа оставался без изменений. В ночь на 5 августа 380-я стрелковая дивизия 3-й армии, 5-я и 129-я стрелковые дивизии 63-й армии ворвались в город и к 5 часам утра 5 августа освободили Орел.

Согласно донесениям штабов 3-й и 63-й армий, за период с 12 июля по 16 августа наша артиллерия уничтожила свыше 2600 различных целей (в том числе 133 танка, 130 артиллерийских и минометных батарей, 381 дзот и т. п.). За это же время артиллерия армий подавила 590 артиллерийских и минометных батарей, 197 отдельных орудий и минометов и 929 пулеметов. Таким образом, за время операции огневому воздействию подверглось около 4,5 тысячи только учтенных целей. За этот же период артиллерией обеих армий было израсходовано более 1 млн снарядов и мин всех калибров.

Из-за тяжелых боев под Прохоровкой Центральный фронт сумел перейти в наступление лишь 15 июля. В этот день в 5 ч 30 мин, после 15-минутного огневого налета, армии правого крыла Центрального фронта перешли в наступление.

Войска 48-й армии за первый день продвинулись всего на 1 км, и то лишь на отдельных участках. Немногим больше были ее успехи и на второй день наступления — 16 июля. В последующие дни, не имея достаточных сил и средств для преодоления сопротивления противника, армия до 20 июля включительно активных наступательных действий не вела.

Наступление 13-й армии, наносившей главный удар, также не дало ожидаемого результата. За первый день армия продвинулась в глубину

всего на 2–4 км, причем на малоархангельском направлении ее части даже были несколько потеснены противником, нанесшим здесь контрудар силами до пехотной дивизии с 50 танками. Ввод в бой 9-го танкового корпуса не внес существенного изменения в обстановку. Противник оказывал упорное сопротивление, используя созданные им узлы обороны, подтягивал резервы, переходил в контратаки.

За 15 июля огнем артиллерии 13-й армии с закрытых позиций и прямой наводкой, по далеко не полным данным, было уничтожено и подавлено около 200 различных целей (в том числе 47 танков) и большое количество живой силы (до 2000 человек). Поддержка артиллерии помогала пехоте и танкам преодолевать упорное сопротивление противника, и в последующие дни части армии, отражая его сильные контратаки, медленно продвигались вперед. Наиболее ожесточенные контратаки противник предпринимал 17 июля после овладения нашими частями станцией Малоархангельск, южной окраиной Очки, Александровка. Достаточно сказать, что на участке станция Малоархангельск, Александровка в контратаках противника участвовало одновременно до 100 танков.

Артиллерия, отбивая контратаки, непрерывно поддерживала пехоту, обеспечивая ее продвижение вперед. При этом полковая и противотанковая артиллерия поддерживала пехоту своим огнем, передвигаясь непосредственно в ее боевых порядках.

К исходу 18 июля 13-я армия, продвинувшись за 4 дня на 6–12 км, полностью восстановила положение, занимаемое ею до начала наступления противника 5 июля 1943 г.

70-я армия, перейдя в наступление одновременно с 13-й армией, также встретила упорное сопротивление противника и продвигалась еще медленнее последней. Несмотря на то что на участке 70-й армии в период оборонительного сражения вклинение противника было значительно меньшим, чем в полосе 13-й армии, она смогла восстановить положение, занимаемое ею до 5 июля, так же как и 13-я армия, к исходу 18 июля.

Чтобы не дать противнику закрепиться и организовать оборону на этом рубеже, командующий фронтом решил начать прорыв с утра 19 июля. Войска имели на подготовку к прорыву вечер и ночь. Главный удар в 13-й армии должен был наносить 17-й гвардейский стрелковый корпус. Для усиления корпуса в ночь на 19 июля в его полосу были переброшены 12-я артиллерийская дивизия (41-я пабр, 32-я габр, 46-я лабр, 11-я минбр), 19-й гвардейский пушечный артиллерийский полк, 37-й и 324-й гвардейские минометные полки полевой реактивной артиллерии. Корпус поддерживала

также и 22-я бригада полевой реактивной артиллерии.

В 7 часов утра 19 июля 17-й гвардейский стрелковый корпус после 15-минутного огневого налета перешел в наступление на участке Новый Хутор, Красная Заря. Части правого фланга и центра удерживали и закрепляли занятые рубежи. Однако атака корпуса успеха не имела. В течение дня корпус переходил в атаку еще два раза, и оба раза его атаки срывались. Не имели успеха атаки корпуса и 20 июля. Противник оказывал упорное сопротивление. Особенно мешали движению наших войск немецкие танки (в том числе и подбитые нашей артиллерией), используемые в качестве бронированных огневых точек.

21 и 22 июля войска армии наступления не вели. Артиллерия армии вела разведку, готовясь к обеспечению прорыва обороны противника.

Более успешными оказались действия 70-й армии. Выйдя 18 июля в исходное до оборонительного сражения положение, она также получила задачу атаковать противника с утра 19 июля. Планирование артиллерийского наступления проводилось штабами артиллерии стрелковых корпусов и дивизий, а также штабом 1-й гвардейской артиллерийской дивизии.

Артиллерийская подготовка была спланирована продолжительностью в 25 минут (5 минут — залп полевой реактивной артиллерии, 15 минут — подавление, 5 минут — огневой налет всей артиллерии по переднему краю обороны противника), после чего, одновременно с переходом в атаку пехоты и танков, огонь артиллерии должен был переноситься в глубину.

Вся противотанковая, полковая и часть дивизионной артиллерии к рассвету 19 июля выводилась на открытые огневые позиции. Огневые задачи ставились каждому командиру орудия на местности накануне, в светлое время. Расход боеприпасов на артиллерийскую подготовку был запланирован тот же, что и на 15 июля, то есть 0,3 боекомплекта для пушечных систем и 0,2 боекомплекта — для гаубичных. Сопровождение пехоты и танков предусматривалось методом последовательного сосредоточения огня (ПСО).

Атака была успешной. Пехота заняла первую линию окопов противника и в течение первой половины дня продолжала наступление. К 13 часам соединения армии продвинулись на глубину до 6 км, но закрепиться на достигнутом рубеже не успели. В середине дня противник силой до полка пехоты при поддержке 80 танков контратаковал части 70-й армии. Артиллерия не сумела отразить контратаку противника и не обеспечила устойчивости своей пехоты. В результате противнику удалось оттеснить наши части в исходное положение.

С утра 20 июля, после 10-минутного огневого налета и авиационной обработки переднего края противника, части армии возобновили наступление и продвинулись на 4–8 км. Небольшие группы немецких автоматчиков при поддержке 3–5 танков продолжали оказывать сопротивление, неоднократно переходя в контратаки на различных участках фронта. Активно действовала артиллерия и минометы противника. Наша артиллерия поддерживала огнем наступление пехоты и танков, отражая контратаки немцев, уничтожая и подавляя его огневые средства и живую силу. За день боя артиллерия армии подбила 10 и сожгла 7 танков, уничтожила 35 пулеметных точек, 25 автомашин, подавила огонь 6 минометных и 8 артиллерийских батарей, уничтожила свыше 2000 солдат и офицеров.

23 и 24 июля войска армии активных действий не вели, готовясь продолжать наступление, намеченное на 25 июля. За это время, помимо перегруппировки артиллерии, должно было быть спланировано и артиллерийское наступление. Штаб артиллерии армии дал указания командующим артиллерией стрелковых корпусов и дивизий начать артиллерийскую подготовку залпом полевой реактивной артиллерии, после которого в течение 5 минут огня не вести, чтобы дать время рассеяться дыму от разрывов. После 5-минутной паузы вся артиллерия армии в течение 15 минут должна вести огонь на подавление всех обнаруженных целей. В стрелковых корпусах спланировали артиллерийскую подготовку без 5-минутной паузы после залпа полевой реактивной артиллерии, что, конечно, было более правильным.

К продолжению наступления 25 июля подготовка была более тщательной, что и отразилось на более успешных действиях войск армии. В 9 ч 30 мин 25 июля после артиллерийской подготовки части армии перешли в наступление, нанося главный удар в центре полосы армии в общем направлении на Чувардино. Артиллерия армии непрерывно поддерживала наступление пехоты, ведя огонь по огневым точкам противника, по боевым порядкам его артиллерии и минометов, сопровождала огнем наши танки. В течение 26, 27 и 28 июля части армии продолжали наступление, преодолевая сопротивление противника и отражая его многочисленные контратаки. К исходу 28 июля войска армии вышли на рубеж юго-западная окраина Зиновьево, Козловка, Ломовец, Жирятино, Светлый Луч, Хальзево, продвинувшись в глубину до 10–15 км и расширив фронт прорыва до 30 км.

30 июля в центре полосы армии части продвинулись еще на 2–3 км и овладели Рассоховец, Гранкино. К этому времени войска 48-й и 13-й армий,

используя успех 70-й армии, преодолевая сопротивление противника, вышли на рубеж: 48-я армия — Плосское, Плоты, Гуторово; 13-я армия — Гордый, Добрынь, Гостомль. На достигнутом рубеже войска фронта, особенно 13-й и 70-й армий, встретили упорное сопротивление немцев, которые всеми силами стремились удержать в своих руках дорогу Кромы — Дмитровск-Орловский.

К исходу 31 июля вся подготовка к предстоящему наступлению была закончена, но из-за того, что германское командование приказало в ночь на 1 августа, оставив небольшие заслоны, отвести свои главные силы на рубеж реки Неживки, а затем продолжить дальнейший отход, план артиллерийского наступления осуществлен не был. Войска армии начали преследование противника без предварительной артиллерийской подготовки, легко сломив незначительное сопротивление его арьергардных подразделений.

Согласно донесениям штабов, с 15 по 31 июля огнем артиллерии трех армий Центрального фронта было уничтожено 2417 различных целей, в том числе артиллерийских и минометных батарей — 161, танков — 213, автомашин — 507 и др. За это же время было подавлено 1480 различных целей, в том числе 748 артиллерийских и минометных батарей, и подбито 124 танка. Таким образом, всего было уничтожено и подавлено около 4000 целей. Кроме того, по данным штаба артиллерии фронта, огнем артиллерии было уничтожено 21 660 и рассеяно 24 290 солдат и офицеров противника. Артиллерия трех армий за это время израсходовала 1158 тысяч снарядов и мин.

Глава 8
Артиллерия в контрнаступлении на белгородско-харьковском направлении

В то время как войска Центрального фронта уже осуществляли контрнаступление и вели бои в районе Орла, войска Воронежского и часть сил Степного фронтов еще вели ожесточенное оборонительное сражение. 16 июля им удалось остановить врага, а к 23 июля отбросить его в исходное положение, которое он занимал до 5 июля.

Таким образом, противник отошел на заблаговременно подготовленные рубежи, где и перешел к обороне. Тактическая зона его обороны состояла из двух оборонительных полос глубиной 16–18 км. Главная (первая) оборонительная полоса, глубиной 6–8 км, представляла собой несколько позиций, оборудованных сплошными линиями траншей и ходов сообщений. В системе траншейной обороны имелось много дотов, дзотов, бронеколпаков, окопанных танков, орудий ПТО и минометов. Каждая позиция прикрывалась с фронта проволочными и минными заграждениями.

Для прорыва такой обороны требовались тщательная подготовка, сосредоточение мощной артиллерии и общая перегруппировка войск. Вместе с тем сохранилась и особенность контрнаступления, требующая для успешного прорыва относительно коротких сроков подготовки наступления. Переход в контрнаступление был назначен на 3 августа. Таким образом, всю подготовку к операции необходимо было осуществить за 10 суток.

Командование Воронежского и Степного фронтов, используя прибывающую артиллерию усиления и все свои внутренние ресурсы, создало мощные оперативные артиллерийские группировки в армиях, наносивших главный удар. Это позволило создать в этих армиях высокую оперативную плотность артиллерии — 113 и 129 орудий и минометов на 1 км фронта в полосах 5-й и 6-й гвардейских армий Воронежского фронта и 242 орудия и миномета на 1 км — в полосе 53-й армии Степного фронта.

Всего на харьковском направлении было сосредоточено 13,5 тысячи орудий и минометов и более 800 боевых установок и рам полевой реактивной артиллерии. В сосредоточенных в обоих фронтах артиллерийских соединениях и частях некомплект материальной части

составлял 3,4 тысячи орудий и минометов (19 %). Наибольший некомплект имела батальонная и полковая артиллерия. Из всей наличной артиллерии (без зенитной) 46 % приходилось на минометы, 48 % — на пушки и гаубицы и около 6 % — на реактивные установки.

Кроме того, в зенитной артиллерии имелось 708 пушек, из них 456 — на Воронежском и 252 — на Степном фронте.

Организационно 56 % всей полевой артиллерии (без зенитной) приходилось на долю батальонной и полковой артиллерии стрелковых и танковых частей и подразделений. 44 % артиллерии входило в состав артиллерийских полков стрелковых дивизий, танковых и механизированных корпусов и отдельных артиллерийских соединений и частей РВГК. Эта часть артиллерии была наиболее приспособленной к централизованному управлению ею и, следовательно, составляла основу для массированного использования ее огня. При этом около 58 % этой части артиллерии входило в состав артиллерийских соединений и частей РВГК, не связанных организационно-штатной принадлежностью к общевойсковым соединениям (стрелковым, танковым, механизированным и кавалерийским). Это обстоятельство делало эту значительную часть артиллерии главным средством для маневра с целью создания огневого превосходства над противником на главных направлениях и на участках прорыва.

Таблица 18. **Распределение артиллерии в Воронежском и Степном фронтах на 3 августа 1943 г.**[105]

Армии и их состав	Артиллерия	Количество		Ширина фронта (км)	Оперативная плотность на 1 км фронта	Количество	
		полков	орудий и минометов			БМ-8 БМ-13	М-30 (М-31)
Воронежский фронт							
38-я армия — 50, 51 ск	Войсковая	5	880	72	12,2	—	—
	РВГК	4	111	72	1,5	—	—
сд — 5	Всего	9	991	72	13,7	—	—
40-я армия — 47, 52 ск; 2 тк	Войсковая	6	849	32	26,5	7	—
	РВГК	7	136	32	4,3	—	—
сд — 4, тк — 1	Всего	13	985	32	30,8	7	—
27-я армия — 147, 241, 163, 166, 155, 71 сд; 4 гв., 10 тк	Войсковая	10	1330	42	31,6	—	—
	РВГК	23	486	42	11,6	24	—
сд — 6, тк — 2	Всего	33	1816	42	43,2	24	—
6-я гв. армия — 23 гв., 22 гв. ск; 5 гв. тк	Войсковая	6	843	10	84,3	—	—
	РВГК	26	448	10	44,8	77	—
сд — 6, тк — 1	Всего	32	1291	10	129,1	77	—
5-я гв. армия — 32 гв., 33 гв. ск	Войсковая	7	1038	16	65,0	—	—
	РВГК	43	767	16	47,8	95	432
сд — 7	Всего	50	1805	16	112,8	96	432

1-я танковая армия — 3 мк; 6, 31 тк	Войсковая	6	356	—	—	33	—
5-я гв. танковая армия — 5 гв. мк; 18, 29 тк	Войсковая	7	510	—	—	32	—
	РВГК	2	56	—	—	—	—
мк — 1, тк — 2	Всего	9	566	—	—	32	—
47-я армия — 21, 23 ск; 3 гв. мк	Войсковая	8	1390	—	—	8	—
	РВГК	4	76	—	—	24	—
сд — 6, мк — 1	Всего	12	1466	—	—	32	—
Всего во фронте	Войсковая	55	7196	172	41,8	80	—
	РВГК	109	2080	172	12,1	221	432
сд — 34, тк — 8, мк — 3	Итого	164	9276	172	53,9	301	432
Степной фронт							
53-я армия — 252, 84, 28 гв., 233, 214, 116, 299 сд; 1 мк	Войсковая	9	1573	8,5	185,0	—	—
	РВГК	22	484	8,5	57,0	24	—
сд — 7, мк — 1	Всего	31	2057	8,5	242,0	24	—
69-я армия — 48, 35 гв. ск	Войсковая	7	802	21,5	37,3	—	—
	РВГК	14	204	21,5	9,5	18	—
сд — 7	Всего	21	1006	21,5	46,8	18	—
7-я гв. армия — 49, 25 гв., 24 гв. ск	Войсковая	8	1068	45	23,7	—	—
	РВГК	12	182	45	4,0	24	—
сд — 8	Всего	12	182	45	4,0	24	—
Всего во фронте	Войсковая	24	3443	75	45,9		—
	РВГК	48	870	75	11,6	66	—
сд — 22, мк — 1	Итого	72	4313	75	57,5	66	—

Кроме сил и средств войсковой артиллерийской разведки, Воронежский фронт имел пять отдельных разведывательных артиллерийских дивизионов (815, 621, 12-й гв., 811-й и 784-й орад) и две отдельные корректировочные авиационные эскадрильи (51-й и 60-й окаэ). 5-я гвардейская армия получила два дивизиона и одну эскадрилью, 6-я гвардейская — один дивизион и одну эскадрилью, а 40-я и 27-я армии — по одному разведывательному дивизиону каждая.

Наступление войск Воронежского и Степного фронтов началось утром 3 августа одновременным ударом артиллерии главных группировок обоих фронтов. В этот день в наступление перешли 6-я и 5-я гвардейские армии Воронежского фронта и 53-я армия и правофланговый корпус 69-й армии Степного фронта. Артиллерийская подготовка, начавшаяся в 5 часов утра, в армиях Воронежского фронта проводилась по фронтовому графику, а в 53-й армии Степного фронта вместо 2 часов 55 минут она продолжалась только 30 минут.

После окончания артиллерийской подготовки войска перешли в атаку, поддержка которой осуществлялась весьма своеобразно. С началом движения пехоты в атаку вся артиллерия, за исключением групп ДД, открывала огонь по первым траншеям и вела его с максимальным темпом до подхода пехоты на безопасное удаление от своих разрывов, после чего переносила огонь на вторые, а затем в том же порядке и на третьи траншеи.

С овладением пехотой третьей траншеей (500–800 м) артиллерия вела заранее спланированный огонь по узлам сопротивления на глубину до 2 км.

Группы орудий, выполнявших во время артиллерийской подготовки задачи огнем прямой наводкой, с момента атаки переднего края переключались на непосредственное сопровождение танков и пехоты, действуя в их боевых порядках. С захватом намеченных рубежей немедленно принимались меры к их удержанию, для чего в первую очередь на этих рубежах организовывалась надежная противотанковая оборона за счет частей противотанковой артиллерии и орудий сопровождения.

Войска всех армий благодаря мощной и непрерывной поддержке артиллерии успешно развивали наступление и к исходу первого дня операции продвинулись на 7–8 км.

Необходимо отметить, что успешному развитию наступления войск 6-й и 5-й гвардейских армий способствовало и то обстоятельство, что в 13 часов в их полосах были введены в сражение 1-я и 5-я гвардейская танковые армии, которые к исходу того же дня прорвались в глубину обороны противника до 26 км.

Немцы, не выдержав нашего удара, поспешно отходили в южном направлении, но в таких крупных населенных пунктах, как Томаровка, Борисовка, оказывали упорное сопротивление. Подвижные части, как правило, не задерживались перед этими пунктами, обходили их и стремительно продвигались вперед. Полной ликвидацией узлов сопротивления в Томаровке, Борисовке и других занимались стрелковые части, поддерживаемые мощным артиллерийским огнем.

Общий поспешный отход противника, понесшего большие потери, уже в первые часы наступления войск левого крыла Воронежского фронта и быстрый темп наступления нашей пехоты вызвали необходимость решительного перемещения боевых порядков всей артиллерии вперед. В частности, в полосе 5-й гвардейской армии уже к 18 часам 3 августа все артиллерийские и минометные части и соединения сменили свои боевые порядки, переместив их в среднем на 8 км.

В последующие дни армии левого крыла Воронежского фронта, поддерживаемые огнем артиллерии, продолжали наступление.

Большую роль в обеспечении наступления наших войск сыграли части и подразделения истребительно-противотанковой артиллерии. В 40-й армии особенно отличилась 32-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, поддерживавшая наступление 100-й стрелковой дивизии. Когда 5 августа противник контратаковал дивизию силою до пехотного полка с 50 танками, бригада с ходу развернулась и приняла всю

силу удара танков на себя. Противник несколько раз повторял атаки, но каждый раз они отбивались полками бригады. Во время отражения этих контратак огнем бригады были подбиты и сожжены 17 танков, 2 самоходных орудия, 14 автомашин и 3 орудия; подавлен огонь двух артиллерийских батарей, рассеяно и частично уничтожено около 800 вражеских солдат и офицеров и обоз в 80 подвод.

В 7-й гвардейской армии события развивались менее успешно. Еще до начала общего наступления части армии вели бои за расширение плацдарма на западном берегу Северного Донца в районе Топлинки, с которого должен был наноситься главный удар. Немцы оказывали упорное сопротивление, неоднократно контратакуя наши части. Наводимые войсками армии переправы через Северный Донец разрушались германской артиллерией, что крайне затрудняло советским частям переправу артиллерии на западный берег реки. И все же 8 августа удалось переправить через Северный Донец 1848-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, две батареи 290-го минометного полка, полковую артиллерию 73, 78-й и 81-й гвардейских стрелковых дивизий и частично артиллерию 15-й гвардейской стрелковой дивизии. Большая часть этой артиллерии была переправлена на плацдарм без средств тяги, остававшихся на восточном берегу. Такого количества артиллерии на плацдарме было недостаточно для решения поставленных задач, и армия не сумела в первый день даже вклиниться в оборону противника.

Второй день наступления также принес успех только правофланговым армиям фронта. К исходу дня 4 августа соединения 53-й армии продвинулись в глубину обороны противника до 15 км, а 1-й механизированный корпус своими передовыми частями продвинулся на 20–25 км, овладел железной дорогой Белгород — Харьков на участке Болховец — Красное. Соединения 69-й армии также успешно продвигались в западном и юго-западном направлениях, содействуя успеху 53-й армии.

Войска Степного фронта 6 и 7 августа вели напряженные бои южнее Белгорода и к исходу 7 августа продвинулись на 15–18 км к югу от Белгорода.

С 8 по 11 августа войска Воронежского фронта продолжали успешное развитие наступления в юго-западном и западном направлениях, охватывая Харьков с запада. Своим правым крылом они к исходу 11 августа выдвинулись на рубеж Боромля, Ахтырка, Котельва. На этом направлении в наступление включилась и 38-я армия.

Для артиллерийского обеспечения наступления левого фланга 38-й

армии (50-я ск) ей были приданы две бригады (88-я тгабр и 101-я габр БМ) 13-й артиллерийской дивизии, перебрасываемые из 5-й гвардейской армии, и 3-я гвардейская минометная дивизия полевой реактивной артиллерии (449 рам М-30), передаваемая из 27-й армии. Кроме того, на время артиллерийской подготовки должны были привлекаться два артиллерийских полка стрелковых дивизий (77-й и 663-й ап) и вся артиллерия 38-й стрелковой дивизии 47-й армии. Благодаря этому количество артиллерии в 38-й армии должно было увеличиться с 991 до 1310 орудий и минометов плюс 449 рам М-30 реактивной артиллерии. Однако из-за ограниченных сроков подготовки операции большинство из вновь приданных артиллерийских частей не успели сосредоточиться к началу наступления и вступали в бой с марша.

К исходу 11 августа 53, 69-я и 7-я гвардейская армии Степного фронта подошли вплотную к внешнему харьковскому оборонительному рубежу. 57-я армия, форсировав Северный Донец и овладев крупными узлами сопротивления противника Зарожное и Чугуев, подошла к Харькову с востока и юго-востока.

Необходимо отметить, что с выходом войск в район Харькова значительная часть артиллерии фронта не могла быть использована в обеспечении наступления войск из-за больших потерь и выхода из строя по разным причинам средств тяги. 857 орудий и 120-мм минометов лишены были маневра из-за недостатка средств тяги. Имевшиеся на складах фронта 250 орудий и минометов не могли быть использованы для укомплектования артиллерийских частей также из-за отсутствия средств тяги. Такое положение со средствами тяги оказывало существенное влияние на маневренные возможности артиллерии и, следовательно, на объем артиллерийской поддержки наступавших войск.

Наступление войск Воронежского фронта на юг от Богодухова, угрожавшее охватить с запада и юга главные силы харьковской группировки противника, вынудило его использовать подходившие из Донбасса танковые дивизии для удара по войскам Воронежского фронта, прорвавшимся в район южнее Богодухова.

К 11 августа противник сосредоточил в районе Валки, Коломак 3 танковые дивизии («Рейх», «Мертвая голова», «Викинг») и нанес ими сильный контрудар по передовым частям 1-й танковой армии, которые вышли к этому времени на рубеж Высокополье, Ковяги.

До 17 августа на этом направлении шли ожесточенные бои, и за это время, используя свое превосходство в танках, немцам удалось значительно потеснить части 1-й танковой армии и продвинуться в направлении

Богодухова на 20 км. В эти дни особенно тяжелая задача легла на артиллерию. Естественно, что решающую роль играла противотанковая артиллерия, расстреливавшая атакующие танки огнем прямой наводкой. Эффективно действовали дивизионы и полки полевой реактивной артиллерии, накрывая своими залпами районы скопления танков противника.

Однако войска 1-й танковой армии к этому времени оторвались от общевойсковых соединений на 25–40 км и тем самым лишились помощи со стороны артиллерии, поддерживающей эти соединения. В связи с этим в боевых порядках частей 1-й танковой армии не оказалось артиллерии крупных калибров, способной поражать и расстраивать боевые порядки немецких танков на дальних подступах. Вражеские танки получали возможность без потерь подходить к переднему краю и всей своей мощью обрушиваться на боевые порядки наших войск. Отсутствие артиллерии крупных калибров, способной поражать противника с закрытых позиций, привело еще и к тому, что тяжелые танки T-VI, подходя к нашему переднему краю, с дальности 2–2,5 км вели огонь прямой наводкой по нашим танкам и противотанковым орудиям, сами оставаясь недосягаемыми для огня наших орудий, обладавших значительно меньшей дальностью прямого выстрела. Это привело к тому, что 1-я танковая армия в первые дни боев понесла излишние потери в танках, противотанковой артиллерии (штатной и приданной) и личном составе.

В то время, когда войска Воронежского фронта вели бои с противником южнее Богодухова и в районе Ахтырки, войска Степного фронта продолжали непосредственную борьбу за Харьков. В период с 18 по 22 августа особенно напряженные бои развернулись на флангах Степного фронта. Противник с огромным упорством вел борьбу за каждый населенный пункт. Артиллерия в этих боях играла особенно важную роль. Огнем прямой наводкой и массированным огнем с закрытых огневых позиций она выбивала немцев из этих пунктов. К исходу 22 августа 5-я гвардейская танковая армия охватила группировку врага в Харькове с запада и юго-запада, а 57-я армия — с востока и юго-востока. В его распоряжении осталась лишь одна железная и одна шоссейная дороги, идущие из Харькова на Мерефу и Красноград.

К этому времени немцы уже не имели надежд на успех своих контрударов на Богодухов и во второй половине дня 22 августа начали отвод своих войск из Харькова. В этой обстановке командующий Степным фронтом вечером 22 августа отдал приказ о ночном штурме города войсками 69-й и 7-й гвардейской армий. К 12 часам 23 августа после

упорного боя Харьков был полностью очищен от вражеских войск. Большая часть харьковской группировки была уничтожена, а ее остатки были отброшены за реки Мерефа и Мжа.

Артиллерия, несмотря на сложность условий, в которых ей пришлось действовать, сыграла важную роль в обеспечении наступления армий обоих фронтов. О вкладе артиллерии в дело разгрома белгородско-харьковской группировки противника можно судить по результатам ее огня и по количеству израсходованных снарядов.

По неполным данным, за время операции с 3 по 23 августа артиллерия уничтожила, разрушила, подбила и сожгла более 8 тысяч различных целей. В числе этих целей от огня нашей артиллерии противник потерял 164 артиллерийские и минометные батареи, 615 отдельных орудий и минометов, 2428 ручных и станковых пулеметов, 753 танка, 2483 автомашины с людьми и грузами. Огнем артиллерии было разрушено более 700 дзотов, блиндажей и наблюдательных пунктов. Кроме того, в ходе наступления артиллерией и минометами было подавлено более 4 тысяч различных целей: артиллерийских и минометных батарей, отдельных орудий и минометов, пулеметов.

Убедительны и цифры, говорящие о количестве израсходованных в операции снарядов и мин С 3 по 23 августа артиллерия обоих фронтов израсходовала более 3 млн снарядов и мин всех калибров.

А теперь попробуем подсчитать потери сторон в Курской битве в целом. В России это была и есть весьма тщательно охраняемая государственная тайна. В 1993 г. «Воениздат» выпустил статистическое исследование «Гриф секретности снят»[106]. Это было первое советское официальное издание, где приводились потери наших вооруженных сил. Замечу, что я в своих книгах за неимением лучшего иной раз использую данные этого исследования. Однако, описывая операции советских войск по освобождению Крыма, я обнаружил в «Грифе…» явное преуменьшение потерь.

В статье Л. Н. Лопуховского аргументированно доказывается, что и данные по потерям в Курской битве явно не соответствуют действительности. Лопуховский пишет: «Потери сторон в живой силе в курской оборонительной операции с учетом наших данных так же соотносятся, как 1:4 (64,4:268), в пользу противника»[107].

В диссертации Игуменова[108], на мой взгляд, содержатся достаточно точные сведения о потерях советских танков, однако там имеются данные лишь о некоторых танковых соединениях. Так, в ходе Орловской операции

Центральный фронт потерял 2949 танков и САУ, из которых 2738 приходится на боевые повреждения, 127 — на технические неисправности и 84 — на прочие причины. Соответственно из боевых потерь 2342 машины потеряны от артогня, 209 — от мин и фугасов, 187 (6,8 %) — от авиации. Из 2738 потерянных машин 1750 (64 %) потеряны безвозвратно.

В составе 1-й гвардейской танковой армии, входившей в состав Брянского фронта, к 5 июля 1943 г. имелся 631 (511) танк[109]. В ходе Курско-Белгородской операции с 5 по 20 июля было потеряно 954 (784) танка, то есть 151 % к числу имевшихся. Это объясняется поступлениями новых танков, а также вводом в строй отремонтированных машин. Из числа потерянных танков 854 (716) пришлось на боевые повреждения, а 100 — на технические неисправности. При этом безвозвратно потеряно 425 (379) танков, то есть более 67 % (74 %) от числа имевшихся к началу операции.

Эта же 1-я гвардейская танковая армия к началу наступления в Курско-Белгородской операции 3 августа 1943 г. имела в своем составе 542 (418) танка. Из них с 3 по 31 августа потеряно 1040 (889), то есть 192 % (213 %) танков. Боевые потери распределялись следующим образом: 706 (646) — от боевых повреждений, 334 (249) — от технических неисправностей. При этом безвозвратные потери составили 289 (271) танков, то есть 53,3 % (64,8 %).

3-я гвардейская танковая армия, входившая в состав Брянского фронта, в ходе Орловской наступательной операции с 19 по 27 июля 1943 г. потеряла 240 танков. Из них 206 были потеряны от боевых повреждений, 23 — вследствие технических неисправностей и 11 — от прочих причин. 206 потерянных от боевых повреждений машин распределялись следующим образом: 175 — от артогня, 10 — от мин и фугасов, 21 — от авиации. 112 машин, то есть 54,5 %, были потеряны безвозвратно, из них 102 сгорело.

4-я гвардейская танковая армия, входившая в состав Брянского фронта, к началу Орловской операции имела 767 (571) танков. Потери в ходе операции составили 1283 (859) машины, то есть 198 % (185 %). Из них 1189 (786) танков — от боевых потерь, 80 (61) — от технических неисправностей, а 14 (12) — от прочих причин. Боевые потери распределялись следующим образом: 936 (628) — от артогня, 85 (42) — от мин и фугасов, 168 (116) — от авиации, то есть 14,1 % (15 %). Безвозвратные потери составили 360 (292) танков, из которых сгорело 256 (215).

В июле — августе 1943 г. левое крыло Западного фронта также участвовало в Орловской операции. Находившийся в составе Западного

фронта 25-й танковый корпус к 14 июля имел 194 танка. До 10 августа он потерял 378 танков, то есть 195 %. Из них на боевые повреждения пришлось 350 машин, а на технические неисправности — 28. Безвозвратные потери составили 162 машины, то есть 83,5 % от исходного числа танков.

Общие потери советских танковых частей, согласно информации со стенда Военно-исторического музея Курской битвы, составили 6000 танков и САУ, а по данным статьи М. Воронкова «10 суток 140-й Сибирской» из архива того же музея, — 6044 танка и 242 САУ. Надо полагать, что тут приведены безвозвратные потери.

Немцы также понесли тяжелые потери в танках и САУ. Согласно «Истории бронетанковых и механизированных войск Советской Армии», «только в ходе контрнаступления советских войск на орловско-брянском и белгородско-харьковском направлениях с 12 июля по 23 августа было разгромлено 35 дивизий, в том числе 22 пехотные, 11 танковых и 2 моторизованные. Кроме того, 42 дивизии противника понесли тяжелые потери и в значительной степени потеряли свою боеспособность»[110].

На самом деле моторизованные дивизии СС в октябре 1943 г. были переформированы в танковые дивизии СС. Так, моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» стала 1-й танковой дивизией СС и продолжала сражаться на Восточном фронте до апреля 1944 г., после чего была переведена во Францию.

Моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» к 25 августа 1943 г. имела в своем составе исправных танков 31, в ремонте — 124. В октябре 1943 г. переформирована в 3-ю танковую дивизию СС.

Моторизованная дивизия СС «Викинг» к 26 августа 1943 г. имела 27 исправных танков и четыре САУ. В ремонте находилось 20 танков. В октябре 1943 г. дивизия была переформирована в 5-ю танковую дивизию СС.

Моторизованная дивизия СС «Рейх» к 26 августа 1943 г. имела в своем составе 7 танков «Тигр», 4 танка T-III, 4 танка T-IV, 27 танков T-V, 6 командирских танков и 6 САУ StuG.III. В октябре 1943 г. она была переформирована во 2-ю танковую дивизию СС и до марта 1944 г. воевала на Восточном фронте, а затем была переведена во Францию.

Моторизованная дивизия вермахта «Великая Германия» была переброшена на Украину, где участвовала в боях в районе Кременчуга, а затем Кировограда.

Тем не менее по стране даже в послеперестроечных книгах гуляет цифра в 1500 единиц бронетехники, безвозвратно потерянных Германией в

Курской битве.

На мой взгляд, немцы, начиная операцию на Курской дуге, совершили две грубейшие ошибки — стратегическую и тактическую.

С точки зрения военной стратегии затевать крупное наступление на Восточном фронте было вопиющей глупостью. Даже если бы немцам удалось достичь успеха, это была бы тактическая победа, не решавшая исход войны, а лишь отодвигавшая на время наступление Красной Армии. С другой стороны, германская разведка прекрасно знала, что союзники, разгромив немцев и итальянцев в Северной Африке, готовят вторжение в Европу. Если бы треть сил, сконцентрированных на Курской дуге, Гитлер направил бы в Италию, то вермахт и люфтваффе устроили бы бойню для союзных сил, высадившихся в Сицилии. Кстати, союзники высадились в Сицилии 10 июля — в самый разгар Курской битвы.

Оппоненты возразят мне, что в военном отношении операции в Сицилии не идут ни в какое сравнение с Курской битвой и что именно Курская битва стала решающим сражением Второй мировой войны. Да, все верно, но только при том раскладе исторических событий. Победа союзников в Сицилии была лишь тактическим успехом, а успех Красной Армии под Курском — стратегической победой. Но вот полный разгром союзников в Сицилии мог стать решающей битвой Второй мировой войны, пусть даже при оставлении немцами пары областей на Восточном фронте.

Если бы из Сицилии не вернулся ни один солдат союзного десанта, то руководству США и Англии стало бы ясно, что высадка союзников во Франции может состояться, лишь когда Красная Армия дойдет до Бреста, и не до того, который на Буге, а до берегов Атлантики. Надо ли говорить, что это подтолкнуло бы союзников к переговорам с немцами, разумеется, не с Гитлером, а с высшими генералами.

Теперь о тактической ошибке. Гитлер решил устроить новый Верден, где советские войска много недель строили укрепления и ставили мины. Например, на Центральном фронте было отрыто до 5000 км траншей и ходов сообщений, установлено около 400 тысяч мин и фугасов. Только в полосах обороны 13-й и 70-й армий было построено 112 км проволочных заграждений и установлено свыше 170 тысяч мин. На Воронежском фронте было вырыто 4240 км траншей и ходов сообщений, а также до 60 тысяч стрелковых и пулеметных окопов; уложено свыше 600 тысяч мин и построено до 500 км противотанковых препятствий.

К 1 июля 1943 г. в составе Центрального фронта имелось 3769 пушек, 741 гаубица, 503 зенитных орудия и 6706 минометов калибра 50–120 мм. Для Воронежского фронта эти цифры составляли: 4035, 332, 474 и 6943

ствола. На 1 км фронта плотность противотанковых пушек составляла от 10 до 24 стволов, не считая гаубиц, минометов и реактивных установок. Кстати, только на Центральном фронте к 4 июня 1943 г. было 169 боевых машин для ракет М-8 и М-13 («катюш») и 432 установки рамного типа для пуска ракет М-30 («Лука»).

Для борьбы с танками советское командование привлекало не только 57 — 76-мм пушки, но и корпусную артиллерию — 122-мм пушки обр. 1931 г. и 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20. Попадание снаряда корпусной артиллерии с близкого расстояния в лобовую часть «Тигра» заведомо выводило его из строя даже без пробития брони. Откуда-то с Дальнего Востока подтянули 107-мм пушки М-60. В части Центрального и Воронежского фронтов доставили гаубичные артиллерийские бригады большой мощности, оснащенные 203-мм гаубицами Б-4, которые в 1941 и 1942 гг. практически не участвовали в боевых действиях.

Гитлер же понадеялся, что его 133 «Тигра» победно пройдут через километры минных полей под огненным шквалом советской артиллерии.

Замечу, что все подбитые «Фердинанды» (около 30 машин) стали жертвами мин и фугасов, а совсем не огня танковых пушек. Да и остальная германская бронетехника имела от огня 76-мм пушек советских танков весьма небольшие потери. Точных данных на этот счет нет, но, по моей оценке, это 5–10 %.

Курская битва стала победой не наших танков, а нашей артиллерии, как буксируемой, так и самоходной. Другой вопрос, что развить успех в контрнаступлении пришлось именно танкам.

Чтобы добиться успеха на Курской дуге, Гитлеру следовало устроить полномасштабный Верден, то есть резко увеличить плотность огня большим числом орудий большой и особой мощности. Кстати, такие орудия у него были. Сотни, а то и тысячи тяжелых орудий без особого успеха обстреливали Ленинград, стояли на вооружении береговых батарей Атлантического Вала[111], а то и пылились на складах. Это относится как к орудиям германского производства, так и к трофейным орудиям, захваченным по всей Европе.

И лишь после того, как оборона противника будет полностью подавлена артиллерийским огнем и бомбардировками авиации, следовало пускать танки, причем вначале должны были следовать средние танки и лишь потом — тяжелые.

Во многом немцы на Курской дуге повторили ошибки наших командиров летом 1941 г. Сражение под Курском еще раз подтвердило, что ни один вид военной техники, сколь бы он ни был совершенен, не в

состоянии решить исход большой битвы. (Понятно, что речь не идет об атомном или бактериологическом оружии.)

Глава 9
Германские САУ в сражении под Курском и Харьковом

Рассказ о Курской битве будет неполным без взгляда «с той стороны». Поэтому стоит рассказать о действиях главной ударной силы германской артиллерии — САУ и реактивных минометов.

Рассказ о САУ я начну со штурмовых орудий.

В ходе операции «Цитадель» на Курской дуге немцы использовали 455 штурмовых орудий, что составило больше половины боевых машин этого типа, находившихся на Восточном фронте. На 30 июня 1943 г. у немцев под Курском имелось 28 бригад и дивизионов штурмовых орудий, в которых состояло 35 штурмовых орудий StuG III Ausf A — E, 727 StuG III Ausf F — G и 57 штурмовых гаубиц StuH 42.

В ходе Курской битвы штурмовые орудия в основном применялись как противотанковые САУ — они вели огонь из засад по атакующим советским танкам. Красноармейцы — участники Курской битвы — утверждали, что в боекомплектах захваченных штурмовых орудий почти не было осколочно-фугасных снарядов.

За июль — август 1943 г. немцы потеряли 273 штурмовых орудия и 38 штурмовых гаубиц, а за весь 1943 г. — 1492 штурмовых орудия и 73 штурмовые гаубицы. Ремонтным службам удалось вернуть в строй только 208 штурмовых орудий.

Интересны боевые действия штурмовых орудий на реке Северный Донец в начале августа 1943 г. 4–5 августа десятки танков Т-34 появились на правом берегу Донца, к величайшему удивлению германских генералов. Дело в том, что в ходе операции «Цитадель» танки «Тигр» и штурмовые орудия StuG III сумели пересечь Донец, лишь когда был построен мост грузоподъемностью 72 т. Однако с холма на юге, который немцы успешно защищали от нападения так называемого болотного батальона, они ясно видели следы гусениц, ведущие к восточному берегу реки, а затем появляющиеся на противоположном берегу. Поэтому многие германские офицеры, видевшие это, решили, что русские использовали танки-амфибии.

Однако времени для гадания не было. Немцы вывели штурмовые орудия StuG III на дистанцию прямого выстрела. При этом многие

штурмовые орудия получили прямые попадания по «укрепленной» броне, прежде чем смогли вывести из строя хотя бы один танк Т-34. Как только 30-мм верхний лист лобовой брони StuG III уничтожался, экипажи сразу уводили свои машины во второй эшелон, под прикрытие неповрежденных StuG III.

К этому времени почти все штурмовые орудия, помимо штатной лобовой брони в 50 мм, имели навесные 30-мм броневые плиты. Естественно, что 76-мм пушки Ф-34 советских танков не брали 80-мм броню.

Постепенно штурмовые орудия добились успеха, и через час горело уже пять Т-34, в то время как несколько StuG III получили лишь небольшие повреждения, позволявшие им оставаться в строю. К тому времени, когда германские войска достигли центра деревни, тяжелые потери, понесенные советскими частями, естественным образом сбалансировали силы. Советская пехота, зажатая в долине, утратила подвижность, поскольку многие подразделения оказались под прямым огнем германских самоходок. Остальные же подразделения повернули свой фронт против штурмовых орудий.

Эрхард Раус писал: «Лишь после того, как в бой вступили штурмовики люфтваффе, атаковав подразделения, которые уже находились под перекрестным огнем нашей артиллерии, воля русских к сопротивлению заметно ослабла. Однако Т-34 продолжали упорно сопротивляться. Их экипажи поняли, что отступление приведет к тяжелым потерям. Их отказ отступать не лишил нас победы, но сильно отсрочил ее. Лишь ближе к вечеру последний Т-34 стал жертвой наших уцелевших штурмовых орудий, вражеское сопротивление окончательно прекратилось.

Темнота опустилась, когда немецкие солдаты вошли в деревню, и артиллерийские наблюдатели смогли занять свое место в „орлином гнезде“ на церковной колокольне, которую утром им пришлось освободить. Уже в сумерках штурмовые орудия вместе с патрулями саперов, преследуя разбитых русских, подошли к берегу реки в том месте, где Т-34 выскакивали из утреннего тумана. Но, даже подойдя вплотную, немцы не нашли никаких признаков моста. Лишь когда смущенные саперы замерили глубину воды, загадка разрешилась. На глубине полметра обнаружился подводный мост. Русские строили подобные мосты и в других случаях, когда требовалось спрятать переправу от самолетов-разведчиков люфтваффе. Поэтому само существование такого моста не вызвало особого удивления, странным было другое. Как русские сумели построить его так быстро, несмотря на артиллерийский обстрел? Лишь после внимательного

осмотра основания моста удалось получить ответ на все вопросы. Мы обнаружили два ряда исправных Т-34, стоящих под водой бок о бок. Эти танки служили опорами подводному мосту. Поверх них наскоро были уложены доски и тросами привязаны к танкам. Решение позволить другим танкам переходить этот мост было довольно рискованным. Во время переправы несколько Т-34 перевернулись и рухнули в воду, но для русских это мало что значило. Главная цель — как можно быстрее переправить через Донец как можно больше танков — была достигнута. Лишь наши штурмовые орудия избавили их от необходимости совершать обратный переход по столь странному мосту.

Противник явно надеялся вытащить затопленные танки из воды и использовать их после успешного прорыва нашей обороны. Но дела повернулись так, что наши саперы взорвали их прямо на дне, добавив еще десяток Т-34 к „танковому кладбищу“, которое уже образовалось на суше. Действия подрывных партий закончили этот полный событиями день. Ночная тишина опустилась на землю подобно вуали.

В очередной раз необычная тактика, использованная Красной Армией, позволила ей добиться внезапности и поставила нашу оборону на грань катастрофы. Лишь немедленные и эффективные действия офицеров на местах и отважное поведение солдат генерала Постеля не позволили русским добиться успеха. Контратаку провело крошечное соединение — 9 штурмовых орудий и около 80 саперов, однако оно сумело разбить значительно превосходящие силы»[112].

Далее Раус пишет: «После нескольких часов упорной борьбы за „Овраг смерти“ наша пехота была все-таки вынуждена отходить шаг за шагом. Тем не менее до вечера мы еще удерживали западную опушку леса, из-за которой шли такие упорные бои, с помощью подошедших подкреплений. Хотя русские понесли совершенно чудовищные потери, они сумели расширить плацдарм, но прорвать фронт так и не сумели. Ничуть не смутившись, советское командование перебросило свежие батальоны, чтобы 7 августа добиться полного успеха.

Однако немцы тоже подтянули подкрепления и начали готовить собственную атаку. Два батальона 320-й пехотной дивизии, выведенные с юга, один батальон 106-й пехотной дивизии и несколько уцелевших штурмовых орудий получили задание отбить лес и концентрической атакой отбросить русских за реку. Огневую подготовку должна была вести вся имеющаяся артиллерия, усиленная батальоном „Небельверферов“ и несколькими батареями 8,8-см зениток. К несчастью, мы не могли рассчитывать на авиационную поддержку, так как 4-й Воздушный Флот

использовал все имеющиеся самолеты для поддержки 4-й Танковой Армии, которая отражала главный советский удар, ведь огромные массы русских танков так и не были уничтожены. Однако отсутствие люфтваффе не слишком сильно сказалось, так как Красная Армия также использовала практически всю свою авиацию против 4-й Танковой Армии.

Сосредоточение войск для контратаки прошло гладко. В назначенное время четыре батареи „Небельверферов“ и дивизионная артиллерия открыли огонь. Их снаряды начали с ужасным грохотом рваться на позициях войск, которые русские собрали для атаки. Снаряды тяжелых гаубиц обрушивались на „Овраг смерти“ и находящихся там солдат и штабы. Даже малейшая опасность накрыть собственные войска в лесу устранялась тем, что они за несколько минут до открытия огня немного отступали. Этот временный отход тщательно планировался по времени. Мы отводили солдат на опушку, но перед этим открывали огонь из стрелкового оружия, имитируя атаку.

Одновременно с сосредоточением артиллерийского огня на советской передовой линии началась реальная атака нашей пехоты. Постепенно огневой вал передвигался на восток до „Оврага смерти“, который теперь обстреливался со всех сторон и превратился в колоссальную братскую могилу для русских солдат и русских надежд. Такая артиллерийская подготовка не только подняла моральный дух наших солдат, но и нанесла противнику такие потери, что атака развивалась очень быстро. Штурмовые орудия и сильные патрули наступали в авангарде. Еще до полудня солдаты генерала Постеля вышли к „Оврагу смерти“, а вскоре пересекли его. Даже наши закаленные ветераны не могли без содрогания смотреть на эту бойню.

Единственный батальон 106-й пехотной дивизии, атаковавший на севере при поддержке нескольких штурмовых орудий, также продвигался довольно быстро и зашел далеко во фланг русским. Даже батальон на южных холмах, который в последние дни понес большие потери, тоже вступил в бой. Русские отступали по всему фронту. К полудню наступающие с разных направлений батальоны установили контакт друг с другом. Генерал Постель намеревался окружить и уничтожить русских до того, как они успеют отойти к реке. Ближе к полудню русские оказались загнаны на такой маленький пятачок, что часть атакующих сил, в том числе штурмовые орудия, пришлось отвести, потому что для них не хватало места. Все были уверены, что в ближайшие часы весь западный берег реки Донец снова перейдет в наши руки.

Однако совершенно внезапно сопротивление русских стало гораздо

упорнее. Наши авангарды натолкнулись на заминированные завалы, в которых деревья были связаны колючей проволокой. Преодолеть такие заграждения оказалось невозможно. При попытках подорвать их выяснилось, что позади первой линии находится еще несколько линий мин, которые прикрыты огнем. К тому же, впервые за этот день, русские открыли жаркий артиллерийский огонь, к которому присоединились тяжелые минометы. Наступление немцев остановилось. Вскоре стало понятно, что за последние несколько дней русские создали на западном берегу Донца сильно укрепленный район. Судя по всему, командиры Красной Армии в свете опыта предыдущих недель решили, что им требуется участок, который следует удерживать любой ценой. Этот район представлял собой нечто вроде „аварийного плацдарма“, который избавил бы их еще от одного дорогостоящего форсирования реки.

Действительно, все попытки немцев вырвать эту занозу из бока закончились неудачно. Штурмовые орудия просто не успевали за пехотой, так как двигаться приходилось по пересеченной местности, поросшей деревьями. Наша артиллерия, даже „Небельверферы“, не могла эффективно обработать крошечный пятачок диаметром в пару сотен метров, хотя их огнем были разрушены многие завалы и проделаны проходы в минных полях, а также снесено множество деревьев. Но ни одна штурмовая группа не сумела ворваться на эту позицию. Даже использование огнеметов не дало результата, так как русские прятались в маленьких убежищах и блиндажах, против которых это ужасное оружие было неэффективно. Хотя несколько дотов все-таки было уничтожено, а часть укрытий мы сровняли с землей, осталось еще слишком много, и наше наступление захлебнулось»[113].

Далее Раус рассказывает об участии штурмовых орудий в ходе отступления к Харькову 9–12 августа: «Тем временем 6-я танковая дивизия, находившаяся на левом фланге корпуса, оказалась в сложной ситуации. Кроме своего собственного сектора, ей пришлось взять на себя оборону сектора пропавшей 168-й пехотной дивизии. Русские оказывали сильное давление на этом участке, и 6-я танковая срочно затребовала противотанковые подкрепления. Я отправил туда 12 противотанковых орудий и организовал атаку авиации против советской танковой колонны, двигающейся с востока. Так, общими усилиями, удалось предотвратить немедленный разгром фланга XI корпуса.

Батальон штурмовых орудий прибыл только во второй половине дня из-за многочисленных пробок на дорогах. Заправившись из цистерн, спрятанных в кустарнике, батальон провел контратаку против вражеских

танков, все еще угрожающих левому флангу. Массированный удар 42 штурмовых орудий захватил русских врасплох и нанес им огромные потери. Батальон уничтожил все вражеские танки и противотанковые орудия на восточном берегу реки Лопань и отбросил оставшиеся вражеские силы обратно за реку. Ближе к вечеру ситуация была взята под контроль. В сообщениях из сектора Донца говорилось, что противнику не удалось расширить плацдарм из-за упорного сопротивления 320-й пехотной дивизии и поддерживающих ее штурмовых орудий.

Хотя вся 168-я пехотная дивизия пока числилась без вести пропавшей, XI корпус добился первых успехов в обороне. Намерение Красной Армии уничтожить нас концентрической атакой с трех сторон провалилось. Русские понесли тяжелые потери в живой силе и технике, в том числе за один день были подбиты 60 танков»[114].

13–25 августа 1943 г. шли упорные бои за Харьков, хотя Левитан громогласно заявил по Московскому радио, что бывшая столица УССР взята советскими войсками. Раус писал: «Девяносто шесть танков Pz.Kw.V „Пантера“ и 35 Pz.Kw. VI „Тигр“, а также 25 самоходных орудий StuG III едва-едва успели занять указанные позиции, как 19 августа началась первая крупномасштабная атака 5-й Гвардейской Танковой Армии. Однако первый немецкий удар обрушился на массу русских танков, которые в это время собирались в деревнях и на равнине в речной долине. В сопровождении истребителей люфтваффе, которые в несколько минут расчистили небо от советских самолетов, появились тяжело нагруженные пикировщики Ju-87. Они спикировали на вражеские танки, скучившиеся на крошечном пятачке, и сбросили на них свой смертоносный груз. В небо взлетели исполинские черные фонтаны земли, прокатился тяжелый грохот, словно началось землетрясение. Это были тяжелые 2-тонные бомбы, созданные для борьбы с линкорами. Никаких других боеприпасов для борьбы с русскими танками у 4-го Воздушного Флота не оставалось. Эскадрилья за эскадрильей величественно плыли в голубом небе, чтобы без помех выполнить свою ужасную работу. Вскоре деревни, в которых стояли советские танки, охватило море огня. Над речной долиной плыла непроницаемая пелена пыли и дыма, которую заходящее солнце окрасило в багровый цвет. На этом фоне колыхались черные грибообразные столбы дыма, поднимающиеся над подбитыми танками, которые стали жертвами воздушных атак. Эта мрачная картина красноречиво говорила о том, что здесь царят смерть и разрушение. Полученный русскими удар был настолько силен, что в этот день они не смогли начать запланированное наступление, несмотря на жесткий приказ Сталина. В результате XI корпус

получил столь необходимую короткую передышку…

20 августа русские не стали сосредоточивать танки большими массами, а пересекли речную долину одновременно в нескольких местах и скрылись на кукурузном поле, которое находилось перед нашими позициями. Их ограничивало шоссе, проходящее с востока на запад в нескольких сотнях метров впереди траншей. Ночью советская моторизованная пехота просочилась через наши позиции в нескольких местах и совершенно неожиданно возникла на артиллерийских позициях возле Люботина…

Все утро русские танки упорно пробивались вперед через низины на южном краю полей, а затем внезапно разом появились на дороге. „Пантеры“ дивизии „Дас Рейх“ открыли бешеный огонь по головным Т-34, прежде чем те подошли к нашей линии обороны. Однако русские танки волна за волной выкатывались из низин и бросались на наши позиции. Здесь стояло множество зенитных и противотанковых орудий, 8,8-см самоходные истребители танков „Хорниссе“, 10,5-см самоходные гаубицы „Веспе“. Все они открыли огонь по русским танкам, раскололи стальную лавину на мелкие кусочки и подбили много машин. Последние волны русских танков еще пытались что-то сделать, когда появились „Тигры“ и штурмовые орудия StuG III, составлявшие наш мобильный резерв, и атаковали их. Русские понесли тяжелые потери и были отброшены. 5-я Гвардейская Танковая Армия заплатила очень дорого за эту массированную атаку, потеряв 184 танка Т-34.

Тем временем немецкие пехотные резервы при поддержке штурмовых орудий 3-й танковой дивизии отбили позиции захваченной батареи и все 12 гаубиц и окружили просочившийся батальон мотопехоты к западу от Люботина позади наших линий. Упорно обороняясь, русские вызвали по радио помощь и стали ждать.

21 августа 5-я Гвардейская Танковая Армия сменила тактику, атаковав чуть дальше к востоку одним гигантским стальным клином, одновременно бросив в бой несколько сотен танков. Но пока они шли по открытой местности вдоль железной дороги, попали под огонь дальнобойных 8,8-см пушек „Тигров“ и „Хорниссе“ с дистанции 3000 метров. В результате противник сумел начать массированную танковую атаку только ближе к вечеру. Когда русские танки выскочили из зарослей кукурузы, их встретил сосредоточенный огонь „Тигров“, „Пантер“, „Хорниссе“, штурмовых орудий, зениток и противотанковых пушек. Атака быстро захлебнулась, причем были уничтожены 154 русских танка. Слабые стрелковые части, следовавшие за танками, были встречены плотным огнем нашей пехоты и

артиллерии и сразу залегли.

Тем временем окруженный в нашем тылу моторизованный батальон напрасно ожидал помощи. Хотя он продолжал сражаться с невиданным упорством, вечером его рация сообщила, что подразделение разбито, а потом умолкла навсегда. После 48 часов героической обороны советский батальон был истреблен до последнего человека, включая радиста.

Потери русских были просто неслыханными, и все-таки 5-я Гвардейская Танковая Армия еще имела более 100 танков. Опыт подсказывал нам, что следует ждать новых атак, хотя они были заведомо обречены на неудачу в результате усиления нашей обороны. Несколько танкистов, которых мы взяли в плен, прекрасно знали, что их товарищей ждет смерть или, в лучшем случае, плен.

Однако вопреки всем ожиданиям день 22 августа прошел относительно спокойно. Несколько русских танков ползали по кукурузному полю, вытаскивая подбитые машины, чтобы пополнить свои сильно поредевшие ряды. Летний зной разлился над окровавленным полем, где несколько дней подряд бушевали жестокие бои. Последний луч заката известил о том, что мирный день закончился. Могли ли русские пересмотреть свои планы? Или они вообще отказались подчиниться категорическому приказу атаковать?

Однако 5-я Гвардейская Танковая Армия возобновила атаку и сделала это в тот же самый день. Перед полуночью [с 22 на 23 августа] с кукурузного поля долетел шум множества моторов, выдав новую русскую уловку. Противник намеревался ночью добиться того, что не удалось ему днем.

Но мы были готовы ко всему. Прежде чем русские танки достигли подошвы холма, многочисленные вспышки выстрелов танковых пушек раскололи темноту ночи. В неровном, мерцающем свете стала видна вся 5-я Гвардейская Танковая Армия, развернувшаяся широким фронтом. Танки, подбитые с близкого расстояния, пылали словно факелы и осветили часть поля боя. Наши противотанковые пушки не могли стрелять нормально, так как с трудом различали друзей и врагов. „Пантеры“ и „Тигры“ дивизии „Дас Рейх“ вступили в бой, тараня советские танки в контратаке или пробивая насквозь снарядами, выпущенными в упор. Все чаще мелькали вспышки, а грохот выстрелов танковых пушек и зениток можно было слышать далеко за полночь, потому что наши танки пошли в решительную контратаку. Так как пылало уже множество танков и сельских домиков, равнина, на которой разыгралась схватка, была освещена их бледными отсветами. Наконец-то стало возможно распознавать очертания Т-34 на

расстояниях более 100 метров и обстреливать их. Ужасный грохот раскатился вокруг, когда столкнулись две танковые лавины. Вспышки выстрелов мелькали буквально повсюду. На несколько километров вокруг в воздухе свистели и визжали бронебойные снаряды. Постепенно какофония танковой битвы начала смещаться на север, хотя выстрелы вспыхивали все глубже в нашем тылу, а яркие факелы горящих танков отражались в ночном небе. Лишь через 2 или 3 часа на позициях XI корпуса восстановилась тишина. Постепенно бой затих и в других местах.

На рассвете 23 августа мы поняли, что битва выиграна, хотя русские танки и мотопехота еще оставались внутри наших боевых порядков и даже за ними. Нам предстояло заткнуть множество мелких разрывов фронта. Головные советские танки, которые прорвались глубоко в наш тыл, были захвачены на западной окраине Харькова, а их экипажи попали в плен. Хотя процесс зачистки поля боя занял все утро, к полудню вся линия была в наших руках, и XI корпус был готов защищаться дальше.

Лишь маленький участок леса далеко позади линии фронта еще оставался в руках советской моторизованной пехоты, поддержанной несколькими танками и противотанковыми пушками. Все наши попытки отбить этот лоскуток были отражены с тяжелыми для нас потерями. Лишь атака огнеметных танков положила конец упорному сопротивлению русских, так как целый участок леса был просто сожжен дотла.

Советские попытки захватить Харьков крупномасштабной ночной атакой всех сил 5-й Гвардейской Танковой Армии провалились. Ее потери составили более 80 сожженных танков, несколько сот человек убитыми и тысячи ранеными. Много техники и вооружения было уничтожено в ходе одной ночной битвы. Всего же попытки отбить Харьков стоили 5-й Гвардейской Танковой Армии потери 420 танков за 3 дня боев. Как эффективная боевая сила на ближайшее время она перестала существовать. Харьков остался в наших руках»[115].

Тем не менее немцам пришлось эвакуировать Харьков из-за быстрого продвижения Красной Армии на юге Украины. Во время отступления немецкого арьергарда единственный сохранившийся мост через болото рухнул под тяжестью нескольких истребителей танков «Хорниссе». В результате пехотный батальон и восемь самоходок оказались отрезанными на восточном берегу. Попытки русских уничтожить эту группу не удались, так как их поддержали германские подразделения с западного берега. Пока ремонтировали мост — целые сутки, батальон на восточном берегу удерживал оборону и перешел по мосту на западный берег лишь под покровом темноты в ночь с 24 на 25 августа.

А теперь перейдем к знаменитой германской САУ «Фердинанд», которая стала буквально брэндом Курской битвы.

Работы над созданием мощной САУ с 8,8-см пушкой длиной в 71 калибр были начаты в сентябре 1942 г. фирмой «Порше» совместно с КБ берлинского завода «Алкет».

САУ была создана на шасси тяжелого танка VK 4501 конструкции Фердинанда Порше. Этот танк не был принят на вооружение, и опытная серия в 90 штук осталась без назначения.

8,8-см танковая пушка Pak 43/2 была создана на базе качающейся части лучшего зенитного орудия рейха — 8,8-см пушки Flak 41 и имела одинаковые с ней боекомплект и баллистику.

Вес установки составил 65,2 т. Экипаж 6 человек. Габаритные размеры САУ: 8140 х 3380 х 2970 мм.

Лобовая броня корпуса и рубки состояла из двух броневых листов по 100 мм, то есть 200 мм. Для надежного соединения бронелистов применяли соединение «в шип», в ответственных местах усиленное шпонками. Подобное соединение после установки на места шпонок делалось неразъемным, и его обварка осуществлялась больше для герметизации, чем силового сочленения. Для увеличения снарядостойкости бортовые и кормовой броневые листы рубки устанавливались с некоторым наклоном. Толщина брони бортов и кормы САУ не превышала 80 мм, крыши — 30 мм, днища — 20 мм.

«Фердинанд» вооружался 8,8-см пушкой Pak 43/2, угол вертикального наведения которой составлял -6°; +14°, а горизонтального — 24°. Боекомплект 55 выстрелов.

Амбразура в лобовом листе рубки прикрывалась массивной литой маской, соединенной со станком. Но конструкция эта была не очень удачной — через щели между маской и лобовым листом внутрь корпуса самоходки проникали мелкие осколки и пулевые свинцовые брызги. Поэтому на масках многих «Фердинандов» укрепили броневые щитки.

Моего знакомого полковника-артиллериста при посещении танкового музея в Кубинке привела в восторг одна «мелочь» в «Фердинанде», которую не заметил никто из любителей-историков, аккуратно считающих в ней заклепки. Речь идет о втором (!) заряжающем. Немцы позаботились, чтобы у 8,8-см пушки был второй заряжающий, а у нас и в тяжелых танках и САУ для 122-мм и 152-мм пушек был один (!) заряжающий. Каково ему было подавать 40-килограммовые снаряды в тесной башне или рубке?!

«Фердинанд» оснащался двумя двигателями «Майбах» HL 120TRM общей мощностью 600 л.с., которые приводили во вращение роторы двух

генераторов «Сименс» Тур aGV, а те, в свою очередь, питали электроэнергией два тяговых электродвигателя «Сименс» D1495aAC мощностью 230 кВт каждый. Эти двигатели устанавливались в кормовой части машины под боевым отделением. Крутящий момент от электродвигателей с помощью специальных электромеханических бортовых передач передавался на ведущие колеса кормового расположения. В аварийном режиме или в случае боевых повреждений одной из ветвей электропитания предусматривалось дублирование другой. Скорость хода «Фердинанда» по шоссе достигала 22 км/ч, а по проселку — 11 км/ч.

Первая установка «Фердинанд» была сдана в феврале 1943 г., а последняя, 90-я по счету, 8 мая 1943 г.

Имя «Фердинанд» самоходке присвоил лично Гитлер в феврале 1943 г. в честь конструктора Фердинанда Порше. Кроме того, она получила индекс Sd.Kfz.184.

К 1 июля 1943 г. 9 САУ «Фердинанд» поступили в 653-й и 654-й тяжелые истребительно-противотанковые батальоны 656-го полка штурмовых орудий. Впрочем, на 5 июля в полку было 89 «Фердинандов», так как один не прибыл из-за поломки железнодорожной платформы.

Сведения о наличии САУ «Фердинанд» в немецкой армии советская разведка получила где-то в марте 1943 г. Первое упоминание о «Фердинанде» встречается в обзоре новых типов немецких танков и штурмовых орудий, присланном в ЦАКБ из Наркомата вооружений 11 апреля 1943 г. В нем говорилось: «…вскоре в немецкой армии ожидается появление нового штурмового орудия системы Фердинанда с пушкой калибра 88 — 105 мм и броней толщиной 120–140 мм и более». Обзор был сопровожден двумя рисунками машины, довольно отдаленно напоминавшими оригинал. Тогда же ЦАКБ получило задание спроектировать орудие калибром 85 — 100 мм, способное на дистанции 1000–500 м пробить броню толщиной 120–140 мм. По донесениям разведки, появление нового штурмового орудия ожидалось в ходе предстоящей летней кампании.

5 июля 1943 г. началось сражение на Курской дуге. «Фердинанды» были применены в первые же дни боев. И уже 8 июля начальник артиллерии 13-й армии послал в штаб Центрального фронта донесение о подорвавшемся на минном поле «Фердинанде».

Через два дня в штаб фронта специально для изучения этого образца прибыла группа из пяти офицеров ГАУ. Но к этому времени территория, на которой остался подорвавшийся «Фердинанд», была занята немецкими войсками, поэтому изучение новой машины отложили. А новые немецкие

штурмовые орудия в первых рядах наступавших войск принялись таранить полосу обороны в районе станции Поныри.

После нескольких безуспешных попыток занять станцию Поныри ударом «в лоб» 9 июля немецкое командование решило провести массированную атаку с северо-востока — через совхоз «Первое Мая». Для этого (согласно показаниям пленных) была сформирована сильная ударная группа под командованием майора Каля в составе: 505-го батальона тяжелых танков (около 40 танков «Тигр»); 654-го дивизиона (батальона) тяжелых штурмовых орудий «Фердинанд» (44 машины); 216-го дивизиона 150-мм штурмовых танков «Brummbär» (45 машин); дивизиона 75-мм штурмовых орудий и 105-мм штурмовых гаубиц (20 StuG 40 и StuH 42). Кроме перечисленных, в состав группы входили также 17 танков Pz.Kpfw.III — линейных (Ausf L), штурмовых (Ausf N) и командирских.

Непосредственно за ударной группой должны были следовать средние танки 2-й танковой дивизии (в первых рядах двигался 3-й австрийский полк) и мотопехота на бронетранспортерах.

По донесениям советских артиллеристов, в отличие от боев предыдущих дней немцы впервые применили здесь новое боевое построение — «линию» с тяжелыми штурмовыми орудиями 654-го дивизиона в голове группы. Дивизион действовал, выстроившись в два эшелона. В линии первого эшелона наступали две роты с интервалом между машинами около 100 м. Командир дивизиона, майор Ноак, располагался в центре боевого порядка в командирском танке. Во втором эшелоне двигалась третья рота с интервалом между машинами от 120 до 150 м. Командиры рот находились в центрах боевых порядков рот на командирских «Фердинандах», которые несли флажки на антеннах.

В первый же день группе легко удалось прорваться через совхоз «Первое Мая» к поселку Горелое. Здесь советские артиллеристы, убедившись в неуязвимости «Фердинандов», пропустили 654-й батальон на мощное минное поле, открыв огонь с флангов и с тыла по средним танкам и штурмовым орудиям. Ударная группа понесла потери и была вынуждена отступить к совхозу «Первое Мая».

На следующий день группа майора Каля была усилена радиоуправляемыми танкетками «Боргуард» (B IV) и вновь попыталась прорваться к станции Поныри. Это был наиболее мощный удар, когда нескольким «Фердинандам» из ударной группы удалось подойти вплотную к строениям станции. Они наступали, ведя огонь с коротких остановок на дальность 1000–2500 м. Подвергнувшись сосредоточенному огню или обнаружив большое минное поле, «Фердинанды» отходили задним ходом к

какому-либо прикрытию, где меняли направление движения, стараясь всегда быть обращенными к врагу толстой лобовой броней, неуязвимой для всех советских противотанковых средств.

11 июля 505-й батальон тяжелых танков и подразделения 2-й танковой дивизии были переброшены в полосу обороны советской 70-й армии в район Кутырки-Теплое, и в районе Понырей остались только подразделения 654-го дивизиона тяжелых штурмовых орудий и 216-го дивизиона 150-мм штурмовых танков, которые в течение 12–13 июля обеспечивали эвакуацию подбитых накануне 12–15 танков и самоходок. Но эвакуировать с поля боя поврежденные на минах тяжелые «Фердинанды» не удалось из-за их большого веса и непрерывных контратак советских танков и пехоты.

14 июля, после массированной контратаки советской пехоты и танков от станции Поныри в направлении совхоза «Первое Мая», немецкие войска были вынуждены отойти, оставив поле боя за оборонявшимися. Советские танкисты, поддерживавшие контратаку пехоты, понесли большие потери как от огня немецких штурмовых орудий, так и от того, что, сближаясь с противником, рота танков Т-34 и Т-70, обеспечивающая наступление, по ошибке попала на собственное минное поле и понесла тяжелые потери.

Согласно донесению германского командования, на 7 июля в строю было 37 «Фердинандов», 8 июля — 26, 9 июля — 13, 10 июля — 24, 11 июля — 12, 12 июля — 24, 13 июля — 24, 14 июля — 13. Всего с 5 по 14 июля 1943 г. было безвозвратно потеряно 19 «Фердинандов». Часть этих машин получила повреждения от мин и была взорвана экипажами, а часть уничтожена огнем советской тяжелой артиллерии. Четыре «Фердинанда» вышли из строя из-за короткого замыкания в электрооборудовании, вызвавшего пожар.

В ходе советского наступления, начавшегося 12 июля, немцы потеряли еще 20 «Фердинандов» (на 1 августа). Большинство этих машин были взорваны экипажами из-за невозможности эвакуировать их после выхода из строя по боевым и техническим причинам.

Итого общие безвозвратные потери 653-го и 654-го батальонов в ходе операции «Цитадель» составили 39 «Фердинандов». При этом штаб 656-го танкового полка доносил, что за этот период полк вывел из строя 502 танка и САУ противника, 20 противотанковых и около ста других орудий. 653-й батальон докладывал, что с 5 по 27 июля 1943 г. его «Фердинанды» уничтожили 320 советских танков и множество пушек и грузовиков.

15 июля подбитая и уничтоженная у станции Поныри немецкая техника была изучена представителями ГАУ и НИБТП. Всего на поле боя

северо-восточнее станции Поныри остались 21 штурмовое орудие «Фердинанд», три 15-см штурмовых орудия «Brummbär», восемь средних танков Pz.Kpfw.III и Pz.Kpfw.IV, три из которых имели короткоствольные орудия, а также два командирских танка, несколько изуродованных взрывами, и две исправные танкетки с дистанционным управлением «Боргуард» (B IV). Большая часть «Фердинандов» обнаружена на минном поле, начиненном фугасами из трофейных крупнокалиберных снарядов и авиабомб, причем более половины машин имели большие повреждения ходовой части (разорванные гусеницы, разрушенные опорные катки). Пять машин имели повреждения ходовой части, вызванные попаданием снарядов калибра 76-мм и более. Два «Фердинанда» были обезоружены из-за прострела стволов их орудий советскими снарядами и пулями противотанковых ружей. Одна машина была разрушена прямым попаданием авиабомбы с бомбардировщика «Пе-2» и одна — попаданием 203-мм снаряда в крышу боевого отделения. Лишь один «Фердинанд» имел пробоину в левом борту, сделанную 76-мм бронебойным снарядом (7 танков Т-34 и четыре 76-мм дивизионных орудия обстреливали его со всех направлений с дистанции 200–400 м). Еще один «Фердинанд», не имея повреждений ходовой части, был подожжен бутылкой КС, брошенной пехотинцами. По германским данным, танк T-IV из своей длинноствольной 7,5-см пушки по ошибке пробил бок рубки «Фердинанда».

Наибольшее количество «Фердинандов», имевших повреждение ходовой части, было подожжено своими экипажами при отходе во время контратаки советской пехоты и танков. Те же машины, экипажи которых не успели отойти и оказывали сопротивление советской пехоте, также поджигались бутылками КС.

О применении «Фердинандов» на Курской дуге Гейнц Гудериан сказал (генерал именовал их «Тиграми» фирмы «Порше»): «90 танков „Тигр“ фирмы „Порше“, использовавшихся в армии Моделя, также показали, что они не соответствуют требованиям ближнего боя; эти танки, как оказалось, не были снабжены в достаточной мере даже боеприпасами. Положение обострялось еще и тем, что они не имели пулеметов и поэтому, когда врывались на оборонительные позиции противника, буквально должны были стрелять из пушек по воробьям. Им не удалось ни уничтожить, ни подавить пехотные огневые точки и пулеметные гнезда противника, чтобы дать возможность продвигаться своей пехоте. К русским артиллерийским позициям они вышли одни, без пехоты».

653-й батальон «Фердинандов» прибыл на железнодорожную станцию Змиевка (35 км южнее Орла) 12 июня 1943 г. С 24 по 30 июня туда же

прибыл 654-й батальон.

По штату батальон тяжелых истребителей танков включал в себя командование, штабную роту (взвод управления, саперный, санитарный, зенитный взводы), три роты «Фердинандов» (две машины штаба роты и три взвода по четыре машины), ремонтную роту (взводы эвакуации и ремонта), автотранспортную роту, всего 45 «Фердинандов», один бронетранспортер Sd.Kfz.251/8 (санитарный), шесть Sd.Kfz.7/1 (счетверенная 20-мм ЗСУ на шасси полугусеничного тягача Sd.Kfz.7), 15 полугусеничных 18-тонных тягачей Sd.Kfz.9, грузовые автомашины (обычные и полугусеничные «Маультиры») и легковые «Кюбельвагены».

В 653-м батальоне состояли 1, 2-я и 3-я роты «Фердинандов», в 654-м батальоне — 5, 6-я и 7-я роты. Тактические номера машин соответствовали общепринятым в вермахте правилам. Так, обе машины штаба пятой роты имели номера 501 и 502, а «Фердинанды» 1, 2-го и 3-го взводов этой же роты имели номера 511–514, 521–524 и 531–534 соответственно.

Таблица 19. **Таблица повреждений штурмовых орудий «Фердинанд»**

(Анализ повреждений у брошенных немецкими войсками в районе станции Поныри и совхоза имени «Первое мая» штурмовых орудий «Фердинанд»)

№ п/п	№ САУ	Характер повреждения	Причина повреждения	Примечания
1	731? (150090)	Разрушена гусеница	Подорвана на мине	САУ отремонтирована и отправлена в Москву на выставку трофейного имущества
2	522	Разрушена гусеница, повреждены опорные катки	Подорвана на фугасе, воспламенилось топливо	Машина сгорела
3	523	Разрушена гусеница, повреждены опорные катки	Подорвана на фугасе, подожжена экипажем	Машина сгорела
4	734	Разрушена нижняя ветвь гусеницы	Подорвана на фугасе, воспламенилось топливо	Машина сгорела
5	II-02	Сорвана правая гусеница, разрушены опорные катки	Подорвана на мине, подожжена бутылкой КС	Машина сгорела
6	I-02	Сорвана левая гусеница, разрушен опорный каток	Подорвана на мине и подожжена	Машина сгорела
7	514	Разрушена гусеница, поврежден опорный каток	Подорвана на мине, подожжена	Машина сгорела
8	502	Сорван ленивец	Подорвана на фугасе	Машина испытывалась обстрелом
9	501	Сорвана гусеница	Подорвана на мине	Машина отремонтирована и доставлена на НИБТ полигон

10	712	Разрушено правое ведущее колесо	Попадание снаряда	Экипаж машину покинул. Пожар потушен
11	732	Разрушена третья каретка	Попадание снаряда и поджог бутылкой КС	Машина сгорела
12	524	Разорвана гусеница	Подорвана на мине, подожжена	Машина сгорела
13	II-03	Разрушена гусеница	Снарядное попадание, поджог бутылкой КС	Машина сгорела
14	113 или 713	Разрушены оба ленивца	Снарядные попадания. Орудие подожжено	Машина сгорела
15	601	Разрушена правая гусеница	Снарядное попадание, орудие подожжено снаружи	Машина сгорела
16	701	Разрушено боевое отделение	Попадание снаряда 203-мм в люк командира	Машина сгорела
17	602	Пробоина в левом борту у бензобака	76-мм снаряд танковой или дивизионной пушки	Машина сгорела
18	II-01	Орудие сгорело	Подожжено бутылкой КС	Машина сгорела
19	150061	Разрушены ленивец и гусеница, прострелен ствол орудия	Снарядные попадания в ходовую часть и пушку	Экипаж взят в плен
20	723	Разрушена гусеница, орудие заклинено	Снарядные попадания в ходовую часть и маску	—
21	не уст.	Полное разрушение	Прямое попадание бомбы с Пе-2	—

Бои под Курском и Белгородом показали высокую эффективность САУ «Фердинанд» и штурмового танка «Brummbär». Тем не менее решить поставленные задачи даже совершенные установки не могли без эффективного разрушения артиллерией средних и крупных калибров советских инженерных сооружений и подавления советской артиллерии. Кроме того, требовались специальные средства (например, танки с катковыми тралами) для предварительного разминирования минных полей.

Радиоуправляемые танкетки в целом не оправдали возлагаемых на них надежд, в первую очередь из-за сложности управления на задымленном поле боя, покрытом воронками, искусственными и естественными препятствиями.

Глава 10
Орудия, полученные по ленд-лизу, а также переданные восточноевропейским союзникам

Поставки артиллерийского вооружения, осуществляемые США и Великобританией в 1941–1945 гг., практически не сыграли сколько-нибудь заметной роли в разгроме Германии. Они были невелики по объему, и большая часть их пришлась на заключительные месяцы войны, то есть значительная часть артсистем просто не успела попасть на фронт. Любопытно, что ни Англия, ни США практически не поставляли Советскому Союзу артсистем средних и крупных калибров. Между тем как раз орудия большой и особой мощности у нас в 1941–1945 гг. не производились, а они были крайне необходимы для обороны Ленинграда и Севастополя, а позже — при штурме Карельского вала и германских городов.

США поставляли в СССР исключительно зенитную артиллерию — всего 7944 орудия. В это число не включена артиллерия кораблей, поставленных по ленд-лизу и в счет репараций итальянского флота.

В числе зенитных орудий американцы и англичане поставили 251 90-мм пушку М1, 4 90-мм пушки М2, 94-мм пушек — около 200 штук, 120-мм пушек — 4, 127/38-мм пушек — 147. (Распределение по годам: в 1943 г. — 8, в 1944 г. — 90 и в 1945 г. — 49 штук.)

Англия поставила около 4 тысяч противотанковых пушек калибра 37, 40 и 57 мм. Действие этих пушек по германским тяжелым и средним танкам было недостаточно эффективно. В их боекомплект не входили осколочно-фугасные снаряды.

Качество 37-, 40– и 57-мм британских противотанковых пушек хорошо характеризует тот факт, что их танковые аналоги было решено заменить в танках, поступивших по ленд-лизу.

В связи со слабостью британских танковых пушек ОКБ-92 в Горьком в 1941 г. получило заказ на их перевооружение. В декабре 1941 г. были испытаны танк «Валентайн» с установкой ЗИС-95 — 45-мм танковой пушкой 20К и спаренным пулеметом ДТ и «Матильда» с установкой ЗИС-96 — 76-мм танковой пушкой Ф-34 и спаренным пулеметом ДТ.

Обе установки приняли на вооружение, и был выдан заказ на первую партию в 100 установок ЗИС-95. Однако из-за острой нужды в 45-мм

танковых пушках для танков Т-70 и 76-мм пушках для танков Т-34 и КВ в серию установки ЗИС-95 и ЗИС-96 так и не пошли.

Главное бронетанковое управление думало частично решить проблему за счет принятия на вооружение к 2-фунтовой (40-мм) британской пушке нашего выстрела с осколочной гранатой сталистого чугуна. Такая граната была испытана на заводе № 179 в марте 1942 г. В том же году в Англии были закуплены танки «Матильда» CS с 76-мм пушкой.

Забегая вперед, скажу, что и в американских легких танках М3 «Стюарт» было решено заменить штатную 37-мм пушку М5 на отечественную 45-мм танковую пушку. В середине октября 1943 г. танк «Стюарт» с 45-мм пушкой был испытан пробегом и стрельбой на полигоне в Кубинке. Однако до массового перевооружения танков М3 дело так и не дошло.

Единственной САУ, поставляемой нам союзниками, стала полугусеничная СУ-5. Несколько других САУ были присланы США и Англией в СССР в единичных экземплярах для ознакомления.

10 июня 1943 г. А. И. Микоян направил Сталину письмо, в котором помимо прочего упомянул о предложении начальника ГАУ Яковлева закупить пятьдесят 57-мм противотанковых пушек на полугусеничных автомобилях.

На письме была начертана резолюция: «Согласен с предложением Яковлева о закупке 57-мм противотанковых пушек на полугусеничных автомобилях. Закупи! И. Сталин».

Речь шла об испытанной в апреле 1942 г. на Абердинском полигоне 57-мм САУ Т-48 на шасси полугусеничного бронетранспортера М-3 или М2А1. Установка была оснащена 57-мм (6-фунтовой) английской пушкой, выпускавшейся в США по лицензии под индексом М1. Карбюраторный двигатель обеспечивал скорость 72 км/ч по хорошему шоссе. Запас хода составлял 320 км. Угол вертикального наведения установки -5°; +15°, угол горизонтального наведения 55°. Боекомплект 80 выстрелов. Бронекорпус открыт сверху, толщина брони 16–6,3 мм. Вес установки 9 т. Экипаж 5 человек.

Армия США сочла тактико-технические данные Т-48 неудовлетворительными и отказалась принять ее на вооружение. Тогда фирма «Diamand T. Company» начала всучивать Т-48 англичанам и русским.

В Советский Союз было отправлено 650 установок Т-48. В начале декабря 1943 г. в наш Учебный центр самоходной артиллерии поступили первые 84 Т-48, после чего началась подготовка экипажей.

В Красной Армии САУ получила обозначение СУ-57. Ими вооружили три самоходно-артиллерийские бригады: 16, 19-ю и 22-ю. Последняя позже была преобразована в 70-ю гвардейскую самоходно-артиллерийскую бригаду. Каждая бригада имела в своем составе по 60–65 самоходок СУ-57. Остальные машины поступили на вооружение в разведывательные части и подразделения Красной Армии. Именно в их составе они использовались относительно успешно, являясь, по существу, бронетранспортером с усиленным вооружением. Как противотанковое же средство САУ СУ-57 стоило использовать лишь за неимением лучшего. Краткую, но верную характеристику самоходкам СУ-57 дал командующий 1-й танковой армией М. Е. Катуков в своем докладе в ГБТУ 15 октября 1944 г.: «Самоходная бригада 57-мм пушек использовалась на танкоопасных направлениях как заслоны. Эти самоходки очень громоздки, а пушка малоэффективна».

В конце 1944 г. 15 штук СУ-57 передали Войску Польскому. Там из них был сформирован 7-й отдельный дивизион самоходной артиллерии.

В 1943 г. на территории СССР началось формирование частей Войска Польского, оснащенных советским оружием. К 1 мая 1945 г. в Войске Польском насчитывалось орудий: 45-мм противотанковых пушек — 361; 57-мм противотанковых пушек — 87; 76-мм полковых пушек — 133; 76-мм дивизионных пушек — 555; 107-мм пушек — 15; 122-мм гаубиц — 296; 122-мм пушек А-19 — 56; 152-мм гаубиц — 34; 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 — 89. Итого 1616 орудий.

Только в 1944 г. для частей польской армии было отправлено из баз ГАУ (в шт.):

— минометов — 2545;

— орудий наземной артиллерии — 1726;

— орудий зенитной артиллерии — 337.

На территории СССР были сформированы чехословацкие воинские части. Советское правительство в 1943 г. предоставило полностью вооружение для пехотной бригады, а в 1944 г. — развернутому на ее базе чехословацкому корпусу. Основные кадры этих частей составила чехословацкая демократическая эмиграция в СССР. Всего было отпущено следующее количество вооружения (в шт.):

— винтовок и карабинов — 69 523;

— пистолетов-пулеметов — 26 666;

— ручных пулеметов — 4578;

— станковых пулеметов — 1388;

— крупнокалиберных пулеметов — 449;

— 82-мм минометов — 757;

— 120-мм минометов — 296;
— 45-мм пушек — 296;
— 76-мм полковых пушек — 171;
— 76-мм дивизионных пушек — 364;
— 122-мм гаубиц — 108;
— 152-мм гаубиц-пушек — 88;
— 37-мм зенитных пушек — 75;
— 85-мм зенитных пушек — 132.

Всего 102 604 единицы стрелкового оружия и 2287 орудий и минометов.

Уже в марте 1943 г. чехословацкая бригада принимала участие в боях с немцами в районе Соколово, а затем в составе 1-го Украинского фронта активно действовала при освобождении Киева.

Большую помощь в обеспечении вооружением и боеприпасами СССР оказал армии Тито. В феврале 1944 г. на освобожденную территорию Югославии прибыла советская военная миссия. С этого времени Советское правительство оказывало помощь югославскому народу вооружением и боеприпасами. Всего Югославии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы было отправлено следующее вооружение (в шт.):

— винтовок и карабинов — 154 103;
— пистолетов-пулеметов — 128 909;
— ручных пулеметов — 9775;
— станковых пулеметов — 1205;
— крупнокалиберных пулеметов — 391;
— 82-мм минометов — 2024;
— 120-мм минометов — 433;
— 45-мм пушек — 340;
— 76-мм полковых пушек — 240;
— 76-мм дивизионных пушек — 1115;
— 122-мм гаубиц — 268;
— 122-мм пушек — 78;
— 152-мм гаубиц-пушек — 32;
— 37-мм зенитных пушек — 320;
— 85-мм зенитных пушек — 220.

Всего 294 383 единицы стрелкового оружия и 5070 орудий и минометов.

Кроме того, на территории Рязанской области осенью 1943 г. была сформирована румынская дивизия имени Тудора Владимиреску. Она была

полностью оснащена советским вооружением.

Глава 11
Советская артиллерия особой мощности

Командование РККА, основываясь на опыте Гражданской войны, не уделяло особого внимания орудиям особой мощности. Так, к августу 1923 г. в частях имелось четыре 280-мм мортиры Шнейдера и четыре 305-мм гаубицы обр. 1915 г. Кроме того, несколько таких орудий находилось на складах, а также на Обуховском и Металлическом заводах, где изготавливали стволы (ОСЗ) и лафеты (МЗ) 305-мм гаубиц обр. 1915 г. Ну а какие-то орудия валялись «по городам и весям».

Постепенно орудия особой мощности собирали и приводили в порядок.

На 1 ноября 1936 г. в РККА состояло орудий особой мощности:

— 234-мм английских гаубиц — 4, из них одна требовала капремонта;

— 280-мм мортир Шнейдера обр. 1914/15 г. — 21, из них 5 требовали капремонта;

— 305-мм гаубиц обр. 1915 г. — 36, все годные к боевому использованию;

— 234-мм гаубица Виккерса и 280-мм мортира Шнейдера, перевозившиеся соответственно на трех и четырех повозках с деревянными колесами. Скорость возки конной тягой составляла около 3 км/ч, а механической тягой — 3–5 км/ч. Время перехода обеих систем из походного положения в боевое с учетом отрытия котлована под основания — от 2 до 4 часов.

А вот 305-мм гаубицы Обуховского завода обр. 1915 г. первоначально проектировались для береговой артиллерии и представляли собой полустационарные установки. Вес гаубицы в боевом положении составлял 65 т, и система могла перевозиться исключительно по железной дороге обычной колеи. В комплекте оборудования гаубицы имелись рельсы и шпалы на 300 метров узкой (750-мм) колеи. Система в разобранном виде доставлялась по железной дороге на расстояние до 300 м до позиции, а затем из вагонов ее части хитроумным способом перегружались на вагонетки ПЛ-4 узкоколейки, и уже вручную солдаты тянули эти вагонетки до заранее вырытого котлована длиной 7,7 м, шириной 6,4 м и глубиной 2,5 м. Время установки орудия на позиции составляло 1,5 суток, а с учетом времени отрыва котлована 2–5 суток.

Боеприпасы на позицию 305-мм гаубицы также доставлялись в

вагонетках узкоколейки.

Как мы уже знаем из рассказа о триплексе Бр-4, Бр-2 и Бр-5, первые новые орудия особой мощности — 280-мм мортиры — появились в РККА лишь в 1939 г.

Между тем еще в 1931 г. Артуправление выдало задание КБ-2, где работали немецкие инженеры фирмы «Рейнметалл», на проектирование 305-мм гаубицы на обычном лафете, а заводу «Большевик» — задание на триплекс: 400-мм мортиры, 305-мм гаубицы и 203-мм пушки разборного типа, перевозимые на повозках на гусеничном ходу.

Кроме того, инженер завода «Большевик» Чернявский в инициативном порядке разработал проект триплекса: 400-мм мортира, 305-мм гаубица и 203-мм пушка на обычном лафете.

В 1932 г. Артуправление рассмотрело все проекты, и на пленуме АУ было принято постановление «утвердить проект комбинированной системы 400/305/203-мм системы завода „Большевик“ для дальнейшей разработки и изготовления опытного образца, а два других проекта КБ-2 и инженера Чернявского отклонить».

Надо ли говорить, что если бы в 1931–1932 гг. начались полномасштабные работы по проекту Артуправления или Чернявского, то уже к 1939 г. РККА получила бы несколько дивизионных орудий особой мощности. Новые 305-мм гаубицы и 400-мм мортиры за неделю бы вдребезги разнесли финские доты-«миллионеры»[116], и исход Зимней войны был бы совсем иным как в военном, так и в политическом отношении.

Можно предположить, что полный разгром Финляндии в декабре 1939 г. мог отрезвить Гитлера и избавить русский и немецкий народы от кровавой войны.

Однако Тухачевский и К° вследствие своей некомпетентности, хотя не исключен и злой умысел, полностью сорвали все планы создания артиллерии особой мощности. Поначалу эти деятели потребовали, чтобы новые орудия особой мощности стреляли беспоясковыми снарядами, то есть полигональными, нарезными или подкалиберными. Были испытаны десятки самых экзотических снарядов всех трех типов калибром от 203 до 368 мм. Увы, результат был печален.

А в 1934 г. Тухачевский и К° потребовали, чтобы все новые орудия особой мощности монтировались на одном «самоходе». Стрельба тоже должна была производиться с одного самохода. Сам же самоход существовал лишь в воспаленных головах проектантов.

В декабре 1934 г. на конференции Артуправления были рассмотрены

проекты 203-мм пушки и 305-мм гаубицы на самоходе. Завод «Большевик» и опытный Завод им. Кирова разработали два самостоятельных проекта самохода.

В конце концов вес системы СУ-7 получился 106 т, а длина — 12,34 м. Габариты самохода не позволяли транспортировать его по железной дороге, подавляющее большинство мостов не выдерживало его веса. Если СУ-7 застрянет вне дороги, вытащить его будет нечем.

Работы по СУ-7 официально были прекращены 21 апреля 1938 г. письмом Ворошилова к Молотову. К этому времени был изготовлен… деревянный макет СУ-7 и все! Разумеется, в 1960-х гг. все герои авантюры с СУ-7 были полностью реабилитированы.

В итоге к началу войны с Финляндией РККА оказалась практически без новых орудий особой мощности. К 8 февраля 1940 г. в состав артиллерии Северо-Западного фронта входило: 114 203-мм гаубиц Б-4, 3 234-мм английских гаубицы, 12 280-мм мортир обр. 1915 г. и 4 280-мм мортиры Бр-5, которые прибыли уже после начала боевых действий.

На направлении главного удара на линии Маннергейма (полосе 7-й армии) действовали 78 203-мм гаубиц Б-4 и шесть 280-мм мортир. За 11 дней наступления 7-й армии было выпущено 4,5 тысячи 203-мм и 4 тысячи 280-мм бетонобойных и фугасных снарядов.

Три 234-мм гаубицы Виккерса состояли в 317-м отдельном артиллерийском дивизионе особой мощности (ОАД ОМ) в 13-й армии. Эти гаубицы вместе выпустили 494 снаряда по финским дотам.

Что же касается 305-мм гаубиц обр. 1915 г., то в конце 1939 г. и в первой половине 1940 г. они находились в западных военных округах и участия в Зимней войне не принимали.

В 1930 г. в СССР было создано КБ-2, где работали германские специалисты (в основном из фирмы «Рейнметалл»). Разработка 305-мм гаубицы была включена в план работ КБ-2 уже в начале 1930 г., наряду с другими системами. 29 ноября 1930 г. на заседании КБ Оружобъединения под председательством комкора Уборевича немецкие конструкторы представили эскизный проект 305-мм гаубицы.

Проект был в целом одобрен, и 27 февраля 1932 г. немцы сдали рабочие чертежи гаубицы.

Система имела раздельно-гильзовое заряжание и стреляла 400-килограммовыми снарядами на дальность 20 км. Гаубица КБ-2 не имела основания, и, соответственно, не было нужды рыть котлован. При стрельбе она опиралась на опорную плиту, а сзади находились два мощных сошника. Таким образом, внешне она напоминала корпусную пушку. Угол

возвышения ее составлял +50°, а угол поворота — 60°. Приводы наведения и заряжания работали как вручную, так и от специального электрогенератора.

Этот проект опережал 305-мм гаубицу обр. 1915 г. как минимум на полвека. Но увы, Тухачевскому был нужен самоход, а не разборная буксируемая система.

Летом 1937 г. комиссия в составе видных советских артиллеристов посетила завод «Шкода» в Чехословакии. Там ей представили проекты 210-мм пушки и 305-мм гаубицы. Ствол пушки был лейнированный, а гаубицы — скрепленный. Затворы у обеих систем клиновые горизонтальные, заряжание раздельно-гильзовое. Не удержусь от авторской реплики — на отчете комиссии какой-то дурак из Артуправления подчеркнул «раздельно-гильзовое заряжание» и размашисто написал: «Это минус — нужно картузное».

В итоге советская сторона предложила фирме «Шкода» внести ряд изменений. По результатам переговоров фирма доработала проект. Стволы пушки и гаубицы получили свободные лейнеры. Клиновые затворы поменяли на поршневые, заряжание стало картузным.

Согласно договору Д/7782 от 6 апреля 1938 г., заключенному Наркомвнешторгом с фирмой «Шкода», последняя обязалась изготовить для СССР по одному опытному образцу 210-мм пушки и 305-мм гаубицы с комплектом боеприпасов и принадлежностью. Срок сдачи опытных образцов был установлен 1 декабря 1939 г. Кроме опытных образцов, должны были быть переданы комплекты рабочих чертежей и другая документация на изготовление этих артсистем. Общая стоимость заказа составила 2375 тысяч долларов (около 68 млн крон).

Чтобы ускорить постановку валового производства артсистем на отечественных заводах, было принято решение начать производство сразу целой опытной серии, и притом по чертежам фирмы, не проверенным в производстве.

Изготовление опытной серии 210-мм пушек и 305-мм гаубиц (по 6 штук) постановлением Комитета обороны № 75 от 8 мая 1938 г. было возложено на завод № 221 («Баррикады»).

Осенью 1940 г. на НИАПе начались испытания опытных образцов 210-мм пушки Бр-17 и 305-мм гаубицы Бр-18, изготовленных заводом «Баррикады».

Войсковые испытания обеих систем начались в декабре 1940 г. на линии Маннергейма, где они вели огонь по финским дотам. Имеются в виду доты, брошенные финнами еще в феврале — марте 1940 г.

Системы Бр-17 и Бр-18 являлись дуплексом, то есть имели разные качающиеся части, установленные на единый лафет. В походном положении обе системы перевозились на трех повозках, буксируемых тягачом «Ворошиловец».

К началу Великой Отечественной войны в составе артиллерии РВГК имелись 15 отдельных дивизионов особой мощности и две отдельные батареи.

В РВГК имелся только один (524-й) тяжелый пушечный артиллерийский полк, на вооружении которого состояли 24 152-мм пушки Бр-2. В четырех его дивизиях имелось по три двухорудийных батареи. Личный состав батареи по штату составлял 2598 человек, радиостанций — 50, тракторов — 104, автомобилей разных — 287.

Кроме того, имелись две отдельные (1-я и 6-я) тяжелые пушечные батареи, на вооружении которых было по две 152-мм пушки Бр-2. К началу Великой Отечественной войны обе эти батареи находились в Архангельском ВО, а 524-й пушечный полк находился в Московском ВО.

К 1 июня 1941 г. в Московском ВО имелось 28 пушек Бр-2, а в июне туда прибыло еще 20 систем со складов и заводов. К началу войны имелось 3500 выстрелов к системе Бр-2.

К началу войны в РККА состояло 25 280-мм мортир Шнейдера обр. 1915 г. и 47 280-мм мортир Бр-5.

280-мм мортиры были сведены в восемь отдельных артиллерийских дивизионов особой мощности. В каждом дивизионе было три батареи по две мортиры в каждой. Итого в восьми дивизионах имелось 48 мортир. Остальные 24 мортиры находились на складах, заводах и полигонах.

Рассмотрим динамику развития частей особой мощности, вооруженных 280-мм мортирами, по округам к 1 июня 1941 г.

В Ленинградском ВО имелись три мортиры Бр-5. Судя по всему, шло перевооружение какого-то дивизиона особой мощности, номер которого мне найти не удалось. К 1 января 1941 г. в ЛВО имелись четыре 280-мм мортиры Шнейдера, но к 1 июня 1941 г. они уже убыли, а взамен прибыли три мортиры Бр-5.

В Западном особом ВО шесть Бр-5 прибыли в первой половине 1941 г., они поступили на вооружение 32-го ОАД ОМ.

В Киевском особом ВО состояли 34, 245, 315-й и 316-й ОАД ОМ, то есть по штату там должно было быть 24 280-мм мортиры. Фактически же там состояли одиннадцать 280-мм мортир Шнейдера и 24 мортиры Бр-5. Разница объясняется или планами формирования новых ОАД, или заменой систем Шнейдера на Бр-5.

В Одесском ВО имелся только один — 317-й — ОАД. Фактически в округе состояло 6 мортир Шнейдера, и в первой половине 1941 г. прибыло еще 6 мортир Бр-5. Таким образом, как и в КОВО, или происходило перевооружение 317-го дивизиона, или началось формирование нового ОАД.

Следует заметить, что снаряды для 280-мм мортир Шнейдера и Бр-5 были одинаковыми, а заряды — разными. Снаряды были только старого образца, то есть недальнобойной формы. К июню 1941 г. имелось около 7 тысяч 280-мм снарядов.

Итак, к июню 1941 г. в западных округах были сосредоточены почти все боеготовые дивизионы большой и особой мощности. Всего: 517 203-мм гаубиц Б-4, 17 280-мм мортир Шнейдера и 39 280-мм мортир Б-5.

Сосредоточение такого числа орудий большой и особой мощности свидетельствует о наступательных планах советского командования.

Что же касается 305-мм гаубиц обр. 1915 г., то все 30 боеспособных систем были сведены в 281-й гаубичный артиллерийский полк особой мощности, дислоцированный в Орловском ВО. Остальные четыре гаубицы находились на складах и полигонах.

281-й полк состоял из пяти дивизионов (№ 322, 318, 329, 330 и 331), в каждом из которых имелось по 6 гаубиц. К началу войны имелось 7,5 тысячи 305-мм снарядов к гаубицам обр. 1915 г.

Интересно, что 305-мм гаубицы обр. 1915 г. помимо армии состояли на вооружении ВМФ. К началу войны ими была вооружена четырехорудийная батарея № 911 вблизи Владивостока. Для нее флот имел 1788 фугасных 305-мм гаубичных снарядов.

В 1920–1930-х гг. армейское командование проводило опытные стрельбы из 305-мм гаубиц обр. 1915 г. снарядами 305-мм корабельных пушек. В итоге были созданы «Таблицы стрельбы» для стрельбы морскими снарядами обр. 1907 г. и обр. 1911 г. из 305-мм гаубицы. Для нее подобрали специальный уменьшенный заряд — для снаряда обр. 1907 г. — в 28,46 кг, а для снаряда обр. 1911 г. — в 24,3 кг ленточного пороха.

Как уже говорилось, в начале войны артиллерийские части особой мощности были эвакуированы в тыловые районы и практически не участвовали в боевых действиях. Производство всех артсистем большой и особой мощности было прекращено, хотя орудия, находившиеся в высокой степени готовности, доделали. Прекратилось и производство боеприпасов для 280-мм и 305-мм орудий. Тем не менее около пятисот 280-мм снарядов были сданы промышленностью во второй половине 1941 г.

152-мм снарядов для Бр-2 во второй половине 1941 г. было

произведено 43,2 тысячи и еще 13,3 тысячи в 1942 г., после чего они более в ходе войны не производились.

Производство 203-мм снарядов не прекращалось в течение всей войны. (См. Приложение.)

В ходе летне-осенней кампании 1941 г. было потеряно 75 203-мм гаубиц Б-4, а получено от промышленности 105 гаубиц. 280-мм мортир было утеряно 9 штук и не получено ни одной. 152-мм пушек Бр-5 ни одной не потеряно и ни одной не получено.

В конце октября 1942 г. началось формирование первой и единственной пока тяжелой артиллерийской дивизии, которая получила название «19-я артиллерийская дивизия РВГК». В состав тяжелой дивизии вошли: гаубичный полк большой мощности (десять 203-мм гаубиц Б-4), 5 пушечных полков (12 122-мм пушек А-19 и 36 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20), а также тяжелый артиллерийский дивизион (шесть 152-мм пушек Бр-2). В ходе Сталинградской битвы с 12 июля 1942 г. по 19 ноября 1942 г. из Бр-2 было выпущено 1,3 тысячи снарядов, а из Б-4 — 0,7 тысячи. Соответственно с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. израсходовано 1,95 тысячи снарядов Бр-2 и 3,35 тысячи снарядов Б-4.

В ноябре 1942 г. эта дивизия была направлена на Сталинградский фронт, где вошла в так называемую Фронтовую артиллерийскую группу. 19-я дивизия дислоцировалась на левом берегу Волги, напротив Сталинграда.

Таблица 20. **Состав артиллерии РВГК**

Дата	1.06.1943	1.01.1944	1.06.1944	1.01.1945	1.05.1945
152-мм Бр-2	34	36	28	28	28
203-мм Б-4	653	659	665	766	760
280-мм мортир	48	48	48	48	48
305-мм гаубиц	29	30	30	29	29
210-мм пушек	—	—	8	8	8
211-мм трофейных орудий	—	—	—	16	16

В августе 1944 г. в составе артиллерии РВГК были сформированы два артиллерийских дивизиона особой мощности. Каждый из них имел на вооружении по четыре 211-мм трофейные мортиры (21-см Mrs.18). В отличие от наших 203-мм гаубиц они имели не гусеничный, а колесный ход и были гораздо мобильнее. Впрочем, лучшей оценкой 21-см мортиры служит то, что наши генералы относили ее к системам особой мощности, а

Б-4 — к системам большой мощности. Кроме того, Mrs.18 в боевом положении была намного легче Б-4.

В декабре 1944 г. на базе четырех отдельных дивизионов 152-мм пушек Бр-2 и четырех отдельных батарей 210-мм пушек Бр-17 было сформировано три отдельных полка особой мощности (18-й гвардейский, 1-й и 2-й).

В их составе имелись три двухорудийные батареи Бр-2 и одна двухорудийная батарея 210-мм пушек. К концу 1944 г. эти три полка убыли на фронт, а формирование четвертого (№ 20) началось лишь в 1945 г., и на фронт он не попал.

Всего к 1944 г. в РККА имелось девять 210-мм пушек Бр-17. В боеготовность их привели лишь в 1944 г. В этом году впервые были изданы для них «Таблицы стрельбы» и произведено 4,2 тысячи 210-мм снарядов. Любопытно, что в первой половине 1945 г. 210-мм снаряды не производились.

305-мм гаубиц обр. 1939 г. (Бр-18) было изготовлено всего три штуки. Они пошли на формирование 233-го отдельного артдивизиона особой мощности, находившегося в конце войны в Московском ВО. Судя по всему, эти гаубицы были небоеспособными.

В 1944–1945 гг. в состав артиллерии особой мощности были включены 16 трофейных 211-мм пушек K.38[117]. Эти пушки стреляли 120-кг снарядами на дальность 33,9 км. Вес K.38 в походном положении 25,3 т. Система в походном положении перевозилась на трех повозках.

211-мм пушка K.38 была принята на вооружение 7, 16, 75-го и 105-го отдельных артиллерийских дивизионов особой мощности. В каждом из них состояло по четыре орудия. Причем ОАД ОМ № 7 и № 16 на фронт так и не попали.

Об интенсивности применения орудий особой мощности в боевых условиях лучше всего свидетельствует расход снарядов.

Так, за всю войну было израсходовано (в том числе утеряно) 39,4 тысячи снарядов к пушкам Бр-2. Из них 8,1 тысячи — в 1943 г., 9,9 тысячи — в 1944 г. и 6,4 тысячи — в 1945 г.

Первая тысяча 280-мм снарядов была израсходована в 1943 г., еще 4,7 тысячи — в 1944 г. и 8,45 тысячи — в 1945 г.

Впервые 305-мм гаубицы обр. 1915 г. приняли боевое крещение (после 1917 г.) в боях на Карельском перешейке в июне 1944 г. Туда было переброшено 5 дивизионов ОМ, вооруженных 280-мм мортирами Бр-5 и 305-мм гаубицами обр. 1915 г. В июне 1944 г. на Карельском перешейке было израсходовано около пятисот 305-мм гаубичных снарядов.

Всего в 1944–1945 гг. в действующую армию было подано снарядов: 203-мм — 809 тысяч; 210-мм — 2,1 тысячи; 280-мм — 19,18 тысячи; 305-мм — 2,89 тысячи. Замечу, что 210-мм снаряды использовались только в 1945 г., и их было израсходовано 930 штук.

Ограниченное применение орудий особой мощности обусловлено в первую очередь характером полевой войны на территории СССР, Польши, Румынии и других стран, а во вторую очередь — низкой мобильностью отечественных орудий особой мощности и боязнью наших военных потерять эти редкие орудия. Зато в ходе боев на Карельском перешейке, а главное, в Германии системы особой мощности оказались незаменимыми.

Раздел IV
В завершающих боях

Глава 1
Битва за Будапешт

27 июня 1941 г. Венгрия объявила войну СССР. В 1942 г. на Восточном фронте действовало до 18 венгерских дивизий. В начале 1943 г. на Дону была разгромлена 2-я венгерская армия. После ряда поражений, понесенных Германией в 1944 г., венгерский диктатор Надьбаньян Хорти решил осенью 1944 г. заключить сепаратный мир с западными союзниками. Однако англичане и американцы застряли в Италии и ничем не могли помочь Хорти, а посему посоветовали незадачливому адмиралу вступить в переговоры с советским командованием. Хорти отправил своих доверенных лиц в СССР.

15 октября 1944 г. Хорти объявил по радио о заключении перемирия с Красной Армией. Но через несколько часов он был арестован германскими войсками и вынужден передать власть лидеру венгерских фашистов Ференцу Салаши. Последний стал премьер-министром и вождем (фюрером) венгерского народа.

На сторону Красной Армии успел перебежать командующий 1-й венгерской армией генерал-полковник Бела Микиош и часть его штаба, а также небольшое число других военных. Подавляющее же большинство венгерских частей сохранили боеспособность и храбро сражались против советских войск. Кроме того, германское командование умышленно создало чересполосицу германских и венгерских частей, чтобы не допустить больше военного мятежа, как это имело место в Италии и Румынии.

В середине октября 1944 г. в Москву прибыли Черчилль и Иден, а также их политические и военные советники. Они вели переговоры с И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и А. И. Антоновым. Важную роль в переговорах играли события в Юго-Восточной Европе и особенно в Венгрии. С. М. Штеменко по этому поводу писал: «Уезжая из Москвы, Черчилль высказал удовлетворение результатами встречи и по-своему отреагировал на вставку, сделанную Сталиным в докладе Антонова относительно направления главных усилий Советских Вооруженных Сил на Венгрию. Премьер-министр Великобритании выразил надежду, что англо-американским войскам удастся в самом скором времени продвинуться к Люблянскому проходу в Югославии.

Естественно, что мысль, высказанная Черчиллем, была тщательно

рассмотрена. Его фраза не могла означать ничего иного, кроме намерения пробраться через Любляну в центр Европы, обойдя с юга неудобные альпийские хребты, и оказаться на венгерской и австрийской земле раньше советских войск. Опять запахло „балканским вариантом“, подаваемым под другим соусом. Верховный Главнокомандующий, конечно, сразу заметил это»[118].

Поясню, что Люблянский проход находится на севере Югославии и от него до Будапешта 240 км.

Таким образом, наступление на Будапешт стало вопросом не столько военным, сколько политическим.

«Обстоятельством, обусловившим ускорение удара на Будапешт, в известной степени были ура-оптимистические доклады Л. З. Мехлиса о разложении и деморализации венгерских войск. Особенно подлила масла в огонь его телеграмма от 28 октября, направленная лично И. В. Сталину:

„Противостоящие нашему фронту части 1-й венгерской армии находятся в процессе разложения и деморализации. Ежедневно войска берут по 1000–1500–2000 и более пленных. 25 октября 1944 г. 18-я армия взяла 2500 пленных, причем сдавались в плен целыми подразделениями… В связи с обходными маневрами войск фронта многие венгерские части попросту рассыпались, и отдельные группы солдат бродят по лесам, часть с оружием, часть без оружия, некоторые переоделись в гражданское…“

Своими докладами Мехлис сумел подогреть воображение И. В. Сталина. Тот запросил Генштаб, как лучше атаковать Будапешт, чтобы быстрее взять его. Ничего не подозревая, мы ответили, что лучше всего использовать обширный плацдарм, захваченный на левом фланге 2-го Украинского фронта в междуречье Тиссы и Дуная. Здесь не нужно было форсировать реку и противник располагал меньшим количеством войск, чем на других направлениях. Кроме того, выдвинутая сюда 46-я армия была относительно свежей. После прорыва она могла бы свернуть на север оборону противника за Тиссой и тем способствовать прямому удару 7-й гвардейской армии Шумилова и 1-й румынской армии на Будапешт с востока.

И. В. Сталин, обдумав соображения Генштаба, позвонил Р. Я. Малиновскому и потребовал, чтобы 2-й Украинский фронт немедленно овладел Будапештом. Даже А. И. Антонов, без прикрас докладывавший обстановку, не смог доказать Верховному Главнокомандующему, что донесения Л. З. Мехлиса не соответствуют

действительности, тем более в районе Будапешта.

Напоминаю этот эпизод в связи с тем, что в нашей специальной литературе не раз говорилось о переходе войск 2-го Украинского фронта в наступление на Будапешт 29 октября 1944 г. без достаточной подготовки и накопления сил. Первым написал об этом Р. Я. Малиновский, который лично получил от И. В. Сталина приказ овладеть столицей Венгрии в самое ближайшее время, „буквально на днях“. Командующий просил отвести на выполнение задачи пять дней, но данный ему приказ гласил: „Завтра же перейти в наступление на Будапешт“.

Устное распоряжение Верховного Главнокомандующего мы подтвердили директивой Ставки в 22 часа 28 октября 1944 г.

В 14 часов на следующий день 46-я армия генерала И. Т. Шлемина, усиленная 2-м гвардейским механизированным корпусом, пошла вперед. Как вскоре доложил в Ставку маршал С. К. Тимошенко, сильное сопротивление и контратаки противника не позволили армии за день боя продвинуться дальше чем на 4–6 км. Нужно отдать должное Р. Я. Малиновскому: он сделал все возможное для успеха войск, в частности спешно выдвигал в район боев 4-й гвардейский мехкорпус, переданный из 3-го Украинского фронта.

В последующие четыре дня наступление 46-й армии несколько ускорилось, так как в дело были введены гвардейцы М. С. Шумилова и 1-я румынская армия.

К исходу 3 ноября введенные в сражение 4-й и 2-й гвардейские механизированные корпуса В. И. Жданова и К. В. Свиридова находились всего в 10–15 км к югу и юго-востоку от Будапешта.

На этом продвижение советских войск закончилось. Как доложила разведка, противник сумел использовать временную задержку операции 4-го Украинского фронта западнее Ужгорода и под Чопом, чтобы передислоцировать оттуда в полосу 46-й армии три танковые дивизии. Вскоре мы это почувствовали: атаки наших войск на относительно узком фронте за Тиссой получили решительный отпор. Наши удары повторялись, но успеха не принесли»[119].

Советское правительство помогло венгерским антифашистам устроить в освобожденном городе Дебрецене Временное национальное собрание Венгрии, которое заседало 21–22 декабря 1944 г. и образовало Временное национальное правительство во главе с генерал-полковником Белой Миклошем.

Первым актом нового правительства было решение о разрыве с фашистской Германией и объявлении ей войны. Затем последовало

обращение к правительствам союзных государств, с которыми Венгрия находилась в состоянии войны, относительно перемирия.

Между венгерским и Советским правительствами было достигнуто соглашение о формировании из перебежчиков и военнопленных венгров новой венгерской армии. Однако по вине обеих сторон сформировали только одну венгерскую дивизию, которая попала на фронт уже после окончания боевых действий.

29 октября 1944 г. войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского начали наступление на Будапешт на фронте от железнодорожной станции Чоп на севере до дунайского городка Байя. Южнее вел наступление 3-й Украинский фронт, которым командовал маршал Ф. И. Толбухин.

В составе 2-го Украинского фронта находились 40, 27, 53, 7-я гвардейские армии, 46-я армия, 6-я гвардейская танковая армия, 1-я и 4-я румынские армии, конно-механизированная группа генерал-лейтенанта И. А. Плиева, 2-й и 4-й гвардейские мотострелковые корпуса. Всего около 712 тысяч человек.

На стыке 2-го и 3-го Украинских фронтов в районе города Байя действовали 1-я Керченская бригада речных кораблей и 83-я бригада речной пехоты Дунайской флотилии.

Район Будапешта защищали германские 8-я и 6-я полевые армии, 2-я танковая армия и 3-я венгерская армия. Командовал обороной Будапешта генерал-полковник Г. Фриснер. По советским данным, у германо-венгерской группировки имелось 29 дивизий и 5 бригад.

В ходе наступления войска 2-го Украинского фронта вышли к Дунаю севернее и северо-западнее Будапешта, отрезав противнику отход на север. На левом фланге фронта 46-я армия форсировала Дунай и устремилась вперед с целью обхода Будапешта с юго-запада. Однако вскоре 46-я армия была вынуждена перейти к обороне и по приказу Ставки перешла в состав 3-го Украинского фронта.

После этого Ставка потребовала от 2-го Украинского фронта нанести удар из района Шаги, а от 3-го Украинского фронта — из района озера Веленце повести встречное наступление на город Эстергом и окружить Будапешт.

26 декабря войска 2-го Украинского фронта окружили Будапешт, а войска 3-го Украинского фронта заняли оборону на внешнем обводе окружения.

К 1 января 1945 г. в восточной части венгерской столицы — Пеште — действовали 7-я гвардейская армия 2-го Украинского фронта и 7-й

румынский корпус. Остальные войска фронта заняли оборону на левом берегу реки Грон от ее устья и далее на север до Турина. 6-я гвардейская танковая армия находилась в резерве.

Основные силы 3-го Украинского фронта занимали позиции на внешнем фронте окружения. 4-я гвардейская армия и 7-й механизированный корпус находились на правом берегу Дуная западнее Эстергома и далее на юг до озера Балатон. 57-я армия заняла оборону южнее Балатона до реки Дравы у города Барча.

46-я армия и 2-й гвардейский мехкорпус вели бои с противником, защищавшим западную часть города — Буду. В резерве 3-го Украинского фронта состояла 18-я танковая армия.

В Будапеште советскими войсками был окружен 9-й горный корпус СС под командованием генерал-полковника Пфеффер-Вильденбруха. В состав корпуса входили или ему были оперативно подчинены: 8-я кавалерийская дивизия СС (частично была сформирована из этнических немцев, проживавших на территории СССР), 22-я добровольческая кавалерийская дивизия СС «Мария-Терезия» (большая часть личного состава — этнические венгры), 13-я танковая дивизия, танковая дивизия «Feldnermhalle» (без 93-го панцгренадерского полка).

После окружения Будапешта командованию 9-го корпуса был оперативно подчинен 1-й армейский венгерский корпус под командованием генерала Иштвана Хинди в составе 10-й и 12-й пехотных дивизий, частей 1-й танковой и 1-й кавалерийской дивизий. Всего в Будапеште оказалось 25 тысяч германских и 45 тысяч венгерских солдат и офицеров.

Германские кавалерийские дивизии СС имели в своем составе по одному танкоистребительному батальону. Так, в 8-й кавдивизии состояло 28 7,5-см САУ «Хетцер», а в 22-й — 20 «Хетцеров». Также в каждой из этих кавдивизий в составе танкоистребительных батальонов вместо 3-й батареи имелась танковая рота с танками итальянского производства М 15/42. Это были легкие танки весом 15 т, вооруженные одной 47/40-мм пушкой. Толщина брони их составляла 14–45 мм, скорость 40 км/ч. Короче, это был улучшенный Т-60.

Обе германские танковые дивизии имели по 36 танков T-V «Пантера» и 11 противотанковых САУ T-IV/700 с 7,5/70-см пушкой от «Пантеры» и по четыре 37-мм ЗСУ.

В танковой дивизии «Фельдхенхаям» имелось 12 15-см САУ «Хуммель», а в 13-й танковой дивизии — около двух десятков 15-см САУ s.IG 33 и 10,5-см «Веспо».

В 1-й венгерской танковой дивизии должны были состоять по штату 61

танк «Туран I» и 62 танка «Туран II», а также 39 40-мм ЗСУ «Нимрад». Однако к декабрю 1944 г. из них в строю находилась в лучшем случае половина.

29 декабря 1944 г. в 4 часа утра противник взорвал в черте города Будапешт первый железнодорожный мост через Дунай. В результате ожесточенных боев германо-венгерские войска оставили несколько кварталов в западной части города.

1 января 1945 г. войска 2-го Украинского фронта своим левым крылом занимали рубеж по левому берегу реки Грон, упираясь в Дунай у населенного пункта Каменица и дальше по левому берегу Дуная до Будапешта. Части 7-й гвардейской армии овладели пригородом Будапешта — Матьашфелд.

Немцы и венгры организовали в Будапеште правильную оборону. Только в Пеште советские топографы насчитали около 5 тысяч кварталов, так немцы именовали участки обороны. По данным разведки, основу обороны левобережной части Будапешта составляли узлы сопротивления из нескольких кварталов и опорные пункты в них из одного и более зданий. Полукольцевые оборонительные линии упирались своими флангами в Дунай. Отсечные позиции проходили по радиальным улицам.

Немецкое командование предприняло попытку деблокировать окруженную в Будапеште группировку и 2–18 января нанесло последовательно три контрудара по войскам 3-го Украинского фронта.

К 1 января 1945 г. по приказу командующего фронтом основные силы 4-й гвардейской армии перешли к обороне на фронте около 160 км (до юго-восточного берега озера Балатон), за исключением части сил в центре и на левом фланге, которые должны были продолжать наступление, чтобы овладеть населенными пунктами Мор, Варпалота, Фюзфо.

В состав 4-й гвардейской армии входили пять стрелковых и один механизированный корпус. Все стрелковые корпуса располагались в одном эшелоне и имели следующую ширину полос обороны: 31-й гвардейский стрелковый корпус (4-я, 80-я и 34-я гв. сд) — 48 км; 68-й стрелковый корпус (223-я, 52-я и 93-я сд) — 24 км; 20-й гвардейский стрелковый корпус (7-я и 5-я гв. вдд и 40-я гв. сд) — 24 км; 135-й стрелковый корпус (84-я гв. и 252 сд) — 16 км; 21-й гвардейский стрелковый корпус (69-я и 62-я гв. сд и 1 гв. УР) — 20 км и около 30 км южного берега озера Балатон, где оборонялся небольшой сводный отряд. Боевые порядки корпусов были построены также в один эшелон.

В резерве армии находились 41-я гвардейская стрелковая дивизия, располагавшаяся в районе города Секешфехервар, и 7-й механизированный

корпус (41-я тбр, 16-я, 63-я и 64-я мбр), занимавший оборону за боевыми порядками 20-го гвардейского стрелкового корпуса.

В составе корпусов на позициях находилось 508 76-мм и 45 мм противотанковых пушек, 336 76-мм дивизионных пушек, 201 122-мм гаубица и 81 152-мм гаубица-пушка МЛ-20, а также 998 минометов калибра 82 мм и 120 мм. Средняя плотность артиллерии 4-й армии составляла 16,1 орудия и миномета на 1 км фронта.

Противотанковая оборона частей имела небольшую глубину. В стрелковых дивизиях организовывалось по два — четыре противотанковых опорных пункта, расположенных преимущественно в одну линию. Противотанковые районы в глубине обороны, как правило, не создавались, так как большинство истребительно-противотанковых артиллерийских частей использовалось в составе противотанковых опорных пунктов. Огневая взаимосвязь между противотанковыми опорными пунктами в ряде случаев отсутствовала из-за больших разрывов между ними. Так как противник располагал тяжелыми танками, то в состав противотанковых опорных пунктов включались 122-мм гаубицы артиллерийских полков стрелковых дивизий, а также 76-мм и 85-мм зенитные пушки. Всего в армии было создано 39 противотанковых опорных пунктов.

Боевые порядки артиллерии армии эшелонировались на малую глубину. В основном вся артиллерия армии размещалась в непосредственной близости от переднего края, что исключало возможность создания системы огня в глубине на случай прорыва противником обороны наших войск. Только в районе Секешфехервар за счет артиллерии 41-й гвардейской стрелковой дивизии, выделенной в резерв армии, и 7-го механизированного корпуса боевые порядки артиллерии эшелонировались на глубину 10–12 км.

Главные силы немцы ввели в бой в ночь на 2 января на участке 80-й гвардейской стрелковой дивизии. Немцы имели здесь многократное превосходство в силах. По советским данным, на 1 км фронта у них было до 2475 активных штыков, 145 орудий и минометов, 45–50 танков и штурмовых орудий. По пехоте немецкая группировка превосходила силы 80-й гвардейской стрелковой дивизии в 9 раз, по танкам и штурмовым орудиям — в 17 раз, по орудиям и минометам — в 11 раз[120].

В 2 ч 30 мин 2 января артиллерия противника произвела мощный 10-минутный огневой налет по боевым порядкам 80-й гвардейской стрелковой дивизии, израсходовав на него не менее 24 тысяч снарядов и мин. В результате этого внезапного налета проводная связь между огневыми позициями и наблюдательными пунктами артиллерии, а также связь

взаимодействия между артиллерийскими и пехотными командирами нарушилась. После огневого налета противник на всем фронте обороны дивизии перешел в наступление.

2 января с часу до 3 часов ночи 16 катеров германо-венгерской флотилии высадили два десанта на правый берег Дуная: в районе Паске — 200 человек и в районе Ньеге-Шуйфалу — 50 человек. Бронекатера советской Дунайской флотилии 2–6 января были заняты исключительно перевозкой войск на переправах Эрги, Дунапентело, Илои и Новисад, но в боевых действиях не участвовали. Наоборот, 2 января в 15 ч 00 мин бронекатера № 339 и № 423 были сняты с огневых позиций у Надьтетень и отправлены к переправе Дунапентело.

В контрударе по советским войскам участвовало до семи танковых дивизий неполного состава и две моторизованные дивизии, в числе которых были 3-я танковая дивизия СС «Тотенкопф», 5-я танковая дивизия СС «Викинг», 2-я венгерская танковая дивизия, а также 503-й и 509-й батальоны тяжелых танков «Тигр» и «Королевский Тигр». Немцы быстро прорвали фронт и, обойдя большинство позиций противотанковой артиллерии, продвинулись в глубь обороны 4-й гвардейской армии на 27–31 км.

В качестве примера рассмотрим прорыв обороны 80-й гвардейской стрелковой дивизией.

Отдельные подразделения и части пехоты и артиллерии дивизии, изолированные друг от друга, самостоятельно вели упорную борьбу с многократно превосходящим по численности противником. Артиллерийские подразделения стрелковых полков и 171-го гвардейского артиллерийского полка дивизии, а также 1662-го истребительно-противотанкового, 456-го и 407-го легких артиллерийских полков в условиях окружения вели борьбу с танками и пехотой противника.

407-й легкий артиллерийский полк, выдвинутый в район Агостиан, в 14 ч 2 января отразил несколько атак танков противника, двигавшихся по шоссе Таварош — Агостиан, сжег четыре танка «Королевский Тигр» и одно штурмовое орудие. К 22 часам того же дня полк отошел в район Тардош, где был атакован крупными силами пехоты и танков. В течение двухчасового ожесточенного боя полк вел одновременно борьбу с танками и пехотой, сжег еще два танка, три бронетранспортера и уничтожил до роты вражеской пехоты.

Находившийся в этом же районе 1962-й истребительно-противотанковый полк, оказавшись в окружении, в течение трех часов вел упорный бой с пехотой и танками противника. Личный состав полка

уничтожил в этом бою большое количество пехоты, подбил два танка и один бронетранспортер, а затем с боем вышел из окружения, сохранив десять орудий. С таким же упорством сражался в районе Банхида и 1961-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (командир полка майор Зубцов), приданный 34-й гвардейской стрелковой дивизии. Несмотря на отход своей пехоты, полк во взаимодействии с гарнизоном противотанкового опорного пункта № 9 в ночь на 2 января отбил несколько атак противника и удержал свои позиции. В этом бою артиллеристы уничтожили десять немецких танков и бронетранспортеров.

Положение усугубилось еще и тем, что дивизионный обменный пункт 80-й гвардейской стрелковой дивизии, расположенный в районе деревни Агостиан, был быстро занят противником и артиллерия дивизии осталась только с теми боеприпасами, которые находились в частях. Поэтому многие артиллерийские подразделения уже к исходу дня 2 января оказались без снарядов.

Одновременно с ударом на участке 80-й гвардейской стрелковой дивизии противник начал форсирование Дуная в районе населенных пунктов Шютте, Писке и Ньергешуйфалу, оборонявшихся частями 4-й гвардейской дивизии. Артиллерия дивизии в ночных условиях успешно вела борьбу с бронекатерами и артиллерией противника. 11-й гвардейский стрелковый полк не допустил высадку десанта в районе Писке. В районах же Шютте и Ньергешуйфалу противнику удалось переправиться на южный берег реки, а затем соединиться со своими частями, наносившими удар на участке 80-й гвардейской стрелковой дивизии. Несмотря на внезапность наступления и многократное превосходство в силах, противнику за день напряженных боев 2 января удалось проникнуть в глубину нашей обороны только на 4–6 км на фронте 12–15 км.

Командование 3-го Украинского фронта и 4-й гвардейской армии уже утром 2 января начало предпринимать решительные меры по сосредоточению сил, в первую очередь артиллерии, к участку прорыва противника. Прежде всего из армейского резерва в распоряжение командира 31-го гвардейского стрелкового корпуса были направлены 438-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк и один инженерно-саперный батальон. Одновременно командование 4-й гвардейской армии решило перебросить из 20-го гвардейского стрелкового корпуса в распоряжение командира 31-го гвардейского стрелкового корпуса 127-й и 222-й гвардейские пушечные, 152-й гаубичный и 205-й минометный полки. Однако сделать это сразу оно не могло, так как в центре и на левом фланге армии противник не прекращал атак наших позиций мелкими группами

пехоты и танков. Кроме того, утром 2 января еще не удалось установить состав группировки противника, уже начавшей наступление на правом фланге армии.

Из состава 68-го стрелкового корпуса выводилась 93-я стрелковая дивизия с ее артиллерией, которой предстояло совершить 45-километровый марш и сосредоточиться к 24 часам 2 января в районе Тарьян. В распоряжение командира 31-го гвардейского стрелкового корпуса были направлены также три саперных батальона армейских подвижных отрядов заграждения.

В этот же день и в ночь на 3 января командующий фронтом усилил 4-ю гвардейскую армию из своего резерва пятью истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками (117, 419, 1008, 1172-й и 418-й иптап)[121] и направил к участку прорыва противника из состава 46-й армии 86-ю стрелковую дивизию и 2-ю инженерно-саперную бригаду, а также 18-й танковый корпус и большую часть сил 5-го гвардейского кавалерийского корпуса из своего резерва. Кроме того, 12-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада из артиллерийско-противотанкового резерва 46-й армии и 595-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк из резерва фронта передавались в состав 18-го танкового корпуса, а 200-й минометный полк из 18-го танкового корпуса и 140-й минометный полк из 5-го гвардейского кавалерийского корпуса — в 4-ю гвардейскую армию[122].

Все эти соединения и части 2 января полностью не смогли выйти в назначенные районы. К исходу этого дня в бой вступили только два стрелковых полка 86-й стрелковой дивизии, вышедшие на линию восточнее и юго-восточнее Ньергешуйфалу, и 2-я инженерно-саперная бригада. Из всех общевойсковых и танковых соединений, начавших сосредоточение к участку прорыва, в бой 2 января вступили только десять стрелковых и семь саперных батальонов. Из артиллерийских частей к участку прорыва прибыл лишь один 438-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, который был оставлен в резерве и размещен в районе Фелчут. Основная же масса перебрасываемых артиллерийских полков прибыла в район боев 3 января.

Между тем напряжение боев в полосе 31-го гвардейского стрелкового корпуса нарастало. Используя слабость нашей обороны, противник в течение ночи на 3 января не прекращал своих атак на всем участке прорыва.

На северном участке прорыва всю ночь на 3 января вели бои с

крупными силами танков и пехоты противника части 4-й гвардейской стрелковой дивизии. В этих боях дивизия понесла большие потери; она потеряла более половины своей артиллерии и к утру 3 января отошла на 10–14 км восточнее занимаемого рубежа обороны. Сюда к ней на помощь подошли части 86-й стрелковой дивизии и 12-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада (417, 1658-й и 1255-й иптап), полки которой развернулись в районах 3 км западнее Тат, Мадьярош-Баня, 2 км севернее Надьшап. На этот же рубеж стали подходить части 18-го танкового корпуса, которые вводились в бой с ходу отдельными подразделениями. В результате ожесточенных боев частям 86-й стрелковой дивизии и 18-го танкового корпуса совместно с отходившими подразделениями 4-й гвардейской стрелковой дивизии удалось к исходу дня 3 января задержать противника на линии 1,5 км восточнее Ньергешуйфалу, 2 км восточнее Надьшап, Байна.

Учитывая создавшуюся угрозу прорыва противника к Будапешту, командующий 46-й армией 3 января решил выдвинуть 49-ю гвардейскую стрелковую дивизию на рубеж Сомор, Мань, чтобы прикрыть кратчайшее направление на Будапешт. Дивизии придавались 437-й истребительно-противотанковый, 993-й зенитный артиллерийские полки, один дивизион 87-го гвардейского минометного полка и один дивизион 28-й гвардейской минометной бригады полевой реактивной артиллерии. Кроме того, дивизию должны были поддерживать из состава армейской артиллерийской группы два дивизиона 45-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады и один дивизион 216-го пушечного артиллерийского полка.

Чтобы не допустить прорыва танков противника вдоль шоссе Байна, Сомор, Жамбек, командующий артиллерией 46-й армии генерал-майор артиллерии Алексеенко в 12 часов 3 января приказал командующему артиллерией 23-го стрелкового корпуса гвардии полковнику Матышу создать в районе Гярмель, Сомор (участок обороны 49-й гв. сд) сильный противотанковый район. Основу этого района должна была составлять 11-я легкая артиллерийская бригада 7-й гвардейской дивизии прорыва (36 76-мм пушек), переданная к этому времени из 37-го в 23-й стрелковый корпус. Кроме того, в состав противотанкового района генерал Алексеенко приказал включить 437-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (13 76-мм пушек), один дивизион 216-го гвардейского пушечного артиллерийского полка (6 152-мм гаубиц-пушек) и полковую артиллерию одного стрелкового полка 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Комендантом района был назначен командир 11-й легкой артиллерийской бригады. По получении этого распоряжения указанные части немедленно

выступили в район Сомор.

Утром 3 января противник развернул наступление главными силами. В направлении Бичке действовали его основные ударные силы — танковые дивизии СС «Мертвая голова», «Викинг» и 6-я танковая дивизия, насчитывавшие более 200 танков. Этой группировке врага, по сути дела, противостояли вышедшие из окружения подразделения пехоты и артиллерии 80-й и 34-й гвардейских стрелковых дивизий, которые не смогли сдержать мощного танкового удара. Танки противника ворвались в Тардош и Толну и устремились на Тарьян. Однако к утру 3 января в Тарьян прибыли артиллерийский полк, истребительно-противотанковый дивизион, один стрелковый батальон 93-й стрелковой дивизии и 140-й минометный полк 5-го гвардейского кавалерийского корпуса. Они с ходу вступили в бой и в течение 8 часов вместе с отходившими подразделениями отражали ожесточенные атаки противника. Только к вечеру противник овладел населенным пунктом Тарьян, но его дальнейшее продвижение на этом направлении приостановили части 93-й стрелковой дивизии, усиленной 419-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком.

Сравнительно большое продвижение противника за день боя (на 12–16 км) объясняется в значительной степени тем, что перебрасываемые командованием фронта и армии к участку прорыва войска, в том числе и артиллерия, запаздывали и вводились в бой с ходу, по частям. Прибывшие 3 января в район боев истребительно-противотанковые артиллерийские части оставлялись в резервах или использовались в противотанковых районах в глубине обороны. Поэтому основную тяжесть борьбы с танками противника приняли на себя войсковая артиллерия, стрелковые части, а также инженерные войска, широко использовавшие минные заграждения.

4 января командование 4-й гвардейской армии продолжало наращивать силы на направлении главного удара противника, в первую очередь севернее Бичке. С этой целью в районе Бичке, Чабди были сосредоточены 16-я механизированная бригада, 78-й тяжелый танковый полк и 1289-й самоходно-артиллерийский полк 7-го механизированного корпуса, находившегося в резерве армии на секешфехерварском направлении. Этой бригаде был придан 117-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (из 12-й иптабр), прибывший в район Чабди еще утром 3 января. Севернее Бичке выводилась из резерва армии 41-я гвардейская стрелковая дивизия с приданными ей 152-м гаубичным артиллерийским и 205-м минометным полками, которые до этого поддерживали части 20-го гвардейского стрелкового корпуса. В район севернее и северо-западнее Обарок перебрасывалась с участка 68-го

стрелкового корпуса 40-я гвардейская стрелковая дивизия, а ее полоса обороны передавалась 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

По приказу командующего фронтом 1-й гвардейский механизированный корпус, прибывший из резерва Ставки и сосредоточивавшийся в районе Пать (8 км западнее Будапешта), должен был передать к утру 4 января в распоряжение командующего 4-й гвардейской армией 382, 1821-й и 1453-й самоходно-артиллерийские полки. В распоряжение командования армии передавалась также 12-я гвардейская кавалерийская дивизия (5-го гв. кк).

В ночь на 4 января все эти части и соединения находились в движении. Прибывший в первой половине ночи кавалерийский полк 12-й гвардейской кавалерийской дивизии занял оборону в стыке между 93-й стрелковой и 4-й гвардейской стрелковой дивизиями. Во второй половине ночи противник прорвал оборону в стыке этого полка и 93-й стрелковой дивизии и устремился в направлении на Тюкреш и частью сил в обход 93-й стрелковой дивизии.

Командующий армией выдвинул навстречу прорвавшимся танкам противника прибывшие к этому времени 16-ю механизированную бригаду, 78-й тяжелый танковый полк, 1289-й самоходно-артиллерийский полк и приданный бригаде 117-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Эти части с ходу вступили в бой с вражескими танками. Подбив и уничтожив за несколько часов ожесточенного ночного боя 17 танков и 16 бронетранспортеров противника, они остановили его на рубеже Вастель, Тюкреш.

К утру 4 января на рубеж Мань, Чабди вышли передовые части 41-й гвардейской стрелковой дивизии. Вышли также на огневые рубежи и заняли огневые позиции 127-й и 222-й гвардейские пушечные, 152-й гаубичный артиллерийский и 205-й минометный полки.

С рассветом 4 января противник возобновил наступление основными силами. Главный удар он наносил на Бичке, сосредоточив на этом направлении более 200 танков и штурмовых орудий. Артиллерия 93-й и 41-й гвардейских стрелковых дивизий и 16-й механизированной бригады, а также артиллерийские полки РВГК открыли с закрытых огневых позиций массированный огонь по атакующим танкам и пехоте противника. Нанесла несколько мощных ударов по наступавшему противнику и наша авиация. От артиллерийского огня и ударов авиации вражеские танки и пехота несли потери, их атаки расстраивались, незначительное продвижение достигалось ценой больших потерь. И все же противник настойчиво рвался к Бичке.

К 15 часам на рубеж Немел-Егьхаша, станция Саар начали выходить

передовые части 40-й гвардейской стрелковой дивизии, а к 17 часам на этот рубеж вышли и заняли оборону ее главные силы. Теперь части 31-го гвардейского стрелкового корпуса[123] оборонялись в полосе Мань, Чабди, станция Саар шириной 11 км. Часть полосы корпуса от станции Саар вместе с 34-й гвардейской стрелковой дивизией была передана 68-му стрелковому корпусу. 1961-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк остался в полосе обороны 34-й гвардейской стрелковой дивизии.

К 16 часам 4 января 31-й гвардейский стрелковый корпус имел в своем распоряжении, кроме войсковой артиллерии, 7-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду (117, 418-й и 419-й иптап), 222-й гвардейский и 127-й пушечный, 152-й гаубичный артиллерийские, 140-й и 205-й минометные полки РВГК, причем 222-й гвардейский, 127-й и 152-й полки действовали в составе корпусной артиллерийской группы, а 140-й минометный и 117-й истребительно-противотанковый артиллерийский полки были приданы 93-й стрелковой дивизии; 40-й гвардейской стрелковой дивизии был придан 205-й минометный полк, 41-й гвардейской стрелковой дивизии — 419-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

В полосе корпуса, в районе Бичке, Обарок, Фелчут, располагался сильный артиллерийско-противотанковый резерв командующего 4-й гвардейской армией в составе двух истребительно-противотанковых артиллерийских полков (418-й и 438-й) и трех самоходно-артиллерийских полков. Кроме того, в полосу корпуса в течение 3 и 4 января были переброшены один дивизион 51-го, два дивизиона 58-го, один дивизион 61-го гвардейских минометных полков и один дивизион 28-й гвардейской минометной бригады, составлявших армейскую группу полевой реактивной артиллерии.

Всего в полосе обороны корпуса к 5 января было сосредоточено 16 артиллерийских, самоходно-артиллерийских и минометных полков (без учета полков стрелковых дивизий). Эта мощная артиллерийская группировка насчитывала в общей сложности 464 орудия и миномета (без полевой реактивной и зенитной артиллерии), что давало среднюю плотность 42,2 орудия и миномета на 1 км фронта. На главных участках обороны плотность артиллерии была еще выше.

Для отражения танковых атак противника большая часть этих артиллерийских средств использовалась на открытых огневых позициях. В частности, в полосе корпуса для стрельбы прямой наводкой 4 января использовалась вся истребительно-противотанковая артиллерия (войсковая

и РВГК), 50 % всей дивизионной артиллерии (76-мм пушки и 122-мм гаубицы) и 20–30 % орудий полков РВГК (122-мм гаубицы и 152-мм гаубицы-пушки).

Все основные дороги, выходы из дефиле, окраины населенных пунктов и опушки рощ были прикрыты батареями тяжелых или зенитных орудий, способных уничтожать тяжелые танки. На фланги этих батарей и несколько впереди них выставлялись батареи 57-мм и 76-мм пушек с таким расчетом, чтобы в нужный момент уничтожать танки стрельбой по их бортовой броне.

На основных танкоопасных направлениях глубина противотанковой обороны достигала 8–14 км, а плотность артиллерии, используемой для стрельбы прямой наводкой в полосе корпуса, — 15 орудий на 1 км фронта.

В результате этих мероприятий на направлении главного удара противника к 5 января была создана сплошная линия обороны, насыщенная большим количеством артиллерии.

После боев трофейная команда 4-й гвардейской армии обнаружила и запротоколировала наличие сгоревших и разрушенных пяти танков «Королевский Тигр», двух танков «Тигр», двух танков «Пантера», 19 танков T-IV, шесть танков T-III, пять самоходных орудий и 19 бронетранспортеров и бронеавтомобилей. Кроме того, трофейная команда обнаружила несколько груд металлолома, по которым не смогла опознать тип бронемашины.

Наши отцы-командиры записали эти пять САУ как «Фердинанд», хотя ни один «Элефант» не участвовал в боях.

Всего же, по донесениям советских артиллеристов, в ходе боев 2–5 января 1945 г. было подбито и уничтожено 120 танков и САУ и до 100 бронетранспортеров и бронеавтомобилей, около 30 % которых не подлежали восстановлению.

Не достигнув успеха в полосе 31-го гвардейского стрелкового корпуса, немецкое командование попыталось осуществить прорыв к Будапешту через позиции 20-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Бирюкова. Здесь были сосредоточены две немецкие танковые дивизии полного состава, части 503-го и 509-го батальонов тяжелых танков, 2-й венгерской танковой дивизии и несколько танковых батальонов и бригад штурмовых орудий, взятых из резерва.

К 7 января в составе артиллерии 4-й гвардейской армии имелось: противотанковых и полковых орудий калибра 45–76 мм — 489; 76-мм дивизионных пушек — 296; 122-мм гаубиц — 208; 152-мм гаубиц-пушек — 95; боевых машин БМ-8, БМ-13 и БМ-31-12 — 66; минометов калибра

82 мм и 120 мм — 1017. Плотность артиллерии на 1 км фронта составляла 14,7 ствола.

В каждой стрелковой дивизии[124] на танкоопасных направлениях были созданы противотанковые опорные пункты, имевшие от 4 до 12 орудий, в том числе 76-мм пушки и 122-мм гаубицы артиллерийских полков дивизий. Истребительно-противотанковые артиллерийские полки, а также некоторые дивизионы гаубичных и пушечных артиллерийских полков образовывали противотанковые районы. В полосе 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (на фронте 9 км), как на наиболее вероятном направлении наступления противника, на 1 км фронта приходилось около десяти орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой[125]. Глубина противотанковой обороны достигала 6–8 км.

7 января, прекратив атаки из района западнее Дорог, группировка 1, 3-й и 23-й танковых дивизий вермахта, 4-й кавалерийской бригады и нескольких частей пехоты (общей численностью менее дивизии) нанесла удар в направлении на Замоль. Всего в атаке участвовало до 100 танков и самоходных установок вермахта. Наступлению немецких войск предшествовала короткая артподготовка, затем противник начал свою атаку. Бронетехника немецкой группировки двигалась развернутым строем, в составе подразделения из 10–15 машин, половину составляли тяжелые танки. Они группами из 3–4 единиц двигались впереди боевого порядка на удалении 800–1000 метров от основных сил. На флангах также были группы тяжелых танков из 2–3 единиц. Самоходные орудия двигались за танками на расстоянии 500–800 метров.

Артиллерия 20-го гвардейского стрелкового корпуса открыла массированный огонь по танкам противника с закрытых огневых позиций, в результате чего вражеские танки подошли к переднему краю в расстроенных боевых порядках. Здесь они были встречены организованным огнем артиллерии противотанковых опорных пунктов. С первых же выстрелов бой принял ожесточенный характер, и немцам пришлось затратить более трех часов, чтобы преодолеть сопротивление частей первого эшелона 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и продвинуться на глубину 1,5–2 км.

В районе высоты 225, где располагался 251-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, вышло до 20 танков и бронетранспортеров противника, пытавшихся прорваться на Замоль. В завязавшемся бою батареи дивизиона огнем прямой наводкой сожгли 8 танков и 12 бронетранспортеров, и атака противника была отбита. Тогда

немецкая артиллерия сосредоточила по боевым порядкам дивизиона массированный огонь и вывела из строя его орудия, после чего противник овладел высотой 225.

Как только начались атаки противника, командующий 4-й гвардейской армией срочно принял меры к усилению частей 20-го гвардейского стрелкового корпуса. В первые же часы наступления противника в бой были введены части 7-го механизированного корпуса. По приказанию командующего армией командующий артиллерией армии начал стягивать к участку прорыва противника артиллерийские части. В район Замоль были подтянуты и подчинены командиру 20-го гвардейского стрелкового корпуса 438-й и 762-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки (первый из резерва армии, второй из резерва командира 135-го стрелкового корпуса). Ему же был переподчинен 230-й гаубичный артиллерийский полк, изъятый из подчинения командира 7-го механизированного корпуса. Во второй половине дня командиру 20-го гвардейского стрелкового корпуса дополнительно были переподчинены 200-й минометный полк из 68-го стрелкового корпуса, 212-й и 221-й гаубичные и 1312-й истребительно-противотанковый артиллерийские полки из 135-го стрелкового корпуса.

Эти части успели в тот же день произвести маневр и принять участие в отражении атак противника. Так, 762-й истребительно-противотанковый и 230-й гаубичный артиллерийские полки, выдвинутые в район севернее Лая, вступили в бой с 30 танками и мотопехотой противника. Попав под огонь этих полков, противник потерял шесть танков и повернул обратно. Одновременно до 70 танков противника вышли на рубеж южнее Лая и атаковали позиции развернутого здесь 1-го гвардейского воздушно-десантного полка 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Однако огнем артиллерии, танков и самоходно-артиллерийских установок 7-го механизированного корпуса и 1963-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, выдвинутого на этот участок из артиллерийско-противотанкового резерва корпуса, танки противника были остановлены и на этом рубеже.

Танковую атаку в районе города Борбала отражал выдвинутый сюда 1232-й пушечный артиллерийский полк, который огнем прямой наводкой из 152-мм гаубиц-пушек сжег четыре и подбил три вражеских танка.

К 18 часам наступление противника было остановлено на всем участке прорыва. За весь день ожесточенного боя противник вклинился в нашу оборону всего лишь на 2–3 км. Большую роль в этих боях сыграла артиллерия, уничтожившая 39 вражеских танков и штурмовых орудий, не считая большого числа подбитых танков.

В результате быстрого и решительного маневра артиллерией и ввода в бой частей 7-го механизированного корпуса средняя плотность артиллерии к 18 часам 7 января в полосе 20-го гвардейского стрелкового корпуса увеличилась с 17,6 до 26 орудий и минометов на 1 км фронта, а на участке 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (9 км) она составляла почти 45 орудий и минометов на 1 км фронта, из них до 20 орудий на 1 км фронта использовалось для стрельбы прямой наводкой.

Атаки противника, предпринятые в тот же день в полосе 31-го гвардейского стрелкового корпуса с целью прорваться к Бичке, также были успешно отбиты усилиями частей корпуса, поддерживаемых огнем сильной артиллерийской группировки, созданной на этом направлении еще в период боев 4–6 января. Здесь немецким танковым дивизиям не удалось продвинуться ни на один шаг.

Однако несмотря на неуспех боев 7 января, было ясно, что противник не исчерпал наступательных возможностей и не откажется от дальнейшего наступления на обоих направлениях, с тем чтобы соединиться в районе Бичке и совместными усилиями обеих ударных группировок прорваться к Будапешту. В связи с этим командующий 4-й гвардейской армией решил еще усилить 20-й гвардейский стрелковый корпус, не ослабляя в то же время оборону в районе Бичке. Для этого он приказал перебросить 93-ю стрелковую дивизию, занимавшую оборону на втором армейском рубеже в районе Етьек, на замольское направление с таким расчетом, чтобы она развернулась к утру 8 января на рубеже город Миклош, Патка, отметка 153,0. 62-ю гвардейскую стрелковую дивизию, как наиболее боеспособную, он оставил в своем резерве юго-западнее Бичке. В армейский резерв также была выведена 69-я гвардейская стрелковая дивизия 135-го стрелкового корпуса и расположена в районе Секешфехервар, а ее рубеж обороны было приказано занять 252-й стрелковой дивизии и 1-му гвардейскому укрепленному району.

Переданную в армию из резерва командующего фронтом 63-ю кавалерийскую дивизию, располагавшуюся в районе западнее Чаквар, командующий армией приказал выдвинуть в район Замоль и переподчинил ее командиру 20-го гвардейского стрелкового корпуса. Кроме того, из резерва фронта в 4-ю гвардейскую армию был передан 1249-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Этот полк командующий армией оставил в своем артиллерийско-противотанковом резерве взамен 438-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, переданного 7 января командиру 20-го гвардейского стрелкового корпуса, и расположил его в центре полосы обороны армии в районе

станции Чала.

Как и предполагалось, утром 8 января противник возобновил атаки на обоих участках. На правом фланге он все еще настойчиво пытался овладеть Бичке, но все его атаки с успехом были отражены частями 41-й гвардейской стрелковой дивизии и 16-й механизированной бригады, поддержанными огнем почти всей артиллерии 31-го гвардейского стрелкового корпуса.

На замольском направлении противник перешел в наступление в 7 часов утра после мощного 10-минутного огневого налета, нанося удар на южном участке прорыва. К 12 часам ему удалось овладеть населенным пунктом Шаркерестеш. На помощь действовавшим на этом участке частям 84-й гвардейской стрелковой дивизии командующий армией перебросил 64-ю механизированную бригаду 7-го механизированного корпуса, а также 521-й истребительно-противотанковый и 222-й гвардейский пушечный артиллерийские полки (первый из 68-го, а второй из 31-го гвардейских стрелковых корпусов). Усилиями всех этих частей дальнейшее продвижение противника было остановлено.

На остальных участках обороны 20-го гвардейского стрелкового корпуса все атаки противника отбивались также успешно. Учитывая сложившуюся обстановку, командующий фронтом приказал 8 января 4-й гвардейской армии подготовить контрудар по группировке противника западнее Замоль, для чего армия была дополнительно усилена 1-м гвардейским механизированным корпусом (без одной бригады). Командующий армией решил нанести контрудар из района Фольше, Замоль силами одного полка 7-й гвардейской воздушно-десантной, 63-й кавалерийской, 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизий, двух бригад 7-го механизированного и двух бригад 1-го гвардейского механизированного корпусов в направлении Мадьяралмаш.

Контрудар обеспечивала артиллерия, сосредоточенная в полосе 20-го гвардейского стрелкового корпуса. Всего для решения этой задачи привлекалось около 400 орудий и минометов, что при ширине полосы наступления созданной группировки войск в 8 км давало плотность 50 орудий и минометов на 1 км фронта.

Так как контрудар намечался на утро 9 января, то подготовка артиллерии проводилась в ограниченное время, а органы разведки в условиях непрерывных боев 8 января не успели накопить необходимых для создания общей системы артиллерийского огня разведывательных данных, и участки огня артиллерии на артиллерийскую подготовку намечались по карте с учетом вероятных районов скопления живой силы и техники противника. Поддержку атаки планировалось осуществить методом

последовательного сосредоточения огня.

Утром 9 января наша артиллерия произвела 10-минутный огневой налет по противнику, а затем части, предназначенные для контрудара, перешли в атаку. Противник оказывал упорное сопротивление, часто переходя в контратаки. Ожесточенный бой длился до конца дня, но относительно слабой и изнуренной в предыдущих боях нашей ударной группировке не удалось добиться территориального успеха. Группировка противника на этом направлении не была разгромлена, но она понесла значительные потери и на следующий день заметно снизила свой наступательный порыв. Хотя с утра 10 января противник и делал попытки наступать в направлении на Секешфехервар, но его атаки в этот день носили явно неуверенный характер, танковые атаки начинались неодновременно и прекращались после первых же выстрелов нашей артиллерии. За весь день боя 10 января противник не продвинулся ни на один шаг. Утром 11 января он сделал еще одну попытку добиться успеха. Сосредоточив до 100 танков на узком участке фронта, противник атаковал в направлении на Замоль. Наша артиллерия встретила пехоту и танки противника массированным огнем, нанося ему потери, но, несмотря на это, немцы продолжали рваться вперед, вводя в бой все новые и новые силы.

О стойкости оборонявшихся артиллеристов свидетельствует такой эпизод. К середине дня до 40 танков противника прорвались к южной окраине с. Замоль. Часть их попала в зону огня 2-й и 6-й батарей 762-го истребительно-противотанкового полка. Подпустив врага на дальность прямого выстрела, артиллеристы внезапно открыли огонь и сразу же подожгли несколько танков. Танки и самоходные орудия противника, в свою очередь, открыли огонь по нашим батареям. Численное и огневое превосходство было на стороне врага, но отважные артиллеристы не дрогнули и сражались до тех пор, пока не были подбиты все орудия. В этом бою 2-я и 6-я батареи 762-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка уничтожили шесть танков, один бронетранспортер и много солдат и офицеров противника.

Используя частичный успех прорыва к южной окраине с. Замоль и не считаясь с потерями, противник ввел в бой свежие силы и атаковал с. Замоль одновременно с трех направлений: с юго-запада, с запада и северо-запада. Завязались упорные бои за Замоль, в ходе которых артиллеристы 20-го гвардейского стрелкового корпуса уничтожили 38 танков противника.

Ценой огромных потерь противнику к исходу 11 января все же удалось овладеть с. Замоль, дальше он продвинуться не смог и 12 января прекратил наступление. Таким образом, несмотря на сосредоточение большого

количества сил и средств, немцам и на этот раз не удалось прорвать нашу оборону и пробиться к Будапешту.

После того как немцы не смогли прорваться к Будапешту по кратчайшему пути из района Бичке, Замоль, германское командование 12 января приступило к новой перегруппировке своих сил с целью подготовки третьего удара из района севернее озера Балатон.

Для усиления обороны в центре и на левом фланге 4-й гвардейской армии была проведена частичная перегруппировка войск и артиллерии. 7-й механизированный корпус был сменен частями 41-й гвардейской стрелковой дивизии и выведен в резерв командующего армией в Секешфехервар. Корпусу были возвращены 16-я механизированная бригада, 78-й танковый и 1289-й самоходно-артиллерийский полки, подчиненные ранее командиру 31-го гвардейского стрелкового корпуса. Оборонявшему Секешфехервар и западные подступы к нему 21-му гвардейскому стрелковому корпусу передавались из 20-го гвардейского стрелкового корпуса 338-й и 521-й истребительно-противотанковые, 222-й гвардейский и 1232-й пушечный, 212-й и 221-й гаубичные артиллерийские полки. В состав 20-го гвардейского стрелкового корпуса для усиления его обороны, помимо 5-й и 7-й гвардейских воздушно-десантных и 93-й стрелковой дивизий, была включена наиболее боеспособная 80-я гвардейская стрелковая дивизия. 135-й стрелковый корпус (252-я сд и 1-я гв. УРа) 16 января усиливался 63-й механизированной бригадой и самоходно-артиллерийским полком 7-го механизированного корпуса.

В результате перегруппировки войск наибольшее количество артиллерийских орудий к 17 января командование 4-й гвардейской армии сосредоточило в центре полосы обороны. На секешфехерварском направлении в полосе 21-го гвардейского стрелкового корпуса была создана наивысшая плотность артиллерии — 34,1 орудия и миномета на 1 км фронта. Сильная группировка артиллерии оставалась также в полосе 31-го гвардейского стрелкового корпуса (плотность артиллерии 23,5 орудия и миномета на 1 км фронта) и на участке 20-го гвардейского стрелкового корпуса (плотность артиллерии 18,5 орудия и миномета на 1 км фронта).

К 16 января 1945 г. в составе 4-й гвардейской армии имелось противотанковых и полковых орудий калибра 45–76 мм — 500; 76-мм дивизионных пушек — 252; 122-мм гаубиц — 196; 152-мм гаубиц-пушек — 91; боевых машин БМ-8, БМ-13 и БМ-31-12 — 66, а также 893 миномета калибра 82 мм и 120 мм.

В полосе обороны 4-й гвардейской армии была создана глубоко эшелонированная система противотанковой обороны. Вся истребительно-

противотанковая, полковая и большая часть дивизионной артиллерии была подготовлена для стрельбы прямой наводкой и объединена в систему противотанковых опорных пунктов, совмещавшихся либо с ротными, либо с батальонными районами обороны, или районов. По опыту боев первой привлекались не только 57-мм и 76-мм пушки, но и более мощные орудия — 122-мм гаубицы и 152-мм гаубицы-пушки, которые также включались в состав противотанковых опорных пунктов и районов.

Всего в полосе обороны 4-й гвардейской армии к 17 января было создано 44 противотанковых опорных пункта и района, эшелонированных на глубину 3–5 км. В полосе 31-го гвардейского стрелкового корпуса таких пунктов и районов насчитывалось 5, 68-го стрелкового корпуса — 11, 20-го гвардейского стрелкового корпуса — 9, 21-го гвардейского стрелкового корпуса — 9 и в полосе 135-го стрелкового корпуса — 10.

Наиболее мощная противотанковая оборона была организована в центре, на секешфехерварском направлении, в полосе 21-го гвардейского стрелкового корпуса. Из 254 орудий, имевшихся в корпусе, 140 (55 %) были выставлены для стрельбы прямой наводкой, что позволило создать противотанковую оборону на глубину 6–8 км, а плотность этой артиллерии около 11 орудий на 1 км фронта.

Сосредоточенная для наступления германская танковая группировка состояла из 4-го танкового корпуса СС (3-я и 5-я танковые дивизии СС), 1, 3-й и 23-й танковых дивизий вермахта, 303-й бригады штурмовых орудий и 509-го отдельного батальона тяжелых танков.

На 10 января 1945 г. 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» имела 38 средних танков T-IV, 49 тяжелых T-V и 5 ЗСУ Flakpz IV. 5-я танковая дивизия СС «Викинг» на то же число имела 44 танка T-IV, 43 танка T-V и 2 ЗСУ Flakpz IV. В 1-й танковой дивизии было 18 StuG III, 33 T-IV и 59 T-V, а в 3-й — 12 StuG III, 43 T-IV, 15 Jagdpanzer IV, 44 T-V.

23-я танковая дивизия вермахта на 10 января 1945 г. имела 2 T-III, 17 StuG III, 38 T-IV, 8 Jagdpanzer IV и 33 T-V «Пантера».

Перед началом наступления, 15 января, 303-я армейская бригада штурмовой артиллерии (Heeres-Sturmartillerie-Brigade 303) имела в своем составе 25 CAV StuG III.

509-й отдельный батальон тяжелых танков (schwere Heeres-Panzer-Abteilung 509) на 15 января насчитывал 45 тяжелых танков T-VI AusEB «Королевский Тигр» и 8 ЗСУ Flakpz IV.

В 6 ч 20 мин 18 января немцы пытались атаковать отдельными группами автоматчиков боевые порядки подразделений 1-го гвардейского укрепленного района, но огнем стрелкового оружия эти атаки были отбиты.

В 6 ч 30 мин на фронте от Оши до озера Балатон противник начал артиллерийскую подготовку, продолжавшуюся 30 минут. В 7 часов его артиллерия перенесла огонь в глубину нашей обороны, а танки и пехота перешли в атаку.

Подразделения 928-го стрелкового полка 252-й стрелковой дивизии и 1-го гвардейского укрепрайона встретили атакующие танки и пехоту противника огнем артиллерии и пехотного оружия. До рассвета все атаки противника были успешно отбиты. Уже в первых ночных атаках немецкие танки понесли потери, главным образом от огня артиллерии противотанковых опорных пунктов и на минных полях. Восточнее Акараттьи группа атакующих танков попала на минное поле, где сразу же подорвались девять танков, а остальные отошли в западном направлении.

С рассветом противник ввел в бой свои главные силы, атакуя на всем фронте намеченного прорыва.

В 8 ч 30 мин командующий 4-й гвардейской армией решил ввести в бой свои резервы. Находившиеся в артиллерийско-противотанковом резерве 438-й и 1249-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки он переподчинил командиру 135-го стрелкового корпуса, а армейский отряд заграждения (один инженерно-саперный батальон) перевел в Фалу-Батьяну.

Командующий фронтом, в свою очередь, решил усилить артиллерию 4-й гвардейской армии, передав ей из своего артиллерийско-противотанкового резерва три истребительно-противотанковых артиллерийских полка и один легкий артиллерийский полк (1243-й и 1245-й иптап 10-й иптабр, 1963-й иптап и 456-го лап).

Таким образом, через полтора-два часа после начала наступления главных сил противника на участок прорыва были направлены почти все армейские резервы и артиллерийско-противотанковый резерв фронта. Однако эти части стали прибывать в намеченные им районы спустя два-три часа, а пока части 135-го стрелкового корпуса вели напряженные бои с превосходящими силами противника самостоятельно.

Около 9 часов утра до 80 танков и 30 бронетранспортеров противника прорвали оборону 928-го стрелкового полка (252-й сд) и 11-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона (1-го гв. УРа) и ворвались в Оши, Биркаш, Шандорку. Группа вражеских танков прорвалась также вдоль берега озера Балатон и вышла в тыл 2-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона.

Действовавшие на этом направлении артиллерийские подразделения подпускали вражеские танки на близкое расстояние и почти в упор

расстреливали их. Только на участке обороны 2-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона в первые 2,5 часа боя от огня нашей артиллерии и на минных полях противник потерял до 30 танков и штурмовых орудий. Однако силы были неравные и остановить противника не удалось.

Особенно в трудном положении оказались подразделения, вооруженные 45-мм пушками. Хотя они и вели огонь из этих пушек по тяжелым танкам противника, но вреда им не причиняли, танки же противника довольно быстро их расстреливали своими более мощными пушками.

Тем временем немецкое командование ввело в бой на отдельных участках прорыва вторые эшелоны. Вражеские танки быстро продвигались в глубину нашей обороны. Артиллерия 135-го стрелкового корпуса и части усиления (506-й пап, 1312-й иптап и 529-й минп) понесли большие потери и вскоре оказались отрезанными от отходивших стрелковых частей. Ведя бой в окружении, они израсходовали весь запас боеприпасов и при выходе из окружения уничтожили оставшуюся материальную часть.

К 11 часам бой в полосе 928-го стрелкового полка и 1-го гвардейского укрепленного района достиг наивысшего напряжения. Со стороны противника к этому времени здесь уже действовало более 280 танков и штурмовых орудий. С нашей стороны в район боев начали прибывать артиллерийские части из армейского артиллерийско-противотанкового резерва. Одним из первых, к 11 часам, в район Лепшень прибыл 1249-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, приданный командиром корпуса 1-му гвардейскому укрепленному району. Получив задачу усилить противотанковую оборону в районе Балатонфекаяр, полк двинулся в указанный ему пункт, но был атакован вражескими танками на марше. Быстро развернувшись на шоссейной дороге, батареи полка открыли огонь по противнику. Около 60 танков и 25 бронетранспортеров врага устремились в центр боевого порядка полка, одна группа танков атаковала 2-ю батарею. Открыв меткий огонь из трофейных 75-мм пушек, артиллеристы первыми же выстрелами сожгли два и подбили два танка. Получив отпор, вражеские танки предприняли обходный маневр, но командир полка предупредил его и, маневрируя своими батареями, вновь встретил танки губительным огнем. В завязавшемся жестоком бою артиллеристы полка проявили исключительное мужество и стойкость, уничтожив 18 танков и 6 бронетранспортеров противника. Только подавляющее превосходство в силах позволило противнику окружить батареи полка, уничтожить их материальную часть и преодолеть занимаемый ими рубеж.

Прибывший в распоряжение командира 135-го стрелкового корпуса 438-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк к 11 ч 45 мин сосредоточился в районе Урхида, где он был придан 252-й стрелковой дивизии. Командующий артиллерией дивизии приказал полку занять позиции на западной окраине Урхиды. Но во время выдвижения батареи полка, атакованные двумя группами танков с севера и юга, вступили в бой с ходу без пехотного прикрытия. В жестокой схватке артиллеристы подо жгли десять танков, пять бронетранспортеров и три танка подбили. К 13 часам танки и бронетранспортеры противника атаковали Урхиду с трех сторон и захватили этот населенный пункт. В этом бою 438-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк потерял всю свою материальную часть и средства тяги.

К 13 часам в район Урхида и Фалу-Батьян начали выходить части 7-го механизированного корпуса, вступившие с ходу в бой с танками противника и сдерживавшие их до наступления темноты на подступах к каналу Шарвиз.

В районе Фалу-Батьян группе немецких танков удалось прорваться к каналу Шарвиз, но здесь они натолкнулись на огонь 1243-го и 1245-го истребительно-противотанковых артиллерийских полков 10-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады, выдвинутых на восточный берег канала из фронтового резерва. В завязавшемся бою полки уничтожили семь немецких танков и не допустили переправы противника на противоположный берег канала.

Неудачный бой в этот день провел вышедший к 15 часам в район Тац 456-й легкий артиллерийский полк, который занял боевые порядки на северной окраине Тац, а одной батареей — на западной окраине. Наблюдение за подступами к населенному пункту командир полка не организовал. В 15 ч 30 мин до 20 танков с автоматчиками скрытно подошли к Тац с юго-запада и внезапно атаковали его. Огонь по противнику открыла только одна батарея полка, выставленная на западной окраине населенного пункта. В коротком бою батарея подбила три танка и два бронетранспортера, но ее сопротивление было быстро сломлено, и танки противника получили возможность атаковать боевые порядки полка с тыла. В этот критический момент боя выяснилось, что огонь по атакующим танкам может вести только один дивизион, так как огневые позиции второго дивизиона оказались за садами и постройками. Воспользовавшись этой оплошностью, противник огнем из танков вывел из строя почти все орудия и средства тяги полка. Личный же состав полка, прижатый немецкими автоматчиками к каналу, вынужден был отойти на

противоположный берег.

В результате ожесточенных боев 18 января противник прорвал оборону на левом фланге 4-й гвардейской армии и продвинулся на глубину от 16 до 30 км.

Утром того же дня противник пытался наступать и в полосе 21-го гвардейского стрелкового корпуса. После мощного огневого налета около 40 танков с пехотой атаковали части 84-й гвардейской стрелковой дивизии из района Шаркерестеш на Секешфехервар, но, встретив сильную противотанковую оборону и потеряв 12 танков (9 сожженных и 3 подбитых), к вечеру отошли на исходные позиции. В этот день от огня нашей артиллерии, танковых частей и пехотного оружия, а также от подрыва на минных полях противник потерял 124 танка и штурмовых орудия, более 60 бронетранспортеров и большое количество живой силы.

Командование 3-го Украинского фронта и 4-й гвардейской армии, видя, что сдержать наступление крупной танковой группировки противника силами 135-го стрелкового корпуса и введенного в бой резерва не удастся, начало стягивать войска, и в первую очередь артиллерию, на рубеж канала Шарвиз. На этот рубеж в течение дня из резервов и с неатакованных участков обороны армии были переброшены 212-й гаубичный, 407-й легкий артиллерийские, 200-й минометный полки, по одному дивизиону 222-го гвардейского пушечного и 152-го гаубичного артиллерийских полков. Сюда же выдвигались прибывающие в армию из резерва фронта 1000, 1243, 1245, 1963-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки и из резерва 46-й армии 532-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Таким образом, к участку прорыва только в течение 18 января было переброшено 14 артиллерийских полков РВГК[126], из них 9 истребительно-противотанковых и один легкий.

Для усиления обороны 4-й гвардейской армии командующий фронтом начал выдвигать на рубеж канала Шарвиз фронтовые резервы — 18-й танковый и 133-й стрелковый корпуса.

К исходу дня 18 января на этот же рубеж, помимо отходивших частей 135-го стрелкового корпуса, вышла 93-я стрелковая дивизия с приданной ей 9-й танковой бригадой и заняла оборону по восточному берегу канала Шарвиз, от Урхиды до Фалу-Батьян. Севернее ее занимали оборону части 252-й стрелковой дивизии. 69-я гвардейская стрелковая дивизия оборонялась на западной и южной окраинах Секешфехервара.

Хотя наступающие части противника и были задержаны на рубеже канала Шарвиз, но бои здесь продолжались с прежним ожесточением. Всю ночь на 19 января немцы не прекращали атак на всем участке прорыва,

пытаясь захватить плацдармы на восточном берегу канала. В районе Урхида и Фалу-Батьян вела тяжелые бои 93-я стрелковая дивизия с 9-й танковой бригадой, поддерживаемая огнем своей штатной артиллерии и корпусной артиллерийской группы 21-го гвардейского стрелкового корпуса (222-й гв. и 1232-й пап). К утру противнику все же удалось форсировать канал Шарвиз на участке Урхида, Фалу-Батьян, захватить плацдармы на восточном берегу канала и навести переправы. То же произошло и южнее этого участка, в районе Тац.

С рассветом 19 января главные силы танковой группировки противника форсировали канал, прорвали оборону разрозненных частей наших войск и стали развивать наступление в восточном направлении. Основные усилия танковых дивизий противника были направлены на быстрейший выход к Дунаю, а также к юго-западной окраине Секешфехервара. Танковые дивизии СС «Викинг» и «Мертвая голова», развивая наступление в направлениях Шерегельеш, станции Адони-Саболч и Шаркерестур, Дунапентеле, вышли в тыл частей 133-го стрелкового и 18-го танкового корпусов, которые были вынуждены отойти в район Шарашд и вести бой в окружении.

К середине дня 19 января танковая группа противника в составе 70 танков с пехотой достигла Дуная в районе Дунапентеле и захватила этот населенный пункт. Из боевых частей в этом районе находился лишь один 253-й гвардейский зенитный артиллерийский полк, прикрывавший переправу через Дунай. Приняв бой с наземным противником, полк более 6 часов удерживал переправу, благодаря чему значительное количество тыловых частей и госпиталей эвакуировалось на левый берег Дуная. В этих боях огнем полка было сожжено 5 бронетранспортеров и 1 танк и уничтожено свыше 100 солдат и офицеров противника.

В ночь на 20 января часть танков противника, повернув на север от Дунапентеле, устремилась на Адонь, но неожиданно натолкнулась в 1,5 км от Дунапентеле на наш 1255-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, следовавший по распоряжению командующего артиллерией фронта в район Дунафельдвар. Завязался встречный бой, в ходе которого полк уничтожил 5 танков, 3 бронетранспортера и около 150 солдат и офицеров противника[127].

В районе Секешфехервар противнику удалось прорваться непосредственно к городу, но здесь он был задержан частями 69-й гвардейской стрелковой дивизии. До 85 танков с пехотой, которые наступали вдоль южного берега озера Веленце, вышли на рубеж Диниеш, Шерегельеш, а одна танковая группа с пехотой овладела Гардонью.

Наступающие части противника в юго-восточном направлении овладели Эньингом и продвигались к каналу Елуша.

С выходом танковых частей противника в районе Дунапентеле к Дунаю войска 3-го Украинского фронта оказались разрезанными на две части. Нависла реальная угроза выхода немецких войск в тыл 4-й гвардейской армии и окружения ее в районе Бичке, Секешфехервар. Учитывая серьезность положения, Ставка Верховного Главнокомандования поручила ликвидацию окруженной будапештской группировки вражеских войск полностью 2-му Украинскому фронту, а командующему 3-м Украинским фронтом приказала все свои усилия направить на восстановление положения в полосе 4-й гвардейской армии. Этой же директивой предлагалось сократить ширину фронта обороны 4-й гвардейской армии, передав ее правофланговые корпуса (31-й гвардейский и 68-й) в состав 46-й армии[128]. Командующий 3-м Украинским фронтом, в свою очередь, выделил из своего резерва на усиление 4-й гвардейской армии 5-й гвардейский кавалерийский корпус (11-я и 12-я гв., 63-я кд) для организации обороны между озером Веленце и Дунаем, на рубеже Кишвеленце, Гроф, Дьердь и далее на восток до Дуная. К исходу 19 января корпус со 150, 1255-м и 1962-м истребительно-противотанковыми и 1896-м самоходно-артиллерийским полками вышел на указанный рубеж и к утру 20 января занял оборону.

Учитывая исключительную важность данного направления, командующий армией дополнительно усилил 5-й гвардейский кавалерийский корпус большим количеством артиллерии РВГК. Из армейского артиллерийско-противотанкового резерва в полосу корпуса 20 января перебрасывались 438, 762-й[129] и 1008-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки. Кроме того, корпусу придавались снятые с других участков фронта 124, 212, 221-й гаубичные артиллерийские полки, 205-й минометный полк, три пушечных дивизиона (1/222 гв. пап, 2/123-й пабр, 3/45-й пабр), а также 9-й гвардейский минометный полк М-13 и 585-й зенитный артиллерийский полк, то есть всего на этом участке сосредоточивалось к исходу 20 января 15 артиллерийских и минометных полков.

Боевой порядок 5-го гвардейского кавалерийского корпуса был построен в один эшелон, дивизии имели двухэшелонное построение. С учетом приданной артиллерии в составе корпуса, оборонявшегося в полосе 18 км, насчитывалось около 400 орудий и минометов, что давало среднюю тактическую плотность артиллерии в 22,2 орудия и миномета на 1 км

фронта. Из трех приданных корпусу пушечных дивизионов была создана корпусная артиллерийская группа. Все гаубичные и минометные полки РВГК, а также 1255-й и 1962-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки были приданы кавалерийским дивизиям. 1008-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк оставался в артиллерийско-противотанковом резерве командира корпуса, а 438-й и 762-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки (противотанковый резерв армии) заняли противотанковые районы в глубине обороны корпуса.

Таким образом, на пути наступления главных сил противника был создан новый оборонительный рубеж с довольно сильной артиллерийской группировкой, способной обеспечить стойкую оборону общевойсковых соединений.

Оборона участка от Дуная до озера Балатон возлагалась на части 57-й армии и 30-го стрелкового корпуса, переданного из состава 2-го Украинского фронта.

С утра 20 января противник возобновил атаки на Секешфехервар, но все они успешно были отбиты огнем артиллерии 21-го гвардейского стрелкового корпуса, в первую очередь огнем артиллерии противотанковых опорных пунктов. Только на участке 252-й стрелковой дивизии, западнее Секешфехервара, противнику удалось несколько потеснить наши части.

В 17 часов сильная разведывательная группа противника перешла в атаку из района Гардоньи в направлении Кишвеленце, однако огнем артиллерии и частей 63-й кавалерийской дивизии она была остановлена перед нашим передним краем. С наступлением темноты отдельные группы танков и пехоты противника начали появляться на других участках обороны 5-го гвардейского кавалерийского корпуса.

В ночь на 21 января противник на всем фронте обороны 5-го гвардейского кавалерийского корпуса проводил разведку боем, а в 5 часов, после короткой артиллерийской подготовки, перешел в наступление. Завязались ожесточенные бои с танками и пехотой противника. Наша артиллерия не могла в ночных условиях эффективно использовать все свои огневые возможности, и противник к рассвету сумел прорвать на узких участках оборону 63-й и 12-й гвардейской кавалерийских дивизий. С рассветом эффективность артиллерийского огня резко возросла, увеличилось и сопротивление кавалерийских частей корпуса, в результате чего наступление противника было остановлено на всем фронте. Прорвавшаяся в город Агг-Сеонтпетер небольшая группа пехоты и танков противника была окружена частями 12-й гвардейской кавалерийской

дивизии.

В ночь на 21 января окруженные в районе Шарашд части 18-го танкового и 133-го стрелкового корпусов нанесли удар в южном направлении и к исходу дня 21 января с боями двумя колоннами вышли из окружения и соединились с 30-м стрелковым корпусом. С 18-м танковым корпусом из окружения вышли 1000, 595-й и 1658-й истребительно-противотанковые артиллерийские и 292-й минометный полки, 3-я зенитная артиллерийская дивизия, 1694-й зенитный артиллерийский полк; со 133-м стрелковым корпусом — 10-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада (без 532-го иптап), 200-й минометный и 407-й легкий артиллерийский полки. 532-й и 1249-й истребительно-противотанковые артиллерийские и 529-й минометный полки отходили самостоятельно, 19 января они были включены во фронтовую оперативную группу Коробова.

Как при прорыве кольца окружения, так и при отражении контратак противника на пути отхода и в арьергардных боях большую роль сыграли приданные корпусам, а также оказавшиеся вместе с ними в окружении артиллерийские части РВГК. Бои в подобных условиях были связаны с большими потерями в материальной части и средствах тяги артиллерии. Так, 595, 1243-й и 1245-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки в этих боях потеряли всю свою материальную часть, в других полках осталось по четыре — шесть и в лучшем случае по десять орудий. Все же при выходе из окружения эти части уничтожили свыше 20 танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров противника.

На других участках прорыва противника 21 января существенных изменений не произошло.

Решающие события на фронте 4-й гвардейской армии разыгрались 22 января. В 5 ч 30 мин началась короткая, но мощная артиллерийская подготовка противника одновременно в полосах обороны кавалерийского корпуса, на стыке 12-й и 11-й гвардейских кавалерийских дивизий и 69-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшейся на южных подступах к Секешфехервару. Через несколько минут танки и пехота противника перешли в наступление. Сосредоточив на узком участке фронта основные силы 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова», противник прорвал нашу оборону на стыке 12-й и 11-й гвардейских кавалерийских дивизий и соединился со своей группой, окруженной в районе города Агг-Сеонтпетер. В образовавшийся узкий «мешок», шириной до 3 км и глубиной 4–5 км, противник подтянул более 100 танков и пять батальонов пехоты, стремясь развить первоначальный успех. Для поддержки наших

частей на этом направлении с полным напряжением использовались не только артиллерийские части и подразделения кавалерийских и стрелковых дивизий, истребительнопротивотанковые артиллерийские полки, но и корпусная артиллерийская группа, которая огнем с закрытых позиций наносила большие потери противнику. Ставя огневые завесы, артиллерия отсекала пехоту противника от танков и расстраивала его атаки. За день боя на этом узком участке фронта наша артиллерия подбила и уничтожила 32 танка и 23 бронетранспортера противника. Однако несмотря на это, всю ночь и весь следующий день 23 января противник продолжал настойчивые атаки. Потеряв еще 23 танка, немцы незначительно продвинулись в северном и восточном направлениях в районе образовавшегося «мешка».

В эти же дни, то есть 22 и 23 января, не менее ожесточенные бои разгорелись и в полосе обороны 21-го гвардейского стрелкового корпуса. Противник в 5 ч 30 мин 22 января частью сил 5-й танковой дивизии СС «Викинг» нанес удар из района Фалу-Батьян в направлении восточного пригорода Секешфехервара. Одновременно 1-я танковая дивизия немцев перешла в наступление из района Густуш на западную окраину Секешфехервара. С рассветом из района восточнее Шаркерестеша повели наступление в направлении города части 23-й танковой дивизии.

К 10 часам противнику удалось сломить сопротивление 69-й гвардейской стрелковой дивизии и ворваться в Секешфехервар с запада и с юга. В городе завязались упорные уличные бои. Артиллерия дивизии, а также подразделения 9-й танковой бригады (1-й гв. мк), используя выгоды обороны в условиях города, оказали упорное сопротивление танкам противника и нанесли им большие потери. К 14 часам части 23-й танковой дивизии немцев прорвались к северной окраине Секешфехервара. Во избежание полного окружения наши части вынуждены были к 18 часам оставить город. В бою за Секешфехервар немцы потеряли подбитыми и уничтоженными 36 танков.

С утра 23 января противник возобновил атаки в полосе 21-го гвардейского стрелкового корпуса. Немцам удалось овладеть станцией Чала и оттеснить наши части за канал Часарвиз. Их попытка форсировать этот канал была отражена огнем артиллерии с закрытых огневых позиций и огнем прямой наводкой 762-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, выдвинутого сюда из армейского резерва. В этом бою огнем артиллерии было сожжено 7 танков, 3 бронетранспортера и уничтожено до 300 солдат и офицеров противника. К исходу 23 января противник прекратил атаки на этом направлении, перебросив часть сил 5-й танковой дивизии СС «Викинг» и 1-ю танковую дивизию в район

восточнее озера Веленце.

Хотя наступление противника в районе Секешфехервар было остановлено, обстановка в полосе обороны 4-й гвардейской армии продолжала оставаться напряженной и сложной. Армия к этому времени использовала все свои резервы. В распоряжении командования фронта 23 января оставалось еще семь артиллерийских полков (456-й лап, 506-й пап, 184, 595, 1243, 1312-й и 1963-й иптап), однако только один из них (184-й иптап) был боеспособным, остальные же находились на доукомплектовании, так как не имели материальной части.

Между тем Ставка Верховного Главнокомандования еще 22 января решила не позднее 25–26 января нанести силами 3-го Украинского фронта контрудар, чтобы разгромить прорвавшуюся к Дунаю группировку противника и восстановить в полосе обороны 4-й гвардейской армии положение, существовавшее на 18 января. Для осуществления этой задачи фронт усиливался 104-м стрелковым и 23-м танковым корпусами, передаваемыми из 2-го Украинского фронта, а также 43-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой из резерва Ставки[130]. Эти соединения в полосе 3-го Украинского фронта должны были сосредоточиться в течение трех дней — 24, 25 и 26 января, хотя уже нависала угроза нового концентрированного удара противника между озером Веленце и Дунаем. Учитывая это, командующий фронтом в течение 23 и 24 января усилил армию 34-й гвардейской стрелковой дивизией (из 46-й армии), 437-м и 184-м истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками (первый — из резерва 46-й армии, а второй — из резерва фронта).

Командующий 4-й гвардейской армией решил 41-ю гвардейскую стрелковую дивизию, понесшую в боях 22 и 23 января наибольшие потери, вывести в свой резерв в район Ловашберень, сменив ее прибывшей в армию 223-й стрелковой дивизией.

К исходу 23 января германское командование сосредоточило перед фронтом 5-го гвардейского кавалерийского корпуса все свои основные силы: 5-ю танковую дивизию СС «Викинг», 1-ю танковую дивизию, 3-ю танковую дивизию СС «Мертвая голова», часть сил 3-й танковой дивизии, несколько отдельных штурмовых бригад и батальонов, на вооружении которых состояли штурмовые орудия и танки типа «Фердинанд», «Тигр» и «Королевский Тигр», а также всю артиллерию 6-й немецкой армии.

В 23 ч 20 мин 23 января противник начал мощную артиллерийскую подготовку на всем фронте от озера Веленце до Дуная. Артиллерийская подготовка продолжалась 2 ч 10 мин и распространилась на всю глубину

обороны кавалерийского корпуса, включая и позиции стрелковых дивизий второго эшелона. Однако огонь был разбросан по большим площадям, не сосредоточен на атакуемых противником частях нашего боевого порядка и серьезного ущерба оборонявшимся войскам не нанес. Наша корпусная артиллерийская группа своим огнем еще более ослабила огонь артиллерии противника. Части 17-й воздушной армии подвергли бомбардировке огневые позиции артиллерии противника, что в еще большей мере снизило интенсивность ее огня.

После артиллерийской подготовки (в 1 ч 30 мин) крупные силы танков и пехоты противника атаковали боевые порядки 5-го гвардейского кавалерийского корпуса. Наша артиллерия открыла огонь, но в ночных условиях он был малоэффективен.

Тут следует сделать небольшое отступление. Начиная с 10 января германские танковые части предприняли ряд ночных атак. «Пантеры», «Тигры» и «Ягдпантеры» успешно поражали советские танки в полной темноте на дистанциях до 500 м. Несколько дней советские танкисты не могли понять причины высокой результативности огня противника в полной темноте. Но 18–19 января в полосе обороны 18-го танкового полка была захвачена подбитая немецкая САУ с установленным на ней ночным прицелом. Оказывается, немцы на средних и тяжелых танках и на некоторых САУ установили инфракрасные пассивные приборы ночного видения. Кроме того, они использовали колесно-гусеничные бронетранспортеры Sd.Kfz.251/20, оснащенные инфракрасным прожектором «Uhu».

Советские же танки и САУ получили ночные прицелы лишь через несколько лет после окончания войны. За неимением лучшего, против германской инфракрасной техники стали использовать обычные костры. На местах, где ожидались ночные атаки, заготавливались горючие вещества, и специальные группы разведчиков, услышав звук танковых моторов, поджигали их. В ряде случаев костры помогали и ослепляли германских наводчиков. Но в целом применение немцами инфракрасной техники привело к большим потерям советской бронетехники и большой нервозности личного состава в ночное время.

Но вернемся к ночному бою с 23 на 24 января 1945 г. Наши орудия, выставленные на прямую наводку, были вынуждены подпускать немецкие танки буквально на несколько десятков метров, а затем стрелять в упор.

Более успешно действовали орудия, выставленные для стрельбы прямой наводкой. Подпуская танки противника буквально на десятки метров, они расстреливали их в упор.

Часть танков подрывалась на минных полях или выходила из строя от огня групп истребителей танков, созданных во всех подразделениях кавалерийских и стрелковых полков. Ожесточенный бой шел всю вторую половину ночи, и только к 6 часам утра около 40 танков противника, прорвав оборону 63-й кавалерийской дивизии, вышли в Мерей; 12 танков из района высоты 157 прорвались в Анну. Вслед за этими группами в тыл частям кавалерийских дивизий, атакованных к тому же крупными силами танков и пехоты с фронта, вышли основные силы ударной группировки противника. Днем напряжение боя еще более усилилось, но, встреченные организованным огнем нашей артиллерии, немцы не смогли добиться решающего успеха. В результате беспрерывных дневных атак немцам удалось лишь на 1–1,5 км вклиниться в оборону 252-й стрелковой дивизии.

Утром 25 января немцы предприняли атаку на правом фланге армии, на участке обороны 80-й гвардейской стрелковой дивизии (20-го гв. ск). При отражении этой атаки отличился 1172-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, имевший на вооружении 19 57-мм противотанковых пушек. После 40-минутной артиллерийской подготовки до батальона пехоты противника, поддерживаемой тяжелыми танками «Тигр» и «Пантера», повели атаку на позиции 80-й гвардейской стрелковой дивизии из района Замоль. Немецкие танки, разделившись на две группы (в первой 10 и во второй 12 машин), преодолели наши траншеи и на полном ходу устремились на город Форну. Направление атаки проходило через боевые порядки полка. Левая группа танков двигалась на 4-ю батарею. Чтобы отвлечь внимание танков от этой батареи, командир полка подполковник Рутман приказал открыть огонь 6-й батарее. Два танка T-VI повернули в сторону этой батареи, подставив свои борта под огонь 4-й батареи. Воспользовавшись этим, последняя с дальности 200 м подожгла оба танка. Тогда танки и штурмовые орудия, двигавшиеся во втором эшелоне, обрушили свой огонь на 4-ю батарею и разбили все ее орудия.

Решив завлечь танки в «огневой мешок», командир полка приказал открыть огонь 2-й батарее, стоявшей во втором эшелоне. В результате танки обеих групп устремились на ее позиции, подставив свои борта под огонь 5, 3-й и 6-й батарей, которые буквально за несколько минут подбили шесть танков. Один танк подбила 2-я батарея. Атака была сорвана.

Однако немцы на этом не успокоились. Вскоре последовал массированный огневой налет по батареям полка, а за ним автоматчики и танки противника вновь ринулись в атаку. Завязался рукопашный бой, в ходе которого подразделения 80-й гвардейской стрелковой дивизии и батареи 1172-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка

уничтожили часть живой силы противника и отбросили его в исходное положение.

В итоге 6-часового боя было сожжено 10 танков «Тигр» и «Пантера» и убито более 100 германских солдат и офицеров. Однако атаки противника в районе Замоль носили, видимо, отвлекающий характер. Главные усилия немцы по-прежнему прилагали на левом фланге 4-й гвардейской армии. Примерно через два часа после начала действий противника в районе Замоль до 60 танков с пехотой атаковали в направлении Барачки, но, встретив организованный огонь нашей артиллерии, отошли назад.

Так как противник наносил массированные танковые удары на узких участках и при этом возникала необходимость в централизации управления не только маневром, но и огнем артиллерии, командующий артиллерией 4-й гвардейской армии 25 января создал армейскую артиллерийскую группу, в состав которой вошли 123-я пушечная артиллерийская бригада, 222-й гвардейский, 1232, 213-й и 1092-й пушечные артиллерийские полки, насчитывавшие 87 152-мм гаубиц-пушек.

Наступила ночь на 26 января, а бои продолжались с прежним напряжением. Особенно тяжелая обстановка создалась на участке населенных пунктов Петтэнд, Барачка, где оборонялись два батальона 1-й механизированной бригады, один полк 63-й кавалерийской дивизии и подразделения 252-й стрелковой дивизии. Все эти части, изнуренные в предыдущих боях, имели большие потери. Противник же создал здесь многократное превосходство в силах, особенно в танках. В 2 часа ночи около 50 танков и более 100 бронетранспортеров и автомашин с пехотой и артиллерией на прицепах смяли боевые порядки батальонов 1-й механизированной бригады и ворвались в Кэнэшен. В образовавшуюся брешь противник сразу же ввел новые силы пехоты и танков. В глубине нашей обороны на этом направлении никаких сил не было, и противник мог продвигаться на север беспрепятственно. Вскоре его передовые части с ходу захватили Пазманд, в 4 часа ворвались в Вереб, а к утру подошли к Валю.

Таким образом, как и в ряде предыдущих боев, противник использовал ночное время, когда наша артиллерия, являвшаяся основной силой в борьбе с его танковыми группировками, не могла использовать прицельный огонь и оказать достаточно эффективное сопротивление.

26 января бои между озером Веленце и Дунаем достигли кульминации, поскольку успех немецкого наступления в направлении Валя мог привести к прорыву немецких танков в обход наших частей у Дуная и открыл бы им путь на Будапешт. Однако как только прорыв в районе Каполнаш, Барачка

двух немецких пехотных полков при поддержке 60 танков стал реальным, командование фронта выдвинуло к Вель-Вертешачу 104-й стрелковый и 23-й танковый корпуса, усиленные полком СУ-100, а также 1501-м и 184-м истребительно-противотанковыми артполками и 1669-м самоходно-артиллерийским полком, вооруженным СУ-76. Эти части быстро и скрытно заняли отведенные им позиции и встретили наступавших немцев внезапным огнем. В ходе боя прорвавшаяся группировка понесла большие потери и была остановлена.

Приказание Ставки командующий фронтом решил осуществить с 10 часов 26 января, нанеся контрудар по прорвавшейся группировке противника северо-восточнее озера Веленце. Для выполнения этой задачи в распоряжение командующего 4-й гвардейской армией передавался из резерва фронта 23-й танковый корпус (3, 39-я, 135-я тбр, 56-я мбр, 1501-й иптап, 1669-й лап, 457-й минп), который к этому времени переправился через Дунай и сосредоточился в районе Етьек, Биа, Пать.

Корпусу было приказано нанести контрудар в двух направлениях: силами 3-й танковой бригады с 1501-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком (первый эшелон) и 56-й мотострелковой бригады с 1669-м легким артиллерийским и 457-м минометным полками (второй эшелон) в направлении Дьуро, Валя, Вереба; силами 135-й танковой бригады в направлении Тордаша, Кайясо-Ст. — Петера, Пазманда. В резерве командира корпуса оставалась 39-я танковая бригада.

Наступление 23-го танкового корпуса, кроме его штатных артиллерийских частей, поддерживала часть армейской артиллерийской группы в составе 123-й пушечной артиллерийской бригады, 222-го гвардейского и 1232-го пушечного артиллерийских полков (54 152-мм гаубицы-пушки), а также вся артиллерия стрелковых дивизий и полков, оборонявшихся на фронте Пазманд, Вереб, Валь, Кайясо-Ст. — Петер, Барачка. Кроме того, для обеспечения действий 23-го танкового корпуса привлекалась 17-я воздушная армия.

В 11 ч 30 мин 26 января 23-й танковый корпус начал выдвижение из района сосредоточения на исходные позиции для наступления (Дьуро, Тордаш). Наступавшая в правой колонне 3-я танковая бригада вошла в Валь, но на западной окраине этого населенного пункта встретила организованное сопротивление противника. Бригада развернулась и после короткого огневого налета армейской артиллерийской группы с ходу атаковала противника, выбила его из Валя. Когда к месту боя подошла 56-я мотострелковая бригада, обе бригады начали совместное наступление на Вереб.

Утром 27 января соединения 30, 133-го стрелковых и 18-го танкового корпусов после 5-минутного огневого налета перешли в наступление, прорвали оборону противника на всем фронте и начали успешное продвижение одной частью сил вдоль правого берега Дуная и другой на Шарашд. Противник, связанный упорными боями с 4-й гвардейской армией, наступавшей в этот день на всем фронте от озера Веленце до Дуная, не смог усилить свои войска на юге, и последние были вынуждены обороняться собственными силами.

Следует заметить, что в ходе контрнаступления командиры наших танковых подразделений плохо увязывали свои действия с действиями артиллерийских и пехотных подразделений. Так, в ходе боев в районе Замоль танки 1-го гвардейского мехкорпуса раздавили пять своих орудий, приняв их за немецкие, а под Бичке наша пехота подбила четыре неожиданно появившиеся со стороны противника «Шермана», приняв их за вражеские.

Кроме того, танковые подразделения практически не вели разведку, полагаясь на данные, полученные от пехоты и от вышестоящих инстанций. В результате командование 110-й танковой бригады 18-го танкового корпуса загнало двадцать своих танков в болото, где они застряли на несколько дней. 27 января эта же танковая бригада нарвалась на засаду немецких танков и САУ и потеряла в бою семь танков, а на следующий день — еще восемь.

Вопреки вышестоящим приказам командиры 18-го и 23-го танковых корпусов вместо борьбы с танками противника имевшимися у них противотанковыми средствами — артиллерией и самоходной артиллерией — ввязывались без достаточной подготовки в танковые бои и несли большие потери. Так же широко практиковалось применение самоходной артиллерии вместо танков — в качестве подвижного щита при атаках немецких опорных пунктов, что при отсутствии у САУ оборонительных пулеметов делало их легкой добычей германской пехоты, оснащенной реактивными гранатометами.

В 10 ч 30 мин 29 января после 30-минутной артиллерийской подготовки соединения 23-го танкового и 104-го стрелкового корпусов и 151-я стрелковая дивизия перешли в наступление. Подразделения 23-й танковой бригады вклинились в оборону противника в стыке танковых дивизий СС «Мертвая голова» и «Викинг» и завязали бой с танками. Сразу же бой принял «очаговый» характер, вследствие чего наша артиллерия, стоявшая на закрытых огневых позициях, не могла оказывать достаточной поддержки частям из-за риска поразить свои танки. В результате этого

продвижение танковых бригад шло медленно. К 15 часам части 23-го танкового корпуса и пехота 151-й стрелковой дивизии оттеснили противника на юг всего лишь на 1–2 км. Только после ввода в бой второго эшелона корпуса темпы продвижения несколько увеличились, и к 19 часам наши части ворвались в населенный пункт Агг-Сеонтпетер. 151-я стрелковая дивизия отстала от танков и вела бои с уцелевшими группами противника северо-восточнее Анны.

Еще меньший успех имел 104-й стрелковый корпус. Только 66-я гвардейская стрелковая и 3-я гвардейская воздушно-десантная дивизии сумели углубиться в оборону противника на 1–4 км; 113-я стрелковая дивизия, встреченная организованным огнем противника, не сумела преодолеть реку Вали и в этот день оставалась на прежних позициях.

30 января соединения 23-го танкового и 104-го стрелкового корпусов продолжали наступление. В то же время перешли в наступление части 93-й и 252-й стрелковых дивизий. В этот день наши войска сумели углубиться на 6 км в оборону противника и расширить прорыв до 8 км по фронту.

В последующие дни войска 4-й гвардейской, 26-й и часть сил 57-й армий, развивая наступление в западном, северо-западном и северном направлениях, очистили от противника территорию к югу от озера Веленце. 7 февраля по приказу командующего фронтом наши войска прекратили наступление, закрепившись на рубеже Замоль, Дьюла, западная окраина Секешфехервар, (исключительно) Диниеш, Шерегельеш, (исключительно) Чёс, (исключительно) Яшланг и далее на запад до озера Балатон. Таким образом, войска 3-го Украинского фронта восстановили положение, занимаемое ранее войсками 4-й гвардейской армии.

Так закончились три попытки немцев деблокировать свою будапештскую группировку.

19 февраля 1945 г. штаб артиллерии 3-го Украинского фронта получил распоряжение Артиллерийского управления Красной Армии и Наркомата вооружения «О проведении обследования новых типов немецких танков и САУ, уничтоженных в ходе оборонительных боев в районе оз. Балатон — оз. Веленце — р. Дунай».

В конце февраля 1945 г. было произведено обследование 90 образцов трофейной бронетехники, в том числе 7 сгоревших танков типа «Королевский Тигр», 31 танка «Пантера», 12 танков T-IV, 4 танков T-III, 32 САУ различных типов и 4 бронетранспортеров.

Из 90 обследованных единиц бронетехники 86 были уничтожены артиллерийским огнем, а 4 подорвались на минах. 80 машин сгорело. На всех танках и САУ насчитали 152 пробоины от снарядов, в 35 случаях были

повреждены гусеницы, в 5 — прострелы орудийных стволов и в 2 случаях были сброшены танковые башни.

Из 152 пробоин 100 (65,8 %) приходилось на борта танков и САУ, 27 (17,8 %) — на корму и 25 (16,4 %) — на лоб корпуса. 49 пробоин были от бронебойных 76-мм снарядов, 30 — от 57-мм снарядов, 50 — от снарядов неустановленного типа, скорее всего сердечниками подкалиберных снарядов. 3 пробоины были сделаны кумулятивными минами «фаустпатронов», а оставшиеся 20 пробоин приходились на снаряды всех остальных типов.

Исследуемая подбитая бронетехника также изобиловала многочисленными повреждениями от различных снарядов, пуль и несквозных «язв» от «фаустпатронов», не приведших к пробитию брони.

Наступление немцев отсрочило взятие Будапешта. Тем не менее войска 7-й гвардейской армии и 18-го гвардейского стрелкового корпуса постепенно квартал за кварталом захватывали Буду — западную часть венгерской столицы.

Наиболее распространенным способом действий артиллерии в уличных боях в Будапеште была стрельба орудий прямой наводкой. Легкие орудия использовались для стрельбы по амбразурам, по бойницам, по окнам зданий, для подавления обнаруженных пулеметов. Орудия средних калибров применялись для разрушения каменных зданий, дзотов, напольных стен бронеколпаков. При этом широкое применение нашли бронебойные и кумулятивные снаряды.

Артиллерия, остававшаяся на закрытых позициях, также выполняла важные огневые задачи. Массированным огнем обстреливались мосты, площади и улицы города, где замечалось наибольшее скопление живой силы и боевой техники противника, подавлялись вражеские минометные и артиллерийские батареи.

С большой эффективностью в уличных боях в Будапеште были использованы подразделения гладкоствольных и реактивных минометов. Минометным огнем отражались попытки врага контратаковать наши войска. Гладкоствольные минометы с их крутой траекторией успешно применялись для огневого окаймления окруженных опорных пунктов противника.

Отдельные артиллерийские подразделения и части показали исключительное умение гибко маневрировать огнем в сложных условиях уличного боя и добились высокой эффективности стрельбы с открытых и закрытых огневых позиций. Об уровне стрельбы наших артиллеристов свидетельствуют такие примеры.

В квартале 1955 в каменном здании находились огневые точки противника. Командиру батареи капитану Кислашке была поставлена задача уничтожить их. Подготовив исходные данные для стрельбы по планшету, капитан Кислашка выпустил шесть снарядов, из которых четыре разорвались внутри здания и уничтожили вражеские пулеметы.

В городском квартале 1544 находился мощный узел сопротивления противника. Из здания, хорошо приспособленного к обороне, противник вел огонь и затруднял штурм этого квартала нашими войсками. Для уничтожения узла сопротивления врага на прямую наводку были поставлены орудия 2-го дивизиона 1305-го пушечного артиллерийского полка. Орудийные расчеты открыли меткую стрельбу. Из 18 выпущенных снарядов 13 дали прямые попадания, остальные разорвались в радиусе 80–160 м. Узел сопротивления врага был подавлен, и наша пехота успешно штурмовала очередной квартал.

Характерной чертой в использовании артиллерии в Будапеште являлась постановка максимального числа орудий всех калибров на прямую наводку. Там, где позволяла местность и где имелись прямые широкие улицы, число орудий, выставленных для стрельбы прямой наводкой, доходило до 80 % всей артиллерии. Лишь часть артиллерии, составлявшая корпусные и дивизионные группы усиления, оставалась на закрытых огневых позициях. Она выполняла задачи по подавлению артиллерии и минометов противника в глубине его обороны. Полковые и дивизионные орудия (37 мм, 45 мм и 76 мм), приданные штурмовым группам, вели огонь по точкам, стрелявшим из бойниц, пробитых в стенах домов и в заборах, по окнам и чердакам. Размещались эти орудия в нижних этажах зданий, на перекрестках улиц. Отдельные орудия втаскивались на верхние этажи зданий и оттуда вели стрельбу.

Вся артиллерия, поставленная на прямую наводку, была в постоянной готовности к отражению контратак танков и пехоты противника.

Артиллерия крупных калибров (122 мм, 152 мм и 203 мм), стоявшая на прямой наводке, вела в основном стрельбу на уничтожение огневых точек противника, оборудованных в прочных каменных постройках, и на разрушение заборов и баррикад.

Полки реактивной артиллерии не придавались стрелковым дивизиям, а находились в подчинении командира корпуса. Командир корпуса использовал их на направлении главного удара корпуса для воздействия по наиболее важным объектам, в частности таким, как скопление войск противника или отражение его контратак.

Минометные части и минометные подразделения стрелковых полков

сводились в группы и возглавлялись либо начальниками артиллерии стрелковых полков, либо командирами минометных частей. Эти группы использовались для массированного воздействия по объектам, атакуемым пехотой, а также для поражения противника за укрытиями в ближайшей глубине его обороны. Располагались минометы чаще всего вблизи переднего края в зданиях или за ними и обеспечивали поддержку пехоты на достаточную глубину.

Следует отметить как недостаток чрезмерное насыщение боевых порядков пехоты орудиями, выставленными для стрельбы прямой наводкой в районах с узкими улицами и многоэтажными зданиями. Получалось так, что при ограниченных размерах улиц орудия размещались в глубине и потому не все они могли вести огонь. Приходилось часть орудий сводить в группы поддержки пехоты для действий с закрытых огневых позиций.

Германское командование попыталось организовать снабжение будапештской группировки по воздуху. Ежедневно 40–45 германских самолетов доставляли в город необходимые грузы. Была сделана попытка использовать для этой цели планеры и изыскать возможность организовать снабжение по Дунаю. Однако после 20 января вследствие господства советской авиации снабжение окруженной группировки по воздуху почти прекратилось, а доставку грузов по Дунаю немецкому командованию осуществить так и не удалось.

10 февраля стали кончаться боеприпасы, а группировка немецко-венгерских войск в районе Буды была расчленена на две части. Советские войска продвинулись до моста Эржебет. В полдень 11 февраля состоялось собрание всех офицеров в звании до майора включительно. Начальник штаба 9-го горного корпуса СС подполковник Усдау Линендау (Usdau Linendau) объявил, что будет предпринята последняя попытка прорыва. Согласно этому плану, были сформированы 3 колонны с задачей пробиться к своим войскам, находящимся в 20 км к западу от Будапешта.

Операция началась в 22 ч 00 мин 11 февраля. В 23 ч 40 мин командующий 9-м горным корпусом СС передал свою последнюю радиограмму: «Расстреляны последние патроны. У нас есть выбор между капитуляцией и гибелью гарнизона. Мы решили прорываться силами оставшихся боеспособными немецких и венгерской фашистских дивизий [укомплектованных членами венгерской фашистской организации „Скрещенные стрелы“]. Собираемся предпринять прорыв ночью 12 февраля. Просим встретить нас между населенными пунктами Чомор и Марианхальм. Если не удастся прорваться в указанном месте, пойдем через горы Пилиш. В этом случае прошу встретить на северо-западе в районе

населенного пункта Пилишсентлелек. Две зеленые ракеты — свои войска. В настоящее время наши силы перед прорывом включают около 23 900 немецких солдат, из которых 3600 раненых, и 20 000 венгров, из которых около 2000 раненых».

Оставив тяжелораненых в госпиталях Будапешта, немецко-венгерская группировка пошла на прорыв советских позиций. Из города вырвалось около 14 тысяч боеспособных солдат, однако только двум тысячам из них удалось продвинуться к своим войскам в последующие несколько дней. Немецкие и венгерские военнослужащие прорывались из окружения мелкими группами. Самая крупная из них — 300 человек танковой дивизии вермахта «Фельдхернхалле» — прорвалась к своим войскам 13 февраля в 30 км к западу от Будапешта. Всего в расположение германских войск вышло 785 человек.

13 февраля 1945 г. считается датой окончательного захвата Будапешта войсками 2-го Украинского фронта. По советским данным, в боях за Будапешт было уничтожено и пленено 188 тысяч солдат и офицеров армий противника[131].

Цифры эти преувеличены в 3–4 раза, если, конечно, туда не включать потери гражданского населения Будапешта и беженцев.

Глава 2
Немецкое контрнаступление у озера Балатон

Взятие Будапешта открыло советским войскам путь в Австрию и Чехословакию. Учитывая это, Ставка Верховного Главнокомандования 17 февраля издала директиву о подготовке войск 2-го и 3-го Украинских фронтов к наступлению. Однако в начале марта обстановка резко изменилась, и район озера Балатон вновь стал ареной ожесточенных боев между войсками 3-го Украинского фронта и крупной вражеской группировкой.

Несмотря на кризисную обстановку на берлинском направлении, где советские войска уже вторглись на территорию Германии и создали непосредственную угрозу захвата ее столицы Берлина, немецкое командование не собиралось ослаблять свои усилия на южном фланге советско-германского фронта. По этому поводу оно имело свои стратегические соображения. В случае неудачи на берлинском направлении горно-лесистые районы Южной Германии, Австрии и западной части Чехословакии с их сильной военной промышленностью могли бы стать «южногерманской крепостью», в которой можно надежно укрыться и выиграть время в расчете на распри между антигитлеровской коалицией, а следовательно, и на желательный для германского руководства исход войны. И не случайно, что, оголяя свой фронт против англо-американских войск, немецкое командование перебрасывало оттуда крупные силы на советско-германский фронт, причем значительную часть их направляло на территорию Венгрии.

К началу марта немцы сосредоточили в районе севернее озера Балатон 6-ю полевую армию, 6-ю танковую армию СС, переброшенную с Западного фронта, и 3-ю венгерскую армию. Южнее озера Балатон сосредоточилась 2-я танковая армия противника, а на правом берегу реки Дравы — войска армейской группы «Е». Этими силами немецко-фашистское командование намеревалось перейти в контрнаступление против 3-го Украинского фронта.

Главный удар противник намечал нанести смежными флангами 6-й полевой и 6-й танковой армий между озерами Веленце и Балатон с целью прорвать оборону 3-го Украинского фронта на участке Шерегельеш, Альшотарноча и выйти к Дунаю на участке Дунапентеле, Дунафельдвар, разрезав таким образом войска фронта на две части. С выходом к Дунаю

главные силы должны были развивать удар на север и овладеть Будапештом, а часть сил наступать на юг. Второй удар должна была нанести 2-я танковая армия из района восточнее Надьканижа в направлении на Домбовар. Третий удар намечалось нанести также по южной группе наших войск силами армейской группы «Е» с южного берега Дравы из района Дольни Михоляц, Валпово в северном направлении навстречу войскам 6-й танковой армии.

Этот план германского командования преследовал цель окружить и уничтожить главные силы 3-го Украинского фронта между озером Балатон и Дунаем и выдвинуть свои войска на рубеж Дуная.

На 5 марта 1945 г. против 3-го Украинского фронта была сосредоточена следующая группировка немецких войск.

Из состава 6-й полевой армии против правого фланга фронта были сосредоточены 356-я пехотная дивизия, 3-й и 4-й танковые корпуса, имевшие шесть танковых дивизий, батальон штурмовых танков, два батальона танков «Тигр» и «Пантера», две бригады штурмовых орудий. Всего в армии насчитывалось 258 исправных танков (из них 165 тяжелых), 114 штурмовых орудий и более 400 бронетранспортеров.

В 6-ю танковую армию СС входили 1-й и 2-й танковые корпуса СС (1, 2, 9-я и 12-я танковые дивизии СС). К 5 марта ей дополнительно были приданы три пехотные дивизии (44-я немецкая, 20-я и 25-я венгерские), одна танковая (23-я) и две кавалерийские дивизии (3-я и 4-я), два батальона тяжелых танков, дивизион штурмовых и дивизион противотанковых орудий. В этих частях и соединениях насчитывалось 303 исправных танка (из них 114 тяжелых), 132 штурмовых орудия и около 500 бронетранспортеров. Армия была заново укомплектована наиболее боеспособными кадрами из нацистов и пополнена самой совершенной по тому времени боевой техникой. Личный состав ее прошел специальную подготовку для действий в ночных условиях.

2-я танковая армия только называлась танковой, но фактически в ее состав входили четыре пехотные дивизии (1-я гренадерская, 13-я горнострелковая, 71-я пехотная и 118-я легкопехотная), моторизованная бригада (92-я), две бригады штурмовых орудий и пять боевых групп. В армии насчитывалось 70 исправных танков и штурмовых орудий.

Из армейской группы «Е», действовавшей против 1-й Болгарской армии и 12-го армейского корпуса югославов, имелось десять пехотных дивизий, из них около шести дивизий в первой линии.

В общей сложности против войск 3-го Украинского фронта противник имел более 431 тысячи солдат и офицеров, до 6 тысяч орудий и минометов,

877 исправных танков и штурмовых орудий, 900 бронетранспортеров и около 850 самолетов.

Большая часть сил этой группировки войск была сконцентрирована на направлении главного удара — между озерами Веленце и Балатон. Здесь противник сосредоточил три пехотные, две кавалерийские и девять танковых дивизий, пять отдельных батальонов тяжелых танков, две бригады и один дивизион штурмовых орудий, насчитывавших в своем составе 147 тысяч солдат и офицеров, 807 танков и штурмовых орудий, свыше 3200 орудий и минометов и более 800 бронетранспортеров. При этом в ударной группировке немцев более одной трети танкового парка составляли тяжелые танки и штурмовые орудия. В битве под Курском такие танки и штурмовые орудия составляли всего 11 % танкового парка.

К началу марта 3-й Украинский фронт имел в своем составе пять общевойсковых армий (4-я гв., 26, 27-я, 57-я и 1-я Болгарская) и одну воздушную армию (17-ю), два танковых, один механизированный и один кавалерийский корпуса.

Соотношение сил сторон к началу наступления немцев в полосе 3-го Украинского фронта показано в таблице.

Для отражения контрнаступления противника советским армиям первого эшелона приказывалось создать многополосную, позиционную, глубоко эшелонированную оборону, при этом особое внимание обращалось на организацию противотанковой обороны и создание сильных противотанковых резервов и подвижных отрядов заграждения.

Таблица 21. **Соотношение сил и средств сторон к 5 марта 1945 г.**[132]

Силы и средства	Войска 3-го Украинского фронта	Войска противника	Соотношение
Солдаты и офицеры	407 357	431 000	1:1,05
Орудия и минометы (без полевой реактивной и зенитной артиллерии)	6889	5630	1,2:1
Танки и САУ (штурмовые орудия), исправные	407	877	1:2,1
Самолеты	965	850	1,1:1
Бронетранспортеры	—	900	—

Для размещения артиллерии в расположении советских войск имелись укрытые районы, а для наблюдения за действиями противника — высоты, обеспечивающие просмотр расположения противника на глубину 2–5 км.

Вместе с тем хорошо просматриваемая противником местность в районе нашего переднего края на межозерном участке, где ожидался его главный удар, усложняла действия орудий, выдвинутых для стрельбы прямой наводкой. Поэтому их приходилось оттягивать в глубину дальше, чем это делалось обычно в обороне. Неглубокое залегание грунтовых вод не позволяло отрывать орудийные окопы и наблюдательные пункты полного профиля, при этом приходилось укреплять дно настилами, особенно под колесами орудий, а для увеличения глубины укрытия устраивать насыпные стены, заборы и т. д.

Тактическая зона обороны включала главную полосу, оборудованную на глубину 5–7 км, и вторую, удаленную от переднего края на 8–12 км. В главной полосе подготовлялись три позиции, по одной — три траншеи в каждой, соединенные ходами сообщений. Последние одновременно являлись отсечными или промежуточными позициями. Вторая полоса состояла из одной позиции, имевшей две траншеи. Между оборонительными полосами подготавливалась промежуточная позиция.

В оперативной зоне готовились тыловые армейские полосы и фронтовые рубежи обороны. Между второй и тыловой (армейской) полосами также подготавливалась промежуточная позиция. В целом глубина обороны наших войск северо-восточнее озера Балатон определялась глубиной плацдарма и составляла 30–50 км от переднего края.

Минные заграждения создавались по общему фронтовому плану и обеспечивали плотность минирования во всей тактической глубине свыше 1000 мин, а на важнейших танкоопасных направлениях до 2000–2500 мин на 1 км фронта. Средняя плотность минирования в полосе 4-й гвардейской, 26-й и 57-й армий составляла 730 противотанковых и 670 противопехотных мин на 1 км фронта, а на важнейших танкоопасных направлениях она достигала 2700 и 2500 мин соответственно.

В боевом составе артиллерии фронта на 6 марта 1945 г. находилось 185 артиллерийских и минометных полков[133]. Все эти части, а также подразделения войсковой артиллерии имели на вооружении 3037 минометов калибра 82–160-мм, 3557 орудий калибра 45 — 203-мм, 629 орудий зенитной артиллерии калибра 20–85-мм и 293 боевые установки полевой реактивной артиллерии, всего 7516. Приданная фронту артиллерия РВГК по числу орудий и минометов составляла около 30 % общего наличия артиллерии[134], причем три четверти этого вооружения было сосредоточено в артиллерийских соединениях (бригада, дивизия). В ходе

оборонительной операции в состав артиллерии фронта вошли 19-я артиллерийская дивизия РВГК, 207-я и 209-я самоходно-артиллерийские бригады и ряд отдельных артиллерийских частей.

Качественный состав артиллерии фронта (без 1-й Болгарской армии) характеризуется следующими данными: 82–160-мм минометов — 40 %, 76 — 203-мм орудий полевой артиллерии (без противотанковой) — 25 %, 45 — 76-мм противотанковых орудий — 21 %, 20 — 85-мм зенитных орудий — 9,5 % и боевых установок полевой реактивной артиллерии — 4,5 %.

При оценке удельного веса противотанковой артиллерии следует иметь в виду успешное применение в борьбе с танками и легких полевых и зенитных пушек, а в ряде случаев и орудий более крупных калибров артиллерии РВГК.

Многие артиллерийские части фронта с честью выдержали тяжелые испытания в январских оборонительных боях и получили хорошую закалку в борьбе с танками. Однако их боеспособность несколько снижалась значительной неукомплектованностью вооружением и особенно средствами транспорта.

Таблица 22. **Качественный состав артиллерии 3-го Украинского фронта (без артиллерии 1-й Болгарской армии) на 6 марта 1945 г.**[135]

Виды артиллерии	Калибр орудий и минометов	Количество
Минометы	82-мм	1618
	107-мм	24
	120-мм	883
	160-мм	32
	Всего	2557
Противотанковые орудия	45-мм пушки	516
	57-мм пушки	129
	76-мм пушки ПА	232
	76-мм пушки ДА	452
	Всего	1329
Орудия дивизионной, корпусной, армейской артиллерии и артиллерии РВГК (без противотанковых)	76-мм пушки ДА	725
	122-мм гаубицы	598
	122-мм пушки	48
	152-мм гаубицы-пушки	248
	203-мм гаубицы	30
	Всего	1649
Всего орудий		2978
Всего орудий и минометов		5535
Зенитные орудия	20-, 25-мм пушки	13
	37-мм пушки	501
	85-мм пушки	98
	Всего	612
Реактивные установки	БМ-8	28
	БМ-13	198
	БМ-31-12**	67
	Всего	293
Итого по фронту		6440

** В том числе 25 рам М-30.

Так, укомплектованность артиллерийских частей РВГК минометами, 57-мм и 76-мм пушками доходила до 57–65 %, а средствами автомобильного транспорта только до 28,3 %. Лучше дело обстояло с личным составом и средствами тяги, степень укомплектованности которыми артиллерии РВГК была выше средней укомплектованности материальной частью. Оптическими приборами для стрельбы и наблюдения части артиллерии РВГК были укомплектованы на 63–76 %, радиостанциями — всего на 60 %, телефонными аппаратами — на 75 %, а

телефонным кабелем — только на 51 %.

Немцы начали контрнаступление 6 марта 1945 г. одновременно в трех местах. Главный удар наносился между озерами Балатон и Веленце в направлении на Адонь. Здесь противник сосредоточил большую часть танков и САУ — 1-ю дивизию «Лейбштандарт Адольф Гитлер», 2-ю дивизию «Дас Рейх», 9-ю дивизию «Хохенстауфен», 12-ю дивизию «Гитлерюгенд» из 6-й танковой армии СС, а также 1, 3, 6-ю и 23-ю танковые и три пехотные дивизии. Наступление поддерживали две кавбригады и девять артполков. 4-й танковый корпус СС в составе 3-й («Тотенкопф») и 5-й («Викинг») танковых дивизий СС и 2-й венгерской танковой дивизии обеспечивал левый фланг группировки, находясь в обороне.

Вторая группировка, состоявшая из частей 2-й танковой армии, наносила удар вдоль железной дороги на Домбовар в полосе обороны 57-й советской армии. А с южного берега Дравы на Печ, где оборонялась 1-я Болгарская армия, наступала третья группировка в составе трех пехотных дивизий.

На участке между озерами Веленце и Балатон германская артподготовка началась 6 марта в 8 ч 17 мин и длилась 30 минут. Большая часть орудий обстреливала позиции советских войск на главном участке прорыва. В конце артподготовки САУ и танки открыли губительный огонь по нашему переднему краю прямой наводкой с дальности 800–1000 м. Огонь артиллерии противника с закрытых огневых позиций был менее эффективен: разрывы нередко ложились в стороне от целей; большая часть наших батарей оказалась вне огневого воздействия.

Действия авиации противника в период артиллерийской подготовки и при поддержке атаки ограничивались низкой облачностью, снегопадом и плохим состоянием аэродромов.

Таблица 23. **Укомплектованность артиллерии РВГК и армейских полков 3-го Украинского фронта личным составом, вооружением и средствами связи на 1 марта 1945 г. (с учетом учебных, запасных частей и наличия вооружения на складах)**[136]

Личный состав, средства тяги, вооружение		По штату	Налицо	% укомплектованности
Личный состав	Офицеры	8562	7284	85,1
	Сержанты	19 738	17 268	87,5
	Рядовые	46 422	36 573	78,8
Всего		74 722	61 125	81,8
Конский состав	Верховые	270	164	60,7
	Артиллерийские	476	309	64,9
	Обозные	221	533	241,2
Всего		967	1006	104,0
Автомобили	Легковые	288	200	69,5
	Грузовые (ГАЗ-АА, ЗИС-5 и 6)	6873	1694	24,6
	Специальные	664	307	46,2
Всего		7825	2201	28,3
Тягачи	Тракторы	587	399	68,0
	Автомобили («студебеккер», «виллис»)	1862	1469	79,0
Всего		2449	1868	76,2
Материальная часть	107-мм и 120-мм минометы	500	327	65,4
	57-мм пушки	180	107	59,4
	76-мм пушки	651	372	57,1
	122-мм пушки	16	49	306,3
	152-мм гаубицы-пушки	288	216	75,0
	122-мм гаубицы	236	177	75,0
	203-мм гаубицы	24	24	100,0
Всего орудий и минометов		1895	1272	67,0

С началом артиллерийской подготовки противника артиллерия стрелковых дивизий и армейские артиллерийские группы 4-й гвардейской и 26-й армий произвели мощные огневые налеты по скоплениям немецкой пехоты и танков.

Главный удар противник наносил по стыку 4-й гвардейской и 26-й армий силами 23-й танковой, 44-й и 356-й пехотных дивизий, усиленных батальонами тяжелых танков. До двух полков вражеской пехоты с 30 танками атаковали позиции 1-го гвардейского укрепленного района и правый фланг 155-й стрелковой дивизии в направлении на Шерегельеш.

Атака противника была встречена неподвижным заградительным огнем, вызванным сигналом командира 155-й стрелковой дивизии. Пехота противника была отсечена от танков, а танки, пройдя полосу неподвижного заградительного огня, попали под огонь орудий батальонных противотанковых узлов 155-й стрелковой дивизии. Стойкость личного состава 155-й стрелковой дивизии и умелое применение огня артиллерии сорвали первую атаку. Только на участке 436-го стрелкового полка дивизии было обнаружено более 200 трупов солдат и офицеров, 15 сгоревших танков и 5 разбитых бронетранспортеров противника.

В полосе 1-го гвардейского укрепленного района, где наблюдение за действиями противника и управление огнем было организовано хуже, обстановка осложнилась с первых же минут боя. Получилось так, что после артиллерийской подготовки противника последовала некоторая пауза. Командиры 10-го пулеметно-артиллерийского батальона и 1963-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка[137] безосновательно решили, что атаки противника против их позиций не будет, и дали команду «отбой». Между тем вражеская пехота с танками, пользуясь ограниченной видимостью из-за начавшегося снегопада, внезапно атаковала позиции батальона и оттеснила его подразделения за боевые порядки 1963-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка[138]. Оставшись без пехотного прикрытия, батареи полка героически сражались и подбили десять танков противника. В неравном бою полк потерял почти всю материальную часть и в тот же день был выведен на доукомплектование.

К 10 ч 15 мин противнику удалось ворваться в Шерегельеш, после чего он усилил свой нажим, создав угрозу прорыва главной полосы обороны на стыке 4-й гвардейской и 26-й армий.

По прорвавшемуся противнику вела огонь артиллерия усиления 26-й и 4-й гвардейской армий. Так, по району Шерегельеш в течение дня неоднократно сосредоточивался огонь 17-й пушечной артиллерийской бригады, 124-го гаубичного артиллерийского полка и 51-го гвардейского минометного полка М-13 из состава 4-й гвардейской армии; 9-й гвардейской пушечной и 25-й гаубичной артиллерийских бригад, 306-го артиллерийского полка 155-й стрелковой дивизии и 58-го гвардейского минометного полка М-13 из 26-й армии. Подгруппа армейской группы при 21-м гвардейском стрелковом корпусе (115-я пабр и 127-й пап 30-й пабр), располагавшаяся севернее озера Веленце, вела в течение дня огонь по району Бергенд, Сабад-Батьян, Урхида, подавляя вторые эшелоны и

ближайшие тылы противника перед фронтом 1-го гвардейского укрепленного района.

В результате принятых мер противнику не удалось реализовать первоначальный успех, хотя он к этому прилагал большие усилия. К исходу дня 6 марта он продвинулся в глубину нашей обороны до 3–4 км на узком участке в 3,5 км.

Утро 7 марта началось с немецкой артиллерийской и авиационной подготовки, а затем последовали атаки в направлении на Шаращд и Шаркерестур. В боях 7 марта только в полосе 26-й армии наступало до девяти полков пехоты и свыше 170 танков и штурмовых орудий противника. Особенно упорные бои развернулись на участке 155-й стрелковой дивизии, где немцы предприняли пять, следовавших одна за другой, атак. Как и в первый день боя, важнейшую роль в отражении этих атак играли батальонные противотанковые узлы и противотанковые районы, поддерживаемые огнем артиллерии с закрытых позиций. Для ведения огня дивизионной артиллерийской группе нередко приходилось делать довороты орудий под углом 90–100°.

Тем не менее противнику удалось уничтожить большую часть советской противотанковой артиллерии и занять несколько опорных пунктов южнее Шерегельеша.

На участке 1-го гвардейского укрепленного района[139] противник также несколько расширил участок вклинения в нашу оборону в сторону озера Веленце, но продвинуться вперед не сумел: этому воспрепятствовали выдвинутые сюда резервы. То же получилось и южнее Шерегельеша, где в бой с противником вступили две танковые бригады 18-го танкового корпуса.

Упорные бои шли и западнее канала Шарвиз, на участке Шопонья, Калоз. В 6 часов 7 марта из района города Кюль группа в 40 танков и бронетранспортеров с автоматчиками атаковала огневые позиции четырех батарей 1965-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Атака танков велась на больших скоростях под прикрытием огня штурмовых орудий из-за укрытий. Основной удар противник наносил 20 танками по 2-й и 6-й батареям. Артиллеристы оказались в крайне затруднительном положении, так как местность покрывал туман, видимость не превышала 400 м. Батареям пришлось отбиваться одновременно от танков и автоматчиков противника. В результате тяжелого боя 6-я батарея подбила четыре танка, из них один «Тигр», подожгла два танка, но и сама понесла тяжелый урон, потеряв все свои орудия от огня штурмовых орудий противника. В ходе этого боя 12 немецких танков

прорвались в тыл 3-й батареи, которая подбила три танка, потеряв все свои орудия. Затем танки противника устремились к мосту через канал Шарвиз, но, встреченные огнем двух батарей 974-го зенитного артиллерийского полка, отошли обратно, потеряв четыре танка.

Однако противник не прекращал своих атак на Калоз до конца дня. Уцелевшие после утреннего боя батареи 1965-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка сражались до последнего снаряда. Когда орудия гибли под гусеницами вражеских танков, личный состав батарей брался за стрелковое оружие и продолжал сражаться как пехота. Только к исходу дня ценой тяжелых потерь противнику удалось занять Калоз.

Севернее Калоза, находясь в полуокружении, вели неравный бой четыре батареи 1966-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. В бою у Бельмайора 2-я батарея полка в течение 4-часового боя отразила две атаки 10 танков, но, попав под сосредоточенный огонь артиллерии противника, потеряла все свои орудия. 3-я батарея отразила три танковые атаки в районе Лоббмайор.

К вечеру 7 марта положение на этом направлении настолько осложнилось, что командир 68-й гвардейской стрелковой дивизии вынужден был поставить на стрельбу прямой наводкой почти всю артиллерию дивизии, которая с трудом сдерживала противника на плацдарме, сократившемся до 3–4 км по фронту и 1,5–2 км в глубину. С наступлением темноты, когда огневой бой затих, части дивизии стали отходить на восточный берег канала Шарвиз[140].

За два дня боя два полка 43-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады подбили 23 и сожгли 21 танк, уничтожили более 20 бронетранспортеров, 7 автомашин, 3 орудия, 12 пулеметов, 810 солдат и офицеров, а сами потеряли 30 орудий, 3 автомашины, 12 человек убитыми, 46 ранеными и 23 пропавшими без вести[141]. С шестью оставшимися орудиями два полка бригады были выведены в резерв фронта на доукомплектование.

Стремясь прорваться к Дунаю, противник 8 марта ввел в бой на направлении главного удара 2-ю танковую дивизию СС, направив основные усилия на овладение населенным пунктом Шарашд. Теперь на участке между озерами Веленце и Балатон одновременно действовало до 250 немецких танков. Тут немцы натолкнулись на мощный огонь нашей артиллерии с закрытых позиций, а также противотанковых орудий, особенно тяжелых самоходно-артиллерийских установок, стрелявших из

засад, они отошли в район севернее отметки 159,0, оставив на поле боя 10 сожженных и 14 подбитых танков. Особенно отличились новые установки Су-100, которые были впервые применены именно у озера Балатон.

Любопытно, что 8 марта советское командование выдвинуло под Шарсентагот два трофейных артдивизиона без номеров, вооруженных «самоходными 150-мм пушками СУ-150» (8 единиц) и «самоходными 88-мм зенитными пушками СУ-88» (6 единиц) — так у нас величали САУ «Хуммель» и «Насхорн». 9 марта эти дивизионы атаковали германские танки, в результате чего все САУ были потеряны.

12 марта под Эльингом в бой с наступавшими немецкими войсками вступил «трофейный танковый батальон». Согласно документам, в его составе было «4 тяжелых и 7 средних танков». Под «тяжелыми» у нас могли понимать как «Тигры», так и «Пантеры».

Однако «трофейный батальон» еще до вступления в бой был атакован с воздуха нашими Ил-2. В результате налета два танка сгорели, а остальные застряли в грязи. Немцы их вытащили из грязи и ввели в строй. 13–15 марта эти дважды трофейные машины участвовали в немецком наступлении у канала Капош. Любопытно, что позже там обнаружили подбитую «Пантеру» с красной звездой на башне, причем звезда была прикрыта фанерой.

Боевые действия 9 марта в полосе 135-го стрелкового корпуса начались ночной атакой противника. Сосредоточив основные усилия 1-й и 12-й танковых дивизий СС на рубеже Кишхерчек, Араньош, немцы под покровом ночной темноты внезапно атаковали части 233-й стрелковой дивизии и прорвали вторую полосу обороны. Малочисленная артиллерия дивизии не смогла оказать необходимой поддержки своим частям. Не сделала этого и артиллерия корпуса, которая оказалась не в состоянии вести ночью эффективный массированный огонь на участке прорыва. Положение облегчалось несколько тем, что противник в этих условиях также действовал неуверенно и поэтому не смог реализовать успех первоначальной атаки. Воспользовавшись этим, части 233-й и 236-й стрелковых дивизий начали организованный отход на юг.

Несмотря на то что немцы перебросили из района Аба-Шарашд к каналу Капош 23-ю танковую дивизию, все их попытки преодолеть рубеж каналов Елуша — Капош окончились неудачей, и к полудню 15 марта 1945 г. их наступление на этом направлении было повсеместно остановлено.

10 марта германские танки предприняли ночную атаку на позиции 155-й стрелковой дивизии. «Медленно двигаясь в нашу сторону, вражеские

танки охватили высоту полукольцом, а затем открыли пулеметный огонь зажигательно-трассирующими пулями по группе отдельных домов и построек, расположенных на высоте. Постройки загорелись, и часть наших орудий и танков, стоявших вблизи этих построек, оказалась в невыгодном положении: их расчеты были ослеплены, а сами они видны противнику, который оставался вне зоны освещения. Немецкие танки открыли интенсивный орудийный огонь и стали приближаться. Наши орудия, в свою очередь, вели огонь по вспышкам выстрелов танков, однако стрельба была малоэффективной, а огонь танков противника, снабженных ночными прицелами, был более точным. Наши орудия одно за другим выходили из строя. В борьбе за высоту противник приобретал явный перевес.

В критический момент боя командир 1964-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка приказал одной батарее выдвинуться во фланг атакующим танкам. Приказ командира был выполнен без промедления. В тот момент, когда головной танк противника подошел к позиции на 50 м, орудия открыли огонь. Осуществляя наводку по стволу, батарее удалось поджечь три танка. Это несколько задержало атаку противника и дало возможность нашим подразделениям организованно отойти с высоты на новые позиции»[142].

Тем временем командование армии ввело в бой из своего резерва 363-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк (ИСУ-152 — 6, ИСУ-122 — 11), который развернулся на рубеже 1–1,5 км восточнее и юго-восточнее высоты 159,0 и своим огнем остановил продвижение немецких танков. Воспользовавшись этим, командир 1964-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка отвел свои батареи от высоты. В ночном бою за высоту 159,0 батареи полка подбили 13 танков и бронетранспортеров и уничтожили до 350 солдат и офицеров. Полк потерял 8 орудий.

Одновременно с ночной атакой на высоту 159,0 до двух батальонов пехоты противника с танками вели наступление в направлении на Шарашд и захватили опорный пункт Чиллаг. Командование 27-й армии ввело в бой на этом направлении 68-ю гвардейскую стрелковую дивизию, развернув ее на рубеже Шарашд, населенный пункт Генрих. В 4 часа утра 200-й полк этой дивизии (двухбатальонного состава) при поддержке огня артиллерии и минометов предпринял контратаку и выбил немцев из Чиллага. Для артиллерийского обеспечения этой контратаки привлекалась вся артиллерия дивизии, причем 2-й дивизион 320-го гаубичного артиллерийского полка в течение всего боя вел методический огонь осветительными снарядами, непрерывно освещая участок до 5 км по

фронту и до 3 км в глубину. За два часа дивизион израсходовал около тысячи осветительных снарядов. В эту же ночь 58-й гвардейский минометный полк М-13 произвел два дивизионных залпа и своим огнем способствовал овладению Чиллагом.

В последующие дни напряжение боев в полосе 27-й армии непрерывно нарастало.

С утра 11 марта немецкое командование снова ввело на направление главного удара все силы 3-го и 2-го танковых корпусов. Всего на участке озеро Веленце, канал Шарвиз действовало более 500 танков и штурмовых орудий. К поддержке наземных частей широко привлекалась авиация. В результате неоднократных атак немцам удалось потеснить наши части на 2–4 км и достигнуть рубежа 2 км юго-западнее Кишвеленце, Шандора.

Таким образом, к исходу 13 марта противнику удалось на его главном направлении только оттеснить части 163-й стрелковой дивизии и оседлать дорогу Кишвеленце-Адони-Саболч.

Учитывая нависшую угрозу прорыва немецких танковых дивизий к Дунаю, командование 3-го Украинского фронта и 27-й армии приняло все меры, чтобы остановить продвижение противника. Помимо 23-го танкового корпуса, с 10 по 12 марта в полосу обороны 35-го гвардейского стрелкового корпуса были переброшены 207-я самоходно-артиллерийская бригада (912, 1004, 1011-й сап), 1966-й и 521-й истребительно-противотанковые, 456-й легкий артиллерийский и 200-й минометный полки. Всего за три дня в полосе 78-й гвардейской и 163-й стрелковых дивизий было введено в бой 14 артиллерийских и минометных полков и более 150 танков и самоходно-артиллерийских установок, что значительно упрочило нашу оборону.

Одновременно с атаками в полосе 35-го гвардейского стрелкового корпуса немцы предприняли наступление на части 30-го стрелкового корпуса, сосредоточив основные усилия в полосе 68-й гвардейской стрелковой дивизии. После упорных боев, длившихся целый день, противнику удалось 11 марта захватить населенный пункт Генрих.

Ночью противник, заглушая шум моторов танков артиллерийскими огневыми налетами, скрытно подтянул к левофланговым подразделениям 36-й гвардейской стрелковой дивизии до 20 танков и начал атаку. Танки двигались медленно, ведя интенсивный огонь зажигательными снарядами, чтобы поджечь встречающиеся на их пути дома. Одновременно с этим наши ракетчики осветили местность, а стоявшие здесь в обороне батареи 1249-го истребительно-противотанкового артиллерийского и 1821-го самоходно-артиллерийского полков открыли огонь по противнику и подбили три танка.

Тем временем наша артиллерия, открыв огонь зажигательными снарядами, подожгла два дома на пути движения немецких танков. Две гаубичные батареи открыли огонь осветительными снарядами. Затем последовал сосредоточенный артиллерийский огонь по атакующим подразделениям противника, и атака захлебнулась. В течение ночи немцы еще трижды пытались атаковать на этом направлении, но так же безуспешно. В этом ночном бою 1249-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк подбил и сжег девять танков, рассеял до двух батальонов пехоты противника.

Учитывая, что противник, захватив населенный пункт Генрих, мог окружить части 36-й гвардейской стрелковой дивизии, командующий фронтом приказал отвести ее из района Аба.

Для огневого воздействия по прорвавшемуся в район Генриха противнику была привлечена артиллерия 68-й и 36-й гвардейских стрелковых дивизий, а также корпусная артиллерийская группа, которая к этому времени была усилена 173-й гаубичной артиллерийской бригадой (без 1159-го гап) и 45-м гвардейским минометным полком М-13 (из резерва армии). Помимо этого, к участку вклинения противника были сосредоточены с фронта и с флангов ранее действовавший здесь 1964-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, 484-й истребительно-противотанковый и 525-й легкий артиллерийские полки, прибывшие в армию после доукомплектования, и 170-я легкая артиллерийская бригада, поступившая еще 9 марта из резерва фронта.

С утра 15 марта немцы предприняли последнюю попытку атаковать наши позиции в полосе 35-го гвардейского стрелкового корпуса крупными танковыми силами, но также успеха не добились, а к концу дня вообще прекратили атаки на всем фронте 27-й армии.

В полосе 26-й армии в период боев с 11 по 15 марта главные события развернулись в треугольнике Шар Егреш, Шимонторниа, Цеце, где части 11-й гвардейской кавалерийской дивизии удерживали небольшой плацдарм на сходящихся ветвях каналов Шарвиз и Капош. Пытаясь овладеть переправами в этом районе, противник не прекращал своих атак ни днем ни ночью. Только в течение двух суток, 10 и 11 марта, немцы предприняли более 20 атак с участием крупных сил пехоты и танков.

Положение наших частей с самого начала осложнилось тем, что противник нанес свой удар по плацдарму в ночь на 11 марта во время смены частей 11-й гвардейской кавалерийской дивизии частями 202-й стрелковой дивизии. Внезапной атакой немцы ворвались на северную окраину Шимонторниа, а с рассветом после сильной артиллерийской

подготовки пытались прорваться к переправе через канал Капош. В отражении этой атаки решающую роль сыграл 227-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, который, вступив в бой с пехотой и танками противника, подбил десять танков и нанес тяжелые потери его атакующей пехоте.

Учитывая создавшееся положение, командование 26-й армии решило оставить части 11-й гвардейской кавалерийской дивизии на занимаемом рубеже. В боях 11 марта эти части восстановили положение в северной части города, а прорвавшуюся пехоту 2-го мотополка 1-й танковой дивизии СС окружили и полностью уничтожили. Большую роль сыграли в этом два дивизионных залпа 45-го гвардейского минометного полка М-13, огнем которых была накрыта основная часть прорвавшейся группы пехоты и танков противника.

Бои за плацдарм не прекращались ни днем ни ночью. Противник ввел в бой тяжелые танки, но с ними успешно боролись наши самоходно-артиллерийские установки СУ-100. Располагаясь скрытно в засадах, они внезапным огнем наносили противнику большие потери. В бою 11 марта 2-я батарея 1953-го самоходно-артиллерийского полка, заняв огневую позицию в густой лесной посадке юго-восточнее Шар Егреша, отразила атаку 14 танков противника, из которых три сожгла шестью выстрелами с дальности 1500 м.

В ночных боях для освещения поля боя успешно использовались зенитные прожекторы, которые были расположены на восточном берегу канала Шарвиз и в районе Цеце. Взаимодействуя с прожекторами, артиллерия успешно отразила четыре ночных атаки противника с участием танков в районе Шар Егреш. В одной из этих атак три вражеских танка, освещенные лучом прожектора, были уничтожены несколькими выстрелами артиллерии. При отражении ночных атак в районе Шимонторниа для освещения местности использовались ракеты и подручные средства.

С наступлением темноты 12 марта противник снова выбил подразделение, оборонявшееся в северной части Шимонторниа, а ночью форсировал канал Капош и переправил на его южный берег до двух рот пехоты. В ту же ночь до двух батальонов пехоты противника с 14 танками обошли противотанковый район с юга и вклинились в юго-западную часть города.

Во второй половине дня 13 марта, после того как 20 самолетов двукратно бомбардировали наши войска, до двух полков пехоты немцев с 25 танками атаковали подразделения 202-й стрелковой дивизии в

направлении на Шар Егреш с запада и с севера. Подразделения дивизии упорно оборонялись, но атаки противника не прекращались, хотя над полем боя нависла ночная мгла. Чтобы обеспечить борьбу с танками, наша авиация через каждые 20–30 минут сбрасывала осветительные бомбы, а пехота и артиллерия поджигали заранее подготовленные костры и постройки. Однако стоявший в эту ночь густой туман сильно снижал эффект освещения, и стрельба нашей артиллерии по танкам была затруднена. Немцам в конце концов удалось ворваться в Шар Егреш, после чего части 202-й стрелковой дивизии по приказу командования отошли в район Цеце, взорвав мост через канал Шарвиз. Высвободившиеся части артиллерии, в частности 208-я самоходно-артиллерийская бригада, 407-й легкий, 117-й истребительно-противотанковый, 268-й гвардейский зенитный артиллерийские полки и 227-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, были выведены в резерв фронта.

В течение 14 и 15 марта противник пытался расширить свои плацдармы на южном берегу каналов Капош и Елуша. Чтобы укрепить оборону на этом участке, командующий фронтом приказал поднять шлюзы канала Елуша у озера Балатон. Повысившийся уровень воды в канале затруднил переброску войск противника на захваченные им плацдармы. Командование армии воспользовалось этим, чтобы укрепить оборону по южному берегу канала. Это был последний рубеж, которого немцы достигли на участке 26-й армии за время своего наступления с 6 по 15 марта.

Несколько слов стоит сказать о наступлении немцев южнее озера Балатон. В полосе обороны 57-й армии немцы наступали силами трех пехотных дивизий. Главный удар они наносили из района Надьбайом, Куташ, в полосе обороны 64-го стрелкового корпуса. Там немцам удалось продвинуться на 20–30 км.

К 16 марта противнику удалось продвинуться в полосах 61-й гвардейской стрелковой и 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизий и к исходу 16 марта овладеть населенными пунктами Тотсентпаль, Уй и северо-западной частью Сенге. Для предотвращения дальнейшего продвижения противника командир корпуса ввел в бой 20-ю гвардейскую стрелковую дивизию на рубеже Ташка, Никла, Сенге, которая вместе с 32-й гвардейской механизированной бригадой отразила несколько настойчивых атак противника и закрепилась на указанном рубеже. Плотность нашей артиллерии на участке прорыва противника к этому времени достигла 48 орудий и минометов на 1 км фронта.

Встретив упорное сопротивление перед фронтом своих атак,

противник 17 марта вновь изменил направление своего удара. Теперь его основные усилия были направлены из района Сенге, Марцали на юг. Вначале противнику удалось потеснить оборонявшиеся части 20-й гвардейской стрелковой дивизии, однако с помощью подходивших в этот район резервов он был остановлен. На этом кончилась последняя попытка немцев прорвать оборону 57-й армии.

Итак, наступление немцев в районе озера Балатон закончилось неудачей. Оно стало последним большим наступлением вермахта во Второй мировой войне.

По советским данным, с 6 по 14 марта 1945 г. было уничтожено или захвачено 958 танков и САУ. Цифра эта, безусловно, преувеличена, но данных германской стороны мне найти не удалось.

Также не удалось найти данных о потерях советской бронетехники в боях за Будапешт и у озера Балатон. Поэтому я приведу общие потери 2-го Украинского фронта за январь — май 1945 г.

Всего потеряно 1881 танк и САУ. Из них от боевых повреждений — 1663, от «технических неисправностей» — 158 и от прочих причин — 60.

Потери от боевых повреждений распределяются следующим образом: 1568 — от артогня, включая реактивные гранатометы; 36 — от мин и фугасов; 59 — от авиации (то есть 3,5 %). Из 1663 единиц боевых потерь безвозвратно потеряно 875 (52,5 %). Из общего числа боевых потерь сгорело 800 танков и САУ (48,2 %).

По 3-му Украинскому фронту найдены потери за март 1945 г., то есть в основном за Балатонскую операцию. Всего потеряно 831 танк и САУ. Из них от боевых повреждений — 727 машин, от «технических неисправностей» — 76 и от прочих причин — 29.

Потери от боевых повреждений свелись исключительно к артогню. Все 727 машин стали жертвами пушек и гранатометов. Из них 367 (50,4 %) отнесены к безвозвратным потерям. Из общего числа боевых потерь сгорела 351 машина (48,2 %).

По авторской оценке, советская сторона в Балатонской операции потеряла как минимум в два раза больше танков и САУ, чем немцы. При этом германские тяжелые танки и САУ использовались достаточно грамотно. Неудача наступления была связана с фланговыми ударами советских войск и отсутствием у немцев должной артиллерийской поддержки (особенно орудиями большой и особой мощности), а также с превосходством в воздухе советской авиации.

За 10 дней оборонительного сражения артиллерия 3-го Украинского фронта израсходовала около 691,7 тысячи снарядов и мин. Кроме того, за

это же время было израсходовано более 23 тысяч мин полевой реактивной артиллерией и свыше 200 тысяч снарядов зенитной артиллерией. Таким образом, общий расход снарядов и мин составлял около 915 тысяч.

Среди орудий нарезной артиллерии наибольший расход боеприпасов имели 76-мм дивизионные пушки (26,5 %), которые несли на себе основную тяжесть борьбы с танками противника. В этой же связи нужно рассматривать значительный расход специальных боеприпасов — бронебойных, подкалиберных и кумулятивных снарядов, выпущенных за десять дней оборонительных боев более 67,5 тысячи штук, что составляет около 20 % общего расхода снарядов без мин.

Расход 100-мм снарядов оказался невелик — всего 1404 снаряда. 122-мм гаубицы выпустили 40 556 снарядов, 122-мм пушки — 5539, 152-мм гаубицы-пушки — 16 482 (то есть 2,3 %) и, наконец, 203-мм гаубицы Б-4 — всего 101 снаряд.

152-мм гаубицы в операциях в Венгрии не применялись.

Глава 3
Битва за Познань

После прорыва Красной Армии в исконно германские земли, то есть на территорию, веками принадлежавшую Пруссии, перед советским командованием возникла проблема германских городов-крепостей. Решить ее можно было двумя классическими путями: штурмом и блокадой.

Англичане и американцы, столкнувшись в Северной Франции с аналогичной проблемой, как правило, блокировали немецкие гарнизоны в городах-крепостях и УРах, а сами шли вперед. Причем в большинстве случаев блокаду окруженных германских гарнизонов вели французские части. Для англичан и американцев блокада облегчалась тем, что германские гарнизоны находились на берегах Атлантики и Ла-Манша, где безраздельно господствовал союзный флот. Наконец, сами немецкие гарнизоны были малочисленны и неспособны наносить серьезные удары в тыл союзникам.

Совсем иная ситуация сложилась на Восточном фронте. В городах-крепостях были сосредоточены сильные группировки немцев. Через эти города проходили стратегические коммуникации, и обойти их было достаточно сложно и небезопасно. Поэтому советское командование в большинстве случаев принимало решение штурмовать города-крепости. Исключение составляли лишь прибрежные города-крепости, как, например, Либава, капитулировавшая в начале мая 1945 г.

В 1945 г. такие решения Ставки поддерживали как на фронте, так и в тылу, но с 1960-х гг. они стали подвергаться критике деятелей «либеральной интеллигенции», большинство которой не видело разницы между пушкой и гаубицей.

Крупные германские города в Восточной Пруссии построены примерно по одной схеме. Новый город вплотную примыкает к старому, отгорожен от него полосой бульваров. Дома как в центре, так и на окраинах каменные, многоэтажные, с плоскими крышами. Широкие прямые улицы пересекают большие площади. Планировка города (обычно радиально-кольцевая или прямоугольная) облегчала продольный обстрел улиц и устройство на них различных фортификационных сооружений.

Парки, скверы, сады у отдельных зданий внутри нового города благоприятствовали маскировке живой силы и техники оборонявшихся и представляли собой удобные районы огневых позиций артиллерии и

минометов.

Кирпичные и каменные здания с массивными стенами позволяли создавать в них опорные пункты с многослойной системой огня, с хорошо укрытыми и трудноуязвимыми огневыми точками. Оборудование огневых точек в соседних зданиях и инженерные сооружения на прилегающих улицах превращали такой опорный пункт в хорошо укрепленный узел сопротивления.

Тесное расположение домов по улицам позволяло, проламывая стены домов и заборы между дворами и садами, скрытно перебираться из одного здания в другое, не выходя на улицу.

Бои за крепость Познань хорошо описал В. И. Чуйков, командовавший в 1945 г. 8-й гвардейской армией:

«25 января первый эшелон штаба армии развернулся в 12 километрах восточнее города в местечке Сважендз. К 12 часам стало известно, что наши части во многих местах к югу и к северу от Познани форсировали Варту, захватили плацдармы и расширяют их, двигаясь на запад. Новые попытки овладеть обводами восточных фортов Познани не принесли никаких результатов: там оборонялись, как доносили разведчики, очень сильные гарнизоны.

Оставлять Познаньскую крепость без сильной блокировки нельзя: враг мог вырваться и нанести удар в тыл наступающим частям. Но такая блокировка отнимет у нас много сил. Самое лучшее — разгромить гарнизон противника. Поэтому в тот же день было решено: силами 39-й гвардейской стрелковой дивизии, захватившей плацдарм севернее города, нанести удар и овладеть северными фортами. Командир 29-го гвардейского стрелкового корпуса, удерживающий плацдарм южнее Познани, двумя дивизиями атакует форты крепости с юга и юго-запада. Армейская танковая группа переправится через Варту южнее Познани и выйдет в район Юниково в готовности разгромить противника в случае его отхода из города на запад. Главные силы 4-го и 28-го гвардейских стрелковых корпусов продолжали наступать вдоль южного берега Варты на запад с ближайшей задачей — захватить с ходу Мезеритцкий укрепленный район и выйти на Одер. 1-й гвардейской танковой армии предстояло закончить переправу главных сил через Варту южнее Познани и, наступая быстрыми темпами, не давать противнику закрепиться на подготовленном рубеже.

Против фортов и укреплений Познани с востока развернулась на широком фронте одна 82-я гвардейская стрелковая дивизия. Частей 69-й армии вблизи города еще не было.

Выполняя это решение, части 4-го гвардейского стрелкового корпуса к

исходу дня 25 января своими передовыми частями вышли к Сборникам, 28-й гвардейский стрелковый корпус достиг рубежа Хмотово — Золотково, а 39-я гвардейская стрелковая дивизия развернулась на фронте Самоховице — Пентково и вплотную подошла к фортам крепости. Дивизии 29-го гвардейского стрелкового корпуса тем временем развернулись на фронте Виняры — Яниково — Антонин — Франово — Любонь — Юниково, обеспечивая форсирование реки танковой армией и ее наступление на запад.

Артиллерия резерва Главного командования, следовавшая в колоннах за войсками, была разделена на две мощные группы: северную и южную. Сотни ее стволов нацеливались на крепость. Общее наступление было назначено на утро 26 января.

В то время когда мы готовились к штурму, войска нашего соседа — 69-й армии — отставали от нас на два суточных перехода. Упрекать за это нельзя: всякое бывает, когда противник оказывает упорное сопротивление. Они были очень нужны нам, мы их ждали, но даже по радио не могли с ними установить связи. Запросили штаб фронта. Наш запрос вызвал удивление. Нас начали уверять, что части 69-й армии сражаются в центре города… Разбираться во всем этом нам было некогда…

Наконец-то появились части 69-й армии. Один ее корпус — 91-й — в составе двух слабоукомплектованных дивизий под командованием генерал-лейтенанта Ф. А. Волкова — вечером 27 января подошел к Познани и был подчинен мне для атаки и штурма крепостных сооружений.

К этому времени нам стало известно, что гарнизон города вместе с батальонами фольксштурма насчитывал до 60 тысяч человек. Впоследствии комендант Познани генерал Маттерн показал, что гарнизон города состоял из двух юнкерских школ, запасного учебного дивизиона штурмовых орудий, одиннадцати батальонов внутренней охраны, частей аэродромного обслуживания, учебного авиаполка, двух офицерских школ, двух саперных батальонов, боевой группы „ленцер“ из местных эсэсовцев, семнадцати рот, сформированных из солдат-отпускников и солдат 10-й моторизованной, 251, 6 и 45-й пехотных дивизий, разгромленных в предыдущих боях. Всей этой группировкой командовал полковник Коннель. Он принял гарнизон от генерал-майора полиции Маттерна, отстраненного от этой должности за неимением боевого опыта. Маттерн оставался в Познани, помогая новому коменданту крепости. Накануне нашего прихода к Познаньским укреплениям Коннель получил звание генерала»[143].

Несколько слов стоит сказать о крепости Познань, которую по-

немецки называли Posen или Posnan. Крепость была построена на перекрестке стратегических дорог в среднем течении реки Варты. Крепость расположена на господствующих высотах. С юга она прикрыта болотами Обры и Обрским каналом, а с северо-запада — изгибом реки Варты.

Крепость Познань известна с конца X века. А в 1873–1883 гг. вокруг крепости построили цепь фортов. Длина оборонительной линии, связывавшей форты, 27–28 км. Удаленность фортов от крепости — от 3 до 5 км. Между фортами построены укрепления.

В северной части города выстроена цитадель, примыкавшая своим флангом к Варте. Цитадель представляла собой неправильный шестиугольник.

К 1912 г. в гарнизоне крепости состояло 27 тысяч человек и 1350 орудий. Однако после 1919 г. цитадель и форты пришли в запустение, и лишь в конце 1944 г. немцы начали приводить их в порядок.

В качестве крепости Познань устарела уже к 1914 г., но тем не менее и в 1945 г. могла стать крепким орешком для советских войск. Не будем забывать, что в отличие от армий Германии, Франции и Австро-Венгрии 1914–1918 гг. Красная Армия к 1945 г. не могла сосредоточить против одной крепости 300–500 тяжелых гаубиц и мортир калибра 280–420 мм и пушек калибра 170–305 мм.

Ну а корпусная артиллерия — 122-мм пушки А-19 и 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 — была малоэффективна против фортов Познани.

В 1944 г. немцы в промежутках между фортами разместили десятки огневых точек, в том числе в бронебашнях. Для противовоздушной обороны Познани было построено 18 железобетонных площадок с зенитными орудиями и надежными укрытиями для прислуги и боеприпасов.

Немцы приспособили к обороне и многие кирпичные здания в городе, из которых обеспечивался круговой обзор. Окна полуподвальных помещений и первого этажа были заделаны мешками с песком, и в них оставлены только бойницы для стрельбы и наблюдения. В помещениях верхних этажей располагались пулеметчики, автоматчики и фаустпатронщики.

Почти все площади и парки города были использованы для оборудования артиллерийских позиций.

Взятие Познани было возложено на 29-й гвардейский и 91-й стрелковые корпуса, усиленные частями 29-й артиллерийской дивизии прорыва, 5-й дивизии реактивной артиллерии, 41-й пушечной артиллерийской и 11-й минометной бригад и др. Всего в войсках,

привлекаемых для штурма, имелось около 1400 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии, в том числе свыше 1200 единиц калибра от 76 мм и выше.

Предварительное разрушение фортов и артподготовка не проводились. 27 января 1945 г. артиллерия открыла огонь одновременно с поднявшейся в атаку советской пехотой. 3–5-минутными огневыми налетами наши артиллеристы подавляли живую силу и огневые средства противника до тех пор, пока наша пехота не прошла в промежутки между ними и не блокировала их.

Для действий внутри фортов и на улицах города наше командование создало специальные штурмовые группы. Так, например, в состав одной из штурмовых групп в боях за Познань было включено: стрелков и автоматчиков — 41; 76-мм полковых пушек — 1; 76-мм дивизионных пушек — 3; 45-мм противотанковых пушек — 1; 122-мм гаубиц — 2; танков Т-34 — 2. В состав другой штурмовой группы того же стрелкового полка было включено: стрелков и автоматчиков — 25; 76-мм дивизионных пушек — 1; 122-мм гаубиц — 2; танков и самоходно-артиллерийских установок — 3. Третья штурмовая группа имела: стрелков и автоматчиков — 18; 76-мм полковых пушек — 1; 76-мм дивизионных пушек — 8; 122-мм гаубиц — 2; танков Т-34 — 1.

Несколько штурмовых групп и отрядов были усилены 152-мм гаубицами-пушками МЛ-20 и даже 203-мм гаубицами Б-4.

Рассмотрим несколько примеров действий нашей артиллерии при штурме фортов Познани.

«Бой за форт Бонин вела штурмовая группа, в которую входили стрелковая рота неполного состава, рота 82-миллиметровых минометов, рота саперов, отделение химиков-дымовиков, два танка Т-34 и батарея 152-миллиметровых орудий.

После артиллерийской обработки форта штурмовая группа под прикрытием дымовой завесы ворвалась в центральный вход. Ей удалось овладеть двумя центральными воротами и одним из казематов, прикрывавшим подход к этим воротам. Противник, открыв сильный ружейно-пулеметный огонь из других казематов и применив также фаустпатроны и гранаты, отбил атаку.

Мы тут же поняли причины неудачи. Оказалось, что форт штурмовали только со стороны главного входа, не сковывая противника с других направлений. Это позволило ему сосредоточить все силы и весь огонь в одном месте. Кроме того, практика показала, что для штурма фортов калибр орудий 152 миллиметра явно недостаточен.

Вторая атака началась после обработки форта тяжелыми орудиями, стрелявшими бетонобойными снарядами. Штурмовая группа подступала к противнику с трех направлений. Артиллерия и во время штурма не прекращала огня по амбразурам и уцелевшим огневым точкам. После короткой борьбы противник капитулировал.

Продвижению наших войск сильно мешал мощный дот. Ликвидировать его поручили группе саперов под командованием старшего лейтенанта Проскурина. Вооружившись гранатами и взрывчаткой, саперы поползли к доту. Их прикрывала стрелковая рота, которая из противотанковых ружей и ручных пулеметов вела огонь по вражеским амбразурам.

Проскурин и его подчиненные быстро достигли дота, но его гарнизон вызвал на себя огонь артиллерии и минометов. Наши бойцы не дрогнули. Под градом осколков саперы пробрались к огневой точке и заложили 50 килограммов взрывчатки у амбразуры. Взрывная волна оглушила фашистов. Саперы ворвались в дот. После короткой схватки вражеский гарнизон был уничтожен»[144].

Упорное сопротивление оказал гарнизон форта Грольман. Этот форт не входил во внешнюю цепь фортов, а находился в центре города. Гарнизон форта вел сильный огонь, простреливая ближние подступы, а огнем из башен крепости держал под обстрелом прилегающие улицы.

Советская артиллерия вела интенсивный огонь с закрытых позиций по форту Грольман, однако не сумела нанести ему существенных повреждений.

Тогда были созданы специальные штурмовые группы в составе: автоматчиков и стрелков — 50; 76-мм полковых пушек — 2; 45-мм пушек — 2; 76-мм дивизионных пушек — 8; 122-мм гаубиц — 4; 152-мм гаубиц-пушек — 3; 203-мм гаубиц — 1; огнеметчиков — 6.

Огонь двадцати орудий разных калибров, в том числе и крупных, должен был подготовить условия для успешного штурма автоматчиками мощного опорного пункта противника — форта Грольман.

В ночь на 2 февраля 1945 г. все орудия, обеспечивавшие действия штурмовой группы, были выдвинуты на огневые позиции для стрельбы прямой наводкой на северную окраину парка, находившегося в 200 м перед фортом. Каждое орудие получило конкретную задачу, которая была поставлена с учетом его огневых возможностей.

Артиллерия заняла и оборудовала огневые позиции ночью. Во время вывода орудий на огневые позиции наша пехота вела огонь по бойницам и амбразурам форта, прикрывая вывод орудий.

152-мм орудия МЛ-20 были подвезены к огневым позициям автомобилями-тягачами, а на самую позицию подтягивались вручную силами орудийных расчетов своего и соседних орудий.

203-мм гаубица Б-4 была выведена на огневую позицию в вооруженном виде[145] с началом обстрела форта другими орудиями. Ее установили в заранее подготовленный котлован.

45-мм и 76-мм пушки получили задачу вести огонь по бойницам форта осколочными гранатами.

122-мм и 152-мм орудиям была поставлена задача разрушить башни форта в его верхней части, в которых находились пулеметчики и автоматчики противника.

203-мм гаубица должна была сделать пролом в стене форта. Для этой цели ее огневую позицию подготовили на удалении 300 м от стен форта. Огонь велся прямой наводкой.

Огнеметчики, входившие в состав штурмовой группы, должны были в конце артиллерийской подготовки зажечь форт, направив струи огня через амбразуры.

С утра 2 февраля 1945 г. по сигналу старшего артиллерийского командира, руководившего действиями этих двадцати орудий, все орудия открыли огонь по форту. Обстрел форта продолжался 20 минут.

45-мм и 76-мм орудия, входившие в состав штурмовой группы, наведенные каждое в указанную ему амбразуру, осколочными снарядами поражали живую силу противника внутри форта.

203-мм гаубица Б-4, выдвинутая для стрельбы прямой наводкой, произвела семь выстрелов по стене форта, в результате чего в стене было проделано два пролома размером более одного квадратного метра каждый.

По сигналу старшего артиллерийского командира, находившегося на огневой позиции, огонь орудий был внезапно прекращен. Огнеметчики, выдвинувшиеся вперед к стенам форта, выпустили в проломы в стене несколько очередей из огнеметов и подожгли форт.

В этот момент автоматчики штурмовой группы поднялись в атаку и вскоре овладели всеми помещениями форта.

В результате мощного обстрела двадцатью орудиями разных калибров прямой наводкой форт был значительно поврежден, а его огневые средства подавлены. Огнеметчики и автоматчики штурмовой группы завершили уничтожение живой силы, оборонявшейся в казематах форта.

А теперь перейдем к примерам использования артиллерии в уличных боях в Познани. Так, 240-й гвардейский стрелковый полк вел ожесточенный бой за опорный пункт немцев, расположенный на

территории мясокомбината.

Для штурма мясокомбината была создана штурмовая группа в составе 50 человек. На ее усиление выделили батарею 76-мм дивизионных пушек, две полковые 76-мм и две 45-мм пушки.

Мясокомбинат состоял из большого четырехэтажного корпуса с системой вспомогательных зданий, прилегавших к главному корпусу. Группа зданий мясокомбината была обнесена кирпичной стеной, доходившей до второго этажа центрального корпуса.

Из окон третьего и четвертого этажей немцы обстреливали ружейно-пулеметным огнем подступы к стене, а при попытке наших артиллеристов выкатить орудия для стрельбы прямой наводкой забрасывали их фаустпатронами.

Под покровом ночи три орудия были поставлены на расстоянии 350–400 м от здания и получили возможность вести огонь по третьему и четвертому этажам здания. Одну 76-мм полковую пушку поставили у противоположного угла здания с задачей вести огонь от угла улицы по верхним этажам здания мясокомбината.

Из состава штурмовой группы была выделена захватывающая подгруппа в составе 25 человек с двумя орудиями. Она получила задачу обойти мясокомбинат справа и, проделав в опоясывающей его стене пролом при помощи тола, вкатить в этот пролом орудие, которое должно было немедленно открыть огонь по центральному входу (воротам) корпуса. Другое 76-мм полковое орудие должно было прикрывать огнем действия первого орудия.

Остальная артиллерия штурмовой группы должна была по сигналу открыть огонь по окнам третьего и четвертого этажей с фронта одновременно с ведением огня пехотой с задачей отвлечь внимание противника на себя и своими действиями сковать его.

Из состава штурмовой группы 25 человек остались в подгруппе обеспечения, которая должна была своим огнем и демонстрацией штурма сковать противника и отвлечь на себя его огонь из окон фронтальных стен.

Ночью все орудия были поставлены на огневые позиции, забаррикадированы кирпичом, бревнами и другим подручным материалом.

Захватывающая подгруппа с двумя орудиями к рассвету обошла здание мясокомбината и подошла к тому месту, где саперы заложили под стену бочки с толом.

По команде командира штурмовой группы орудия дали несколько залпов по окнам здания, и в этот же момент саперы произвели взрыв стены.

В образовавшийся пролом шириной около трех метров сразу же была

выдвинута 76-мм дивизионная пушка. Вкатив орудие прямо в ворота центрального корпуса, командир орудия открыл огонь осколочными гранатами и картечью.

Немцы, не ожидавшие такого удара с тыла, были ошеломлены, что способствовало быстрейшему их уничтожению. Гарнизон первого этажа здания был полностью уничтожен. Расчет орудия, укрываясь за щитом, вел беглый огонь по внутренним стенам цеха.

76-мм полковая пушка, заняв огневую позицию в проломе стены, проделанном саперами, произвела несколько выстрелов по окнам второго и третьего этажей тыльной стены, обеспечив этим захватывающей подгруппе возможность ворваться в ворота мясокомбината и быстро овладеть первым этажом главного корпуса. В момент броска захватывающей подгруппы 76-мм дивизионная пушка огонь прекратила.

Противник, почувствовав опасность нанесенного нашей штурмовой группой удара с тыла, направил часть своих огневых средств к окнам тыльной стены, но в это время захватывающая подгруппа уже ворвалась во второй этаж и там завязала бой с гарнизоном мясокомбината.

Подгруппа обеспечения под прикрытием огня орудий, ведущих огонь с фронта по верхним этажам здания, приблизилась вплотную к стене и с прекращением огня артиллерией ворвалась в боковые ворота и во двор мясокомбината с восточной стороны. Завязался бой внутри здания.

В течение всего дня штурмовые группы очищали мясокомбинат от противника и с помощью подошедшего подкрепления из состава того же полка к вечеру полностью овладели центральным корпусом мясокомбината и прилегающими к нему зданиями.

В ходе боев за отдельные объекты внутри крупных населенных пунктов, представлявшие собой целый комплекс зданий и различного рода сооружений, практиковался сплошной поджог этих зданий. С этой целью в состав штурмовых групп включались огнеметные подразделения ранцевых огнеметов или же огнеметные танки.

В боях за Познань немцы, задерживая продвижение правого фланга 27-й гвардейской стрелковой дивизии, упорно обороняли один из кварталов города, в котором находился крупный завод с большим количеством корпусов.

Неоднократные попытки штурмовать заводские здания успехом не увенчались. Тогда командир 27-й гвардейской стрелковой дивизии решил уничтожить этот узел сопротивления противника путем последовательного поджога зданий из ранцевых огнеметов.

Для решения этой задачи было создано шесть штурмовых групп,

состоявших в основном из огнеметчиков. Каждая группа имела не более 5 стрелков, 10 саперов (из которых было 4 огнеметчика, один сапер-дымовик, 4 сапера-штурмовика), два 76-мм орудия. Большое количество штурмовых групп (шесть) определялось планом штурма. Объект штурма был разделен на шесть «участков поджога», и в задачу входило обеспечение огнем личного оружия и огнем орудий, стрелявших прямой наводкой, подхода огнеметчиков к участкам поджога. Каждому командиру орудия были поставлены конкретные задачи командиром саперного отделения, входившего в состав соответствующей штурмовой группы.

Одновременно все штурмовые группы начали штурм. Саперы под прикрытием огня орудий и автоматчиков проникли в заводские здания и в течение нескольких минут зажгли восемь заводских корпусов. После этого немцы оставили обороняемый ими квартал и частично сдались в плен.

В ходе уличных боев в ряде городов нашей наступавшей пехоте приходилось вызывать артиллерийский огонь по тому же зданию, в котором она вела бой с противником. Иногда расстояние от нашей пехоты до противника составляло всего несколько метров и отделялось стеной, комнатой или лестницей этажа. Нередко небольшим группам нашей пехоты в ночное время удавалось проникнуть в здание, занятое противником, и завязать с ним бой внутри этого здания.

Дым от разрывов, а также известковая пыль от разрушенных зданий, поднимавшиеся во время артиллерийского обстрела, до некоторой степени ослепляли противника, засевшего в здании. Наша пехота, воспользовавшись этим, преодолевала обстреливаемое противником пространство и проникала в здание.

«После 12 февраля главное внимание было приковано к Цитадели — центру обороны познаньского гарнизона. По мере приближения наших войск к этому центру упорство сопротивления противника возрастало. Некоторые читатели могут подумать: зачем нужно было упорно драться за Цитадель, не лучше было бы ее блокировать и брать измором. Рядом с Цитаделью находился узел железных дорог, который был крайне необходим для подвоза снабжения всех войск фронта. Поэтому штурм Цитадели продолжался до полной ликвидации в ней противника. До этого момента наши войска в основном имели дело с подразделениями и частями, которые, отступая от берегов Вислы, задержались в крепостных сооружениях Познани. Они, несмотря на солидные укрепления, не выдерживали ударов штурмовых групп. Но когда наши части, овладев внешними фортами, подошли к Цитадели, то жестокость сопротивления достигла предела. Осажденный гарнизон крепостных частей сопротивлялся

с яростью обреченных.

В самой Цитадели укрывалось около 12 тысяч солдат и офицеров во главе с двумя комендантами — экс-комендантом генералом Маттерном и матерым нацистом генералом Коннелем.

Цитадель размещалась на холме, она господствовала над городом. Форты и равелины были укрыты трехметровым слоем земли.

Подступы к внутренним фортам и равелинам прикрывались широким и глубоким рвом. Этот ров простреливался фланговым огнем из казематов через бойницы, невидимые со стороны наступавших.

Стены рва высотой 5–8 метров были выложены кирпичом. Танки не могли преодолеть это препятствие. На помощь им подтянули тяжелые орудия. С дистанции триста метров они били по Цитадели. Но даже 203-миллиметровые снаряды, ударяясь в стены, особого разрушения не производили, а, попадая в насыпи над перекрытиями фортов и казематов, оставляли только воронки, как бы перелопачивая уже перепаханную землю»[146].

Штурм Цитадели начался 18 февраля. Под прикрытием огня артиллерии пехотинцы и саперы форсировали ров. К вечеру 19 февраля саперы начали строить мосты на козловых опорах через крепостной ров длиной 12,5 м. К рассвету мост был готов, но вскоре уничтожен огнем противника. Мост восстановили к утру 21 февраля.

«Под прикрытием дымовой завесы через ров переправились 14 пушек, часть из них сейчас же открыла стрельбу прямой наводкой по вражеским амбразурам. Пулеметной очередью враг пересек одну из козловых опор моста, но ее быстро восстановили.

Огнеметчик ефрейтор Сервиладзе под прикрытием огня пехоты спустился с вала и поджег два дома у редута № 2 в Цитадели. Через некоторое время из горящего дома вышли и сдались в плен около двухсот немецких солдат и офицеров. Воспользовавшись этим, наша пехота спустилась со рва и вошла в Цитадель.

Возвращаясь после выполнения задания на заправку огнемета, ефрейтор Сервиладзе встретил раненого товарища. Взяв его заправленный огнемет, он вновь возвратился в Цитадель и, зайдя противнику в тыл, залил огненной струей амбразуры редута, простреливавшие ров и вал. Редут надолго смолк. Саперы тем временем пробирались по насыпи перекрытия и опускали мелкие заряды взрывчатки в вентиляционные и дымовые трубы казематов, уничтожая засевших там гитлеровцев.

В полдень приступили к постройке тридцатитонного моста для танков. Он возводился на клеточных опорах рядом с мостом для артиллерии.

Вначале дело шло быстро. Части выделили людей, которые перенесли к месту постройки лесоматериал. В этой работе активно участвовали местные жители. Была уже завершена установка опор, когда ожили до этого молчавшие амбразуры в крепостной стене. Всякий, кто показывался на мосту, падал раненым или убитым. Снова пришлось прибегнуть к бочкам со взрывчаткой и огнеметам. На подавление вражеских огневых точек ушло много времени и сил. Противник разгадал наш прием и установил в одном из казематов пулемет, прикрывающий подходы ко рву. Только после сильного задымления редута № 1 удалось сбросить в ров бочку с взрывчаткой. Но этот взрыв не подавил все амбразуры. Тогда к краю рва подошли наши огнеметные танки, но амбразуры были расположены слишком низко и потому оказывались в мертвой зоне, струи огнеметов и снарядов танковых пушек не попадали в них. И опять выручила смекалка наших воинов. Подбираясь к амбразурам с безопасных направлений, они бросали перед ними ящики, бочки, бревна, создавая завал, который плотной стеной вырастал перед амбразурой, ослепляя и обезоруживая врага. Вот уже заглохли нижние окна редута № 1. Работать саперам стало спокойнее.

Я торопил с постройкой моста, считая, что только ввод танков в Цитадель позволит быстро завершить ликвидацию окруженной группировки противника. Задача эта была поручена 261-му инженерно-саперному батальону. Командир батальона сам произвел разведку и принял решение взорвать земляной вал и стены крепостного рва, создав, таким образом, аппарели для въезда танков. В полночь прогремел мощный взрыв. Наружная стена рва и вал были разрушены до основания. Чтобы уменьшить крутизну откосов, дополнительно произвели три взрыва. В 3 часа ночи 22 февраля танки и самоходная артиллерия 259-го танкового и 34-го тяжелого танкового полков вошли в Цитадель. Только тогда гитлеровцы группами от 20 до 200 человек стали сдаваться в плен…

Ожесточенные бои шли на всех участках. Западный равелин Цитадели блокировали гвардейцы 27-й стрелковой дивизии совместно с танкистами 259-го и 34-го танковых полков. Заместитель командира дивизии генерал М. И. Дука предложил гарнизону равелина сдаться. Фашистские офицеры ответили отказом, гарнизон продолжал сопротивляться. Генерал Дука — бывший командир одного из соединений белорусских партизан — применил против врага свой, партизанский метод. По наклону к главному входу в равелин покатились горящие бочки с мазутом. Жаркий, удушливый дым выкурил фашистов из их нор, и они выползли с поднятыми руками»[147].

Действия против фортов и уличные бои в Познани дали командованию Красной Армии бесценный опыт, который был использован при штурмах Кёнигсберга и Берлина.

Глава 4
Советская железнодорожная артиллерия накануне войны

В середине 20-х гг. XX века все советские железнодорожные установки были переданы военным морякам. Основных причин для этого было две. Во-первых, патологическая боязнь советского военного и политического руководства британского Гранд Флита. И маршалы, и члены Политбюро были уверены, что британские линкоры подойдут вплотную к нашему побережью и начнут расстреливать советские порты и города. Соответственно, их должен будет встретить огонь береговых батарей и железнодорожных установок.

Второй причиной передачи флоту железнодорожной артиллерии было питание их исключительно выстрелами корабельных орудий.

Для сравнения, в Германии в 1939–1945 гг. около 80 % железнодорожных установок, включая самые крупные, принадлежали вермахту, и лишь немногочисленные установки калибра 15–20,3 см — флоту. Причем у многих установок, в том числе 29-см, 38-см и 40,6-см, качающиеся части были взяты от морских артсистем.

Командование РККА прекрасно понимало значение тяжелой железнодорожной артиллерии в боевых действиях на суше и тоже желало иметь свою железнодорожную артиллерию.

Так, в утвержденном 3 августа 1933 г. списке артиллерийского вооружения на 1933–1937 гг. для артиллерии «резерва Главнокомандования» планировалось иметь 180-мм железнодорожные пушки с дальностью стрельбы до 42 км и 356-мм пушки с дальностью стрельбы 27–28 км. Однако эти планы так и остались на бумаге.

5 апреля 1938 г. была составлена новая система вооружений 1938 г. В ней уже предусматривалось создание железнодорожных 180-мм и 356-мм пушек с дальностью стрельбы 48 км и 77 км снарядами весом 70 кг и 508 кг, а также 500-мм гаубиц с дальностью стрельбы 25 км снарядом весом 1250 кг.

Работы над 356-мм пушкой и 500-мм гаубицей начались в конце 1938 г. Головным разработчиком (разработка качающейся части) было ОТБ НКВД (шарашка в ленинградской тюрьме «Кресты»). К июню 1941 г. были изготовлены качающиеся части 356-мм пушки ТП-1 и 500-мм гаубицы

ТГ-1, а также один универсальный железнодорожный транспортер. Для проведения полигонных испытаний транспортер и обе качающиеся части были доставлены на АНИОП, где в конце лета 1941 г. должен был состояться отстрел обеих систем.

По плану к концу 1942 г. должно было быть изготовлено 16 гаубиц и 14 пушек на железнодорожных установках. Однако производство систем отставало от графика, так как многие заводы оказались загружены работами по созданию «большого флота».

В боевых действиях обе системы не участвовали, а после войны находились несколько лет на хранении, а потом сданы на лом.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны в СССР имелись только железнодорожные установки ВМФ.

Таблица 24

Номер батареи	Калибр орудия, мм	Транспор-тер	Число орудий	Место базирования
№ 6	356	ТМ-1-14	3	Дальний Восток
№ 11	356	ТМ-1-14	3	Полуостров Пактри (Эстония)
№ 7	305	ТМ-2-12	3	Дальний Восток
№ 8	305	ТМ-2-12	3	Дальний Восток
№ 9	305	ТМ-3-12	3	Полуостров Ханко
№ 10	203	ТМ-8	2	Дальний Восток
№ 12	180	ТМ-1-180	4	Полуостров Пактри
№ 16	180	ТМ-1-180	4	Новороссийск
№ 17	180	ТМ-1-180	4	Полуостров Ханко
№ 18	180	ТМ-1-180	4	Лиепае (Либава)
№ 19	180	ТМ-1-180	4	Достраивалась в Николаеве, затем переведена в Ленинград.

В июле 1941 г. Военный совет Балтийского флота принял решение установить на железнодорожные платформы морские орудия калибра 100–152 мм, предназначенные для строившихся кораблей и состоявшие на хранении в арсенале.

Для создания железнодорожных транспортеров 100–152-мм орудий использовались обычные четырехосные железнодорожные 60-тонные платформы. У такой платформы снимался деревянный настил и вместо него настилался рифленый стальной лист. В центре платформы к балкам был приварен стальной лист толщиной 50 мм. К этому листу крепили артиллерийскую установку. Причем артиллерийские установки 130/50-мм Б-13, 120/50-мм и 100-мм Б-24 оставались практически без изменений.

Таким образом, были получены обычные корабельные установки на центральном штыре с круговым обстрелом. Транспортеры имели четыре опорные ноги, шарнирно скрепленные с платформой. Приводы наведения, подачи боеприпасов и др. были исключительно ручные.

Переделки в железнодорожной платформе и монтаж корабельной установки осуществлялись за 1–4 дня.

Единственное оригинальное решение имелось в конструкции некоторых 152-мм железнодорожных установок. Их 152/57-мм орудия Б-38 предназначались для башен крейсеров типа «Чапаев». Установка башенного станка на железнодорожную платформу была сложна и требовала создания многих новых устройств, в том числе поворотного механизма. Поэтому 152-мм качающиеся части Б-38 устанавливали на станки от 203/45-мм пушек, спроектированных в 1891 г. Другую часть 152/57-мм железнодорожных установок установили на станках береговых установок МУ-2.

Всего в 1941 г. было установлено на железнодорожных платформах четыре 152/57-мм, тридцать шесть 130/50-мм, четыре 120/50-мм и две 100-мм корабельные пушки.

Первоначально командование фронтом бессистемно передавало железнодорожные установки как Балтийскому флоту, так и отдельным сухопутным частям. Так, например, батареи № 41 и № 42, вооруженные каждая двумя 152/57-мм пушками Б-38, были переданы армии и включены в состав Невского укрепленного сектора. Все батареи имели двузначные номера. Сухопутные начальники не разбирались ни в морских орудиях, ни в железнодорожных транспортерах, армия не располагала боеприпасами для этих пушек, и в конце концов было решено сосредоточить всю железнодорожную артиллерию под единым командованием.

8 января 1942 г. была сформирована 101-я морская железнодорожная артиллерийская бригада в составе семи отдельных дивизионов, 11-й отдельной батареи и бронепоезда № 30. Перед бригадой ставились задачи контрбатарейной борьбы с германской артиллерией, ведущей огонь по городу, огневой поддержки наступающих войск Ленинградского фронта, обеспечения морских коммуникаций Ленинград — Кронштадт.

В состав бригады вошли 16 двухорудийных 130-мм батарей, которые до января 1942 г. были переданы армиям Ленинградского фронта, и 12 батарей из состава Балтийского флота. 101-я морская бригада железнодорожной артиллерии была подчинена командиру Ленинградской ВМБ.

Где-то в середине марта 1942 г. двузначные номера железнодорожных

батарей калибра 100–152 мм были заменены на четырехзначные, но номера батарей калибра 180–356 мм остались без изменений.

К 15 мая 1942 г. в составе 101-й бригады железнодорожной артиллерии состояли:

отдельная железнодорожная батарея № 11 (356-мм);

бронепоезд № 30;

401-й дивизион железнодорожной артиллерии — железнодорожные батареи № 12 (180-мм), № 18 (180-мм) и № 19 (180-мм);

402-й дивизион железнодорожной артиллерии — железнодорожные батареи № 1100 (130-мм), № 1101 (130-мм), № 1102 (130-мм);

403-й дивизион железнодорожной артиллерии — железнодорожные батареи № 1104 (130-мм), № 1105 (130-мм), № 1106 (130-мм) и № 1107 (130-мм);

404-й дивизион железнодорожной артиллерии — железнодорожные батареи № 1108 (103-мм), № 1109 (130-мм), № 1110 (130-мм) и № 1111 (130-мм);

405-й дивизион железнодорожной артиллерии — железнодорожные батареи № 1112 (130-мм), № 1113 (130-мм), № 1114 (130-мм) и № 1115 (130-мм);

406-й дивизион железнодорожной артиллерии — железнодорожные батареи № 1116 (130-мм), № 1117 (130-мм), № 1118 (130-мм) и № 190 (германские 88-мм);

407-й дивизион железнодорожной артиллерии — железнодорожные батареи № 1120 (100-мм), № 1121 (152-мм) и № 1122 (152-мм).

Действия железнодорожных установок под Ленинградом подробно описаны в моей книге «Время больших пушек. Битва за Ленинград и Севастополь», и тут я лишь отмечу, что командование Ленинградского фронта несколько раз делало попытки подчинить себе железнодорожные установки и изъять их из ведения ВМФ. Тем не менее наркому ВМФ удалось отстоять железнодорожные установки, и они лишь оперативно подчинялись армейским начальникам.

Таблица 25. **Данные отечественных железнодорожных установок**

Артустановка	ТМ-1-14	ТМ-3-12	ТМ-1-180	Б-64	Б-57	ТП-1	ТГ-1
Калибр, мм	356	305	180	152	130	356	500
Длина ствола, калибр	52	52	57	57	50	54,4	27,7
Вес ствола, т	83,3	50,7	17,3	11,2	5,1	85	85,1
Максимальный угол возвышения, град.	50	50	50	35	45	50	70
Угол ГН, град.*	5	6	360	360	360	6	6
Длина транспортера, м	35,8	33,9	20	—	—	33,9	33,2
Число осей транспортера	18	16	8	4	4	16	16
Вес артустановки, т	412	340	160	—	—	360,4	353,3
Вес снаряда, кг	748**	470,9***	97,5	55	34	750	2080
Начальная скорость снаряда, м/с	731,5	762	920	950	870	870	490
Дальность стрельбы, км	31	29,3	38,6	27,9	25,6	48,9	19,5
Скорострельность, выстрелов в минуту	1,5	1,8—3	3—5	5—6	6—12	1,3	0,5

* Установки ТМ-1-14 и ТМ-3-12, поставленные на бетонные основания, имели круговой обстрел.

** Данные для фугасного снаряда обр. 1913 г. Для снаряда обр. 1928 г. весом 512,5 кг начальная скорость 980 м/с, а дальность 52,9 км.

*** Данные для фугасного снаряда обр. 1911 г. Для снаряда обр. 1928 г. весом 314 кг начальная скорость 950 м/с, а дальность 46 км.

Глава 5
Боевые действия 16-й батареи на Кавказе

16-я 180-мм батарея до начала 1940 г. дислоцировалась в Одессе. В январе 1940 г. ее отправили в Ленинград, но в боевых действиях она не участвовала. В апреле 1940 г. батарея № 16 возвращена Черноморскому флоту и отправлена в порт Туапсе. В июле 1940 г. были оборудованы огневые позиции, и батарея провела несколько стрельб по морским целям.

К началу войны в личном составе батареи имелось 32 офицера, 119 старшин и сержантов и 219 краснофлотцев. Всего 370 человек.

В период Туапсинской оборонительной операции (август — декабрь 1942 г.) 16-я батарея в соответствии с директивой Военного Совета Черноморского флота была придана в оперативное подчинение 17-му кавалерийскому корпусу (с октября 1942 г. — 4-му гвардейскому) под командованием генерал-лейтенанта Н. Я. Кириченко. Основная база батареи находилась в районе железнодорожной станции Шепси.

Любопытно, что одной из задач батареи в 1941 г. — первой половине 1942 г. была оборона морского побережья в районе от Ново-Михайловки до станции Лазаревская. Тут поневоле возникает вопрос: от кого? Увы, до конца 1942 г. наши адмиралы вели виртуальную войну на Черном море с итальянским флотом. Было потоплено не менее 14 итальянских подводных лодок и даже два крейсера. Соответственно 16-я батарея должна была поражать итальянские линкоры и крейсера. Увы, в 1944 г. выяснилось, что итальянские силы на Черном море были представлены шестью сверхмалыми подводными лодками (и ни одна из них не была потоплена) и несколькими диверсионными катерами, перевозившимися на автомобилях.

С подходом германских войск к Туапсе 16-я батарея с огневых позиций в районе станций и разъездов Ашиш, Гойтх, Индюк и других вела огонь по скоплениям танков, крупнокалиберным батареям и другим объектам противника в районе станиц Кабардинская и Ходыженская. Одновременно батарея обороняла морское побережье от Ново-Михайловки до Лазаревской.

Согласно донесениям командования, в результате обстрелов батареей расположения вражеских войск было подавлено и уничтожено 5 артиллерийских и 2 минометные батареи, уничтожено 8 и подбито 4 танка, свыше 70 автомашин с войсками, взорвано 6 складов с боеприпасами.

12 августа 1942 г. в 16 ч 00 мин 18 германских самолетов нанесли удар

по транспортерам № 1 и № 3 в районе станции Лазаревская. У транспортера № 3 было повреждено орудие и одна из тележек. В течение недели артустановку отремонтировали силами личного состава батареи.

13 августа германские самолеты со стороны моря атаковали 2-й и 4-й транспортеры, стоявшие в районе станции Шепси. Матчасть не пострадала, но было убито как минимум 4 человека.

7 октября 1942 г. в 12 ч 30 мин четыре бомбардировщика Хе-111 атаковали огневую позицию 16-й батареи в районе разъезда Греческий. Две 250-кг бомбы упали рядом с транспортом, но повреждений матчасти и потерь среди личного состава не было.

Судя по всему, последняя боевая стрельба 16-й батареи производилась 18 января 1943 г., когда с 15 ч 35 мин до 15 ч 50 мин батарея выпустила 5 снарядов по населенному пункту Куринская.

Упоминаний о последующем боевом использовании батареи автору найти не удалось.

Глава 6
Действия 152-мм железнодорожной батареи № 680 в Сталинграде

Осенью 1941 г. из Ленинграда в Сталинград на завод «Баррикады» было доставлено несколько качающихся частей 152-мм пушек Б-38, которые предназначались для строившихся крейсеров проекта 68. В начале 1942 г. завод «Баррикады» с помощью завода «Судоверфь» приступил к монтажу этих качающихся частей на восьми железнодорожных транспортерах Б-64. Однако к августу 1942 г. удалось закончить только три 152-мм железнодорожных установки.

23 августа 1942 г. по приказанию командующего Сталинградским фронтом и командующего Волжской военной флотилией для защиты города началось формирование 680-й железнодорожной батареи в составе четырех взводов (134 человека): огневого, железнодорожного, управления и ПВО. На вооружении батарея имела три 152-мм орудия и пулеметы. Боекомплект батареи составлял 1 197 152-мм снарядов.

25 августа 680-я отдельная железнодорожная батарея Волжской военной флотилии была оперативно подчинена командующему 62-й армии.

6 сентября командующий флотилией приказал командиру 680-й батареи изготовить ее к бою к 4 ч 00 мин 7 сентября 1942 г. Первую боевую позицию было приказано подготовить и тщательно замаскировать на заводе «Баррикады».

Первую стрельбу батарея произвела в 15 ч 00 мин 8 сентября 1942 г., выпустив по участку Гумрак 16 снарядов и вызвав пожар в районе цели.

9 сентября в 12 ч 00 мин батарея выпустила 15 снарядов по поселку Верхняя Ельшановка. В 15 ч 46 мин произведен второй огневой налет по району Гумрак и юго-восточнее его, выпущено 27 снарядов.

10 сентября в 5 ч 30 мин 680-я батарея выпустила по поселку Сталинградский и по перекрестку дорог 25 снарядов и по селу Воропоново 11 снарядов; в 6 ч 30 мин — по поселку Гумрак 4 снаряда; в 14 ч 30 мин — по деревне Поляновка 18 снарядов; в 15 ч 00 мин — по селу Бабаево 8 снарядов.

В то же время для этой батареи была подготовлена новая огневая позиция у завода «Красный Октябрь».

11 сентября с 9 ч 00 мин до 9 ч 50 мин 680-я батарея обстреляла

скопление немецких автомашин в Грязной балке и рассеяла их, израсходовав 24 снаряда. С 12 ч 00 мин до 12 ч 25 мин эта же батарея выпустила три снаряда по цели № 2 юго-западнее Городища.

Второй артналет в этот день батарея произвела по скоплению вражеских танков в деревне Уваровка и рассеяла их, израсходовав 9 снарядов. Во время стрельбы в сторону батареи «неизвестно кем» были выпущены две белые и три красные ракеты. С этого момента над батареей стали систематически летать немецкие самолеты.

12 сентября батарея накрыла девятью снарядами село Городище.

13 сентября с 10 ч 00 мин до 11 ч 13 мин 680-я батарея вела огонь по разъезду Разумовка и израсходовала 36 снарядов. Огонь неоднократно прерывался из-за появления вражеских самолетов над батареей и из-за минометно-артиллерийского обстрела ее противником.

В тот же день «с 12 ч 55 мин до 15 ч 00 мин 680-я отдельная железнодорожная батарея трижды открывала огонь по высоте 102,0, по больнице и селениям Гумрак, Городище и Александровка; было израсходовано 12 снарядов; рассеяно скопление машин и пехоты врага»[148].

Тут я умышленно слово в слово цитирую «Хронику…», чтобы не быть обвиненным в клевете на советских артиллеристов, которые по определению не могли стрелять по больнице.

15 сентября с 5 ч 00 мин до 6 ч 00 мин батарея № 680 вела огонь по поселку Сталинградский и по Кирпичному заводу. По первой цели было израсходовано 48 снарядов, а по второй — 36, при этом рассеяно скопление мотомехчастей и пехоты, подавлены противотанковая батарея и один шестиствольный миномет противника.

17 сентября с 6 ч 25 мин до 6 ч 45 мин 680-я батарея выпустила три снаряда по штабу противника, разместившемуся в церкви в селе Городище.

На следующий день, 18 сентября, с 5 до 6 часов утра батарея вела огонь по скоплению вражеских войск в районе южнее совхоза «Тракторизация», израсходовав 16 снарядов. В 9 ч 00 мин батарея вела огонь по площадям в районе сельскохозяйственной опытной станции. С 15 ч 05 мин до 16 ч 00 мин батарея обстреливала скопление немецких мотомехчастей в районе Гумрак и Воропаново. Наблюдались прямые попадания.

19 сентября в 7 ч 50 мин в результате прямого попадания немецкой мины в транспортер № 3 батареи № 680 три человека получили тяжелые ранения. Кроме того, была пробита воздушная магистраль накатника, из-за чего стравился воздух.

20 сентября в ходе авианалета на огневую позицию батареи был легко ранен командир огневого взвода и смертельно ранен краснофлотец.

23 сентября 680-я батарея вела огонь по скоплению вражеских войск в балке Бирючья (западнее Городища), куда немцы подтянули до тысячи автомашин с войсками и боезапасом. Обстрел велся по площадям, и было выпущено 45 снарядов. В районе цели наблюдались пожар и большие взрывы.

24 сентября в 16 ч 00 мин 680-я батарея обстреляла скопление немецкой мотопехоты в районе поселка Сталинградский, выпустив 16 снарядов. Наблюдательный пост донес, что цель была накрыта, вражеская пехота рассеяна и частично уничтожена.

В 16 ч 10 мин батарея снова вела огонь по скоплению мотопехоты и минометным батареям противника, выпустив восемь снарядов, пехота была рассеяна, а минометы подавлены. В 16 ч 30 мин немцы открыли огонь по этой батарее из тяжелых минометов. Мины рвались в 30–100 м от транспортеров, но жертв не было и матчасть батареи не пострадала. В 17 ч 30 мин батарея вела огонь по станции Гумрак и по перекрестку дорог. В 17 ч 52 мин немцы вновь обстреляли батарею № 680 — снаряды ложились на территории ее огневой позиции.

26 сентября в 5 часов утра батарея вела огонь по Гумраку. Согласно донесениям, рассеяно два полка пехоты и уничтожено 4 танка. Через час батарея вновь открыла огонь по Гумраку и выпустила еще 29 снарядов.

Поздно вечером 27 сентября батарея № 680 перешла на новую позицию в район Тракторного завода (СТЗ). Утром 30 сентября батарея обстреляла железнодорожную станцию Разгуляевка и поселок Гумрак, израсходовав 10 снарядов. Вечером того же дня, с 17 ч 00 мин до 17 ч 18 мин батарея вела огонь по наступающим пехоте и танкам противника в районе высоты 144,2 и подбила четыре танка, а также рассеяла до двух рот пехоты. Поздно вечером (после 21 часа) батарея обстреляла высоту 144,5, пункт МФТ и селение Городище.

1 октября с 17 ч 25 мин до 17 ч 35 мин 680-я батарея обстреляла скопление вражеской пехоты в районе Городища, израсходовав 12 снарядов.

3 октября в 17 ч 50 мин и в 18 ч 00 мин батарея обстреливала высоты 97,7 и 128, автоматчиков и наступавшую пехоту противника, израсходовав 27 снарядов.

4 октября германская авиация сбросила на Тракторный завод свыше 500 бомб, в результате чего на 680-й батарее вышли из строя транспортеры № 2 и № 3, сгорел один вагон, разбит вагон-камбуз и ранено 7 человек. В строю остался один транспортер.

В тот же день на траверзе Осадной Балки на ходу затонула баржа с боезапасом для 680-й батареи.

5 октября немецкая авиация бомбила Сталинградский тракторный завод. При утреннем налете от прямого попадания авиабомбы на транспортере № 1 680-й батареи взорвалось 22 снаряда. Так был выведен из строя третий и последний железнодорожный транспортер батареи.

Под бомбами и артиллерийским огнем противника личный состав батареи героически восстанавливал поврежденные транспортеры. И уже 12 октября в 18 ч 00 мин командир 680-й батареи донес в штаб Волжской военной флотилии, что ремонт поврежденных транспортеров заканчивается. Огневая позиция батареи и берег Волги в ее районе простреливались минометным огнем противника. Боезапас с пристани подносился к батарее вручную. В 22 ч 30 мин командир батареи донес о введении в строй транспортера № 3 и о работе по восстановлению транспортера № 2.

14 октября немцы вели энергичное наступление на Тракторный завод. Ночью 15 октября, в 2 ч 30 мин, помощник командира 680-й батареи донес, что «противник занял Сталинградский тракторный завод, а личный состав батареи отошел вместе с частями Красной Армии на остров Зайцевский; ранено два, пропало без вести десять человек. Горевшие транспортеры не были подорваны из-за жестокой бомбардировки, минометно-артиллерийского обстрела и внезапного прорыва автоматчиков противника. В силу этого на батарее осталось одно исправное и два неисправных орудия»[149].

21 октября 1942 г. приказом командующего Волжской военной флотилией за № 084 680-я отдельная железнодорожная батарея была расформирована, а ее личный состав передан в Сталинградский флотский полуэкипаж для укомплектования роты морской пехоты.

Согласно донесениям, с 7 сентября по 14 октября 680-й батареей был разбит железнодорожный эшелон с боеприпасами, рассеяно более батальона пехоты, 100 автомашин, обоз с боеприпасами и продовольствием, подавлено 11 пулеметных огневых точек, четыре артиллерийские батареи, подбито и уничтожено 11 танков.

За тот же период батарея потеряла 43 человека убитыми и ранеными.

Гибель 680-й батареи была обусловлена тем, что она была буквально прижата к берегу Волги, а железнодорожного моста через нее в Сталинграде нет и поныне. В результате батарея оказалась в зоне досягаемости не только полевой артиллерии, но и 81-мм минометов.

Глава 7
Железнодорожные установки в боях за Мемель

6 ноября 1944 г. командующий Балтийским флотом сообщил командующему 1-м Прибалтийским фронтом, что 9 ноября на станцию Дарбенай (в нескольких км севернее Мемеля) будут отправлены две 152-мм батареи железнодорожной артиллерии для прикрытия фланга Красной Армии с моря. Требуется произвести работы по перешивке железнодорожного пути от станции Дарбенай до гавани Свента, а также установить 4–5 дополнительных тупиков.

12 ноября 407-й дивизион (четыре 152-мм батареи) двумя эшелонами вышел из Ленинграда и отправился на станцию Дарбенай. К этому времени железнодорожная ветка Дарбенай — Свента перешивалась на советскую колею (срок готовности — двое суток), а ветка Скуоди — Дарбенай — Кретинген — Дойтч Гроттинген была уже перешита и могла принять две 152-мм батареи и пять 130-мм батарей.

19 ноября из Ленинграда на станцию Дарбенай вышел 406-й железнодорожный дивизион (три 130-мм батареи), куда и прибыл 21 ноября.

28 ноября 406-й дивизион перебазировался на станцию Кретинген в 11 км к востоку от города Паланга.

Несколько слов стоит сказать об общем ходе Мемельской операции. К 22 октября войска 1-го Прибалтийского фронта окружили остатки германского 28-го армейского корпуса на плацдарме шириной около 8 км и длиной около 20 км в районе порта Мемель.

В статье Ю. Г. Перечнева и С. Т. Шевченко «Боевая деятельность береговой артиллерии в 1945 г.» говорится: «…утром 20 ноября транспорт „Фюзелир“ водоизмещением около 6 тысяч т на переходе из Пиллау в Мемель вошел в сектор огня батареи № 1118. Батарея открыла по нему огонь и вскоре добилась прямого попадания в машинное отделение, вызвав пожар в кормовой части, в результате чего транспорт потерял ход. Вслед за этим транспорт подвергся удару с воздуха нашими самолетами и осел кормовой частью на грунт»[150].

Увы, это утверждение — полнейшая «липа». Процитирую секретную хронику за 20 ноября: «В 10 ч 30 мин наблюдательный пост Паланга по пеленгу 200° на дистанции 40 каб. обнаружил транспорт противника,

шедший курсом 270°. В результате огня батарей 1-го Прибалтийского фронта транспорт потерял ход. Восемь самолетов Ил-2 (8-го гв. шап) и четыре Ил-2 (47-го шап) под прикрытием двух пар самолетов ЛАГГ-3 (9-го иакп) с 12 ч 07 мин до 14 ч 00 мин атаковали неприятельский транспорт, стоявший в 3 милях к западу от порта Мемель. Прямыми попаданиями двух ФАБ-250 транспорт был потоплен. Два самолета Ил-2 (8-го гв. шап), четыре Як-9 и два ЛАГГ-3 (9-го иакп) с 16 ч 14 мин до 16 ч 49 мин атаковывали шлюпки с командой потопленного транспорта и заставили одну из них подойти к советскому берегу в районе Паланги. В плен были захвачены 22 немца. Опросом пленных было установлено, что батареями и авиацией был потоплен транспорт „Фузилир“, шедший из Пиллау в Мемель за войсками и автомашинами»[151].

По данным хроники, стрельба из железнодорожных установок в этот день вообще не велась.

Рассмотрим несколько примеров действия железнодорожной артиллерии в боях за Мемель.

4 января 1945 г. с 14 ч 30 мин до 14 ч 50 мин двухорудийная 210-мм батарея немцев обстреляла расположение 406-мм железнодорожного артдивизиона в районе Паланги. С 14 ч 50 мин до 14 ч 56 мин железнодорожная батарея № 1118 вела ответный огонь, израсходовав 10 снарядов.

Нарком ВМФ указал командующему Балтийским флотом на неоднократные безнаказанные действия кораблей противника против нашего побережья в Рижском заливе. Обращая внимание командующего на недопустимость подобных фактов, Кузнецов потребовал впредь предавать суду командиров, допускавших безнаказанные действия противника против нашего побережья.

8 января с 14 ч 51 мин до 14 ч 57 мин батарея № 1116 выпустила десять 130-мм снарядов по скоплению живой силы противника в районе поселка Карнельбек к северу от Мемеля.

12 января с 14 ч 14 мин до 16 ч 49 мин батарея № 1118 обстреляла три транспорта, обнаруженных авиаразведкой в 13 ч 00 мин на рейде порта Мемель, и, по донесениям, потопила один транспорт. Остальные транспорты покинули рейд. Увы, сей «потопленный транспорт» даже не вошел в официальный список потерь германского флота, составленный в СССР после войны.

В течение того же дня 406-й и 407-й дивизионы, содействуя наступлению 92-го стрелкового корпуса 43-й армии, выпустили 451 снаряд калибра 130–152 мм по расположениям противника в 7–9 км от Мемеля. В

18 случаях артиллерийские батареи противника и шестиствольные 15-см минометы прекращали стрельбу. Были замечены два пожара и один взрыв.

Стрельба велась, по данным двух штурмовиков Ил-2 из 13-й артиллерийской авиаэскадрильи, корректировавших огонь, по транспортам на рейде и артиллерийским батареям противника. Их прикрывали 8 истребителей Ла-7 3-го гвардейского авиаполка. Встреч с вражескими самолетами не было.

Следует заметить, что в начале января 1945 г. железнодорожной артиллерии была передана в оперативное подчинение 13-я артиллерийская (корректировочная) авиаэскадрилья в составе семи штурмовиков Ил-2 и двух бомбардировщиков Пе-2.

13 января с 1 ч 10 мин до 1 ч 15 мин и с 8 ч 59 мин до 9 ч 40 мин железнодорожные батареи № 1116 и 1117 вели огонь по противнику к северу от Мемеля, израсходовав 24 снаряда калибра 130 мм.

С 16 ч 48 мин до 16 ч 55 мин железнодорожная батарея № 1120 из района станции Байорен обстреляла 23 152-мм снарядами катера-тральщики противника на расстоянии 90 кабельтов (16,5 км). Катера укрылись в порту Мемель.

14 января с 12 ч 42 мин до 16 ч 28 мин батареи 406-го и 407-го дивизионов выпустили 350 снарядов по транспортам и береговым сооружениям в порту Мемель. Огонь корректировали 4 штурмовика Ил-2, а прикрывали 12 истребителей Ла-7.

15 января батарея № 1120 с 13 ч 13 мин до 13 ч 43 мин обстреляла 48 152-мм снарядами транспорт в порту Мемель. Было отмечено два попадания в транспорт. Огонь корректировал самолет Ил-2.

16 января с 13 ч 30 мин до 14 ч 30 мин батарея № 1120 выпустила три 152-мм снаряда по транспортам в порту Мемель, но прекратила огонь из-за отсутствия связи с самолетом-корректировщиком.

Несколько слов стоит сказать о действиях 13-й эскадрильи. С 12 по 28 января 1945 г. она произвела 13 удачных и 6 неудачных вылетов. Таким образом, 34 % всех вылетов самолетов на корректировку огня батарей железнодорожной артиллерии оказались неудачными. Причинами являлись: отказ в работе радиостанций самолетов (3 случая), ухудшение видимости в районе цели (1 случай), неслаженность в работе управляющего огнем и штурмана (1 случай). В целом же опыт применения авиации для корректировки огня надо признать успешным.

Наиболее активно действовала железнодорожная артиллерия с 26 по 28 января во время штурма Мемеля советскими войсками. Корректировка огня во всех случаях осуществлялась самолетами. Так, днем 27 января

двумя нашими самолетами было совершено четыре боевых вылета на корректировку огня и три вылета на разведку переправ и кораблей. В этот день батареи 406-го и 407-го дивизионов израсходовали свыше 280 снарядов при стрельбе по причалам и кораблям и 150 снарядов по оборонительным вооружениям.

Так же активно действовала железнодорожная артиллерия и 28 января. В этот день бойцы Красной Армии полностью захватили город Мемель. Остатки германских войск перешли по косе Куриме-Неруг на Земландский полуостров, где влились в состав войск, оборонявших Кёнигсберг.

Глава 8
Боевые действия Тукумсской и Либавской групп

Осенью 1944 г. 51-я и 22-я армии 2-го Прибалтийского фронта блокировали на так называемом курляндском выступе между Либавой и Тукумсом германскую группу армий «Север», в состав которой входили 16-я и 18-я армии (всего 32 германские дивизии и одна латышская дивизия СС). Таким образом, немцы получили высокую плотность обороны «Курляндского котла» — одна дивизия на 6 км фронта.

Используя порты Курляндии — Либаву, Виндаву и др., немецкое командование наладило удовлетворительное снабжение этих сил морем. Как писал германский историк Вернер Хаупт: «В октябре 587 кораблей перебросили в Курляндию 881 000 т, а в декабре у курляндского побережья бросили якорь 575 кораблей с 1 112 000 т груза».

В середине января 1945 г. сухопутное командование обратилось за помощью к наркому ВМФ, и в Курляндию из Ленинграда были отправлены железнодорожные установки, где из них сформировали две артиллерийские группы: северную — Тукумсскую и южную — Либавскую. Тукумсская артиллерийская группа была оперативно подчинена командованию 22-й армии. В ее состав вошли 403-й железнодорожный артдивизион (1104, 1105-я и 1106-я батареи, всего девять 130-мм пушек) и 404-й железнодорожный артдивизион (1107, 1108-я и 1109-я батареи, всего девять 130-мм пушек). В первых числах января к ним присоединилась отдельная батарея № 18 (четыре 180-мм пушки).

Рассмотрим несколько примеров боевых действий Тукумсской группы.

8 февраля 1945 г. 403-й и 405-й железнодорожные дивизионы в течение суток вели огонь по позициям противника на тукумсском направлении. В результате обстрела подавлены одна 105-мм и одна 150-мм батареи. Германская артиллерия безрезультатно выпустила шестьдесят 105-мм снарядов по расположению наших дивизионов.

Во время перехода одного паровоза 403-го дивизиона на полотне в районе семафора Слока произошел взрыв фугаса, заложенного диверсантами. Пострадала только контрольная платформа.

10 февраля батареи 403-го и 405-го дивизионов из районов Слок и Кемери выпустили 35 снарядов по вражеским батареям на тукумсском направлении. Одна батарея была подавлена.

Либавская оперативная группа была оперативно подчинена

командованию 51-й армии[152]. В состав группы вошли 406-й железнодорожный артдивизион (1116, 1117-я и 1118-я батареи, всего девять 130-мм пушек), 407-й железнодорожный артдивизион (1119, 1120, 1121-я и 1122-я батареи, всего двенадцать 152-мм пушек), а в феврале 1945 г. к ним присоединились две отдельные батареи — № 12 и № 19 (всего восемь 180-мм пушек).

8 февраля железнодорожные батареи приступили к обстрелу объектов противника в порту Либава. Но использование береговой артиллерии на этом участке осложнялось большими дальностями стрельбы, достигавшими 30–32 км. Кроме того, Либава не просматривалась с советских наблюдательных постов. Германские корабли входили в порт чаще всего на рассвете и выходили с наступлением сумерек, а днем отстаивались в порту. При хорошей видимости с наблюдательных постов рано утром наблюдали уход кораблей в Либаву, а вечером — выход оттуда, но в самом порту корабли не просматривались.

В таких условиях единственным надежным средством разведки целей и корректировки огня снова стала авиация. Но условия для ее использования были гораздо сложнее, чем у Клайпеды, поскольку время пребывания самолета-корректировщика в районе цели значительно сокращалось из-за большого удаления аэродрома корректировочной авиации от места боевых действий. А из-за большого рассеивания снарядов при стрельбе на предельных дальностях 180-мм орудий (32 км) была необходима тщательная корректировка, что требовало более длительного пребывания самолета в воздухе.

Усилилось и противодействие истребительной авиации противника. Часто вблизи самолета, корректировавшего огонь, разгорались ожесточенные воздушные бои. Поэтому для обеспечения работы одного самолета-корректировщика вылетали от 16 до 30 истребителей.

Артобстрелы железнодорожных батарей порта Либава сильно затрудняли базирование там германских кораблей, но полностью сорвать перевозки не удавалось из-за большого удаления целей от наших батарей. Как потом выяснилось, немцы с помощью радиостанций подслушивания, работавших на волне самолета-корректировщика, почти всегда узнавали о предполагаемом обстреле порта и поднимали в воздух свои истребители.

В статье Ю. Г. Перечнева и С. Т. Шевченко «Боевая деятельность береговой артиллерии в 1945 г.» утверждается, что «в течение февраля — марта железнодорожная артиллерия уничтожила в либавском порту четыре транспорта, катер… повредила пять транспортов среднего тоннажа (из них

два полностью были выведены из строя)»[153]. Согласно «Справочнику потерь военно-морского и торгового флотов Германии и ее союзников, нанесенных от ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (М.: Издание Генштаба, 1957), 27 января в Либаве, «по достоверным данным», батареями № 406 и 407 был поврежден миноносец водоизмещением 1200 т. В тот же день батареи якобы «достоверно» потопили в Либаве транспорт в 500 т, и, наконец, 13 марта в либавском порту железнодорожной и армейской артиллерией был потоплен еще один транспорт.

Увы, выяснить названия этих судов и получить фактические подтверждения их потопления артиллеристам так и не удалось.

На 16 февраля 1945 г. у Курляндского котла были дислоцированы следующие железнодорожные батареи: отдельная железнодорожная батарея № 18 (4–180-мм) на станции Камери; 406-й и 407-й железнодорожные дивизионы в районе станций Свента — Кретинга; железнодорожная батарея № 19 (4–180-мм) в районе станции Лайкутыс; 403, 404-й и 405-й железнодорожные дивизионы закончили сосредоточение и развернулись на огневых позициях — первый в районе станции Митава (Елгава) и два последних в районе станции Добеле.

В течение суток наши дивизионы вели огонь по наблюдательным и опорным пунктам и по огневым позициям противника, но результат обстрела установить не удалось. В 21 ч 00 мин 16 февраля батареи противника выпустили по станции Добеле три 150-мм снаряда, в результате чего в штабном вагоне были выбиты стекла и осколками снарядов поврежден вагон-радиостанция.

18 февраля 403-й и 404-й железнодорожные дивизионы из района станции Добеле поддерживали наступление 1-й ударной армии, вели огонь по узлам сопротивления, опорным пунктам, местам сосредоточения живой силы и техники противника. В течение суток было израсходовано 535 снарядов, вызвано шесть пожаров и два сильных взрыва. Артиллерия противника безуспешно выпустила по 403-му дивизиону тридцать 105-мм снарядов.

21 февраля с 15 ч 18 мин до 15 ч 25 мин 24 германских истребителя FW-190 нанесли бомбово-штурмовой удар по 406-му дивизиону, стоявшему на позициях в районе станции Попес. В результате налета было убито 7 и ранено 8 человек, разбиты вагон-склад, вагон — командный пункт, камбуз, мягкий вагон и разрушен путь. Артиллерийские установки повреждений не имели.

Командующий флотом сообщил командующему 2-м Прибалтийским

фронтом Маршалу Советского Союза Говорову о плохой работе полка ПВО.

23 февраля 403-й дивизион артогнем поддерживал наступление наших частей на тукумсском направлении. За сутки дивизион израсходовал 267 снарядов. В результате обстрела была подавлена немецкая батарея и рассеяно скопление техники и живой силы противника.

Командир Либавской ВМБ решил 310-ю отдельную танковую роту (12 СУ-76 и три БТ-26) передислоцировать из порта Мемель в район станции Цинкус с задачей прикрытия огневых позиций 12-й и 19-й железнодорожных батарей и 406-го железнодорожного дивизиона от прорыва немецких танков.

4 марта в течение суток 403-й дивизион участвовал в артиллерийской подготовке наступления 22-й армии, провел 31 стрельбу в районе станции Ауце, по штабу дивизии, перекрестку дорог и батареям противника. Восемь вражеских батарей были приведены к молчанию. 406-й дивизион провел три стрельбы из района Вайньоде, из них железнодорожная батарея № 1112 два раза стреляла по эшелону противника на железнодорожной станции Илмая. Стрельбу батареи корректировал самолет. В районе цели были зафиксированы два взрыва и пожар. Железнодорожная батарея № 1113 обстреляла батарею противника в районе населенного пункта Аузинин, стрельбу корректировал самолет. Вражеская батарея прекратила огонь.

6 марта 403-й дивизион в течение суток 13 раз обстрелял вражескую батарею в районе населенного пункта Лиэблидиэна. 405-й дивизион 4 раза стрелял по эшелонам противника на станциях Падоне и Илмая. 406-й дивизион вел огонь по неприятельской батарее в районе населенного пункта Отанка в 15 км юго-западнее Либавы.

17 марта с 11 ч 00 мин до 17 ч 34 мин 180-мм железнодорожная батарея № 19 в соответствии с планом стрельбы 4 раза открывала огонь по порту Либава, в районе цели наблюдались пожар и взрыв.

В это же время 130-мм железнодорожные батареи № 1116 и 1117 дивизиона № 406 периодически вели огонь по батареям противника в районе населенного пункта Тибури, обстреливавшим боевые порядки железнодорожной батареи № 19. В результате стрельбы батарея противника прекращала огонь, в двух случаях был вызван пожар в районе цели.

130-мм железнодорожные батареи № 1112 и 1114 дивизиона № 405 в течение суток вели огонь по эшелонам противника на станциях Дубре и Падоне. Было отмечено прямое попадание в эшелон противника.

20 марта с 11 ч 33 мин до 12 ч 03 мин 130-мм железнодорожная

батарея № 1114 дважды обстреляла эшелоны противника на станциях Дубре и Падоне. 130-мм железнодорожная батарея № 1112 с 12 ч 10 мин до 14 ч 35 мин три раза открывала огонь по эшелонам противника на станциях Илмая и Дубре. Результатом стрельбы стал взрыв вражеского эшелона на станции Илмая.

21 марта 403-й дивизион в течение суток 8 раз стрелял по батареям, штабам и узлам дорог в районе станции Дубре, а 405-й дивизион два раза обстрелял эту станцию. В результате стрельбы батареи противника прекращали огонь.

С 19 ч 00 мин до 19 ч 42 мин вражеские батареи из района юго-восточнее Либавы безрезультатно выпустили 150 крупнокалиберных снарядов по огневым позициям наших батарей в районе станции Руцава.

23 марта командующий артиллерией 2-го Прибалтийского фронта просил командующего флотом для обеспечения наступления 1-й ударной и 22-й армий выделить в распоряжение 1-й ударной армии 404-й железнодорожный дивизион с расходом 800 снарядов, в распоряжение 22-й — 403-й железнодорожный дивизион с расходом 400 снарядов, а 405-й дивизион с расходом 800 снарядов оставить для обеспечения обороны 6-й гвардейской армии с задачей запрещения железнодорожных перевозок из Либавы на Салдус. Район огневой позиции 404-го дивизиона — станция Добеле, район огневой позиции 403-го дивизиона — станция Ауце.

30 марта 404-й дивизион (8–130-мм) и 130-мм железнодорожная батарея № 18, снятые по приказанию командующего флотом с Курляндского полуострова, прибыли в район огневых позиций между станциями Левенхаген и Гутенфельд на кёнигсбергском направлении.

403-й дивизион перешел из района станции Добеле в район станции Берзупе (тукумсское направление) и с новых огневых позиций обстрелял и рассеял скопление войск противника.

28 апреля с 16 ч 10 мин до 20 ч 05 мин 8 самолетов Ла-7 (3-го гв. иап) и один Як-9 (9-го иакп) двумя группами произвели 18 самолето-вылетов на прикрытие двух самолетов Як-9 из 13-й артиллерийской эскадрильи, корректировавших огонь 180-мм железнодорожной батареи № 19 по транспорту в Либавском порту. 130-мм батареи 406-го железнодорожного дивизиона № 1116, 1117 и 1118, обеспечивая стрельбу батареи № 19, провели 10 стрельб по батареям противника, обстреливавшим огневые позиции железнодорожной батареи № 19. В порту Либава было отмечено прямое попадание в транспорт противника. Наши истребители прикрытия, ведя два воздушных боя с четырьмя немецкими истребителями, сбили два из них.

Те же Перечнев и Шевченко цитируют отзыв о боевой деятельности 403-го дивизиона с 21 по 25 марта, данный командиром группы артиллерии дальнего действия 119-го стрелкового корпуса гвардии полковником Пешковым и начальником штаба майором Шестаковым. В отзыве говорилось: «Действуя в составе группы артиллерии дальнего действия 119-го стрелкового корпуса, за этот период огнем дивизиона надежно подавлено 7 артиллерийских батарей противника, из них 3 батареи 150-мм калибра и 4 батареи 105-мм; приведено к молчанию 8 артиллерийских батарей противника, из них 3 — 150-мм, 4 — 105-мм и 1 — 88-мм калибра; разрушено 6 сильно укрепленных узлов сопротивления противника и четыре командных пункта; рассеяно и частично уничтожено до 200 солдат и офицеров. Связь командира группы благодаря умелой организации работала бесперебойно»[154].

Немцы держались в Курляндском котле до 9 мая 1945 г. Советским войскам удалось продвинуться на отдельных участках фронта лишь на несколько километров.

В течение суток 7 мая пять артиллерийских дивизионов 1-й гвардейской морской железнодорожной артиллерийской Красносельской Краснознаменной бригады (12 — 130-мм и 4 — 152-мм батареи) содействовали огнем наступлению 1-й ударной армии Ленинградского фронта на тукумсском направлении. Бригада произвела 55 стрельб и израсходовала 613 снарядов 130-мм и 613 снарядов 152-мм. В результате стрельбы в городе Тукумс было вызвано два пожара, подавлена артиллерийская батарея и рассеяно скопление войск и техники противника.

8 мая железнодорожные установки провели 118 стрельб по германской группировке в Курляндском котле, израсходовав 1007 снарядов.

Всего с ноября 1944 г. по май 1945 г. батареи железнодорожной артиллерии на курляндском направлении (Тукумс — Либава) произвели 321 стрельбу, израсходовав 9166 снарядов калибра 130–180 мм.

8 мая «железнодорожная батарея № 19 в течение дня вела огонь по кораблям противника, выходившим из порта Либава в западном направлении, в результате обстрела произошел взрыв одного сторожевого катера и возник пожар на транспорте.

В 20 ч 00 м. немецкая радиостанция из порта Либава передала приказ Денница о капитуляции и запрещении уничтожать вооружение. Командующий курляндской группировкой дал указания о встрече советских войск и обратился с просьбой к войскам Ленинградского фронта о капитуляции. В 23 ч 00 м. курляндская группировка немецких войск в составе 16-й и 18-й армий прекратила сопротивление и начала передавать

личный состав и боевую технику войскам Ленинградского фронта»[155].

В плен сдались почти 300 тысяч солдат и офицеров противника. Немцы в исправности сдали 158 самолетов, около 500 танков и штурмовых орудий, почти 3,5 тысячи полевых орудий и минометов, свыше 18 тысяч автомашин, 675 транспортеров и тягачей, а также много другой техники.

На мой взгляд, попытка Красной Армии уничтожить Курляндскую группировку противника была абсолютно бесцельной тратой личного состава и материальной части. Высказывания о том, что-де наши армии сдерживали в котле сильнейшую германскую группировку, которая-де могла быть переброшена на другие фронты, совершенно некомпетентны. Германское командование еще в конце 1944 г. составило план эвакуации группы армий «Север». На перевозку одной дивизии требовалось минимум 12 дней, а для всей группы армий — не менее полугода. Естественно, что советские подводные лодки, торпедные катера и морская авиация приложили бы все силы для срыва эвакуации. Наконец, стратегическая авиация США и Великобритании могла сровнять с землей все порты в Курляндии и выставить у побережья тысячи магнитных мин.

В завершение замечу, что на Западном фронте союзники даже не пытались штурмовать укрепленные районы немцев во Франции, а попросту обходили их, оставляя небольшие силы для блокады этих укрепрайонов.

Глава 9
Железнодорожная артиллерия в Кёнигсбергской операции

Для содействия частям Красной Армии, окружавшим в районе Кёнигсберга группировку противника, командующий 3-м Белорусским фронтом попросил отправить туда железнодорожную артиллерию. С этой целью была сформирована артиллерийская группа в составе батарей 403-го и 404-го железнодорожных артдивизионов (17 — 130-мм), батарей № 1110 (3 — 130-мм) и № 18 (4 — 180-мм). Руководство группы возлагалось на командира 404-го дивизиона подполковника И. Е. Калашникова.

30 марта 1945 г. группа прибыла в Кёнигсберг и поступила в оперативное подчинение командующего 11-й гвардейской армией. Группе ставились следующие задачи: воспрепятствовать движению кораблей и плавсредств противника по Кёнигсбергскому каналу; воздействовать огнем по причалам, портовым сооружениям, аэродрому, железнодорожному узлу и порту Кёнигсберг; огневое наблюдение за мостами через реку Прегель; нанесение массированных ударов по скоплениям живой силы и техники противника; контрбатарейная борьба с батареями 105-мм и более калибра.

Армейские инженерные части построили железнодорожные тупики в районе станций Гутельфельд и Левенхольм. В оборудовании огневых позиций участвовала саперная рота 11-й гвардейской армии. Так как все огневые позиции, как правило, находились вблизи линии фронта, строились также различные сооружения для защиты личного состава и материальной части. Брустверы для орудийной прислуги сооружались из шпал. Их укладывали вокруг орудий в два ряда. Пространство между шпалами засыпалось землей. Такие брустверы надежно защищали от пуль и осколков. Для хранения боеприпасов в районах огневых позиций отрывались щели, которые покрывались бревнами. Каждая щель вмещала 10–15 снарядов. Заряды размещались отдельно от снарядов. Под наблюдательные и командные пункты в основном приспосабливались каменные дома, водонапорные башни, различного рода вышки. Для трех наблюдательных постов были построены деревянные вышки высотой 12–18 м.

Для прикрытия боевых порядков артиллерийской группы под Кёнигсбергом командующий 11-й гвардейской армией выделил зенитный

артиллерийский полк.

Рассмотрим несколько примеров применения железнодорожных установок под Кёнигсбергом.

31 марта 1945 г. с 16 ч 57 мин до 20 ч 38 мин железнодорожные батареи № 1108 и 1109 404-го дивизиона и железнодорожная батарея № 18 из района станции Левенхаген — Гутенфельд (кёнигсбергское направление) пристреляли реперы.

1 апреля три батареи 404-го дивизиона, батарея 403-го дивизиона и батарея № 18, находившиеся на кёнигсбергском направлении в оперативном подчинении командира ВМБ Пиллау, были переданы в оперативное подчинение командующего 11-й гвардейской армией.

4 апреля 180-мм железнодорожная батарея № 18 и 130-мм батареи № 1107, 1108, 1109 и 1110 на кёнигсбергском направлении в течение суток провели 18 стрельб по фронтам, причалам, танковому и пороховому заводам, а также по жилым кварталам Кёнигсберга. В результате обстрела возник пожар в центре города, достигнуты прямые попадания в заводы. Ответным артиллерийским огнем противника разрушен наблюдательный пост 404-го дивизиона.

В этот день 403-й дивизион передислоцировался из района станции Добеле на новые огневые позиции в районе станции Левенхаген.

6 апреля с 11 ч 00 мин до 24 ч 00 мин 130-мм железнодорожные батареи 404-го дивизиона № 1108, 1109 и 1110 и 18-я железнодорожная батарея, находившаяся в оперативном подчинении 11-й гвардейской армии, поддерживали ее наступление на участке Зелингенфельд — Маулен (кёнигсбергское направление). Батареи провели 31 стрельбу по порту, фортам, мостам, железнодорожной станции и танковому заводу в Кёнигсберге. В результате обстрела было вызвано 7 взрывов и 4 пожара.

7 апреля железнодорожные батареи 404-го дивизиона № 1107, 1108, 1109, 1110 и батарея № 18 днем продолжали артиллерийским огнем поддерживать наступление частей 11-й гвардейской армии в районе Кёнигсберга. 404-й дивизион провел 38 стрельб по фортам, бакам с горючим, железнодорожной станции в Кёнигсберге. 18-я железнодорожная батарея провела стрельбу по причалам порта, в районе цели наблюдались 6 пожаров и два взрыва.

8 апреля железнодорожные батареи № 1107, 1108, 1109 и 1110 на кёнигсбергском направлении в течение суток вели контрбатарейную борьбу, воздействовали по узлам сопротивления и скоплениям вражеских войск в Кёнигсберге. Было проведено 12 стрельб, три батареи противника прекратили огонь.

После занятия частями 11-й гвардейской армии Кёнигсберга 404-й железнодорожный артдивизион, отдельная железнодорожная батарея № 18 и перебазирующийся в районе Кёнигсберга 404-й железнодорожный дивизион приказанием командующего артиллерией 3-го Белорусского фронта были выведены из подчинения командующего артиллерией 11-й гвардейской армии и переданы в оперативное подчинение командующего артиллерией 39-й армии, наступавшей на Пиллау. 404-й и 403-й дивизионы были введены в группу артиллерии дальнего действия 39-й армии и должны были выполнять задачу контрбатарейной борьбы, наносить удары по коммуникациям противника и поддерживать пехоту. Огневая позиция 404-го дивизиона — Насер-Гартен, огневая позиция 403-го дивизиона — станция Гутенфельд.

Отдельной железнодорожной батарее № 18, оставленной в резерве командующего артиллерией 39-й армии, была поставлена задача артиллерийского воздействия по обороне противника, узлам связи, железнодорожным станциям и плавсредствам.

13 апреля 1945 г. в течение дня батареи № 1107, 1108, 1109 и 1110 провели 27 стрельб, а железнодорожная батарея № 18–11 стрельб по войскам и батареям противника с целью поддержки частей 39-й армии, начавших в 7 часов утра наступление на Земландском полуострове. В 15 случаях немецкие батареи были подавлены, а войска рассеяны.

14 апреля в течение суток батареи № 1107, 1108, 1109 и 1109 провели 14 стрельб, а батарея № 18 — 5 стрельб, продолжая поддерживать наступление частей 39-й армии на Земландском полуострове. Стрельба велась по площади без наблюдения.

Днем 15 апреля 130-мм железнодорожные батареи № 1112 и 1114 провели пять стрельб по эшелонам противника на станции Дурбе на Курляндском полуострове, в результате чего погрузочные работы на станции были прекращены.

Днем железнодорожная батарея № 18 из района Кёнигсберга, поддерживая наступление армии на Земландском полуострове, провела 12 стрельб по причалам, складам с боезапасом и узлам сопротивления перед фронтом 39-й армии. Наблюдались два взрыва на складах, и был подавлен огонь батарей противника. Также для поддержки наступления частей 39-й армии железнодорожные батареи № 1107 и 1109 провели два огневых налета. Стрельба велась по площади без наблюдения.

23 апреля батарея № 18 в течение суток провела две стрельбы — одну по заводу в Пиллау, вторую для пристрелки репера.

По официальным, то есть, мягко говоря, завышенным данным, по

Кёнигсбергу железнодорожная артиллерия выпустила с 4 по 9 апреля 1945 г. 1519 снарядов. В результате артогня в 35 случаях были вызваны взрывы и пожары на военных объектах города, уничтожено 15 самоходных орудий и автомашин, в 24 случаях подавлен огонь артиллерийских батарей, в 26 случаях рассеяно скопление живой силы и техники, уничтожено до двух рот пехоты. Огнем батареи № 18 были нанесены значительные разрушения Танковому заводу и в 9 случаях нарушена погрузка барж и транспортов в порт.

Таблица 26. **Данные стрельб, проведенных железнодорожной артиллерией в районе Кёнигсберга и на Земландском полуострове с 31 марта по 28 апреля 1945 г.**[156]

Показатели	Номера батарей				
	1107	1108	1109	1110	18
Калибр орудий, мм	130	130	130	130	180
Расход боеприпасов	568	592	721	654	684
Количество стрельб: всего	41	40	42	33	56
с корректировкой	36	36	39	30	30
%	87	90	92,8	90,9	53

Глава 10
Начальная стадия борьбы за Кёнигсберг

Крепость Кёнигсберг являлась самой мощной крепостью кайзеровской Германии. Она была построена на обоих берегах реки Прегель в 8 км от впадения ее в залив Фришес-Хафф. Мелководье залива мешало большим морским судам входить в реку Прегель, и они обычно останавливались в гавани Пиллау в 50 км от Кёнигсберга, с которым гавань была соединена морским каналом.

К началу Первой мировой войны крепость состояла из долговременной центральной ограды около 9 км в обводе с несколькими люнетами впереди, из 12 больших крепостных фортов, 4 таких же промежуточных (малых) фортов, 25 казематированных казармубежищ для пехоты и 22 артиллерийских казематированных погребов на фортовых промежутках. Фортовый обвод составлял 44 км. К фортовой линии подходили 11 радиальных шоссейных и 5 железных дорог. Кольцевое шоссе шло вдоль всей позиции. Среднее удаление фортов от центра города составляло 6,5 версты. Промежутки между фортами — от 1,6 до 3,75 км.

Рассмотрим в качестве примера устройство форта № 5. Он представлял собой вытянутый по фронту шестигранник размером 360 х 180 м, окруженный водным рвом шириной 20–25 м и глубиной 3–5 м.

Шестигранник — одноэтажное центральное сооружение — включал в себя бывшие казармы солдат и офицеров, госпиталь, кухню, столовую, склады боеприпасов, продовольствия, снаряжения и топлива, караульное помещение, котельную, мастерские и вспомогательные помещения. Для их жизнеобеспечения были предусмотрены системы: отопления с дымовыми обогревательными каналами внутри стен, местного водоснабжения (из колодца), естественной вентиляции, выгребной канализации и энергообеспечения. Два внутренних дворика служили транспортными развязками и укрытиями для фортовых орудий.

Все подземные казематы имели сводчатые покрытия и были выполнены из многократно обожженного кирпича. В качестве коммуникационных переходов использовались центральная и боковые потерны (коридоры), позволявшие перемещать грузы на повозках. Казематированные траверсы соединялись с казематами центрального сооружения наружными и внутренними маршевыми и винтовыми лестницами.

На земляной насыпи (боевом валу) с защитной толщей в 3–4 м располагались прикрытые брустверами огневые позиции артиллерии с укрытиями для артиллеристов, талевыми подъемниками и лифтами для подъема боеприпасов (в казематированных траверсах), наблюдательные сооружения с неподвижными и вращающимися амбразурами.

Для обороны рва с водой в углах центрального сооружения предусмотрены многоамбразурные капониры и полукапониры.

Стоит заметить, что разрушение Кёнигсберга во Второй мировой войне начали не русские, а англичане. Причем если командование РККА наносило авиационные и артиллерийские удары по военным объектам, а также гражданским объектам, превращенным в узлы обороны, и делало это исключительно в интересах наступавших войск, то британские ВВС занимались в подавляющем большинстве случае уничтожением гражданского населения.

О разрушительных налетах английской авиации в августе 1944 г. хорошо рассказано в мемуарах коменданта крепости генерала от инфантерии Отто фон Ляша[157]: «В ночь с 26 на 27 августа английская авиация совершила налет на Кёнигсберг, в котором участвовало 200 самолетов. От налета пострадал почти исключительно район Марауненхоф между Кранцерской Аллеей и Аллеей Герцога Альбрехта. На юге бомбежка ограничилась кольцевым валом, то есть, не считая нескольких случайных бомб, не затронула внутренней части города. Поскольку на Кранцерской Аллее располагались административные учреждения, казармы, а в Ротенштайне — военные мастерские и склады, этот налет, пожалуй, еще можно расценить как нападение на военные объекты. Жертвы составили примерно 1000 человек убитыми. Около 10 000 человек остались без крова. Повреждено было примерно 5 % зданий.

В ночь с 29 на 30 августа последовал новый налет английской авиации, в котором участвовало около 600 бомбардировщиков. Первые бомбы упали 30 августа в час ночи. В противоположность первому налету объектом нападения явилась исключительно внутренняя часть города. Место бомбежки было точно обозначено осветительными ракетами, это был чисто террористический налет на густонаселенные, тесные городские кварталы. Со всей жестокостью противник успешно испробовал новые зажигательные бомбы, вызвавшие повсеместно пожары. Число убитых составило почти 2400 человек, осталось без крова 150 000, разрушено и сожжено до 48 % зданий. 8 % поврежденных зданий было восстановлено в течение шести последующих месяцев, остальные 40 % составляли здания, до основания разрушенные или сильно поврежденные. От бомбежки

пострадали только кварталы жилых домов, а из общественных и административных зданий — те, что располагались в жилых кварталах или по соседству с ними, например, старые хранилища на Хундегатте. Нетронутыми, однако, оказались газовый завод и электростанция, завод Посейдон, Имперуголь, мост Имперской железной дороги, Королевский мельзавод и зернохранилище, завод Штайнфурт, целлюлозные заводы Коссе и Закхайма, верфь Шихау, порт с его складами и хранилищами, Главный вокзал и т. д.».

Тот же Отто фон Ляш писал: «Строительство непосредственных оборонительных сооружений было начато, строго говоря, только в конце декабря 1944 г., когда поступил приказ — сосредоточить внимание на самой крепости. Поэтому многое из того, что возможно было построить в ходе длительной войны, оказалось уже неосуществимо. Кроме того, в смысле обеспечения ресурсами фронт, разумеется, всегда стоял на первом плане, и для него кое-что приходилось отдавать из запасов крепости.

Оборонительная линия предполья, состоявшая из окопов и кое-каких проволочных заграждений, в основном была подготовлена к боевым действиям. Однако из-за сильного натиска противника и невозможности занять ее целиком эта позиция мало себя оправдала. С начала января 1945 г. основное внимание было уделено поясу фортов, который оборудовался как передний край обороны.

Что касается строительства, при недостатке сил и средств, неблагоприятности погоды и ограниченности времени особо существенного в старых фортах сделать уже не удалось. Однако мы смогли дополнить их полевыми укреплениями — были оборудованы пулеметные и стрелковые гнезда на гребнях валов, расчищены секторы обстрела, устроены огневые точки и проволочные заграждения на гласисах, поставлены мины нажимного действия. Кольцо фортов было замкнуто противотанковыми рвами. Противотанковые пушки, предназначенные для фланкирования противотанковых рвов и прежде всего гласисов фортов, прибыли из Берлина слишком поздно.

Казармы фортов, которые еще до декабря были частично заняты административными органами и тому подобным, находились в пригодном состоянии. Ведущие от линии фортов в город дороги были минированы и оборудованы противотанковыми заграждениями электрического действия. Сыграли свою роль в боях на окраинах города 8–9 апреля и следующие укрепления XIX века: равелины „Хаберберг“ и „Фридланд“, Фридландские ворота, бастион „Прегель“, часть полевых укреплений, бастион „Литва“, валы между Прегелем и Обертайхом, Закхаймские и Королевские ворота,

бастион „Грольман“ с оборонительной казармой „Кронпринц“, Россгартенские ворота, башня „Дона“, башня „Врангель“, передовое укрепление „Бетгерсхефхен“, бастион „Штернварте“, ворота для вылазки».

После завершения Шяуляйско-Мемельской операции главные силы 1-го Прибалтийского фронта продолжали боевые действия против зажатой в курляндском котле группы армий «Север». Немцы сопротивлялись отчаянно и сдались там лишь в начале мая 1945 г.

В то время как главные силы 1-го Прибалтийского фронта вели бои с курляндской группировкой, 4-я ударная и 2-я гвардейская армии очистили от противника побережье Балтики севернее и южнее Мемеля. Однако сам город 4-я ударная армия взяла штурмом лишь 28 января 1945 г. Остатки разгромленного вражеского гарнизона бежали по морской косе Нерунг в Восточную Пруссию.

2-я гвардейская армия, выйдя с севера на подступы к Восточной Пруссии, к Неману, перешла к обороне на тильзитском направлении.

Таким образом, в конце 1944 г. — начале 1945 г. войска 1-го Прибалтийского фронта в силу сложившейся боевой обстановки были вынуждены действовать по трем резко расходящимся операционным направлениям. Поэтому по решению Ставки армии левого крыла — 2-я гвардейская, а затем и 43-я — были переданы в подчинение командующего 3-м Белорусским фронтом генерала И. Д. Черняховского, войска которого вышли к границам Восточной Пруссии с северо-запада и запада.

В начале февраля положение группы армий «Центр», защищавшей Восточную Пруссию, стало критическим.

Сухопутные коммуникации между Восточной и Западной Пруссией были перерезаны севернее города Эльбинга, а германские войска в Восточной Пруссии прижаты к Балтийскому морю в районе Кёнигсберга и расчленены. Так в этом районе образовались три вражеские группировки. Одна из них, самая крупная, юго-западнее Кёнигсберга, в укрепленном районе Хейльсберг. Здесь оборонялось до 20 дивизий. Другая группировка — северо-западнее Кёнигсберга, на Земландском полуострове, — насчитывала до пяти дивизий. Наконец, третья — в самом Кёнигсберге и на подступах к нему — имела в своем составе до пяти дивизий и целый ряд отдельных частей общей численностью около 140 тысяч человек.

По решению Ставки ликвидация хейльсбергской группировки была поручена 3-му Белорусскому фронту, а уничтожение земландской группировки и овладение Кёнигсбергом — 1-му Прибалтийскому фронту генерала И. Х. Баграмяна. В первой декаде февраля штаб и управления нашего фронта перебазировались из Курляндии в Восточную Пруссию, под

Кёнигсберг. Из состава 3-го Белорусского фронта для решения поставленной задачи были переданы 11-я гвардейская армия генерала К. Н. Галицкого, 43-я армия генерала А. П. Белобородова, 39-я армия генерала И. И. Людникова, а также 1-й танковый корпус генерала В. В. Буткова и другие средства усиления.

Несколько слов стоит сказать об артиллерийской поддержке германских войск крупными надводными кораблями. Из-за мелководья крупные корабли не могли поддерживать огонь непосредственно фортов Кёнигсберга, но они оказали эффективную поддержку германским войскам, действовавшим в этом районе.

Вот характерный пример. 29 января броненосец «Лютцов» (6 — 280-мм и 8 — 152-мм пушек), три эсминца и два миноносца к западу от маяка Росситен поддерживали артиллерийским огнем свои войска, оборонявшиеся на косе Курише Нерунг и в районе города Кёнигсберг.

25 марта с 11 ч 55 мин до 17 ч 00 мин немецкие крейсера «Принц Ойген» и «Лютцов», легкий крейсер «Лейпциг», семь эсминцев, два миноносца и четыре неопознанных корабля из района маяка Хела (7 миль к югу от мыса Хела) вели артиллерийский обстрел частей Красной Армии в районе Данциг, Гдыня.

27 марта «Лютцов», «Принц Ойген» (8 — 203-мм, 12 — 105-мм пушек) и 12 эсминцев и миноносцев оказали огневую поддержку германским войскам в районе Гдыня, Данциг.

29 марта с 15 ч 00 мин до 20 ч 00 мин «Лютцов» и «Принц Ойген» с четырьмя эсминцами и двумя миноносцами издали обстреливали советские войска в районе Данцига. Обстрелы продолжались 30 и 31 марта. Так, до 7 апреля эти корабли плюс учебный корабль «Шлезиен» (бывший броненосец кайзеровского флота, вооруженный четырьмя 280-мм и десятью 150-мм орудиями) продолжали практически ежедневно обстреливать наши войска.

К сожалению, ни флот, ни ВВС, ни сухопутная артиллерия не сумели помешать этим обстрелам. Ни один крупный германский корабль даже не был поврежден советскими силами.

«Лютцов», 16 апреля 1945 г. тяжело поврежденный британским бомбардировщиком «Ланкастер», в Свинемюнде сел на грунт, но продолжал вести артиллерийский огонь. 4 мая он был взорван экипажем.

«Принц Ойген» после войны был передан США и потоплен взрывом ядерной бомбы у атолла Квадженлейн.

«Шлезиен» получил тяжелые повреждения 3 мая 1945 г. при подрыве на мине у Свинемюнде.

Самым крупным успехом советской авиации стало потопление в порту Пиллау 18 апреля 1945 г. учебного суда «Драхе» («Drache», построено в 1908 г., водоизмещение около 2000 т, скорость 11 узлов, вооружение: 3 — 10,5-см и 1 — 2-см орудие) в ходе налета семи «Бостонов», 45 Пе-2 и 127 Ил-2. Потопление «Драхе» и нескольких торговых судов обошлось потерей пяти наших машин.

С середины февраля 1945 г. на подступах к Кёнигсбергу Красная Армия от наступательных операций перешла к позиционной войне. Германская пропаганда, превозносившая неприступные форты Кёнигсберга, оказала определенное воздействие на советское командование, и на 3-й Белорусский фронт с конца марта началось поступление соединений и частей РВГК.

Командование Балтийского флота направило к Кёнигсбергу 1-ю гвардейскую морскую железнодорожную артиллерийскую бригаду в составе одной батареи 180-мм пушек с дальностью стрельбы в 34 км и четырех батарей 130-мм пушек с дальностью стрельбы в 24 км — всего четыре 180-мм пушки и одиннадцать 130-мм. О действиях 1-й гвардейской железнодорожной бригады рассказано в отдельной главе, посвященной железнодорожной артиллерии.

В итоге к началу операции 3-й Белорусский фронт имел в своем составе 7242 орудия и миномета от 76-мм и выше, 860 зенитных орудий 37-мм и 85-мм калибра, 388 рам и 322 боевые машины реактивной артиллерии.

Отличительной особенностью действий под Кёнигсбергом являлось участие в ней значительного количества артиллерии большой и особой мощности, предназначенной для разрушения мощных долговременных крепостных укреплений. Так, в составе фронта имелось 842 орудия от 152-мм и выше, из них: 152-мм пушек — 12, 180-мм пушек — 4, 203-мм гаубиц — 94, 210-мм пушек — 12, 280-мм мортир — 18 и 305-мм гаубиц — 18.

Для штурма крепости и разгрома кёнигсбергской группировки противника были привлечены четыре армии: 43-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. П. Белобородова и 50-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. П. Озерова блокировали Кёнигсберг с севера и востока, а 11-я гвардейская армия, которой командовал генерал-полковник К. Н. Галицкий, занимала рубеж южнее Кёнигсберга фронтом на север; 39-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. И. Людникова находилась северо-западнее Кёнигсберга в готовности перерезать коммуникации гарнизона крепости и выйти к побережью залива Фришес-Хафф.

Помимо двух воздушных армий 3-го Белорусского фронта, привлекались авиационные соединения Ленинградского и 2-го Белорусского фронтов, 18-й воздушной армии и Балтийского флота. Вместе с советскими летчиками продолжал успешно действовать французский истребительный авиаполк «Нормандия — Неман». Всего в операции участвовало 2444 самолета.

На юге в полосе действия 11-й гвардейской армии было сосредоточено 4 отдельных дивизиона особой мощности:

— 330-й под командованием полковника С. Д. Кручинина (6 305-мм гаубиц обр. 1915 г.);

— 328-й под командованием майора А. А. Катунина (6 305-мм гаубиц обр. 1915 г.);

— 316-й под командованием майора Н. И. Штефона (6 280-мм мортир Бр-5);

— 329-й под командованием подполковника И. С. Торпинского (6 305-мм гаубиц обр. 1915 г.).

Они должны были действовать против фортов № VII, VIIb, IX и X.

На северо-западе в полосе действия 43-й армии были сосредоточены два отдельных дивизиона особой мощности:

— 245-й под командованием подполковника С. С. Мальцева (6 280-мм мортир Бр-5);

— 75-й под командованием капитана П. С. Чубакова (4 211-мм пушки К.38).

На северо-востоке в полосе действия 50-й армии сосредоточили также два отдельных дивизиона особой мощности:

— 226-й под командованием подполковника А. В. Осипчука (6 280-мм мортир Бр-5);

— 105-й под командованием капитана П. И. Кобзаренко (4 211-мм пушки К.38).

Части 43-й и 50-й армий должны были действовать против фортов № IV, V, Va, VI и VIIa.

Восточные форты № I, Ia, II, IIa, III, XI и XII атаковать не планировалось.

Пользуясь тем, что огневая мощь противника была относительно слаба, командование фронта придвинуло артиллерию особой мощности к переднему краю. Огневые позиции оборудовались часто на открытой местности по ночам. Орудия ставились в очень глубокие окопы, тщательно маскировались, чтобы противник не обнаружил их заранее. Это была чрезвычайно трудоемкая работа, но артиллеристы, помня старую поговорку

о том, что «пот артиллериста сберегает кровь пехоты», справились со всеми задачами и своевременно вывели свои грозные орудия на огневые позиции. К позициям тяжелой артиллерии были проложены тщательно замаскированные узкоколейные железнодорожные пути. По ним подвозились снаряды, заряды, различные принадлежности и механизмы.

Почти вся реактивная артиллерия сосредоточилась в полосе действий ударных группировок фронта 39, 43, 50-й и 11-й гвардейской армий.

Любопытно, что под Кёнигсбергом активно использовались трофейные германские шестиствольные реактивные минометы 15-см Nb.W 41. Официальные советские историки повсеместно ругали их, но в частях их любили. У меня есть даже ксерокопия советского «Руководства службы» на 15-см миномет, изданного Артакадемией в 1942 г. в Самарканде.

Забегая вперед, скажу, что в 1950–1953 гг. 15-см Nb.W 41 применялся корейскими и китайскими войсками в ходе Корейской войны, и, по оценке советских специалистов[158], шестиствольные минометы хорошо показали себя, в то время как 132-мм реактивные снаряды М-13 и их пусковые установки БМ-13Н действовали неудовлетворительно.

Командование 3-го Белорусского фронта создало группы артиллерийской блокады района Кёнигсберга и группы железнодорожной артиллерии для воздействия по морским и сухопутным коммуникациям и разрушения важных объектов в тылу противника.

Группа артиллерийской блокады создавалась из состава артиллерии 48-й армии и включала: армейскую группу в составе двух пушечных артполков особой мощности, 329-го и 570-го корпусных артполков, двух аэростатов 2-го воздухоплавательного дивизиона аэростатов наблюдения, 56-й прожекторной роты, 510-го отдельного корректировочно-разведывательного авиаполка; корпусную группу 29-го корпуса в составе 11, 356-го и 668-го авиаполков, двух прожекторов 56-й прожекторной роты; корпусную группу 53-го корпуса в составе 164, 379, 980-го артполков, 1-го и 3-го дивизионов 367-го артполка, 1-й и 3-й батарей 346-го артдивизиона 152-го укрепленного района, 1-го и 3-го дивизионов 68-й армейской пушечной артиллерийской бригады и одного аэростата 2-го воздухоплавательного дивизиона аэростатов наблюдения; корпусную группу 42-го корпуса в составе 294-го артполка и 2-го дивизиона 68-й армейской пушечной артиллерийской бригады. Всего группа артиллерийской блокады насчитывала 234 орудия, из них более 50 % калибром от 100 мм и выше.

Тут следует сделать маленькое уточнение: два пушечных артполка особой мощности — это артполки № 2 и № 20. В составе каждого имелось

по две 210-мм пушки Бр-17 и по шесть 152-мм пушек Бр-2.

Командование 3-го Белорусского фронта специально для штурма Кёнигсберга сформировало несколько штурмовых групп и отрядов.

Для непосредственного сопровождения штурмовых групп и отрядов из состава артиллерийских полков выделялись орудия и минометы калибром от 76 мм и выше. Кроме этого, действия штурмовых групп и отрядов поддерживались огнем одного-двух артиллерийских дивизионов. В отдельных случаях штурмовым отрядам придавались 152-мм и 203-мм орудия и 160-мм минометы для разрушения наиболее прочных целей.

В состав штурмового отряда, как правило, включались: взвод полковой батареи — два 76-мм орудия, две пушечные (6–7 орудий 76-мм) и одна гаубичная (2–3 орудия 122-мм гаубицы) батареи дивизионной артиллерии, рота 82-мм минометов, батарея 120-мм минометов, 4–5 самоходно-артиллерийских установок СУ-122, а также 3 танка Т-34. Штурмовые группы усиливались одной-двумя 45-мм пушками, одним-двумя 76-мм полковыми или дивизионными орудиями, одной 122-мм гаубицей; одной-двумя СУ-122 и одним-двумя танками.

За четыре дня до начала операции предусматривался однодневный период огневой разведки и вскрытия фортов и железобетонных сооружений с целью выявления и уточнения их расположения и трехдневный период разрушения. Это обусловливалось наличием большого количества целей, требующих разрушения, и недостатком светлого времени. Артиллерийская подготовка атаки планировалась большой продолжительности (3 часа), что определялось характером обороны противника. На прямую наводку выставлялось большое количество орудий, в том числе и крупного калибра, для разрушения целей на переднем крае и в ближайшей глубине обороны противника. Так, в 11-й гвардейской армии на прямую наводку было поставлено 475 орудий, что составляло 55 орудий на 1 км фронта.

В соответствии с планом 2 апреля артиллерия фронта начала огневое вскрытие долговременных сооружений. Вслед за огневым вскрытием артиллерия приступила к разрушению долговременных сооружений. Всего в период с 3 по 5 апреля разрушению подверглось 67 целей, из них 6 фортов.

Для разрушения фортов, железобетонных огневых сооружений и бетонированных убежищ привлекались орудия от 203-мм до 305-мм калибра. Разрушение каждого форта, как правило, производилось дивизионом, который работал в течение 3 суток по 5–6 часов в день. На каждый форт расходовалось от 360 до 440 снарядов. В результате получалось от 90 до 200 прямых попаданий с 12–15 сквозными

пробоинами в стенах форта. Несмотря на большое количество прямых попаданий, форты полностью разрушены не были.

На разрушение железобетонных огневых сооружений и убежищ расходовалось 120–150 снарядов 203-мм калибра. Разрушение производилось, как правило, одной батареей в течение 2–4 часов. Каменные строения и блиндажи легко разрушались 152-мм орудиями со средним расходом 30–50 снарядов.

В 9 часов утра 6 апреля началась артиллерийская подготовка в 11-й гвардейской армии, а часом позже к ней присоединилась артиллерия 43-й и 50-й армий. Неодновременное начало ее было вызвано сокращением на один час периода разрушения в 43-й и 50-й армиях вследствие того, что в период предварительного разрушения большинство целей было разрушено.

В 12 часов дня после мощной артиллерийской подготовки пехота и танки, прижимаясь к разрывам снарядов своей артиллерии, двинулись на штурм кёнигсбергских укреплений.

Согласно показаниям командира 69-й пехотной дивизии полковника Фолькера Каспара: «5 апреля 1945 г. русские предприняли наступление на Шарлотенбург (северное предместье Кёнигсберга), в результате которого им удалось полностью окружить Кёнигсберг и прекратить его снабжение по суше и водным путем.

Бой за Кёнигсберг после его окружения. 5 апреля 1945 г. кольцо окружения вокруг крепости полностью сомкнулось. В этот момент в Кёнигсберге находились: 61, 69, 367, 548-я и 561-я пехотные дивизии общей численностью до 70 000 человек, крепостная противотанковая артиллерия, насчитывавшая двести 88-мм орудий и 1200 человек, крепостная артиллерия — 50 стволов трофейных орудий калибра 150, 105 и 72 мм и 1000 человек, крепостные саперы — 1200 человек, полиция — 3000 человек, фольксштурм, таможенники, железнодорожники и т. п. — 20 000 человек. Всего в гарнизоне крепости было более 96 400 человек. Каждая пехотная дивизия имела в своем составе артиллерийский полк из четырех дивизионов (три легких дивизиона и один тяжелый). В каждом полку было 30 легких и 10 тяжелых полевых гаубиц. Таким образом, артиллерия всех дивизий, находившихся в крепости, насчитывала до 120 легких и 40 тяжелых полевых гаубиц. Боеприпасов было в каждом артиллерийском полку по 180 выстрелов на орудие; что же касается трофейных пушек, то они имели только по 30–40 выстрелов.

<…>

6 апреля 1945 г., в 10.00, по центру участка обороны 69-й пехотной дивизии, а также по участкам 157-го и 159-го пехотных полков русские

открыли ураганный огонь. Одновременно форты, расположенные на этих участках, были обстреляны тяжелой артиллерией. Русским удалось оттеснить нас к южным окраинам Понарт и Зелигенфельд. Началась борьба за Ной Форверк, который мы потеряли вечером. На участке 561-й и 548-й пехотных дивизий противник совершил глубокий прорыв до Шарлоттенбурга. Наш контрудар на этом участке не увенчался успехом, большая часть Шарлоттенбурга осталась в руках русских. В первый день боев 69, 561-я и 548-я пехотные дивизии потеряли примерно 30 % своего личного состава, иначе говоря, каждая дивизия потеряла до 3500 человек убитыми и ранеными. Из артиллерии 69-я пехотная дивизия потеряла десять легких полевых гаубиц, три легких пехотных орудия и одно тяжелое пехотное орудие. Какие потери в артиллерии понесли другие дивизии, я не знаю».

Глава 11
Штурм южных фортов Кёнигсберга

Как уже говорилось, штурм южных фортов от № 7 до № 10 был поручен 11-й гвардейской армии. Перед началом операции 11-я гвардейская армия была усилена рядом артиллерийских частей РВГК, в том числе 10-й артиллерийской дивизией прорыва.

Вся приданная армии артиллерия, за исключением трех пушечных артиллерийских бригад, была распределена между корпусами и объединена в полковые, дивизионные и корпусные группы. Пушечные бригады, оставленные в распоряжении армии, составили армейскую артиллерийскую группу. Полковые и дивизионные артиллерийские группы к началу операции создавались только в дивизиях первого эшелона. Штурмовые отряды были также обеспечены необходимым количеством артиллерии и минометов, в том числе крупнокалиберными системами.

Всего 11-я армия имела 1511 орудий и минометов. Такое число их обеспечивало создание средней плотности артиллерии в полосе намечавшегося прорыва в 177,7 орудий и минометов (в том числе 90,5 крупных калибров) на 1 км фронта. На направлении же главного удара (в полосе 1-й и 26-й дивизий) артиллерийская плотность достигала 190 стволов. В артиллерии мы превосходили противника в 2,8 раза.

В районе станции Гутенфельд, находившейся в полосе 11-й гвардейской армии, развернулись 404-й дивизион береговой железнодорожной артиллерии (четыре 130-мм батареи с дальностью стрельбы 24 км) и 18-я отдельная батарея 180-мм орудий с дальностью стрельбы 34 км. Их орудия вели огонь по удаленным целям: по трем танковым и одному пороховому заводам в Кёнигсберге, по фортам и мостам через реку Прегель.

К 30 марта в районы огневых позиций были выведены пристрелочные орудия, которые к 4 апреля закончили пристрелку целей и участков подавления. Тщательная разведка целей позволила только на первой позиции обороны Кёнигсберга выявить 109 целей, подлежавших разрушению артиллерией большой и особой мощности, а также орудиями крупных калибров. Из них было решено разрушить 88. Для предварительного разрушения орудиями большой и особой мощности намечалось 38 целей, в том числе форты № 8 и 10, 19 железобетонных убежищ, 5 узлов сопротивления из приспособленных к обороне групп

каменных зданий.

ПВО 11-й гвардейской армии располагала 2-й зенитно-артиллерийской дивизией, 1280-м армейским полком малокалиберной зенитной артиллерии и девятью зенитно-пулеметными ротами стрелковых дивизий. Всего армия имела 85-мм зенитных орудий — 16, 37-мм — 86 и 12,7-мм зенитных пулеметов — 172.

1280-й армейский зенитно-артиллерийский полк прикрывал армейские объекты (переправы через реку Прегель, штаб армии и армейские склады), 2-я зенитно-артиллерийская дивизия и зенитно-пулеметные роты стрелковых дивизий — боевые порядки войск. Кроме того, оперативное построение армии на всю глубину и особенно армейские объекты прикрывали фронтовые средства и средства ПВО страны.

В 11-ю гвардейскую армию входила 23-я гвардейская танковая бригада (44 танка Т-34) и 260, 338-й и 348-й гвардейские тяжелые самоходно-артиллерийские полки (в каждом по 21 машине ИСУ-152). Самоходно-артиллерийские дивизионы стрелковых дивизий насчитывали 92 машины СУ-76. Плотность танков и самоходно-артиллерийских установок непосредственной поддержки пехоты составляла в армии 23 машины на 1 км участка прорыва.

Каждому корпусу было придано по одному самоходно-артиллерийскому полку, а 8-му и 16-му корпусам, кроме того, и по одному батальону танков Т-34. Командиры корпусов распределили эти средства по дивизиям.

Бронетанковые средства использовались главным образом на направлении главного удара армии. Так, 26-ю и 1-ю гвардейские стрелковые дивизии поддерживали по три батареи САУ и по роте танков, имевших 66 единиц бронетехники. Фланговые же дивизии (83-я и 16-я) располагали лишь штатными самоходно-артиллерийскими дивизионами СУ-76. Таким образом, на направлении главного удара армии плотность танков и САУ была значительно усилена, а с учетом танков и САУ дивизий второго эшелона, применение которых было наиболее вероятно на главном направлении, она составляла в полосе 26-й и 1-й дивизий (3 км) 37 единиц на 1 км фронта.

Чтобы обеспечить выполнение пехотой ее задач, танки и САУ должны были огнем и гусеницами подавлять и уничтожать огневые точки и живую силу врага на переднем крае, не допускать контратак со стороны его резервов, уничтожать огневые точки в укрепленных домах, разрушать баррикады на улицах.

Командующий 11-й гвардейской армией генерал-полковник

К. Н. Галицкий писал о начале наступления: «На рассвете 6 апреля Маршал Советского Союза А. М. Василевский отдал приказ начать наступление в 12 час. Получив его, Военный совет армии предложил всем командирам и политорганам соединений и частей немедленно довести боевую задачу до всего личного состава первого эшелона и добиться полной ясности в ее понимании.

Ровно в 9 часов артиллерия армии — 1500 орудий и минометов, в том числе 769 крупных калибров, — начала артиллерийскую подготовку. Земля задрожала от гула канонады. Вражеские позиции по всему фронту прорыва закрыла сплошная стена разрывов снарядов. Город заволокло густым дымом, пылью и огнем. Но это не мешало нашим артиллеристам бить по заранее намеченным целям. Сквозь бурую пелену можно было рассмотреть, как наши тяжелые снаряды сносят земляные покрытия с укреплений фортов, как взлетают в воздух куски бревен и бетона, камни, исковерканные детали боевой техники. С ревом проносились над нашими головами снаряды „катюш“.

На бетонных крышах фортов, прикрытых густым слоем земли, росли целые рощи старых деревьев. Издали их можно было даже принять за небольшие заросшие холмы. Чтобы добраться до кирпичных или бетонных сводов, требовалось прежде всего сбросить с фортов этот слой земли и деревья. Наши артиллеристы отлично справились с такой задачей. Сброшенная земля и деревья нередко закрывали амбразуры огневых точек, которыми был насыщен передний край обороны.

Через час мы услышали доносившиеся с севера нарастающие громовые раскаты. Это била артиллерия 43-й и 50-й армий.

Огневой шквал длился ровно два часа. До 11 часов, как и предусматривалось планом, артиллерия 11-й гвардейской армии разрушала оборонительные сооружения и уничтожала живую силу и огневые точки врага. В 9 час 20 мин армейская группа дальнего действия произвела огневой налет на немецкие батареи, а с 9 час 50 мин до 11 час 20 мин вела огонь по обнаруженным огневым позициям артиллерии и минометов.

Одновременно полки реактивных минометов подавляли активно действующие минометные батареи и опорные пункты противника в ближайшей глубине. С 11 час 60 мин до 11 час 20 мин орудия, поставленные на прямую наводку, разрушали цели на переднем крае. После этого до 12 часов вся артиллерия армии вела огонь на подавление огневых средств и живой силы врага в траншеях, ходах сообщения и опорных пунктах на глубину до 2 км, причем минометы вели огонь главным образом против живой силы в траншеях. Артиллерия дивизионных и корпусных

групп уничтожала огневые средства, минометные батареи и живую силу в опорных пунктах, артиллерия армейской группы вела контрбатарейную борьбу. В конце артиллерийской подготовки все огневые средства пехоты открыли огонь по переднему краю противника.

Яростное сопротивление встретили и войска 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Первая атака его соединений не дала значительных результатов. 84-я гвардейская дивизия с 338-м тяжелым самоходно-артиллерийским полком, использовав успех 31-й дивизии, своим правым флангом к 13 часам прорвала оборону немцев и начала продвигаться в направлении Праппельна. В то же время ее левофланговый 243-й полк был встречен сильным пулеметным и артиллерийским огнем форта № 8, вплотную к которому он подошел, и остановился перед противотанковым рвом. Дивизия, ведущая борьбу за форт, вынуждена была атаковать Праппельн малыми силами и, естественно, успеха не имела. Не достигла цели и артподготовка. Снаряды снесли крыши домов, разрушили потолки, но подвалы с бетонными или кирпичными перекрытиями остались целы. Видимо, для полного разрушения таких домов требовались орудия больших калибров, чем те, какими располагала 84-я дивизия. Отстав от своего правого соседа, она задерживала его наступление.

Вместе с генералом Кошевым мы срочно выехали в штаб дивизии. Разобравшись на месте в обстановке, мной было приказано блокировать форт № 8 одним, максимум двумя батальонами, а остальные силы дивизии перегруппировать к ее правому флангу и нанести удар в направлении Праппельна для прорыва промежуточного оборонительного рубежа и обеспечения ввода в бой дивизии второго эшелона. Армейская артиллерия получила приказание подавить опорный пункт Праппельн более крупными калибрами»[159].

Несколько слов стоит сказать о форте Кёнигсберга «Фридрих I». Его строительство закончилось в 1894 г. Форт был построен в основном из кирпича. Бетонные сооружения возвели позже. В плане он представлял собой вытянутый по фронту пятиугольник размером 205 х 135 метров и состоял из следующих сооружений: вала и рва, опоясывающих форт по всему периметру; ширина рва по дну составляла 10 метров, глубина — 7 метров; напольного капонира, состоявшего из двух боевых казематов, каждый из которых имел амбразуры для ведения пулеметного огня; двух боковых полукапониров; двух внутренних двориков форта; главного сооружения в два этажа (казарменные и хозяйственные помещения); дота, защищавшего вход в форт, с двумя амбразурами для пулеметного огня; двух броневых наблюдательных пунктов на поверхности форта.

Артиллерия и минометы гарнизона располагались на открытых позициях. При огневом воздействии наступающих весь гарнизон мог укрыться в подземных сооружениях. Расчеты артиллерии и минометов могли укрыться в двух внутренних двориках, которые обеспечивали их защиту от навесного огня. Подступы прикрывались плотным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, а также противотанковыми и противопехотными препятствиями. На запад и юг от форта тянулся противотанковый ров.

Штурм форта № VIII был получен 243-му стрелковому гвардейскому полку 84-й гвардейской дивизии. К началу наступления 243-й гвардейский полк имел три стрелковых батальона, в каждом батальоне — по две стрелковых роты численностью 50–60 человек каждая. Вместе с приданной артиллерией в полку было восемь 45-мм пушек, две 76-мм пушки полковой артиллерии, тринадцать 82-мм минометов, пять 120-мм минометов, шесть 76-мм пушек дивизионной артиллерии, десять 122-мм гаубиц. Кроме того, наступление полка обеспечивалось артиллерией из состава артиллерийских групп армии, корпуса и дивизии. В результате плотность составляла около 100 орудий и минометов на 1 километр фронта.

Батальонам были поставлены следующие задачи.

3-му батальону с батареей САУ-76 прорвать оборону немцев на участке безымянная высота северо-восточнее отметки 14,1, преодолеть противотанковый ров и выйти к мукомольной фабрике, в последующем наступать на Шенбуш. Передовым отрядом в составе усиленной стрелковой роты захватить мост на шоссе через реку Беек. Батальон поддерживался одним дивизионом артиллерийского полка.

1-му батальону было приказано во взаимодействии с 3-м батальоном прорвать вражескую оборону западнее противотанкового рва, блокировать форт и уничтожить его гарнизон; в последующем наступать во втором эшелоне полка. На поддержку первого батальона выделялся один дивизион гаубичного артиллерийского полка.

2-му батальону, усиленному двумя самоходно-артиллерийскими установками, батареей полковых 76-мм орудий, двумя 45-мм пушками, двумя взводами саперов инженерного батальона и отделением ранцевых огнеметов, наступать во втором эшелоне полка за 3-м батальоном. После прорыва переднего края обороны противника и выхода 3-го батальона на линию форта № VIII 2-й батальон должен был развернуться из-за правого фланга 3-го батальона и во взаимодействии с ним овладеть мукомольной фабрикой, в последующем наступать на Шенбуш, к исходу дня выйти на рубеж реки Беек. С вводом батальона в бой его должны были поддерживать

батарея гаубичного артиллерийского полка и минометная батарея полка.

Приданной артиллерии предназначалось уничтожение огневых точек и живой силы на переднем крае и в ближайшей глубине обороны противника, разрушение фортификационных сооружений и подавление системы огня форта № VIII. По плану дивизии продолжительность артиллерийской подготовки атаки устанавливалась 90 минут.

6 апреля в 9 ч 30 мин началась артподготовка атаки. Из-за неблагоприятных погодных условий советская авиация в первой половине дня боевых действий не вела.

В 11 ч 50 мин, за 8 минут до окончания артиллерийской подготовки, 3-й и 1-й батальоны 243-го гвардейского полка перешли в атаку.

3-й батальон, уничтожив боевое охранение противника у отметки 14,1, быстро преодолел передний край обороны и на своем участке вышел на дорогу восточнее форта № VIII. Командир полка решил развить успех 3-го батальона, введя в бой 2-й батальон, который развернулся из-за правого фланга 3-го батальона и во взаимодействии с ним начал наступление в направлении мукомольной фабрики. 1-й батальон, преодолевая огневое сопротивление противника, с ходу овладел первой траншеей, уничтожил в ней расчеты трех пулеметов, захватил 12 пленных из 236-го пехотного полка и подошел непосредственно к форту № VIII, охватив его полукольцом с юго-востока и запада.

Слабый огонь немцев в момент наступления связан с тем, что значительная часть их живой силы была уничтожена огнем нашей артиллерии, а оставшиеся в живых отошли на промежуточный оборонительный рубеж: Праппельн, Шпандинен, мукомольная фабрика.

Гарнизон форта № VIII, оборонявший рубеж на отметках 14,1 и 6,6, укрылся в подземных сооружениях форта, оставив в траншеях незначительное прикрытие. 2-й и 3-й батальоны, обойдя форт с северо-востока и развивая наступление, к 15 часам 6 апреля завязали бой у мукомольной фабрики.

245-й стрелковый полк справа в это время вел бой за населенный пункт Праппельн, 43-й стрелковый полк слева — за Кальген.

В районе мукомольной фабрики противник открыл сильный огонь. Бой за овладение опорным пунктом не прекращался всю ночь, и только к 5 часам утра 7 апреля 2-му и 3-му батальонам удалось уничтожить оборонявшихся здесь немцев. 245-й стрелковый полк к утру 7 апреля занял Шпандинен.

1-й батальон во второй половине дня 6 апреля продолжал вести бой за форт. 1-я стрелковая рота, уничтожив до взвода противника, овладела

второй траншеей. 2-я рота после получасового боя также ворвалась во вторую траншею юго-западнее капонира, захватив в этом бою пятерых пленных.

К 18 часам гарнизон форта № VIII был отрезан 1-й и 2-й ротами от господского двора Кальген и района мукомольной фабрики и прочно блокирован в подземных укрытиях.

Выдвижение этих рот ко рву форта началось в 18 часов после огневого налета артиллерии и минометов полка по вражеским пулеметным точкам, находившимся на поверхности форта в его юго-восточной и северо-западной частях.

К 24 часам роты, обтекая форт с юго-запада и северо-востока, полностью замкнули кольцо окружения и подошли вплотную ко рву. Отвесные напольные стенки высотой 7 метров были облицованы камнем; с наружной стороны имелась железная ограда. Попытки наших солдат спуститься в ров с ходу успеха не имели, так как в любом месте дно рва простреливалось пулеметным огнем противника из капонира и полукапониров. Подавить же этот огонь было невозможно, так как бойницы находились ниже уровня внешнего бруствера рва на 6 метров и ведение огня по бойницам сверху никаких результатов не давало.

К вечеру 6 апреля в распоряжение командира 1-го батальона прибыли два взвода фугасных огнеметов. В час ночи 7 апреля командир батальона гвардии майор Романов собрал на наблюдательном пункте, расположенном в двухстах метрах северо-западнее центрального капонира, командиров рот и приданных подразделений и поставил перед ними задачи: 1-й роте — закрыть выход из форта с северной стороны; 2-й роте — штурмовать форт с юго-западной стороны под прикрытием дымовой завесы и огнеметов.

Для преодоления рва командир батальона выбрал место в ста метрах северо-западнее центрального капонира, амбразуры которого легче всего подвергались воздействию огнеметов.

В течение ночи по наружной стороне рва над центральным капониром были расставлены веером фугасные огнеметы и установлены станковый и ручной пулеметы. На рассвете 7 апреля в ров севернее центрального капонира было сброшено несколько мелких дымовых шашек. Нацеленные по амбразурам семь фугасных огнеметов заставили противника прекратить огонь. 2-я рота быстро спустилась на дно рва по заготовленным заранее лестницам, преодолела его и по пологой противоположной стенке довольно легко поднялась на центральную часть форта, где захватила несколько проломов, образовавшихся в перекрытиях в результате нашего артиллерийского огня и бомбометания. Противник, сосредоточив все свое

внимание на действиях 2-й роты в районе центрального капонира, ослабил огонь по центральному входу в форт. Этим воспользовалась первая рота, которая быстро спустилась в ров с восточной стороны и под прикрытием пулеметного огня и огня снайперов начала забрасывать гранатами окна первого этажа правого крыла казармы. Воспользовавшись паникой противника, рота свободно прошла по рву, достигла центрального входа и через него проникла внутрь форта.

К этому времени солдаты 2-й роты проникли внутрь форта сверху, через проломы в перекрытиях и, очищая помещение форта, начали продвигаться навстречу 1-й роте.

Немцы, не выдержав одновременного удара с двух сторон, сложили оружие. К 11 часам 7 апреля из казематов форта было взято в плен до ста фашистских солдат и офицеров, среди них капитан — комендант форта № VIII, три обер-лейтенанта, шесть фельдфебелей и три обер-фельдфебеля. На втором этаже казармы наши солдаты обнаружили 38 раненых. Было уничтожено до 250 солдат и офицеров противника. Батальон захватил 6 орудий, 38 пулеметов, 200 винтовок, четыре 81,4-мм миномета и склад с месячным запасом продовольствия, горючего и боеприпасов.

Следует заметить, что по форту № VIII непрерывно вел огонь 329-й артдивизион (6 305-мм гаубиц обр. 1915 г.). Сооружения форта получили 78 попаданий 305-мм снарядов. Однако сквозных пробоин было всего пять. При этом полностью разрушенным оказался только правый капонир.

О штурме форта № IX «Дона» известно из отчета командира 3-го взвода 2-й роты 8-го отдельного гвардейского штурмового инженерно-саперного батальона гвардии лейтенанта Кислякова.

9 апреля в 14 ч 00 мин его штурмовой отряд остановился в 400 метрах от форта. «Отделение автоматчиков и отделение саперов под прикрытием минометного огня пошли в разведку. Разведка прошла в целом успешно, хотя и потеряли двух солдат. Главное же — доставили „языка“, который довольно охотно и подробно рассказывал об обороне форта.

Форт прикрывался с фронта двумя земляными валами. В траншеях этих валов засела пехота противника в составе усиленной роты с четырьмя станковыми пулеметами. Слева — огонь из капонира, справа — пруд Обер-Тайх, омывающий отвесные стены северо-западной части форта. Между земляными валами — минное поле. Перед фортом — широкий ров, заполненный водой.

Из амбразур форта по открытой перед ним местности били восемь станковых пулеметов и несколько орудий. С наступлением темноты после короткого огневого артналета группа штурма под прикрытием танков

ворвалась в первую траншею. Саперы немедленно приступили к проделыванию проходов в минном поле между траншеями. Гитлеровцы открыли огонь, но четыре прохода саперам проделать все же удалось. По ним к форту подошли танки, самоходные установки и стали бить по нему прямой наводкой. Автоматчики ворвались во вторую траншею, а саперы обошли тем временем форт с тыла, забрались на капонир и взорвали его сосредоточенным зарядом, открыв таким образом свободный подход к форту слева.

К массивным воротам форта через ров был перекинут мост. Не оставалось сомнений, что он заминирован. Отделение саперов сержанта Голышева успело опередить замешкавшихся гитлеровцев и обрезало все провода, ведущие к подвешенным к мосту зарядам.

При помощи стрелков саперы стали подтаскивать взрывчатку, чтобы подорвать ворота и стены форта. К рассвету полтонны взрывчатки готовы были поднять часть форта на воздух. Но тут начальник его гарнизона выслал парламентеров с предложением о безоговорочной капитуляции.

В 5.00 10 апреля штурмовой отряд вошел в крепость»[160].

Несколько слов стоит сказать и об артиллерии 31-й гвардейской стрелковой дивизии (16-го гвардейского стрелкового корпуса), наступавшей в районе форта № IX.

К началу наступления на Кёнигсберг дивизия имела в своем составе 4528 человек и на вооружении, кроме винтовок и автоматов, 105 ручных и 53 станковых пулемета, 45-мм орудий — 23, 82-мм минометов — 45, 120-мм минометов — 14, 76-мм полевых пушек — 6, 76-мм дивизионных пушек — 32 и 122-мм пушек — 10.

В состав дивизии входили: 95, 97-й и 99-й гвардейские стрелковые полки, 64-й гвардейский артиллерийский полк и 36-й отдельный гвардейский самоходно-артиллерийский дивизион. В каждом стрелковом полку было по три стрелковых батальона, в каждом батальоне — по две стрелковые роты. Стрелковые роты имели по 60–65 человек личного состава.

Из средств усиления дивизии были приданы батарея тяжелого самоходно-артиллерийского полка (четыре САУ-122), истребительно-противотанковый артиллерийский полк, минометный полк, гаубичный артиллерийский полк, две батареи корпусного артиллерийского полка, батальон штурмовой инженерно-саперной бригады, отдельный моторизованный противотанковый огнеметный батальон и взвод отдельного батальона ранцевых огнеметов.

Во время атаки дивизии дополнительно должны были поддерживать

минометный полк и дивизион пушечной артиллерийской бригады. Кроме того, в полосе дивизии должна была действовать артиллерия из состава корпусной и армейской артиллерийских групп.

Таким образом, в полосе дивизии было сосредоточено 252 орудия и миномета калибром 76 мм и выше, что позволяло иметь плотность 126 орудий и минометов на 1 км фронта. С учетом артиллерии армейской артиллерийской группы плотность повышалась до 140 орудий и минометов.

Если вспомнить 1941 год, то о такой огневой мощи не мог мечтать ни один корпус, да и не всякая армия.

О судьбе фортов № X «Канитц», № XI «Денроф» и № XII «Ойленбург», находившихся в полосе наступления 8-го гвардейского стрелкового корпуса, известно мало. К концу дня 6 апреля оба форта были окружены. По форту № X вели огонь 305-мм гаубицы 330-го артиллерийского дивизиона. Попало 172 снаряда, сквозных пробоин оказалось только две, центральный вход был завален, разрушен правый капонир.

Утром 7 апреля форт № X капитулировал, в середине дня взяли форт № XI. Вечером сдался форт № XII. Части 8-го гвардейского стрелкового корпуса прошли район Розенау и вышли к реке Старый Прегель (Альтер Прегель) — левому рукаву реки Прегель.

Глава 12
Штурм северных фортов Кёнигсберга

43-я армия действовала против фортов № V, Va, VI и VIIIa. Командующий армией генерал-лейтенант А. П. Белобородов писал: «В каждой дивизии первого эшелона были созданы два штурмовых отряда (усиленные стрелковые батальоны) и четыре штурмовые группы (усиленные стрелковые роты). Что представлял собой штурмовой отряд? Он состоял из трех стрелковых рот (180 человек), пулеметной и минометной рот (еще 70 человек), а всего в нем насчитывалось 250 бойцов и офицеров. Из огневых средств помимо пулеметов отряд имел 21 орудие различных калибров (от 76 до 152 мм), около 60 минометов (калибры — от 82 до 160 мм), 9 танков и самоходно-артиллерийских установок. В общей сложности это 90 артиллерийско-минометных стволов, или по одному стволу на каждых двух стрелков. Внушительные цифры!

Насытить артиллерией боевые порядки пехоты и одновременно обеспечить ее продвижение огнем тяжелых батарей из глубины мы смогли за счет приданных нам артиллерийских средств. Армию усилили 5-м артиллерийским корпусом генерала Л. Н. Алексеева (две артиллерийские и одна гвардейская минометная дивизии) и рядом других частей и соединений. В результате на каждый километр участка прорыва армия имела по 230 стволов, причем более половины из них — тяжелые»[161].

Форт № V «Кениг Фридрих Великий», который Белобородов и ряд других авторов ошибочно называли по имени расположенного рядом населенного пункта Шарлоттенбург, был построен в 1887–1891 гг. с применением нового тогда материала — бетона. Тогда же применили впервые и так называемую противооткольную одежду из волнистой стали.

Наряду с бетоном в форте № V нашли применение и броневые конструкции при оборудовании наблюдательных сооружений.

Форты № Va «Лендорф» и № VI «Королева Луиза», который ряд авторов ошибочно называли по ближайшему населенному пункту Иудиттен, устроены подобно форту № V. Их форма — пятиугольник площадью 7 — 10 гектаров. На три этажа сооружение уходило в землю. Стены и верхние перекрытия из кирпичной кладки 2–2,5-метровой толщины, усиленной еще метровым слоем бетона. А сверху форт накрывала земляная «подушка» толщиной 4–5 метров, густо поросшая

деревьями и кустарником. Форт окружен высоким валом, бетонированные откосы которого спускались в заполненный водой ров шириной от 15 до 30 м.

В напольных стенках имелось множество амбразур для ведения ружейно-пулеметного огня и несколько орудийных капониров. Гарнизон форта — от 300 до 500 человек, артиллерийское вооружение — до 20 орудий и минометов, большая часть которых установлена во внутреннем дворе, на специально оборудованных площадках. Двор этот, открытый сверху, представлял собой настоящий лабиринт каменно-бетонных проулков, теснин и тупиков. И в каждой стене имелись бойницы, что позволяло гарнизону вести упорный бой даже после прорыва наступающей стороны на территорию форта.

В последние годы немцы усилили крепостную оборону постройкой пулеметных дотов между фортами, а кроме того, соединили их громадным противотанковым рвом, который пересекал весь 5-километровый участок прорыва 43-й армии и тянулся за его пределы, опоясывая Кёнигсберг.

Белобородов писал: «Вместе с генералом Щегловым мы побывали на артиллерийских наблюдательных пунктах, убедились, что разрушить все форты сразу будет трудно. И дело тут не только в мощном боевом покрытии этих сооружений.

С наблюдательного пункта подполковника Мальцева форт № 5 — приземистый холм, поросший лесом, — просматривался хорошо, он находился вблизи переднего края, в 600–700 метрах от нас. Значит, и корректировка огня по форту облегчена.

Мы перешли на наблюдательный пункт капитана Чубукова. Отсюда форт № 5-а, расположенный в глубине обороны противника, был виден уже хуже, а дальний форт № 6 вообще терялся в дымке, за садами и парками западного пригорода.

— Сначала разрушим форты номер пять и пять „а“, — сказал Щеглов. — За форт номер шесть примемся, когда прорвем фронт и подойдем к Иудиттену. Иначе — пустая трата снарядов.

Но кроме этих фортов были в нашей полосе и другие — в самом городе, близ центральной его части. Старинной постройки, меньшие по объему, они прикрывали с севера военный центр Кёнигсберга — Августовские казармы, управление военного округа и комендатуру крепости. Пока что эти укрепления находились слишком далеко от наших наблюдательных пунктов, и визуальная корректировка стрельбы по ним также исключалась.

Штурм крепости был назначен на 5 апреля, а с 1 апреля начиналась

четырехдневная артподготовка. Главную роль в ней играли орудия большой и особой мощности. За этот срок им предстояло разрушить форты, доты и прочие долговременные сооружения. Однако длительный обложной дождь, хлынувший под утро 1 апреля, вынудил командование перенести начало артподготовки на целые сутки. Соответственно перенесен был и день пехотной атаки — на 6 апреля.

Весь день 2 апреля гаубицы, пушки-гаубицы и тяжелые минометы вели огневую разведку целей. Прежде чем начать разрушение фортов, дотов, железобетонных убежищ, надо было снять с них многометровое прикрытие, а в ряде случаев, когда разведданные вызывали сомнение, убедиться, что под этими холмами и рощами действительно скрыты долговременные оборонительные сооружения.

Артиллерийский огонь постепенно снимал с целей земляную „подушку“. Разрывы с характерным серым дымом подтверждали, что снаряды рвались на бетонном покрытии, красный дым обозначал разрыв на кирпичной кладке.

Когда вскрытие целей было закончено (не подтвердилась только одна, оказавшаяся земляным бугром), вступили в дело орудия большой и особой мощности. Выявленные огневой разведкой доты, железобетонные убежища и дзоты вскоре же, после 2–6 прямых попаданий, были разрушены»[162].

По фортам № V, Va и VI работали дивизионы особой мощности подполковника С. С. Мальцева (6 280-мм мортир Бр-5) и № 75 капитана П. С. Чубакова (4 211-мм трофейные пушки К.38, которые Белобородов почему-то считал мортирами). Форт № V получил 73 попадания 280-мм снарядов, но из них сквозными оказались только два. По другой версии, за три дня — 3, 4 и 5 апреля — по форту № V 254-й дивизион выпустил 360 280-мм снарядов, из которых попали 86.

По версии Белобородова, форт № V получил 90 прямых попаданий 211-мм и 280-мм снарядами.

В самом начале штурма германская артиллерия накрыла советский главный командный пункт. Генерал армии Баграмян получил легкие ранения, а генерал-лейтенант Белобородов — контузию. Через несколько минут с передовой возвратился маршал Василевский. Вместо соболезнования он отчитал генералов: на дворе открыто стояли джипы. Они-то и демаскировали командный пункт.

На форт № V наступала 235-я стрелковая дивизия. В состав дивизии входили 732, 801-й и 806-й стрелковые и 682-й артиллерийский полки. В результате потерь, понесенных в предыдущих боях, личный состав в стрелковых полках был сведен в два батальона. При этом в каждом полку

один батальон имел три стрелковые роты, а другой две. Состав стрелковых рот не превышал 50–60 человек. Всего к началу наступления в дивизии было 3670 человек.

Для обеспечения успешного прорыва обороны противника 235-я дивизия была усилена восемью дивизионами артиллерии, двумя батареями 1491-го самоходно-артиллерийского полка (9 САУ-76), одной батареей 345-го тяжелого самоходно-артиллерийского полка (САУ-122), ротой танков 153-й танковой бригады (6 танков Т-34), 16-м штурмовым инженерно-саперным батальоном и 13-м отдельным моторизованным противотанковым огнеметным батальоном (45 фугасных огнеметов). Кроме того, из состава корпусной артиллерийской группы на поддержку дивизии было выделено 65 орудий, две установки реактивной артиллерии М-8, одна установка М-13, 10 установок М-31-12 и 100 рам М-31.

Борьба с танками противника возлагалась на всю артиллерию дивизии. Наличие в боевых порядках пехоты достаточного количества орудий сопровождения надежно обеспечивало противотанковую оборону частей дивизии.

В артиллерийско-противотанковом резерве командира дивизии находилась батарея 217-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона.

Кроме того, задача борьбы с танками была поставлена 13-му отдельному моторизованному противотанковому огнеметному батальону, который должен продвигаться за левым флангом дивизии и своевременно закреплять рубежи, занятые пехотой.

По приказанию командира 54-го стрелкового корпуса в 19 часов 5 апреля в полосе наступления дивизии была проведена разведка боем с задачей выявления системы огня противника на переднем крае и уточнения его группировки путем захвата контрольных пленных.

В установленное время артиллерия и минометы открыли огонь по противнику. Под прикрытием огня 2-я стрелковая рота 801-го стрелкового полка со взводом разведывательной роты дивизии, используя изготовленные лестницы и подручный материал, преодолела противотанковый ров и продолжала движение к первой траншее противника. Противник, обнаружив направление действия роты, открыл сильный огонь и прижал ее к земле.

Разведвзвод дивизии поднял бойцов в атаку, и солдаты 2-й стрелковой роты ворвались в первую траншею немцев. В этом бою было уничтожено 20 немецких солдат и офицеров, один солдат взят в плен.

Пленный, принадлежавший 1-й роте 1095-го пехотного полка, показал,

что немцы в ночь на 5 апреля произвели перегруппировку: подразделения 75-го охранного полка, ранее оборонявшиеся на переднем крае, были выведены в резерв, а их место занял 1-й батальон 1095-го пехотного полка 548-й пехотной дивизии.

По приказанию командира дивизии для обеспечения правого фланга 2-й стрелковой роты от удара противника со стороны форта № V на перекресток шоссе и противотанкового рва к 21 часу 5 апреля была выдвинута 3-я стрелковая рота 801-го полка, находившаяся во втором эшелоне батальона. Орудия 801-го полка, выделенные для стрельбы прямой наводкой, также были выдвинуты в район 2-й и 3-й стрелковых рот.

Саперы дивизии в ночь на 6 апреля построили через противотанковый ров мост грузоподъемностью 60 т и произвели на участке, занятом ротой, разминирование бывшего переднего края обороны противника.

В 10 часов 6 апреля по всему фронту армии началась мощная артиллерийская подготовка, которая длилась два часа. Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью три часа, но, учитывая то обстоятельство, что основные долговременные сооружения были разрушены до начала наступления, продолжительность артиллерийской подготовки была сокращена на один час. В полосе 235-й стрелковой дивизии артиллерийская подготовка, как и планировалось, началась продолжением разрушения форта № V артиллерией особой мощности с закрытых огневых позиций и мощным огневым налетом всей артиллерии по ближайшей тактической глубине. Следует отметить, что артиллерия противника в это время ответного огня не вела. Ввиду неблагоприятных метеорологических условий действия нашей авиации ограничились лишь отдельными вылетами разведчиков.

По докладам командиров частей, к 12 часам огневые точки и оборонительные сооружения в пределах наблюдения были разрушены или подавлены, управление у противника, по их заключению, было нарушено, форт № V прекратил ведение огня.

Ровно в 12 часов штурмовые отряды 806-го и 801-го стрелковых полков с танками и самоходно-артиллерийскими установками перешли в атаку; артиллерия и минометы поддерживали атаку двойным огневым валом.

В первые 30 минут штурмовой отряд 806-го стрелкового полка, обойдя форт № 5 с запада, блокировал его и завязал бой за населенный пункт Шарлоттенбург.

Немцы вели сильный пулеметный и минометный огонь из двух каменных домов господского двора, приспособленных к обороне.

Командир штурмового отряда выделил для уничтожения противника, засевшего в домах, группу в составе семи автоматчиков, трех саперов и двух огнеметчиков.

Выделенные бойцы под прикрытием огня автоматчиков, танков и самоходно-артиллерийских установок штурмового отряда, обстреливавших окна и амбразуры в стенах зданий, короткими перебежками и переползанием начали приближаться к противнику. Подойдя к объектам атаки, группа разделилась на две части и начала обтекать дома справа и слева. Зайдя в тыл противнику, огнеметчики произвели огнеметание по окнам подвальных помещений и первого этажа, одновременно забросав ручными гранатами засевших там немцев. В результате в домах возникли пожары. Немцы в панике начали выбегать из горящих домов, но здесь попадали под автоматный огонь остальных бойцов штурмовой группы.

В это время 2-й взвод 2-й стрелковой роты под командованием лейтенанта Джабаева из состава штурмового отряда 806-го стрелкового полка ворвался на территорию форта. Гарнизон форта, укрывшись в его сооружениях, оказывал сопротивление огнем из капониров. Оставив часть сил для блокирования форта, штурмовой отряд продолжал наступление, с ходу захватил вторую траншею и, уничтожая противника огнем всех видов, вышел на северозападный берег оврага перед третьей траншеей противника.

Штурмовой отряд 801-го стрелкового полка стремительной атакой овладел перекрестком шоссейных дорог западнее отметки 28,7, ворвался во вторую траншею на северо-западной окраине пригорода и на плечах противника вышел к третьей траншее.

Штурмовые отряды 806-го и 801-го стрелковых полков встретили огневое сопротивление противника из третьей траншеи, проходившей по южному берегу оврага, что в километре юго-восточнее Шарлоттенбурге, и улицам пригорода.

Штурмовой отряд 806-го стрелкового полка, под прикрытием огня орудий сопровождения, танков и самоходно-артиллерийских установок, быстро преодолел овраг и, ворвавшись в третью траншею, начал бой в пригороде. В это время саперы сделали переходы через овраг для танков и артиллерии, и последние присоединились к подразделениям штурмового отряда. Штурмовой отряд 801-го стрелкового полка, подавив противника огнем, также ворвался в третью траншею противника.

Таким образом, третья траншея оказалась прорванной по всей полосе дивизии, и штурмовые отряды начали уничтожать противника в пригороде, выбивая немцев из занятых ими домов.

Командир дивизии, учитывая, что противник может оказать в пригороде сильное сопротивление и тем самым задержать наступление дивизии, около 15 часов отдал приказание командирам 806-го и 801-го стрелковых полков ввести в бой вторые эшелоны полков. Однако продвижение батальонов первого эшелона 806-го и 801-го стрелковых полков (штурмовых отрядов) происходило безостановочно, и вторые эшелоны вышли на их уровень только на рубеже кварталов, имевших условное наименование 511, 503.

Введя в бой свои вторые эшелоны, 806-й и 801-й полки полностью очистили пригород от противника и к 15 ч 30 мин вышли на рубеж оврага с ручьем, то есть подошли к четвертой траншее противника. С противоположного берега оврага, превращенного в противотанковый ров, противник вел сильный ружейно-пулеметный огонь. По юго-восточному берегу оврага была отрыта сплошная траншея с огневыми точками, укрытыми за толстыми стенами подвалов каменных строений. Вдоль оврага по южному берегу проходила каменная стена, препятствовавшая маневру наших танков и самоходно-артиллерийских установок. Мосты через овраг и ручей были взорваны; дороги, улицы, а также отдельные строения минированы.

К этому времени танки и артиллерия сопровождения, входившие в состав штурмовых отрядов, несколько отстали, встретив на пути своего движения в пригороде большое количество заграждений и препятствий (минированные участки, рвы, проволочные заграждения, баррикады).

Оценив сложившуюся обстановку, командир дивизии принял решение временно приостановить наступление, привести части в порядок, подтянуть отставшие от батальонов артиллерию сопровождения, танки и самоходно-артиллерийские установки, организовать разведку противника, а также восстановить нарушенное взаимодействие между частями и подразделениями, ввести в бой второй эшелон дивизии — 732-й полк — с задачей наступать вдоль шоссе между 806-м и 801-м полками, а 1-й батальон этого полка использовать для уничтожения врага в блокированном форте № V[163].

О штурме форта № Va «Линдорф» хорошо рассказал участник боев К. Н. Тыщенко: «4-го апреля выдвигаемся на исходные позиции… Справа пруд Филипс, слева канава, выдвигаемся на предполагаемое место для позиции. Где-то впереди в 300–400 метрах, на бугре перед нами затаился форт „Линдорф“, один из самых мощных 22 фортов, опоясывающих бетонным кольцом крепость Кёнигсберг.

Ночь темная, темнее некуда. Немцы ведут себя тихо, не обозначают

ракетами свой передний край, как они это делают обычно. Батарея идет за пехотой, связной стрелковой роты, которую мы должны поддерживать, показывает нам путь. Спускаемся в лощину, прибыли на место. В 10–15 метрах наши пехотинцы роют себе окопчики. Мы с И. Шевкуновым выбираем позиции для каждого орудия, их у нас здесь три. [Речь идет о 76-мм пушках ЗИС-3. — *А.Ш.*]

Мы с Шевкуновым забираемся в свой ровик — наблюдательный пункт и несколько минут дремлем, пока совсем не развиднелось. У него в руках бинокль, а у меня орудийная панорама. Не терпится, хочется увидеть цель нашего наступления — форт „Линдорф“.

Какое же нас охватило разочарование, когда в перископе мы увидели не крепостные стены и башни, а длинный, метров 300 по фронту, бугор, поросший густым лесом, дубами да вязами! Умеют же немцы маскировать свои военные сооружения! Ведь за этим лесом, в „бугре“, скрыт в казематах гарнизон не меньше чем в 300 солдат и офицеров, оснащенный современным тяжелым стрелковым и артиллерийским вооружением. Наша задача вскрыть огневые точки противника, нанести их на карточку огня, и как только они себя проявят, — прямой наводкой подавить их…

Последняя ночь перед наступлением. Все на батарее подчинено подготовке к штурму. Прочищены стволы пушек, проверены панорамы, затворы, поворотные и подъемные механизмы орудий. Шевкунов отдает команду выставить часовых и всем отдыхать.

Близится 12 часов дня, начало общей атаки. Видим, слева выдвигаются на исходные рубежи наши танки. Даем команду, направление стрельбы левее 0–15, и вовремя! В бинокль, да и невооруженным глазом видим, как гитлеровские артиллеристы бросаются выкатывать из капониров свои орудия, готовясь нанести нашим танкам смертельный удар. Несколько пушек немцы уже выкатили. Кто кого? Чьи нервы крепче, кто быстро, точно и четко сработает у орудия — тот и победит. Даем команду, левее 0–15 прицел 10, бить по стволам деревьев, 20 снарядов на орудие, беглый огонь!

Вижу в бинокль, как 60 снарядов, выпущенные в первые две минуты боя, сделали свое дело: не только загнали гитлеровцев в укрытия и блиндажи, но и подавили волю солдат к сопротивлению.

Мне хорошо видно в бинокль, как вражеские офицеры силой вышвыривают своих солдат из укрытий и блиндажей и они, кто ползком, кто пригибаясь, бегут к брошенным орудиям.

Но не тут-то было, даю команду наводчикам увеличить прицел на одно деление и вести огонь по кроне деревьев, которые нависли над немецкими

пушками, скрывая их от удара наших ИЛов.

На батареи фашистов за одну минуту обрушивается более 90 разрывов наших снарядов.

Стволы всех 105-миллиметровых орудий укатились с люлек назад, так как накатные и откатные цилиндры пробиты осколками, из них фонтаном бьет веретенное масло. В снарядных ровиках вспыхнул пожар, горит и рвется боезапас артиллерийских снарядов — вот так работает и побеждает в бою наша трехдюймовочка конструкции Грабина, способная произвести, при двух заряжающих, 31 выстрел в минуту…

Артиллерийская дуэль выиграна.

А сзади и слева наших позиций лязг гусениц и дизельных перегазовок. Это танковая бригада выдвигается на исходные позиции для атаки. До форта „Линдорф“ 300–400 метров, и у танкистов ни единой потери в боевых машинах. Командиры танков, наполовину высунувшись из открытых люков, благодарят наших героических наводчиков, да и всех батарейцев, за отличную стрельбу и воинское братство. Вот и наша пехота поднялась и пошла в атаку. Мы поддерживаем ее огнем, прямой наводкой бьем по амбразурам бетонных колпаков, уничтожаем ожившие огневые точки в передних траншеях.

Артподготовка смела и уничтожила с поверхности форта все огневые средства немцев. И словно по заказу ветер разогнал плотную низкую облачность, и появилась над головами наша авиация. Штурмовики на бреющем полете косят цепи контратакующих немцев. Уцелевшие от силы человек 20 идут с поднятыми вверх руками. Нашему штурмовому отряду ничего не остается, как взять их в плен.

Наши штурмовые роты ворвались в переднюю траншею, перескочили ее, а за ней стали преодолевать глубокий противотанковый ров, опоясывающий форт „Линдорф“. Саперы делали свою смертельно опасную работу, под огнем разминируя проходы и подступы к форту, а штурмовая рота в противотанковом рву готовилась к новому броску…

Приказываю: ездовым отцепить передки, лошадей положить на землю под бугор, они нам нужны живыми. Срочно начинаем наводить переправу через ручей. А какие подручные средства? Луг, по которому мы двигались, разделен на участки дубовыми кольями и проволокой, это о нас „позаботились“ местные бюргеры. Все бросились вытаскивать колья. Откуда-то с фланга по нам бьют из пулемета фрицы, дважды пуля ударила в кол, который я вытаскивал, повыше моей головы. Это уже работает снайпер. Мгновенно падаю на спину и ногами раскачиваю кол, а затем ремнем валю его на землю и волоком тащу, уползая из-под огня. Смотрю,

каждый притащил по 2–3 кола. Бросаем длинные колья через ручей, а колья покороче настилаем поперек, рубим кустарник, сверху забрасываем дерном, и переправа готова. Проскакиваем ручей и на галопе — на вершину холма, здесь быстро разворачиваемся. В 50 метрах перед нами форт, где проходила вторая немецкая траншея. Снаряды нашей тяжелой артиллерии сравняли ее с поверхностью земли.

Огонь по амбразурам! Мы заставляем замолчать некоторые их огневые точки, но оборона немцев еще жива. Взять форт с ходу не удалось. Командиры штурмовых рот Орлов и Кузнецов обходят форт слева. Нас просят прощупать огнем слабые места немецкого укрепления. Встав напротив подвесного моста, тремя орудиями наносим удар по воротам и тыловым входам форта.

Мы видим, как под прикрытием артогня штурмовой отряд переправляет через наполненный водой крепостной ров своих огнеметчиков, как они поливают через амбразуры засевших там фрицев горящей нефтью. Слева и справа подходят свежие стрелковые роты 262-го гвардейского стрелкового полка, а штурмовые роты 261-го и 264-го полков обошли форт и ведут бой уже за местечко Вольгартен. К 18 часам форт № 5-а „Линдорф“ полностью окружен и блокирован.

Сидим, топчемся у бетонных стен форта. Артподготовка снесла с него лес, начисто обнажив огромный серый пятиугольник в 350 метров по фронту и 150 метров в ширину. Загнанные в глубь этого бетонного гроба солдаты и офицеры противника ждут своей участи. Они не прекращают сопротивления и не сдаются в плен, выполняя приказ Гитлера бороться до последнего солдата, иначе смертная казнь.

Но вот командир стрелкового полка гвардии майор Артыщук направляет в форт двух пленных немцев с предложением осажденным сдаваться. Мы видим, как немцы подошли с белым флагом к порталу подъемного моста, что-то прокричали по-немецки. Через несколько минут подъемный мост опустился, немцы с ультиматумом простучали коваными сапогами по металлическому настилу подъемного моста и скрылись в проходе казематов форта. Наступила тишина ожидания.

Но вот через рупор передано на немецком языке требование командира дивизии Кирилла Тымчика: „Если гарнизон не капитулирует, то вход в подземелье форта будет взорван“.

Угроза подействовала. Немцы выбросили белый флаг, и в 2 часа ночи 197 солдат и офицеров гарнизона форта сдались в плен»[164].

Но вернемся к воспоминаниям Белобородова: «День 8 апреля стал переломным в ходе всего штурма…

Стремительно наступали штурмовые группы и отряды 54-го стрелкового корпуса. Батальон майора Н. И. Мамонтова (366-й полк 126-й стрелковой дивизии) продвигался по Хагенштрассе. Фашисты вели сильный огонь из углового дома. Подступы к дому минированы, стоит он особняком, местность открытая. Но Николай Иванович Мамонтов недаром слыл в дивизии офицером с гибким тактическим мышлением. Он отлично использовал все приданные ему подразделения — артиллеристов, саперов, химиков, самоходчиков. Выдвинул на прямую наводку легкие пушки, они ударили по верхнему этажу, тяжелые самоходные установки — по нижнему. Подразделение химзащиты поставило дымовую завесу, под ее прикрытием саперный взвод лейтенанта В. Ф. Лапшина обезвредил минное поле. Лапшин дал сигнал, артиллерия прекратила огонь. Саперы броском вышли к дому, заложили под его стены фугасы. От взрыва дом рухнул, оставшиеся в живых гитлеровцы выскакивали на улицу, прямо в руки наших стрелков. Атаковать опорный пункт даже не понадобилось.

Вместе с тем попытки генерала Седулина развить этот успех результата не принесли. И части корпуса, и введенная в бой из-за левого фланга 24-я гвардейская дивизия продвигались очень медленно. Фашистские танки и пехота, опиравшиеся на огневую систему фортов № 6 „Иудиттен“ и № 7 „Гросс Хольштайн“ [на самом деле это был форт № VIIa. — *А.Ш.*], оказывали сильное сопротивление.

Этот последний, еще не захваченный нами участок внешнего обвода кёнигсбергских укреплений играл большую роль в планах вражеского командования. Форты, расположенные по обеим сторонам коридора Кёнигсберг — Фишхаузен, могли стать связующим звеном в дальнейших попытках кёнигсбергского гарнизона прорваться из окружения на запад, на воссоединение с земландской группировкой.

Отсюда вытекала и задача 43-й армии: в кратчайший срок овладеть фортами, лишить противника этого тактически выгодного рубежа. С утра 9 апреля штурмовые отряды 319-й и 24-й гвардейской дивизий приступили к выполнению поставленной задачи. Она была решена быстро, помог опыт, приобретенный в ходе боев за форты № 5 и 5-а.

Мы изучили сильные и слабые стороны крепостных сооружений. Прежде всего бросался в глаза контраст между исключительно прочным, практически непробиваемым боевым покрытием форта и несовершенством его огневой системы. Низко расположенные амбразуры не позволяли контролировать огнем большие участки местности. По этой причине и свою артиллерию противник был вынужден выдвигать наверх, на открытый внутренний двор форта.

С учетом слабых сторон форта и проводился его штурм. Тяжелая наша артиллерия громила навесным огнем внутренний двор форта, уничтожала артиллерийские средства противника. Затем орудия, выдвинутые на прямую наводку, били по амбразурам, подавляя пулеметные точки. Стрелки и саперы броском преодолевали ров, врывались на территорию форта. С этого момента форт, по существу, превращался из боевого сооружения в убежище для своего гарнизона. Но саперы, применяя мощные заряды взрывчатки, „выкуривали“ из глубинных этажей форта прятавшихся там фашистов.

Стрельба по амбразурам прямой наводкой лучше всего удавалась экипажам самоходно-артиллерийских установок. Укрытые броней, они подводили машины к форту на 100–150 метров и били по амбразурам почти в упор.

Четкое взаимодействие артиллеристов, самоходчиков, стрелков и саперов позволило нам в течение считанных часов овладеть фортами № 6 и 7, в то время как на штурм форта № 5-а пришлось затратить около суток, а форта № 5 — и того более.

Форт № 6 „Иудиттен“ [на самом деле форт „Королева Луиза“. — *А.Ш.*] штурмовали отряды майоров Зенова и Николенко (319-я стрелковая дивизия). Сначала батарея орудий особой мощности обстреляла форт. Многопудовые снаряды мортир в каменную крошку стерли его внутренний двор вместе с огневыми позициями артиллерии. 21 орудие противника было уничтожено. Затем самоходно-артиллерийские установки лейтенанта А. А. Космодемьянского ослепили огнем пулеметные амбразуры. [На самом деле А. А. Космодемьянский командовал лишь одной ИСУ-152. — *А.Ш.*] Отряды Зенова и Николенко ворвались на территорию форта, и остатки его гарнизона — более 300 солдат и офицеров 548-й пехотной дивизии — капитулировали.

В том же ключе проходил и штурм форта № 7 „Гросс Хольштайн“ [форт № VIIa. — *А.Ш.*]. Самоходные установки лейтенанта И. А. Латрушева, умело маневрируя, вели меткий огонь с близкой дистанции и заставили замолчать все пулеметные точки. Стрелки 84-го гвардейского полка майора Тимошенко почти без потерь овладели фортом, захватив более 250 пленных»[165].

50-я армия наступала на форт № IV «Гнейзнау» и форт № III «Кениг Фридрих III», которые ряд авторов именуют по названию близлежащих населенных пунктов «Бейдритен» и «Кведнау».

О боях за форт № III известно мало. Он капитулировал к 8 часам утра 9 апреля.

А вот за форт № IV происходили ожесточенные бои. В течение всего штурма форт № IV разрушали 280-мм мортиры Бр-5 226-го дивизиона подполковника А. В. Осипчука. После взятия форта наши артиллеристы насчитали более 100 прямых попаданий, но сквозных из них было только 9, причем в лобовой части форта не оказалось ни одного, несмотря на 32 попадания.

Штурм форта № IV проводился силами 208-й стрелковой дивизии. В полосе наступления 578-го полка оборонялось до батальона пехоты 75-го охранного полка противника при поддержке одного дивизиона артиллерии.

Оборона немцев состояла из двух линий. Первая линия обороны проходила по внешнему обводу обороны Кёнигсберга и состояла из форта № IV и двух траншей, проходивших юго-западнее и южнее города. Перед первой траншеей имелся противотанковый ров шириной до 5 м и глубиной до 3 м, наполненный водой. Подступы к противотанковому рву были прикрыты проволочными заграждениями с глубокими и плотными противопехотными и противотанковыми минными полями. Главная линия обороны проходила по северо-западной окраине Нойхуфен и состояла из 3–4 линий траншей, расположенных в глубине обороны.

578-й стрелковый полк имел задачу силами штурмового отряда прорвать оборону противника в направлении Нойхуфена с ближайшей задачей овладеть второй траншеей и в последующем Нойхуфеном. В состав штурмового отряда вошли: 2-й батальон (4-я и 5-я стрелковые роты), саперная рота, взвод ранцевых огнеметов, по одной батарее 45-мм и 76-мм полковых пушек, рота 82-мм минометов, три танка Т-34 и четыре самоходных орудия 152-мм калибра. Наступление штурмового отряда командир полка решил поддержать двумя батареями 120-мм минометов и одним гаубичным артиллерийским полком.

В 8 часов утра 3 апреля командир корпуса поставил конкретную задачу дивизии на наступление, в частности 208-й дивизии во взаимодействии с 215-й дивизией корпуса овладеть пригородом Куммерау, фортом № IV, затем кожзаводом и наступать в направлении богадельни и крематория. Для штурма форта № IV выделялась артиллерия крупного калибра.

Из воспоминаний участника штурма Кёнигсберга полковника Михалевича Александра Георгиевича (на момент штурма он командовал артиллерией 208-й стрелковой дивизии):

«Получив задачу, мы с командиром дивизии и с командирами полков весь день проводили рекогносцировку, уточняли границы между дивизиями и полками. В 12 часов командир дивизии был вызван на занятия, которые проводил маршал Василевский на специальном макете крепости

Кёнигсберг. В 16 часов я был вызван с командующим артиллерией корпуса к командующему артиллерией 50-й армии. Командующий рассказал о порядке артиллерийского обеспечения штурма Кёнигсберга и что со 2-го апреля в 11, 39-й и 43-й армиях артиллеристы ведут мощный огонь по многометровым стенам фортов, по дотам и дзотам. Затем командующий артиллерией приказал мне приступить с рассвета 4 апреля к разрушению форта № 4, для чего в мое распоряжение выделяется 203-миллиметровое орудие с боекомплектом бетонобойных и фугасных снарядов для стрельбы прямой наводкой. Кроме того, выделялась батарея 122-мм гаубиц для стрельбы прямой наводкой по огневым точкам, расположенным вокруг форта.

Возвратившись на свой КП, я доложил командиру дивизии о полученной мною задаче от командующего артиллерией армии, наспех перекусил, а пред этим приказал штабу вызвать командира артполка с командиром 2-го дивизиона. До прибытия вызванных командиров с нач. штаба Климовым по схеме Кёнигсберга определили примерный район огневой позиции для 203-мм орудия. Затем с прибывшими командирами артполка Мамаевым и Ароновым и командиром 203-мм батареи капитаном Орловым выехали для выбора на местности огневой позиции для 203-мм орудия и огневой позиции для батареи 122-мм гаубиц, а также наблюдательных пунктов.

Выбрав ОП и НП, мы возвратились по своим местам, с задачей в ночь на 4-е апреля орудия вывести на ОП, замаскировать и быть готовыми с рассвета к ведению огня. Весь день 3 апреля была слышна артиллерийская канонада во всех районах на подступах к городу, и трудно было различить, где стреляют немцы, а где наши. С воздуха наша авиация наносила бомбовые удары по Кёнигсбергу.

К 7 часам утра я с начальником разведки капитаном Трофименко отправился на НП. Там уже были командир артполка Мамаев, командир дивизиона Аронов и командиры батарей Орлов и Лымар. Видимость была плохая, все покрыто туманом, только кое-где были видны верхушки деревьев, покрывавших форт. Только к 9 часам туман рассеялся, и мы увидели огромнейший курган, покрытый редкими сосновыми деревьями. Командиры батарей доложили о готовности к стрельбе. Я приказал приступить к пристрелке, а потом к разрушению. Вначале произвели пристрелку орудиями 122-мм гаубиц фугасными снарядами, было несколько попаданий по форту, затем командир батареи Орлов произвел перерасчет на свой калибр и начал стрельбу. Уже третий снаряд попал по центру форта, затем методическим огнем — через минуту выстрел —

продолжалась стрельба по форту. С НП было видно, как взлетают в воздух деревья, как зелень покрывается черной землей. В промежутках между паузами стрельбы 203-мм орудия вели огонь орудия 122-мм гаубиц, но эффект их стрельбы был незначительный. После стрельбы фугасными снарядами Орлов приступил к стрельбе бетонобойными. Наблюдаем сплошные попадания, а форт возвышается. Кое-где от бетонобойного снаряда взлетали куски бетона и кирпича.

За весь день стрельбы на разрушение капитан Орлов израсходовал 120 снарядов, из них 50 бетонобойных, а форт остался неразрушенным. 240 снарядов было выпущено и орудиями 122-мм батарей капитана Лымара. Во второй половине дня на НП прибыли командир дивизии полковник Цветков и командующий артиллерией корпуса полковник Елкин, которые убедились в прочности форта № 4».

Лишь 7 апреля в ходе кровопролитного штурма нашим войскам удалось овладеть фортом «Гнейзнау».

9 апреля в 9 ч 00 мин сдался форт № III. Ну а форты № Ia «Гребе», № II «Бронзарт» и № IIa «Барнехоф» в ночь с 7 на 8 апреля были оставлены гарнизонами в соответствии с приказом и отступили к городскому валу, причем эта операция прошла фактически без боя.

Роль реактивной артиллерии при разрушении фортов была относительно скромной. Зато в уличных боях реактивная артиллерия показала себя с лучшей стороны. Для действий в Кёнигсберге в гвардейских минометных бригадах были созданы штурмовые группы реактивных снарядов (РС), каждая в составе 12 человек. В каждой бригаде создавалось по 2–3 группы. Стрельба снарядами М-31 производилась непосредственно из укупорки, которая устанавливалась в окнах или проломах зданий напротив объекта, подлежащего разрушению. Каждой стрелковой дивизии придавались 1–2 штурмовые группы РС, которые, в свою очередь, использовались для непосредственного обеспечения штурмовых отрядов и групп пехоты. Боевые действия показали высокую эффективность такого использования реактивных снарядов.

Характерной особенностью в использовании артиллерии в операции являлась организация артиллерийской блокады района Кёнигсберга. Она осуществлялась группой артиллерийской блокады и группой железнодорожной артиллерии. Группа артиллерийской блокады была развернута на южном берегу залива Фришес-Хафф. В дневное время артиллерия группы вела наблюдаемый огонь, в ночное время производились короткие огневые налеты и велся методический огонь по заранее пристрелянным участкам. Большое применение нашла стрельба с

самолетами-корректировщиками и аэростатами воздушного наблюдения, а также стрельба по кораблям противника ночью из орудий, выставленных на прямую наводку, с использованием прожекторов. С помощью прожекторов в ночное время было потоплено: 5 барж, 7 катеров и 2 корабля.

Группа железнодорожной артиллерии действовала в полосе 11-й гвардейской армии, располагаясь на станции Гуттенфельд и на перегоне Левенгаглен — Гуттенфельд. Она решала задачи по разрушению трех танковых и одного порохового заводов, трех фортов, кёнигсбергского порта. Всего за период с 31 марта по 9 апреля этой группой было проведено 135 стрельб и израсходовано 180-мм снарядов 136 и 130-мм снарядов 1463.

9 апреля во второй половине дня в результате непродолжительного, но ожесточенного боя были захвачены Закхаймские и Королевские ворота. По Закхайму (Моспроспект) и Кенигштрассе (ул. Фрунзе) штурмующие к вечеру приблизились к Королевскому замку. После захвата аэродрома «Девау» (район ул. Молодой гвардии) войска 50-й и 11-й армий соединились.

В 7 часов вечера 9 апреля советские войска заняли Королевский замок. Комендант крепости Отто фон Ляш вступил в переговоры о капитуляции, и в 22 ч 45 мин немецкие войска получили приказ командования о прекращении сопротивления.

Однако в отдельных частях города сопротивление немцев продолжалось и в течение 10 апреля.

По официальным советским данным, при штурме Кёнигсберга было уничтожено около 42 тысяч германских солдат и офицеров и взято в плен около 92 тысяч, в том числе более 1800 офицеров и генералов. Среди огромных трофеев насчитывалось 2023 орудия, 1652 миномета и 128 самолетов. Заняв Кёнигсберг, части фронта освободили более 15 тысяч военнопленных различных национальностей[166].

В ознаменование победы, одержанной под Кёнигсбергом, Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За взятие Кёнигсберга», которой были награждены все участники боев за столицу Восточной Пруссии. Части и соединения, участвовавшие в штурме крепости, получили наименование «Кёнигсбергские».

Замечу, что Кёнигсберг был единственным городом — не столицей, за взятие которого была учреждена медаль.

Разгром кёнигсбергской группировки создал благоприятные условия для окончательной ликвидации остатков противника и на Земландском полуострове, где оборонялись восемь пехотных и одна танковая дивизии группы «Земланд», насчитывавшей около 65 тысяч человек, а также 1200

орудий и 166 исправных танков и штурмовых орудий.

Ожесточенность боев за Кёнигсберг показывают даже официальные (то есть приуменьшенные) данные советских потерь:

6 апреля — 1840 убитых и 6830 раненых;

7 апреля — 2660 убитых и 9870 раненых;

8 апреля — 2660 убитых и 9870 раненых;

9 апреля — 2660 убитых и 9870 раненых.

Всего же 3-й Белорусский фронт с 13 по 25 апреля 1945 г. безвозвратно потерял 84 463 человека, санитарные потери составили 332 300 человек. Итого 421 763 человека, то есть среднесуточные потери составляли 4095 человек.

Я думаю, не надо утверждать, что решающую роль в штурме Кёнигсберга сыграла артиллерия Красной Армии. После взятия крепости проверяющая комиссия записала в акте: «Было обследовано 43 батареи противника, по которым велся огонь нашей артиллерии. Результаты подавления хорошие. На 18 батареях имеются прямые попадания в орудийные окопы, на 15 батареях полностью брошена материальная часть. Несмотря на недостаток снарядов у противника, на позициях оставлено их до семи тысяч. Артиллерийская группировка противника была выявлена с достаточной точностью и подавлена хорошо. Огонь артиллерии был настолько эффективен, что противник, несмотря на наличие артиллерии и боеприпасов в первый день боя, ответного артиллерийского огня вести не мог и не вел. Действовали только его отдельные орудия из глубины».

Увы, у нас постоянно находятся личности, оспаривающие подобные мнения. До 1956 г. взятие Кёнигсберга, равно как и другие успехи советского оружия в 1944–1945 гг., присваивалось гению «величайшего полководца всех времен и народов». С 1956 по 1991 г., оказывается, все решила мудрая коммунистическая партия, которая в течение всей войны не провела ни одного съезда или хотя бы пленума.

Но вот настали новые времена, и в 2005 г. в Москве был издан учебник Л. Л. Шевченко «Православная культура. Экспериментальное учебное пособие для начальных классов общеобразовательных школ, лицеев, гимназий. 3 (4) годы обучения. Книга вторая». Там на странице 176 описан штурм Кёнигсберга:

«Наши войска вели штурм неприступной немецкой крепости Кёнигсберг. Люди совсем обессилели, потери были огромны. А фашисты были еще сильны. Мы могли потерпеть поражение. Вдруг видим: приехал командующий фронтом, много офицеров и с ними священники с иконой. Многие стали шутить: „Вот, попов привезли, сейчас они нам помогут“. Но

командующий быстро прекратил всякие шутки, приказал всем построиться, снять головные уборы.

Священники отслужили молебен и пошли с иконой к передовой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут во весь рост? Их же всех перебьют! От немцев была такая стрельба — огненная стена! Но они спокойно шли в огонь. И вдруг стрельба с немецкой стороны одновременно прекратилась, как оборвалась. Тогда был дан сигнал — и наши войска начали общий штурм Кёнигсберга с суши и с моря.

Произошло невероятное: немцы тысячами сдавались в плен! Как потом в один голос рассказывали пленные, перед самым русским штурмом в небе появилась Мадонна (так они называют Богородицу), которая была видна всей немецкой армии. И у всех солдат отказало оружие — они не могли сделать ни одного выстрела. Тогда-то наши войска, преодолев заграждения, легко сломили сопротивление и взяли город, который до этого был неприступен! Во время этого явления немцы падали на колени. И очень многие поняли, в чем здесь дело и кто помогает русским!»

Вот оно как было! А я-то, глупый, пишу о каких-то гаубицах и мортирах.

Глава 13
Бросок к Берлину

К апрелю 1945 г. войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в результате успешно проведенных зимних наступательных операций разгромили 9, 4-ю танковые и 17-ю немецкие армии, входившие в состав группы армий «А», и вышли на широком фронте к центральным районам Германии.

Войска 1-го Белорусского фронта вышли к реке Одер на участке от побережья Балтийского моря до устья реки Нейсе у Ратцдорфа, овладев несколькими плацдармами на западном берегу реки Одер в 60–75 км от Берлина. Войска 1-го Украинского фронта вышли к реке Нейсе на участке от Ратцдорфа до Пенциха, а своим левым крылом достигли чехословацкой границы на участке Нойштадт, Ратибор.

Войска 2-го Белорусского фронта после разгрома данцигской группировки войск противника вышли на побережье Балтийского моря западнее Данцига, на участке Эльбинг, Кольберг.

После выхода войск 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов на указанные рубежи на эти три фронта была возложена задача по проведению Берлинской операции — разгромить берлинскую группировку войск противника, овладеть Берлином и выйти на реку Эльба.

Готовясь к обороне своей столицы, командование вермахта приняло все меры для создания глубокой и прочной обороны. Этому в значительной степени способствовала очень трудная для наступления местность, которая в полосе предстоящих боевых действий наших войск изобиловала большим количеством рек, озер, каналов и крупных лесных массивов, способствовавших организации сильной обороны.

Особое внимание германское командование уделяло созданию прочной обороны по западному берегу рек Одер и Нейсе для надежного прикрытия берлинского направления. Противнику удалось создать здесь достаточно сильную в инженерном отношении и глубоко эшелонированную оборону.

Одерско-Нейсенский оборонительный рубеж глубиной 20–40 км состоял из трех полос: первой (главной), второй и третьей (тыловой). На ответственных направлениях между этими полосами имелись промежуточные и отсечные позиции.

Наличие в полосах между реками Одер, Нейсе и Берлином большого количества крупных населенных пунктов, заводов, отдельных фольварков с

каменными постройками дало возможность противнику быстро оборудовать много сильных узлов сопротивления и опорных пунктов, которые явились основой оборонительных полос.

Наиболее мощными узлами обороны в главной полосе обороны были Штеттин, Франкфурт-на-Одере, Губен, Форст и Мускау. Среди них особо выделялся Франкфурт-на-Одере. Выгодно расположенный на западном берегу реки Одер, он являлся самым сильным узлом сопротивления в системе главной полосы немецкого обороны.

Наиболее развитой оборона противника была на участке от Штеттина до Шведта — перед 2-м Белорусским фронтом, от устья реки Альте-Одер до Франкфурта-на-Одере — перед 1-м Белорусским фронтом и от Губена до Прибуса — перед 1-м Украинским фронтом.

Вторая оборонительная полоса в инженерном отношении наиболее сильно была подготовлена перед кюстринским плацдармом 1-го Белорусского фронта на участке от канала Финов до канала Одер — Шпрее. Здесь были оборудованы две-три линии сплошных траншей, все населенные пункты и даже отдельные фольварки были превращены в сильные опорные пункты и подготовлены к круговой обороне.

Вторая полоса обороны на этом участке проходила по Зееловским высотам. Эти высоты и город Зеелов являлись одним из наиболее мощных узлов сопротивления немцев на восточных подступах к Берлину. Зееловские высоты представляют собой высокий берег старого русла Одера и тянутся по линии Вербиг (3 км севернее Зеелова), Зеелов, Мальнов (4 км северо-западнее Лебуса), возвышаясь над долиной Одера на 40 м. Высота берега в районе Зеелова достигает 50 м. Крутизна его в этом месте равна 30–40°. Склоны местами обрывисты и изрезаны лощинами и оврагами.

Преимущества в использовании местности были на стороне противника. Выгодные для обороны высоты в районе Зеелова командовали почти над всей поймой Одера. С Зееловских высот противник мог просматривать и корректировать огонь своей артиллерии и минометов на всю глубину расположения наших войск. В то же время для наступавших войск наблюдение за расположением противника и его огневых средств на скатах Зееловских высот чрезвычайно затруднялось наличием густой зелени рощ и садов восточнее Зеелова. Преодолевать крутые скаты Зееловских высот наши танки и САУ могли только по дорогам, где угол подъема докускал продвижение колесного и гусеничного транспорта. Но эти дороги были минированы и находились под огнем всех видов оружия противника.

Зееловские высоты и расположенные в их районе населенные пункты

были подготовлены к особо упорной обороне и рассматривались противником как тактический «ключ» всей системы его обороны на собственно берлинском направлении.

На удалении 20–40 км от переднего края главной полосы находилась третья (тыловая) полоса обороны, состоявшая из большого количества сильно укрепленных населенных пунктов, превращенных в узлы сопротивления.

Главное внимание германского командования при организации обороны было направлено на прикрытие Берлина непосредственно с востока от возможного и наиболее опасного удара 1-го Белорусского фронта с кюстринского плацдарма. На этом направлении к началу нашего наступления была создана глубоко эшелонированная оборона. Общая глубина полосы, подготовленной к обороне, включая Берлинский укрепленный район, достигала 100 км. Оборона противника в полосе наступления 2-го Белорусского фронта была эшелонирована на глубину до 40 км. Трудность преодоления ее усугублялась наличием крупной водной преграды — реки Одер, имевшей в нижнем течении два русла — Ост-Одер и Вест-Одер, удаленных друг от друга на 2,5–4 км с широкой поймой реки, затопленной противником.

Оборона немцев в полосе наступления 1-го Украинского фронта была эшелонирована на глубину 30 км. Преодоление ее было связано с необходимостью форсирования двух больших рек — Нейсе и Шпрее.

Подготовка к проведению Берлинской операции началась еще в марте 1945 г., но директивы Ставки были даны: 1-му Белорусскому фронту — 2 апреля, 1-му Украинскому фронту — 3 апреля и 2-му Белорусскому фронту — 6 апреля.

По замыслу Ставки Верховного Главнокомандования операция должна была начаться не позднее 16 апреля и завершиться в течение 12–15 дней.

Войска 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов должны были совместными ударами расчленить немецкую группировку, оборонявшуюся на берлинском направлении, и по частям уничтожить ее.

Для проведения операции фронты получили дополнительное усиление: 1-й Белорусский фронт — одну общевойсковую армию (3-ю), два авиационных корпуса и две авиационные дивизии, один артиллерийский корпус (3-й), одну дивизию и три полка полевой реактивной артиллерии (2-й гмд, 38, 50-й и 318-й гмп); 1-й Украинский фронт — три общевойсковые армии (28, 31-ю и 2-ю Польскую). В результате к началу операции три фронта располагали весьма значительными силами (расчетных дивизий — 193, орудий, минометов, установок и рам реактивной артиллерии — более

41 тысячи, танков и САУ — 6250, боевых самолетов — 7500), что позволило создать превосходство над противником: по пехоте — в 2,5 раза, по артиллерии — в 4 раза, по танкам — в 4,1 раза и по самолетам — в 2,3 раза[167].

Следует заметить, что советское командование даже в совершенно секретных документах завышало силы противника, так что соотношение сил в пользу Красной Армии было еще больше. Германский историк Вильгельм Тике писал: «Данные о численности войск и вооружений конца войны вызывают сомнения, так как с немецкой стороны в это время просто невозможно было выяснить точные цифры»[168].

Тот же Тике писал: «…по состоянию на 7 апреля 1945 г. группа армий „Висла“ насчитывала в общей сложности 828 машин, из которых только 719 были пригодны для участия в боевых действиях»[169].

С полевой артиллерией в группе армий «Висла» ситуация была намного хуже. «В Федеральном архиве ФРГ сохранилась официальная запись о количестве орудий в зоне действий 9-й армии, согласно которой 101-й армейский корпус имел в среднем 6,2 орудия на один километр линии фронта, 11-й танковый корпус СС — 10 орудий, а 5-й горно-стрелковый корпус СС — 2,8 орудия…

Боеприпасов было в обрез. В зоне действий 3-й танковой армии вся артиллерия состояла в основном из тяжелых противовоздушных орудий, которые были сняты с позиций ПВО в немецких городах и переброшены на Одер (часто их устанавливали на бетонном цоколе). Под Шведтом вся оборона держалась исключительно на тяжелых и сверхтяжелых минометах 406-го фольксартиллерийского корпуса.

На участке 9-й армии, где предположительно должны были развернуться наиболее ожесточенные бои, положение было немногим лучше. К северу от Зеелова занимал позиции 408-й фольксартиллерийский корпус, а к югу — 404-й фольксартиллерийский корпус»[170].

Тут следует дать небольшое пояснение: тяжелыми минометами немцы считали 12-см минометы, близкие по своим тактико-техническим характеристикам к советским минометам. А вот сверхтяжелый 21-см миномет 21-см Gr.W.69 был создан чехословацкой фирмой «Шкода» в 1944 г. А у чехов он имел индекс В-19.

Этот миномет спроектирован по классической схеме «мнимого треугольника». Но в отличие от советских и германских минометов калибра 50–120 мм имел противооткатные устройства и заряжался с казенной части. Для транспортировки миномет снабжался отделяемым в боевом положении

ходом. Длина ствола В-19 — около 3 м, то есть 14,4 калибра. Угол возвышения +40°; +75°. Вес в боевом положении 2,3 т.

Штатным выстрелом миномета была 110-кг фугасная восьмиперая мина Wgr.5004, содержавшая 40 кг ВВ. При заряде 1,4 кг фугасная мина имела начальную скорость 239 м/с и летела на дистанцию 5035 м. Однако, учитывая большую длину мины — 1636 мм, то есть 7,8 калибров, трудно было ожидать от нее хорошей кучности. Кроме того, в боекомплект миномета входила бетонобойная граната весом 85 кг. Более легкий снаряд имел начальную скорость 283 м/с и дальность 6410 м. Любопытно, что, по советским данным, его начальная скорость составляла 345 м/с, а дальность 8,5 км[171].

Прошу прощения у читателя за столь длинный рассказ о 21-см минomете Gr.W.69. Дело в том, что в серийном производстве он находился недолго: в 1944 г. промышленность сдала 33 штуки, а в 1946 г. — 96. Мин к минomету было выпущено: в 1944 г. — 4 тысячи, а в 1945 г. — 24 тысячи. А главное, эти минометы не поставляли в вермахт, а лишь в «корпуса народной артиллерии», первоначально находившиеся под руководством нацистской партии.

Впервые 21-см минометы против советских войск были применены именно на Одере. Надо ли говорить о впечатлении, которое производили на советских солдат взрывы мин с 40 кг взрывчатки?!

А теперь перейдем к действиям советской артиллерии.

В ходе подготовки к Берлинской операции в артиллерии фронтов были проведены следующие мероприятия.

Войска 2-го Белорусского фронта после завершения операции в районе Данцига и Гдыни должны были сменить войска 1-го Белорусского фронта, участвовавшие в Померанской операции, на 180-километровом фронте от Кольберга на побережье Балтийского моря до Ниппервизе на Одере.

Для выполнения этой задачи вместе с войсками пришлось осуществить перегруппировку артиллерии четырех армий, трех танковых, одного механизированного и одного кавалерийского корпусов (2-й ударной, 65, 70-й и 49-й армий; 1, 3-го и 8-го гв. тк, 8-го мк и 3-го гв. кк), а также большого количества артиллерии РВГК. Не считая батальонной и полковой артиллерии, а также отдельных дивизионов стрелковых дивизий, танковых, механизированного и кавалерийского корпусов, количество войсковой артиллерии составило 49 артиллерийских и минометных полков. В перегруппировке участвовал, помимо того, 101-й артиллерийский полк РВГК.

Таким образом, в перегруппировке артиллерии 2-го Белорусского

фронта участвовало 150 артиллерийских и минометных полков всех типов. Столь крупная перегруппировка была осуществлена в очень короткий срок, с 4 по 13 апреля. Артиллерийские соединения и части РВГК, вооруженные тяжелыми системами и имеющие тракторную тягу, перевозились по железной дороге, для чего потребовалось 65 эшелонов. Вся остальная артиллерия перебрасывалась на новое направление походным порядком на расстояние от 250 до 370 км.

Перегруппировка артиллерии 1-го Белорусского фронта была более сложной, что определялось необходимостью вывода в полосу своего фронта войск и артиллерии, участвовавших в Померанской операции, значительным сужением полосы фронта и изменением границ между армиями. Кроме того, для усиления армий ударной группировки в их полосы выводились части РВГК из резерва фронта и частично из других армий.

В разгроме померанской группировки противника участвовали: 3-я ударная, 61, 47-я армии, 1-я армия Войска Польского, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса. Не считая полковой и батальонной артиллерии, в составе этих войск насчитывалось 53 полка войсковой артиллерии и 104 артиллерийских и минометных полка РВГК (в том числе и армейских). Вся войсковая и армейская артиллерия осуществляла перегруппировку в составе своих армий, корпусов и дивизий.

Перегруппировка артиллерии РВГК планировалась отдельно, причем 50 полков сразу же направлялись в другие армии, уже развернутые в полосе фронта, 29 полков оставались в армиях, в составе которых действовали в Померанской операции и вместе с ними перебрасывались на новое направление, а 25 полков совершали перегруппировку в два этапа — выводились в резерв фронта, с последующей их передачей в армии ударной группировки. Кроме того, на усиление этих армий передавались 38 полков из ранее созданного резерва фронта и 24 полка из других армий. Таким образом, во внутрифронтовой перегруппировке, не считая войсковой и армейской артиллерии, участвовали 166 полков РВГК, которым пришлось совершить марши на расстояние от 75 до 250 км.

В связи с изменением границ ответственности армий и общим сокращением протяженности фронта во всех армиях были проведены внутриармейские перегруппировки артиллерии, правда, на сравнительно небольшие расстояния.

Перегруппировка некоторой части артиллерии из Восточной Пруссии была проведена в период с 9 по 22 марта. Основная же перегруппировка войск, в том числе и артиллерии, проводилась с 7 апреля, после того как

началась смена частей 1-го Белорусского фронта войсками 2-го Белорусского фронта, и полностью закончилась к 14 апреля.

С 15 марта из резерва Ставки в состав 1-го Белорусского фронта начали прибывать по железной дороге 3-й артиллерийский корпус прорыва в составе 2-й и 18-й артиллерийских дивизий, 2-я гвардейская минометная дивизия, 38, 50-й и 318-й гвардейские минометные полки полевой реактивной артиллерии. Все эти части и соединения к 8 апреля закончили свое сосредоточение в резерве фронта.

Вывод артиллерии РВГК из резерва фронта в армии ударной группировки и ее перегруппировка между армиями были проведены с 8 по 11 апреля.

Перегруппировка войск 1-го Украинского фронта и его артиллерии, хотя и носила внутрифронтовой характер, была также очень сложной. С 3 апреля, после передачи 4-му Украинскому фронту 60-й армии, протяженность фронта сократилась с 470 до 390 км. К этому времени в составе фронта оставалось шесть общевойсковых и две танковые армии (3, 13, 52, 5-я гв., 21-я и 59-я армии, 3-я и 4-я гв. танковые армии).

На усиление фронта поступали три общевойсковые армии. 2-я армия Войска Польского со 2-й артиллерийской дивизией, 14-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой и 3-м минометным полком 9 апреля сосредоточилась в лесах северо-западнее Бунцлау в полосе 13-й армии. 28-я и 31-я армии, следовавшие из Восточной Пруссии по железной дороге, могли прибыть в полосу фронта только к началу операции, и то не полностью.

В целях создания сильной ударной группировки командующий фронтом решил перегруппировать основную массу войск на правое крыло фронта за счет расширения полос обороны трех левофланговых армий на 101 км. С левого крыла фронта на правое выводилась 5-я гвардейская армия. 13-я армия приняла часть полосы 3-й гвардейской армии на участке Клайн-Бадемейзель, Трибель, но в то же время передала свою полосу войскам 5-й гвардейской, 2-й Польской и 52-й армий. В результате фронт 13-й армии сократился с 55 до 9 км. В ходе перегруппировки общевойсковых армий с левого крыла на правое рокировались и танковые армии. 3-я гвардейская танковая армия выводилась в район южнее Зоммерфельд в полосу 13-й армии, и 4-я гвардейская танковая армия — в район южнее Зорау, в полосу 5-й гвардейской армии. Одновременно на правое крыло фронта перебрасывались и кавалерийские корпуса.

Войсковая и армейская артиллерия осуществляла перегруппировку вместе с войсками своих армий и корпусов в период с 4 по 12 апреля. В ее

составе насчитывалось около 100 полков.

Артиллерия РВГК проводила перегруппировку в составе общевойсковых армий (5-я гв. и 13-я) и самостоятельно, по плану командующего артиллерией фронта. Так, одновременно с войсковой артиллерией 5-й гвардейской армии перегруппировку осуществляла и приданная ей артиллерия РВГК в количестве 40 полков (3-я и 17-я адп 7-го акп, 10-й гв. иптабр, 1075-й иптап, 9-й гмд и 308-й гмп), а в 13-й армии — 13 полков (12-я минбр, 168-й лабр, 111-й гв. гап, гап 171-й габр, 1076-й иптап, 30-я и 38-я гмбр). Из резерва фронта в армии ударной группировки передавался 51-й полк (4-я и 31-я адп 10-го акп — в 13-ю армию; 25-я адп и 7-я гв. иптабр — в 3-й гв. армию), а из одних армий в другие —19 полков (1-я гв. адп — из 13-й армии в 3-ю гв. армию и 37-я иптабр — из 5-й гвардейской в 21-ю армию). Перегруппировка артиллерии РВГК, осуществлявшаяся по плану командующего артиллерией фронта, производилась в период с 8 по 11 апреля.

Таким образом, в основной перегруппировке, помимо полковой и батальонной артиллерии и отдельных дивизионов общевойсковых соединений, участвовало около 100 полков войсковой артиллерии и 125 полков артиллерии РВГК. При этом перегруппировка производилась на значительное расстояние. Протяженность маршрутов колебалась в пределах от 80–100 км до 270–300 км. Наибольшее расстояние, в 300 км, пришлось преодолеть артиллерии 5-й гвардейской армии. Кроме того, часть артиллерии производила внутриармейскую перегруппировку на сравнительно небольшое расстояние.

Распределение артиллерии между армиями трех фронтов к началу операции приведено в Приложении. Здесь же я отмечу, что в 126-километровой полосе наступления 2-го Белорусского фронта к началу наступления имелось 6528 орудий и минометов (из них 1865 в РВГК), 335 боевых машин реактивной артиллерии и 488 пусковых рам снарядов М-31. В это число не включена артиллерия 19-й и 5-й танковых армий, занимавших оборону на побережье и не участвовавших в операции.

В 174-километровой полосе наступления 1-го Белорусского фронта имелось 16 687 орудий и минометов (из них 4858 РВГК), 661 боевая машина реактивной артиллерии и 779 рам М-31.

В 395-километровой полосе наступления 1-го Украинского фронта находилось 15 330 орудий и минометов (из них 4099 РВГК), 523 боевые машины реактивной артиллерии и 518 рам М-31.

В их число не включена артиллерия, входившая в состав 1-го Украинского фронта 6-й армии, блокировавшей город Бреслау в 125–150 км

восточнее линии фронта. Зато включена артиллерия 2-й армии Войска Польского, которая имела 1170 орудий и минометов, а также 21 боевую машину реактивной артиллерии.

О степени массирования артиллерии на главных направлениях фронтов можно судить по тому, что в армиях ударных группировок фронтов было сосредоточено до 80 % всей войсковой артиллерии и до 95 % всей артиллерии РВГК. Средний удельный вес артиллерии РВГК во всех трех фронтах достигал 26 %, в большинстве же армий ударных группировок он доходил до 45–48 %.

На участках прорыва использовались орудия большой и особой мощности РВГК. Так, к примеру, в 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта находился 1-й пушечный полк особой мощности (две 210-мм пушки Бр-17 и шесть 152-мм пушек Бр-5), 34-й ОАД ОМ (шесть 280-мм мортир Бр-5) и 322-й ОАД ОМ (шесть 305-мм гаубиц обр. 1915 г.).

Благодаря большому количеству артиллерийских частей и соединений, привлекавшихся к участию в Берлинской операции, в полосе фронта была развернута широко разветвленная сеть многочисленных наблюдательных пунктов командиров батарей, дивизионов, полков, бригад и дивизий (основных, боковых и передовых).

В начале подготовительного периода, когда еще не были изменены фронтовые границы и фронт армий, особенно на кюстринском плацдарме, был еще очень широк, на каждом километре фронта размещалось в среднем 32 наблюдательных пункта (5-я ударная и 8-я гвардейская армии). В последние же недели, предшествовавшие наступлению, после сокращения общей ширины полосы фронта с 320 до 175 км и окончания сосредоточения артиллерии на участках прорыва тех же армий на каждом километре фронта действовало уже до 100–120 наблюдательных пунктов. Всего же в полосе фронта было развернуто около 7 тысяч наблюдательных пунктов артиллерийских частей и подразделений.

В армиях ударной группировки 1-го Украинского фронта плотность наблюдательных пунктов была такой же, как и на 1-м Белорусском фронте, и только в армиях 2-го Белорусского фронта, выполнявших задачи вспомогательного характера, она была ниже и не превышала 60–70 наблюдательных пунктов на 1 км фронта. Но и в этом случае развернутая сеть наблюдательных пунктов обеспечивала выполнение основных задач, возложенных на войсковую артиллерийскую разведку.

В подготовительный период была проделана большая организационная работа по подготовке подразделений разведки к действиям в подвижных формах боя. Сущность ее заключалась в том, что заблаговременно было

предусмотрено быстрое выдвижение вперед за наступающими войсками подвижных наблюдательных пунктов (разведывательных групп) на танках, самоходных орудиях, бронетранспортерах, автомашинах и мотоциклах. Все такие подвижные разведывательные группы обеспечивались надежными средствами радиосвязи. Опыт прошлых операций показал, что подобные мероприятия, проведенные заранее, обеспечивали эффективные действия войсковой артиллерийской разведки в ходе операции.

В период подготовки Берлинской операции в составе 1-го Белорусского фронта действовало 16 отдельных разведывательных артиллерийских дивизионов, 2 отдельных корректировочно-разведывательных авиационных полка и 2 воздухоплавательных дивизиона аэростатов наблюдения. Все эти части были распределены между армиями фронта, как показано в таблице.

Таблица 27. **Распределение частей артиллерийской инструментальной и воздушной разведки между армиями 1-го Белорусского фронта**[172]

Армии	Корректировочные полки	Воздухоплаватель-ные дивизионы
47-я армия	6 самолетов-корректировщиков Ил-2 98-го окрап	—
3-я уд. армия	6 самолетов-корректировщиков Ил-2 98-го окрап	3-й отряд 4-го вдан
5-я уд. армия	6 самолетов-корректировщиков Ил-2 и звено ночных корректиров-щиков По-2 98-го окрап	1-й и 2-й отряды 4-го вдан
8-я гв. армия	10 самолетов-корректировщиков Ил-2 и звено ночных корректиров-щиков По-2 93-го окрап	6 вдан
69-я армия	6 самолетов-корректировщиков Ил-2 93-го окрап	—

Корректировочно-разведывательные авиационные полки получили задачи на фотографирование обороны противника, визуальную разведку, корректировку огня нашей артиллерии и ночную разведку батарей противника. Всего за время подготовки операции самолеты-корректировщики произвели 248 боевых вылетов, из них: на фотографирование — 76, на визуальную разведку — 125 и на корректировку артиллерийского огня — 47. Всего было разведано 1532 цели, в том числе 185 артиллерийских и минометных батарей. За этот же период была сфотографирована оборона противника на площади в 3317 кв.

км. С помощью корректировки с самолета было подавлено и уничтожено 42 артиллерийские батареи, 4 переправы и 1 бронепоезд.

Работа аэростатов наблюдения была ограниченной. В целях маскировки их боевых порядков подъемы в основном производились ночью с целью уточнения и выявления группировки артиллерии и минометов противника, а также для наблюдения за его действиями в ночное время. Всего в подготовительный период было произведено 40 подъемов, из них 38 ночных и только 2 дневных (последние в период проведения разведки боем). В результате произведенных подъемов было разведано: артиллерийских и минометных батарей — 42, отдельных орудий — 8, прожекторов — 40.

К началу операции фронты располагали очень большим количеством боеприпасов, полностью обеспечивавшим выполнение предстоящих задач. Распределение боеприпасов между фронтами было произведено в соответствии с задачами фронтов и их ролью в операции. Так, 2-й Белорусский фронт к началу операции имел 2 441 630, 1-й Белорусский фронт — 6 177 400 и 1-й Украинский фронт — 3 671 870 снарядов и мин. Таким образом, не считая боеприпасов зенитной и полевой реактивной артиллерии, тремя фронтами было накоплено более 12 млн снарядов и мин всех калибров. Средняя обеспеченность этих фронтов в боекомплектах составила соответственно 2,4, 3,0 и 1,8 боевого комплекта. Учитывая, что глубина операции не должна была превысить 120–160 км, такая обеспеченность была достаточно высокой. На трех фронтах было сосредоточено большое количество боеприпасов и для полевой реактивной артиллерии — 288 тысяч снарядов, из них: на 2-м Белорусском — 100 тысяч, на 1-м Белорусском — 136 тысяч и на 1-м Украинском фронте — 52 тысячи снарядов.

К сожалению, перед началом Берлинской операции не удалось полностью укомплектовать по штату артиллерийские подразделения. Так, укомплектованность артиллерии стрелковых дивизий личным составом и материальной частью в среднем составляла 60 %, средствами транспорта, тяги и конского состава — от 50 до 60 %. Значительно лучше были укомплектованы части и соединения армейской артиллерии и РВГК: личным составом — от 80 до 92 %, материальной частью — от 92 до 100 %, автомашинами и тягачами — от 80 до 85 %. Укомплектованность подразделений связи личным составом, телефонными аппаратами, радиостанциями и зарядными агрегатами была доведена до 90 %, и только обеспеченность телефонным кабелем составляла 65–70 % штатной потребности. Артиллерийские части и соединения были хорошо

обеспечены горючим всех видов, запасы которого к началу операции составили от 2,5 до 3,5 заправки.

Для зенитно-артиллерийского прикрытия боевых порядков войск, переправ, командных пунктов и тыловых объектов в полосах трех фронтов, особенно 1-го Белорусского и 1-го Украинского, была сосредоточена очень сильная группировка зенитной артиллерии. Ее состав и распределение между фронтами показаны в таблице.

Таблица 28. **Распределение зенитной артиллерии между фронтами к началу Берлинской операции**[173]

Фронты	Количество			Общее количество орудий (37, 85-мм)
	дивизий	отдельных полков	отдельных дивизионов	
2-й Белорусский	3	18	6	894
1-й Белорусский	13	27	8	1402**
1-й Украинский	9	31	3	1164
Итого	25	76	17	3460

**Кроме того, для прикрытия переправ и объектов тыла было использовано 1203 ор. Зап. фронта ПВО (5-й корпус ПВО страны).

С учетом привлекаемых в полосе 1-го Белорусского фронта средств ПВО страны вся группировка зенитной артиллерии насчитывала в своем составе 4663 орудия малого и среднего калибров. На центральном, берлинском, направлении в полосе 1-го Белорусского фронта было сосредоточено 60 % всей этой группировки, 1-го Украинского фронта — 26 % и 2-го Белорусского фронта — 14 %.

Наступление войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов было назначено на 16 апреля. Войска 2-го Белорусского фронта должны были перейти в наступление четырьмя днями позднее — 20 апреля.

Наступлению войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов предшествовала разведка боем. На 1-м Белорусском фронте она проводилась 14 и 15 апреля в шести армиях (47, 3-й уд., 5-й уд., 8-й гв., 69-й и 33-й) усиленными стрелковыми батальонами по одному от каждой стрелковой дивизии первого эшелона с целью уточнить истинное положение переднего края главной полосы обороны, убедиться в том, что первая позиция занята противником, произвести доразведку его обороны, захватить пленных.

Для ее артиллерийского обеспечения привлекалось относительно

небольшое количество артиллерии: преимущественно штатные средства стрелковых дивизий, от которых выделялись разведывательные батальоны и один-два артиллерийских (минометных) полка РВГК.

Исключение представляла 8-я гвардейская армия, но о ее действиях я расскажу отдельно.

В каждой армии атаке разведывательных батальонов предшествовала короткая артиллерийская подготовка: в 5-й ударной армии — 15-минутные, а во всех остальных — 10-минутные огневые налеты. Во всех армиях артиллерийская подготовка началась одновременно в 7 ч 30 мин, и с ее окончанием разведывательные батальоны перешли в атаку, поддерживаемые орудиями сопровождения и артиллерией с закрытых огневых позиций последовательным сосредоточением огня. Исключение составляла 8-я гвардейская армия, где поддержка атаки осуществлялась одинарным огневым валом, к ведению которого привлекались только 82-мм и 120-мм минометы.

Успех разведывательных батальонов был различен. В 47-й и 5-й ударной армиях разведывательные батальоны продвинулись на 300–400 м, после чего для развития их успеха были введены в бой стрелковые батальоны дивизий первого эшелона.

В 3-й ударной армии, на участке 12-го гвардейского стрелкового корпуса, разведывательные батальоны захватили первую и вторую траншеи и закрепились на рубеже в 300–400 м от переднего края; разведывательные батальоны 79-го стрелкового корпуса, выполнив задачу (ворвались в первую траншею и захватили пленных), отошли в исходное положение. В 69-й и 33-й армиях разведывательные батальоны ворвались в первую траншею, захватили пленных и под давлением противника отошли в исходное положение. В этот день батальоны армий ударной группировки вклинились в оборону противника: в 47-й — на 300–1500 м, в 3-й ударной — до 400 м, в 5-й ударной — на 1–2 км и в 8-й гвардейской — до 2–2,5 км.

При поддержке наступления разведывательных батальонов и батальонов дивизий первого эшелона артиллерия шести армий израсходовала около 120 тысяч снарядов и мин. Больше всех — свыше 45 тысяч — израсходовала артиллерия 8-й гвардейской армии, в то время как в каждой из остальных армий расход был в пределах 13–15 тысяч снарядов и мин. На другой день, 15 апреля, действия разведывательных батальонов и батальонов дивизий первого эшелона, введенных в бой 14 апреля, продолжались только в трех армиях (3-й уд., 5-й уд. и 8-й гв.). Наибольший успех был достигнут в 5-й ударной армии. На ее левом фланге наступающие батальоны за день продвинулись на глубину 1,5–2,5 км, а на

правом фланге, где разведывательные батальоны 14 апреля не действовали, даже до 5 км.

В результате двухдневных боев разведывательных батальонов и некоторой части главных сил войска армий ударной группировки фронта вклинились в первую полосу обороны противника на глубину 2–4 км, а на отдельных участках — до 5 км.

Несколько подробнее я остановлюсь на разведке боем 8-й гвардейской армии. Она была проведена боем силами двух стрелковых батальонов и двух штрафных рот на различных участках прорыва.

Каждый стрелковый батальон был усилен батареей СУ-76, батареей СУ-152, ротой саперов и поддерживался одним минометным полком, артполком дивизии, от которого действовали (без гаубичных батарей), всеми минометами дивизии, 76-мм и 45-мм орудиями, стоявшими на прямой наводке на рубеже атаки батальонов, и одним дивизионным залпом РС.

Штрафные роты, действовавшие на флангах, были усилены (каждая) батареей СУ-76, взводом саперов и поддерживались одним минометным полком, артполком дивизии, на участке которого действовали (без гаубичных батарей), всеми минометами дивизии, 45-мм и 76-мм орудиями, стоявшими на прямой наводке, и дивизионным залпом РС.

Подразделения, проводившие разведку боем, проходили специальную тренировку, причем для этой цели штрафные роты были выведены на восточный берег Одера.

Атаке предшествовал 10-минутный огневой налет, причем в начале огневого налета было произведено по одному дивизионному залпу реактивными снарядами М-13 (на батальон, штрафную роту), а сопровождение атаки — одинарным огневым валом 82-мм минометов, в период атаки армейские артиллерийские подгруппы вели борьбу с активно действующими батареями противника.

Общее руководство действиями батальонов осуществляли командиры корпусов, а командиры всех степеней со своих наблюдательных постов наблюдали за ходом боя и действиями противника, уточняя систему его обороны.

Любопытно, что оценка действий 8-й гвардейской армии существенно разнится в двух секретных документах. Так, в труде «Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны» (Кн. II (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.). М.: Воениздат, 1965) они оцениваются негативно и утверждается, что 8-я гвардейская армия продвинулась «незначительно — до 1 км» (стр. 655). А вот в сводке штаба армии

говорится: «Разведка боем, предпринятая за два дня (14.4.45 г.) до начала общего наступления, в связи с успешными действиями разведбатальонов переросла в настоящее наступление. Вместо запланированных двух стрелковых батальонов, силами которых армия должна была произвести 14.4.45 г. разведку боем, к исходу 14.4.45 г. армия ввела в бой: стрелковых полков — 8, минометных бригад — 5, минометных полков — 2, артиллерийских полков — 10 (дивизионных, лап, гап), артиллерийских бригад — 7, ОАД ОМ — 1, одну танковую бригаду и три танковых полка (итого танков и СУ: Т-34 — 27, ИС-122 — 52, СУ-122 — 27) и к утру 15.4.45 г. продвинулась во всей полосе на глубину от 3 до 4 км.

Несмотря на то что с перемещением боевых порядков снова пришлось планировать артподготовку, продвижение 14.4.45 имело положительное влияние на дальнейшее развитие операции, так как первая и частично вторая позиции главной полосы обороны противника оказались прорванными, а части, оборонявшие их, понесли значительные потери.

Таким образом, благодаря действиям войск армии 14.4.45 г. огневая система противника к 16.4.45 г. оказалась нарушенной, его оборона в целом ослабевшей»[174].

А теперь перейдем к первому этапу Берлинской операции.

На 1-м Белорусском фронте в четырех армиях, переходивших в наступление с плацдармов (3-я уд., 5-я уд., 8-я гв. и 69-я армии), артиллерийская подготовка началась 16 апреля еще в темное время, в 5 часов утра по московскому времени, и длилась 20–30 минут. В остальных трех армиях (1-я Польская, 47-я и 33-я) она была той же продолжительности, но началась в 5 ч 45 мин. Артиллерийская подготовка, во время которой оборона противника подавлялась на глубину до 6–8 км, а на некоторых участках и до 10 км, во всех армиях была очень мощной. Достаточно сказать, что при столь непродолжительной артиллерийской подготовке артиллерия израсходовала около 500 тысяч снарядов и мин всех калибров, нанесла противнику большие потери, надежно подавив его оборону, особенно в первой полосе.

По окончании артиллерийской подготовки в полосах армий, где она началась в 5 часов утра, по установленному сигналу включили прожекторы, яркие лучи которых были направлены на противника.

Поскольку целесообразность использования прожекторов свыше 60 лет вызывает споры историков, я остановлюсь на этом моменте поподробнее.

Маршал артиллерии В. И. Казаков в своих мемуарах утверждает: «Командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков решил

(это было еще в феврале, при первом обсуждении плана операции с командармами) провести артиллерийскую подготовку и начало поддержки атаки в предрассветный час, то есть еще в темное время суток, а в момент начала атаки ослепить противника лучами мощных прожекторов.

Чтобы убедиться в целесообразности такого решения, командующий фронтом решил на практике проверить действие прожекторов. Моему заместителю по ПВО генералу В. Г. Позднякову было приказано вывезти два прожектора на открытую местность. Большая группа генералов расположилась примерно в километре от прожекторов. Эффект превзошел все ожидания. Когда включили прожекторы, огромной силы свет буквально ослепил нас. Примерно через тридцать секунд свет погас, и в наступившей тьме некоторое время мы не видели друг друга, хотя и находились рядом.

— Ну как, повторить или и так все ясно? — спросил командующий.

Ни у кого не возникло желания снова оказаться под лучами прожекторов. Так мы убедились, что с помощью прожекторов можно преподнести противнику неприятный сюрприз. Тогда же было принято решение на участках прорыва четырех армий (3-й и 5-й ударных, 8-й гвардейской и 69-й) поставить 143 прожектора…

16 апреля в 5 часов[175], в полной темноте, мощный залп огромной массы орудий и минометов возвестил о начале артиллерийской подготовки, длившейся 25–30 минут. Зрелище было поистине феерическое: десятки тысяч зарниц в районе огневых позиций на широком фронте и огни разрывов в стане врага. Особенно сильное впечатление производили залпы „катюш“.

Даже бывалых артиллеристов поразила эта стихия огня, которая ночью казалась куда более грозной, чем днем. С каждой минутой росла уверенность в успехе атаки, начала которой мы ждали с таким нетерпением.

А в 5 часов 25 минут темноту ночи прорезали вертикальные лучи мощных прожекторов. По этому сигналу повсеместно одновременно зажглись прожекторы, направленные в сторону врага. Но произошло непредвиденное: лучи прожекторов оказались не в силах пробить густые облака пыли и дыма от разрывов многих десятков тысяч снарядов и мин. К тому же погода была безветренная и по земле стлался предутренний туман.

Конечно, прожекторы сыграли свою положительную роль: местность перед наступавшими войсками была освещена как днем, что, безусловно, облегчало их действия»[176].

Несколько иначе ситуацию трактует штаб 8-й гвардейской армии:

«Прожекторы мощным светом должны были осветить путь танкам и пехоте (перешедшим в атаку в 5.15) и ослепить противника. Освещением преследовалась цель — сделать возможной атаку ночью при свете, создать невыгодные условия для противника. Бой должен был быть обеспечен освещением с 5 часов 15.4.45 до наступления рассвета на глубину до 3 км.

Всего перед фронтом двух стрелковых корпусов (правофланговый и средний) было поставлено на позиции 26 прожекторов на фронте до 5 км. Прожекторы устанавливались в одном километре от переднего края с интервалами в 200–250 метров.

Прожекторы были введены в действие своевременно, но ожидаемого эффекта они не дали. Причиной этому было:

а) неблагоприятная погода (дымка);

б) после артподготовки передний край противника был окутан сплошным облаком дыма и пыли, которые свет прожекторов не пробивал;

в) из 26 прожекторов не действовало 12. Пять прожекторов были выведены из строя пулеметным огнем противника в самом начале боя, один оказался неисправным, и остальные не действовали благодаря слабому контролю офицерского состава прожекторного полка.

В связи с этим вместо сплошного освещения и ослепления противника прожекторами слабо освещались отдельные полосы на расстоянии не дальше как до переднего края противника;

г) прожекторы были приданы стрелковым корпусам, а управление ими возложено на командующих артиллерией корпусов.

Практически расстановкой прожекторов и управлением приданными прожекторными подразделениями занимался исключительно помощник начальника штаба командующего артиллерией корпуса по ПВО; он же управлял ими и во время боя. Управление ограничилось поддержкой связи с командирами прожекторных взводов и опросом их о готовности.

Штабы корпусов работы прожекторов не спланировали, их действиями не руководили.

Опыт применения прожекторов 16.4.45 г. показал, что в дальнейшем при применении прожекторов целесообразно учитывать следующее:

а) предстоящую погоду (в туман и дымку действия прожекторов будут неэффективными);

б) длительность и силу артподготовки. Прожекторы целесообразнее применять на участках, где артподготовка не проводится;

в) порядок использования — прожекторные подразделения целесообразно придавать дивизиям;

г) в связи с неизбежным выходом части прожекторов из строя их

нужно расставлять на сокращенных интервалах (до 150 метров);

д) прожекторные подразделения с наибольшим эффектом могут быть использованы при решении войсками частных задач.

Одной из особенностей прорыва было то, что артподготовка и артиллерийское обеспечение атаки пехоты огневым валом проходило в ночных условиях (впервые в практике армии).

Первые два периода артнаступления (артподготовка — 20 минут и сопровождение атаки пехоты и танков огневым валом — 30 минут) были совершенно ненаблюдаемы»[177].

А теперь вернемся к общему ходу наступления 1-го Белорусского фронта.

Атака советских войск в целом была успешной, и на большинстве участков наступление развивалось без больших потерь. Только в полосе 47-й армии наступление замедлялось из-за большого количества каналов оросительной системы, заполненных водой. На правом фланге 61-й армии, где противник оказал очень сильное и упорное сопротивление, наши части смогли продвинуться только на 300–400 м. В целом же быстрое продвижение наших войск в первой полосе обороны немцев объясняется не только большой эффективностью огня артиллерии и решительными действиями пехоты и танков, но в значительной мере еще и тем, что после проведенной нашими войсками разведки боем противник на многих участках сумел отвести свои основные силы на вторую полосу обороны, оставив в первой только части прикрытия.

Наиболее сложная обстановка складывалась в полосе наступления 8-й гвардейской и частично 5-й ударной армий. Уже к 12 часам соединения 8-й гвардейской армии прорвали первую полосу обороны и подошли к рубежу Зееловских высот — второй (главной) полосе обороны. К этому времени с ними уже действовали и передовые части 1-й гвардейской танковой армии, введенные в бой еще в 7 часов. Однако соединения стрелковых корпусов выходили к рубежу Зееловских высот неодновременно, и предусмотренный планом 15-минутный огневой налет проводился по мере их подхода распоряжением командиров корпусов. Таким образом, одновременного, мощного удара артиллерии не получилось. Разрозненные атаки успеха не имели. Тогда распоряжением командующего фронтом для наращивания силы удара были введены в бой главные силы 1-й гвардейской танковой армии. Но и эта мера не принесла желаемых результатов. В течение дня шли ожесточенные бои за овладение гребнем высот, но выполнить эту задачу нашим войскам так и не удалось. Все атаки пехоты и танков отбивались противником с восточных скатов, хорошо оборудованных в

инженерном отношении и насыщенных огневыми средствами.

К исходу дня артиллерия армии начала перемещение своих боевых порядков вперед, чтобы возможно больше приблизить их к передовым частям. В очень сложных условиях загруженных дорог, большого количества естественных препятствий и под непрерывным огневым воздействием противника артиллерия в течение вечера 16 апреля и в ночь на 17 апреля переместилась вперед. На прежних огневых позициях оставались только части артиллерии большой и особой мощности.

Подводя итоги первого дня наступления, следует отметить, что на большинстве участков наши войска прорвали первую и подошли ко второй полосе обороны противника, продвинувшись на 4–6 и более километров. По неполным данным, за этот день огнем артиллерии было уничтожено и разрушено около двух тысяч и подавлено около тысячи различных целей, не считая уничтоженной живой силы, многих километров разрушенных траншей и сотен каменных зданий, превращенных противником в сильные узлы сопротивления.

16 апреля огнем советской артиллерии были повреждены три 28-см железнодорожные установки 100-го железнодорожного дивизиона, стоявшие между Зееловом и Мюнхебергом.

За первый день наступления артиллерия фронта израсходовала более 900 тысяч снарядов и мин всех калибров (без зенитной артиллерии) — намного меньше, чем предусматривалось планом. Частично это объясняется успешными действиями передовых батальонов.

Утром 17 апреля войска фронта вновь перешли в наступление, но армии начали боевые действия неодновременно. На правом крыле фронта, в 61-й армии, артиллерийская подготовка началась в 6 ч 30 мин, в 47-й армии — в 7 ч 30 мин, а в 5-й ударной и 69-й армиях — соответственно в 10 ч 00 мин и в 10 ч 10 мин. Продолжительность артиллерийской подготовки была разная — от 15 до 40 минут.

В 8-й гвардейской армии, выполнявшей наиболее сложную задачу, артиллерийская подготовка началась в 9 ч 45 мин, а в 10 ч 15 мин, после последнего мощного 5-минутного огневого налета, войска армии атаковали противника, оборонявшего рубеж Зееловских высот. Несмотря на то что против войск ударной группировки фронта противник выдвинул из резерва 9-й армии три моторизованные и одну авиаполевую дивизии (18-ю и 25-ю мд, мд «Курмарк» и 1-ю авиаполевую дивизию), удержать рубеж Зееловских высот он не смог. Массированный огонь артиллерии и решительные действия нашей пехоты сломили ожесточенное сопротивление противника. Преодолевая все естественные и

искусственные препятствия, отражая частые контратаки противника, наши войска прорвали оборону на Зееловских высотах, штурмом овладев сильными опорными пунктами Вербиг, станцией Гузов, Зеелов, Фридерсдорф, Дольгелин.

В этот день успешно действовали и остальные армии ударной группировки, и только в армиях правого и особенно левого крыла фронта успех был значительно меньше.

Для развития успеха 29-го гвардейского стрелкового корпуса командующий 8-й гвардейской армией ввел в бой 82-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Артиллерийское обеспечение ввода ее в бой осуществлялось артиллерией 4-го гвардейского стрелкового корпуса и армейской подгруппой этого корпуса в составе одного минометного и одного легкого артиллерийского полков и двух тяжелых гаубичных дивизионов. С вводом 82-й гвардейской стрелковой дивизии в бой для создания дивизионной артиллерийской группы ей были приданы три полка (гап 58-й габр, минп 42-й минбр и лап 65-й лабр).

С выходом пехоты 8-й гвардейской армии на рубеж шоссейной дороги Гузов — Зеелов из-за ее правого фланга на стыке с 5-й ударной армией была введена в прорыв подвижная группа фронта — 1-я гвардейская танковая армия и 11-й танковый корпус. Первоначальный план артиллерийского обеспечения из-за изменившейся обстановки был нарушен. Его осуществление было возложено на армейскую подгруппу 4-го гвардейского стрелкового корпуса в составе четырех бригад и одного полка (184-я габр БМ, 189-я пабр, 80-я тгабр, 26-я тминбр и 1091-й пап), в которых насчитывалось 142 орудия и миномета крупных калибров — 152-мм, 160-мм и 203-мм.

Сопровождение танков велось короткими огневыми налетами по отдельным участкам по вызову артиллерийских корректировщиков из радийных танков или командиров соединений танковой армии. Расход боеприпасов во время каждого огневого налета составлял 20–25 снарядов (мин) на участок.

Артиллерия сопровождала части танковой армии на глубину 4–5 км, до их выхода к восточному берегу реки Флисс, где они встретили упорное сопротивление противника. Западный берег реки был насыщен противотанковыми средствами. Особенно эффективно немцами применялся массированный огонь фаустпатронов. Наши танки понесли потери, и дальнейшее их продвижение было приостановлено. Таким образом, будучи успешно введенными в прорыв, из-за характера местности и сильной противотанковой обороны противника наши танковые и

механизированные корпуса не смогли сколько-нибудь значительно оторваться от пехоты и выйти на оперативный простор.

Одновременно с 8-й гвардейской перешла в наступление и 5-я ударная армия, в полосе которой в более благоприятных условиях была введена в прорыв 2-я гвардейская танковая армия (без 9-го гв. тк, действовавшего с 3-й уд. армией). Прорыв войсками 8-й гвардейской армии рубежа Зееловских высот положительно повлиял и на действия 5-й ударной армии, которая успешно развивала наступление, обеспечивая правый фланг 8-й гвардейской армии.

В итоге второго дня наступления только три армии (3-я уд., 5-я уд. и 8-я гв. армии) завершили прорыв тактической зоны вражеской обороны, продвинувшись в глубину на 11–13 км. За этот день артиллерия фронта израсходовала около 500 тысяч снарядов и мин. Ее огнем было уничтожено и разрушено около тысячи и подавлено более 600 различных целей. Все это, не считая разрушенных траншей и многочисленных контратак, отраженных огнем артиллерии. В последующие два дня войска 1-го Белорусского фронта завершили прорыв одерского оборонительного рубежа и продвинулись в глубину до 30 км.

На взгляд автора, наступление могло идти быстрее и со значительно меньшими потерями в случае привлечения гораздо большего числа орудий большой и особой мощности. О роли тяжелой артиллерии в работе «Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны» сказано: «Наиболее характерной особенностью в использовании артиллерии в эти дни явилось более широкое, чем когда-либо, использование орудий даже крупных калибров для стрельбы прямой наводкой. Широкая сеть населенных пунктов с каменными постройками, приспособленными к обороне, требовала их разрушения. Наиболее экономично и с наименьшей затратой времени эту задачу решали орудия крупных калибров, до 203-мм гаубиц включительно, выдвигавшиеся для стрельбы прямой наводкой»[178].

А вот что пишет В. И. Казаков о действиях 322-го ОАД ОМ: «Сломить вражеское сопротивление в этом опорном пункте [полевые укрепления немцев? — *А.Ш.*] можно было только с помощью мощных средств разрушения. Таким средством был дивизион особой мощности, вооруженный 305-миллиметровыми гаубицами. Его-то мы и решили нацелить на упомянутый опорный пункт. Здесь тоже сыграла свою роль хорошо организованная связь, которой располагал командующий артиллерией фронта. Благодаря этому удалось напрямую выяснить обстановку в полосе 69-й армии и быстро поставить задачу не только

командиру дивизиона, но и командующему артиллерией 69-й армии. Отдав предварительные распоряжения по телефону, я выехал в 69-ю армию, чтобы на месте уточнить все вопросы, связанные с организацией наступления после того, как дивизион особой мощности сделает свое дело.

Огонь дивизиона действительно решил судьбу опорного пункта. Последний был полностью разрушен»[179].

На 1-м Украинском фронте, во всех армиях ударной группировки, артиллерийская подготовка началась одновременно 16 апреля в 6 ч 15 мин мощным 10-минутным огневым налетом по переднему краю и ближайшей глубине обороны противника (до 2–2,5 км), по артиллерийским и минометным батареям, штабам, узлам связи и районам расположения резервов. Проводилась она в полном соответствии с фронтовым графиком.

С началом артиллерийской подготовки инженерные части приступили к спуску на воду заготовленных мостов, наведению паромов, штурмовых мостиков и подготовке других переправочных средств. Однако к началу переправы артиллерии сопровождения усиленных стрелковых батальонов этих средств было еще недостаточно, и многие расчеты орудий сопровождения, не ожидая окончания наводки паромов, форсировали реку вброд и на подручных средствах. На табельных средствах переправлялись главным образом полковые и батальонные минометы.

В особенно тяжелых условиях пришлось форсировать реку Нейсе артиллерии сопровождения усиленных стрелковых батальонов 147-й стрелковой дивизии 13-й армии, на участке которой самые мелкие места реки имели глубину не менее 1,5–1,8 м, крутые берега и илистое дно. Только благодаря героическим усилиям артиллеристов и большой помощи саперов артиллерия штурмовых батальонов этой дивизии к началу атаки почти полностью была переправлена на западный берег реки Нейсе.

40-минутная артиллерийская подготовка, проведенная перед форсированием, была очень эффективной. В полосе 3-й гвардейской армии с началом форсирования вели огонь только две батареи противника. При этом одна из них не была обнаружена ранее, а другая хотя и была разведана и засечена, но длительное время себя не проявляла и поэтому во время артиллерийской подготовки не подавлялась. Огнем артиллерии 13-й армии противник был настолько подавлен, что уже к началу форсирования не был в состоянии оказать сколько-нибудь существенного сопротивления. Форсирование Нейсе, кроме того, что оно имело надежное артиллерийское обеспечение, было прикрыто дымовой завесой, поставленной на широком фронте.

Уже через 1 ч 40 мин после начала артиллерийской подготовки

артиллерия сопровождения штурмовых батальонов дивизий первого эшелона переправилась на западный берег Нейсе. В это же время штурмовые батальоны накапливались на западном берегу реки для атаки. По окончании 60-минутного периода обеспечения форсирования началась 45-минутная артиллерийская подготовка атаки с захваченных плацдармов на западном берегу.

В 8 ч 40 мин, поддерживаемые огнем артиллерии и авиацией, войска фронта перешли в атаку. Несмотря на то что войскам фронта пришлось вести наступление в крупных лесных массивах и преодолевать лесные завалы и многочисленные пожары, возникшие в результате артиллерийского обстрела, наступление развивалось успешно и уже к 10 часам части 3-й гвардейской армии прорвали главную полосу обороны противника. Остальные армии ударной группировки продвигались несколько медленнее. В 13 часов началась переправа через Нейсе передовых отрядов танковых корпусов 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, а в 14 часов они были введены в бой. К исходу дня все армии ударной группировки, во взаимодействии с передовыми отрядами танковых корпусов, завершив прорыв главной полосы обороны противника, продвинулись до 13 км и на отдельных участках вклинились во вторую полосу обороны.

По окончании наведения и восстановления переправ и мостов значительная часть артиллерии РВГК начала переправу через Нейсе. Например, в 3-й гвардейской армии уже к 17 часам 16 апреля на западный берег реки переправились отдельные полки РВГК и части 1-й гвардейской и 25-й артиллерийских дивизий прорыва — всего 21 полк. В этот же день производились перегруппировки и переподчинение артиллерии, а также необходимые изменения в составе артиллерийских групп. Так, к середине дня 1-й дивизион 40-й гвардейской пушечной бригады и 19-я гвардейская минометная бригада полевой реактивной артиллерии 1-й гвардейской артиллерийской дивизии, действовавшие в составе 3-й гвардейской армии, были переподчинены 3-й гвардейской танковой армии. В 13-й армии с выходом пехоты на рубеж Раден, Еришке (5 км от переднего края) были расформированы армейские группы и за счет их созданы сильные корпусные артиллерийские группы, что обеспечило более гибкое управление огнем в интересах боя общевойсковых соединений.

В связи с неравномерным продвижением войск армий большое внимание уделялось противотанковому обеспечению открытых флангов, захваченных рубежей и объектов. Эта задача выполнялась орудиями сопровождения, артиллерийско-противотанковыми резервами и огнем

артиллерии с закрытых огневых позиций.

С утра 17 апреля войска фронта возобновили наступление с целью прорыва второй полосы вражеской обороны. В сражение были введены главные силы 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, в ночь на 17 апреля переправившиеся на западный берег Нейсе. Обеспечение ввода танковых армий осуществляла артиллерия 3-й гвардейской, 13-й и 5-й гвардейской армий, на участке которых они вводились в сражение. Взаимодействуя с соединениями танковых армий, войска 3-й гвардейской, 13-й и 5-й гвардейской армий, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, к исходу второго дня операции прорвали вторую полосу его обороны на 15-километровом участке.

В зависимости от характера обороны на различных участках наступлению наших войск в этот день предшествовала артиллерийская подготовка продолжительностью в 10–20 минут. При прорыве второй полосы обороны для ликвидации важнейших узлов сопротивления широко применялся массированный огонь артиллерии. Так, в полосе наступления 13-й армии, в районе 1,5 км восточнее Босдорфа и юго-западнее, противник опирался на сильную систему обороны с наличием мощных дзотов, расположенных на очень выгодной для обороны местности. Для надежного подавления узлов сопротивления применялись 3–10-минутные огневые налеты пяти — семи бригад 10-го артиллерийского корпуса прорыва. На организацию сосредоточения огня такого количества бригад уходило 20–35 минут. Массирование огня двух-трех бригад в боях за овладение второй полосой обороны было обычным явлением.

Продолжая развивать наступление, войска 13-й и 5-й гвардейской армий сломили сопротивление противника и утром 18 апреля вышли к реке Шпрее, а в 13 часов с ходу форсировали ее, захватив плацдармы севернее и южнее Шпремберга. Таким образом, в этот день войска фронта прорвали нейсенский рубеж обороны противника.

Для обеспечения удержания захваченных плацдармов, дальнейшего преследования противника и отражения его контратак с флангов вдоль шоссе Коттбус — Шпремберг были приняты энергичные меры к переправе артиллерии на западный берег Шпрее, используя для этого захваченные мосты и разведанные броды. К исходу дня 18 апреля вся артиллерия была подтянута непосредственно к реке, а уже к утру 19 апреля большая ее часть была переправлена на плацдармы на западном берегу.

В итоге трехдневных боев войска ударной группировки 1-го Украинского фронта создали благоприятные условия для охвата с запада франкфуртско-губенской группировки противника и выдвижения танковых

армий к Берлину с юга.

Войска 2-го Белорусского фронта должны были перейти в наступление только 20 апреля. Ударная группировка фронта имела задачу к этому времени форсировать реку Ост-Одер, очистить от немцев междуречье и подойти к восточному берегу реки Вест-Одер, обеспечив тем самым исходное положение для форсирования реки главными силами. Несмотря на сложные условия ведения боевых действий в междуречье, затопленном водой, под прикрытием огня артиллерии и дымовых завес поставленная задача в течение 18 и 19 апреля была выполнена.

Огонь артиллерии противника был относительно слаб, но зенитные орудия действовали достаточно эффективно. В очередном дневном донесении группы армий «Висла» в ставке ОКХ говорится, что в течение 19 и 20 апреля зенитной артиллерией группы армий уничтожено 23 советских самолета и 93 танка, а собственные потери составили восемь 2-см автоматов и одну 8,8-см пушку[180].

21 апреля войска 3-й ударной армии ворвались на северо-восточную окраину Берлина, а соединения 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий подошли к внешнему берлинскому оборонительному обводу и в районе Эркнер вклинились в него. 22 апреля 47-я армия с 9-м танковым корпусом форсировала реку Хавель, охватив Берлин с северо-запада. 3-я и 5-я ударные армии во взаимодействии со 2-й гвардейской танковой армией охватили Берлин с севера и северо-востока, а 8-я гвардейская совместно с 1-й гвардейской танковой армией прорвала внутренний берлинский оборонительный обвод на участке Мальсдорф, Венденшлос и начала бои в городе.

Войска 61-й армии и 1-й армии Войска Польского, обеспечивая правый фланг ударной группировки, к исходу 22 апреля вели бои на рубеже Эберсвальде, Вандлиц, Биркенвердер; на левом крыле фронта 69-я и 33-я армии вели бои в районе Франкфурта с целью окружения противника, начавшего отход в юго-западном направлении.

К исходу 22 апреля благодаря маневру войск 1-го Белорусского фронта и успешным действиям армий правого крыла 1-го Украинского фронта образовался внешний фронт окружения, что обеспечивало ликвидацию окруженной группировки немцев в районе Берлина и препятствовало попыткам вражеского командования ударами с запада и юго-запада оказать помощь своим окруженным войскам. К этому же времени сложилась благоприятная обстановка для полной изоляции франкфуртско-губенской группировки противника от его войск, оборонявших Берлин.

В связи со сложившейся обстановкой Ставка отдала директиву не

позже 24 апреля завершить окружение франкфуртско-губенской группировки противника и не допустить ее прорыва к Берлину или в западном и юго-западном направлениях.

С целью полностью отсечь от Берлина основные силы 9-й немецкой армии (франкфуртско-губенская группировка) и окружить их юго-восточнее города командующий войсками 1-го Белорусского фронта ввел в сражение (в стыке между 8-й гвардейской и 69-й армиями) 3-ю армию, находившуюся во втором эшелоне фронта, из района севернее Фюрстенвальде в общем направлении на Михендорф. 24 апреля 3-я армия соединилась с 28-й армией 1-го Украинского фронта юго-восточнее Берлина. Тем самым основные силы 9-й немецкой армии были полностью изолированы от берлинской группировки и был образован сплошной фронт окружения вокруг франкфуртско-губенской группировки.

25 апреля соединением 47-й и 2-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта с 4-й гвардейской танковой армией 1-го Украинского фронта западнее Потсдама было завершено окружение и берлинской группировки германских войск.

Глава 14
Последний штурм

Рассказ о последней и самой эффектной операции Красной Армии я начну с простого вопроса: а кому нужен был штурм Берлина? Ведь уже 25 апреля на реке Эльбе в районе Торгау американские войска соединились с советскими. Третий рейх уже агонизировал, и, казалось, Берлин должен был капитулировать без серьезного силового воздействия. Другой вопрос — кому сдалась бы столица Германии?

1 апреля 1945 г. Черчилль написал президенту Рузвельту: «…Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убежденность, которая уже очевидна, в том, что все сделали они. Поэтому мое мнение таково, что с политической точки зрения мы должны вклиниться в Восточную Германию настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости».

Генерал Эйзенхауэр был против похода на Берлин. И действительно, американские войска понесли бы огромные потери, если, конечно, немцы решили бы с ними драться. Однако среди генералов вермахта и даже СС были сильны пораженческие настроения, и разрабатывались различные планы капитуляции перед западными союзниками и продолжения войны с большевиками.

Существовало несколько планов убийства Гитлера в Берлине и немедленной капитуляции перед англичанами и американцами. Через 30 лет после окончания войны в западной прессе всплыли планы высадки англо-американского воздушного десанта в Берлине.

К апрелю 1945 г. западные союзники располагали в Европе тысячами военных транспортных самолетов и тяжелых бомбардировщиков, с которых могли сбрасывать парашютистов и тяжелые грузы, а также пятью воздушно-десантными дивизиями, насчитывавшими 15–20 тысяч человек. Таким образом, англо-американский воздушный десант в Берлине имел практически стопроцентные шансы на успех. Разумеется, при отсутствии сопротивления со стороны немцев.

Нелишне заметить, что руководству Англии и США была присуща склонность к подобным авантюрам. Западные и польские СМИ и историки

представляли Варшавское восстание в августе 1944 г. спонтанной акцией местных жителей. На самом деле восстание было одной из операций по плану «Буря», согласно которому крупные города, из которых уходили немцы, должны были захватывать войска Армии Крайовой и в них должна была устанавливаться власть эмигрантского польского правительства. Операции по плану «Буря» проводились в Вильно и других местах, но с треском провалились.

Варшавские повстанцы должны были захватить аэродром, на который предполагалось высадить посадочным способом пехотную бригаду, базировавшуюся в Шотландии, а затем и другие части. Однако немцы сумели удержать аэродром, и высадка была отменена.

На мой взгляд, захват Берлина англичанами и американцами был чреват серьезными осложнениями в отношениях западных союзников и СССР. Дело могло дойти до начала вооруженных действий между партнерами по антигитлеровской коалиции. Таким образом, Сталин был абсолютно прав, потребовав от командования Красной Армии в кратчайший срок взять Берлин. Другое дело, что при меньшем числе ошибок советского командования наши потери могли быть существенно ниже.

Был ли Берлин превращен немцами в неприступную крепость? Тут мнения советских и германских участников боев кардинально расходятся. Вот, к примеру, данные сводки штаба 8-й гвардейской армии, составленные уже в конце мая 1945 г.:

«К широкому ведению инженерных работ по созданию оборонительных рубежей западнее реки Одер и лихорадочной подготовке Берлина к обороне немецкое командование приступило в конце января — начале февраля 1945 г. — с выходом наших войск к р. Одер.

Для создания и совершенствования оборонительных сооружений были привлечены пехотные части, а также большое количество саперных и строительных частей РГК, кроме того, было почти поголовно мобилизовано гражданское население, а также стянуты из большинства областей государства строительные части организации ТОДТ.

В результате проведенных работ противник к началу нашего наступления на подступах к Берлину создал ряд мощных оборонительных рубежей:

1. Главная оборонительная полоса с первой линией обороны (передний край), проходящей 7–8 км восточнее Зееловских высот, и вторым, основным, оборонительным рубежом, состоящим из 2–3 линий траншей, прикрытых на всем своем протяжении проволочно-минными

заграждениями, — по Зееловским высотам.

2. Промежуточные рубежи:

а) по р. Флисс — состоящий из одной-двух линий траншей с оборудованными стрелковыми ячейками и пулеметными площадками;

б) западнее Мюнхеберга — имеющий одну, местами две линии траншей, прикрытые на всем своем протяжении противотанковым рвом;

в) по системе озер юго-западнее Штраусберга — выгодный естественный рубеж обороны, который опирался на внешний обвод Берлинского укрепрайона;

г) все населенные пункты на подступах к Берлину были подготовлены к круговой обороне. Все шоссейные дороги, ведущие к городу с востока и юго-востока, были перегорожены противотанковыми препятствиями, представлявшими собой заборы из бревен высотой до 3 м и толщиной до 4 м с амбразурами для ведения огня.

Для строительства оборонительных сооружений в Берлине и на ближних подступах к городу было мобилизовано все трудоспособное гражданское население, подразделения фольксштурма, организация ТОДТ, а также многочисленные специальные и запасные части Берлинского военного округа.

Характеристика оборонительных сооружений Берлина

Город Берлин был подготовлен к круговой обороне, имеющей:

а) внешний обвод — по линии автострады, проходящей вокруг города;

б) внутренний обвод — с востока по р. Шпрее, с юго-востока и юга — по Тельтов-каналу;

в) в центре города — ядро обороны — район правительственных учреждений, вокруг которого была сооружена система мощных дотов, имевших между собою огневую связь.

Внешний обвод, проходящий в 15–18 км от центра города, состоял из системы опорных пунктов, расположенных в шахматном порядке и имевших между собою огневую связь; естественных препятствий — озера, реки, пруды, густые перелески, которыми изобилуют окрестности Берлина.

Между внешним и внутренним обводами обороны города все его пригороды и дачные поселки были превращены в опорные пункты, изобилующие противотанковыми препятствиями из камня и металлических балок, связанными между собою стрелковыми ячейками.

Внутренний обвод, опирающийся на естественные препятствия — с востока р. Шпрее, с юго-востока и юга Тельтов-канал, представлял собой систему опорных пунктов, расположенных в каменных зданиях и развалинах по набережным, большинство мостов через указанные водные

рубежи были подорваны.

Большая часть городских строений была приспособлена к обороне с учетом кругового обстрела. Окна полуподвальных помещений и первых этажей заложены мешками с песком, с оставлением в них бойниц для стрельбы и наблюдения. В помещениях верхних этажей располагались пулеметы, автоматчики и группы, вооруженные фаустпатронами. За углами домов сооружены окопы для противотанковых орудий и минометов. Большинство улиц были забаррикадированы металлическими балками, кирпичом и средствами городского транспорта.

Ядром обороны города являлся центр города — район правительственных учреждений в границах: с востока — р. Шпрее, далее Шредердамм, Кестердамм, Хофмандамм, Куртдамм, Ландверканал, восточная часть Тиргартена.

Все здания в указанных районах были превращены в опорные пункты, насыщенные тяжелым оружием и реактивными противотанковыми средствами, а в качестве артиллерии на прямой наводке были поставлены все имевшиеся в указанном районе средства зенитного прикрытия.

Большинство мостов через Ландвер-канал были взорваны, а оставшиеся были забаррикадированы железобетонными балками и кирпичными блоками от разрушенных зданий.

Количество опорных пунктов и огневых средств внутри указанного кольца возрастало по мере подхода к правительственным кварталам, а по Хермангерингштрассе от Фоссштрассе до Унтерден-Линден действовала сплошная линия дотов; на кровле имперской канцелярии было установлено большое количество тяжелых пулеметов…

Оборона г. Берлина облегчалась наличием большого количества разрушений, произведенных авиацией союзников. Улицы в некоторых районах города (например, в районе Александерплац и западнее до р. Шпрее) были настолько завалены кирпичами обвалившихся зданий, что продвижение по ним без предварительной расчистки не только танков и артиллерии, но даже гужтранспорта было невозможным. Эти завалы создавали значительные трудности и для продвижения пехоты.

Противник с особым упорством оборонял разрушенные районы. Это объясняется:

а) трудностью продвижения наших танков и артиллерии;

б) выгодными условиями для маскировки огневых точек противника и маневра живой силой;

в) отсутствием населения, которое в сохранившихся районах, несмотря на сочувствие противнику, связывало действия его войск.

Так, пленный командир 569-го батальона фольксштурма капитан Этель-Майэр Крестиан показал, что его солдаты „особенно уверенно оборонялись в районах, разрушенных бомбардировками, так как они могли в любом месте дома выбирать себе места для стрельбы и не опасаться, что они своей стрельбой привлекут огонь русской артиллерии на цивильных жителей“»[181].

А вот противоположный взгляд на укрепления Берлина:

«Для строительства масштабной системы фортификаций вокруг и внутри одного из крупнейших городов Европы требовалась четкая организация и понимание, кто руководит строительством, кто отвечает за планирование и кто строит. В этом вопросе был полный хаос. Формально за оборону Берлина отвечал комиссар обороны Рейха и по совместительству комиссар обороны Берлина и заодно министр информации и пропаганды — гражданское лицо доктор Геббельс, а реально оборонять столицу надлежало военным, которых представлял военный комендант Берлина генерал Рейман. Генерал справедливо считал, что поскольку именно он будет руководить обороной, то именно он должен отвечать за строительство укреплений, на которых именно ему завтра придется воевать. Геббельс был иного мнения. Тут возник опасный дуализм влияний. Амбициозный Геббельс слишком рьяно отнесся к своей должности и чересчур активно пытался подмять под себя армейцев. Армейцы же, видя полную некомпетентность министра пропаганды, старались оградить свою независимость от цивильных посягательств. У них уже был мрачный пример, когда рейхсфюрер СС Гиммлер решил с 24 января 1945 г. покомандовать группой армий „Висла“, и это при том, что Рейхсфюрера нельзя назвать цивильным. Когда назрел крах, 20 марта 1945 г. Гиммлер экстренно передал бразды правления группой армий генерал-полковнику Готтарду Хайнрици и радостно умыл руки. В Берлине ставки были выше. Сложилась парадоксальная ситуация — в 10 километрах от Берлина военные могли строить себе что угодно, но в основном своими силами. А внутри 10-километровой зоны и в самой столице строительство подчинялось Геббельсу. Ирония в том, что строить Геббельс должен был запасные позиции как раз для военных, с которыми он не особенно желал советоваться. В итоге фортификационные сооружения вокруг и в самой столице строились совершенно бездарно, без малейшего понимания тактических требований, а их убогое качество достойно особого упоминания. Причем для бесполезного строительства брались материалы и личный состав строевых частей, однако военные привлекались как рабочие, а не как главный заказчик. Например, вокруг

города было возведено немало противотанковых препятствий, от которых было мало пользы или они вообще мешали передвижению своих же войск, и поэтому требовалось их разрушать.

На оборонительные работы нацисты оптимистично планировали привлечь до 100 000 человек, но реально ежедневное количество едва дотягивало до 30 000 и только один раз достигло 70 000. В Берлине до последнего момента продолжали работать предприятия, где тоже требовались рабочие руки. Кроме того, было необходимо ежедневно обеспечить транспортировку десятков тысяч рабочих, задействованных на строительстве оборонительных обводов. Железная дорога вокруг столицы была перегружена, подвергалась мощным авианалетам и работала с перебоями. Когда место работ находилось вдали от железнодорожных путей, нужно было возить людей автобусами и грузовиками, но на это не было бензина. Чтобы выйти из положения, к строительству удаленных рубежей привлекались местные жители близлежащих населенных пунктов, однако они не всегда могли дать требуемое количество рабочих рук для масштабных работ. Вначале на землеройных работах использовались экскаваторы, однако дефицит топлива быстро вынудил отказаться от механизированного труда. Большинство рабочих вообще должны были приходить со своим инструментом. Нехватка шанцевого инструмента заставила власти печатать в газетах отчаянные призывы к населению помочь лопатами и кирками. А население проявляло удивительную привязанность к своим лопатам и отдавать их не желало. Отчаянная спешка и дефицит строительных материалов вскоре заставили отказаться от строительства железобетонных сооружений. Мины и колючая проволока имелись в весьма ограниченном количестве. В любом случае на масштабные работы уже не оставалось ни сил, ни времени»[182].

Германское командование объявило, что гарнизон Берлина обеспечен боеприпасами на 30 дней боев. Однако все эти запасы находились на окраинах города и вскоре были захвачены советскими войсками. Странно, что до германских генералов не дошло, что для боев в городе требуется большое число складов, расположенных равномерно по всему городу.

К началу городских боев в Берлине имелось три больших склада с боеприпасами — склад «Марта» в народном парке Хасенхайд (южный сектор Берлина), в парке Грюневальд на Тойфелсзее (западный сектор) и склад «Моника» в народном парке Юнгфернхайде (северо-западный сектор). Когда начались бои, эти склады были заполнены на 80 %. Небольшое количество боеприпасов хранилось на складе в районе парка Тиргартен. Когда возникла угроза советского прорыва с севера, две третьих

запасов склада «Моника» были перевезены гужевым транспортом на склад «Марс». Однако 25 апреля случилась катастрофа — склады «Марта» и «Марс» захватили советские войска.

Практически вся структура обороны более чем двухмиллионного Берлина держалась на остатках 56-го танкового корпуса. 16 апреля 1945 г. накануне Берлинской операции весь корпус насчитывал до 50 тысяч человек вместе с тылами. В результате кровопролитных сражений на загородных оборонительных рубежах корпус понес огромные потери и отступил в столицу сильно ослабленным.

К началу боев в самом городе 56-й танковый корпус имел:

18-ю моторизованную дивизию (18.Panzergrenadier-Division) — 4000 человек;

танковую дивизию «Мюнхеберг» («Munncheberg» Panzer Division), сформированную в феврале 1945 г., — до 200 человек, артиллерию и 4 танка;

9-ю воздушно-десантную дивизию (9. Fallschimjager Division) — 4000 человек (войдя в Берлин, дивизия насчитывала около 500 человек и была пополнена до 4000);

20-ю моторизованную дивизию (20. Panzergrenadier Divizion) — 800–1200 человек;

11-ю моторизованную дивизию СС «Нордланд» (11. SS «Nordland» Panzergrenadier Division) — 3500–4000 человек.

Всего: 13–15 тысяч человек.

Таким образом, на первый взгляд столицу защищало 13–15 тысяч человек регулярных формирований армии. Однако это на бумаге, а в реальности картина была удручающей. Например, 20-я моторизованная дивизия уже 24 апреля 1945 г. состояла из 80 % фольксштурмистов и всего 20 % военных.

В 9-й воздушно-десантной дивизии положение было не лучше. Так, около 500 старых солдат были разбавлены новобранцами 16–17 лет или, наоборот, весьма почтенного возраста.

Наиболее боеспособной оставалась 11-я моторизованная дивизия ССР «Нордланд». Как ни удивительно, но именно иностранцы — французы, норвежцы, датчане и др. — оказались наиболее стойкими защитниками Берлина.

В составе 56-го танкового корпуса в Берлин отошли также остатки 408-го народного артиллерийского корпуса (408. Volksartilleriekorps). Численный состав, дошедший до столицы, точно не известен, но настолько мал, что Вейдлинг даже не упомянул его среди своих войск. 60 % орудий,

дошедших до Берлина, почти не имели боеприпасов. Первоначально 408-й народный артиллерийский корпус состоял из четырех легких артиллерийских батальонов, двух тяжелых артиллерийских батальонов с трофейными советскими 152-мм орудиями МЛ-20 и одним гаубичным батальоном с четырьмя гаубицами.

Весьма важную роль в обороне Берлина играли орудия 1-й зенитно-артиллерийской дивизии. На момент окружения столицы в составе этой дивизии находилось 342 тяжелых (24–12,8-см, 48–10,5-см, 270 — 8,8-см) и 249 легких орудий. Слабым местом 1-й дивизии, равно как и всей артиллерии Берлина, была низкая мобильность. Всего в Берлине имелось 8–10 артиллерийских тягачей.

Германское командование поставило зенитной артиллерии следующие задачи:

а) поддерживать бой во внешней заградительной зоне на максимальной дальности (по заранее подготовленным данным);

б) ведя огонь при помощи наблюдательных пунктов («наблюдаемый огонь»), громить войска противника на исходных позициях, скопления танков, уничтожать артиллерийские и минометные батареи;

в) уничтожать танки, ведя огонь прямой наводкой.

Тяжелый башенный зенитный дивизион был оставлен в непосредственном распоряжении командования оборонительным районом Берлина для образования сосредоточенного огня на важнейших направлениях.

Несколько слов стоит сказать о «зенитных башнях» Берлина. Для усиления ПВО от высотных налетов авиации в 1940 г. в центре Берлина началось строительство зенитных артиллерийских башен, вооруженных 12,8-см пушками Flak 40. Самым удобным местом для зенитных башен оказались парки Берлина. Но для обеспечения открытых секторов обстрела необходимо было либо вырубить часть деревьев, либо устанавливать орудия выше их. Немцы выбрали последний вариант — строительство высотных башен для установки на них тяжелых зенитных орудий.

Всего немцы построили в городе шесть башен. Они группировались попарно: башня управления и на расстоянии около 300 метров — орудийная башня. Три группы башен были расположены: 1-я башенная батарея — в парке Фридрихсхайн; 2-я башенная батарея — в парке Тиргартен; 3-я башенная батарея — в парке Гумбольдтхайн.

Берлинский архитектор Таммс спроектировал эти башни и руководил их постройкой. Сооружение башен длилось два года и было закончено в течение 1942 г.

Орудийная башня имела четыре спаренных 128-мм орудия, установленных по углам на верхней площадке, и взвод 3,7-см пушек (3–4 орудия), установленных на площадках специальной галереи, расположенной этажом ниже.

В плане обороны Берлина были определены и задачи зенитных прожекторов. Часть прожекторов была придана опорным пунктам заградительной зоны. Другие прожекторы были установлены на переднем крае обороны («зеленая линия») и впереди него для обеспечения боевых действий наземных войск. Намечалось использовать прямое освещение предполья и «непрямое», под которым подразумевалось освещение низкого облачного покрова (освещение земли рассеянным от облаков светом).

Женщины из прожекторных расчетов были сняты и направлены в распоряжение начальников боевых участков для ухода за ранеными, несения службы связи и пр. На прожекторах остались только мужчины, которых было немного. Поэтому для наземных боев оказалось возможным использовать весьма ограниченное количество прожекторов. Остальные прожекторы были приведены в негодность.

В связи с переходом на наземную оборону организация зенитной артиллерии Берлина подверглась значительным изменениям. Прежде всего было создано 48 зенитно-артиллерийских ударных групп, каждая из которых состояла, как правило, либо из двух тяжелых и трех легких зенитных орудий, либо из двух тяжелых зенитных орудий и трех зенитных пулеметов. Всего в зенитно-артиллерийских ударных группах было 95 тяжелых орудий, 63 легких зенитных орудия и 75 зенитных пулеметов.

Затем были полностью расформированы дупль- и гроссбатареи. Оставлено было всего 39 тяжелых зенитных батарей, включая и три башенные батареи, в каждой из которых было от 4 до 8 орудий.

Большинству батарей были приданы легкие взводы зенитной артиллерии для защиты от атак штурмовиков. Все тяжелые зенитные батареи также получили основную задачу — ведение огня по наземным целям.

Зенитные ударные группы в основном были предназначены для стрельбы прямой наводкой, в частности — по танкам, и располагались у основных дорог и перекрестков. Зенитные же батареи имели главной задачей ведение дальнего огня по заранее подготовленным данным и при помощи наблюдательных пунктов. Для размещения зенитных батарей частично были использованы старые позиции зенитной артиллерии периода 1941–1942 гг., а также стадионы, спортплощадки, парки и пр. Необходимость в бетонных основаниях под зенитные пушки иногда

ограничивала выбор места позиции.

Каждая батарея заранее должна была подготовить данные для стрельбы по предполагаемым местам появления наземных целей (танков, пехоты, автоколонн и т. д.). Система огня в целом планировалась зенитно-артиллерийскими начальниками участков по согласованию с общевойсковыми начальниками. Заранее были составлены схемы ведения огня по площади, схемы завес неподвижного заградительного огня, схемы вероятных целей, в частности для перекрестков дорог. Получив схему целей и огневых завес, командиры батарей рассчитывали необходимые данные и наносили их на особые огневые планшеты.

Для стрельбы по наземным целям явилась необходимость в организации наблюдательных пунктов. Их расположили по переднему краю обороны. Связь с наблюдательными пунктами предполагалось держать проволочную и по радио. Для обслуживания наблюдательных пунктов зенитная дивизия, у которой не хватало радиостанций и радистов, получила их через командование оборонительного района. Радиостанции были самых разнообразных типов, радисты — подростки из «фольксштурма», прошедшие всего 2–3-недельное обучение. Все это, конечно, не гарантировало надежности связи с наблюдательными пунктами, но ничего иного уже нельзя было сделать.

Основные склады боеприпасов 1-й зенитно-артиллерийской дивизии находились вне черты города — Фельтене и Тегеле (западнее и северо-западнее Берлина). Учитывая, что доставка боеприпасов в ходе боевых действий будет осложнена, на позицию каждой батареи завезли в среднем до 3000–3600 снарядов. Соотношение снарядов различных типов было примерно такое: с дистанционными взрывателями — 60 %, с ударными взрывателями — 10 %, бронебойных — 30 %.

Зенитные ударные группы были обеспечены из расчета 2000–3000 снарядов на орудие, причем бронебойные снаряды составляли до 50 % всего количества снарядов.

Первый залп по Берлину в 11 ч 30 мин 20 апреля произвел 1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады 47-й армии, которым командовал майор А. И. Дзюкин.

Через полтора часа из полосы 3-й ударной армии открыл огонь по предместью Берлина 1-й дивизион 642-го пушечного артиллерийского полка 24-й пушечной бригады 5-й артиллерийской дивизии прорыва.

Еще через полтора часа, в 14 ч 30 мин, вновь из состава артиллерии 47-й армии открыл огонь по северной окраине Берлина 2-й дивизион 207-го пушечного артиллерийского полка 10-й пушечной бригады 6-й

артиллерийской дивизии прорыва, а несколько позднее из полосы 8-й гвардейской армии достала до Берлина одна батарея 295-го гвардейского пушечного артиллерийского полка, которым командовал полковник Подольский.

Наконец в 4 часа 21 апреля первые залпы по Берлину произвела артиллерия 5-й ударной армии. Все перечисленные части имели на вооружении 122-мм пушки и 152-мм гаубицы-пушки. В последующие часы и дни по мере приближения к Берлину в обстрел города включались все новые и новые части, вооруженные менее дальнобойными орудиями и минометами.

В начале штурма Берлина имел место необычный случай массирования огня артиллерии. Так, при прорыве второй полосы обороны противника войска 33-й армии встретили упорное сопротивление в сильных опорных пунктах, подготовленных в Маркендорфе и Хоэнвальде. Командующий армией решил прорывать вражескую оборону последовательно, на отдельных участках, с предварительным нанесением сильных огневых ударов максимально возможным количеством артиллерии.

Распоряжением командующего артиллерией армии почти вся артиллерия РВГК, приданная армии, была сосредоточена на участках смежных 16-го и 62-го стрелковых корпусов и управление ею было централизовано.

Для осуществления прорыва обороны противника частями 16-го стрелкового корпуса был намечен участок протяженностью около 1 км (от южной окраины Маркендорфа и далее на юг). К артиллерийскому обеспечению наступления на этом участке была привлечена артиллерия 16-го стрелкового корпуса и вся артиллерия РВГК, сосредоточенная на участке двух корпусов. В результате плотность артиллерии на этом узком участке прорыва была доведена до 700 орудий и минометов на 1 км фронта, чего не было ни в одной операции Великой Отечественной войны. Если их поставить в один ряд, то они и впритык бы не уместились.

После огромной силы удара такого количества артиллерии 16-й стрелковый корпус успешно прорвал сильно укрепленную оборону и овладел Маркендорфом. Затем огонь всей артиллерии РВГК был перенесен на опорный пункт Хоэнвальде на участке 62-го стрелкового корпуса. Совместным ударом артиллерии корпуса и РВГК противник в Хоэнвальде был надежно подавлен, и к исходу 21 апреля части корпуса овладели этим пунктом. Так был прорван второй оборонительный рубеж, опиравшийся на сильные опорные пункты Маркендорф и Хоэнвальде.

С началом боев еще в предместьях Берлина и на его окраинах, где в системе обороны противника преобладали крупные населенные пункты с прочными каменными строениями, приспособленными к обороне, возникла необходимость использовать для стрельбы прямой наводкой орудия крупных калибров, способные разрушать эти прочные оборонительные сооружения. По мере вклинения наших войск в черту города потребность в орудиях крупных калибров для разрушения каменных зданий прямой наводкой возрастала. Например, в 5-й ударной армии, когда начались уличные бои, из трех пушечных бригад армейской артиллерийской группы было изъято по одному дивизиону для разрушения прочных оборонительных сооружений огнем прямой наводкой. В 3-й ударной армии (командующий артиллерией — генерал-майор артиллерии И. О. Морозов) к 23 апреля, помимо всей полковой и дивизионной артиллерии, для выполнения огневых задач прямой наводкой было выделено 33 152-мм орудия и 8 203-мм гаубиц большой мощности.

Но потребность в орудиях крупных калибров в этой армии, уже втянувшейся в черту города, непрерывно росла. Поэтому 24 апреля из 47-й армии, наступавшей в обход Берлина, в 3-ю ударную армию были переданы три тяжелые бригады (124-я габр БМ, 118-я тгабр и 16-я гмбр).

Подавляющее большинство орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой, использовалось в штурмовых группах, созданных для боев в городе. В первые дни уличных боев состав этих групп (в 5-й ударной армии) был следующий: 50–60 автоматчиков, 3–4 станковых и 6–8 ручных пулеметов, 30–37 орудий и минометов (82-мм и 120-мм — 14–18, 45-мм — 3, 76-мм орудий полковой артиллерии — 2, 76-мм орудий дивизионной артиллерии — 8, 122-мм — 2–4, 152-мм — 1–2). В состав некоторых групп включались еще отделение саперов, взвод огнеметчиков и батарея самоходных артиллерийских установок.

В ночь на 22 апреля зенитная артиллерия Берлина впервые открыла огонь по наземным целям. Вели огонь зенитные башни и девять батарей на северо-западных окраинах, обстреливавшие боевые порядки пехоты и танков и ставившие завесы заградительного огня перед «зеленой линией». За ночь было всего израсходовано 792 снаряда.

22 апреля, перерезав окружную автостраду, войска 8-й гвардейской армии вступили в предместья Берлина и получили задачу форсировать реки Шпрее и Даме в районе юго-восточной окраины города. Артиллерийское обеспечение форсирования этих водных преград имело ряд особенностей.

К этому времени в армии была произведена перегруппировка артиллерии. Армейская артиллерийская группа, возглавляемая командиром

3-го артиллерийского корпуса прорыва генералом В. М. Лихачевым, и армейская группа гвардейских минометных частей под командованием командира 2-й гвардейской минометной дивизии генерала М. Н. Богдана были разделены на подгруппы поддержки стрелковых корпусов. В результате 4-й гвардейский стрелковый корпус поддерживали 9 артиллерийских полков, 29-й гвардейский — 10 полков и 28-й гвардейский — только 4 полка. 38-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада вновь составила артиллерийско-противотанковый резерв армии.

В ночь на 23 апреля передовые части 82-й и 88-й гвардейских стрелковых дивизий форсировали реки Шпрее и Даме, захватив вполне исправный мост через реку Шпрее в районе Кепеник. Занятие передовыми частями небольшого плацдарма на западном берегу намного облегчило дальнейшее форсирование реки войсками армии. Главные силы армии начинали форсирование в 10 часов 23 апреля на участках: 4-й гвардейский стрелковый корпус — в районе Шеневейде, 29-й — в районе Кепеник и 28-й — в районе Венденшлос. Артиллерийское обеспечение форсирования проводилось следующим образом.

Командующий армией решил не проводить, как обычно, предварительной артиллерийской подготовки, и она началась одновременно с началом форсирования. На узких участках форсирования была создана плотность артиллерии не менее 200 орудий и минометов на 1 км фронта. Около 20 % всей артиллерии армии было установлено на восточном берегу для стрельбы прямой наводкой. Огонь этих орудий сыграл решающую роль при обеспечении форсирования, так как на западном берегу уже находилась наша пехота и поражать оборону противника в непосредственной близости к нашим частям с закрытых позиций было очень опасно.

После того как основные силы армии переправились на западный берег, артиллерия с закрытых огневых позиций приступила к огневому окаймлению захваченных плацдармов. Для выполнения этой задачи еще с первыми эшелонами пехоты на плацдармы переправились командиры батарей и дивизионов со средствами связи, которые и осуществляли управление огнем артиллерии, находившейся на закрытых огневых позициях на восточном берегу. В начале форсирования противник еще пытался оказать сопротивление, но огнем большого количества орудий, действовавших прямой наводкой, был подавлен. После захвата плацдармов на западном берегу главными силами начала переправляться и артиллерия.

22 апреля продолжала активно действовать германская зенитная артиллерия. За сутки ею было выпущено 16 140 снарядов (калибром 8,8 см

и выше). В том числе башенный дивизион израсходовал около 5 тысяч 12,8-см снарядов. В тот же день немцы потеряли свыше 120 тяжелых зенитных орудий, причем не столько от огня советской артиллерии, сколько из-за отсутствия тягачей — орудия приходилось оставлять на позиции.

На следующий день, 23 апреля, зенитная артиллерия немцев выпустила 18 824 снаряда (8,8-см и выше). Было потеряно семнадцать 8,8-см пушек, и более тысячи зенитчиков, оставшихся без материальной части или отставших от своих частей, были направлены в пехоту.

Наблюдательные пункты, выставленные для наземной стрельбы, себя не оправдали: проволочная связь была уничтожена артиллерийским и минометным огнем, а радиосвязь с наблюдательных пунктов абсолютно не действовала из-за неумения «радистов» пользоваться радиостанциями. Поэтому огонь зенитной артиллерии велся либо по заранее подготовленным данным, либо прямой наводкой.

В течение 24 апреля войска 8-й гвардейской армии вели успешное наступление на южной окраине Берлина, заняв при этом аэропорт «Адлерсхоф» и пригороды Бриц и Букков. К исходу дня войска армии продвинулись на запад от реки Шпрее на 10–12 км. Начинался период уличных боев непосредственно в Берлине.

Рассмотрим несколько примеров действия советских штурмовых групп. В одном из домов на Левештрассе в Берлине атакующее стрелковое подразделение овладело первым этажом здания, а на верхних этажах закрепились немцы, оказывавшие ожесточенное сопротивление. Наша пехота оказалась вынужденной оставить дом. Тогда саперы под прикрытием огня орудий, стрелявших прямой наводкой, подтащили тол и взорвали дом, похоронив под его развалинами остатки вражеского гарнизона.

В другом случае штурмовая группа получила задачу, действуя из района перекрестка улиц Фриденштрассе и Лансбергштрассе, выйти на Александерплац. Перекресток улиц перекрывался мощной каменной баррикадой, а главные здания были превращены противником в сильные опорные пункты.

Группа состояла из 80 автоматчиков и стрелков, усиленных четырьмя танками, четырьмя 45-мм пушками, шестью 76-мм дивизионными пушками, двумя 152-мм гаубицами, одной 203-мм гаубицей, четырьмя 82-мм и четырьмя 120-мм минометами.

В течение ночи подвезли 203-мм гаубицу и поставили ее против баррикады, а для 76-мм и 152-мм орудий подготовили позиции на удалении 150 м от противника.

В 6 ч 30 мин утра артиллерия с закрытых огневых позиций произвела 20-минутный огневой налет по ближайшей глубине этого района.

С началом огневого налета артиллерии с закрытых огневых позиций орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой, выдвинулись на открытые огневые позиции для разрушения зданий и баррикады.

В течение 20 минут баррикада была разрушена, а пехота овладела угловыми зданиями.

Вслед за пехотой в пролом, образованный в баррикаде, вошли танки и артиллерия. Орудия перемещались попарно, взаимно прикрывая друг друга огнем. К исходу дня задача, поставленная штурмовой группе, была выполнена.

По приведенному примеру можно судить о методах использования артиллерии в боях при овладении крупными населенными пунктами. Эти методы резко отличаются от методов использования артиллерии в полевом бою и требуют огромного напряжения сил орудийных расчетов, тщательного продумывания подготовленных мероприятий, большой и разумной инициативы и самого тесного взаимодействия с пехотой.

В ходе боя орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой, преодолевали огромные трудности при смене позиций.

Как правило, каждая улица, по которой наступали стрелковые подразделения, простреливалась огнем снайперов и автоматчиков, а с дальности в 200 м и фаустпатронами.

В ряде случаев, исходя из сложившейся обстановки, артиллерии приходилось двигаться по улицам, у которых только одна сторона была очищена от противника. В таких случаях расчеты применяли своеобразные тактические приемы.

Так, на одной из улиц Берлина стрелковое подразделение, несмотря на все попытки, не могло овладеть укрепленным зданием и вынуждено было залечь. Дом необходимо было разрушить, но улица простреливалась огнем пулеметов и снайперов откуда-то из глубины. Тогда на эту улицу были выдвинуты два полковых орудия, которые открыли беглый огонь вдоль улицы. После нескольких разрывов улица заполнилась дымом и пылью. Противник был ослеплен. Пользуясь этой своеобразной дымовой завесой, артиллеристы вывели на эту улицу на прямую наводку заранее вооруженную 203-мм гаубицу. Полковые орудия вели беглый огонь до тех пор, пока гаубица не изготовилась к стрельбе. С готовностью гаубицы к ведению огня прямой наводкой полковые орудия были завезены в ближайшие подъезды зданий. 203-мм гаубица, как только немного рассеялся дым, несколькими выстрелами разрушила опорный пункт, и

штурмовая группа получила возможность продвигаться вперед.

Нередко, несмотря на продвижение штурмовых групп в глубину обороны противника, поперечные улицы простреливались огнем снайперов, отдельных пулеметчиков и даже орудий с соседних участков, где наша пехота не могла продвинуться.

Для того чтобы обеспечить проезд по этим улицам машин с боеприпасами, артиллеристы на углах поперечных улиц ставили орудия и вели огонь по ближайшим зданиям, временно ослепляя противника.

25 апреля 1945 г. при наступлении наших штурмовых групп по Варшауэрштрассе в Берлине противник, засевший в нескольких прочных каменных зданиях, расположенных на этой улице, сильным пулеметным огнем преградил путь нашей наступавшей пехоте.

В начале боя огонь по огневым точкам противника, укрытым в домах, вела артиллерия, входившая в состав штурмовых групп.

Однако огонь этих орудий положительных результатов не дал. Даже 122-мм гаубица оказалась не в состоянии разрушить прочной кладки каменных зданий. Тогда для разрушения зданий, где укрепился противник, были выдвинуты для ведения огня прямой наводкой четыре 203-мм гаубицы. Огнем этих гаубиц с дальности 200 м в течение нескольких минут было разрушено 11 зданий и уничтожено 20 находившихся там станковых пулеметов.

В другом случае при наступлении наших войск по Блюменштрассе дорогу нашим подразделениям преградил огонь крупнокалиберного пулемета из подвала шестиэтажного здания. Под прикрытием огня автоматов и пулеметов удалось выкатить на прямую наводку 152-мм гаубицу и установить ее в 150 м от здания, откуда противник вел огонь.

Четырьмя выстрелами из 152-мм гаубицы подвал был полуразрушен и засыпан обвалившейся стеной, после чего наша пехота получила возможность продолжать наступление.

Довольно часто орудия крупных калибров применялись для стрельбы прямой наводкой не только потому, что необходимо было разрушить прочные дома и сооружения, превращенные немцами в опорные пункты. С первых же дней боев в Берлине артиллерия оказалась не в состоянии поддерживать огнем стрелковые подразделения с закрытых огневых позиций, так как этому препятствовали высокие здания, мешавшие ведению огня по укрытым в зданиях огневым точкам, почти полная невозможность наблюдать за разрывами снарядов, а также то, что в этих условиях огонь по целям, находившимся в непосредственной близости от наступавшей пехоты и танков, мог привести к поражению своих войск.

Поэтому артиллерия вела огонь с закрытых огневых позиций только по целям, расположенным в глубине обороны противника. По целям же, мешавшим продвижению штурмовых групп, артиллерия вела огонь прямой наводкой с открытых огневых позиций.

В отдельных случаях для ведения огня прямой наводкой одновременно применялось довольно большое количество орудий крупных калибров. Так, в одной из армий, действовавших в Берлине по нескольким улицам на фронте около 3 км, на прямую наводку, кроме артиллерии, входившей в состав штурмовых групп, было выдвинуто 14 203-мм гаубиц, 34 152-мм пушки и 12 152-мм гаубиц.

Огонь этих орудий был очень действен. Наряду с этим выявился ряд трудностей, связанных с применением орудий крупных калибров для ведения огня прямой наводкой на улицах городов. Особенно большую трудность представляла подготовка огневых позиций, на которую требовалось много времени.

Обычно занятию огневых позиций для ведения огня прямой наводкой предшествовала длительная и тщательная разведка. Огневые позиции, как правило, занимались ночью или под прикрытием дымов и лишь в отдельных случаях в светлое время суток, когда этого требовала обстановка на данном участке.

Трудность выбора огневых позиций для стрельбы прямой наводкой заключалась в отсутствии подъездных путей, так как большая часть улиц, особенно при овладении Берлином, была завалена обломками разбитых и взорванных зданий. На улицах же с более доступной проезжей частью устанавливать орудия крупного калибра было не всегда возможно, так как создавалась угроза образования пробок. В этом случае танки, самоходно-артиллерийские установки и артиллерия малых калибров вынуждены были бы останавливаться позади орудий крупных калибров, стоящих на огневых позициях, так как в ряде случаев объездных путей не было.

Обычно орудия крупного калибра выдвигались на позиции для стрельбы прямой наводкой лишь после того, как обнаруживалось, что артиллерия, входившая в состав штурмовых групп, не могла разрушить какое-либо прочное здание, укрепленное противником и мешавшее продвижению наших войск. Поэтому часто орудиям крупных калибров приходилось занимать огневые позиции позади артиллерии штурмовых групп.

Такое положение было невыгодно потому, что при стрельбе тяжелых орудий все орудийные расчеты легких орудий, находившихся впереди тяжелых орудий, огня вести не могли; они оставляли свои орудия и

укрывались на этот период в развалинах зданий.

Для орудий крупных калибров, привлекавшихся к стрельбе прямой наводкой с целью разрушения отдельных зданий и сооружений, орудийные расчеты в большинстве случаев не производили специального инженерного оборудования огневых позиций. Иногда 203-мм орудия устанавливались за кирпичными стенами, в которых для ведения огня пробивались амбразуры или делались проломы.

Занимая огневые позиции, расчеты 203-мм орудий ограничивались только закреплением бруса. Котлованы не рылись, так как на городских улицах, покрытых асфальтом или камнем, с каменным или бетонным основанием под покрытием, рытье котлована требовало огромной затраты труда, а главное — времени. При наличии времени принимались меры маскировки.

Опыт многочисленных уличных боев, протекавших в самых различных условиях обстановки, показал, что при использовании артиллерии крупных калибров для ведения огня прямой наводкой необходимо было выделять средства для прикрытия орудий и их расчетов. Ввиду того что действия артиллерии, поставленной на прямую наводку, ведутся в интересах пехоты и в интересах общевойскового боя, выделение боевого прикрытия непосредственно из боевых порядков пехоты должно было быть постоянной заботой не только артиллерийских, но и общевойсковых командиров, на участках которых применялись эти орудия. Однако делалось это далеко не всегда.

Выделять прикрытие для артиллерии, особенно крупных калибров, приходилось не только на время занятия орудиями огневых позиций и ведения огня, но и на период после стрельбы. Эта необходимость вызывалась тем, что на улицах Берлина большинство тяжелых орудий, привлекавшихся для стрельбы прямой наводкой, некоторое время после стрельбы оставалось на открытых огневых позициях в непосредственной близости к противнику, который стремился обстреливать их ружейно-пулеметным и автоматным огнем и огнем фаустпатронов.

Противник широко использовал для ведения огня окна и двери домов, слуховые окна на чердаках и крышах. Произведя несколько выстрелов из одного окна, вражеские пулеметчики, автоматчики или «фаустники» переходили к другому окну и оттуда открывали огонь по нашим наступавшим подразделениям.

Таким образом, получалось, что, пока расчет подготавливал свое орудие к открытию огня по обнаруженным целям, последние меняли свое место и открывали огонь из других окон. В этих случаях требовалось не

поражение отдельных целей, обнаруженных в здании, а разрушение всего здания. Как показал опыт уличных боев, особенно в таких городах, как Будапешт, Берлин, наилучшим средством подавления и разрушения прочных опорных пунктов оказались орудия крупных калибров, особенно 203-мм гаубицы.

Снаряды этих орудий весом 146 кг при разрушении даже самых прочных сооружений показали высокую эффективность.

Так, на одной из улиц Берлина противник укрепился в здании, имевшем круглую форму, с толщиной стен до 1,5 м. В течение длительного времени по этому зданию вели огонь 152-мм орудия, но разрушить его не могли. Разрушить же это сооружение было необходимо как можно быстрее, так как засевшие в нем пулеметчики и автоматчики противника своим огнем задерживали продвижение целого батальона.

К разрушению этого здания, превращенного противником в опорный пункт, было решено привлечь батарею 203-мм орудий. Десятью выстрелами 203-мм гаубицы, подвезенной к цели на расстояние 250 м, здание было частично разрушено и подожжено. Штурмовая группа ворвалась в горящее здание и полностью уничтожила укрепившегося в нем противника.

В другом случае на одной из улиц Берлина, в его центральной части, наши наступавшие войска, несмотря на решительные действия, не смогли выбить противника из ряда прочных зданий, превращенных противником в сильные опорные пункты. Здания были старинной кладки, с гранитной облицовкой нижних этажей. Выдвинутые на прямую наводку 122-мм гаубицы, входившие в состав штурмовых групп, вели огонь по этим домам, но разрушить их не могли.

Тогда задача по разрушению этих зданий была поставлена командиру батареи 203-мм гаубиц. Выдвинув орудия на открытые позиции, командиры орудий открыли огонь. Выпустив 62 снаряда, батарея разрушила семь каменных зданий, приспособленных противником к длительной обороне. В этих домах огнем артиллерии было уничтожено семь станковых пулеметов; кроме того, под обломками рухнувших верхних этажей было погребено, по показанию уцелевших солдат, захваченных в плен, более 120 немецких солдат и офицеров.

Дальность стрельбы 203-мм гаубиц не превышала в данном случае 200 м. Наводка орудий производилась в средние этажи зданий, так как вести огонь по подвалам и нижним этажам, откуда противник вел огонь по нашим подразделениям, не позволяли груды развалин, заваливших улицы.

Дальность стрельбы орудий крупных калибров, выдвигаемых для

стрельбы прямой наводкой в уличных боях, особенно — в боях за Берлин, в большинстве случаев составляла 150–300 м и лишь в отдельных случаях достигала 500–600 м. При стрельбе с таких дальностей 203-мм снаряды пробивали любую стену зданий и сооружений, разрывались внутри здания, нередко вызывали пожары и уничтожали все живое, находившееся на этажах.

Ряд примеров, характеризующих разрушительную силу снарядов 203-мм гаубиц при стрельбе по прочным сооружениям и зданиям, показан в таблице.

Таблица 29. **Характеристика разрушительной силы 203-мм снарядов при стрельбе по прочным сооружениям**

Наименование целей	Краткая характеристика и описание целей	Дальность стрельбы в м	Расход боеприпасов	Результаты стрельбы
Кирпичные здания	Семь рядом стоящих зданий, приспособленных к длительной обороне, в которых находились пулеметчики, автоматчики и одно противотанковое орудие, а также несколько десятков солдат и офицеров	200	34	Здания полуразрушены; уничтожено противотанковое орудие, пять станковых пулеметов и до двух взводов пехоты
Кирпичное здание	Кирпичное сооружение, приспособленное к обороне, с огневыми точками и наблюдательным пунктом (толщина стен 0,4—0,5 м)	150	11	Полуразрушено
Заводская труба	Кирпичная труба высотой 17 м, используемая как наблюдательный пункт, с установленным на ней станковым пулеметом	250	3	Полуразрушена, сбита верхняя часть трубы

Кирпичные здания	Два здания с огневыми точками	300	15	Оба здания полуразрушены, уничтожено два станковых пулемета и до взвода пехоты
Кирка	Кирпичное сооружение с огневыми точками, используемое также и как наблюдательный пункт	250	8	Кирка полуразрушена; огневые точки и НП подавлены
Костел	Гарнизон автоматчиков и группа автоматчиков с фаустпатронами. Здание старинной кладки с железными перекрытиями	180	9	Получено 5 прямых попаданий, купол и правая стена костела обрушились
Два здания, приспособленных под огневые точки	Опорный пункт противника с гарнизоном до 200 человек	300	26	10 прямых попаданий, дома полностью разрушены, весь гарнизон уничтожен
Колокольня кирки	Пулеметная точка	600	4	Колокольня полностью разрушена
Баррикада	Двойной забор из шпал и толстых бревен, врытых в мостовую, с засыпкой в середине камнем; толщина баррикады 4 м	400	5	Проделан проход в баррикаде шириной более 3 м
Два каменных дома (четырех- и пятиэтажные)	Опорный пункт с гарнизоном и несколькими пулеметами	500	11	Дома полностью разрушены [57]

Важную роль в боях за Берлин играли 120-мм и 160-мм минометы. 120-мм минометы, как правило, использовались для стрельбы по целям, которые трудно было уничтожить пушками и гаубицами как с закрытых, так и с открытых огневых позиций. В большинстве это были цели, расположенные на крышах домов, чердаках и в верхних этажах зданий, а также огневые средства и живая сила, укрытые во дворах и переулках за домами, расположенными на переднем крае обороны противника.

Для воспрещения маневра и движения противника по ближайшим к переднему краю улицам и площадям гаубичные батареи вели методический огонь, чередовавшийся с короткими, но мощными огневыми налетами отдельных 120-мм батарей и дивизионов.

При наличии данных о скоплении живой силы противника во дворах и

переулках для контратаки или захвата отдельных объектов и зданий, удерживаемых нашими войсками, 120-мм батареи и дивизионы привлекались для мощного огневого налета с целью подавления этих скоплений. В отдельных случаях 120-мм минометы применялись для борьбы с танками.

Так, на улице Копенгагенерштрассе в Берлине за углом одного из зданий был обнаружен танк противника. Танк вел огонь по подступам к баррикаде, преграждавшей улицу, и тем самым не давал возможности выдвинуть наши орудия на позиции для стрельбы прямой наводкой. Командир минометной батареи, наблюдавший за действиями танка противника, открыл по нему огонь. Навесная траектория и небольшая дальность стрельбы дали возможность точно накрыть огнем минометной батареи танк противника, мешавший продвижению нашей пехоты и танков. После первого же огневого налета танк отошел в укрытие.

Замечу, что особого вреда 120-мм минометы танку не принесли. Видимо, экипаж танка преувеличил калибр стрелявшей системы и на всякий случай отошел.

Тогда три наших самоходных орудия вышли из укрытий и огнем прямой наводкой в течение нескольких минут разрушили баррикаду и уничтожили ее защитников. Пехота получила возможность продвигаться вдоль улицы.

160-мм минометы с успехом применялись в боях за населенные пункты при непосредственной поддержке пехоты, главным образом для борьбы с огневыми средствами противника, расположенными на чердаках и крышах зданий, для подавления живой силы противника, занимавшей верхние этажи, а также для борьбы с минометными батареями и многоствольными минометами, находившимися за домами и в других укрытиях.

160-мм минометы МГ-13 действовали куда более эффективно, чем 120-мм. 30 апреля 1945 г., когда бои шли уже в центре города, в районе городской ратуши, противник, располагавший значительными силами эсэсовских подразделений, а также многочисленных подразделений «фольксштурма», продолжал оказывать нашим наступавшим войскам упорное сопротивление. Улицы и переулки в этом районе были перегорожены прочными баррикадами из рельсов, дерева и камня. Чтобы прорваться в этот район, нашим войскам пришлось разрушать баррикады и уничтожать огневые средства противника на переднем крае, а также живую силу противника, находившуюся непосредственно в районе ратуши в готовности перейти в контратаку при продвижении нашей пехоты и танков

на этом направлении. Одновременный удар нашей артиллерии, стрелявшей прямой наводкой, а также массированный огонь минометов по скоплениям живой силы противника, расположенной в переулках и в подвалах ближайших домов, решили успех штурма. В то время, когда орудия разных калибров, в том числе и тяжелые, разрушали здания, превращенные противником в опорные пункты на переднем крае, массированный огонь 160-мм минометов из глубины подавлял резервы противника, подготовленные к контратакам. После овладения одним районом, подвергшимся массированному огневому налету нескольких подразделений 160-мм минометов, было обнаружено свыше 500 трупов немецких солдат и офицеров. Огнем тяжелой минометной бригады почти полностью были разрушены два квартала многоэтажных зданий на Кенигштрассе, прикрывавших подступы к ратуше. После продолжительных массированных ударов минометных частей по основным опорным пунктам наша пехота с небольшими потерями овладела городской ратушей и кварталами, прилегавшими к ней.

При ведении уличных боев в ряде городов, особенно в Берлине, 160-мм минометы оказались незаменимым оружием. Благодаря навесной траектории минометы можно было устанавливать на улицах, в переулках, во дворах и в развалинах домов.

160-мм мины при разрыве создавали сильную взрывную волну и давали большое количество осколков; мины отлично пробивали верхние этажи зданий, а также справлялись с подавлением живой силы, сосредоточенной для контратак во дворах и переулках. При попадании в крышу 160-мм мина пробивала два-три верхних этажа, разрушая переборки внутри зданий. По показаниям пленных, обстрел зданий 160-мм минами противник иногда принимал за бомбардирование авиацией.

Уличные бои в ряде городов, особенно бои в Берлине, показали, что включение минометных подразделений или отдельных 160-мм минометов в состав штурмовых групп нецелесообразно. Наиболее действенным был огонь 160-мм минометов при централизованном их использовании.

Особо стоит отметить при взятии Берлина роль реактивной артиллерии. Всего к участию в Берлинской операции привлекалось более 44 тысяч орудий и минометов, а также 1785 пусковых станков М-30 и М-31, 1620 боевых машин реактивной артиллерии (219 дивизионов).

В боях за Берлин части реактивной артиллерии использовали богатый опыт, приобретенный ими в боях за Познань, который заключался в стрельбе прямой наводкой одиночными снарядами М-31, М-20 и даже М-13.

На первый взгляд такой способ ведения огня может показаться примитивным, но тем не менее результаты его оказались весьма значительными. Стрельба одиночными реактивными снарядами в ходе боев в таком огромном населенном пункте, как Берлин, нашла самое широкое применение.

Для ведения такого огня в гвардейских минометных частях создавались штурмовые группы. Состав группы был примерно следующий: офицер — командир группы, электротехник, 25 сержантов и солдат для штурмовой группы М-31 и 8–10 — для штурмовой группы М-13.

Для обеспечения действий пехоты каждому стрелковому батальону (полку) придавалась одна штурмовая группа реактивной артиллерии, выполнявшая задачи, которые ей ставил командир общевойсковой штурмовой группы.

Обычно штурмовые группы реактивной артиллерии разрушали и сжигали каменные дома и сооружения, в которых располагались огневые средства и живая сила противника, проделывали проходы для пехоты в каменных домах и стенах.

Действия штурмовых групп реактивной артиллерии, как правило, сводились к следующему. Получив задачу на разрушение объекта, командир группы выбирал огневую позицию на возможно близком расстоянии от цели (чаще всего в доме, расположенном против цели); снаряды располагались на подоконниках, в проемах окон, балконных дверей и т. п. Дальность стрельбы колебалась в пределах 50–200 м; в отдельных случаях огонь велся на дальность около 400 м.

После выбора удобной огневой позиции к ней подвозились или вручную подносились снаряды; их укладывали на подоконники в горизонтальном положении, если цель была ниже уровня огневой позиции, а дальность стрельбы не превышала 100 м, или придавали им некоторый угол возвышения, в зависимости от дальности стрельбы, если цель находилась на одном уровне с огневой позицией или выше ее и дальность стрельбы была более 100 м. Направляющая прикреплялась головной частью к подоконнику, а хвостовой частью к предмету, который служил подставкой для придания снаряду нужного угла возвышения.

В некоторых случаях огонь реактивными снарядами вели со станков, сделанных по образцу рам М-31, но приспособленных только для двух снарядов. Для стрельбы снарядами М-20 использовали направляющие от реактивных установок М-13.

После установки снарядов для производства выстрела использовали специально смонтированную электропроводку для одиночной стрельбы.

Источником питания обычно служили или подрывная машинка ПМ-2, или батарея «Бас-80».

Перед стрельбой из комнаты, временно превращенной в огневую позицию, убирали вещи, которые могли легко воспламениться при выстреле.

Личный состав штурмовой группы уходил в другое помещение, за капитальную стену или вовсе покидал здание на время выстрела.

В силу того, что подготовка к стрельбе реактивными снарядами производилась фактически на глазах у противника, на расстоянии 50–200 м, для прикрытия штурмовых групп реактивной артиллерий выделялось 10–12 автоматчиков из состава того же дивизиона, что и штурмовая группа. Из одной комнаты делали один-два выстрела.

В тех случаях, когда стрельба из окон дома в силу сложившейся обстановки была невозможна, стреляли со станков М-31 с огневой позиции, выбранной на удалении 400–600 м от цели, подлежавшей разрушению.

Были случаи, когда в зданиях находили реактивные снаряды противника и использовали их для уничтожения его очагов сопротивления.

При стрельбе на дальность 100–150 м снаряд М-31 при встрече с преградой под прямым углом пробивал кирпичную стену толщиной до 80 см.

Так, в бою за Берлин на Линденштрассе и Комендантенштрассе необходимо было выбить противника из углового здания. Для уничтожения противника, укрепившегося в этом здании, решено было использовать реактивные снаряды М-31.

Огневые позиции для стрельбы реактивными снарядами были выбраны в здании, находившемся от цели на удалении 150 м. Три снаряда были уложены в оконных проемах второго этажа. Плоскость стрельбы относительно фронтальной стенки здания, по которому готовился огонь, находилась под углом 40–45°; толщина стен здания была около 50 см. Реактивные снаряды были направлены на промежуток между вторым и третьим этажами, примерно на уровне огневой позиции.

Снаряды пробили стену здания: один снаряд — на уровне третьего этажа и два снаряда — на уровне второго этажа. Разрывы реактивных снарядов произошли после проникновения их в здание. От силы взрывной волны фасад обрушился, открыв внутренность здания. Межкомнатные перегородки прилегающих комнат и межэтажные перекрытия обвалились. Противник, оборонявший здание, был полностью уничтожен. После залпа пехота легко овладела зданием.

В другом случае при подготовке к штурму одного из зданий в районе Линденштрассе командир штурмовой группы реактивной артиллерии ввиду значительной величины здания и большого количества огневых средств противника, размещенных в нем, решил разрушить его залпом из четырех снарядов. Огневая позиция для реактивных снарядов была оборудована в противоположном доме, находившемся от цели на удалении до 100 м, в нижнем этаже. Снаряды были направлены на второй и третий этажи левого крыла здания. Один снаряд попал в стену четвертого этажа у крыши, два снаряда — в четвертый этаж возле межэтажного перекрытия. Снаряды разорвались сразу после проникновения через преграду. В результате залпа третий и четвертый этажи обрушились. Огонь противника из разрушенного здания прекратился. Штурмовая группа пехоты быстро овладела зданием.

В тех случаях, когда стрельба реактивными снарядами велась с дальности, меньшей, чем длина активной части траектории, скорость, а следовательно, и пробивная способность снаряда соответственно уменьшались.

Во время штурма одного из зданий в районе Нидервальштрассе по первому и четвертому этажам зданий были произведены выстрелы прямой наводкой из дома, расположенного от цели на расстоянии 30 м. Снаряд, попавший во фронтальную стену четвертого этажа, обрушил угол здания. Снаряд, попавший в нижний этаж, произвел значительные разрушения стены, однако полностью ее не разрушил. Толщина кирпичной кладки была 55 см.

Лучшие результаты были получены при стрельбе прямой наводкой одиночными снарядами М-31 на дальность 100–150 м, а также снарядами М-20.

24 апреля 1945 г. 7-й гвардейский кавалерийский корпус частью сил внезапным налетом овладел восточной частью города Ратенов западнее Берлина. В системе обороны противника Ратенов занимал важное место, поэтому отступившие в западную часть города соединения противника оказывали ожесточенное сопротивление. В городе Ратенов каждое здание было приспособлено к длительной обороне. В верхних этажах зданий сидели автоматчики и «фаустники», в нижних — пехота. Здания города — каменные с прочными перекрытиями, двух-, трехэтажные, плотно примыкавшие одно к другому; улицы города — прямые. На углах кварталов в районе переправ через реку Хавель стояли самоходно-артиллерийские установки и танки, простреливавшие перекрестным огнем улицы и кварталы. Обойти кварталы, удерживаемые противником, не

представлялось возможным.

Овладеть городом можно было только путем штурма каждого квартала, каждого здания. Это могло привести к большим потерям.

В результате трехдневных боев выяснилось, что, не разрушив здания, штурмовать кварталы и овладеть городом нельзя, но разрушить здания артиллерийским огнем не представлялось возможным. Тогда 7-й гвардейский минометный полк применил стрельбу прямой наводкой снарядами М-20 с отдельной спарки (верхней направляющей).

Штурмовая установка М-20 состояла из спарки, 12-вольтового аккумулятора, провода. Установку втаскивали на крышу, в верхний этаж или в подвал здания, с которого виден был объект, намеченный к штурму, и устанавливали у проемов окон, дверей, в пробитом в крыше отверстии и т. п., после чего наводили на дом, намеченный к разрушению, и закрепляли. Из такого положения производили выстрел.

Двух-, трехэтажные здания полностью разрушались после двух-трех попаданий реактивных снарядов. Под обломками разрушенных зданий погибал гарнизон, защищавший их. Обломками и обвалами стен подвальные помещения засыпались, и штурм здания пехотой штурмовых групп происходил почти без потерь.

Дальность такой стрельбы была обычно от 50 до 200 м. Как правило, при таком способе стрельбы все реактивные снаряды попадали точно в намеченную цель.

Для быстрейшего разрушения очагов сопротивления, созданных противником в зданиях в ночь с 1 на 2 мая, в 318-м и 7-м гвардейских минометных полках, участвовавших в бою за Ратенов, было сформировано по одной штурмовой группе.

Штурмовые группы реактивной артиллерии имели в своем составе: офицеров — 1, реечных — 2, стреляющих — 1, подносчиков мин — 4, прикрывающих автоматчиков — 8–10.

Каждая группа имела 2 спарки, аккумулятор, провод, кабель для укрепления спарок и тележки для подвоза боеприпасов.

Использование таких групп дало положительные результаты, оказав большую помощь в продвижении войскам, штурмовавшим город.

В первый день боя штурмовыми группами реактивной артиллерии было разрушено 16 больших двух-, трехэтажных зданий, являвшихся главными опорными пунктами в системе обороны противника.

Для ускорения продвижения войск и очистки города от противника 2 мая было сформировано еще 6 штурмовых групп реактивной артиллерии.

Усилиями этих штурмовых групп было разрушено 60 очагов

сопротивления, что помогло частям 7-го гвардейского кавалерийского корпуса овладеть городом. В ходе боя командиры штурмовых групп реактивной артиллерии получали задачи непосредственно от командиров штурмовых групп кавалерийских частей, с которыми они действовали.

В боях за Берлин успешно применялась стрельба снарядами М-13.

Штурмовые группы М-13 были сформированы в следующем составе: командир группы (командир огневого взвода) — 1, командир отделения — 1, расчет — 8 человек.

Для стрельбы снарядами М-13 в качестве подставки использовались треноги от трофейных пулеметов. Каждая штурмовая группа была придана одному из стрелковых полков. В стрелковых полках эти штурмовые группы придавались стрелковым батальонам, командиры которых и ставили задачи штурмовым группам.

30 апреля 1945 г. штурмовые группы стрелковых полков, наступавшие в районе Берлинской государственной типографии, были остановлены огнем из зданий типографии, превращенных противником в сильный узел сопротивления. Здания типографии представляли собой квартал, обнесенный высокими кирпичными стенами; во дворе типографии было расположено более двух десятков пятиэтажных корпусов. Типографию обороняло свыше полка пехоты противника.

Штурмовые группы реактивной артиллерии вели огонь с дальности 70–100 м не только снарядами М-13, но и трофейными немецкими 280-мм реактивными снарядами. Стрельба снарядами М-13 велась по окнам, дверям и проемам в стенах. В результате обстрела зданий типографии реактивными снарядами сопротивление противника было подавлено, что обеспечило успех штурма.

О напряженности боев и об огневых задачах, выполненных реактивной артиллерией в боях за Берлин, можно судить по количеству реактивных снарядов, израсходованных в этих боях. В полосе наступления 3-й ударной армии было израсходовано: снарядов М-13 — 6270; снарядов М-31 — 3674; снарядов М-20 — 600; снарядов М-8 — 1878.

Из этого количества штурмовыми группами реактивной артиллерии было израсходовано: снарядов М-8 — 1638; снарядов М-13 — 3353; снарядов М-20 — 191; снарядов М-31 — 479.

В ходе боев за Берлин только одними штурмовыми группами реактивной артиллерии было уничтожено 120 зданий, являвшихся сильными очагами сопротивления противника, разбито три 75-мм орудия, подавлено и уничтожено несколько десятков огневых точек, убито свыше 1000 солдат и офицеров противника.

А теперь перейдем к агонии немецкой 1-й зенитно-артиллерийской дивизии. 24–25 апреля ею было выпущено 24 812 снарядов калибра 8,8 см и выше. При этом основное внимание уделялось наземным целям, а стрельба по самолетам велась от случая к случаю.

Потери дивизии за эти дни еще больше возросли. К исходу дня 25 апреля были потеряны все зенитные ударные группы и 22 тяжелые батареи (из 39). Остались частично боеспособными только 17 батарей, включая и башенные. Личному составу зенитных башен Фридрихсхайн и Гумбольдтхайн неоднократно приходилось вступать в рукопашные бои, вводить в действие пулеметы и фаустпатроны. Обе башни находились в полуокружении.

К 27 апреля действовало только 9 зенитных батарей с 31 орудием. Зенитные башни Фридрихсхайн и Гумбольдтхайн, находившиеся под непрерывным артиллерийским и минометным огнем и потерявшие от обстрела половину орудий, могли стрелять только ночью. По советским отчетам, 152-мм снаряды не приносили зенитным башням особого вреда.

Зенитная башня Тиргартен прекратила огонь, когда советские войска оказались в мертвой зоне ее обстрела.

Уже с 26 апреля вышли из строя и прекратили работу все командные линии связи штаба дивизии. Управление было полностью дезорганизовано.

К исходу 28 апреля действовало только 6 батарей зенитной артиллерии с 18 стволами и 3 отдельных орудия. К исходу 30 апреля насчитывалось всего 3 боеспособные тяжелые батареи с 13 стволами, но, как сообщала последняя боевая сводка штаба дивизии, датированная 1 мая 1945 г., «7 стволов временно не используются, так как персонал занят наземной борьбой».

В течение ночи на 30 апреля подразделения 79-го стрелкового корпуса отдельными группами вели разведку в направлении Рейхстага, подтягивали артиллерию на прямую наводку.

В 11 ч 30 мин после сильной артподготовки части корпуса перешли в наступление с целью захвата Рейхстага. До 12 ч 00 мин преодолевался заполненный водой противотанковый ров под прикрытием огня артиллерии сопровождения, а также нескольких десятков танков и САУ. В 13 ч 30 мин начался мощный обстрел самого Рейхстага, который велся тремя батареями 1957-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, двумя батареями 328-го артиллерийского полка, девятью 45-мм орудиями и двумя 76-мм полковыми орудиями 674-го стрелкового полка, а также 152 гаубицами. К артиллерийской подготовке прямой наводкой также были привлечены танки и САУ.

Огонь по Рейхстагу вели также два дивизиона М-31-12 22-й бригады и два дивизиона М-13 50-го полка. Кроме того, бригада установила на подоконниках второго этажа «дома Гиммлера» несколько тяжелых реактивных снарядов. Всего из «дома Гиммлера» было выпущено 13 снарядов М-31 «Лука».

Ряд авторов расписывают действия 203-мм гаубиц Б-4 из 124-й бригады большой мощности, которые якобы били прямой наводкой по Рейхстагу. Надо ли говорить, что их расчеты были бы немедленно уничтожены из пулеметов и винтовок с верхних этажей Рейхстага.

Ну а В. И. Казаков пишет о 124-й бригаде большой мощности: «Боевые порядки бригады находились в 8–10 километрах от Рейхстага. Было ясно, что он будет взят без ее участия. Но вот командир бригады полковник Г. Л. Гутин получил задание сосредоточить огонь своих гаубиц по Рейхстагу. Разумеется, всем очень хотелось узнать результаты обстрела. Неизвестно, по чьей инициативе, но в батареях решили: из общего количества снарядов, отпущенных на огневой налет, один-два послать в Рейхстаг без взрывателей, чтобы они не разорвались и чтобы их можно было найти там, когда закончится бой.

Так и было сделано. Во вложенных в снаряды записках бойцы писали: „Гитлеру от 1-й батареи 124-й габр. БМ“, „Даешь Рейхстаг!“ и так далее.

Впоследствии эти снаряды были действительно обнаружены в здании Рейхстага»[183].

К концу дня 1 мая сопротивление защитников Рейхстага было полностью сломлено. А окончательно сопротивление берлинского гарнизона прекратилось в 15 часов 2 мая.

Битва за Берлин стала величайшей победой отечественной артиллерии.

О характере боев на подступах к Берлину и в самом городе красноречиво свидетельствует расход боеприпасов войсками 5-й ударной армии с 16 апреля по 2 мая 1945 г.

Таблица 30. **Расход боеприпасов войсками 5-й ударной армии с 16 апреля по 2 мая 1945 г.**[184]

Боеприпасы	С 16 по 20 апреля	С 21 апреля по 2 мая	Всего
82-мм мины	41 872	21 842	63 714
120-мм мины	38 358	53 014	91 372
160-мм мины	2189	4590	6779
45-мм выстрелы	12 148	14 353	26 501
57-мм выстрелы	2191	1153	3344
76-мм ОФ ПА	5565	6533	12 098
76-мм кумулятивные 42 г.	175	474	649
76-мм кумулятивные 43 г.	1475	790	2265
76-мм ОФДА	42 343	31 229	73 582
76-мм УВЗР ДА	4153	4068	8221
76-мм подкалиберные ДА	131	400	531
Боеприпасы	**С 16 по 20 апреля**	**С 21 апреля по 2 мая**	**Всего**
122-мм ОФ обр. 38 г.	16 745	16 276	33 021
122-мм кумулятивные 38 г.	1318	1499	2817
122-мм ОФ 31 г.	4428	3157	7585
152-мм ОФ 37 г.	6885	8831	15 716
152-мм ОФ 09/30 гг.	2710	3848	6558
100-мм выстрелов	440	1159	1609
203-мм выстрелов	17 572	3061	4818

Всего же в ходе Берлинской операции артиллерия трех фронтов израсходовала 5 529 360 снарядов и мин всех калибров (2-й Белорусский фронт — 904 050, 1-й Белорусский фронт — 3 005 050, 1-й Украинский фронт — 1 620 260). Среднесуточный расход боеприпасов всей артиллерии, участвовавшей в операции, составил 250 тысяч снарядов и мин. Это самый высокий среднесуточный расход боеприпасов в операции за все время Великой Отечественной войны.

Кроме того, полевая реактивная артиллерия трех фронтов израсходовала 372 230 мин всех калибров (2-й Белорусский фронт — 88 501, 1-й Белорусский фронт — 134 729, 1-й Украинский фронт — 149 000).

В Берлинской операции участвовало 1 906 200 советских солдат и офицеров. Из них погибли 78 291 человек, а санитарные потери составили 274 184 человека.

Взятие Берлина фактически означало конец войны. Дальнейшее

сопротивление германских войск объяснялось либо отчаянием, либо желанием уйти на запад и сдаться англичанам и американцам.

Заключение

Несмотря на увеличение роли авиации и танковых войск, артиллерия во Второй мировой войне по-прежнему оставалась основным видом вооружения как в СССР, так и в Германии.

В 1941–1945 гг. артиллерия Красной Армии понесла огромные потери, но тем не менее вышла из войны сильнейшей в мире. И это не расхожий пропагандистский штамп. К маю 1945 г. мощь нашей артиллерии превосходила артиллерию армий США, Англии, Франции и Японии, вместе взятых.

Правительство СССР перед войной и в ходе ее допустило ряд ошибок, но в целом руководство боевыми действиями, переводом промышленности на военные рельсы и выпуском военной техники осуществлялось умело и последовательно.

Со времен Екатерины Великой Россия проиграла все без исключения информационные и психологические войны и ни разу не смогла политически реализовать успехи своих войск. Вспомним войну 1812–1814 гг., ничего не давшую России.

Сталин впервые за полтора века одержал победу в психологической и информационной войне и в основном добился безопасных рубежей для нашей Родины. «В основном» пишу потому, что не была решена проблема Черноморских проливов.

Советская артиллерия начала войну, имея 19,9 тысячи минометов, 47,8 тысячи орудий и 8,6 тысячи зенитных орудий, а закончила с 118,6 тысячи минометов, 91,6 тысячи орудий, 31 тысяч зенитных орудий, а также с 6 тысячами пусковых установок реактивной артиллерии.

В ходе войны мы потеряли 124,6 тысячи минометов, 117,1 тысячи орудий, 10,8 тысячи зенитных орудий и 4,8 тысячи пусковых установок реактивной артиллерии.

Соответственно поставки от промышленности составили 223,3 тысячи минометов, 160,9 тысячи орудий, 33,3 тысячи зенитных орудий и 10,8 тысячи пусковых установок реактивной артиллерии.

Вес залпа всей ствольной артиллерии сухопутных войск к концу войны был равен 1159 т, из которых на долю артиллерии РВГК приходилось 597 т (52 %), а на долю войсковой артиллерии — 562 т (48 %). С учетом же реактивной артиллерии вес залпа артиллерии РВГК превосходил вес залпа войсковой артиллерии в 5,2 раза (4411 т против

845 т).

В ходе войны советское командование разработало стратегию и тактику массированного применения артиллерии в наступательных операциях на главных направлениях.

В 1943–1945 гг. фронты израсходовали на цели прорыва от 40 до 85 % всей своей артиллерии. В этот период в маневре артиллерии из Ставки на фронт (фронты), из фронта на фронт и внутри фронтов одновременно вовлекалось от 150 до 500 и более артиллерийских полков на расстояния от 150 и до 400 и более километров в сроки от 3–4 до 8–10 дней. Некоторые крупные артиллерийские соединения перебрасывались с одного крыла советско-германского фронта на другое (маневр в июне 1944 г. 7-го адп с юга Украины из 4-го Украинского фронта на север на Карельский фронт, осуществленный за 8 суток).

В ходе Второй мировой войны в технике артиллерии произошла очередная революция, сравнимая лишь с переходом на нарезные стволы в 60–80-х гг. XIX века. Внешне это хорошо заметно на противотанковой артиллерии. Калибр противотанковых пушек в Красной Армии возрос с 45 мм до 100 мм (БС-3), а в Германии — с 37 мм до 88 и 128 мм. Уже в 1942 г. началось массовое применение подкалиберных и кумулятивных снарядов. Ну а в 1944–1945 гг. немцы отработали и выпустили малую серию первых в мире противотанковых управляемых снарядов X-7 «Красная шапочка».

Германские ученые и инженеры создали артсистемы сверхдальней стрельбы, включая пушки с гладкими каналами ствола. Они же создали и применили в боях активно-реактивные снаряды калибра 15–38 см.

После войны на основе разработок вермахта в СССР начались работы по созданию новейших артсистем всех классов от 23-мм зенитных автоматов до систем большой и особой мощности. Значительная часть из них поступила на вооружение Советской Армии, но, увы, работы над многими уникальными артсистемами были прекращены из-за волюнтаризма Лаврентия Берия, Никиты Хрущева и Дмитрия Устинова. Эти руководители всерьез поверили, что будущие войны можно выиграть одними ракетами дальнего действия.

Опыт локальных войн опроверг эти примитивные воззрения.

Приложения

Приложение 1
Отчетные сведения обеспеченности артиллерийским вооружением РККА по данным переучета на 1 ноября 1936 г. материальной части артиллерии[185]

Таблица 1

Название артиллерийских систем	Наличие по первым 4-м категориям	Годные к боевому использованию 1, 2, 3-й категорий	Требуют капремонта, 4-я категория	Не включены в графу 2	
				Учебные	Негодные
1	2	3	4	5	6
Орудия основных типов					
37-мм противотанковое ружье Курчевского	73	73	—	—	—
37-мм ПТП обр. 1930 г.	475	422	53	28	3
37-мм ТП обр. 1930 г.	187	184	3	36	—
45-мм ПТП обр. 1932 г.	2062	2016	46	12	1
45-мм ТП обр. 1932 г.	3846	3827	19	147	2
45-мм ТП обр. 1934 г.	4741	4741	—	8	—
76-мм полковая пушка обр. 1927 г.	1620	1570	50	14	—
76-мм пушка обр. 1902 г.	1684	1000	684	270	—
76-мм пушка обр. 1902/30 г. в 30 калибров	1595	1521	74	15	—
76-мм пушка обр. 1902/30 г. в 40 калибров	1210	1172	38	3	—
76-мм французская пушка обр. 1897 г.	284	214	70	4	—

1	2	3	4	5	6
76-мм пушка обр. 1933 г.	198	196	2	—	—
76-мм пушка Ф-22 обр. 1936 г.	10	10		1	—
76-мм горная пушка обр. 1909 г.	622	572	50	34	1
76-мм капонирная пушка обр. 1902 г.	472	470	2	—	—
76-мм капонирная пушка обр. 1900 г.	54	53	1	—	—
76-мм пушка обр. 1902 г. на тумбовой установке для броне-поездов	139	138	1	2	—
76-мм пушка обр. 1927/32 г. СУ-12 на шасси «Форд-ААА»	51	51	—	1	—
76-мм пушка обр. 1927/32 г. САУ на шасси «Мореланд»	45	45	—	—	—
76-мм пушка СПК	85	85	—	—	—
76-мм ТП обр. 1927/32 г.	372	369	3	21	—
76-мм ТП КТ-27	5	5	—	—	—
76-мм зенитная пушка обр. 1931 г.	1194	1171	23	7	—
76-мм зенитная пушка обр. 1915/28 г.	109	105	4	1	—
76-мм зенитная пушка обр. 1914/15 г. Лендера	808	786	22	19	—
82-мм миномет боль-шой мощности	73	73	—	—	—
107-мм пушка обр. 1910/30 г.	830	801	29	5	—

1	2	3	4	5	6
107-мм пушка обр. 1910 г.	24	5	19	2	—
107-мм пушка обр. 1910 г. на тумбовой установке для бронепоездов	24	24	—	1	—
107-мм японская пушка обр. 1905 г.	87	84	3	—	1
122-мм корпусная пушка обр. 1931 г.	74	62	12	—	—
122-мм гаубица обр. 1910/30 г.	2378	2358	20	5	—
122-мм гаубица обр. 1910 г.	31	2	29	13	—
122-мм гаубица обр. 1909 г.	904	849	55	16	—
122-мм гаубица обр. 1934 г.	7	7	—	—	—
122-мм гаубица обр. 1910/30 г. на СУ-5	11	11			
152-мм мортира обр. 1931 г.	100	92	8	3	1
152-мм гаубица обр. 1909/30 г.	1115	1078	37	4	1
152-мм гаубица обр. 1910 г.	96	79	17	5	—
152-мм гаубица обр. 1934 г. (так тогда именовали пушку обр. 1910/34 г.)	14	14	—	1	—
152-мм гаубица «НГ» обр. 1930 г. (системы «Рейнметалл»)	50	47	3	—	—
152-мм гаубица Виккерса	101	96	5	2	—

1	2	3	4	5	6
152-мм пушка обр. 1910/30 г.	152	139	13	—	—
203-мм пушка Б-4 большой мощности	88	85	3	—	—
203-мм пушка малой мощности	31	30	1	—	—
203-мм гаубица «VI» (Виккерса)	50	50	—	1	—
243-мм английская гаубица	4	3	1	—	—
280-мм мортира обр. 1914/15 г. Шнейдера	21	16	5	—	—
305-мм гаубица обр. 1915 г. ОСЗ	36	36	—	—	—
Орудия неосновных типов					
20-мм автоматическая пушка обр. 1930 г. на автомобиле ЗИС-6	18	17	1	—	—
20-мм автоматическая пушка 2К	13	7	6	8	—
37-мм пушка Розенберга	162	144	18	8	—
37-мм пушка Грюзенверка	148	142	6	5	—
37-мм пушка Пюто	15	15	—	—	3
37-мм танковая пушка Гочкиса	1327	1292	35	60	
58-мм минометы «ФР» и Дюмезиля	340	274	66	—	1
Германский станковый гранатомет обр. 1915 г.	77	64	13	—	—
76-мм ДРП-4 большой мощности	510	505	5	16	—

1	2	3	4	5	6
76-мм ДРП-4 малой мощности	35	34	1	5	—
45-мм батальонная пушка обр. 1929 г.	75	73	2	2	2
57-мм танковая пушка Гочкиса	24	24	—	1	—
76-мм пушка БПК	405	398	7	2	—
76-мм ПТП обр. 1910 г.	71	61	10		1
76-мм короткая пушка обр. 1913 г.	34	33	1	8	—
76-мм полевая пушка обр. 1900 г.	711	689	22	5	—
107-мм пушка обр. 1877 г.	125	124	1		1
114-мм английская гаубица	211	201	10	7	16
120-мм французская пушка обр. 1878 г.	68	53	15	—	—
127-мм английская пушка	18	17	1	—	—
152-мм пушка в 120 пудов	198	191	7	—	—
152-мм пушка в 190 пудов	21	20	1	—	2
152-мм пушка в 200 пудов обр. 1904 г.	50	49	1	—	2
155-мм французская пушка обр. 1877 г.	69	62	7	—	—
155-мм французская пушка (Сен Шамона)	10	10	—	—	—
155-мм французская короткая пушка Шнейдера	8	7	1	—	—
Итого неосновных орудий	**4743**	**4506**	**237**	**127**	**28**

Приложение 2
Наличие артсистем к началу Великой Отечественной войны

Таблица 2. **Наличие артиллерийских систем в Красной Армии к началу Великой Отечественной войны**

Артиллерийская система	Число	Примечания
I. Дивизионная артиллерия		
45-мм противотанковые пушки обр. 1932 г.	7682	Из них 481 на складах и заводах
45-мм противотанковые пушки обр. 1937 г.	7255	
76-мм полковые пушки обр. 1927 г.	4708	Из них 149 на складах и заводах
76-мм горные пушки обр. 1909 г.	1121	Из них 366 на складах и заводах
76-мм горные пушки обр. 1938 г.	964	
76-мм дивизионные пушки: обр. 1902/30 г.	4477	Из них 628 на складах и заводах
обр. 1936 г.	2874	
УСВ	1170	
122-мм гаубицы: обр. 1910/30 г.	5690	Из них 616 на складах и заводах
обр. 1909/37 г.	889	
обр. 1938 г.	1563	
152-мм гаубицы: обр. 1909/30 г.	2611	Из них 442 на складах и заводах
обр. 1910/37 г.	99	
М-10	1058	
«НГ» обр. 1930 г.	53	
Виккерса	92	

Артиллерийская система	Число	Примечания
II. Корпусная артиллерия		
107-мм пушки обр. 1910/30 г.	863	Из них 104 на складах и заводах
122-мм пушки А-19	1255	Из них 338 на складах и заводах
152-мм пушки: обр. 1910/30 г.	137	Из них 34 на складах и заводах
обр. 1910/34 г.	130	
152-мм гаубицы-пушки МЛ-20	2610	Из них 147 на складах и заводах
III. Артиллерия большой и особой мощности		
152-мм пушки Бр-2	38	Из них 4 на складах и заводах
203-мм гаубицы Б-4	872	Из них 39 на складах и заводах
280-мм мортиры Шнейдера	25	Из них 12 на складах и заводах
280-мм мортиры Бр-5	47	
305-мм гаубицы обр. 1915 г.	34	Из них 4 на складах и заводах
210-мм пушки Бр-17	9	Из них 9 на складах и заводах
IV. Зенитная артиллерия		
37-мм автоматы 61К	1370	Из них 5 на складах и заводах
76-мм пушки обр. 1931 г.	3821	
76-мм пушки обр. 1938 г.	750	
76-мм пушки обр. 1915/28 г.	19	
76-мм пушки обр. 1914/15 г.	539	
76-мм пушки обр. 1902 г. на зенитных станках	805	
85-мм зенитные пушки	2630	Из них 274 на складах и заводах

Таблица 3. **Обеспеченность артиллерийскими боеприпасами к началу войны**

Наименование вооружения	Боеприпасы			Обеспеченность плана, %
	Запланированная потребность на 3 месяца войны, тысяч шт.	Имелось налицо к началу войны		
		тысяч шт.	б/к	
45-мм противотанковые и танковые пушки	54 255	25 650	4,2	47
76-мм полковые и танковые пушки обр. 1927/32 г.	8488	4900	7,0	58
76-мм дивизионные и танковые пушки обр. 1939 г.	15 109	8776	6,5	58
76-мм горные пушки	2784	2203	7,5	79
107-мм пушки	1139	1226	17,7	108
122-мм гаубицы	11 724	6561	10,0	56
122-мм пушки	1230	994	9,9	81
152-мм гаубицы	4471	2643	11,0	59
152-мм гаубицы-пушки и пушки обр. 1910/30 и 1910/34 гг.	3711	2111	12,2	57
152-мм пушки обр. 1935 г.	21	3	2,0	14
203-мм гаубицы	540	395	11,3	73
210-мм пушки	3	—	—	—
280-мм мортиры	21	7	3,2	33
305-мм гаубицы	9	8	7,8	89
Всего	103 505	55 477	—	54
37-мм зенитные пушки	2466	573	2,1	23
76-мм зенитные пушки	6742	5034	7,3	75
85-мм зенитные пушки	3879	495	1,2	13
Всего	**13 087**	**6102**	—	**47**

Таблица 4. **Наличие, поступление и потери артиллерийского вооружения в летне-осенней кампании 1941 г.**

Наименование вооружения	Наличие к началу войны	Получено от промышленности за кампанию	Всего	Потери	Осталось налицо на 1 декабря 1941 г.
50-мм минометы	36 324	15 306	51 630	28 979	22 651
82-мм минометы	14 525	9634	24 159	13 543	10 616
107-, 120-мм минометы	5344	1977	7321	2812	4509
Всего	56 193	26 917	83 110	45 334	37 776
45-мм противотанковые пушки	14 791	1490	16 281	9983	6298
57-мм противотанковые пушки	—	369	369	34	335
Всего	14 791	1859	16 650	10 017	6633
76-мм полковые пушки	4582	3238	7820	4205	3615
76-мм горные пушки	2007	—	2007	558	1449
76-мм дивизионные пушки	8445	1466	9911	5516	4395
122-мм гаубицы	7923	1507	9430	4937	4493
Всего орудий полевой и дивизионной артиллерии	22 957	6211	29 168	15 216	13 952
107-, 122-мм пушки	2046	290	2336	1127	1209
152-мм гаубицы	3640	271	3911	2030	1881
152-мм гаубицы-пушки	2585	725	3310	1689	1621
203-мм гаубицы	849	105	954	75	879
152-мм пушки обр. 1910/30 и 1910/34 гг.	267		267	70	197

Наименование вооружения	Нали-чие к началу войны	Получено от про-мышлен-ности за кампанию	Всего	Потери	Осталось налицо на 1 декабря 1941 г.
152-, 305-мм оруди я большой и особой мощности	146		146	9	137
Всего крупнокали-берных орудий	9533	1391	10 924	5000	5924
Всего орудий на-земной артиллерии	47 281	9461	56 742	30 233	26 509
25-мм зенитные пушки	12	328	340	73	267
37-мм зенитные пушки	1370	1340	2710	1077	1633
76-мм зенитные пушки	5024		5024	1238	3786
85-мм зенитные пушки	2630	1649	4279	1138	3141
Всего зенитных пушек	9036	3317	12 353	3526	8827
Всего орудий	56 317	12 778	69 095	33 759	35 336
Итого орудий и минометов	112 510	39 695	152 205	79 093	73 112

Примечания:

1. Таблица составлена на основе данных Архива Генерального штаба. Оп. 2222сс. Д. 013–1946 г., Л. 17–24; Архива МО СССР. Ф. 81. Оп. 12076. Д. 5. Л. 3–5 и ф. 81, Оп. 12074, д. 34, Л. 129–134.

2. В числе наличного вооружения на начало войны учтены исправные орудия и минометы (I и II категории), находившиеся в войсках и на складах, а также в пути и на заводах, принятые военной приемкой, и 5044 орудия и 1026 минометов, требующих мастерского ремонта в войсках. Не учитывались 971 зенитное и 1023 орудия береговой артиллерии ВМФ и 767 76-мм пушек обр. 1900 г., приспособленных для зенитных установок.

Таблица 5. **Поступление от промышленности и убыль боеприпасов во второй половине 1941 г. (в тысячах шт.)**

Наименование боеприпаса	Имелось на 22.06.41	Получено во 2-м полугодии 1941	Всего	Общий расход (боевой и потери)
50-мм мины	14 507	7573	22 080	7341
82-мм мины	11 337	3768	15 105	8156
107-, 120-мм мины	718	1014	1732	966
Всего мин	26 562	12 355	38 917	16 463
45-мм противотанковые снаряды	25 650	7020	32 670	11 873
57-мм противотанковые снаряды		436	436	32
Всего малокалиберных снарядов	25 650	7456	33 106	11 905
76-мм горных и полковых пушек	7103	1842	8945	5346
76-мм дивизионных пушек	8776	1929	10 705	4716
122-мм гаубичные	6561	2622	9183	4102
Всего среднекалиберных снарядов	22 440	6393	28 833	14 164
107-, 122-мм пушечные	2220	931	3151	1008
152-мм гаубичные	2642	925	3567	1240
152-мм гаубично-пушечные	2111	738	2849	1181
203-мм гаубичные	395	166	561	66
Всего крупнокалиберных снарядов	7368	2760	10 128	3495
25-мм зенитные		260	260	147
37-мм зенитные	573	4388	4961	2027
76-, 85-мм зенитные	5529	3698	9227	2167
Всего зенитных снарядов	6102	8346	14448	4341
Всего снарядов	**61 560**	**24 955**	**86 515**	**33 905**
Всего снарядов и мин	**88 122**	**37 310**	**125 432**	**50 362**

Приложение 3
Боекомплекты боеприпасов артиллерии

Таблица 6

Наименование вооружения	Вес основного снаряда, кг	Вес выстрела, кг	Количество выстрелов, боекомплект	Количество боеприпасов, вмещающихся в 16,5-тонный вагон, шт.
50-мм миномет	0,9	0,91	120	9240
82-мм миномет	3,1	3,2	90	3650
107-мм миномет	8,0	8,5	60	1380
120-мм миномет	15,9	16,4	60	680
160-мм миномет	40,9	41,9	60	—
25-мм зенитная пушка	0,3	0,67	400	19 500
37-мм зенитная пушка	0,7	1,5	200	8700
45-мм противотанковая пушка	1,4	2,4	200	4250 оск.
57-мм противотанковая пушка	3,1	6,7	200	1650
76-мм полковая пушка обр. 1927 г.	6,2	8,3	140	1450
76-мм полковая пушка обр. 1943 г.	6,2	7,4	140	1450
76-мм дивизионная пушка	6,2	8,9	140	1400
76-мм горная пушка обр. 1909 г.	6,2	7,8	140	1600
76-мм горная пушка обр. 1938 г.	6,2	8,2	140	1500

76-мм зенитная пушка	6,6	11,5	150	1040
85-мм зенитная пушка	9,2	15,4	150	820
100-мм противотанковая пушка	15,9	30,3	80	—
107-мм пушка обр. 1910/30 г.	17,2	23,2	80	520
107-мм пушка обр. 1940 г.	17,2	26,5	80	460
122-мм гаубица обр. 1910/30 г.	21,8	24,9	80	500
122-мм гаубица обр. 1938 г.	21,8	27,1	80	480
122-мм пушка	25,0	40,5	80	295
152-мм гаубица обр. 1909/30 г.	40,0	45,8	60	280
152-мм гаубица обр. 1938 г.	40,0	47,2	60	290
152-мм гаубица-пушка	40,0	55,4	60	223
152-мм пушка БР-2	48,8	67,2	40	185
203-мм гаубица Б-4	100,0	116,0	40	120
210-мм пушка БР-17	133,0	177,0	40	—
280-мм мортира БР-5	200,7	213,0	30	—
305-мм гаубица БР-18	330,0	363,0	30	—

Приложение 4
Минометы в Великой Отечественной войне

К 22 июня 1941 г. в штате стрелковой дивизии состояли три стрелковых полка трехбатальонного состава. В каждом батальоне было три стрелковые роты. В составе полковой артиллерии была одна минометная батарея из четырех 120-мм минометов; в каждом стрелковом батальоне — рота 82-мм минометов (6 штук); в каждой роте — взвод 50-мм минометов (3 штуки).

Горнострелковая дивизия имела в своем составе артиллерийский полк, где была одна батарея из шести 107-мм минометов. В состав горнострелкового полка входила одна рота 82-мм минометов (12 штук). В каждую роту входил взвод 50-мм минометов (3 штуки).

В артиллерии РВГК имелось 11 минометных батальонов по 48 120-мм минометов (итого 528 минометов). Эти батальоны были созданы перед самой войной как отдельные минометные батальоны, на случай применения химических 120-мм мин. Но так как применение химических средств борьбы считалось тогда маловероятным, отдельные минометные батальоны были переданы в состав артиллерии РГВК.

К 22 июня 1941 г. на учете ГАУ состояло исправных (неисправных) минометов: 50-мм — 36 097 (227); 82-мм — 13 645; 107-мм — 1468; 120-мм — 3857 (19) штук.

Из числа этих минометов в дивизиях сухопутных войск состояло минометов: 50-мм — около 19 800; 82-мм — 9856; 107-мм — 320; 120-мм — 1540 штук.

894 миномета находились в укрепленных районах (УРах), 512 107-мм и 120-мм минометов состояло в корпусной артиллерии.

Таблица 7. **Обеспеченность минами к началу войны**

Мино-меты	Боеприпасы			Обеспе-ченность плана, %
	Запланированная потребность на 3 месяца войны, тысяч шт.	Имелось налицо к началу войны		
		тысяч шт.	боекомплектов	
50-мм	110 970	14 507	3,3	13
82-мм	31 009	11 337	8,7	36
107-мм	2 605	265	3,0	10
120-мм	5 924	453	1,9	8
Всего	**150 508**	**26 526**	—	**18**

Таблица 8. **Наличие, поступление и потери минометов с 22 июня по 1 декабря 1941 г.**

Минометы	Наличие к началу войны	Получено от промышленности	Всего	Потери	% потерь			Осталось налицо на 1 декабря 1941 г.
					К наличию на 22.06.1941 г.	К полученному от промышленности	К общему итогу	
50-мм	36 324	15 306	51 630	28 979	80	190	56	22 651
82-мм	14 525	9634	24 159	13 543	93	140	56	10 616
107-, 120-мм	5344	1977	7321	2812	53	142	38	4509
Всего	**56 193**	**26 917**	**83 110**	**45 334**	—	—	—	**37 776**

Таблица 9. **Поступление минометов от промышленности в июле — ноябре 1941 г.**

Минометы	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Всего	В % к плану	Среднемесячное поступление
50-мм	1688	2461	3601	3599	3957	15 306	99	3061
82-мм	682	1380	2164	1764	3644	9634	83	1927
107-мм, 120-мм	300	301	351	575	450	1977	87	395
Всего	**2670**	**4142**	**6116**	**5938**	**8051**	**26 917**	**91**	**5383**

В октябре 1941 г. Верховное Главнокомандование решило объединить

ротные и батальонные минометы в батальоны, непосредственно подчиненные командирам стрелковых полков (три роты, по восемь 50-мм и восемь 82-мм минометов в каждой)[186].

Одновременно батареи 120-мм минометов объединялись в дивизионы (18 минометов) и передавались в подчинение командиров стрелковых дивизий. Число минометов в дивизии увеличивалось с 78 до 162, главным образом 82-мм (в 4 раза) и 120-мм (в 3 раза). Этим мероприятием предполагали расширить возможности применения массированного огня минометов.

Соответственно вводились частичные изменения и в штаты отдельных стрелковых бригад. По штату № 04/730, утвержденному 15 октября 1941 г., отдельной стрелковой бригаде полагалось иметь: трехбатарейный отдельный противотанковый артиллерийский дивизион (12 57-мм пушек), трехбатарейный отдельный артиллерийский дивизион (4 полковые и 8 дивизионных 76-мм пушек), отдельный трехротный минометный батальон (по 8 50-мм и 82-мм минометов в роте) и двухбатарейный отдельный минометный дивизион (8 120-мм минометов)[187]. Всего в бригаде было 24 орудия и 56 минометов.

В зимнюю кампанию декабря 1941 г. — апреля 1942 г. войска получили от промышленности:

Таблица 10

Минометы	1941 г.	1942 г.				всего
	декабрь	январь	февраль	март	апрель	
50-мм	7854	10 693	11 519	11 898	11 738	53 702
82-мм	6915	6300	6051	7091	8061	34418
107-, 120-мм	594	587	665	1137	2716	5699
Всего	**15 363**	**17 580**	**18 235**	**20 126**	**22 515**	**93 819**

За этот же период поступило от промышленности мин (тысяч штук): 50-мм — 7137; 82-мм — 3404; 107-мм и 120-мм — 770. Итого: 11 311 тысяч штук.

Таким образом, промышленные поставки минометов в 3,5 раза перекрывали потери (93,8 против 27 тысяч штук).

В декабре 1941 г. был введен новый штат стрелковой дивизии (№ 04/750 от 6 декабря). Штатом закреплялось проведенное в октябре 1941 г. сведение 50-мм и 82-мм минометов в отдельные минометные батальоны стрелковых полков и 120-мм минометов — в дивизионы стрелковых дивизий. Вводился в штат и дивизион полевой реактивной

артиллерии, но из-за недостатка вооружения таких дивизионов ни в одной дивизии не было.

Огневая мощь артиллерии стрелковой дивизии по штату № 04/750 поднималась со 142 орудий и минометов до 238.

В горных стрелковых дивизиях (штат № 04/830 от 3 января 1942 г.) должен был содержаться трехдивизионный артиллерийский полк в составе: 76-мм пушек — 16, 122-мм гаубиц — 8 и 107-мм минометов — 18.

В январе же 1942 г. приступили к формированию гвардейских стрелковых и кавалерийских корпусов. В состав гвардейских стрелковых корпусов включались гвардейские дивизии.

По штату гвардейский стрелковый корпус получил артиллерийский полк (штат № 08/85 от 9 января 1942 г.) в составе трех дивизионов: дивизиона 76-мм пушек (4 батареи, 16 орудий), дивизиона 122-мм гаубиц (3 батареи, 12 гаубиц) и дивизиона 120-мм минометов (4 батареи, 16 минометов) — всего 44 орудия и миномета.

В кавалерийский корпус вводился отдельный артиллерийский дивизион (штат № 08/91) и минометный полк (штат № 08/92). Дивизион имел 12 76-мм пушек, а минометный полк по 18 82-мм и 120-мм минометов. По данным на 1 мая 1942 г., имелось шесть артиллерийских полков гвардейских стрелковых корпусов, четыре минометных полка и четыре отдельных артиллерийских дивизиона кавалерийских корпусов. Во всех них имелось 544 орудия и миномета по штату и 443 налицо. Этой мерой было положено начало восстановлению корпусной артиллерии, но на отличной от довоенной основе. Раньше корпусная артиллерия предназначалась в основном для борьбы с артиллерией и для огневого воздействия по дальним целям и прочным укреплениям противника, непосильным для орудий дивизионной артиллерии. Теперь она утратила свои прежние свойства и стала средством не качественного, а количественного усиления дивизионной артиллерии.

В зимнюю кампанию 1941 г. в составе артиллерии РВГК появились первые минометные полки. До войны вообще таких полков не существовало, хотя системой вооружения минометы в артиллерии РВГК предусматривались (230-мм калибра и выше). В дивизионных артиллерийских полках предполагалось иметь 160-мм минометы. Но ни одна из конструкций этих минометов еще не была разработана.

Имевшиеся в составе артиллерии РГВК 11 минометных батальонов (по 48 120-мм минометов), созданные на случай применения химических 120-мм мин, теперь решили переформировать в полки. Первые два минометных полка РГВК были сформированы в декабре 1941 г. для

Северо-Западного фронта. В последующие месяцы зимней кампании, по мере того как производство минометов увеличивалось, формирование таких полков продолжалось, причем по различным штатам.

Полки, сформированные для Северо-Западного фронта (штат № 08/86), имели по два дивизиона (четыре батареи в каждом), причем один дивизион был вооружен 82-мм, другой — 120-мм минометами (по 16 штук).

В марте 1942 г. в предвидении более широкого формирования минометных полков РВГК был разработан новый штат (№ 08/106), по которому в минометном полку полагалось иметь три трехбатарейных дивизиона 120-мм или 107-мм минометов. Всего 36 минометов.

В конце марта был утвержден еще один штат минометного полка РВГК (№ 08/112), по которому в полку предполагалось иметь шесть не объединенных в дивизионы батарей: две батареи по 8 82-мм минометов и четыре батареи по 4 120-мм миномета. В апреле был принят еще один штат (№ 08/115) так называемого армейского минометного полка в составе пяти батарей (всего 20 120-мм минометов).

Ранее существовавшие 11 минометных батальонов были переформированы в 12 минометных полков, 4 из которых передавались в кавалерийские корпуса и 8 остались в артиллерии РВГК.

В ходе осенне-летней кампании (май — октябрь 1942 г.) в армию от промышленности поступило:

Таблица 11

Минометы	май	июнь	июль	август	сен-тябрь	ок-тябрь	всего
50-мм	11 386	10 145	8305	6692	5234	5816	47 578
82-мм	8459	9302	10 212	10 161	9472	8529	56 135
107-мм	40	8	72	—	80	44	244
120-мм	2520	2505	2572	2640	2447	2802	15486
Всего	**22 405**	**21 960**	**21 161**	**19 493**	**17 233**	**17 191**	**119 443**

За этот же период от промышленности поступило мин (тысяч штук): 50-мм — 7547; 82-мм — 17 168; 107-мм и 120-мм — 4664; итого 29 379 тысяч штук.

В производстве минометного вооружения заметно поднялся удельный вес 120-мм минометов, а доля маломощных 50-мм минометов снизилась с 57 до 40 процентов.

В марте 1942 г. были введены новые штаты стрелковых дивизий.

Прежнее артиллерийское вооружение осталось в том же количестве, что и по штату № 04/200, за исключением 50-мм и 82-мм минометов, число которых в новом штате доводилось с 76 до 85 (каждого калибра).

По новому штату упразднялась централизация управления минометами в стрелковом полку, указанная штатами еще в декабре 1941 г. Восстанавливалась ротная артиллерия (50-мм минометы) и частично — батальонная артиллерия (82-мм минометы). Возвращались из дивизии в стрелковые полки 120-мм минометы. Это мероприятие явилось признанием недостаточной продуманности изъятия 50-мм и 82-мм минометов из рот и батальонов для выполнения несвойственных им функций полковой артиллерии с их малыми мощностью и дальнобойностью. Для выполнения таких функций, особенно в случае массированного применения этих минометов, нужны были соответствующие средства управления огнем, а их не было, и потому попытки таким способом как-то восполнить пробел в массированном огне артиллерии себя не оправдали.

Разумеется, введение нового штата, как и раньше, еще не означало фактического перевода на него всех стрелковых дивизий. По новому штату формировались только новые дивизии и переводились на него выводившиеся в резерв Ставки Верховного Главнокомандования на доукомплектование. Поэтому в войсках встречались дивизии всех трех действующих штатов (№ 04/750, 04/200 и 04/300), но штатная принадлежность ротных, батальонных и полковых минометов восстанавливалась независимо от того, по какому штату существовала та или иная дивизия.

В сухопутных войсках сохранялось до конца первого периода войны (с 22 июня 1941 г. до 18 ноября 1942 г.) большое количество стрелковых и других общевойсковых бригад. Бригады на всем протяжении летне-осенней кампании 1942 г. оставались наиболее распространенной формой организации стрелковых войск после стрелковых дивизий. Их артиллерия была относительно слабой, и поэтому при очередном изменении штатов бригад были приняты меры к ее усилению. Так, по штату № 04/330, утвержденному в июле 1942 г., минометный дивизион бригады увеличивался на одну батарею (стало двенадцать 120-мм минометов вместо восьми).

Отдельный минометный батальон в бригаде сохранялся, но в измененной организации. В его трех ротах оставались только 82-мм минометы (24 штуки), а 50-мм минометы исключались. Вместе с тем в каждый из четырех стрелковых батальонов бригады вводилась рота 82-мм минометов (6 штук), а в каждую стрелковую роту — взвод 50-мм

минометов (3 штуки).

Таким образом, в стрелковой бригаде по новому штату должно было содержаться 128 орудий и минометов вместо 80. Теперь огневая мощь двух стрелковых бригад приближалась к огневой мощи стрелковой дивизии.

В августе — октябре 1942 г. в РВГК было сформировано 9 минометных полков, из них по 20 минометов в полку — 7 (в том числе три полка 107-мм горно-вьючных минометов для Закавказского фронта) и 2 полка по 36 минометов (из них один 107-мм горно-вьючный для Забайкальского фронта).

В ходе зимней кампании (ноябрь 1942 г. — март 1943 г.) в армию от промышленности поступило:

Таблица 12

Мино-меты	1942 г.		1943 г.			Всего
	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	
50-мм	5782	5195	5149	4154	2239	22 519
82-мм	8485	8058	7305	6487	4160	34 495
107-мм	—	—	—	12	76	88
120-мм	2174	2380	1810	1818	2152	10 334
Всего	**16 441**	**15 633**	**14 264**	**12 471**	**8627**	**67 436**

За тот же период от промышленности поступило мин (тысяч штук): 50-мм — 7469; 82-мм — 19 686; 107-мм — 20; 120-мм — 4210; всего 4210 тысяч штук.

За время кампании армия потеряла 27 тысяч минометов, из них 13,3 тысячи 50-мм минометов.

В период стратегической паузы на фронте, длившейся с конца марта до начала июля 1943 г., промышленность поставила армии свыше 35,3 тысячи орудий и минометов и около 37,9 млн снарядов и мин. Учитывая, что за эти же месяцы было потеряно 5,1 тысячи орудий и минометов, а общая убыль боеприпасов составила 13,2 млн снарядов и мин, количество орудий и минометов в армии увеличилось на 30,2 тысячи, а снарядов и мин — на 24,4 млн. Таким образом, за время с ноября 1942 г. по июнь 1943 г. прирост в артиллерийском вооружении армии составлял 85,1 тысячи орудий и минометов и 41,9 млн снарядов и мин. Кроме того, за первое полугодие 1943 г. в армию поступило около 2,3 млн реактивных снарядов.

Таблица 13. **Поступление от промышленности миномётов и боеприпасов в апреле-июне 1943 г.**

Мино-меты	Минометы				Мины (тысяч шт.)			
	апрель	май	июнь	всего	апрель	май	июнь	всего
50-мм	2534	1791	1500	5825	1151	1500	349	3000
82-мм	3559	3648	3165	10 372	4000	4200	4400	12 600
107-мм	68	72	60	200	—	—	—	—
120-мм	1496	1630	1378	4504	975	1025	1025	3025
Всего	**7657**	**7141**	**6103**	**20 901**	**6126**	**6725**	**5774**	**18 625**

Таблица 14. **Минометное вооружение дивизий и бригад на 1 июня 1943 г.**

Мино-меты	В стрелковых, кавалерийских и истребительных дивизиях и бригадах		В танковых дивизиях, танковых, мотострелковых и механизированных бригадах		Всего в дивизиях и бригадах		Укомплектованность в %
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
82-мм	45 150	36 739	3316	2857	48 466	39 596	82
107-мм	96	348	—	—	96	348	}84
120-мм	11 744	9587	424	373	12 168	9960	
Всего*	**56 990**	**46 674**	**3740**	**3230**	**60 730**	**49 904**	**82**

* Кроме того, в дивизиях и бригадах имелось 26 190 50-мм минометов против 30 480, положенных по штатам.

Таблица 15. **Минометное вооружение сухопутных войск на 1 июня 1943 г.**

Мино-меты	По штатам				Налицо				Укомплектованность в %
	артиллерия дивизий и бригад	корпусная артиллерия	артиллерия РВГК и армейская	всего	артиллерия дивизий и бригад	корпусная артиллерия	артиллерия РВГК и армейская	всего	
82-мм	48 466	—	324	48 790	39 596	—	216	39 812	82
107-мм	96	—	216	312	348	—	211	559	87
120-мм	12 168	1400	7606	21 174	9960	1332	6857	18 149	
Всего	**60 730**	**1400**	**8146**	**70 276**	**49 904**	**1332**	**7284**	**58 520**	**83**

Таблица 16. **Количество минометов в укрепленных районах и отдельных стрелковых, мотострелковых и танковых частях на 1 июня 1943 г.**

Минометы	В укрепленных районах	В отдельных частях	Всего
82-мм	1519	370	1889
107-мм	6	6	12
120-мм	180	24	204
Всего	**1705**	**400**	**2105**

В летне-осеннюю кампанию (июль — декабрь 1943 г.) от промышленности в армию поступило минометов:

Таблица 17

Мино-меты	июль	август	сен-тябрь	ок-тябрь	но-ябрь	де-кабрь	всего	средне-месячное поступле-ние
50-мм	140	—	—	—	—	—	140	23
82-мм	2211	1243	1052	710	757	785	6758	1126
107-мм	8	112	60	60	60	48	348	58
120-мм	1460	1470	1270	904	602	211	5917	986
Всего	**3818**	**2825**	**2382**	**1674**	**1419**	**1044**	**13 163**	**2193**

За этот же период от промышленности поступило мин (тысяч штук): 50-мм — 516; 82-мм — 4558; 107-мм — 7; 120-мм — 1247. Всего 6328 тысяч штук.

Таблица 18. **Минометное вооружение дивизий и бригад на 1 января 1944 г.**

Минометы	В стрелковых и кавалерийских дивизиях и бригадах		В танковых дивизиях, танковых, мотострелковых и механизированных бригадах		Всего		Укомплектованность в %
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
82-мм	45 583	27 560	3090	2266	48 673	29 826	61
107-мм	72	274	—	—	72	274	380
120-мм	12 092	8053	422	360	12 514	8413	67
Всего	**57 747**	**35 887**	**3512**	**2626**	**61 259**	**38 513**	**63**

Кроме того, в войсках имелось около 11 тысяч 50-мм минометов против 30,5 тысячи, положенных по штатам.

Таблица 19. **Минометное вооружение укрепленных районов и отдельных частей на 1 января 1944 г.**

Минометы	В укрепленных районах	В отдельных частях	Всего
82-мм	1633	175	1808
120-мм	156	—	156
Всего	**1789**	**175**	**1964**

Кроме того, в частях имелось 1152 50-мм миномета.

Таблица 20. **Общая численность минометного вооружения сухопутных войск на 1 января 1944 г.**

Мино-меты	По штатам				Налицо				Укомплектованность (в %)
	Артиллерия дивизий и бригад	Корпусная артиллерия	Артиллерия РВГК и армейская	Всего	Артиллерия дивизий и бригад	Корпусная артиллерия	Артиллерия РВГК и армейская	Всего	
82-мм	48 673	—	—	48 673	29 826	—	—	29 826	61
107-мм	72	—	96	168	274	—	171	445	}75
120-мм	12 514	1368	7848	21 730	8413	1088	6515	16 016	
Всего	**61 259**	**1368**	**7944**	**70 571**	**38 513**	**1088**	**6686**	**46 287**	**66**

Кроме того, в войсках имелось налицо 12,2 тысячи 50-мм минометов.

В зимнюю кампанию (январь — май) 1944 г. в армию от промышленности поступило:

Таблица 21

Мино-меты	январь	фев-раль	март	апрель	май	всего	среднеме-сячное пос-тупление
50-мм	41	264	328	150	300	1083	217
107-мм	40	44	48	52	52	236	47
120-мм	677	412	215	180	205	1689	338
160-мм	—	—	5	19	54	78	15
Всего	**758**	**720**	**596**	**401**	**611**	**3086**	**617**

За этот же период от промышленности поступило мин (тысяч штук): 50-мм — 71; 82-мм — 4540; 107-мм — 25; 120-мм — 1687; 160-мм — 1. Всего 6324 тысячи штук.

Потери же за кампанию составили 8,2 тысячи минометов. В марте 1944 г. началось изготовление минометов МТ-13. В связи с поступлением от промышленности новых тяжелых 160-мм минометов в марте началось формирование 6-й и 8-й тяжелых минометных бригад РВГК на базе двух армейских минометных полков. Бригады формировались по новому штату (№ 08/607) в составе четырех дивизионов каждая по 12 минометов в дивизионе (48 минометов в бригаде). На 1 июня 1944 г. бригады находились в Гороховецком учебном артиллерийском лагере в стадии формирования.

Для боевых действий в горной местности (Карпаты) семь армейских

минометных полков и три имевшихся горно-вьючных минометных полка РВГК в мае были переформированы на новый штат (№ 08/608) горно-вьючных минометных полков. В состав каждого полка входили два трехбатарейных дивизиона по двенадцать 107-мм минометов, всего в полку 24 миномета. На 1 июня четыре горновьючных минометных полка находились на 1-м Украинском фронте, два — на 2-м Украинском фронте и четыре — в учебных артиллерийских лагерях.

Таблица 22. **Вооружение минометами дивизий и бригад на 1 июня 1944 г.**

Минометы	В стрелковых и кавалерийских дивизиях, бригадах		В танковых дивизиях, танковых, мотострелковых и механизированных бригадах		Всего		Укомплектованность (в %)
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
82-мм	45 479	26 585	3060	2372	48 539	28 957	60
107-мм	72	242	—	—	72	242	72
120-мм	12 263	8582	424	316	12 687	8898	
Всего	**57 814**	**35 409**	**3484**	**2688**	**61 298**	**38 097**	**62**

Кроме того, в войсках имелось 40,3 тысячи 50-мм минометов против 30,2 тысячи, положенных по штатам.

Таблица 23. **Минометное вооружение соединений и частей корпусной артиллерии на 1 июня 1944 г.**

Минометы	Стрелковые корпуса		Кавалерийские корпуса		Танковые и механизированные корпуса		Всего		Укомплектованность в %
	по штату	налицо	по штату	налицо	по штату	налицо	по штату	налицо	
120-мм	—	—	144	121	1332	1045	1476	1166	79

Таблица 24. **Минометное вооружение соединений и частей армейской артиллерии на 1 июня 1944 г.**

Минометы	по штату	налицо	Укомплектованность в %
107-мм	72	72	100
120-мм	3708	3318	89
Всего	**3780**	**3390**	**90**

Таблица 25. **Минометное вооружение сухопутных войск на 1 июня 1944 г.**

Миноме-ты	Имелось в наличии				Всего	Укомп-лектован-ность (в %)
	артил-лерия дивизий и бригад	корпус-ная ар-тиллерия	армей-ская ар-тиллерия	артил-лерия РВГК		
82-мм	28 957	—	—	—	28 957	60
107-мм	242	—	72	215	529	}77
120-мм	8898	1166	3318	2808	16 190	
160-мм	—	—	—	12	12	13
Всего	**38 097**	**1166**	**3390**	**3035**	**45 688**	**66**

Таблица 26. **Минометное вооружение соединений и частей артиллерии РВГК на 1 июня 1944 г.**

Минометы	по штатам	налицо	Укомплектованность в %
107-мм	276	215	78
120-мм	3492	2808	80
160-мм	96	12	13
Всего	**3864**	**3035**	**79**

В летне-осеннюю кампанию (июнь — декабрь) 1944 г. от промышленности поступило:

Таблица 27

Минометы	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	всего	среднемесячное поступление
82-мм	255	342	283	201	250	250	225	1806	258
107-мм	52	52	52	52	—	77	52	337	48
120-мм	200	200	200	165	240	200	150	1355	194
160-мм	82	73	80	62	96	59	63	515	73
Всего	**589**	**667**	**615**	**480**	**586**	**586**	**490**	**4013**	**573**

За тот же период от промышленности поступило мин (тысяч штук): 50-мм — 2425; 82-мм — 32 235; 107-мм — 317; 120-мм — 12 547; 160-мм — 205. Всего 47 729 тысяч штук.

Таблица 28. **Вооружение артиллерийских дивизий и бригад на 1 июня 1944 г.**

Минометы	В стрелковых, кавалерийских и истребительных дивизиях и бригадах		В танковых дивизиях, танковых, мотострелковых и механизированных бригадах		Всего в дивизиях и бригадах		Укомплектованность, в %
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
82-мм	45 626	27 571	2970	2618	48 596	30 189	62
107-мм	72	273	—	—	72	273	74
120-мм	12 301	8798	420	368	12721	9166	
Всего	**57 999**	**36 642**	**3390**	**2986**	**61 389**	**39 628**	**65**

Таблица 29. **Численность минометного вооружения сухопутных войск на 1 января 1945 г.**

Мино-меты	Имелось в наличии				Всего
	артиллерии дивизий и бригад	корпусной артиллерии	армейской артиллерии	артиллерии РВГК	
82-мм	30 189	—	—	—	30 189
107-мм	273	—	72	244	589
120-мм	9166	1164	3193	3863	17 386
160-мм	—	—	—	483	483
Всего	**39 628**	**1164**	**3265**	**4590**	**48 647**

Таблица 30. **Минометное вооружение соединений и частей артиллерии РВГК на 1 января 1945 г.**

Минометы	по штатам	налицо	Укомплектованность в %
107-мм	276	244	88
120-мм	4320	3863	89
160-мм	504	483	96
Всего	**5100**	**4590**	**90**

В завершающей кампании в Европе (январь — май 1945 г.) в армию от промышленности поступило:

Таблица 31

Мино-метов	Январь	Февраль	Март	Апрель	Всего	Среднеме-сячное пос-тупление
82-мм	250	150	350	251	1001	250
107-мм	52	40	—	—	92	23
120-мм	50	200	240	280	770	193
160-мм	22	15	91	77	205	51
Всего	**374**	**405**	**681**	**608**	**2068**	**517**

Основные штаты, по которым в 1943–1944 гг. содержалась войсковая артиллерия стрелковых и кавалерийских дивизий и бригад, оставались в силе до конца войны. Исключение составляли штаты горнострелковых бригад и дивизий, а также штаты дивизий 9-й гвардейской армии.

По новому штату № 04/77, утвержденному 13 января 1945 г., горнострелковая бригада получала отдельный вьючный артиллерийский дивизион из двенадцати 76-мм горных пушек, отдельный вьючный минометный дивизион из двенадцати 107-мм минометов и в каждый

батальон — по девять 82-мм минометов.

В феврале 1945 г. был изменен штат горнострелковых дивизий. По новому штату № 04/650 дивизии полагалось три горнострелковых полка, артиллерийский полк, отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион и отдельный зенитный артиллерийский дивизион.

Артиллерийский полк состоял из трех артиллерийских дивизионов, по двенадцать 107-мм минометов и четыре 76-мм горные пушки в каждом. Отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион состоял из двух батарей по четыре 45-мм пушки в каждой, зенитный артиллерийский дивизион состоял из шестиорудийной батареи 37-мм пушек и роты крупнокалиберных пулеметов.

В каждом горнострелковом полку имелась батарея из четырех 76-мм горных пушек, а в каждом батальоне — минометная рота — шесть 82-мм минометов.

Всего в дивизии полагалось 82-мм минометов — 36; 107-мм минометов — 36; 45-мм пушек — 8; 76-мм горных пушек — 24; 37-мм зенитных пушек — 6 и крупнокалиберных пулеметов — 6.

Таблица 32. **Состав минометного вооружения сухопутных войск на 1 мая 1945 г.**

Минометы	Имелось в наличии				Всего
	артиллерии дивизий и бригад	корпусной артиллерии	армейской артиллерии	артиллерии РВГК	
82-мм	26 164	—	—	—	26 164
107-мм	276	19	—	255	550
120-мм	8658	1059	2811	3629	16 157
160-мм	—	—	—	448	448
Всего	**35 098**	**1078**	**2811**	**4332**	**43 319**

Кроме того, в войсках находилось 4572 50-мм миномета.

Приложение 5
Реактивные установки в Великой Отечественной войне

По приказу Верховного Главнокомандующего от 8 августа 1941 г. началось формирование первых восьми полков реактивной артиллерии. Это стало важной вехой в ее истории. Новым формированиям присваивалось наименование гвардейских минометных частей резерва Верховного Главнокомандования, чем подчеркивалось исключительное значение, придававшееся реактивному оружию.

На этом основании во время Великой Отечественной войны части и соединения полевой реактивной артиллерии назывались гвардейскими минометными частями и соединениями (отдельными дивизионами, полками, бригадами, дивизиями, или сокращенно ГМЧ, ОГМД, ГМП, ГМБр, ГМД). Одновременно широко использовалось наименование частей и по типу их вооружения, например, части М-8, М-13.

Тем же приказом от 8 августа 1941 г. возлагалась персональная ответственность командующих войсками фронтов и армий за принятие необходимых мер по сохранению секрета нового оружия и по предупреждению захвата его противником.

Согласно штатной организации, каждый гвардейский минометный полк состоял из трех дивизионов М-13 или М-8. В дивизионе было три батареи, а в батарее — четыре боевые установки. Кроме того, в полк входили зенитный дивизион и подразделения обеспечения. Но, в связи с острой нехваткой зенитных средств, многие ракетные части убывали на фронт без них.

Штатная организация реактивной артиллерии на базе полка обеспечивала резкое повышение плотности реактивного огня. Залп полка М-13 состоял из 576 реактивных снарядов, а полка М-8 — из 1296 реактивных снарядов.

Формирование гвардейских минометных частей шло очень быстро. К формированию первых полков полевой реактивной артиллерии был привлечен личный состав 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища им. Красина. Полки формировались в лагере Алабино под Москвой, где к концу июля 1941 г. был создан Штаб формирования частей М-8 и М-13, впоследствии названный Штабом

формирования гвардейских минометных частей. Наличие в Москве производственных предприятий, выпускавших боевые установки и снаряды М-8 и М-13, органов снабжения, через которые шло обеспечение новых частей автотранспортом, приборами и вооружением, позволяло формировать части параллельно, по несколько полков сразу и в исключительно быстром темпе.

Уже 12 августа 1941 г. был сформирован и отправлен на Северо-Западный фронт 1-й дивизион 5-го гвардейского минометного полка в составе двух батарей (8 боевых установок БА-8). 19 августа закончили формирование и отправились на Брянский фронт, в район г. Карачева, командование и 2-й и 3-й дивизионы 1-го гвардейского минометного полка М-13. К 12 сентября, то есть в течение одного месяца, задание Ставки Верховного Главнокомандования по формированию восьми полков было выполнено. До конца сентября был сформирован дополнительно еще один гвардейский минометный полк М-13, а в октябре — пять полков М-13 и М-8. На формирование каждого из пяти полков затрачивалось в среднем 5–10 дней.

Неотложные нужды фронта в огневых средствах в первые месяцы войны, обуславливая крайне сжатые сроки формирований, вынуждали ускорять и сроки вступления в боевые действия новых частей полевой реактивной артиллерии и отправлять дивизионы полков на фронт по мере их готовности, не ожидая окончания формирования полков в целом. Притом нередко получалось так, что дивизионы одного и того же полка отправлялись на разные фронты или даже на разные направления. Так, например, 1-й дивизион 5-го гвардейского минометного полка был отправлен на Северо-Западный фронт, 2-й же дивизион этого полка — на Ленинградский фронт, а 3-й дивизион — на Южный фронт. Дивизионы 7-го полка были отправлены на Юго-Западный фронт и в Крым. Все эти дивизионы действовали на фронтах как отдельные части.

Вместе с тем наблюдалась тенденция и другого рода. Полки, прибывшие на фронт в полном составе, не использовались компактно, а расчленялись подивизионно. Так, например, на Западном фронте дивизионы 12-го и 13-го гвардейских минометных полков действовали на различных участках фронта. Дивизионы полков начали придавать стрелковым дивизиям, являвшимся после расформирования управлений корпусов высшими общевойсковыми тактическими соединениями. Несомненно, что при таком распределении средств полевой реактивной артиллерии усиливалась огневая мощь стрелковых дивизий; последние становились более устойчивыми в обороне. Стремление иметь хотя бы по

одному гвардейскому минометному дивизиону в каждой стрелковой дивизии первых эшелонов армий, действовавших на наиболее ответственных направлениях, особенно ярко проявлялось на Западном фронте, где было сосредоточено больше половины всех дивизионов полевой реактивной артиллерии.

При таком положении дивизионы полевой реактивной артиллерии лишь формально оставались в составе полков. Что же касается командиров полков, то они, находясь при штабе фронта или армии, занимались главным образом вопросами снабжения своих дивизионов боеприпасами и выполняли по отношению к ним инспекторские функции.

Таким образом, при небольшой еще общей численности полевой реактивной артиллерии и в условиях оборонительных боев практически оказалось более выгодным иметь не полки трехдивизионного состава, а отдельные дивизионы с самостоятельными органами управления и снабжения и придавать эти дивизионы стрелковым дивизиям. Хотя совершенно очевидно, что огневая производительность отдельного дивизиона была втрое меньше, чем полка трехдивизионного состава, тем не менее стремление фронтов иметь отдельные дивизионы полевой реактивной артиллерии оправдывалось жизненной необходимостью на фронтах на данном этапе войны. Уже первые залпы полевой реактивной артиллерии показали, что она являлась не только сильным средством материального и морального воздействия на противника, но и средством, способствовавшим поддержанию боевой стойкости своих войск в обороне. Поэтому надобность в таких новых мощных средствах борьбы в стрелковых дивизионах быстро стала очевидной. Таким образом, в данных конкретных условиях хода войны и при ограниченном количестве полевой реактивной артиллерии оказалось более выгодным применять ее рассосредоточенно, то есть более целесообразно комплектовать больше стрелковых дивизий первого эшелона армий дивизионами, чем меньшее количество дивизий — полками полевой реактивной артиллерии.

В ноябре и декабре 1941 г. непосредственно на фронтах 9 из 14 гвардейских минометных полков были переформированы в отдельные гвардейские минометные дивизионы; 5 полков (2, 4, 6, 7-й и 8-й) остались в своем прежнем составе. Наряду с этим формировались и новые отдельные дивизионы полевой реактивной артиллерии.

По постановлению ГКО № 951сс в период с 1 по 15 ноября 1941 г. было сформировано 17 новых отдельных дивизионов (из них 12 было направлено на оборону Москвы) и с 21 ноября по 12 декабря того же года — еще 11 отдельных дивизионов. Кроме того, было начато формирование

отдельных дивизионов М-8 и М-13 трехбатарейного состава, вооруженных боевыми установками, смонтированными на шасси танков Т-40, Т-60 и тракторов СТЗ-5 для боевых действий в лесисто-болотистой местности.

Новые дивизионы формировались в составе не трех батарей (12 боевых установок), как это было раньше, когда они входили в состав полков, а в составе двух батарей (8 боевых установок в каждом). Это мероприятие позволило значительно увеличить количество отдельных частей полевой реактивной артиллерии при одном и том же общем количестве боевых установок и облегчало таким образом удовлетворение потребностей фронтов в дивизионах полевой реактивной артиллерии. Дивизионы же на танках и тракторах формировались из трех батарей, так как естественно было ожидать, что особые трудности передвижения и вообще действий в лесисто-болотистой местности будут вызывать большой процент временного выхода боевых установок из строя.

Отдельные дивизионы имели в своем составе две батареи, по четыре боевые установки в каждой, то есть всего восемь установок. В то же время было начато формирование трехбатарейных отдельных дивизионов, вооруженных боевыми установками БМ-8 и БМ-13 (по 12 на дивизион), смонтированными на шасси танков Т-40, Т-60 и тракторов СТЗ-5, для боевых действий в лесисто-болотистой местности.

Общая численность частей полевой реактивной артиллерии к 1 декабря 1941 г. составляла 7 полков (из них три М-13 и четыре М-8) и 52 отдельных дивизиона. На их вооружении насчитывалось 356 боевых установок БМ-13 и 231 боевая установка БМ-8, всего 587 установок.

К 6 декабря 1941 г. под Москвой в составе Калининского фронта было два дивизиона гвардейских минометных частей; Западного фронта — 34 дивизиона и Юго-Западного фронта — 12 дивизионов, всего около 500 боевых машин.

В ходе наступления под Москвой в наших частях возник «снарядный голод». Это привело к снижению эффективности «гвардейских минометов». К примеру, в 50-й армии на два дня боя было запланировано 0,5 боекомплекта на орудие и по одному дивизионному залпу для полевой реактивной артиллерии. Реактивные снаряды доставлялись на передовую прямо с заводов-изготовителей. В 50-ю армию (в район Тулы) в ночь на 7 декабря 1941 г. на семи транспортных самолетах было доставлено два дивизионных залпа мин для полевой реактивной артиллерии. На следующую ночь автомобильным транспортом туда же прибыло 3,5 дивизионного залпа реактивных мин.

	1.12.1941 г.	1.05.1942 г.	15.10.1942 г.
Боевые установки М-8 и М-13	587	1720	2592
Ракеты М-20	—	—	4560

В ноябре и декабре 1942 г. отдельные дивизионы М-30, а затем и полки М-30 начали сводить в бригады по четыре или по шесть дивизионов в каждой. Всего до конца года было сформировано 17 бригад, которые назывались тяжелыми гвардейскими минометными бригадами М-30.

В начале декабря 1942 г. приступили к формированию тяжелых гвардейских минометных дивизий полевой реактивной артиллерии в составе двух бригад М-30, четырех полков М-13, штаба дивизии и батареи управления. На вооружении дивизии насчитывалось 96 боевых установок БМ-13 и 576 рам М-30. Залп дивизии состоял из 1536 мин М-13 и 2304 мин М-30, всего 3840 мин общим весом 230 т.

В течение декабря были сформированы 1, 2, 3-я и 4-я тяжелые гвардейские минометные дивизии, в состав которых вошли восемь бригад М-30 (из 17) и 16 полков М-13, частью сформированных вновь и частью — из числа бывших на фронтах. Дивизии были отправлены на Северо-Западный (1-я), Донской (2-я и 3-я) и Воронежский (4-я) фронты. В январе 1943 г. были сформированы еще две дивизии (5-я и 6-я) и началось формирование 7-й дивизии (последней), законченное в феврале.

Однако первое же применение дивизий в бою показало, что сочетание в одном соединении таких различных по тактико-техническим характеристикам вооружения частей, как дивизионы М-30 и М-13, не оправдывало себя. Поэтому от подобной организации отказались и перешли на однородное вооружение дивизий.

С февраля 1943 г. началось переформирование гвардейских минометных дивизий реактивной артиллерии на новые штаты. В состав дивизии включались три бригады М-30, каждая из которых имела четыре огневых дивизиона (по 72 рамы в дивизионе). Залп дивизии (864 рамы, 3456 мин М-31) при общем весе около 320 т был в 1,4 раза тяжелее, чем в прежней дивизии.

С весны 1943 г. части М-30 стали применять двухрядный способ укладки снарядов на рамы М-30 (8 снарядов вместо 4), в результате чего появилась возможность вдвое сократить количество рам М-30 в дивизионе (36 вместо 72), но количество снарядов в их залпах оставалось прежним.

По мере формирования артиллерийских корпусов прорыва гвардейские минометные дивизии полевой реактивной артиллерии

включались в состав этих корпусов. На 1 июня 1943 г. в составе 2-го артиллерийского корпуса прорыва находилась 3-я гвардейская минометная дивизия, в 7-м корпусе — 2-я, в 4-м корпусе — 5-я. Остальные четыре дивизии (1-я с одной бригадой, 4-я и 6-я, имевшие по две бригады, и 7-я с тремя бригадами) еще оставались в Москве на переформировании и доукомплектовании. Бригады этих дивизий получали уже только по 36 восьмизарядных рам М-30 на дивизион.

Кроме бригад, входящих в состав гвардейских минометных дивизий, в артиллерии резерва Верховного Главнокомандования (РВГК) имелись и отдельные бригады. На 1 июня 1943 г. в полевой реактивной артиллерии насчитывалось 17 бригад в составе гвардейских минометных дивизий и 8 бригад отдельных. Четырех бригад в составе дивизий еще недоставало. Формирование частей тяжелой полевой реактивной артиллерии продолжалось.

На 1 июня 1943 г. в составе полевой реактивной артиллерии РВГК имелось 7 дивизий и 8 отдельных бригад М-31, 114 полков (из них 20 полков М-8, 94 полка М-13) и 31 отдельный дивизион (в том числе 12 дивизионов М-8 и 19 дивизионов М-13). На вооружении всех этих соединений и частей имелось 2536 боевых установок и 5695 рам М-31 против 2884 боевых установок и 5760 рам, положенных по штату.

За вычетом того, что было выделено в корпусную и армейскую артиллерию и что формировалось для них, непосредственно в артиллерии РВГК оставались те же 7 дивизий, 8 отдельных бригад, 104 отдельных полка (13 полков М-8 и 91 полк М-13) и 21 отдельный дивизион (8 отдельных дивизионов М-8 и 12 отдельных дивизионов М-13), имевших налицо 2325 боевых установок и 5695 рам. По сравнению с данными на конец первого периода войны количество наличного вооружения в частях и соединениях РВГК возросло примерно на 17 % по боевым установкам и на 25 % по рамам. Таким образом, несмотря на то что из средств реактивной артиллерии РВГК за время рассматриваемой кампании (апрель — июнь 1943 г.) выделилось значительное количество частей в корпусную и армейскую артиллерию, ее численность продолжала увеличиваться.

В кавалерийских корпусах к 1 июня 1943 г. по штату состояло 84 пусковые установки М-8 и 48 пусковых установок М-13, а фактически их было 32 и 37. Стрелковые корпуса реактивной артиллерии не имели.

Таблица 33. **Состав полевой реактивной артиллерии РВГК, армейской и корпусной на 1 января 1944 г.**

Виды артиллерии	Количество соединений и частей										Всего в расчетных полках
	Дивизион М-31	бригады дивизий	отдельные бригады М-31	всего бригад	полки М-8	полки М-13	всего полков	отд. дивизионы М-8	отд. дивизионы М-13	Всего отд. дивизионов	
Артиллерия РВГК	7	20	13	33	11	91	102	3	1	4	235
Армейская артиллерия	—	—	—	—	1	5	6	—	—	—	6
Корпусная артиллерия	—	—	—	—	7	—	7	5	29	34	18
Всего	**7**	**30**	**13**	**33**	**19**	**96**	**115**	**8**	**30**	**38**	**259**

К середине 1943 г. численность соединений и частей полевой реактивной артиллерии достигла той величины, при которой в обстановке того времени она удовлетворяла потребности в ней фронтов. Необходимость форсирования ее дальнейшего численного роста отпала. Поэтому за время летне-осенней кампании 1943 г. в количестве частей и соединений этого вида артиллерии существенных изменений не произошло. Остались те же семь дивизий, но количество бригад в них увеличилось с 17 до 20. Количество отдельных бригад М-31 увеличилось с 8 до 13. Число полков М-13 увеличилось на два, а полков М-8 уменьшилось на один. Число отдельных дивизионов М-13, формировавшихся для танковых и механизированных корпусов, возросло с 19 до 30, а отдельных дивизионов М-8 уменьшилось с 12 до 8. Вообще полки и дивизионы М-8, как менее мощные, постепенно перевооружались боевыми установками БМ-13. Основное же внимание во второй половине 1943 г. уделялось обеспечению частями реактивной артиллерии корпусной артиллерии танковых, механизированных, кавалерийских корпусов и развитию соединений тяжелой полевой реактивной артиллерии как более эффективному средству артиллерийского обеспечения прорыва обороны противника в наступательных операциях.

За время с 5 июля по 31 декабря 1943 г. на фронты из учебного лагеря были отправлены две дивизии М-31 (4-я и 7-я), 8 отдельных бригад М-31, 11 полков М-8 и М-13 и 6 полков М-8 (трехбатарейного состава) для кавалерийских корпусов.

К концу кампании почти все части и соединения реактивной

артиллерии, за исключением 1 дивизии, 15 отдельных полков и 5 дивизионов, находившихся в тылу и имевших всего лишь 8–9 % наличного вооружения реактивной артиллерии, были на фронтах. На вооружении всех соединений и частей полевой реактивной артиллерии на 1 января 1944 г. имелось 2,7 тысячи боевых установок БМ-8, БМ-13 и 5,3 тысячи рам М-31 против 2,3 тысячи установок и 5,7 тысячи рам на 1 июня 1943 г.

Таблица 34. **Вооружение реактивной артиллерии РВГК, армейской и корпусной на 1 января 1944 г.**

Наименование вооружения	Артиллерия РВГК		Армейская артиллерия		Корпусная артиллерия		Всего		Укомплектованность (%)
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
Боевые установки БМ-8	396	364	24	23	120	102	540	489	91
БМ-13	2088	1839	120	109	236	219	2444	2167	89
Всего	2484	2203*	144	132	356	321	2984	2656	89
Рамы М-31	4752	5335	—	—	—	—	4752	5335	112
Итого	**7236**	**7538**	**144**	**132**	**356**	**321**	**7736**	**7991**	**103**

* Кроме того, в бронепоездах наземной артиллерии РВГК имелись 8 БМ-8 и 4 БМ-13.

В апреле 1944 г. в войска начали поступать снаряды улучшенной кучности М-13УК и М-31УК.

Таблица 35. **Вооружение соединений и частей корпусной артиллерии на 1.06.1944 г**.

Наименование вооружения	Кавалерийские корпуса		Танковые и механизированные корпуса		Всего		Укомплектованность (%)
	по штату	налицо	по штату	налицо	по штату	налицо	
М-8	84	80	—	—	84	80	95
М-13	—	12	288	285	288	297	103
Всего	**84**	**92**	**288**	**285**	**372**	**377**	**102**

Таблица 36. **Вооружение соединений и частей армейской артиллерии на 1.06.1944 г.**

Наименование вооружения	Артиллерия танковых армий		Всего		Укомплектованность (%)
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
БМ-13	144	125	144	125	87

Таблица 37. **Вооружение соединений и частей артиллерии РВКГ на 1.06.1944 г.**

Наименование вооружения	Количество вооружения		Укомплектованность (%)
	по штатам	налицо	
БМ-8	324	417	129
БМ-13	2144	2117	99
Рамы М-31	4752	5694	120
Всего	**7220**	**8228**	**114**

С июня 1944 г. начали поступать машины БМ-31-12 для ракет М-31 и М-31УК.

С сентября и до конца 1944 г. были сформированы семь бригад БМ-31-12 и шесть переформировано из бригад М-31. Двенадцать таких бригад были включены в состав семибригадных артиллерийских дивизий прорыва. Восемь из них к 1 января 1945 г. уже находились в дивизиях, а четыре были в стадии формирования. Одна бригада (в составе одного дивизиона) оставалась в Московском учебном лагере в качестве базы боевой подготовки формируемых частей.

По штату бригада М-31-12 состояла из трех огневых дивизионов, по 12 боевых установок в каждом, паркового дивизиона и тыловых подразделений.

Начиная с июня 1944 г. боевыми машинами БМ-31-12 перевооружались дивизионы бригад, оснащенные рамными установками М-31, — по одному дивизиону в каждой бригаде. К концу 1944 г. во всех 27 бригадах один дивизион был перевооружен установками БМ-31-12.

Таблица 38. **Вооружение соединений и частей корпусной артиллерии на 1.01.1945 г.**

Наименование вооружения	Кавалерийские корпуса		Танковые и механизированные корпуса		Всего		Укомплектованность (%)
	по штату	налицо	по штату	налицо	по штату	налицо	
БМ-8	84	83	—	—	84	83	99
БМ-13	—	12	296	274	296	286	97
Всего	**84**	**95**	**296**	**274**	**380**	**396**	**97**

Таблица 39. **Вооружение соединений и частей армейской артиллерии на 1.01.1945 г.**

Наименование вооружения	Артиллерия танковых армий		Укомплектованность (%)
	по штатам	налицо	
БМ-13	144	151	105

Таблица 40. **Состав реактивной артиллерии РВГК, армейской и корпусной на 1.01.1945 г**.

Наименование соединений и частей	Количество соединений и частей											
	артиллерия РВГК			армейская артиллерия			корпусная артиллерия			всего		
	дивизии	отд. бригад	полки	дивизии	отд. бригад	полки	дивизии	отд. бригад	полки	дивизии	отд. бригад	полки
Всего:	7	15	101	3	—	6	—	7	37	15	114	40
В том числе:												
реактивные	—	—	101	3	—	6	—	7	37	—	114	40
тяжелые реактивные М-31	—	10	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—
тяжелые реактивные М-31-12	—	5	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—

Таблица 41. **Вооружение соединений и частей артиллерии РВГК на 1.01.1945 г.**

Наименование вооружения	Количество вооружения		Укомплектованность (%)
	по штатам	налицо	
БМ-8	312	352	113
БМ-13	2144	2032	95
БМ-31-12	768	771	101
Рамы М-31	2916	3614	124
Всего	**6140**	**6769**	**110**

Полевая реактивная артиллерия РВГК за время кампании январь — май 1945 г. уменьшилась в своем составе на пять полков, переданных в армейскую артиллерию танковых армий (два полка) и в корпусную артиллерию 9-й гвардейской армии (три полка).

Таблица 42. **Количество и распределение частей и соединений полевой реактивной артиллерии между фронтами и резервом Ставки Верховного Главнокомандования по состоянию на 1 мая 1945 г.**

Фронт	Отдельные дивизионы		Полки		Бригады		Управления дивизией	Всего дивизионов
	М-8	М-13	М-8	М-13	М-31	М-31-12		
Ленинградский	—	1	1	11	2	1	—	48
3-й Белорусский	—	2	1	10	3	—	1	47
2-й Белорусский	—	5	1	8	4	1	1	49
1-й Белорусский	—	5	2	20	8	3	2	112
1-й Украинский	—	10	2	11	4	4	1	75
4-й Украинский	2	1	—	6	1	1	—	26
2-й Украинский	—	6	2	11	2	1	1	56
3-й Украинский	—	2	1	11	1	1	—	44
Всего на фронтах	2	32	10	88	25	12	6	457
В резерве Ставки Верховного Главнокомандования в Москве и во внутренних округах	—	6	7	7	2	1*	1	53
На Центральном опытном полигоне	—	—	—	1	—	—	—	3
На Дальнем Востоке	—	—	2	—	—	—	—	6
Итого	**2**	**38**	**19****	**96**	**27*****	**13**	**7**	**519******

* Бригада имела только один огневой дивизион.

** Из них 7 полков сокращенного состава (по 3 батареи); при подсчете общего количества дивизионов каждый из этих полков принят за 1,5 дивизиона двухбатарейного состава.

*** Каждая из 27 бригад М-31 имела по 1–2 дивизиона М-31-12.

**** В числе 519 дивизионов находились: 48 дивизионов М-8, 326 дивизионов М-13 и 145 дивизионов М-31 и М-31-12.

В ходе кампании в соединениях реактивной артиллерии продолжалась замена рам М-31 на боевые установки БМ-31-12. Было перевооружено 20 дивизионов, в результате чего число дивизионов БМ-31-12 в бригадах дивизий и отдельных бригадах увеличилось до 84.

В некоторых полках М-13, вооруженных боевыми установками БМ-8, последние были заменены штатными боевыми установками БМ-13.

К концу войны с Германией 457 из 519 дивизионов, или 88 % всей полевой реактивной артиллерии, находилось в действующей армии и 62 дивизиона, или 12 %, — в тылу страны и на Дальнем Востоке. При этом основная группировка гвардейских минометных частей и соединений была создана на берлинском направлении, где в полосах действий трех фронтов (1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского) находилось 44 полка М-8 и М-13, или 45 % всех полков, и 24 бригады М-31 и М-31-12, то есть 63 % всех бригад, бывших в действующей армии. При этом только на одном 1-м Белорусском фронте действовали 23 % всех полков и около 30 % всех бригад полевой реактивной артиллерии, находившихся на фронтах.

Таблица 43. **Поставки и расход снарядов реактивной артиллерии (тысяч шт.)**

Снаряды	М-8	М-13	М-20	М-30	М-31
Имелось к началу войны	84,5	58,0	—	—	—
Поступило от промышленности за войну	5148,2	6449,5	579,4	944,5	1025,5
Израсходовано: в 1941 г.	231,2	133,4	—	—	—
в 1942 г.	780,4	1035,9	91,4	162,2	—
в 1943 г.	674,5	1409,1	311,0	142,0	209,6
в 1944 г.	771,3	1505,6	49,2	23,3	363,7
в январе — апреле 1945 г.	400,5	875,2	22,2	1,9	281,2
Итого израсходовано за всю войну	**2857,9**	**4959,2**	**473,8**	**329,4**	**854,5**

Приложение 6
Прохоровское сражение (10–17 июля 1943 г.)

Таблица 44. **Общее соотношение на 10 июля**

	Красная Армия	Вермахт	Соотно-шение
Состав войско-вых групп	Воронежский фронт, г. Ватутин	Группа армий «Юг», г.-ф. фон Манштейн	
	5-я гв. армия, 5-я гв. танковая армия	2-й танковый кор-пус СС	
Личный состав, человек	130 000	72 960	1,8:1
Танки и САУ	654 боеготовых	272 боеготовых	2,4:1
		Pz-VIE Tiger — 15	
		Pz-IVG, H — 95	
	58 в ремонте	Pz-III — 93	
		Pz-II Luchs — 4	
		САУ — 57	
		139 в ремонте	

Таблица 45. **Встречное танковое сражение 12 июля. 2 км юго-западнее Прохоровки**

	Красная Армия (5 гвТА)	Вермахт (2 тк СС)
	Генерал-лейтенант Ротмистров П.А.	SS Obergruppenfuhrer P. Hausser
Состав вой-сковых групп	Из состава 5-я гвТА	Из состава 2-й тк СС
	18-й тк; 42-й гв. сд	Дивизия СС «Totenkopf»
	29-й тк; 9-й гв. вдд	Дивизия «Leibstandarte»
	2-й Тацинский гв. тк; 183-й сд	«Adolf Hitler»
		Дивизия СС «Das Reich»

	Красная Армия (5 гвТА)	Вермахт (2 тк СС)
	Генерал-лейтенант Ротмистров П.А.	**SS Obergruppenfuhrer P. Hausser**
Бронетехника, шт.	18-й танковый корпус:	Дивизия СС «Totenkopf»
	МК-4 «Черчилль» — 18	Pz-VIE Tiger — 10
	Т-34/76 — 68	Pz-IVG, H — 30
	Т-70 — 58	Pz-III — 54
		САУ StuG III, Marder — 20
	Итого: 144	Итого: 114
	29-й танковый корпус	«Leibstandarte»
	Т-34/76 — 122	Pz-VIE Tiger — 4
	Т-70 — 70	Pz-IVG, H — 47
	СУ-122 — 24	Pz-III — 5
	СУ-76 — 16	Pz-IIL Luchs — 4
		САУ StuG III —10
	Итого: 232	Итого: 70
	2-й Тацинский гв. танковый корпус	«Das Reich»
	МК-4 «Черчилль» — 3	Pz-VIE Tiger — 1
	Т-34/76 — 84	Т-34/76 — 8
	Т-70 — 52	Pz-IVG, H — 18
		Pz-III — 34
		САУ StuG III, Marder — 27
	Итого: 139	Итого: 88
	Всего:	
	МК-4 «Черчилль» — 21	Pz-VIE Tiger — 15
	Т-34 — 274	Pz-IVG, H — 95
	Т-70 — 180	Т-34/76 — 8
		Pz-III — 93
		Pz-IIL Luchs — 4
	Танки — 475	Танки — 215
	САУ — 40	САУ — 57

Приложение 7
Поставки и потери артиллерии и боеприпасов в Великой Отечественной войне

Таблица 46. **Подача артиллерийских орудий фронтам с 22 июня 1941 г. по 5 мая 1945 г.**

Название артсистемы	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого
45-мм ПТП	378	6002	9631	5479	1379	22 869
57-мм ПТП	—	—	875	679	712	2266
76-мм горная пушка	148	174	—	48	24	394
76-мм полковая пушка	2028	2661	1837	2184	1057	9767
76-мм дивизионная пушка	560	3818	7435	10 833	3812	26 452
100-мм пушка БС-3	—	—	—	274	72	346
107-мм пушка	28	40	—	27	—	95
122-мм гаубица	532	1070	1339	1740	95	4776
122-мм пушка	75	194	52	101	5	427
152-гаубица	30	281	—	56	21	388
152-мм гаубица-пушка	416	905	308	197	19	1845
152-мм пушка	45	94	—	—	—	139
203-мм гаубица	18	38	—	12	3	36
25-мм зенитный автомат	—	6	36	654	10	706
37-мм зенитный автомат	305	786	1177	2332	656	5962
76-мм зенитная пушка	211	30	—	—	—	241
85-мм зенитная пушка	53	69	601	654	86	1463

Таблица 47. **Подача артиллерийских орудий новым формированиям в 1941–1944 гг.**

Название артсистемы	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	Итого
45-мм ПТП	4062	13 506	8973	4384	30 925
57-мм ПТП	370	—	899	1623	2892
76-мм горная пушка	188	37	—	—	225
76-мм полковая пушка	2104	3916	1811	2559	10 390
76-мм дивизионная пушка	3162	12 751	5807	4791	26 511
100-мм пушка БС-3	—	—	—	79	79
107-мм пушка	—	57	—	—	57
122-мм гаубица	2207	3558	2280	2255	10 500
122-мм пушка	205	265	393	113	976
152-гаубица	496	—	—	284	780
152-мм гаубица-пушка	4060	997	8827	348	2578
203-мм гаубица	—	79	—	—	79
25-мм зенитный автомат	—	—	1096	1105	2201
37-мм зенитный автомат	1326	2691	4115	2062	10 194
85-мм зенитная пушка	2423	2574	3011	1450	9458

Таблица 48. **Поставки артсистем промышленностью с 22 июня 1941 г. по 5 мая 1945 г.**

Название артсистемы	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого
45-мм ПТП обр. 1937 г.	1982	19 946	17 233	208	—	39 369
45-мм ПТП обр. 1942 г.	—	173	4151	4620	2064	11 002
57-мм ПТП ЗИС-2	371	—	1855	2525	5065	9816
76-мм полковая пушка обр. 1927 г.	3918	7420	266	—	—	13 604
76-мм полковая пушка обр. 1943 г.	—	—	668	3194	1916	5578
76-мм пушка УСВ	2266	6059	—	—	—	8325
76-мм пушка ЗИС-3	350	10 112	13 024	16 129	7740	48 255
107-мм пушка М-60	79	—	—	—	—	79
100-мм пушка БС-3	—	—	—	341	1142	1483
122-мм гаубица М-30	1856	4505	3770	3484	2630	16 246
122-мм пушка А-19	252	335	464	160	245	1456
152-мм гаубица М-10	271	—	—	—	—	271
152-мм гаубица Д-1	—	—	80	258	715	1053
152-мм гаубица-пушка МЛ-20	845	1716	1095	275	325	4256
203-мм гаубица Б-4	105	3	—	—	—	108

Таблица 49. **Потери артсистем с 22 июня 1941 г. по 5 мая 1945 г.**

Название артсистемы	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого
45-мм ПТП	12 015	11 339	5181	7710	3479	39 724
57-мм ПТП	66	151	266	1009	749	2239
76-мм горная пушка	715	382	8	19	39	1163
76-мм полковая пушка	5150	2594	1637	2546	1221	13 148
76-мм дивизионная пушка	6463	7131	3311	7735	4508	29 148
100-мм пушка БС-3	—	—	—	31	30	61
107-мм пушка	228	?	?	?	?	?
122-мм гаубица	899	27	16	3	5	950
152-гаубица	2583	212	6	39	21	2861
152-мм гаубица-пушка	2058	354	42	70	61	2585
203-мм гаубица	75	42	1	—	—	118
280-мм мортира	9	—	—	—	—	9
25-мм зенитный автомат	104	40	140	329	39	652
37-мм зенитный автомат	1204	584	410	461	263	2922
76-мм зенитная пушка	1316	416	16	4	10	1762
85-мм зенитная пушка	1471	506	103	215	54	2354

Таблица 50. **Потери артсистем с 22 июня 1941 г. по 5 мая 1945 г.**

Миномет	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого
50-мм	37 956	37 277	13 216	5247	630	94 326
82-мм	18 534	34 772	10 246	11 934	4494	79 980
107-мм	718	31	6	153	52	960
120-мм	3253	10 082	3067	4318	1811	22 531
160-мм	—	—	—	—	25	25

Таблица 51. **Поставки промышленностью танкового вооружения с 22 июня 1941 г. по 5 мая 1945 г.**

Название вооружения	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого
7,62-мм танковый пулемет	19 144	57 357	36 738	50 525	30 690	198 454
12,7-мм танковый пулемет	499	—	—	850	5400	6699
20-мм танковая пушка	4935	4969	200	5	—	10 109
45-мм танковая пушка	974	5090	3040	—	—	9104
57-мм танковая пушка ЗИС-4	42	—	170	—	—	212
76-мм танковая пушка Ф-32	421	—	—	—	—	421
76-мм танковая пушка Ф-34	1988	14 197	17 049	3592	—	36 826
76-мм танковая пушка ЗИС-5	544	2476	949	—	—	3669
76-мм пушка ЗИС-5 для СУ	—	145	2220	7570	515	10 450

Название вооружения	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого
85-мм пушка Д-5 для танка Т-85	—	—	280	240	—	520
85-мм танковая пушка С-53	—	—	—	11 526	14 265	25 791
85-мм пушка для СУ-85	—	—	826	1875	—	2701
100-мм пушка для СУ	—	—	—	552	2406	2958
122-мм пушка М-30 для СУ	—	55	638	—	—	693
122-мм пушка А-19 для СУ	—	—	—	998	857	1855
122-мм танковая пушка Д-25	—	—	45	2390	3136	5571
122-мм пушка Д-25С для СУ	—	—	—	265	430	695
152-мм пушка-гаубица МЛ-20 для ИСУ-152	—	—	821	1305	1407	3533
Всего	**8904**	**26 932**	**25 938**	**30 318**	**23 016**	**115 108**

Таблица 52. **Наличие боеприпасов на 1 января каждого года в армии (тысяч шт.)**

Название боеприпасов для орудий:	На 22.06.1941	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	К концу войны
76-мм зенитных пушек	5030	4845	3176	3789	2683	3419
85-мм зенитных и танковых пушек	500	1646	2460	4070	5737	9860
45-мм противотанковых пушек	25 560	20 578	20 420	22 632	19 095	24 097
57-мм противотанковых пушек	—	402	?	?	1669	3880
76-мм полковых пушек	4900	1601	2932	3691	3722	4365
76-мм дивизионных пушек	8500	5893	7381	8901	11 428	10 548
76-мм горных пушек	2203	1875	?	?	?	654
100-мм пушек БС-3	—	—	—	—	133	420
107-мм пушек	1226	1170	?	541	415	699
122-мм пушек	990	972	424	374	690	758
122-мм гаубиц	6500	5077	2163	1591	2440	2603
152-мм гаубиц	2642	2321	1534	501	353	1338
152-мм гаубиц-пушек	2110	1623	973	847	1071	1190
152-мм пушек Бр-2	3,5	?	?	?	?	19,7
203-мм гаубиц	395	496	339	167	185	129
210-мм пушек	—	—	—	—	4,2	3,27
280-мм мортир	7	7,5	?	6,2	10,5	7,7
305-мм гаубиц	8,5	8,5	?	8,36	7,8	5,0
25-мм зенитных автоматов	—	110	?	2009	4558	4505
37-мм зенитных автоматов	573	2303	7059	10 579	10 738	15 087

Таблица 53. **Расход боеприпасов в 1941–1945 гг. (тысяч шт.)**

Расход боеприпасов для орудий:	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого
45-мм противотанковых пушек	9378,4	6140	13 400	11 778	5659,7	46 356,3
57-мм противотанковых пушек	31,7	50,5	88,1	369,5	481,7	1020,9
76-мм полковых пушек	4102,1	7429,8	8582,8	6947,4	3554,1	30 616,2
76-мм дивизионных пушек	3227,2	9024	22 373,1	24 825,3	14 301,9	73 751,5
76-мм горных пушек	439,1	654	282	166,4	125,5	1667,0
100-мм пушек БС-3	—	—	—	5,9	126,0	131,9
107-мм пушек	247,9	122	149	99,5	—	718,4
122-мм пушек	357,9	734,9	776,4	831,2	622,2	3322,6
122-мм гаубиц	3176,3	4806,2	5783,6	7610,1	4041,8	25 418,0
152-мм гаубиц	718	903,9	1836,6	996,1	669,8	5123,9
152-мм гаубиц-пушек	648,6	1508,8	1789,7	2516,8	1364,2	7828,1
152-мм пушек Бр-2	9,6	5,4	8,1	9,9	6,4	39,4
203-мм гаубиц	22,4	87,4	216,6	167,8	167,6	661,8
210-мм пушек	—	—	—	—	0,93	0,93
280-мм мортир	—	—	1,0	4,7	8,45	14,15
305-мм гаубиц	—	—	0,5	2,8	3,3	
25-мм зенитных автоматов	144,6	669,9	597,3	707,6	121,4	2331,8
37-мм зенитных автоматов	1951,9	4514,9	6469,9	7164,4	4547,5	24 648,6
76-мм зенитных пушек	1078,7	1566,2	874,0	342,3	20,0	38 881,2
85-мм зенитных и танковых пушек	662,1	1569,2	2445,6	2234,7	1359,0	8270,6
160-мм минометов	—	—	—	12,2	188,0	200,2

Таблица 54. **Производство боеприпасов в 1941–1945 гг. (тысяч шт.)**

Производство боеприпасов для орудий:	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого
45-мм противотанковых пушек	7020	16 683	14 471	10 653	3564	52 391
57-мм противотанковых пушек	435	54	690	2882	1058	5119
76-мм полковых пушек	1522	9604	9489	8852	4794	32 261
76-мм дивизионных пушек	1929	16 125	25 482	29 183	10 232	82 951
76-мм горных пушек	319	186	—	—	—	505
100-мм пушек БС-3	—	—	—	267	320	587
107-мм пушек	374	167	—	—	—	541
122-мм пушек	557	440	746	1435	661	3789
122-мм гаубиц	2622	3025	5655	8317	3761	23 380
152-мм гаубиц	925	1032	1144	1223	467	4791
152-мм гаубиц-пушек	696	975	2113	2870	1079	7733
152-мм пушек Бр-2	43,2	13,3	—	—	—	56,5
203-мм гаубиц	166,4	10,4	39,8	176,8	77,0	470,4
210-мм пушек	—	—	—	4,2	—	4,2
280-мм мортир	0,5	—	—	9,1	5,65	15,25
25-мм зенитных автоматов	260	1312	1960	3445	1210	8187
37-мм зенитных автоматов	4388	11 124	11 139	11 765	4269	42 685
76-мм зенитных пушек	1715	972	646	480	65	3879
85-мм зенитных и танковых пушек	1983	4523	3625	6763	2497	19 391
160-мм минометов	—	—	—	209	322	531

Приложение 8
Вооружение артиллерийских частей в ходе Великой Отечественной войны

Таблица 55. **Вооружение артиллерии дивизий и бригад на 1 июня 1943 г.**

Наименование вооружения	В стрелковых, кавалерийских и истребительных дивизиях и бригадах		В танковых дивизиях, танковых, мотострелковых и механизированных бригадах		Всего в дивизиях и бригадах		Укомплектованность, в %
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
Пушки							
45-мм	24 034	15 811	930	907	24 964	16 718	67
47-мм	—	36	—	—	—	36	
76-мм полковые	6328	5960	34	57	6362	6017	94
76-мм дивизионные и горные	11 982	9663	11 608	1100	13 590	10 763	79
107-мм	—	10	—	—	—	10	
Гаубицы							
122-мм	5556	4473	24	24	5580	4497	81
152-мм	—	8	—	—	—	8	
Всего	47 900	35 961	2596	2088	50 496	38 049	75
Зенитные пушки							
20-мм	—	—	—	20	—	20	93
25-мм	—	65	—	46	—	111	
37-мм	270	182	316	233	586	415	
76-мм	—	20	40	48	40	68	170
Всего	270	267	356	347	626	614	98

Таблица 56. **Количество вооружения в укрепленных районах и отдельных стрелковых, мотострелковых и танковых частях на 1 июня**

1943 г.

Наименование вооружения	В укрепрайонах	В отдельных частях	Всего
Пушки			
45-мм	1317	181	1498*
76-мм полковые	681	36	717
76-мм дивизионные и горные	1096	34	1130**
107-мм	73	—	73
122-мм	26	—	26***
152-мм гаубицы-пушки	7	—	7
Гаубицы			
122-мм	74	—	74
152-мм	91	—	91
203-мм	4	—	4
305-мм	12	—	12
Всего пушек и гаубиц	3381	251	3632
Зенитные пушки			
25-мм	5	—	5
37-мм	92	28	120
76-мм	73	—	73
Всего зенитных пушек	170	28	198

* В том числе 16 37-мм и 112 40-мм пушек.

** В том числе 88 84-мм пушек.

*** В том числе 11 120-мм и 7 130-мм пушек.

Таблица 57. **Вооружение корпусных артиллерийских частей на 1 июня 1943 г.**

Наименование вооружения	Стрелковые корпуса		Кавалерийские корпуса		Танковые и механизированные корпуса		Всего вооружения		Укомплектованность, в %
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Минометы 120-мм	194	163	162	162	1044	1007	1400	1332	95
Пушки									
45-мм					620	481	620	481	78
76-мм дивизионные	284	207	180	177	24	52	488	436	89
85-мм зенитные (в ПТО)	—	—	—	—	180	120	180	120	67
122-мм	64	46	—	—	—	—	64	46	72
Гаубицы									
122-мм	192	151	—	—	—	—	192	151	92
152-мм	—	25	—	—	—	—	—	25	
Всего	540	429	180	177	824	653	1544	1259	82
Самоходные установки									
СУ-76	—	—	30	9	36	35	66	44	67
СУ-122	—	—	91	12	96	79	188	91	48
Всего	—	—	122	21	132	114	254	135	53*
Боевые машины									
БМ-8	—	—	84	70	32	32	116	102	88

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
БМ-13	—	—			48	37	48	37	77
Всего	—	—	84	70	80	69	164	139	85
Зенитные пушки									
25-мм	—	—	—	6	—	16	—	22	93
37-мм	—	—	112	92	336	303	448	395	
Всего	—	—	112	98	336	319	448	417	93
Итого орудий, минометов и установок	734	592	660	528	2416	2162	3810	3282	80

* Значительная часть самоходных артполков только начинала формироваться и еще не получила вооружения.

Таблица 58. **Вооружение РВГК и армейской артиллерии на 1 июня 1943 г.**

Наименование вооружения	Артиллерия РВГК			Армейская артиллерия			Всего		Укомплектованность, в %
	по штатам	налицо	Укомплектованность, в %	по штатам	налицо	Укомплектованность, в %	по штатам	налицо	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Пушки									
45-мм	1160	825	82	20	20	100	1180	845	84
57-мм	40	154		—	24	—	40	178	
76-мм полевой артиллерии	380	387	102	—	—	—	380	387	102
76-мм дивизионной и горной артиллерии	3768	3174	84	960	774	81	4728	3948	83
107-мм	210	277	132	36	37	100	246	314	128
122-мм	441	430	98	280	277	99	721	707	98
152-мм	34	34	100	—	—	—	34	34	100
152-мм гаубицы-пушки	1682	1624	96	1194	1136	95	2876	2760	96

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Гаубицы									
122-мм	2284	1937	85	—	8	—	2284	1945	858
152-мм	956	902	94	—	—	—	956	902	94
203-мм	660	653	99	—	—	—	660	653	99
305-мм	30	29	97	—	—	—	30	29	97
280-мм мор-тиры	48	48	100	—	—	—	48	48	100
Всего	11 693	10 474	90	2490	2276	91	14 183	12 750	90
Самоходные установки									
СУ-76	273	132	48	—	—	—	273	132	48
СУ-122	248	141	57	—	—	—	248	141	57
СУ-152	180	36	20	—	—	—	180	36	20
Всего	701	309	44	—	—	—	701	309	44
Боевые установки									
М-8	408	3386	95	—	—	—	408	3386	95
М-13	2240	19 339	87	72	72	100	2312	2011	87
М-31 рамы	5760	5695	99	—	—	—	5760	5695	99
Всего	8408	8020	95	72	72	100	8480	8092	95
Зенитные пушки									
20-мм	28	33	98	—	27	76	28	60	86
25-мм	—	7		—	121		—	128	
37-мм	2070	2011		2112	1445		4182	3456	
76-мм	795	755	95	—	—	—	795	755	90
85-мм	1089	936	86	—	—	—	1089	936	
Всего	3982	3742	94	2112	1593	76	6094	5335	88
Итого	31 174	28 382	91	6430	5388	84	37 604	33 770	90

Таблица 59. **Вооружение артиллерии дивизий и бригад на 1 января 1944 г.**

Наименование вооружения	В стрелковых, кавалерийских и истребительных дивизиях и бригадах		В танковых дивизиях, танковых, мотострелковых и механизированных бригадах		Всего в дивизиях и бригадах		Укомплектованность, в %
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
Пушки							
45-мм	24 930	14 310	900	650	25 830	14 960	59
57-мм	—	119	—	70	—	189	
76-мм полковые	6568	4987	—	—	6568	4987	76
76-мм дивизионные и горные	11 700	9289	1520	969	13 220	10 258	78
107-мм	—	24	—	—	—	24	
Гаубицы							
122-мм	5972	4908	—	—	5972	4908	82
152-мм	—	8	—	—	—	8	
Всего пушек и гаубиц	49 170	33 645	2420	1689	51 590	35 334	68
Самоходные установки							
СУ-76	—	—	—	104	—	104	
СУ-122	—	—	—	34	—	34	
СУ-52	—	—	—	3	—	3	
Всего	—	—	—	141	—	141	
Зенитные пушки							
25-мм	—	51	—	19	—	70	250
37-мм	188	183	86	157	274	340	
76-мм	16	12	24	—	40	12	30
Всего	204	246	110	176	314	422	134

Таблица 60. **Вооружение укрепленных районов и отдельных частей на 1 января 1944 г.**

Наименование вооружения	В укреп-районах	В отдельных частях	Всего
Пушки			
45-мм	1306	34	1340
57-мм	—	44	44
76-мм полковые	820	41	861
76-мм дивизионные и горные	1350	12	1362
107-мм	50	—	50
122-мм	8	—	8
152-мм гаубицы-пушки	7	—	7
Гаубицы			
122-мм	75	—	75
152-мм	99	—	99
305-мм	4	—	4
Всего	3719	131	3850
Самоходные установки			
СУ-76	—	8	8
СУ-85	—	12	12
СУ-122	—	12	12
СУ-152	—	30	30
Всего		62	62
Зенитные пушки			
37-мм	6	2	8
76-мм	2	—	2
Всего	8	2	10

Таблица 61. **Вооружение артиллерийских дивизий и бригад на 1 июня 1944 г.**

Наименование вооружения	В стрелковых, кавалерийских и истребительных дивизиях и бригадах		В танковых дивизиях, танковых, мотострелковых и механизированных бригадах		Всего в дивизиях и бригадах		Укомплектованность, в %
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
1	2	3	4	5	6	7	8
Пушки							
45-мм	19 492	13 350	904	530	20 396	13 880	69
57-мм	—	45	—	183	—	228	
76-мм полковые	6560	4949	—	—	6560	4949	75
76-мм дивизионные и горные	17 640	11 349	1496	983	19 136	12 332	65
85-мм зенитные (В ПТО)	—	—	—	7	—	7	—
107-мм		4	—	—	—	4	—
122-мм	10	10	—	—	10	10	100
152-мм гаубицы-пушки	8	8	—	—	8	8	100
Гаубицы							
122-мм	6092	5448	—	—	6092	5448	90
152-мм	—	17	—	—	—	17	
Всего	49 802	35 180	2400	1703	52 202	36 883	71
Самоходные установки							
СУ-76	244	244	—	75	244	319	131
СУ-85	—	—	—	2	—	2	—
СУ-122	—	—	—	11	—	11	—
Всего	244	244	—	88	244	332	136

1	2	3	4	5	6	7	8
Зенитные пушки							
25-мм	—	77	—	13	—	90	—
37-мм	272	207	16	150	288	357	124
76-мм	—	—	24	31	24	31	129
Всего	272	284	40	194	312	478	153

Таблица 62. **Вооружение соединений и частей корпусной артиллерии на 1 июня 1944 г.**

Наименование вооружения	Стрелковые корпуса		Кавалерийские корпуса		Танковые и механизированные корпуса		Всего вооружения		Укомплектованность, в %
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Минометы 120-мм	—	—	144	121	1332	1045	1476	1166	79
Пушки									
45-мм	—	—	—	—	100	16	100	16	60
57-мм	—	—	—	—	80	92	80	92	
76-мм дивизионные и горные	176	105	160	148	232	172	568	425	75
85-мм зенитные (ПТО)	—	—	—	—	228	145	228	145	63
100-мм	100	—	—	—	—	—	100	—	99
122-мм	396	387	—	—	—	—	396	387	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
152-мм гаубицы-пушки	12	54	—	—	—	—	12	54	99
Гаубицы									
122-мм	96	78	—	—	12	12	108	90	
152-мм	112	192	—	—	—	—	112	192	
Всего	892	816	160	148	652	437	1704	1401	82
Боевые установки									
М-8	—	—	84	80	—	—	84	80	95
М-13	—	—	—	12	288	285	288	297	13
Всего	—	—	84	92	288	285	372	377	101
Самоходные установки									
СУ-76	126	126	147	152	525	365	798	643	81
СУ-85	—	—	—	—	609	389	609	389	64
СУ-122	—	—	—	—	—	13	—	13	—
СУ-152	—	—	—	—	63	51	63	51	81
Всего	126	126	147	152	1197	818	1470	1096	75
Зенитные пушки									
37-мм	—	—	112	109	544	478	656	587	90
76-мм	—	—	4	4	—	—	4	4	100
Всего	—	—	116	113	544	478	660	591	90
Итого	1018	942	651	626	4013	3063	5682	4631	82

Таблица 63. **Вооружение соединений и частей армейской артиллерии на 1 июня 1944 г.**

Наименование вооружения	Количество вооружения								Укомплектованность, в %
	Артиллерия общевойсковых армий		Артиллерия танковых армий		Артиллерия воздушных армий		Всего вооружения		
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
Пушки									
45-мм	—	12	—	—	—	—	—	12	85
57-мм	—	48	—	48	—	—	—	96	
76-мм полковые	—	26	—	—	—	—	—	26	
76-мм дивизионные и горные	2856	2325	48	—	—	—	2904	2325	
107-мм	—	18	—	—	—	—	—	18	94
122-мм	264	308	—	—	—	—	264	308	
152-мм гаубицы-пушки	1896	1714	—	—	—	—	1896	1714	
Всего	5016	4451	48	48	—	—	5064	4499	89
Самоходные установки									
СУ-85	—	—	63	28	—	—	63	28	44
ИСУ-152	—	—	42	40	—	—	42	40	95
Всего	—	—	105	68	—	—	105	68	65
Боевые установки									
БМ-13	—	—	144	125	—	—	144	125	87
Зенитные пушки									
20-мм	—	15	—	—	—	—	—	15	99
25-мм	—	48	—	—	—	7	—	55	
37-мм	1728	1641	32	32	468	455	2228	2128	
Всего	1728	1704	32	32	468	462	2228	2198	99

Таблица 64. **Вооружение соединений и частей артиллерии РВГК на 2 июня 1944 г.**

Наименование вооружения	Количество вооружения		Укомплекто-ванность, в %
	По штатам	Налицо	
Пушки			
45-мм	42	40	95
57-мм	1554	995	64
76-мм полковые	36	12	33
76-мм дивизионные и горные	3752	3188	85
85-мм зенитные (в ПТО)	12	8	67
107-мм	222	253	102
122-мм	240	362	
152-мм гаубицы-пушки	1612	1506	
152-мм	28	28	100
210-мм	8	8	100
Гаубицы			
122-мм	2704	2482	92
152-мм	872	816	94
203-мм	672	665	99
305-мм	30	30	100
280-мм мортиры	48	48	100
Всего	11 832	10 441	88
Самоходные установки			
СУ-76	1465	1281	87
СУ-85	273	208	76
СУ-122	63	16	25
ИСУ-122	168	158	94
СУ-152	126	79	63
ИСУ-152	336	315	94
Всего	2431	2057	85

Наименование вооружения	Количество вооружения		Укомплектованность, в %
	По штатам	Налицо	
Боевые установки			
БМ-8	324	417	129
БМ-13	2144	2117	99
Рамы М-31	4752	5694	120
Всего	7220	8228	114
Зенитные пушки			
20-мм	—	22	81
25-мм	4	131	
37-мм	4492	3494	
76-мм	—	594	98
85-мм	2140	1496	
Всего	6636	5737	86

Таблица 65. **Вооружение артиллерийских дивизий и бригад на 1 января 1945 г.**

Наименование вооружения	В стрелковых, кавалерийских и истребительных дивизиях и бригадах		В танковых дивизиях, танковых, мотострелковых и механизированных бригадах		Всего в дивизиях и бригадах		Укомплектованность, в %
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
1	2	3	4	5	6	7	8
Пушки и гаубицы							
37-мм пушки (авиадесант)	234	53	—	—	234	53	23
45-мм пушки	19 322	13 588	888	384	20 210	13 922	71
57-мм пушки	162	163	—	435	162	598	

1	2	3	4	5	6	7	8
76-мм полковые пушки	6698	5939	—	—	6698	5939	89
76-мм дивизионные и горные пушки	17 088	13 435	1448	1186	18 536	14 621	79
107-мм пушки	—	22	—	—	—	22	—
122-мм пушки	10	22	—	—	10	22	—
152-мм гаубицы-пушки	8	8	—	—	8	8	100
122-мм гаубицы	6368	5828	—	—	6368	5828	92
Всего	49 890	39 008	2336	2005	52 226	41 013	78
Самоходные установки							
СУ-57	—	—	—	8	—	8	101
СУ-76	753	709	—	45	753	754	
СУ-85	—	—	—	1	—	1	
ИСУ-122	—	—	42	63	42	63	150
ИСУ-152	—	—	21	22	21	22	100
Всего	753	709	63	139	816	848	104
Зенитные пушки							
25-мм	—	49	—	49	—	98	155
37-мм	344	328	8	121	352	449	
76-мм	—	—	24	28	24	28	117
Всего	344	377	32	198	376	575	153

Таблица 66. **Вооружение соединений и частей корпусной артиллерии на 1 января 1945 г.**

Наименование вооружения	Стрелковые корпуса		Кавалерийские корпуса		Танковые и механизированные корпуса		Всего вооружения		Укомплектованность, в %
	по штатам	на лицо	по штатам	на лицо	по штатам	на лицо	по штатам	на лицо	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Минометы 120-мм	—	—	144	126	1332	1038	1476	1164	79
Пушки									
45-мм	—	—	—	—	20	—	20	—	35
57-мм	—	—	—	—	100	42	100	42	
76-мм дивизионные и горные	144	107	192	151	668	598	1004	856	85
85-мм зенитные (ПТО)	—	—	—	—	24	10	24	10	42
100-мм	80	—	—	—	—	—	80	—	87
107-мм	—	10	—	—	—	—	—	10	
122-мм	368	326	—	—	—	—	368	326	
152-мм гаубицы-пушки	—	53	—	—	—	—	—	53	
Гаубицы									
122-мм	72	64	—	—	—	—	72	64	89
152-мм	80	144*	—	—	—	—	80	144	180
Всего	744	704	192	151	812	650	1748	1505	87
Боевые установки									
БМ-8	—	—	84	83	—	—	84	83	99
БМ-13	—	—	—	12	296	274	296	286	97
Всего	—	—	84	95	296	274	380	369	97

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Самоходные установки									
СУ-57	—	—	—	—	—	32	—	32	82
СУ-76	63	62	147	106	693	537	903	705	
СУ-85	—	—	—	—	819	568	819	568	69
СУ-100	—	—	—	—	21	21	21	21	100
ИСУ-122	—	—	—	—	210	159	210	159	76
ИСУ-152	—	—	—	—	105	84	105	84	80
Всего	63	62	147	106	1848	1401	2058	1569	76
Зенитные пушки									
37-мм	—	—	112	105	576	532	688	637	93
76-мм	—	—	4	4	—	—	4	4	100
Всего	—	—	116	109	576	532	692	641	93
Итого	807	766	683	587	4864	3895	6354	5248	83

Таблица 67. **Вооружение соединений и частей армейской артиллерии на 1 января 1945 г.**

Наименование вооружения	Количество вооружения								Укомплектованность, в %
	Артиллерия общевойсковых армий		Артиллерия танковых армий		Артиллерия воздушных армий		Всего вооружения		
	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	по штатам	налицо	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Минометы									
107-мм	72	72	—	—	—	—	72	72	100
120-мм	3420	3193	—	—	—	—	3420	3193	93
Всего	3492	3265	—	—	—	—	3492	3265	93

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Пушки и гаубицы									
57-мм пушки	—	—	—	24	—	—	—	24	92
76-мм дивизионные пушки	2112	1917	312	283	—	—	2424	2200	
100-мм пушки	—	—	120	98	—	—	120	98	82
122-мм пушки	354	349	—	—	—	—	354	349	99
152-мм гаубицы-пушки	1752	1748	—	—	—	—	1752	1748	100
152-мм гаубицы	—	2	—	—	—	—	—	2	—
Всего	4218	4016	432	405	—	—	4650	4421	95
Самоходные установки									
ИСУ-122	—	—	21	—	—	—	21	—	0
ИСУ-152	—	—	21	19	—	—	21	19	90
Всего	—	—	42	19	—	—	42	19	45
Боевые установки									
БМ-13	—	—	144	151	—	—	144	151	105
Зенитные пушки									
25-мм	—	53	—	—	—	16	—	69	99
37-мм	1712	1647	332	32	708	678	2452	2357	
Всего	1712	1700	32	32	708	694	2452	2426	99
Итого	9422	8981	650	607	708	694	10 780	10 282	95

Таблица 68. **Вооружение соединений и частей артиллерии РВГК на 1 января 1945 г.**

Наименование вооружения	Количество вооружения		Укомплектованность, в %
	по штатам	налицо	
Пушки			
45-мм	24	35	86
57-мм	1312	1110	
76-мм полковые	36	12	96
76-мм дивизионные	4080	3945	
85-мм зенитные (в ПТО)	12		0
100-мм	192	87	94
107-мм	148	170	
122-мм	276	306	
152-мм гаубицы-пушки	1688	1608	
152-мм	28	28	100
210-мм	8	8	100
Гаубицы			
122-мм	3708	3492	94
152-мм	1064	1025	96
203-мм	768	766	100
350-мм	30	29	97
Мортиры			
211-мм	8	8	100
280-мм	48	48	100
Всего	13 430	12 677	94
Самоходные установки			
СУ-57	—	113	93
СУ-767	1938	1685	
СУ-85	420	308	63
СУ-100	340	—	
ИСУ-122	252	328	

Наименование вооружения	Количество вооружения		Укомплектованность, в %
	по штатам	налицо	
ИСУ-152	483	476	99
Всего	3433	2910	85
Боевые установки			
БМ-8	312	352	113
БМ-13	2144	2032	95
БМ-31-12	768	771	101
Рамы М-31	2916	3614	124
Всего	6140	6769	110
Зенитные пушки			
25-мм	—	143	102
37-мм	4498	4427	
76-мм	—	296	99
85-мм	2140	1824	
Всего	6638	6990	100

Приложение 9
Морская и береговая артиллерия

Таблица 69. **Наличие артиллерийских систем в ВМФ СССР к началу Великой Отечественной войны**

Артсистема	Коли-чество	В т.ч. во флотах и флотилиях
356/52-мм ж/д ТМ-1-14	6	БФ — 3; ТОФ — 3
305/52-мм ж/д ТМ-3-12	3	БФ — 3
305/52-мм МК-3-12	12 (36)	БФ — 8 (24); ЧФ — 4 (12)
305/52-мм МБ-3-12	2 (6)	ТОФ — 2 (6)
305/52-мм МБ-2-12	8 (16)	БФ — 4 (8); ЧФ — 4 (8)
305/52-мм открытая береговая	4	БФ — 4
305/40-мм ж/д ТМ-2-12	6	ТОФ — 6
305-мм гаубица обр. 1915 г.	4	ТОФ — 4
254/45-мм береговая установка	7	БФ — 7
203/50-мм ж/д ТМ-8	2	ТОФ — 2
203/50-мм МБ-2-8	6 (12)	БФ — 6 (12)
203/50-мм береговая	24	ЧФ — 22; ТОФ — 2
180/59-мм пушки КР «Красный Кавказ»	4	ЧФ — 4
180/67-мм МК-3-180	12 (36)	БФ — 6 (18); ЧФ — 6 (18)
180/57-мм МБ-2-180	16 (32)	БФ — 6; ТОФ — 2; СФ — 8
180/57-мм МО-1-180	50	БФ — 8; ЧФ — 14; ТОФ — 28
180/57-мм ж/д ТМ-1-180	16	БФ — 12; ЧФ — 4
152/45-мм Кане	196	БФ — 82; ЧФ — 37; ТОФ — 70; СФ — 7
152/50-мм амурских МН	4	АКФ — 4
130/55-мм	101	БФ — 21; ЧФ — 64; ТОФ — 7; СФ — 6; АКФ — 12

Артсистема	Коли-чество	В т.ч. во флотах и флотилиях
120/50-мм Виккерса/ОСЗ	123	БФ — 62; ЧФ — 21; ТОФ — 6; СФ — 4; ПВФ — 6; АКФ — 24
120/45-мм Майдзура	15	ТОФ — 15
120/45-мм Кане	20	БФ — 16; ТОФ — 4
102/60-мм ОСЗ	160	БФ — 52; ЧФ — 24; ТОФ — 40; СФ — 23
102/45-мм МБ-2-4-45	6 (10)	ПВФ — 2 (2); ДуВФ — 3 (6); АКФ — 1 (2); БФ — 3; ЧФ — 4
102/45-мм Б-2	7	БФ — 3; ЧФ — 4
100/51-мм Б-24-ПЛ	73	БФ — 28; ЧФ — 11; ТОФ — 20; СФ — 14
100-мм Б-24-БМ и Б-34	249 (из них Б-34 — 47)	БФ — 73; ЧФ — 72; ТОФ — 53; СФ — 27; КВФ — 7; АКФ — 17
76/55-мм 34К	297	БФ — 101; ЧФ — 64; ТОФ — 69; СФ — 28; ПВФ — 4; КВФ — 15; АКФ — 12
76/55-мм 81К	6 (12)	БФ — 4; ЧФ — 2
76/40-мм ТУС-ККЗ	15	АКФ — 15
75/50-мм Кане	91	БФ — 9; ЧФ — 25; ТОФ — 38; СФ — 15; КВФ — 4
45/46-мм 21К	1954	БФ — 494; ЧФ — 411; ТОФ — 538; СФ — 239; ПВФ — 25; КВФ — 170; АКФ — 80
45/46-мм 41К	19 (38)	ЧФ — 11; ПВФ — 2; АКФ — 6
45/46-мм 40К	16	ЧФ — 9; ПВФ — 5; АКФ — 2
37-мм автомат 70К	127	БФ — 96; ЧФ — 18; ПВФ — 5; АКФ — 8

Кроме того, на Черноморском флоте состояли на вооружении 100/47-мм спаренные установки «Минизини» и одна опытная 76/50-мм установка Ф-35 на подводной лодке «Щ-315». На вооружение Ф-35 так и не поступила.

Таблица 70. **Орудия армейских образцов в составе ВМФ**

Артсистема	Число	В т.ч. во флотах и флотилиях
Пушки и гаубицы		
45-мм противотанковая пушка	214	БФ — 68; ЧФ — 32; ТОФ — 86; СФ — 16; АКФ — 12
45-мм танковая пушка	76	БФ — 23; ТОФ — 41; СФ — 12
76-мм горная пушка обр. 1909 г. и короткая обр. 1913 г.	61	ТОФ — 45; АКФ — 16
76-мм полковая пушка обр. 1927 г.	120	БФ — 76; ЧФ — 26; ТОФ — 18
76-мм танковая пушка Л-10	14	БФ — 14
76-мм пушка УСВ	24	ЧФ — 10; ПВФ — 14
76-мм пушка Лендера 14/15	299	БФ — 72; ЧФ — 71; ТОФ — 76; СФ — 42; ПВФ — 6; КВФ — 14; АКФ — 18
76-мм зенитная обр. 1915/28 г.	84	ЧФ — 84
37-мм автомат 61К	44	БФ — 18; ЧФ — 16; ПВФ — 10
76-мм пушка 3К	862	БФ — 324; ЧФ — 160; ТОФ — 278; СФ — 72
85-мм пушка обр. 1939 г.	66	БФ — 25; ЧФ — 20; ТОФ — 17; СФ — 4
76-мм пушка обр. 1902/30 г.	105	БФ — 15; ЧФ — 20; ТОФ — 38; АКФ — 32
76-мм танковая пушка обр. 1927/32 г.	94	БФ — 8; ЧФ — 4; ПВФ — 2; АКФ — 2
107-мм пушка обр. 1910/30 г.	4	ТОФ — 4
122-мм гаубица обр. 1910/32 г.	30	БФ — 13; ЧФ — 13; ПВФ — 4
122-мм пушка А-19	21	БФ — 13; ЧФ — 4; СФ — 4
152-мм гаубица-пушка МЛ-20	47	БФ — 7; ЧФ — 20; ТОФ — 20
Итого:	**1193**	
Минометы		
50-мм	514	БФ — 167; ЧФ — 35; ТОФ — 297; СФ — 35

Артсистема	Число	В т.ч. во флотах и флотилиях
82-мм	121	БФ — 13; ЧФ — 10; ТОФ — 98
107-мм	45	БФ — 8; ЧФ — 8; ТОФ — 29
120-мм	48	БФ — 6; ТОФ — 42
Итого:	**728**	

АКФ	Амурская Краснознаменная флотилия
БФ	Балтийский флот
ПВФ	Пинская военная флотилия
СФ	Северный флот
ТОФ	Тихоокеанский флот
ЧФ	Черноморский флот
ДуВФ	Дунайская военная флотилия
КВФ	Каспийская военная флотилия

Таблица 71. **Поступление орудий от промышленности в ВМФ с 22 июня 1941 г. по 1 мая 1945 г.**

Тип орудия	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Всего
130-мм Б-13	64	—	33	35	30	162
100-мм Б-24	—	—	—	5	—	5
85-мм 90К	—	4	56	50	18	128
76-мм 39К	5	—	—	—	—	5
76-мм 34К	1	—	—	—	—	1
76-мм танковая Ф-34 для бронекатеров	—	—	105	90	—	195
45-мм 21КМ	—	—	—	486	120	606
45-мм 21К	71	388	345	—	—	804
37-мм В-11	—	—	—	15	41	56
37-мм 70К	—	362	495	664	120	1641
25-мм 84КМ	—	—	—	260	70	330
20-мм ШВАК	—	—	40	—	—	40

Таблица 72. **Поступления орудий от ГАУ в ВМФ с 22 июня 1941 г. по 5 мая 1945 г.**

Тип орудия	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Всего
152-мм гаубица-пушка МЛ-20	—	56	12	6	46	120
122-мм А-19	—	12	100	—	52	164
85-мм обр. 1939 г.	24	104	124	300	124	676
76-мм зенитная обр. 1931 г.	—	24	—	—	—	24
76-мм дивизионная	4	24	28	—	24	80
76-мм полковая обр. 1927 г.	—	172	36	—	—	208
76-мм горная обр. 1937 г.	—	—	12	—	—	12
57-мм противотанковая	—	—	12	—	—	12
45-мм противотанковая	—	190	60	—	—	250
37-мм 61К	—	71	168	36	214	489
25-мм 72К	—	24	164	112	—	300
20-мм ШВАК	—	20	—	—	—	20
90-мм зенитная американская	—	—	—	8	—	8
40-мм зенитная американская	—	—	24	664	2	690

Частные сведения о потерях ВМФ в 1941 г.

Потеряно 130-мм пушек Б-13 — 125; 102/60-мм пушек — 50; 100-мм пушек Б-24 — 76; 45-мм пушек 21К — 507.

Таблица 73. **Динамика изменения количества орудий в ВМФ с 1 января 1942 г. по 1 января 1943 г.**

Тип орудий	Состояло на 1.01.1942	Подано за 1942 г.	Расход и потери	Состояло на 1.01.1943
305/52-мм трехорудийные башенные установки МК-3-12	13	—	—	13
305/52-мм двухорудийные башенные установки МБ-2-12	6	—	4	2
305/52-мм открытые береговые установки	5	—	—	5
203/50-мм двухорудийные башенные установки МБ-2-8	6	—	—	6
203-мм открытые установки	11	—	7	4
180/57-мм установки М-1-180	35	—	1	34
152/57-мм железнодорожные	4	3	3	4
152/45-мм Кане	139	—	16	123
130/55-мм	81	—	17	64
130/50-мм Б-13	421	—	47	374
120/50-мм Виккерса	111	—	6	105
130/50-мм железнодорожные	38	—	—	38
102/60-мм	119	—	11	108
100-мм Б-34	37	—	1	36
100-мм Б-24БМ	200	—	13	187
100-мм Б-24	75	—	10	65
100/47-мм двухорудийные установки «Минизини»	20	—	2	18
76/55-мм 34К	297	—	30	267
45-мм 21К	2259	282	310	2231
37-мм 70К	118	317	20	415
12,7-мм ДШК на тумбе	856	544	75	1325
12,7-мм ДШК на турели	210	17	7	220

Таблица 74. **Наличие боеприпасов для орудий ВМФ к началу ВОВ**

Орудие	Тип снаряда	На кораблях и складах флотов	В центральных складах	Всего по ВМФ
305/52-мм	Фугасные	8173	1497	9670
	Бронебойные	3813	295	4108
	Дальнобойные	1017	423	1440
	Шрапнель	411	—	411
305/40-мм	Фугасные	836	—	836
	Бронебойные	787	—	787
	Дальнобойные	240	464	704
	Шрапнель	120	48	168
305/20-мм гаубицы обр. 1915 г.	Фугасные	1788	—	1788
254/45-мм пушки	Фугасные	721	—	721
	Бронебойные	1457	—	1457
203/50-мм	Фугасные	8923	—	8923
	Бронебойные	1475	—	1457
	Шрапнель	1212	—	1212
180/57-мм с мелкой нарезкой	Бронебойные	6625	—	6625
	Фугасные	17 191	196	17 387
180/57-мм пушки с нарезкой НИИ-13	Бронебойные	7479	2528	10 007
	Фугасные	7082	48	7130
152/50-мм пушки («Амур»)	Фугасные	1603	—	1603
152/45-мм	Фугасные	57 316	8600	65 916
	Шрапнель	8598	626	9224
	Осветительные	298	48	346

Орудие	Тип снаряда	На кораблях и складах флотов	В центральных складах	Всего по ВМФ
130/55-мм	Фугасные	42 157	2248	44 405
	Шрапнель	9361	—	9361
	Ныряющие	5023	304	5327
	Осветительные	1851	196	2947
130/50-мм Б-13* с мелкой нарезкой	Фугасные	4799	—	4799
	Ныряющие	143	—	143
130/50-мм Б-13* с нарезкой АНИ-МИ	Фугасные	13 046	—	13 046
130/50-мм Б-13* с нарезкой НИИ-13	Фугасные	77 970	4500	82 470
120/50-мм Виккерса	Фугасные	34 077	7000	41 077
	Осколочно-фугасные	10 396	2177	12 573
	Шрапнель	6750	—	6750
	Ныряющие	1989	3388	5377
	Осветительные	671	—	671
120/45-мм Кане	Фугасные	3678	107	3785
	Шрапнель	1218	650	1868
120/45-мм Майдзура	Фугасные	4657	—	4657
	Шрапнель	544	—	544
100/47-мм «Минизини»	Дистанционные гранаты	5413	—	5413

* К 22 июня 1941 г. на вооружении ВМФ СССР состояли 130-мм орудия Б-13 с тремя типами нарезок канала. Их снаряды не были взаимозаменяемы.

Таблица 75. **Боезапас морской артиллерии, поступивший в ВМФ от промышленности с 22 июня 1941 г. по 1 мая 1945 г. (в комплектах выстрелов)**

Артиллерийская система	С 29.06.1941	1942 г.	1943 г.	1944 г.	До 1.05.1945	Всего
406/50-мм	—	23	88	—	—	111
356/52-мм	—	113	30	180	180	503
305/52-мм и 305/40-мм	1020	1674	2005	745	742	6186
180/57-мм	24 472	26 840	35 790	37 563	3966	129 631
152/57-мм	6790	9142	4914	24 380	5965	51 190
152/45-мм	6110	7395	17 150	6880	—	37 535
130/55-мм	3660	19 650	13 085	21 610	4800	62 805
130/50-мм	117 000	196 100	258 250	167 170	31 815	770 335
120/50-мм	18 040	1634	4002	3800	3850	31 326
102/60-мм	17 900	27 210	24 490	—	32 890	102 490
100/56-мм	81 380	130 660	99 400	96 340	18 320	426 100
100/47-мм	—	23 800	1013	—	—	24 813
45/46-мм	511 840	673 380	1 401 750	2 171 900	577 500	5 336 370

Таблица 76. **Динамика артиллерийского вооружения на Черноморском флоте с 22 июня 1941 г. по 22 июня 1943 г.**

Артсистема	Состояло на 22.06.41	Прибыло			Потери				Наличие на 22.06.43
		с 22.06.41 по 1.01.42	за 1942 г.	с 1.03.43 по 22.06.1943	за 1941 г.	за 1942 г.	за 1943 г.	прочие убытия за 2 года*	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
305/52-мм	20	—	—	—	—	8	—	—	12
203/50-мм	22	—	—	—	15	3	—	—	4
180/59-мм	4	—	—	—	—	—	—	—	4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
180/57-мм МК-3-180	18	—	—	—	—	—	—	—	18
180/57-мм МО-1-180	15	—	—	—	10	1	—	—	4
180/57-мм ж/д ТМ-1-180	4	—	—	—	—	—	—	—	4
152/45-мм береговые	37	—	—	—	15	14	—	—	8
152-мм гаубицы-пушки МЛ-20	12	—	44	8	—	23	—	—	41
130/55-мм палубные	66	—	—	—	10	25	3	—	28
130/50-мм Б-13	123	—	—	—	37	44	—	—	42
130/50-мм башенные Б-2-ЛМ	6	—	—	—	—	—	—	—	6
122-мм пушки А-19	4	—	8	39	1	11	—	—	39
122-мм гаубицы	13	—	—	—	12	1	—	—	—
120/50-мм палубные	21	—	—	—	4	1	—	—	16
107-мм пушки обр. 1910/30 г.	4	—	—	—	—	3	—	—	1
102/60-мм палубные	25	—	—	—	4	9	—	—	12
102/45-мм пушки Б-2	7	—	—	—	4	—	—	—	3
102/45-мм башенные МБ-2-4	8	—	—	—	6	—	—	—	2
100/56-мм палубн. зен. Б-34	12	—	—	—	—	—	—	—	12
100/56-мм Б-24-БМ	38	11	—	—	19	5	—	14	11
100/51-мм палубные Б-24-БМ	33	—	—	—	9	8	3	—	13

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
100/47-мм зенитн. «Минизини»	20	—	—	—	—	2	—	—	18
85-мм зенитн. обр. 1939 г.	20	53	48	32	9	31	—	—	113
85/52-мм зенитн. 90К	—	1	—	—	—	—	—	—	1
76/55-мм башенные 39К	2	—	—	—	—	—	—	—	2
76/55-мм щитовые 81К	4	—	—	—	4	—	—	—	—
76/55-мм зенитн. 34К	88	—	—	2	12	32	—	—	46
76/51-мм палубн. Ф-35	1	—	—	—	1	—	—	—	—
76/50-мм зенитн. обр. 1915/28 г.	85	—	—	—	30	37	—	—	18
76/55-мм зенитн. обр. 1931/38 г.	165	—	—	1	28	70	—	—	68
76/50-мм обр. 1914/15 г.	75	—	—	4	13	21	—	13	32
76-мм обр. 1902/30 г.	20	4	—	—	12	?	?	?	?
76-мм полковые обр. 1927/32 г.	26	—	56	24	10	39	—	17	40
76-мм башенные Л-10	4	8	—	—	12	—	—	—	—
76-мм дивизион. обр. 1939 г.	10	—	4	—	7	5	—	—	2
75/50-мм Кане	26	—	—	—	13	9	—	—	4
45/46-мм полуавтоматы 21К	474	154	113	61	129	211	34	13	415
45-мм противотанковые	32	—	70	20	14	63	—	8	37
37-мм автоматы 70К	18	29	40	69	—	10	4	1	141

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
37-мм автоматы 61К	18	—	10	12	—	22	—	—	18
37/67-мм автоматы 66К	1	—	—	—	—	1	—	—	—
20-мм автоматы «Эрликон»	—	—	16	40	—	2	2	—	52
76/40-мм англ.	—	—	13	—	—	—	—	—	13
25/70-мм автоматы 84К	—	1	—	—	—	—	—	—	1
25/72-мм автоматы обр. 1940 г.	—	—	3*	—	—	—	—	—	2*
12,7-мм пулеметы ДШКМ-2Б	—	—	—	6	—	—	—	—	6
12,7-мм пулеметы ДШК на тумбе	156	—	165	159	28	37	35	—	380
12,7-мм пулеметы ДШК на турелях	63	—	15	15	9	4	5	—	75
12,7-мм пулеметы на универс. станке	39	—	20	54	25	1	—	17	70
12,7-мм счетверен. пулеметы Виккерса	—	—	22	3	—	—	1	—	24
12,7-мм спарен. пулеметы «Браунинг»	—	—	42	—	—	8	—	1	33

* Так в документе.

Примечания:

1. По артиллерийским установкам всех калибров данные сказаны в стволах.

2. В графе «Прочие убытия за 2 года» сказано вооружение, переданное армии с частями морской пехоты и по другим причинам, а также имущество, убывшее с Черноморского флота со школами.

Приложение 10
Трофейные орудия в вермахте к 1 марта 1944 г

Таблица 77

Германское обозначение артсистем	На Восточном фронте	Всего
Бельгийские пушки:		
7,5 cm F.K. 234(b)	—	38
7,5 cm F.K. 235(b)	6	152
7,5 cm F.K. 236(b)	8	195
7,5 cm F.K. 260(b)	—	40
12 cm K. 370(b)	—	24
15,5 cm K. 342(b)	—	8
Британские орудия:		
7,62 cm F.K. 261(e)	—	9
8,38 cm F.K. 271(e)	—	22
8,76 cm F.K. 281(e)	7	50
8,76 cm F.K. 282(e)	—	4
9,4 cm F.K. 302(e)	—	2
11,4 cm K. 365(e)	—	6
15,2 cm F.H. 412(e)	2	21
Французские орудия:		
7,5 cm F.K. 231(f)	Свыше 300	683
7,5 cm F.K. 237(f)	—	4
7,5 cm F.K. 238(f)	—	8
7,5 cm Geb.K. 238(f)	—	18
10,5 cm le.F.H. 324(f)	—	50
10,5 cm le.F.H. 325(f)	—	62
10,5 cm K. 331(f)	16	608

Германское обозначение артсистем	На Восточном фронте	Всего
10,5 cm K. 332(f)	—	120
14,5 cm K. 405(f)	—	64
15,5 cm F.H. 414(f)	275	782
15,5 cm F.H. 415(f)	12	12
15,5 cm K. 416(f)	140	340
15,5 cm K. 418(f)	15	221
15,5 cm K. 419(f)	—	22
15,5 cm K. 420(f)	—	71
15,5 cm K. 425(f)	—	65
19,4 cm K. 485(f)	13	15
19,4 cm K. 485/585(f)	—	6
22 cm Mrs. 531(f)	145	163
22 cm K. 532(f)	—	52
28 cm Mrs. 601(f)	72	72
24 cm K.(E)557(f) ж/д установка	—	2
27,4 cm K.(E)592(f) ж/д установка	—	3
32 cm K.(E)651(f) ж/д установка	—	9
Греческие орудия:	—	
8,5 cm K.H.287(g)	—	1
10,5 cm K.340(g)	—	3
Голландские орудия:	—	
7,5 cm F.K.243(h)	4	169
10,5 cm K.335(h)	19	31
Итальянские орудия:	—	
6,5 cm Geb.K.216(i)	—	55
7,5 cm F.K.237(i)	—	212
7,5 cm F.K.244(i)	—	262

Германское обозначение артсистем	На Восточном фронте	Всего
7,5 cm F.K.245(i)	—	1
7,5 cm F.K.248(i)	—	48
7,5 cm F.K.254/255(i)	—	51
7,5 cm Geb.K.259(i)	—	36
10 cm le.F.H.315(i)	—	133
10,5 cm K.105/29(i)	—	2
10,5 cm K.320(i)	—	28
10,5 cm K.336(i)	—	3
10,5 cm K.338(i)	—	104
12 cm K.120/40(i)	—	3
13,5 cm K.135/40(i)	—	8
14,9 cm F.H.400(i)	—	63
14,9 cm F.H.401(i)	—	46
14,9 cm F.H.404(i)	—	121
14,9 cm K.149/35(i)	—	3
14,9 cm K.408(i)	—	3
15,2 cm K.411(i)	—	4
15,2 cm K.(E) 412(i) ж/д установка	—	25
Югославские орудия	—	
7,5 cm F.K.239(j)	—	23
7,5 cm F.K.249(j)	24	84
7,5 cm F.K.284(j)	—	21
7,65 cm F.K.300(j)	—	60
7,65 cm F.K.304(j)	—	3
10,5 cm le.F.H.316(j)	—	66
10 cm F.K.317(j)	—	34
10,5 cm K.338(j)	—	38

Германское обозначение артсистем	На Восточном фронте	Всего
10,5 cm K.339(j)	—	10
15 cm K.403(j)	—	12
22 cm Mrs.538(j)	—	5
Норвежские орудия:		
7,5 cm F.K.246(n)	—	77
7,5 cm Geb.K.247(n)	—	8
10,5 cm K.337(n)	—	13
12 cm le.F.H.376(n)	—	8
Польские орудия:		
7,5 cm F.K.97(p)	—	26
7,5 cm F.K.02/26(p) (русская пушка обр. 1902 г., модернизированная в 1926 г.)	71	96
10 cm le.F.H.14/19(p)	47	47
10,5 cm K.29(p)	—	24
22 cm Mrs.32(p)	—	7
Советские орудия:		
7,62 cm I.K.H.290(r) (полковая пушка обр. 1927 г.)*	2	225
7,62 cm F.K.295/1(r) (76-мм обр. 1902/30 г.)	50	110
7,62 cm Pak. 36(r) (Ф-22)	—	1
7,62 cm F.K.39(r) (УСВ)	24	359
7,62 cm Geb.K.307(r) (Е-2)	5	21
10,7 cm K.352(r) (107-мм обр. 1910/30 г.)	17	17
12,2 cm le.F.H.388(r) (122-мм обр. 1910/30 г.)	20	23
12,2 cm K.390/2(r) (А-19)	11	200
12,2 cm K.396(r) (М-30)	48	281

Германское обозначение артсистем	На Восточном фронте	Всего
15,2 cm K.H.433/1(r) (МЛ-20)	21	217
15,2 cm F.H.443(r) (М-10)	3	3
20,3 cm Hbz.503/1(r) (Б-4)	8	8
Чешские орудия:		
7,65 cm F.K.5/8, 17 и 18(t)	—	81
7,65 cm F.K.30(t)	17	126
10 cm le.F.H.14/19(t)	9	254
10 cm le.F.H.30(t)	—	19
10 cm K.35(t)	32	72
14,9 cm F.H.14/16(t)	—	16
15 cm F.H.15(t)	—	7
15 cm F.H.25(t)	—	68
15 cm F.H.37(t)	37	40
15 cm K.15/16(t)	—	8
21 cm Kz.Mrs(t)	—	15
30,5 cm Mrs(t)	6	6
Итого:	**1488**	**8337**

* В скобках приведены советские названия артсистем.

Список сокращений

АБТУ	Автобронетанковое управление
АДД	артиллерия дальнего действия
адп	артиллерийская дивизия прорыва
акп	артиллерийский корпус прорыва
апабр	армейская пушечная артиллерийская бригада
апд	артиллерийский танковый дивизион
АРВГК	Артиллерия резерва Верховного Главнокомандования
АРГК	Артиллерия резерва Главнокомандования
АРГК	Артиллерия резерва Главного Командования
ВВФ	Волжская военная флотилия
вдан	воздухоплавательный дивизион аэростатов наблюдения
ВН	вертикальное наведение
ВНОС	пост воздушного наблюдения, оповещения и связи
ВОХИМУ	Военно-химическое управление
габр	гаубичная артиллерийская бригада
ГАБТУ	Главное автобронетанковое управление
ГАП	Главный артиллерийский полигон
гап	гаубичный артиллерийский полк
ГАУ	Главное артиллерийское управление
ГКО	Государственный Комитет Обороны
гмбр	гвардейская минометная бригада
гмд	гвардейский минометный дивизион

гмп	гвардейский минометный полк
ГМЧ	гвардейские минометные части
ГН	горизонтальное наведение
ДА	дивизионная артиллерия
ЗапОВО	Западный особый военный округ
зенад	зенитный артиллерийский дивизион
ЗСУ	зенитная самоходная установка
иакп	истребительный авиакорректировочный полк
иптап	истребительно-противотанковый артиллерийский полк
иптабр	истребительно-противотанковая артиллерийская бригада
кд	кавалерийская дивизия
кк	кавалерийский корпус
КМГ	конно-механическая группа
КО	Комитет обороны
КОВО	Киевский особый военный округ
лабр	легкая артиллерийская бригада
лап	легкий артиллерийский полк
ЛВО	Ленинградский военный округ
МЗА	малокалиберная зенитная артиллерия
мбр	механизированная бригада
МЗ	Металлический завод
минбр	минометная бригада
минп	минометный полк
мк	механизированный корпус
НИАП	Научно-исследовательский артиллерийский полигон
НИБТП	Научно-исследовательский бронетанковый полигон
НИМАП	Научно-исследовательский морской артиллерийский полигон
НКБ	Наркомат боеприпасов
НКО	Наркомат обороны
НОВ	нестойкое отравляющее вещество

НП	наблюдательный пост
ОАД	отдельный артиллерийский дивизион
ОАД ОМ	отдельный артиллерийский дивизион особой мощности
огмд	отдельный гвардейский минометный дивизион
окрап	отдельный корректировочно-разведывательный авиационный полк
окраэ	отдельная корректировочно-разведывательная авиационная эскадрилья
орад	отдельный разведывательный артиллерийский дивизион
ОСЗ	Обуховский сталелитейный завод
ПА	полковая артиллерия
пабр	пушечная артиллерийская бригада
ПСО	последовательное сосредоточение огня
ПТО	противотанковая оборона
ПТП	противотанковая пушка
РВГК	Резерв Верховного Главного Командования
РГК	Резерв Главного Командования
РККА	Рабоче-крестьянская Красная Армия
РС	реактивный снаряд
СЗА	среднекалиберная зенитная артиллерия
САУ	самоходная артиллерийская установка
СОВ	стойкое отравляющее вещество
СТО	Совет Труда и Обороны
ТАОН	тяжелая артиллерия особого назначения
тбр	танковая бригада
тгарб	тяжелая гаубичная артиллерийская бригада
тк	танковый корпус
тминбр	тяжелая минометная бригада
ТОДТ	германская военизированная строительная организация
ТТД	тактико-технические данные
ТТТ	тактико-технические требования
ТТХ	тактико-технические характеристики
шап	штурмовой авиаполк

Список использованной литературы

Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). М.: Воениздат, 1964

Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. Кн. II (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.). М.: Воениздат, 1965

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1961

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971

Баронов О. Балатонская оборонительная операция. М.: Экспринт, 2001

Баррикадцы. Коллектив авторов. Волгоград. Нижне-Волжское книжное издательство, 1989

Белобородов А. П. Всегда в бою. М.: Экономика, 1984

Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Сборник. М.: Терра, 1995

Блокада Ленинграда 1941–1944 гг. Документы и очерки русских и немцев. Сборник. Гамбург: Ровольт, 1992

Боевая летопись военно-морского флота 1941–1942. М.: Воениздат, 1983

Боевые действия стрелковой дивизии / Под ред. К. В. Сычева и М. М. Малахова. М.: Воениздат, 1958

Борисов Ю. Самолет-разведчик Фокке-Вульф FW 189 «Рама». М.: Экспринт, 2005

Брагин В. И. Пушки на рельсах. М., 2006

Буг в огне. Сборник воспоминаний. Минск, 1965

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911–1915

Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. М.: Наука, 1970

Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940–1942 гг. / Составители А. М. Радионов, Р. В. Мазуркевич, Ю. Н. Майоров и др. М.: ГАБТУ, 2005

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993

Громов М., Мощанский И. Штурм Будапешта 24 октября 1944 г. — 13 февраля 1945 г. Военная летопись. Военно-историческая серия «Армии мира». Выпуск 3

Дегтярев П. А., Ионов П. П. «Катюши» на поле боя. М.: Воениздат, 1991

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 гг. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005

Егоров Д. Н. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М.: Яуза, Эксмо, 2008

Замулин В. Засекреченная Курская битва. Неизвестные документы свидетельствуют. М.: Яуза, Эксмо, 2007

Игуменов П. С. Исследование поражаемости отечественных танков. (По опыту Великой Отечественной войны.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук, 1947

Иноземцев Н. Н. Фронтовой дневник. М.: Наука, 2005

Исаев А. В. Берлин 45-го. М: Яуза, Эксмо, 2007

История бронетанковых и механизированных войск Советской Армии / Под ред. Е. А. Разина. М.: Издание Академии бронетанковых и механизированных войск Советской Армии, 1953

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В шести томах / Под ред. П. Н. Проспелова. М.: Воениздат, 1963

История отечественной артиллерии / Под ред. К. П. Казакова. Т. III. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (октябрь 1917 г. — июнь 1941 г.). Кн. 8. Советская артиллерия в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1921 — июнь 1941 г.)

Казаков В. И. Артиллерия, огонь! Записки маршала артиллерии. М.: АСТ, 2008

Карель П. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: Изографус, Эксмо, 2003

Коломиец Г. А. Действия артиллерийских подразделений в Великой Отечественной войне. Сб. 13. Артиллерийские части и подразделения в боях за крупные населенные пункты. М.: Воениздат, 1958

Коломиец М. В. «Фердинанд». Бронированный слон профессора Порше. М.: Яуза, Стратегия КА, ЭКСМО, 2007

Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1944–1945 / Под ред. В. И. Ачкасова. М.: Наука, 1975

Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941–1945. Статьи и очерки. М.: Наука, 1981

Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. Выпуск 2. Владивосток: Дальнаука, 2005

Ляш О. Так пал Кёнигсберг. М., 1991

Мелконов Ю. Ю. Пушки Курляндского берега. Рига: GVARDS, 2005

Мощанский И., Паршин В. Трагедия Бреста. Боевые действия на территории Белоруссии 22 июня — 23 июля 1941 г. Военная летопись, 2007

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М.: Издательство иностранной литературы, 1958

Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.). Документы и материалы. Минск: НАРБ, 2007

Ньютон С. Х. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза, Эксмо, 2006

Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1959

Освальд В. Полный каталог военных автомобилей и танков Германии 1900–1982 гг. М.: АСТ; Астрель, 2003

Отечественная артиллерия / Под ред. Г. Е. Передельского. М. Воениздат, 1986

Перечнев Ю. Г. Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976

Полевая артиллерия в Великой Отечественной войне / Под ред. Н. Н. Воронова. М., 1955

Противовоздушная оборона Берлина в период Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1947

Прочко И. С. Артиллерия в боях за Родину. М.: Воениздат, 1957

Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2005

Резниченко С. Н. Реактивное вооружение советских ВВС 1930–1945 гг. М.: Бенедиктов и К°, 2007

Россия. XX век. Документы. 1941 год в 2-х книгах / Под ред. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1998

Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного

комиссариата обороны СССР. М.: Терра, 1994

Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 5. М.: Воениздат, 1951

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. Г. Ф. Одинцова. М.: Воениздат, 1960

Солонин М. С. 22 июня. Анатомия катастрофы. М.: Яуза, Эксмо, 2008

Третьяков Г. М. Химические и осколочно-химические снаряды германской артиллерии. Самарканд: издание Артакадемии им. Дзержинского, 1942

1941 год — уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992

Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». М.: Яуза, Эксмо, 2006

Хлебников Н. М. Под грохот сотен батарей. М.: Воениздат, 1974

Хроника боевых действий Волжской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза. Выпуск 1. Волжская военная флотилия в боях за Сталинград (Кампания 1942 г.). М. — Л-д. Военмориздат, 1945

Хроника боевых действий Волжской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза. Выпуск 2. М.: Воениздат, 1947

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 7. С 19 июля по 31 декабря 1944 г. М.: Военмориздат, 1951

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 8. С 1 января по 14 мая 1945 г. М.: Военмориздат, 1951

Цыганков И. С., Сосулин Е. А. Орудие, миномет, боевая машина. М.: Воениздат, 1980

Чуйков В. И. Конец третьего рейха. М.: Советская Россия, 1973

Ширер У. Берлинский дневник. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2002

Широкорад А. Б. Бог войны Третьего рейха. М.: АСТ, 2003

Широкорад А. Б. Гений советской артиллерии. Триумф и трагедия В. Грабина. М.: АСТ, 2002

Широкорад А. Б. Германия под бомбами союзников. 1939–1945 годы. М.: Вече, 2008

Широкорад А. Б. От «Катюши» до «Смерча». История реактивной артиллерии. М.: Вече, 2005

Широкорад А. Б. Отечественные минометы и реактивная артиллерия. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000

Широкорад А. Б. Россия и Германия. История военного сотрудничества. М.: Вече, 2007

Широкорад А. Б. Тайны русской артиллерии. М.: Яуза; Эксмо, 2003

Широкорад А. Б. Танковая война на Восточном фронте. М.: Вече, 2009

Широкорад А. Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000

Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин 1944–1945. М.: Эксмо, 2005

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989

Böhm R., Koch F., Koch H.-A. Die deutschen Geschiitze. München, J. F. Lehmanns Verlag

Culver B. German Railroad Guns in action. Michigan, 1976

Engelmann J. German Rocket Launchers in WWII. 1977

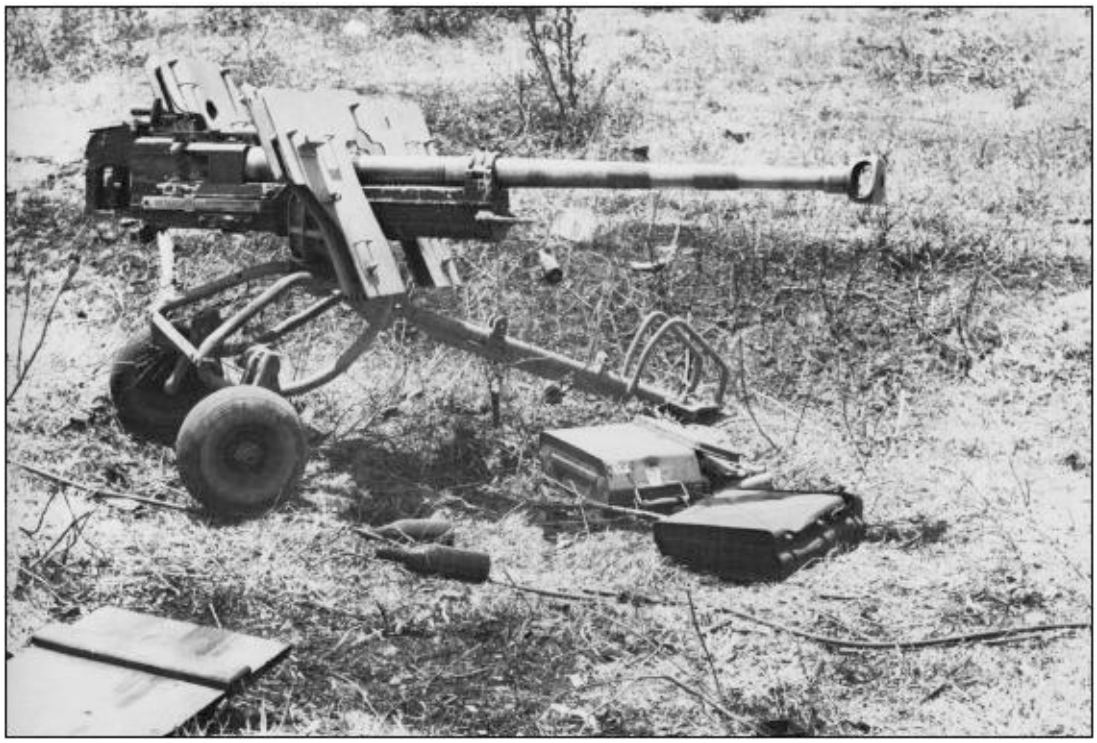
Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des feutschem Heeres 1933–1945. Bonn: Bernard & Graefe Verlag, 1992

Pataj S. Artyleria ladowa 1871–1970. Warszawa, 1975

Richter G. Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandemburg 1935–1945. Berlin, 1967

Иллюстрации

45-мм противотанковая пушка обр. 1937 г. Июнь 1941 г. Белоруссия



2/2,8-см противотанковая пушка обр. 41 (с коническим стволом)

Германский парашютист производит выстрел из очень компактного 50-мм миномета le.GrW.36

Безоткатная немецкая 10,5-см пушка

Германские парашютисты ведут огонь из 10,5-см легкого безоткатного орудия обр. 1942 г.

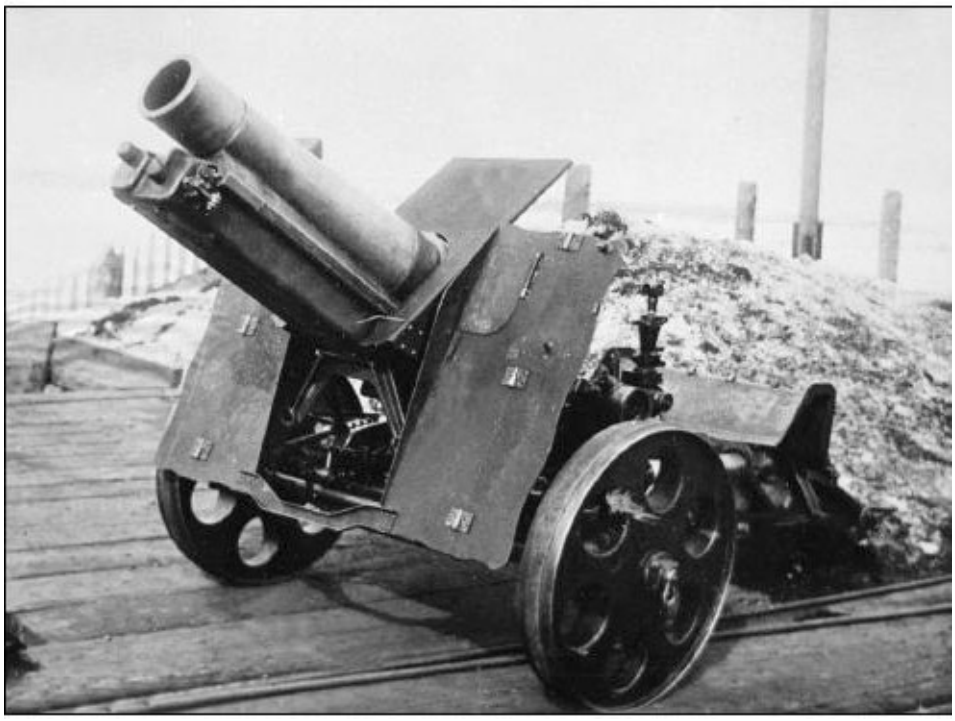
Немецкая противотанковая пушка 7,5-см Рак.40

107-мм пушка М-60 ведет огонь. 1941 г.

Стрельба из 122-мм гаубицы М-30

Заряжание 152-мм гаубицы обр. 1909/30 г.

152-мм гаубица обр. 1909/30 г. ведет огонь. Декабрь 1941 г.



152-мм мортира «НМ» обр. 1931 г. Это великолепное орудие продали нам немцы в 1930 г., но, увы, только около сотни их участвовали в Великой Отечественной войне

Горные стрелки везут на вьюках 7,5-см горную пушку обр. 36

Расчет тащит «полковушку» обр. 1927 г.

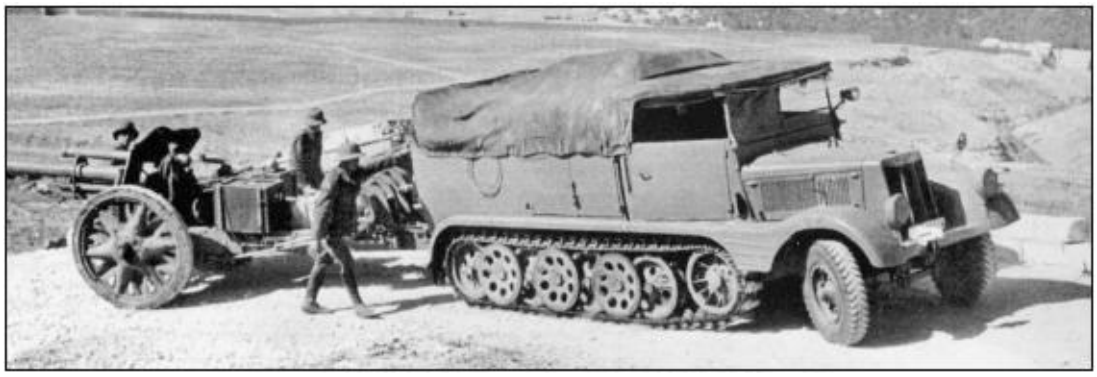
Тягач «Комсомолец» буксирует 45-мм пушку обр. 1937 г.

Полугусеничные вездеходы ЗИС-22 с 76-мм пушками обр. 1902/30 г. в кузове на параде в Кишиневе в 1940 г.

Тракторы СТЗ-5 с 76-мм пушками Ф-22УСВ на параде в Москве 1 мая

1940 г.

ЗИС-3. Возка за «Студебеккером»



5-тонный артиллерийский тягач Sd.Kfz.6

Возка с помощью оглобельного передка горной пушки 7,5-см Geb.G.36

122-мм гаубица. Возка за тягачом. Обратим внимание, сколько народу сидит на станинах. Отсюда и появлялись трещины на хоботовой части

ЗИС-3 на конной тяге

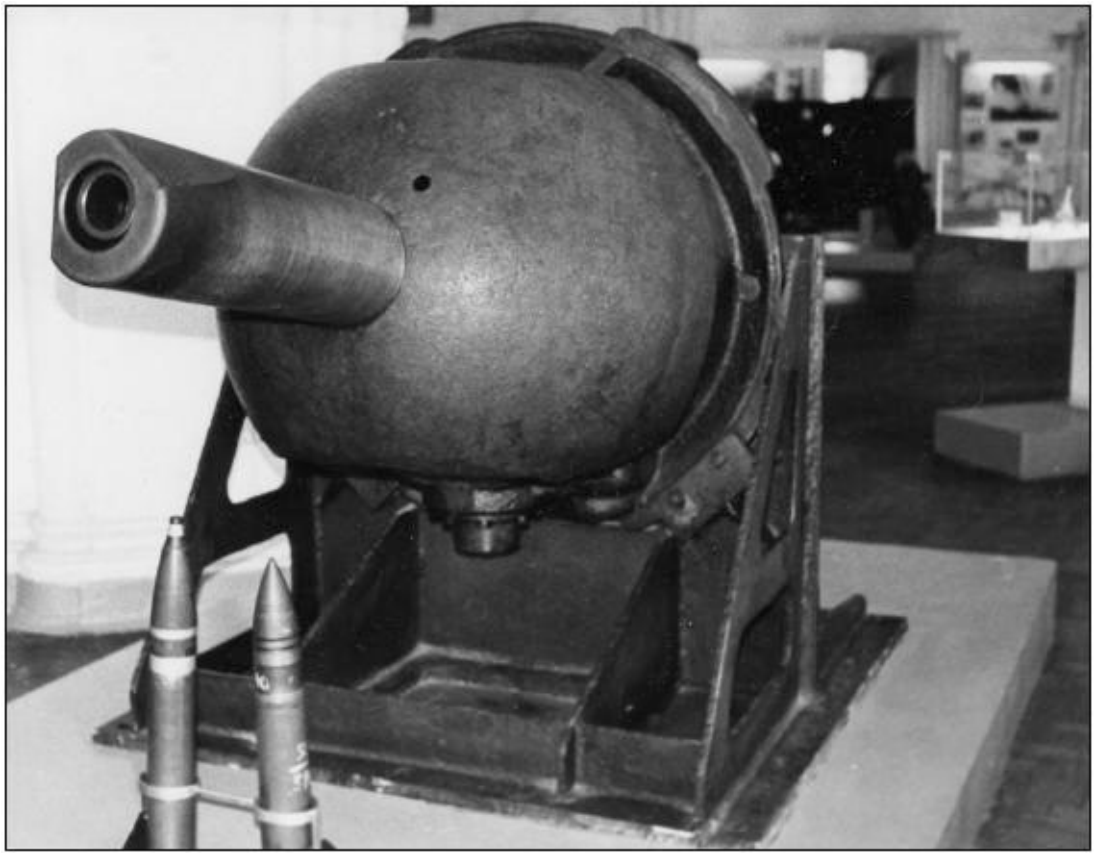
Полугусеничное транспортное средство Kettenkraft. Интересны

утеплители на руле машины — это не рукавицы, а конструктивный элемент руля, в эти матерчатые мешки подавался теплый воздух от работающего мотора

Средний полугусеничный тягач Sd.Kfz.7

Съем фотоаппарата с самолета-корректировщика Ил-2. 1944 г.

Двухэтажный артиллерийский полукапонир для двух 76-мм пушек обр. 1932 г. Минский укрепрайон, д. Новоселки. (Фото В. Каминского)



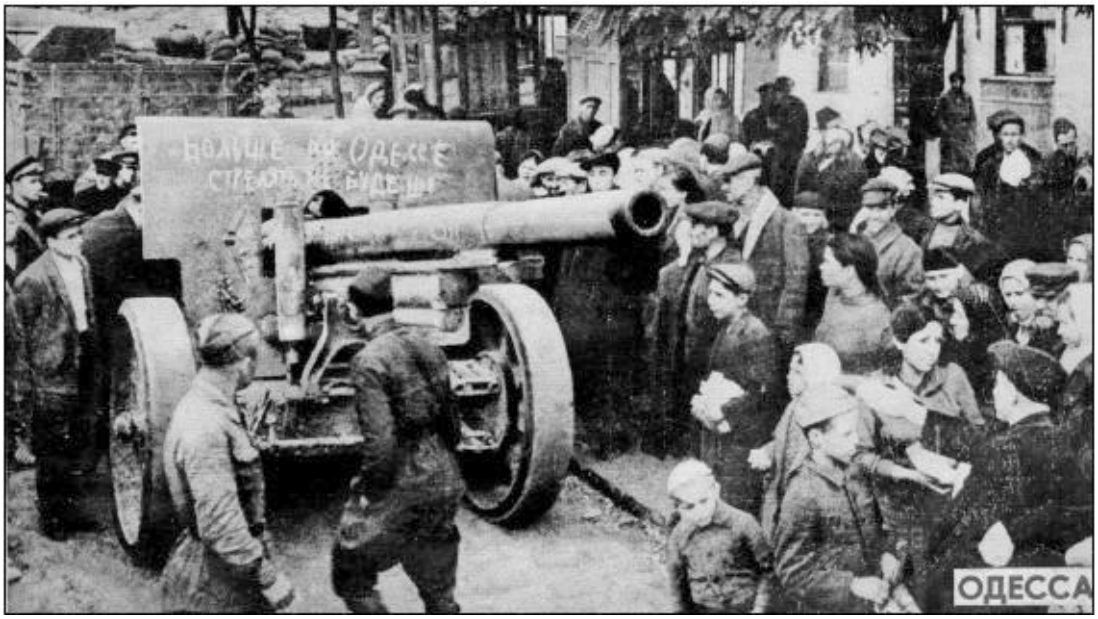
Казематная 76-мм установка Л-17

149/40-мм итальянские пушки, брошенные под Арбузовкой в районе Сталинграда

20-мм зенитный автомат Бреда обр. 1935 г. Как видим, даже итальянцы использовали на Восточном фронте зенитные автоматы на двухколесном ходе

Германские самоходки в бою. Это не Курская дуга, а июнь 1941 г. в Белоруссии

Переправа 122-мм пушки А-19



Румынская гаубица, стрелявшая по Одессе

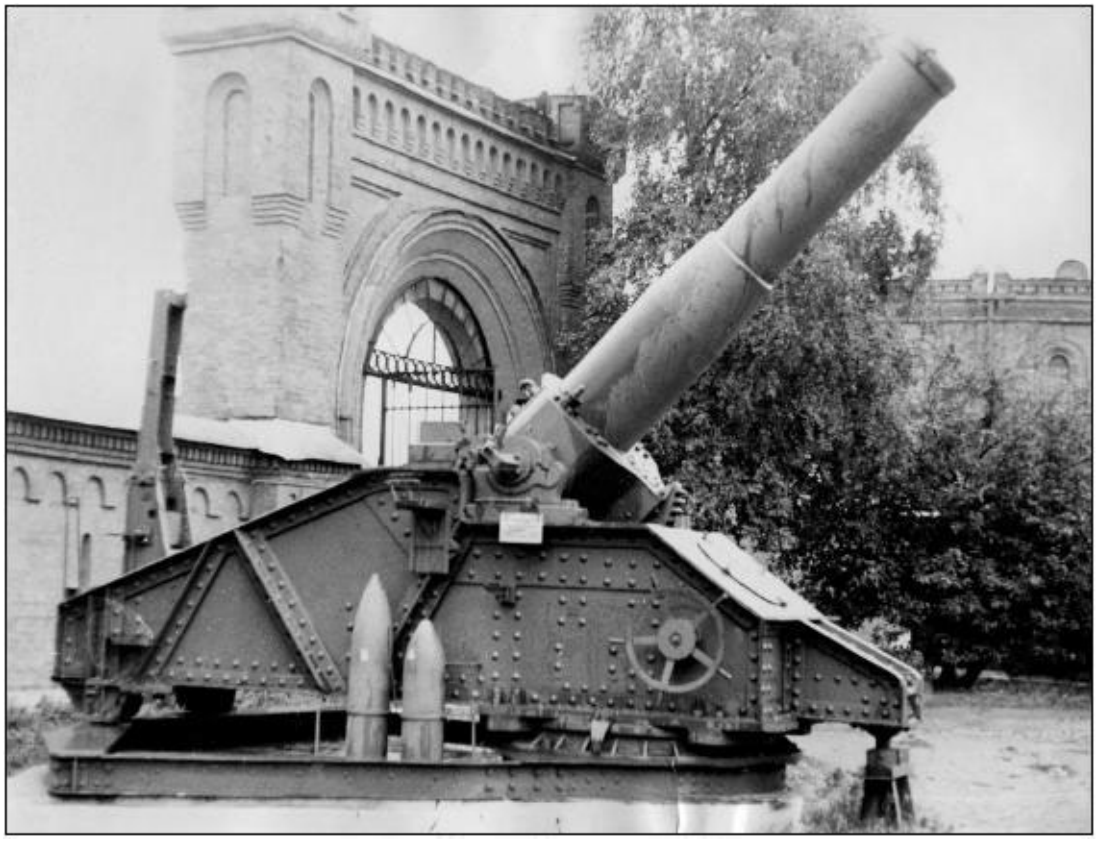
Брошенная германская пушка 8,8-см Рак. 43/41

Трофейная 203-мм гаубица Б-4

Стрельба немцами из 152-мм французской мортиры. На переднем

плане хорошо видны снаряды образца Первой мировой войны недальнобойной формы

ЗИС-3 форсирует водную преграду



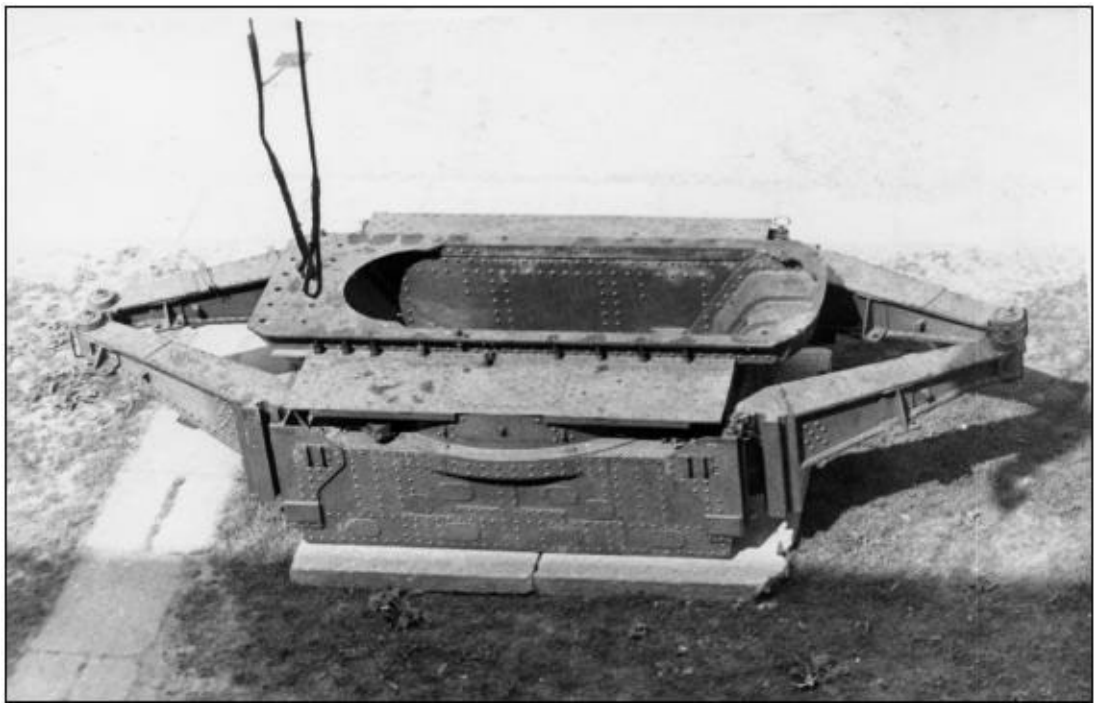
305-мм гаубица обр. 1915 г.

Расчет 305-мм гаубицы обр. 1915

280-мм мортира обр. 1939 г. Бр-5

203-мм гаубица VI

305-мм гаубица Бр-18



Основание системы Бр-17. Такая конструкция зарывалась в землю

Так перевозился станок с люлькой системы Бр-17

Трофейная 8,8-см Рак.43/41 ведет огонь по немцам

45-мм противотанковая пушка обр. 1932 г. Лето 1941 г. Белоруссия

Истребительно-противотанковый батальон. Белоруссия. 1944 г.

«Фердинанд» подорвался на фугасе, вызвавшем детонацию боеприпасов. Июль 1943 г.

Еще один «Фердинанд», подорвавшийся на фугасе. Станция Поныри, июль 1943 г.

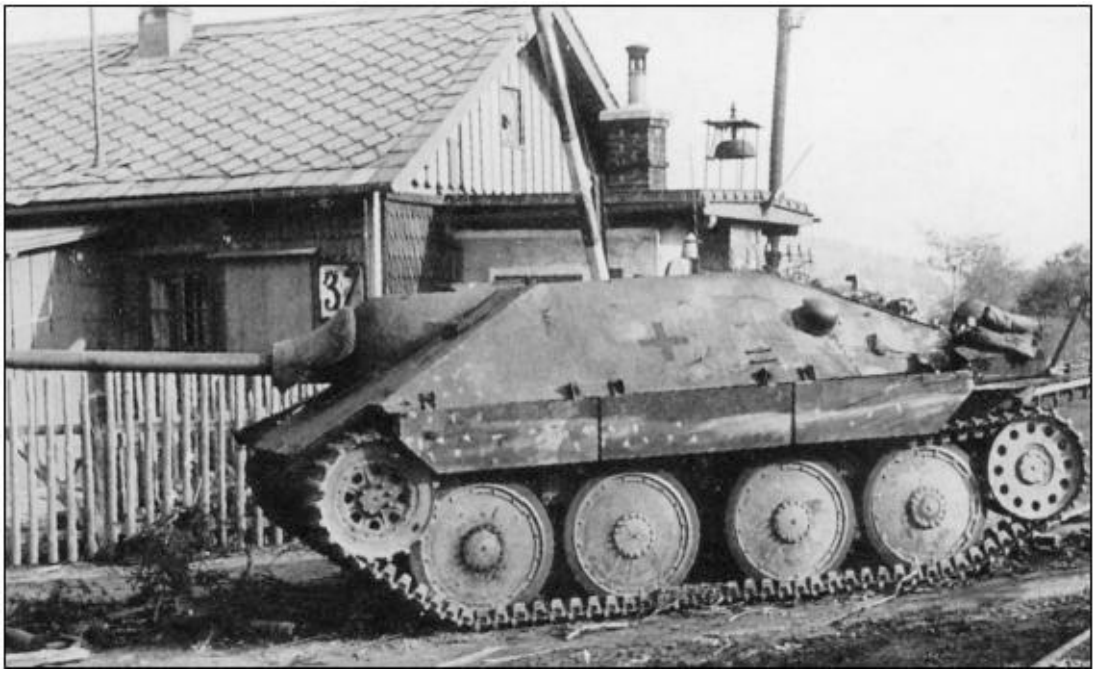
Доктор Фердинанд Порше явно не рассчитывал на русские мосты. Район Никополя. Октябрь 1943 г.

15-см самоходная гаубица «Hummel», подбитая в селе под Житомиром. Декабрь 1943 г.

САУ «Brummbär», подорванная в районе Обояни. Лето 1943 г.

САУ «Мадер III». Вид спереди

САУ «Мадер III». Вид сзади



Противотанковая САУ «Хетцер»

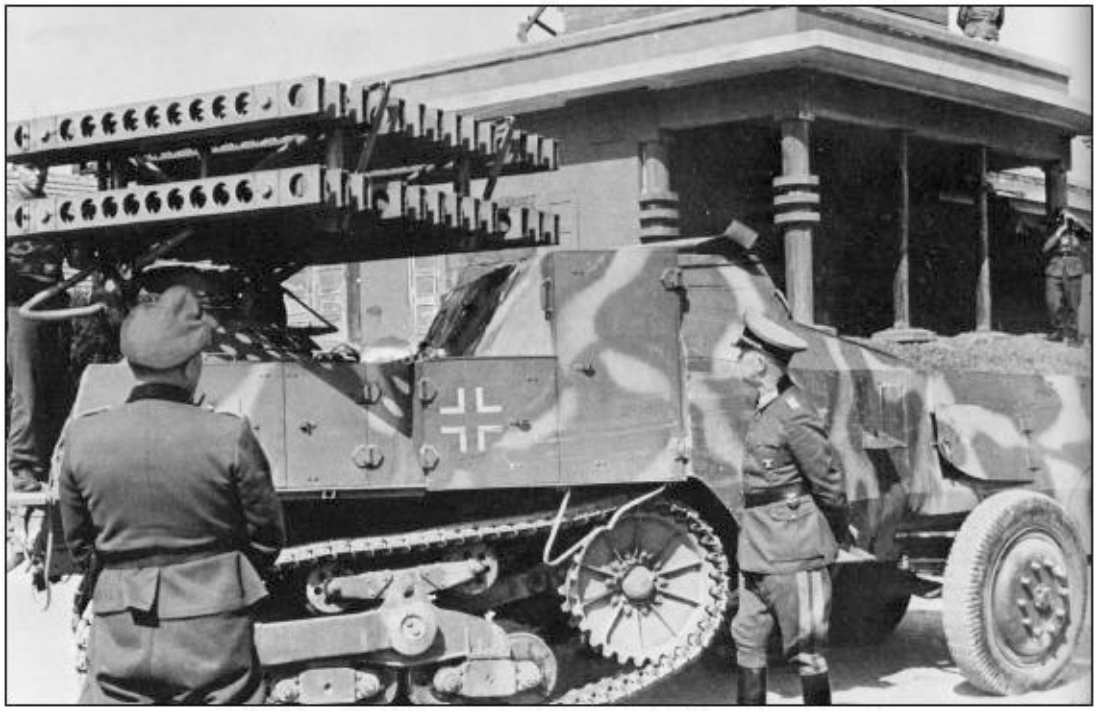
Самоходная установка СУ-76И на постаменте в Сарнах

Самоходная установка СУ-100

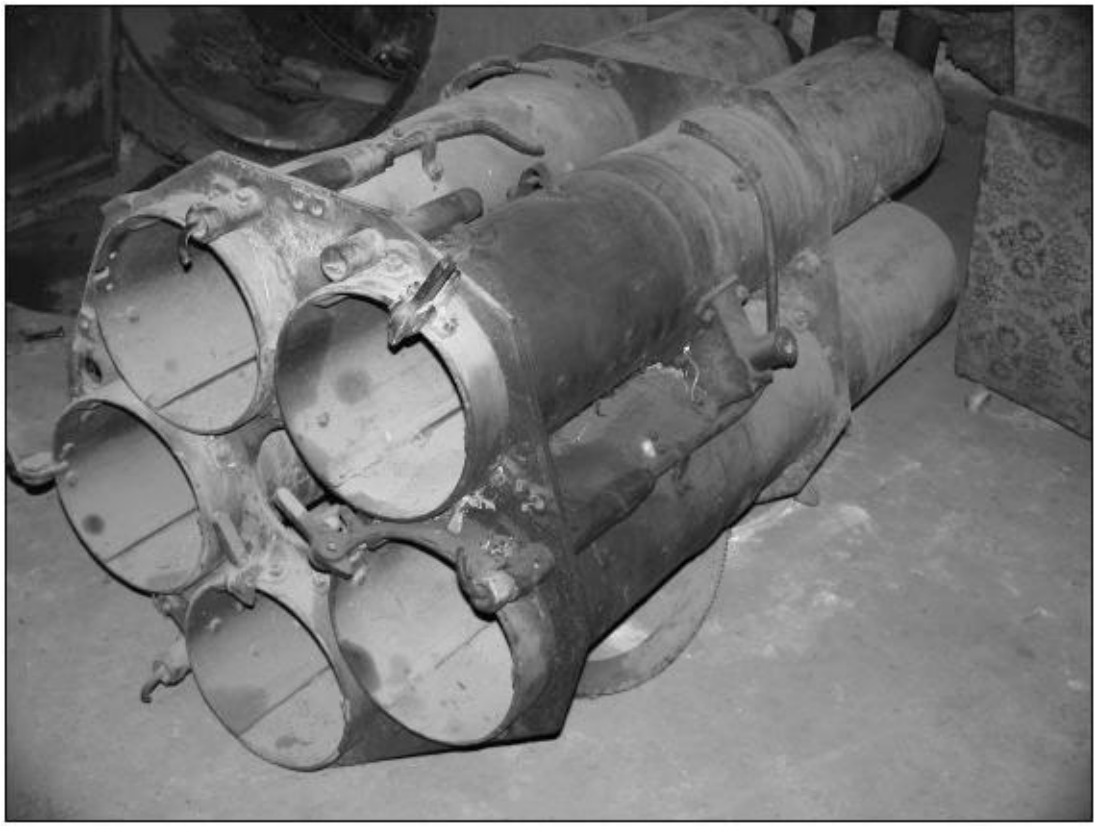
Самоходная установка СУ-122 во время стрельбы

Штурмовое орудие StuG 40 Ausf G, брошенное в Восточной Пруссии.1945 г.

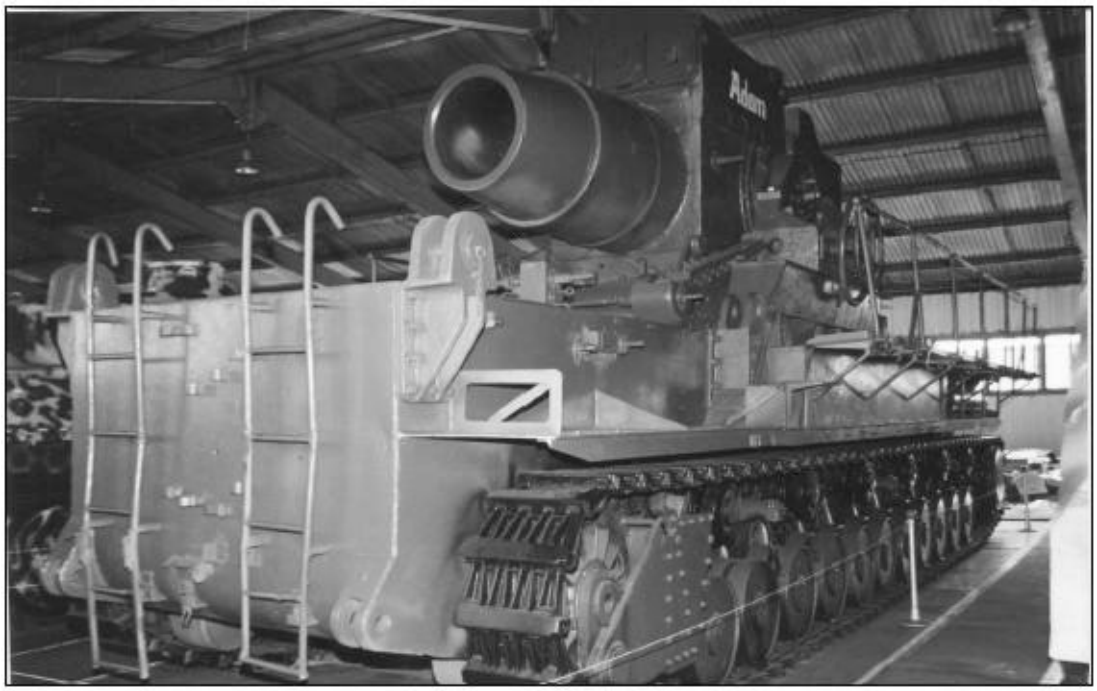
Германский 21-см шестиствольный реактивный миномет Nb.Wf.42



Германский тяжелый метательный прибор 41



Германская многоствольная минометная установка на шасси французского полугусеничного тягача «Сомуа» MCG/MCL



Пятиствольный германский миномет 21-см Nb.W.42, найденный в

окрестностях Волгограда. (Фото автора.)

Победа! Крестьянские дети на ствольной повозке 21-см мортиры

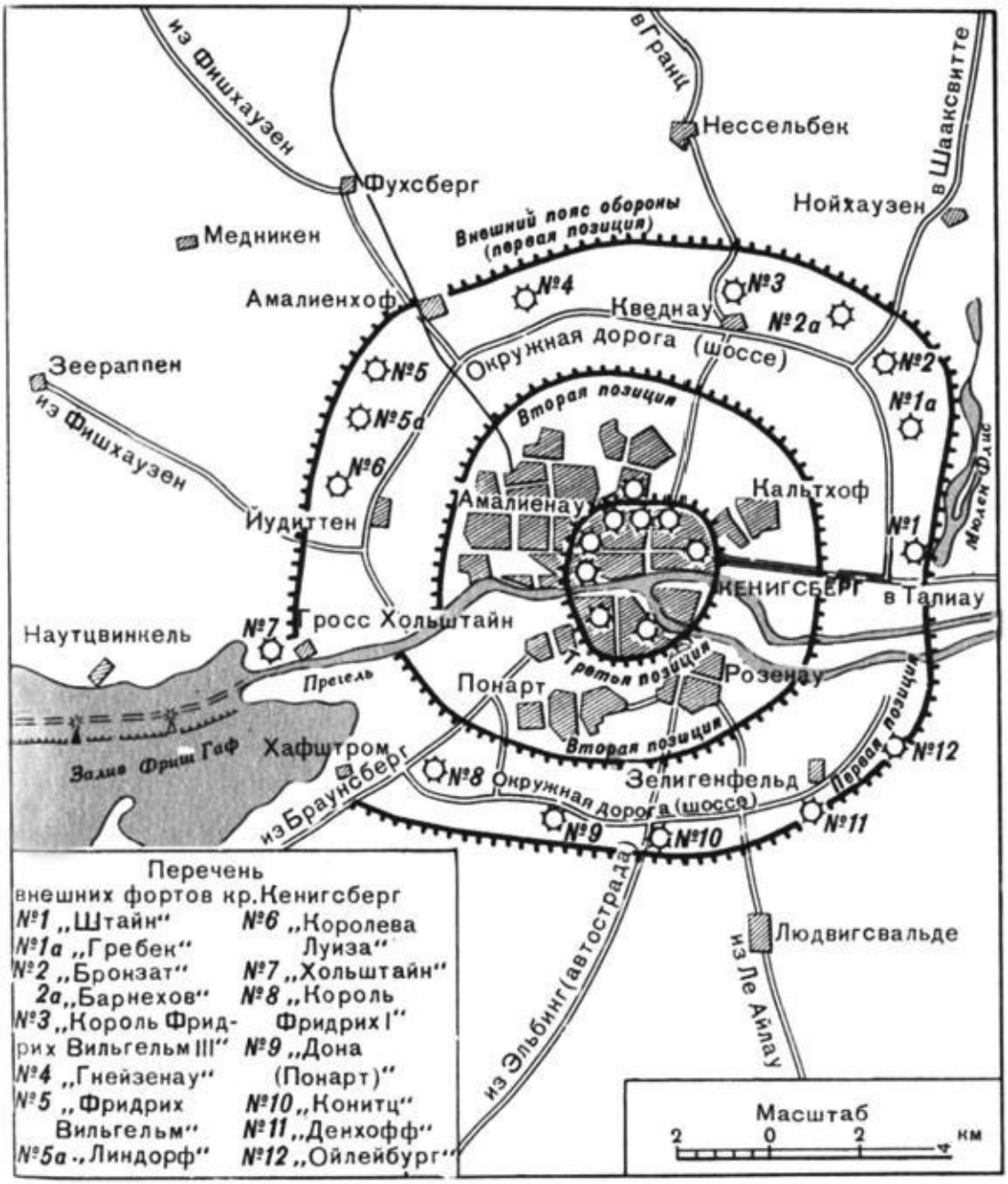
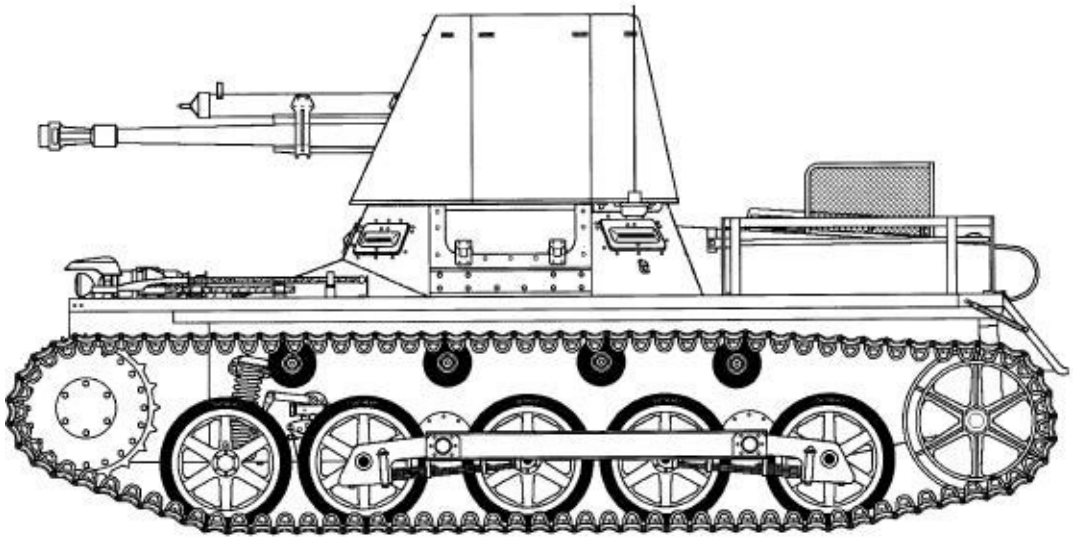


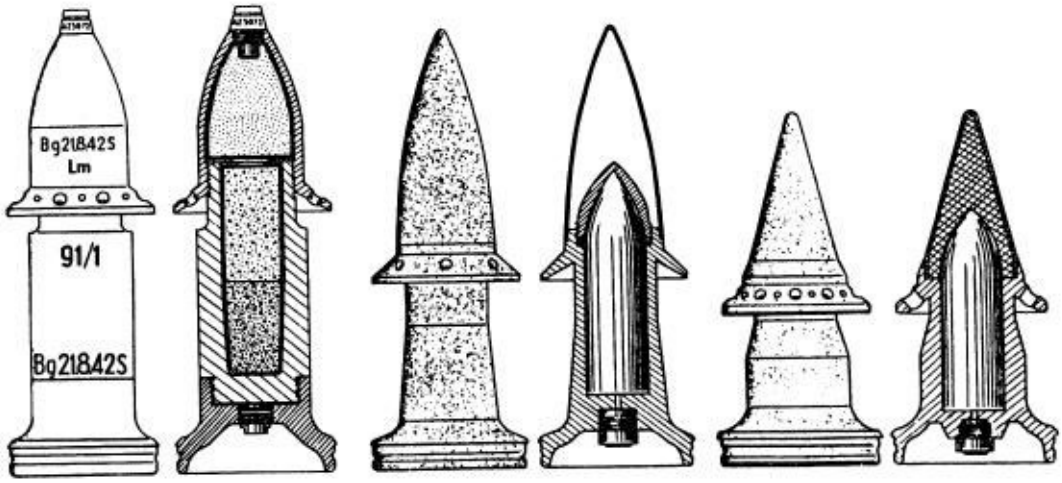
Схема оборонительных сооружений противника вокруг Кёнигсберга

Действие 280-мм снарядов по форту. Кёнигсберг. Апрель 1945 г.

А так артиллерия поработала по жилым кварталам. Кёнигсберг. Апрель 1945 г.

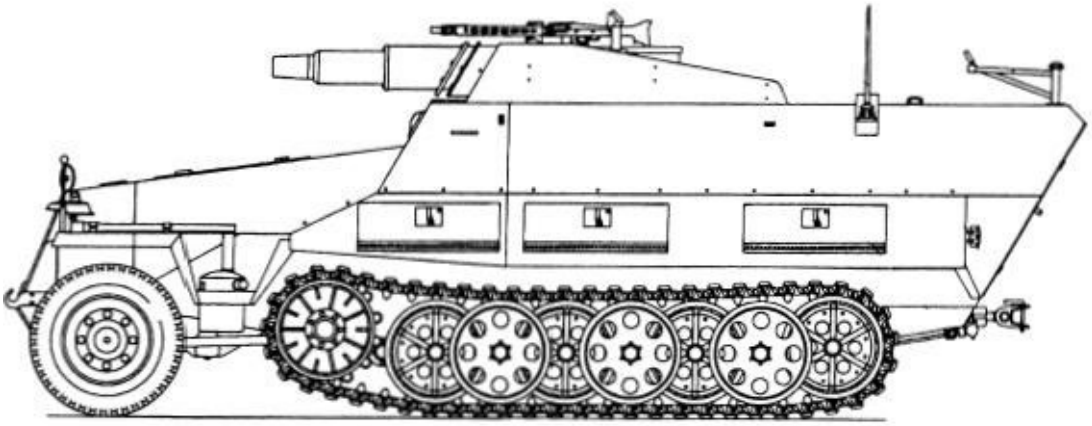


Противотанковая самоходная артиллерийская установка 4,7-см Pak(t) auf Pzkpfw I Ausf B

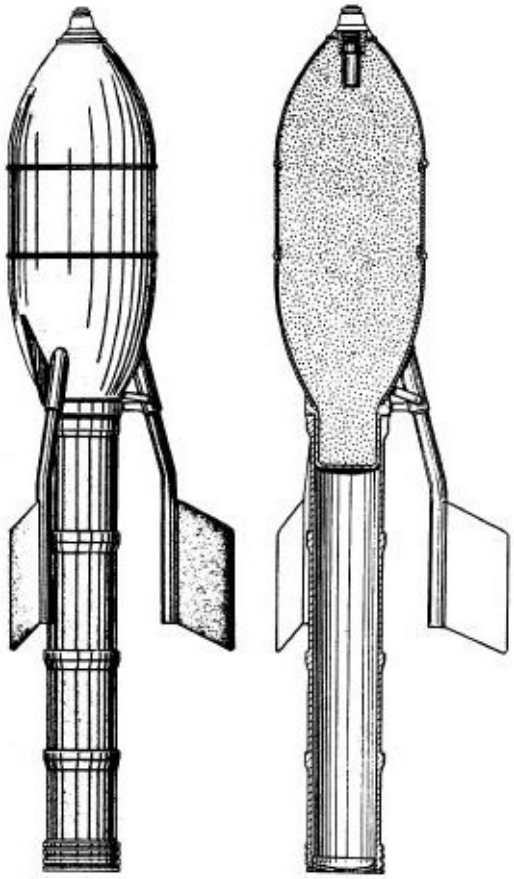


Гроза тяжелых танков — снаряды к пушке Pak 41.

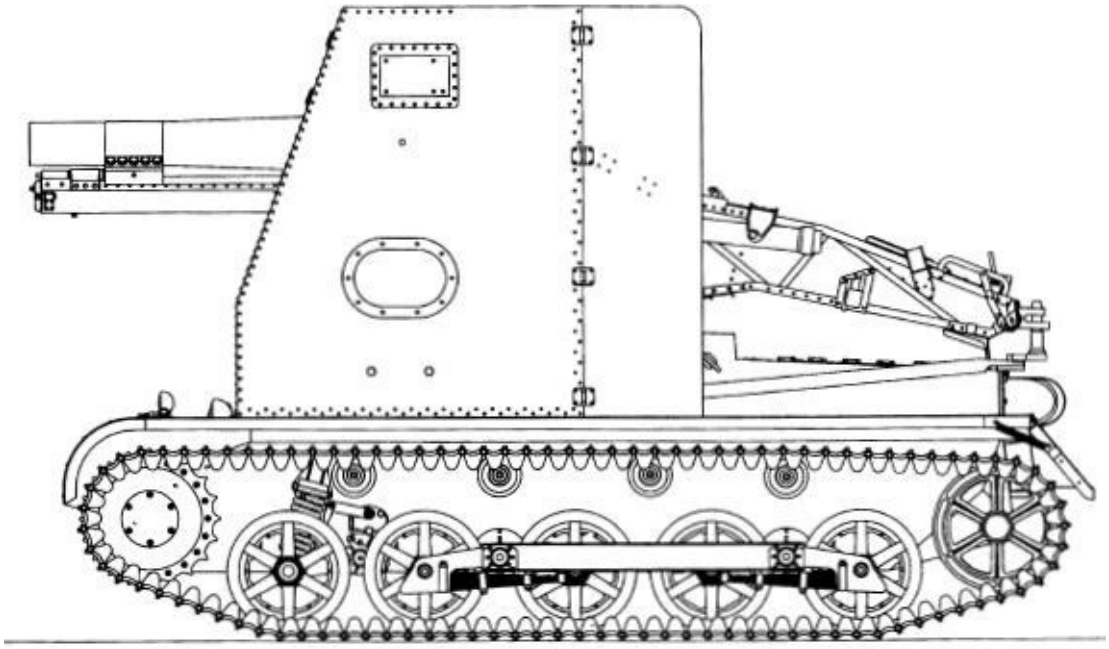
Слева направо: 75/55-мм осколочно-трассирующая граната, бронебойно-трассирующий подкалиберный снаряд HK, бронебойно-трассирующий подкалиберный снаряд StK



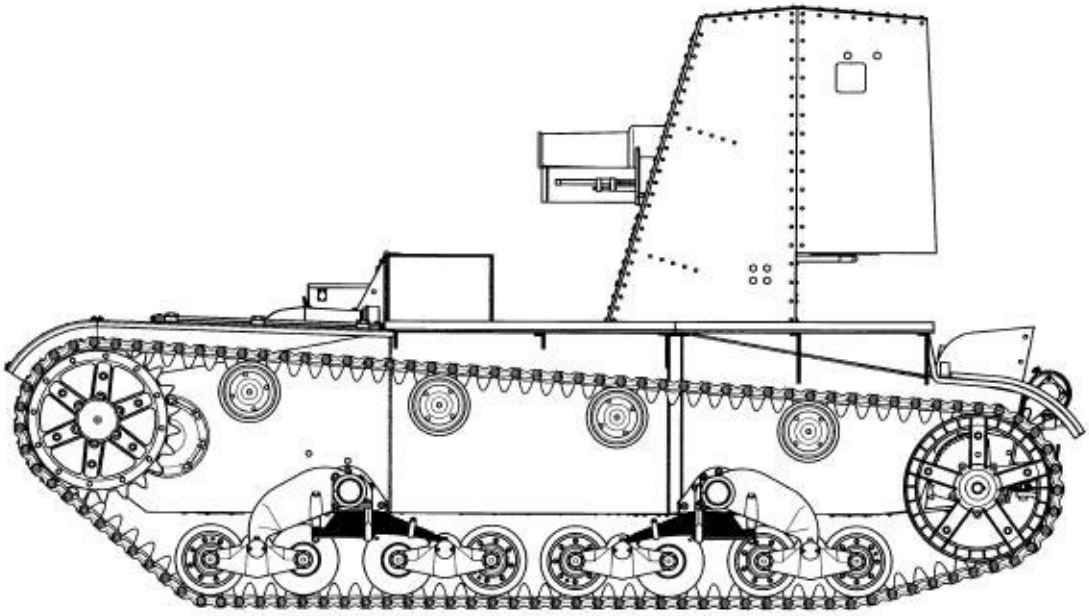
Бронетранспортер Sd.Kfz.251/9 Ausf.F Sd.Kfz.D с пушкой 7,5-см KWk 37



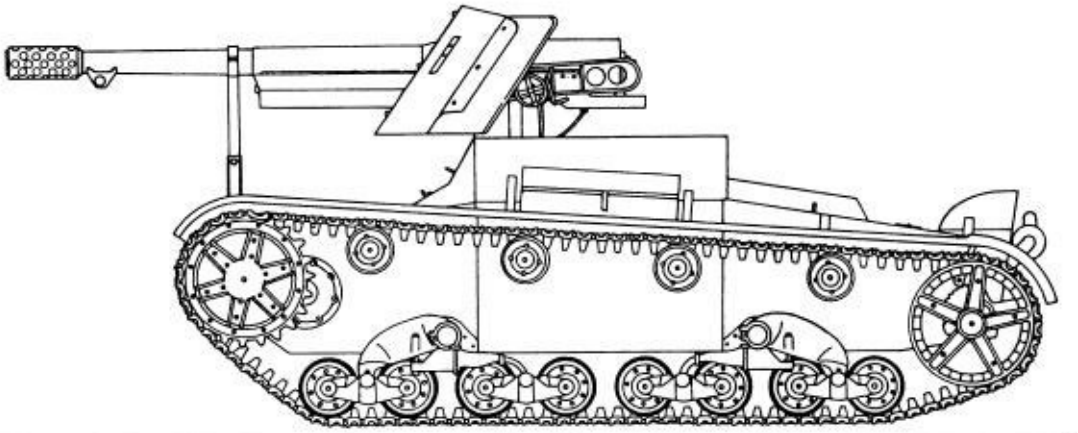
Надкалиберная фугасная мина обр. 42 для 15-см тяжелого пехотного орудия



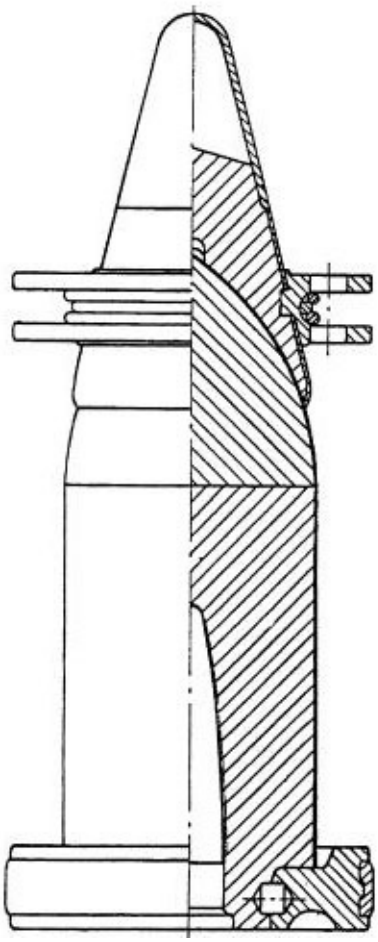
15-см пехотное орудие на шасси танка Т-IB



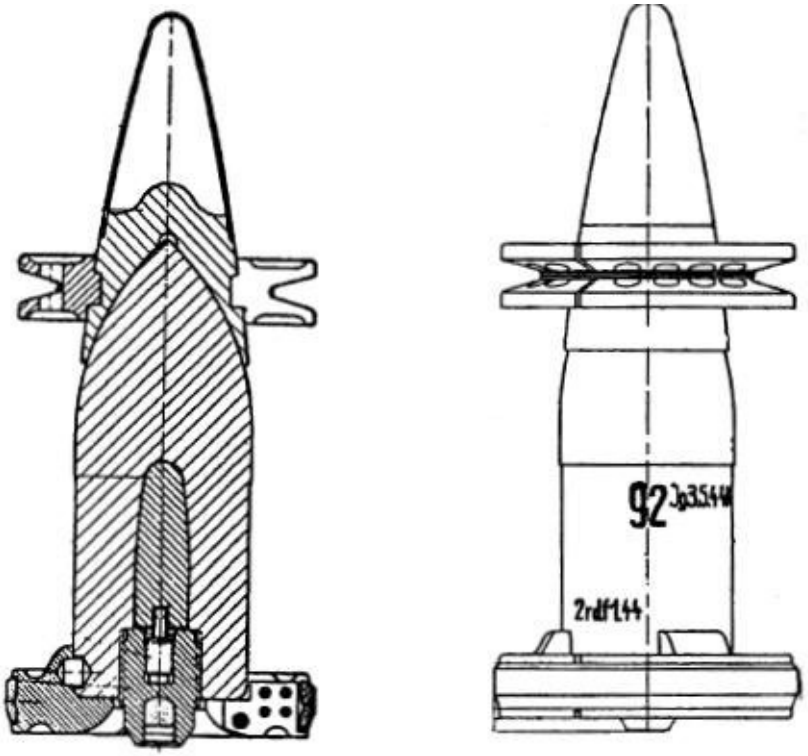
Установка 76-мм полковой пушки обр. 1927 г. на шасси танка Т-26



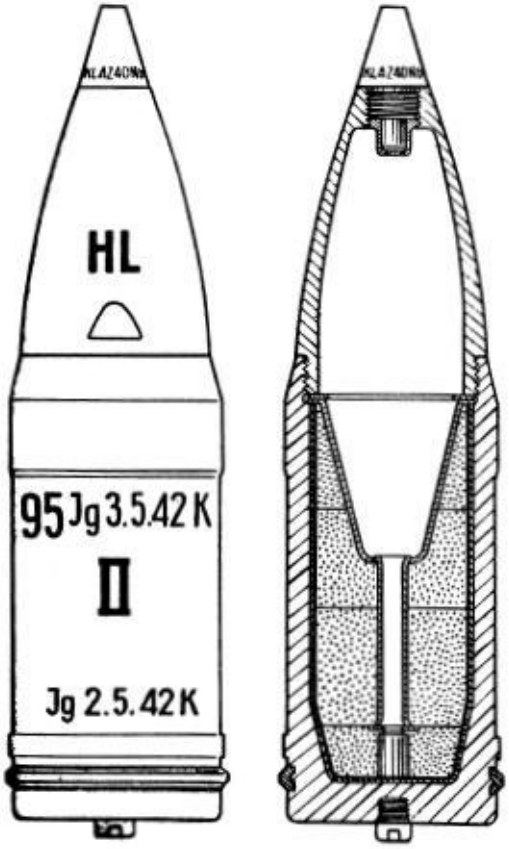
Орудие 7,5-см Рак 97/98(f) на трофейном танке Т-26 (r)



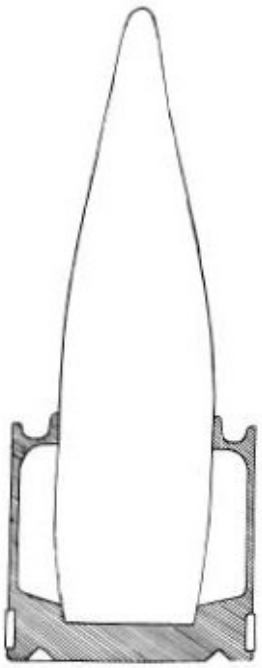
10,5-см подкалиберный бронебойный гаубичный снаряд Pzgr.39TC



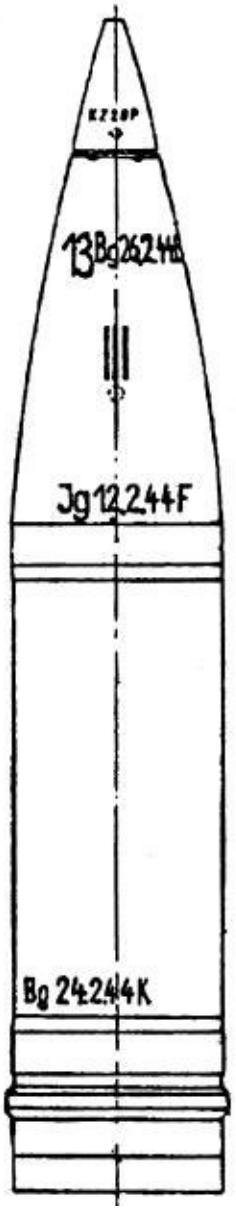
15-см подкалиберный бронебойный гаубичный снаряд



15-см кумулятивный снаряд обр. 39 HL

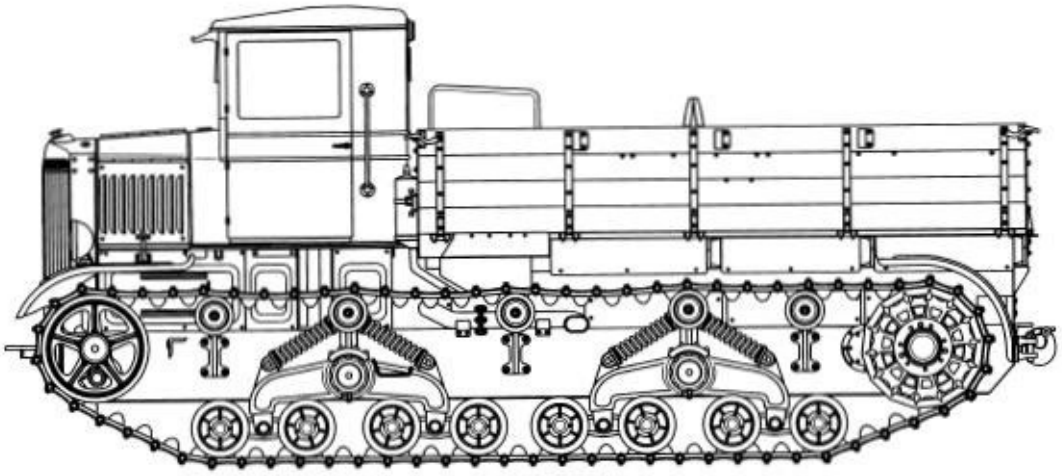


152-мм подкалиберный снаряд. Снарядами такого типа стреляли из Бр-2 и 200-пудовой пушки обр. 1904 г.

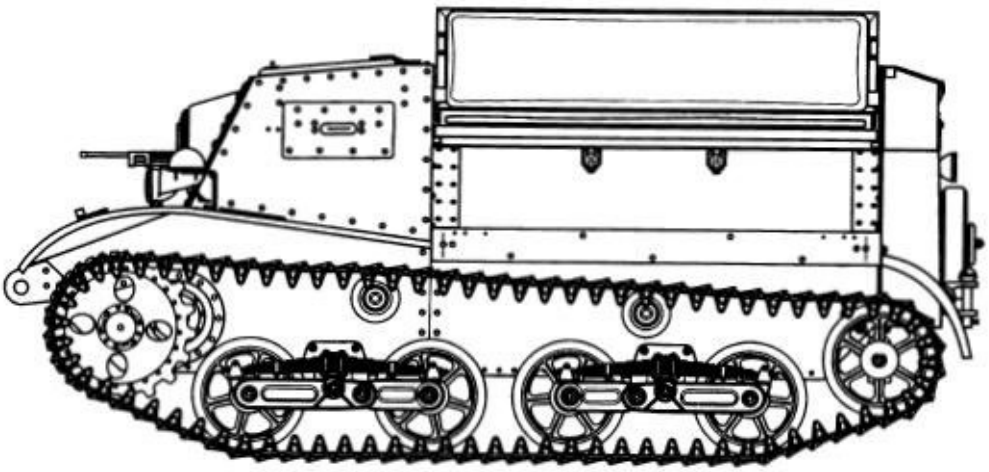


15-см осколочно-фугасный активно-реактивный снаряд (15 cm Rgr.19)

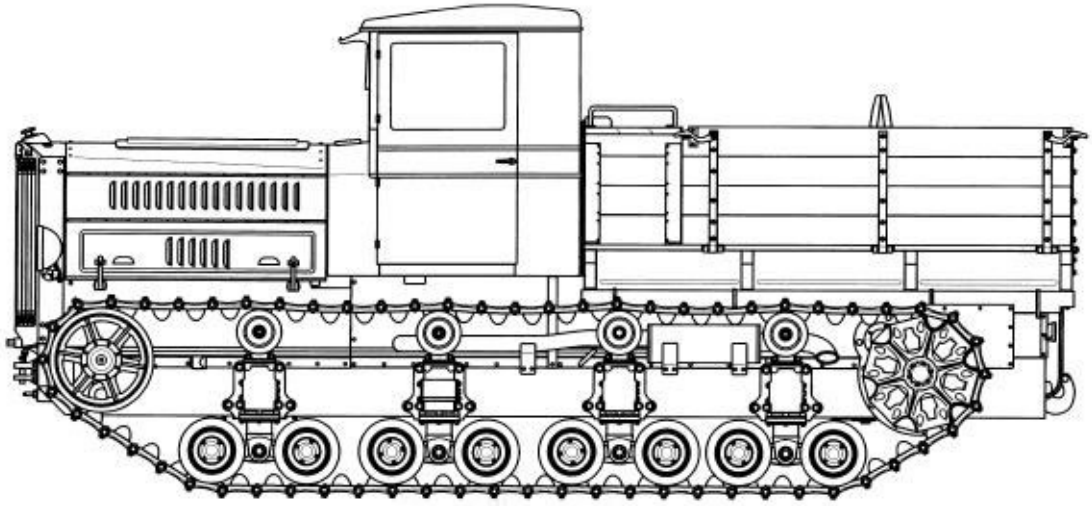
50-мм миномет обр. 1938 г. (конструкции Б.И. Шавырина)



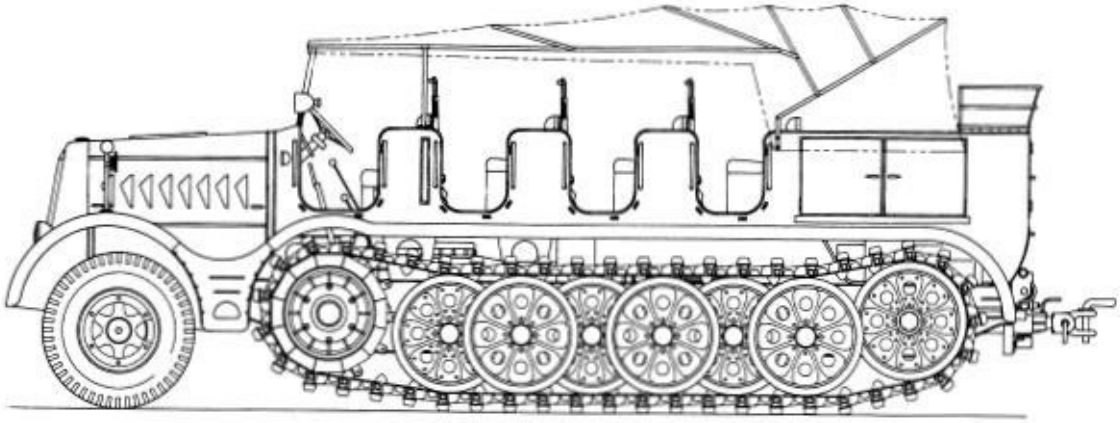
Тягач «Ворошиловец»



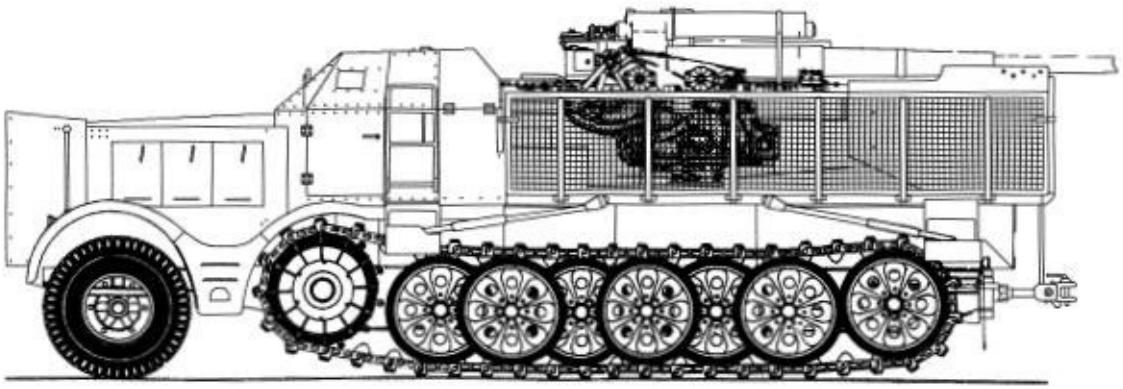
Тягач «Комсомолец» 3-й серии



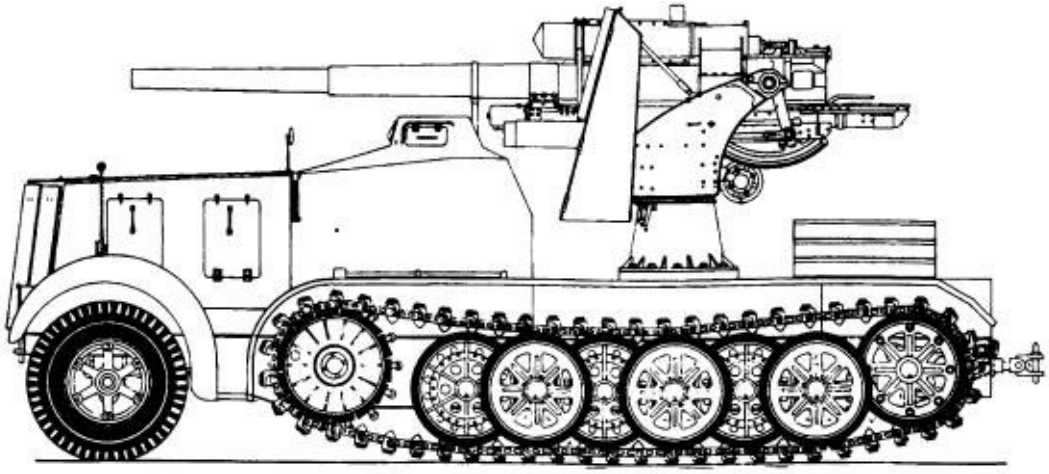
Тягач «Коминтерн»



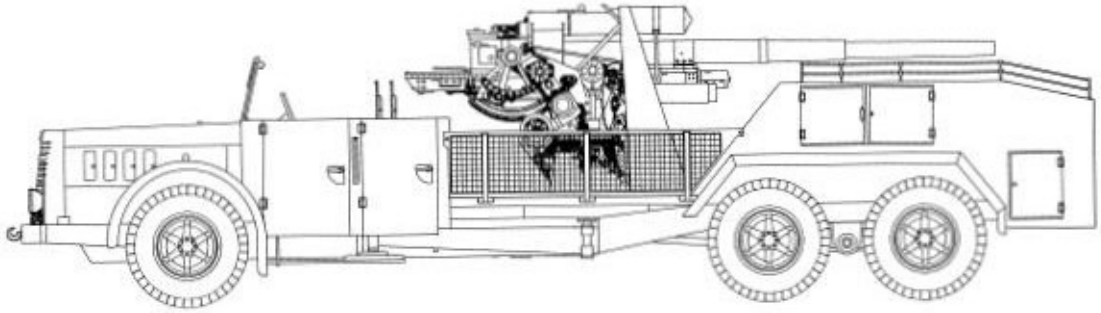
Артиллерийский тягач Sd.Kfz.9



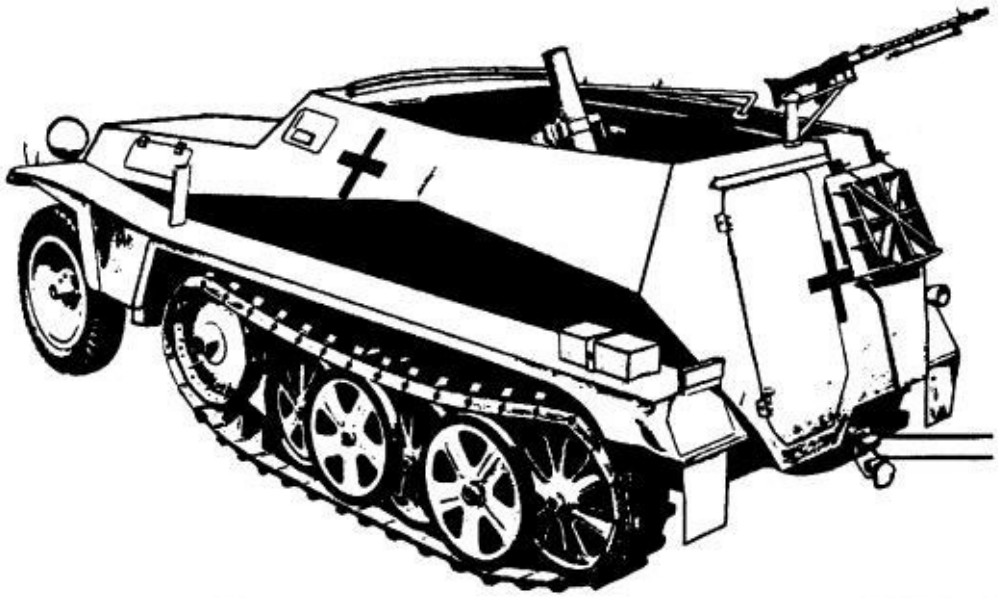
Орудие 8,8-см Flak 18, установленное на 12-тонном тягаче Sd.Kfz.8



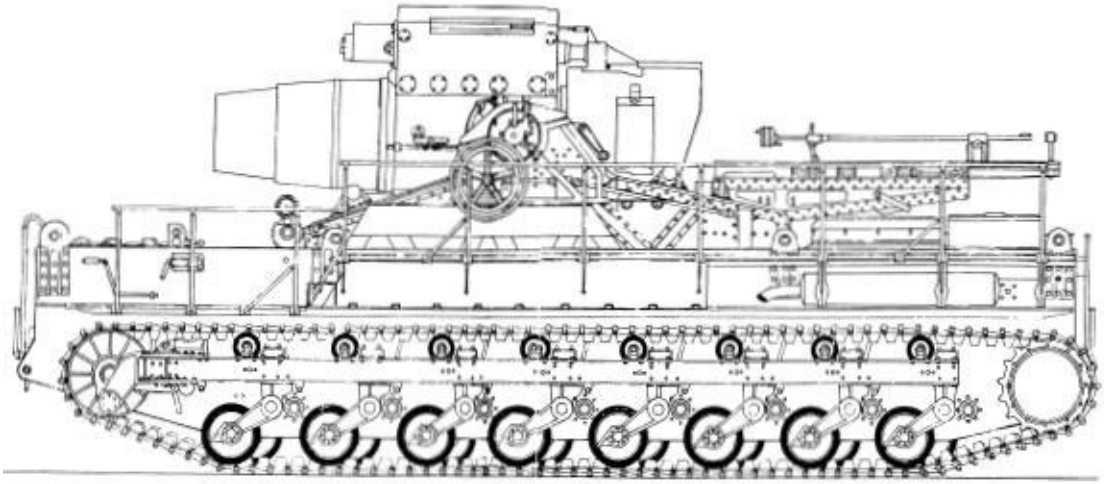
Орудие 8,8-см Flak 18 на 9-тонном тягаче Sd.Kfz.9



Орудие 8,8-см Flak 18 на специальном шасси Bussing-NAG

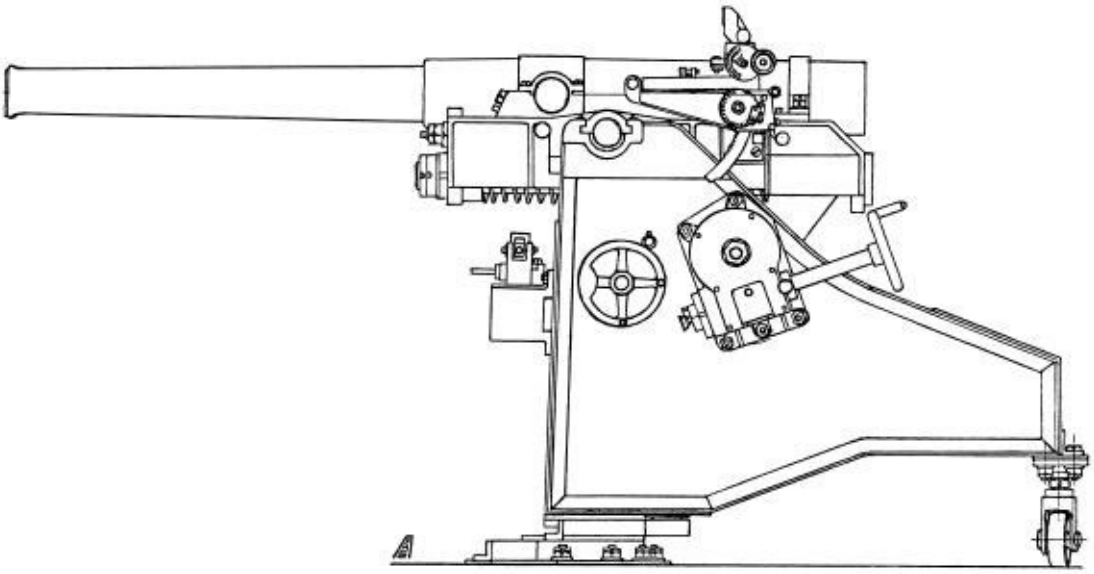


8-см миномет обр. 34 в полугусеничном бронетранспортере Sd.Kfz.250/7

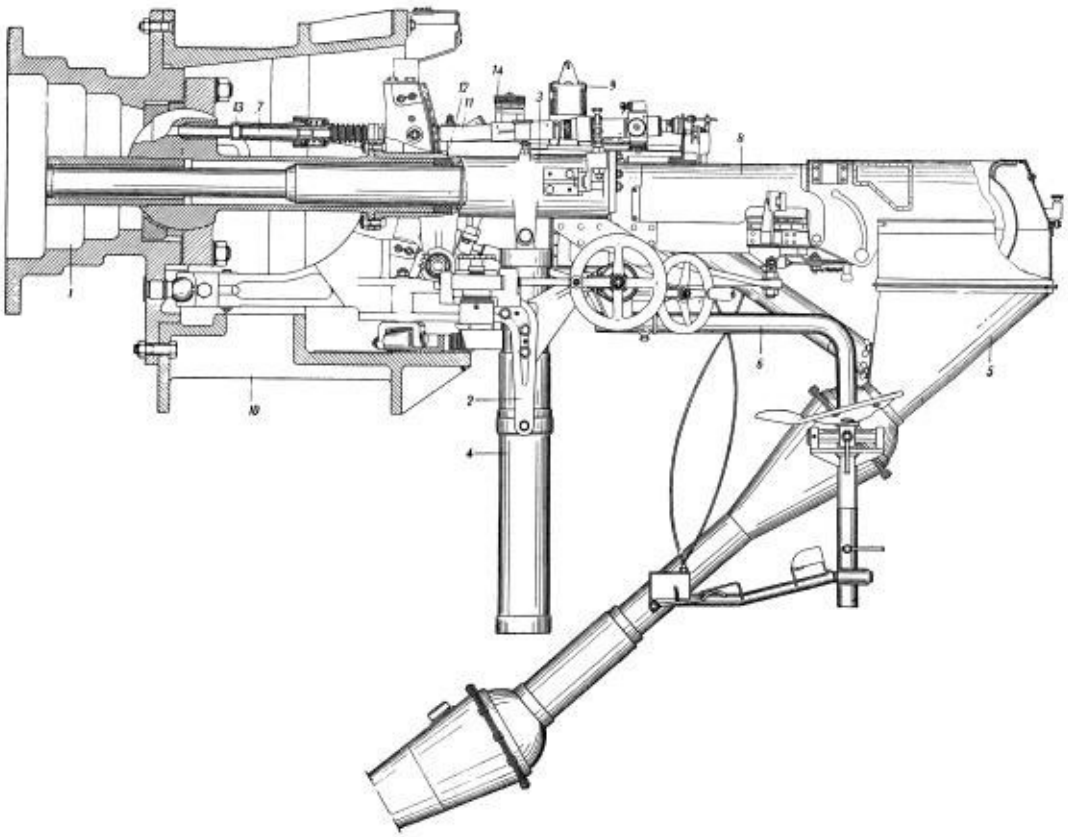


60-см самоходная мортира «Карл»

Центральный пост звукометрической станции

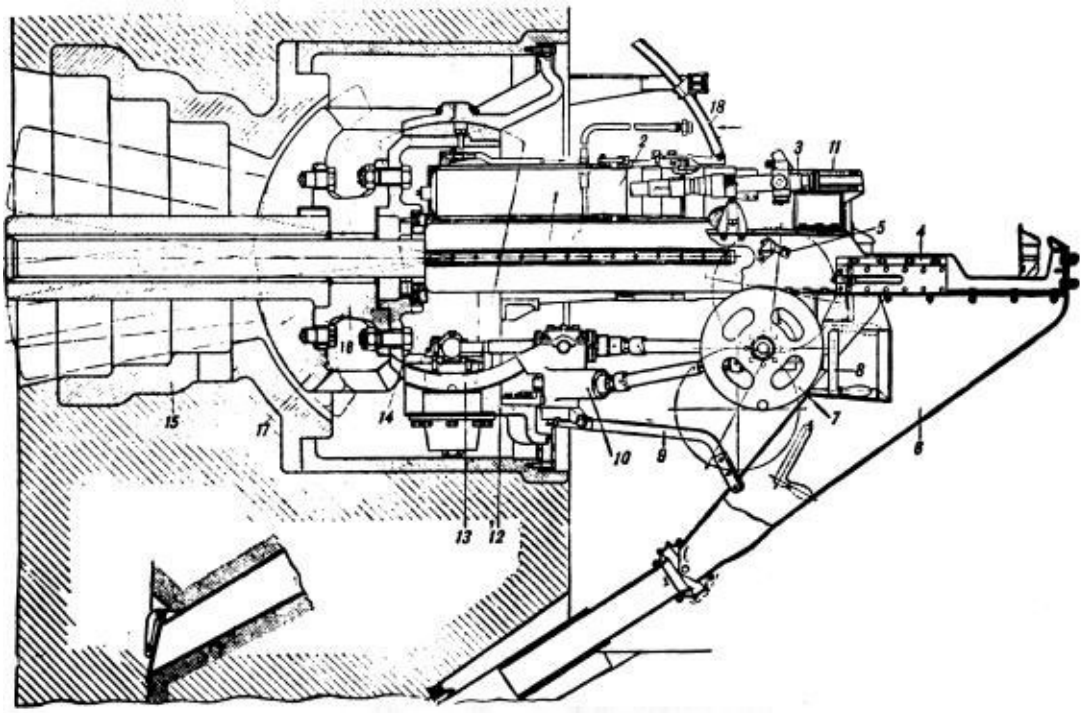


Лафет Дурляхера (Рис. А.Е. Лютова)



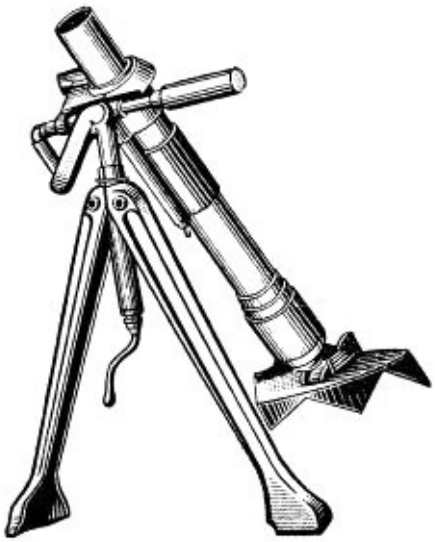
Установка ДОТ-4

1 — воротник; 2 — нижний станок; 3 — верхний станок; 4 — уравновешивающий механизм; 5 — гильзоотвод; 6 — сиденье с ножным спуском; 7 — пулемет; 8 — пушка; 9 — магазинная коробка для патронной летны; 10 — короб; 11 — прицел; 12 — асбестовая прокладка; 13 — надульник; 14 — пулеметный станок.

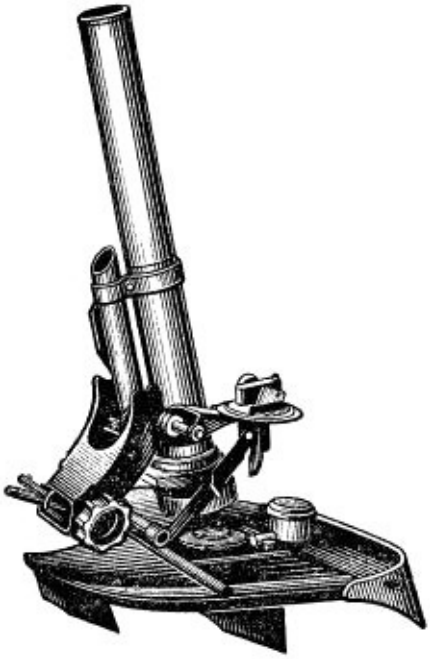


76-мм казематная пушка Л-17

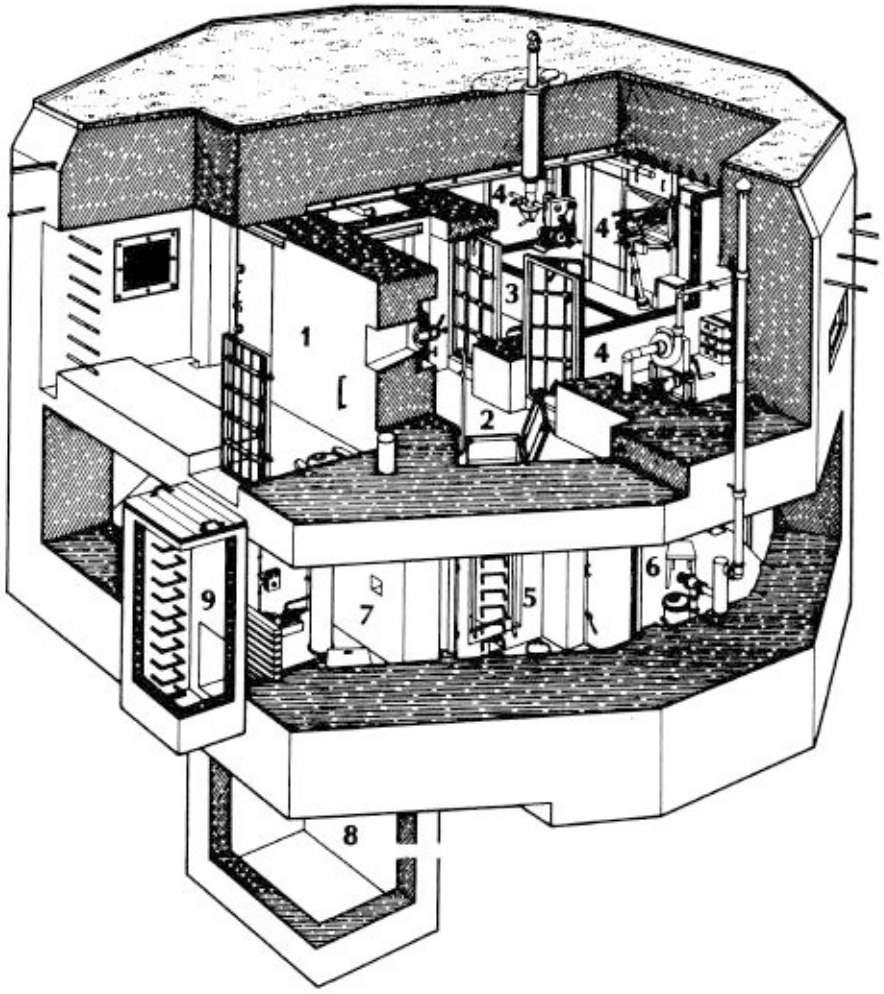
1 — ствол; 2 — противооткатное устройство с кожухом для охлаждения; 3 — прицел; 4 — спусковой механизм; 5 — боковой уровень; 6 — гильзоотвод; 7 — казенник подъемного механизма; 8 — маховик поворотного механизма; 9 — рычаг выключения поворотного механизма; 10 — коробка с червяком поворотного механизма; 11 — указатель отката; 12 — подпятник; 13 — направляющий штырь; 14 — маска; 15 — короб; 16 — соединительная коробка; 17 — броневой щит; 18 — вертикальный погон.



50-мм миномет обр. 1940 г. (конструкции В.Н. Шамарина)

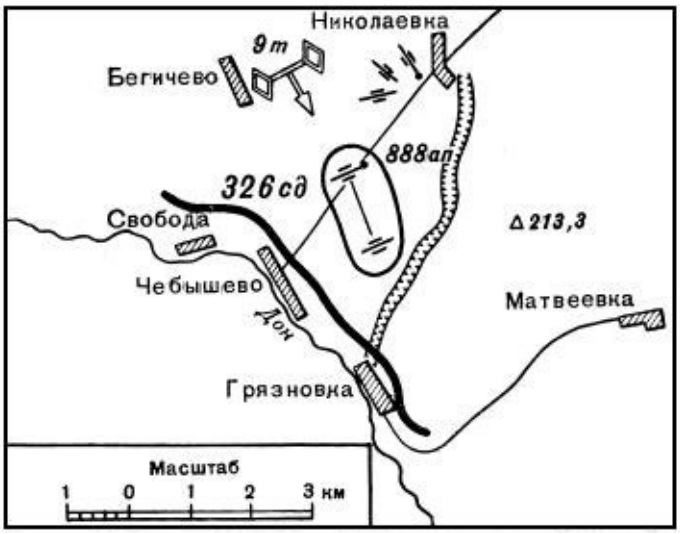


50-мм миномет обр. 1941 г. (конструкции В.Н. Шамарина)

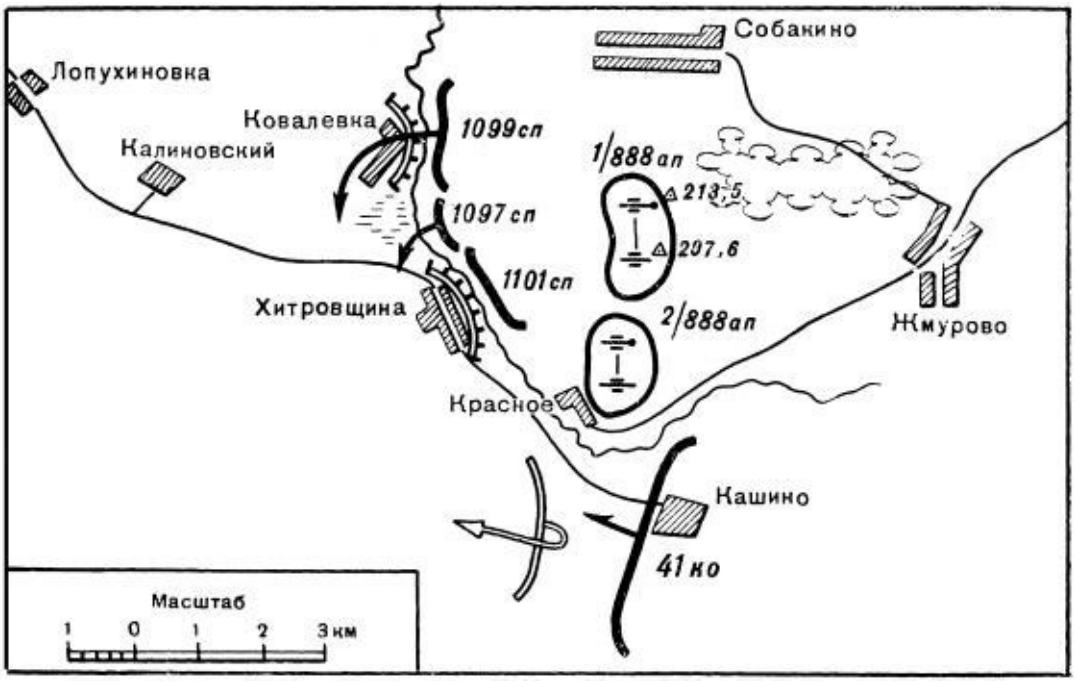


Линия Молотова. Бункер опорного пункта 330.

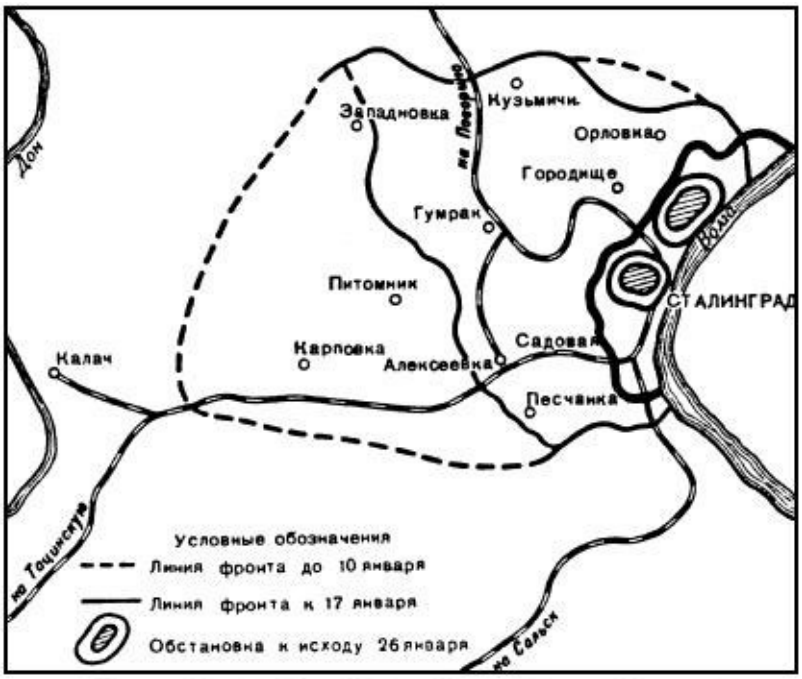
1 — защищенный вход; 2 — коридор и дверная ловушка на входе в нижний уровень; 3 — командный пункт с перископом; 4 — тяжелый пулемет на крепостной платформе; 5 — коридор; 6 — зона расчета; 7 — насосная; 8 — цистерна; 9 — запасной выход



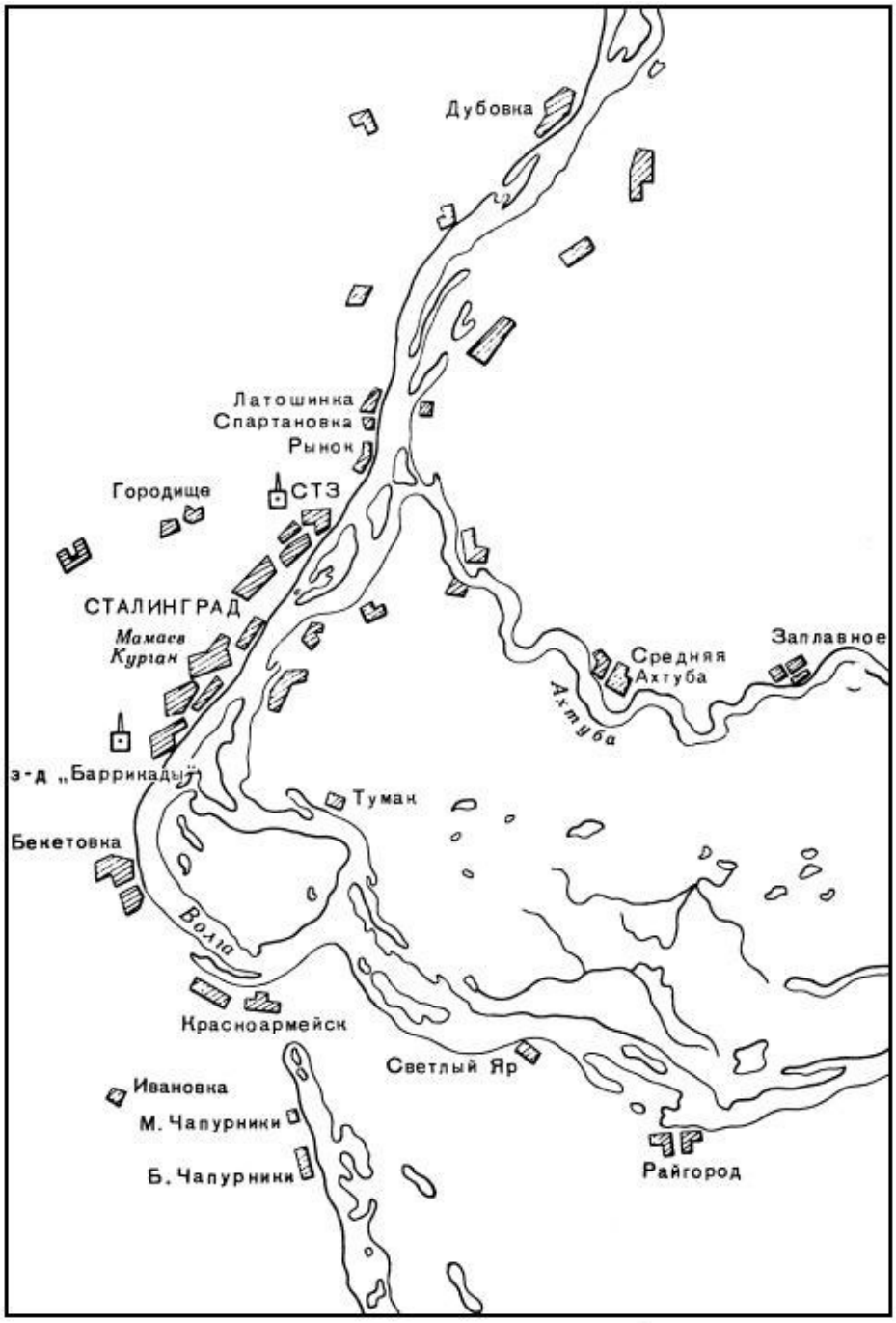
Бой частей 326-й стрелковой дивизии 8 декабря 1941 г.



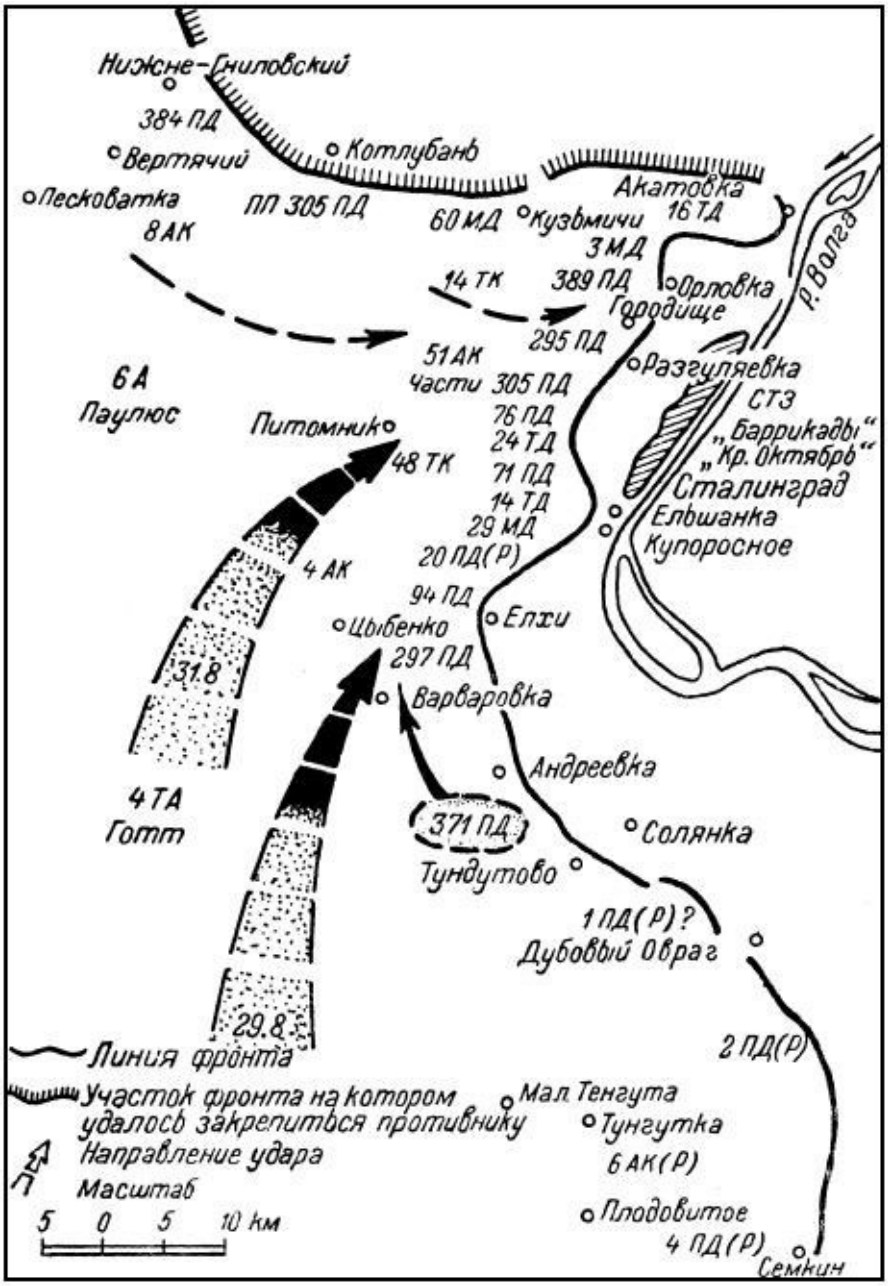
Бой 326-й стрелковой дивизии в районе Чебышево, Грязновка



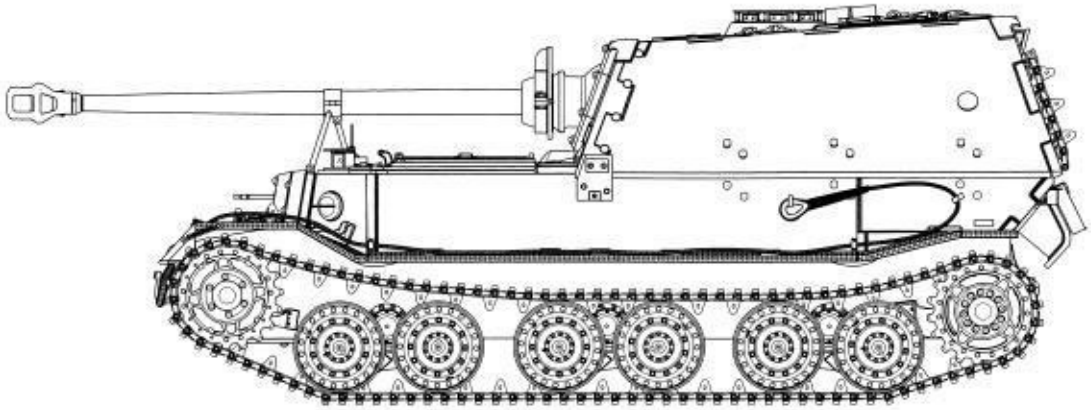
Бассейн реки Волги в районе Сталинграда



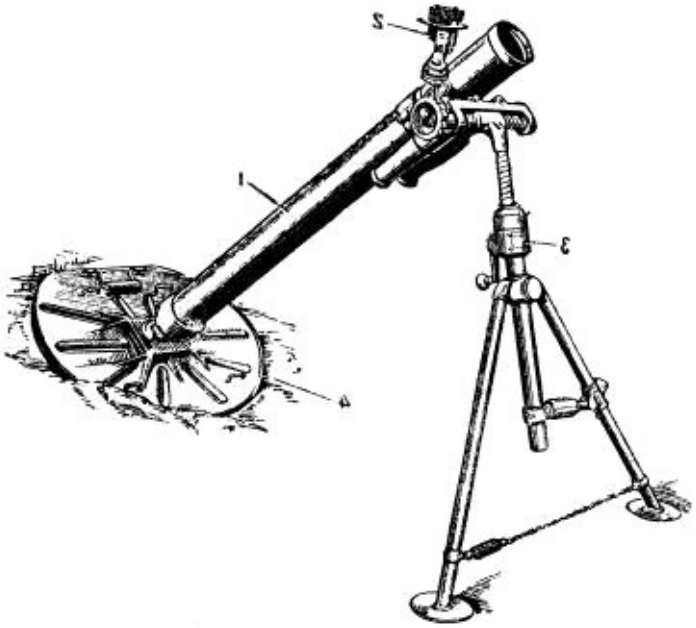
Ситуация под Сталинградом на 10 сентября 1942 г. (Названия заводов даны на левом берегу, а находились эти заводы, разумеется, на правом, напротив названий)



Сухопутная обстановка в районе Сталинграда на 10, 17 и 26 января 1943 г.

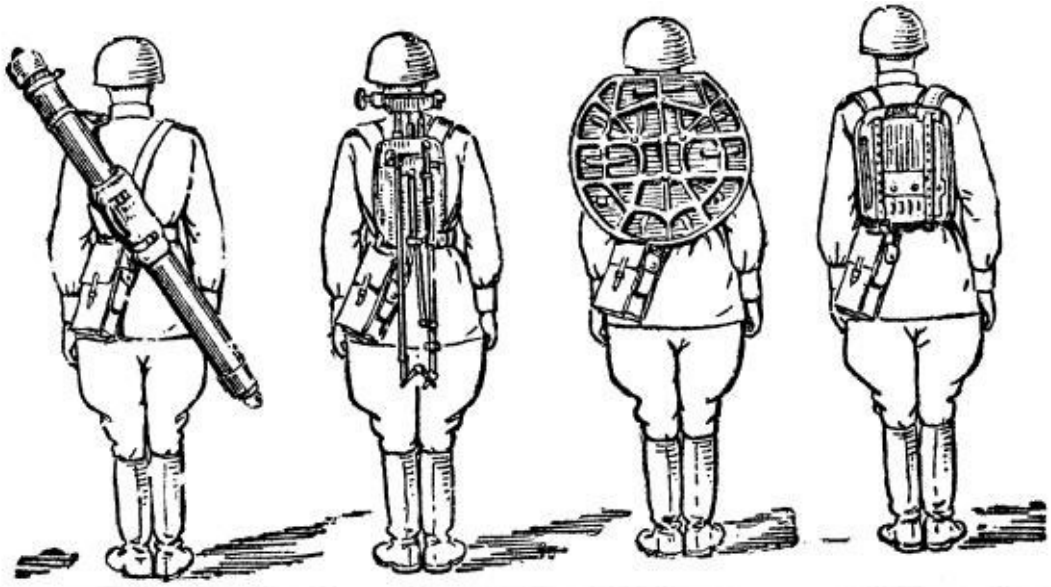


Тяжелое штурмовое орудие «Элефант» (Чертеж выполнил В. Мальгинов)

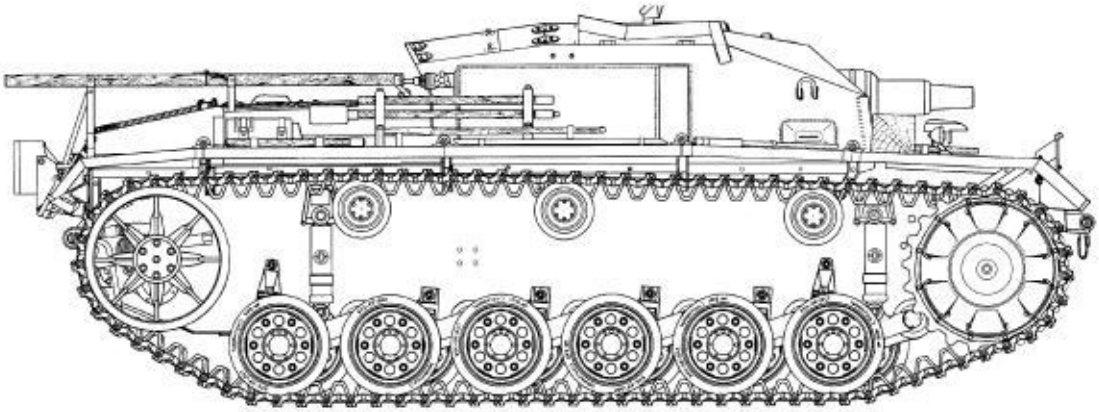


82-мм миномет обр. 1937 г. выпуска 1942–1943 гг. в боевом положении с прицелом МПБ-82.

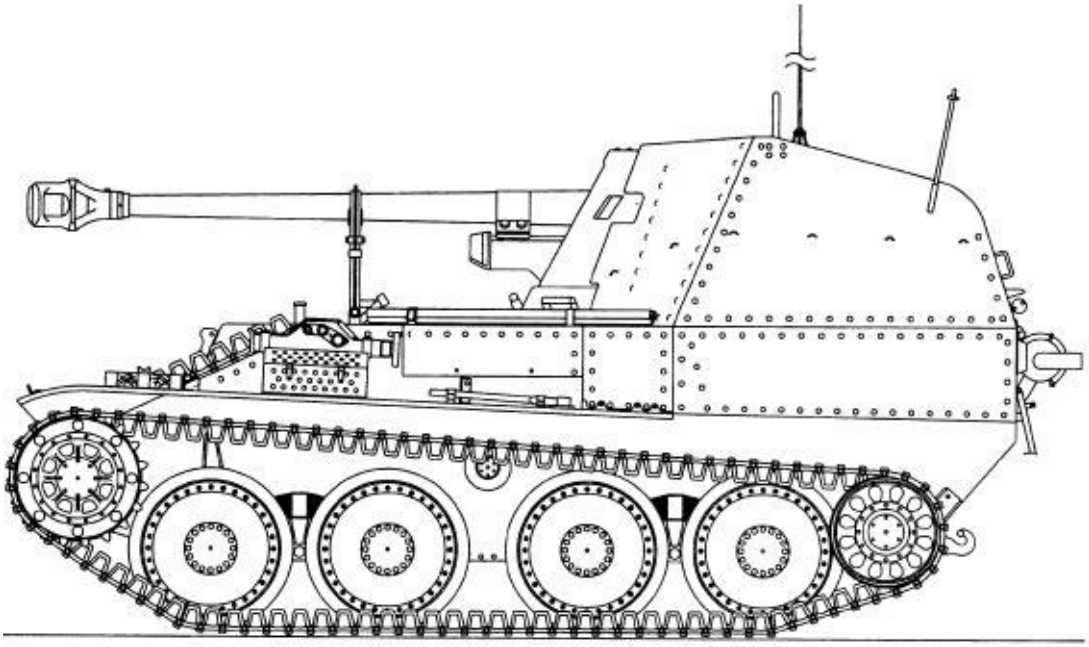
1 — ствол; 2 — прицел (МПБ-82); 3 — двунога; 4 — опорная плита



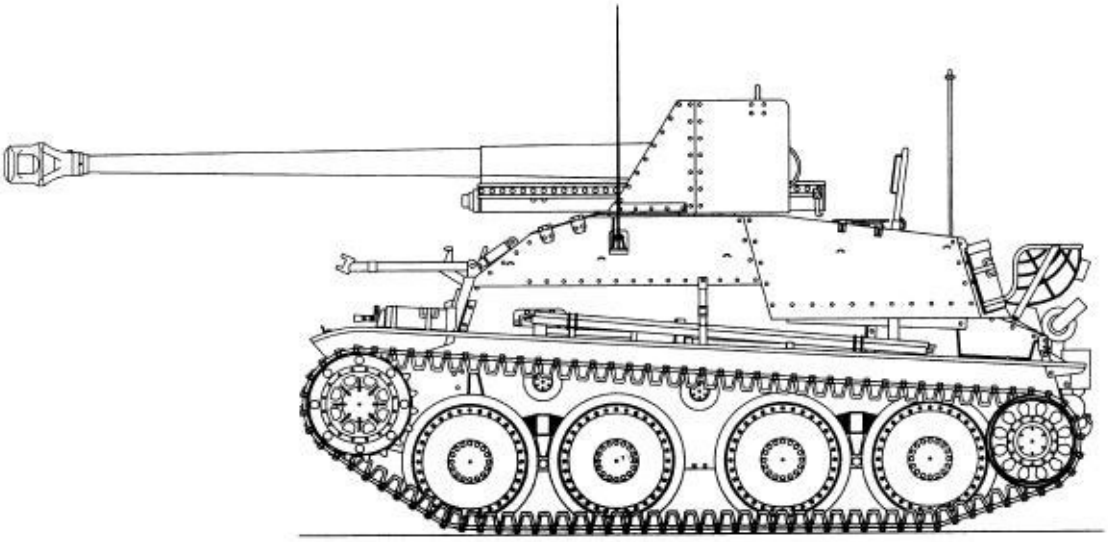
Переноска 82-мм миномета обр. 1937 г. и мин в лотках на людских вьюках



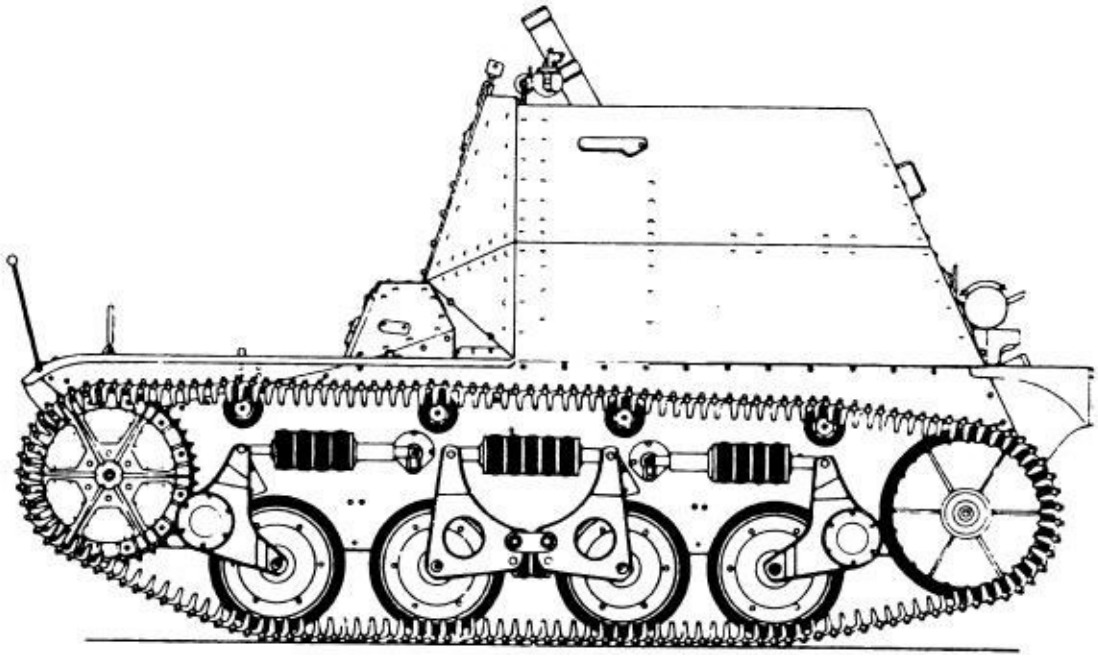
Штурмовое орудие StuG III Ausf E



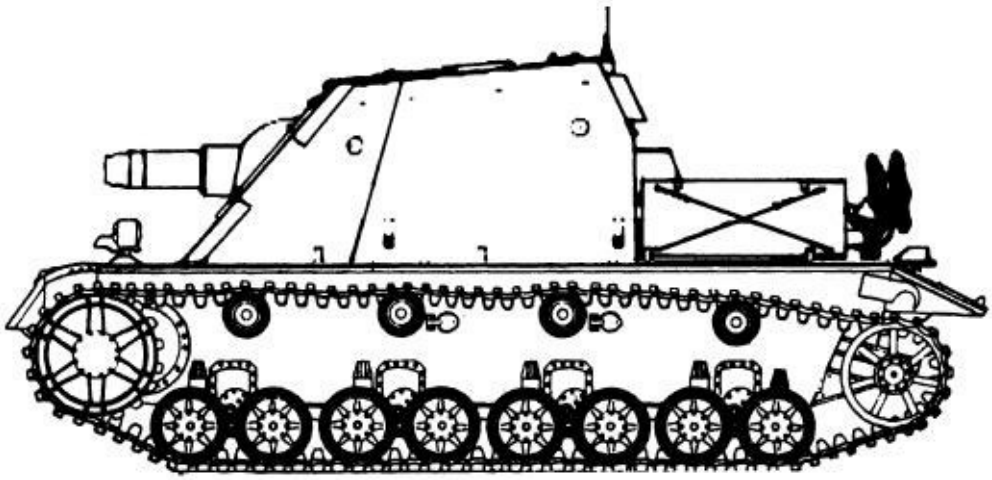
7,5-см установка «Мардер III» типа M (Sd.Kfz.138(M))



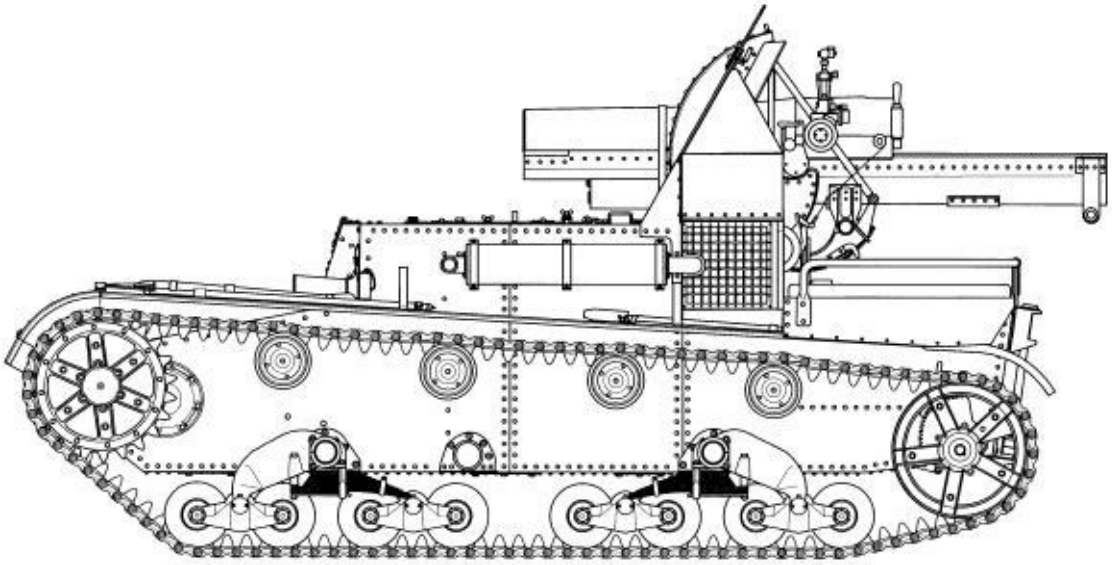
Истребитель танков «Мардер III» с 7,62-см пушкой Pak 36(r).



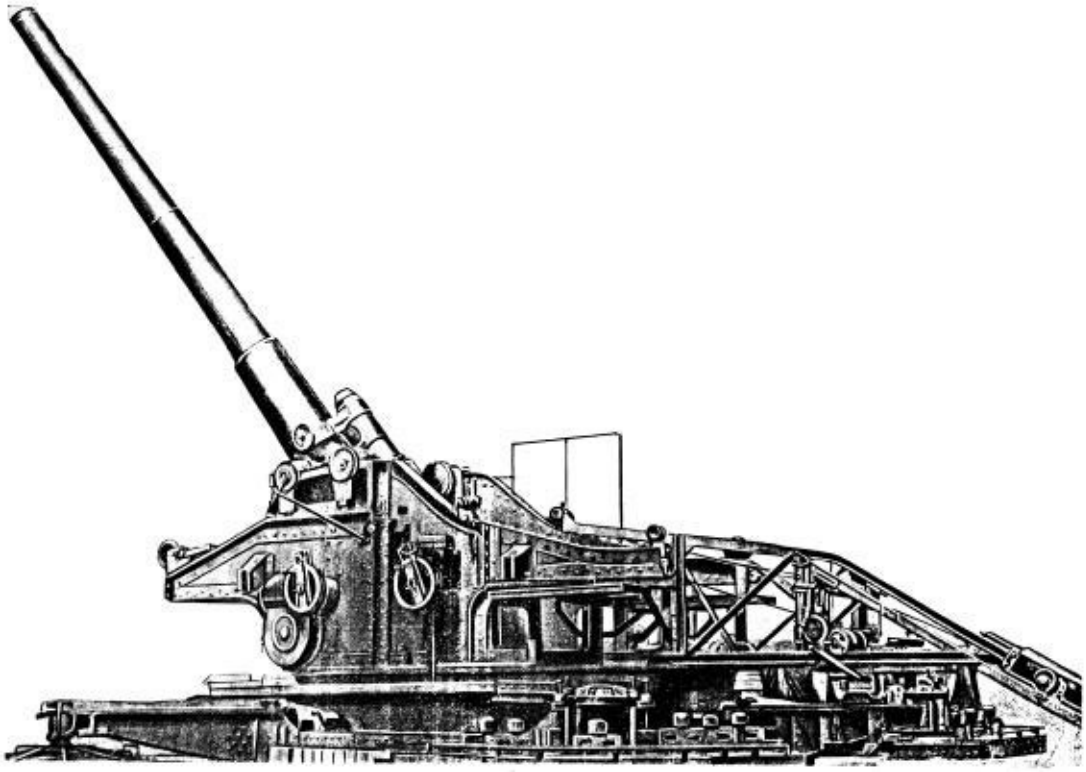
8-см самоходный миномет на базе легкого танка AMR 34ZT(f)



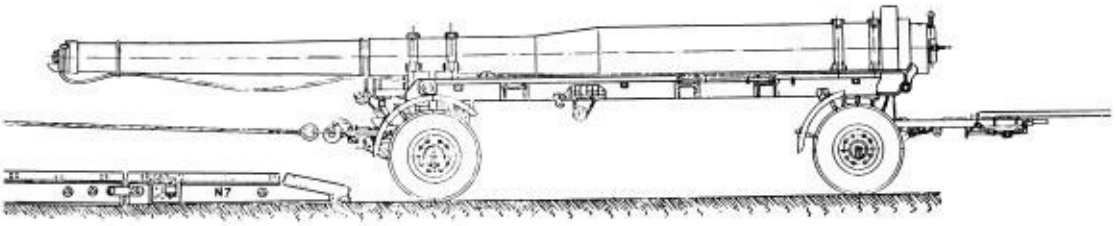
Самоходная артиллерийская установка 15-см Sturmpanzer IV Brummbär («Медведь») Sd.Kfz.166 первой серии



Самоходная установка СУ-5-2 со 122-мм гаубицей выпуска 1936 г.

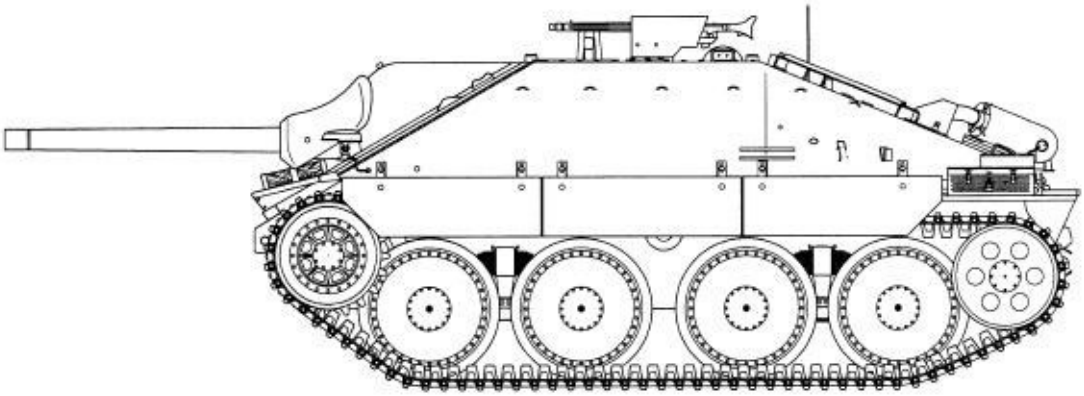


210-мм пушка Бр-17 в боевом положении

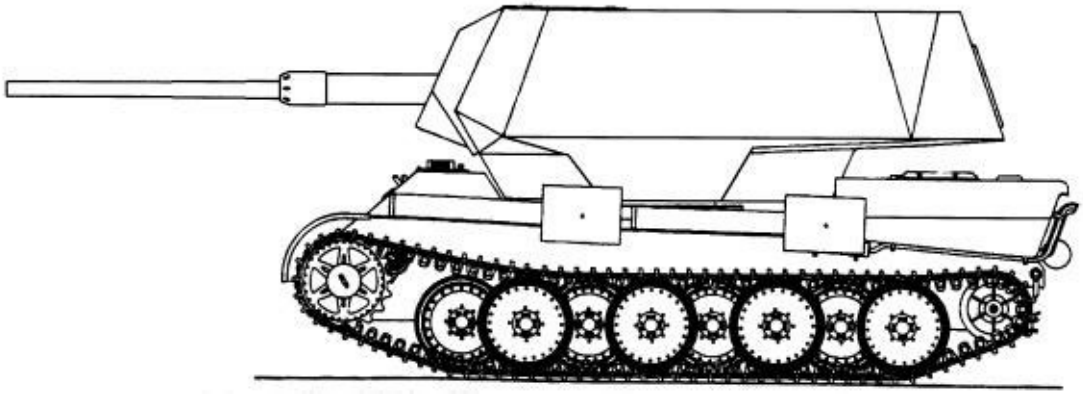


Ствольная повозка Бр-17

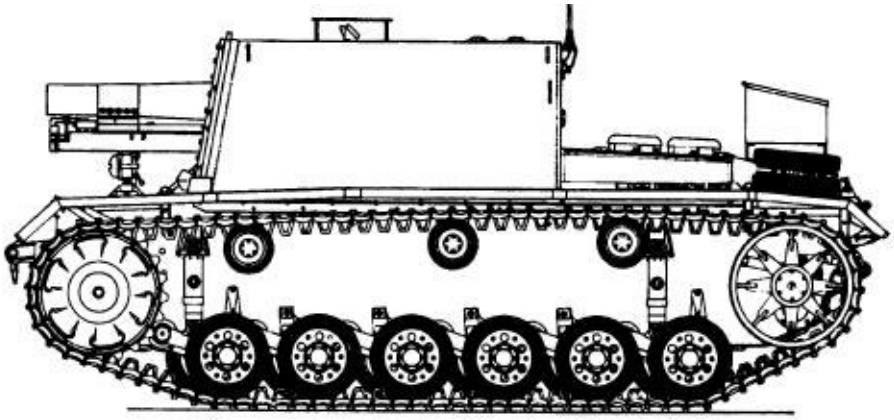
Расположение частей 2-го и 3-го Украинских фронтов на 1 января 1945 г.



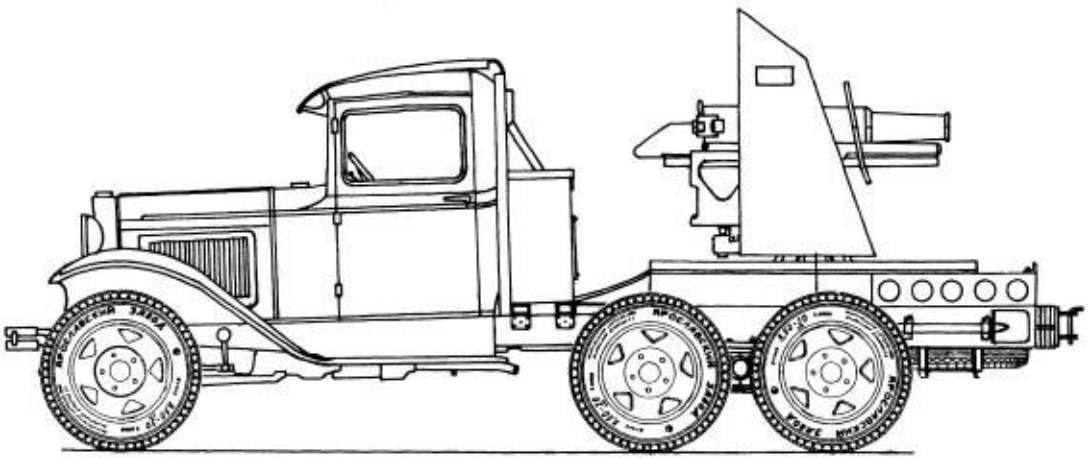
САУ «Хетцер»



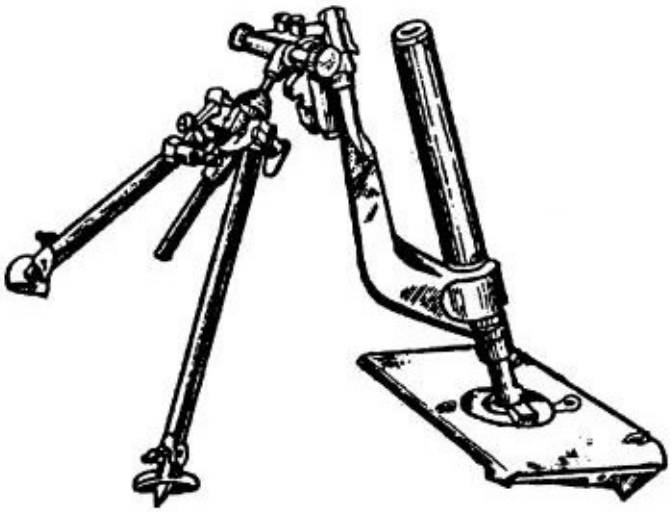
Орудие 8,8-см Flak 41, установленное на специально переделанном шасси «Пантеры»



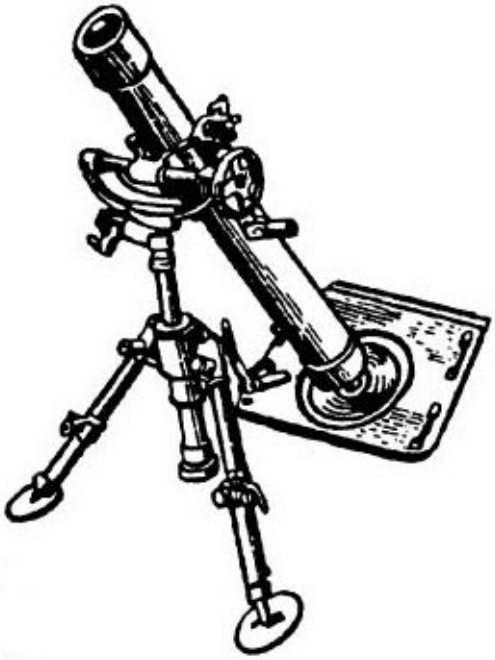
15-см самоходная установка на шасси танка T-III



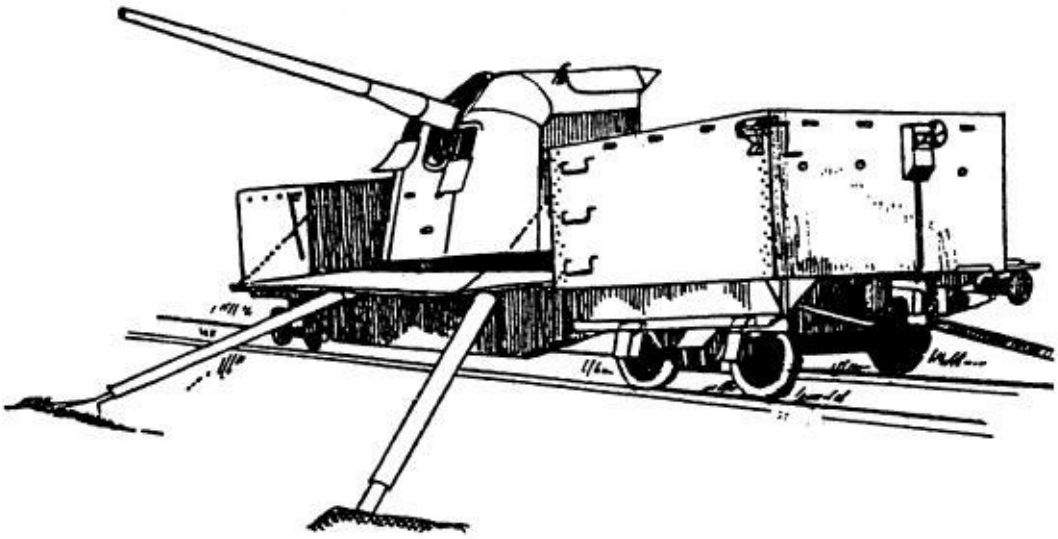
Самоходная установка СУ-12 с 76-мм полковой пушкой



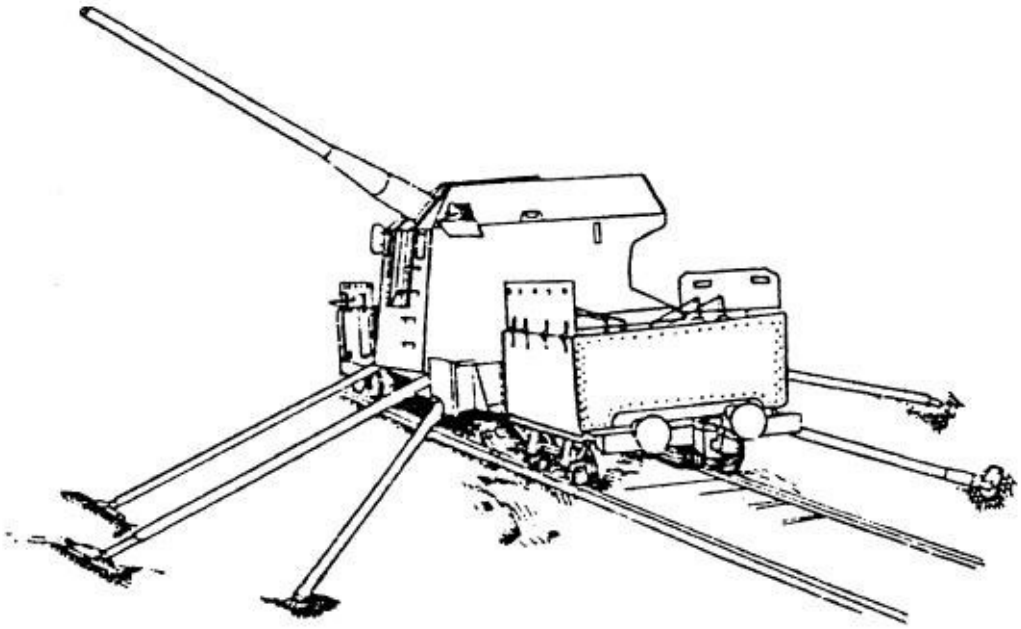
20-см легкий стержневой миномет



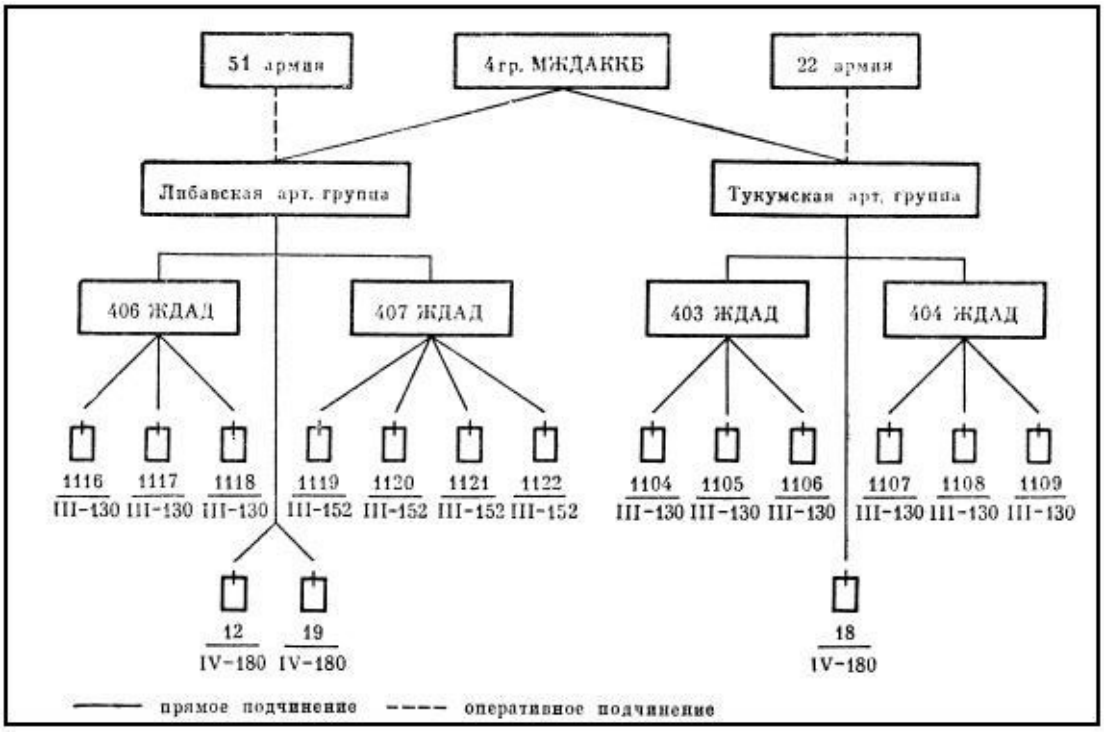
10-см чешский горный миномет



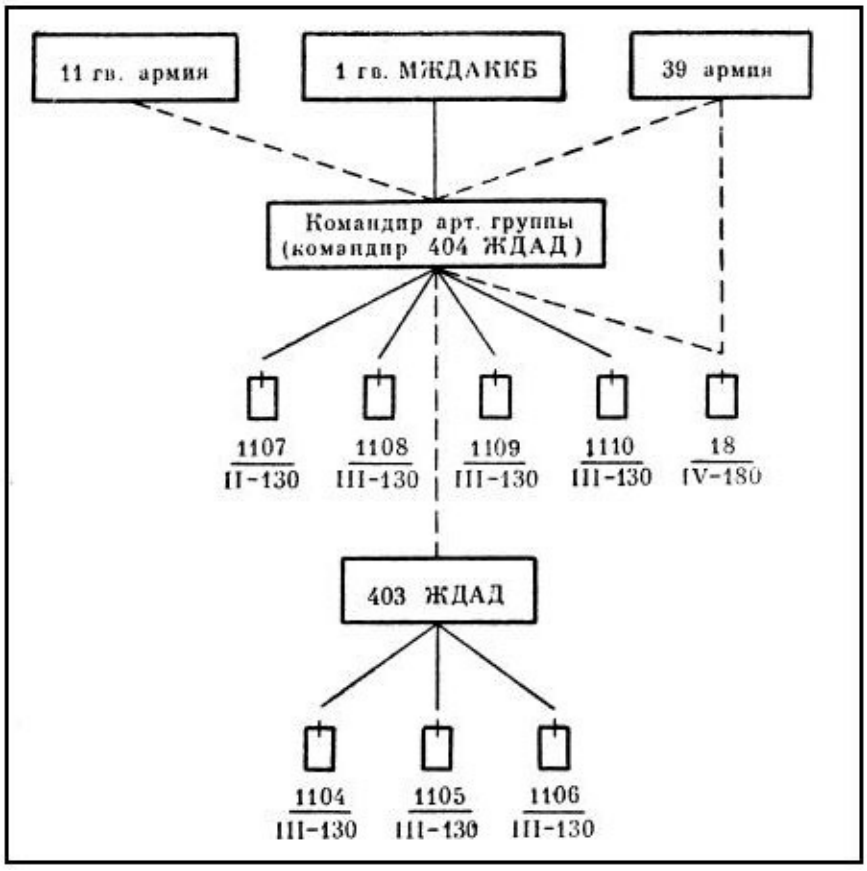
130-мм железнодорожная артиллерийская установка Б-57



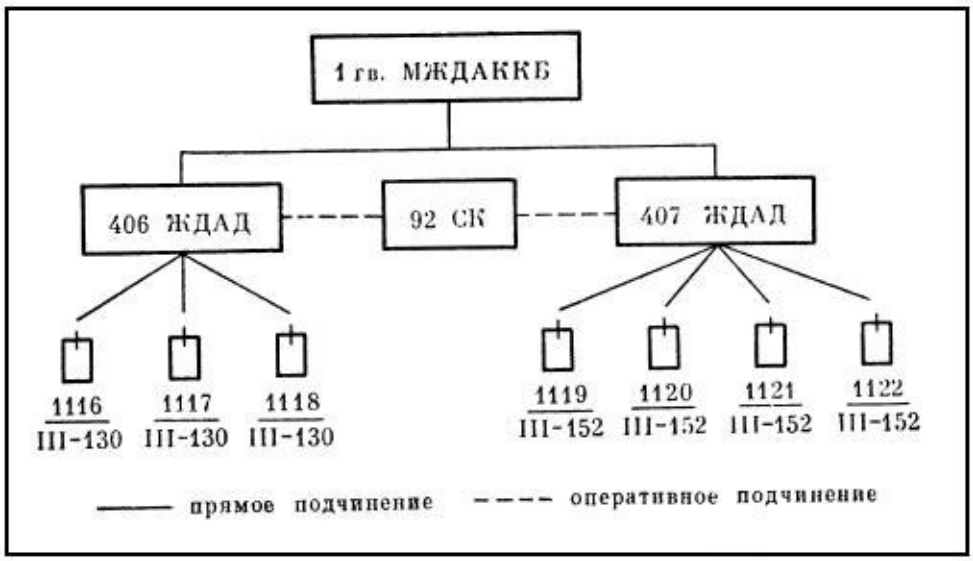
152-мм железнодорожная артиллерийская установка Б-64



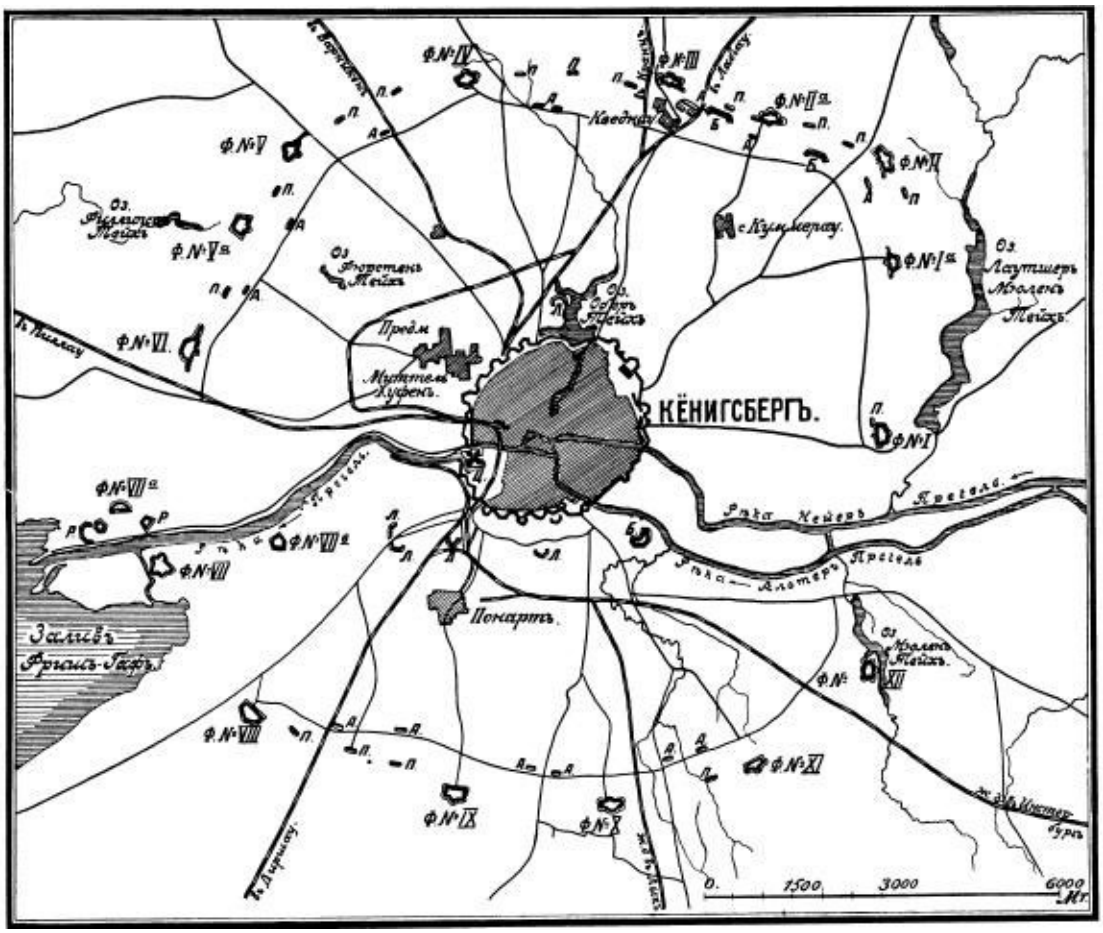
Организация командования железнодорожной артиллерии при освобождении Мемеля



Организация командования железнодорожной артиллерии в боях против курляндской группировки к 15 февраля 1945 г.

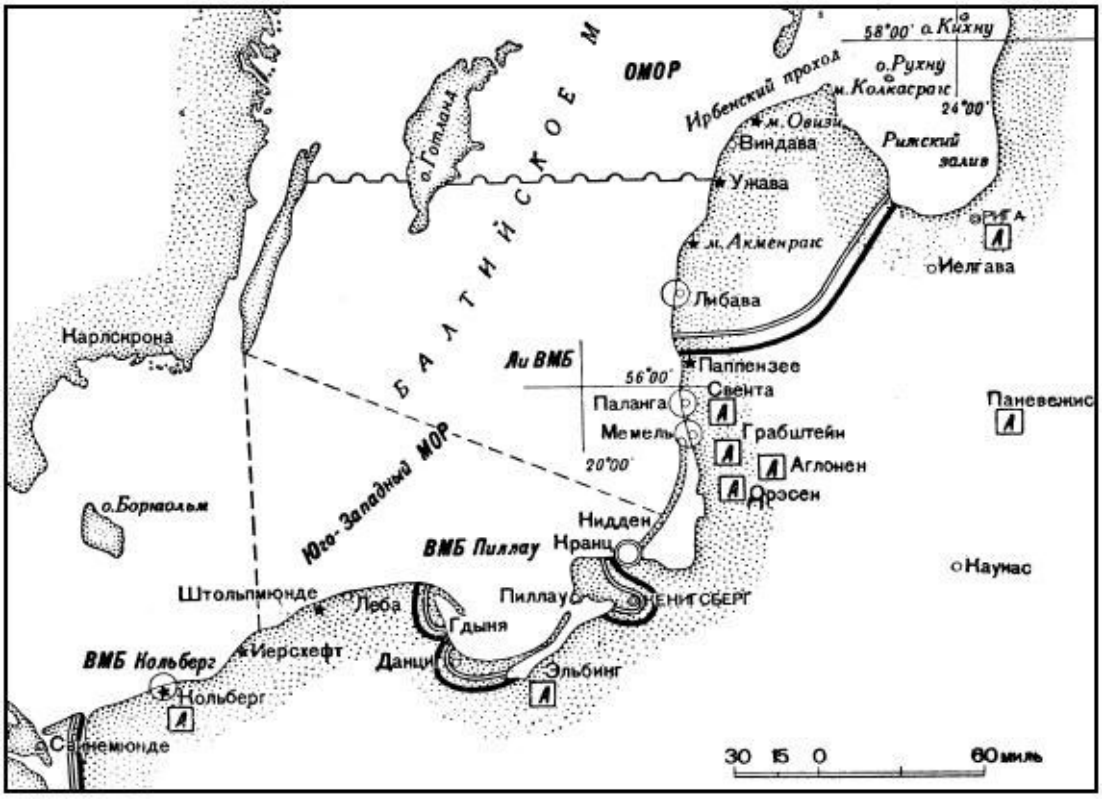


Организация командования железнодорожной артиллерии при ликвидации кенигсбергской и земландской группировок

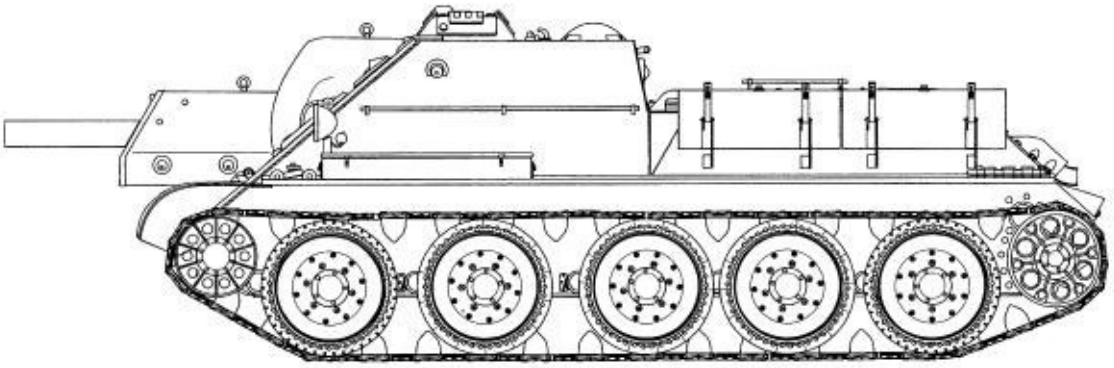


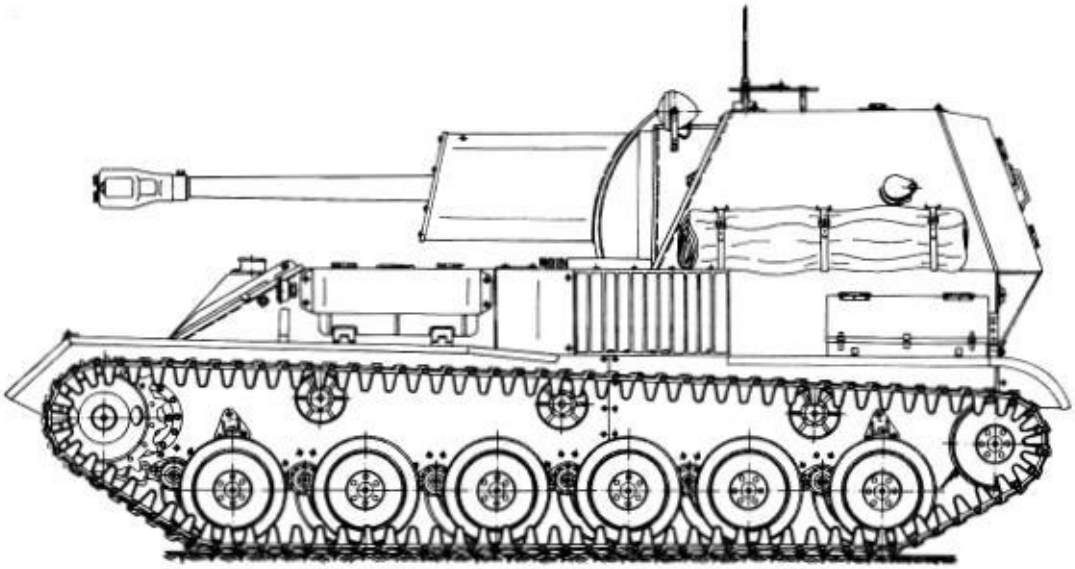
Крепость Кёнигсберг к началу Первой мировой войны

А. — артиллерийский парк; Б. — батареи; Л. — люнеты; П. — промежуточные казармы; Р. — редуты; Ц. — цитадель

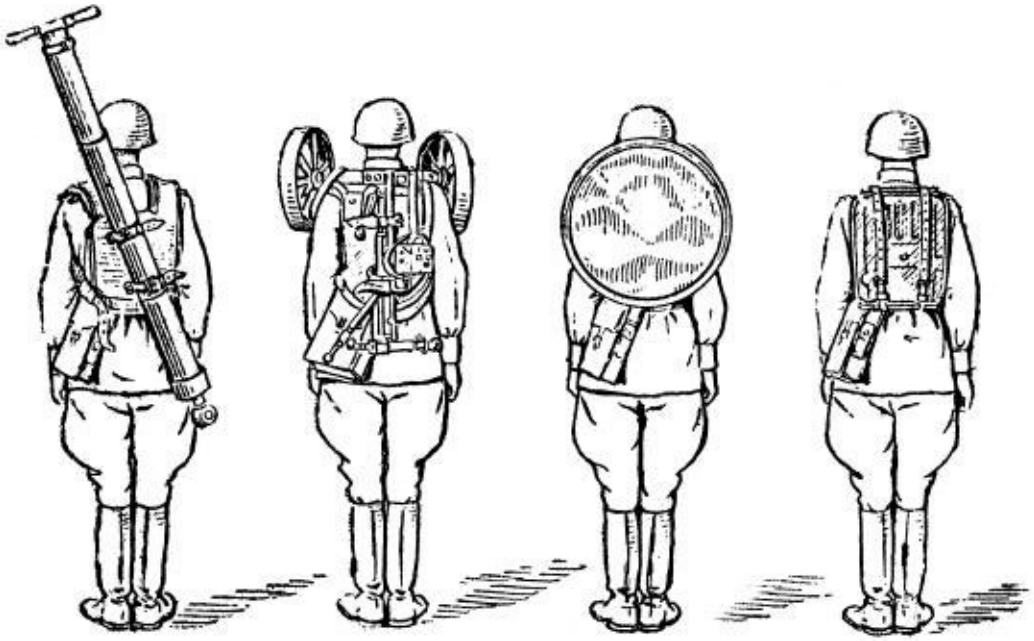


Линия фронта на Балтийском побережье на 27 марта 1945 г.

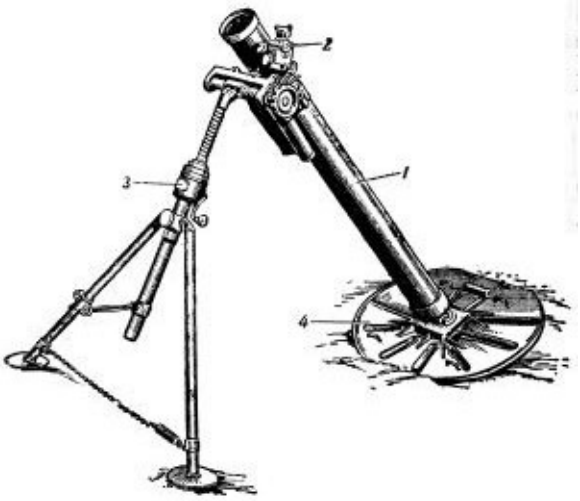

Самоходная установка СУ-122



Самоходная установка СУ-76

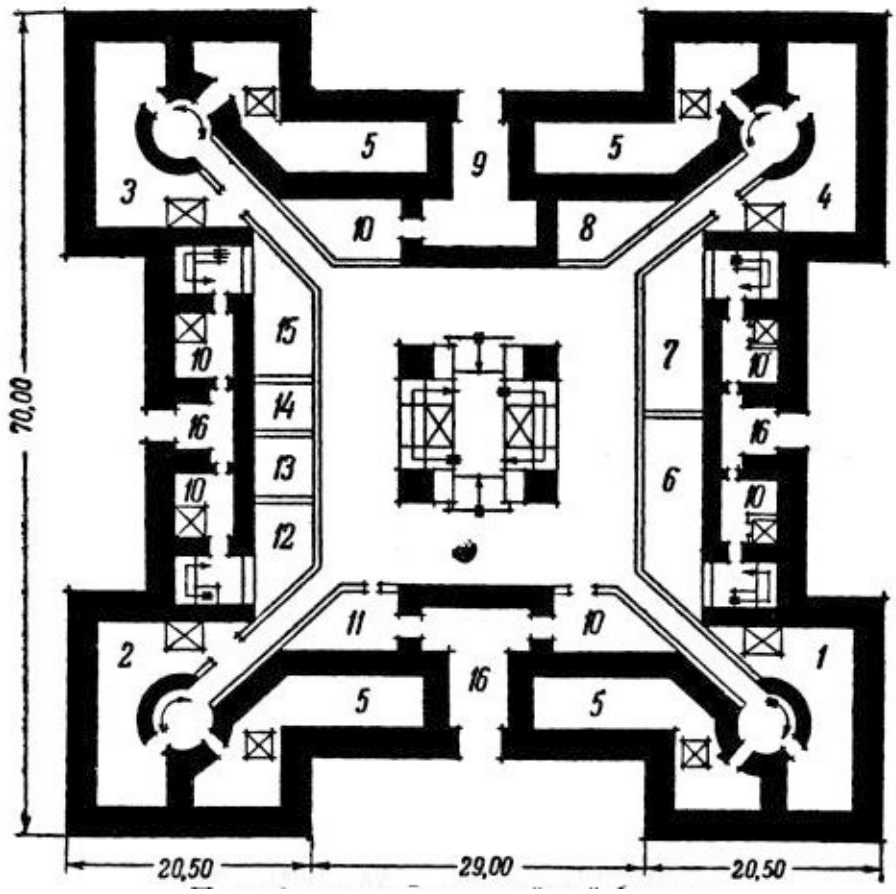


Переноска 82-мм миномета обр. 1941 г. и мин в лотках на людских вьюках



82-мм миномет обр. 1937 г. последнего выпуска в боевом положении с прицелом МПМ-44.

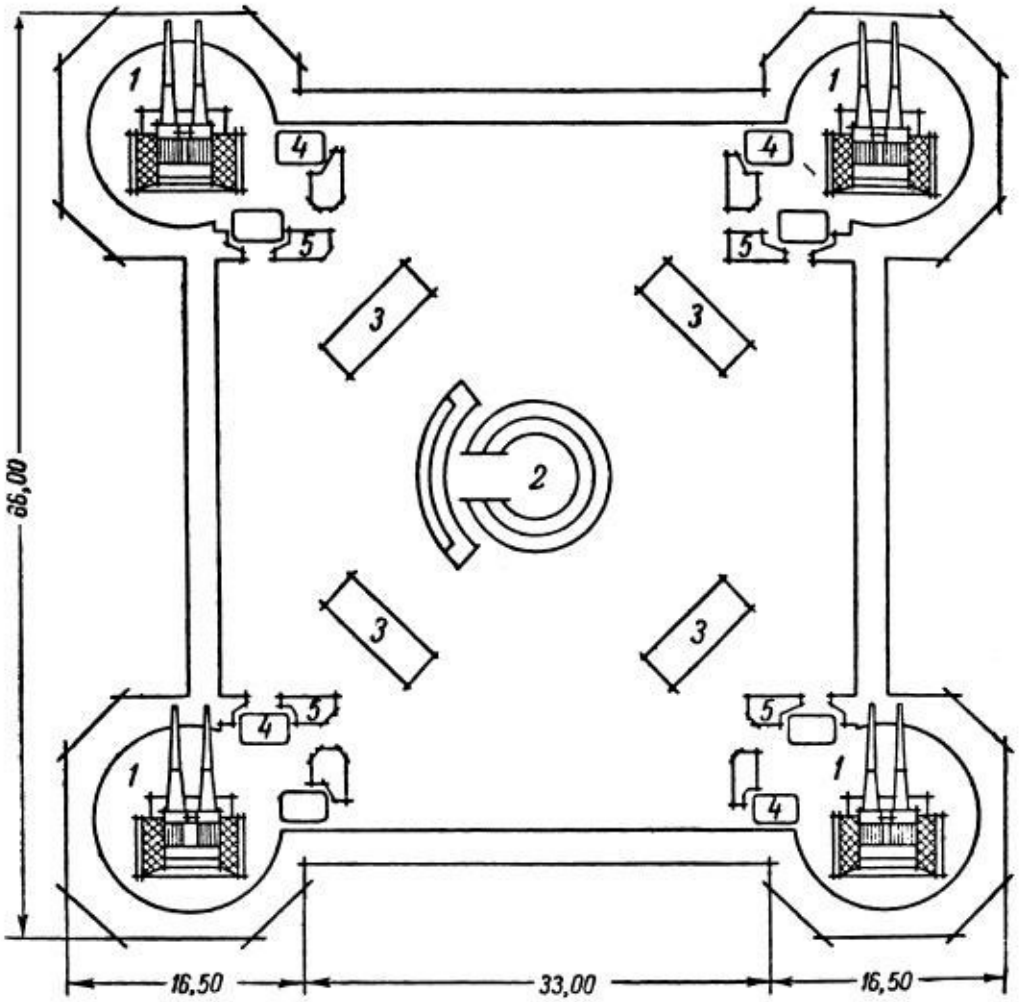
1 — ствол; 2 — прицел (МПМ-44); 3 — двунога; 4 — опорная плита (обр. 1937 г.)



План 1-го этажа орудийной башни

1 — отопление; 2 — вентиляция; 3 — станция водоснабжения; 4 —

приток воздуха; 5 — помещение для боеприпасов; 6 — мастерская; 7 — запасной вентилятор; 8 — гараж для танков; 9 — гараж для легковых автомашин; 10 — шлюзы; 11 — охрана; 12 — служебное помещение; 13 — высокое напряжение; 14 — служебное помещение; 15 — служебное помещение; 16 — служебное помещение, входы

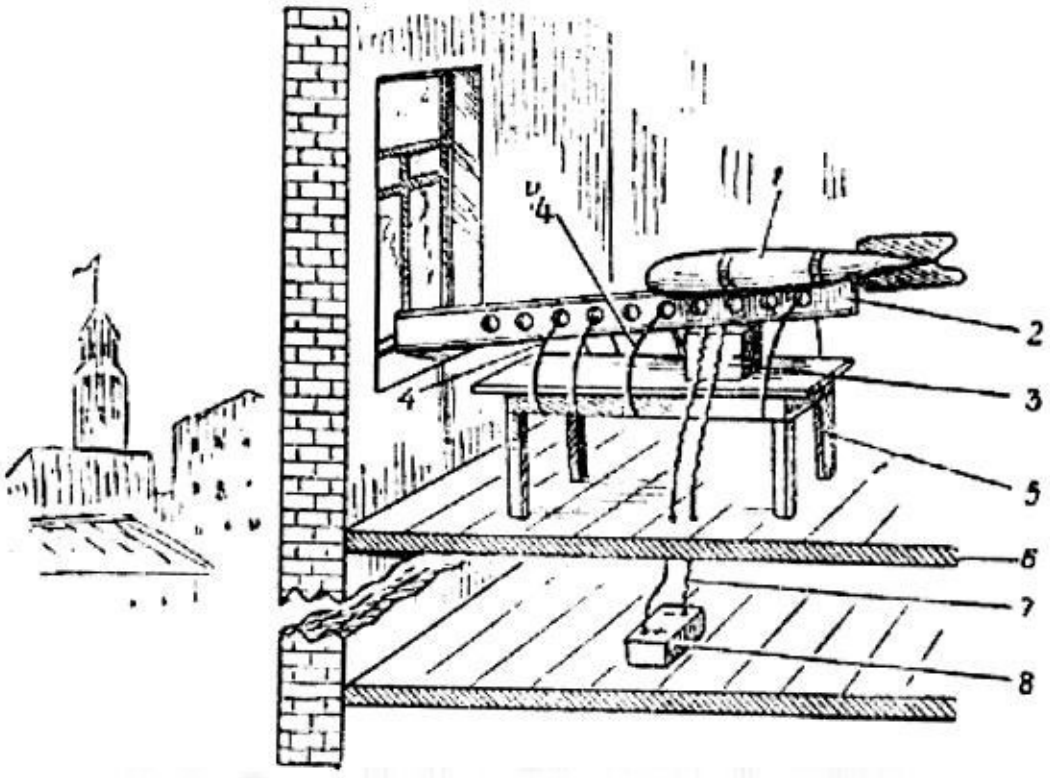


План верхней платформы орудийной башни

1 — 12,8-мм орудия; 2 — зенитный трансформатор «Мальзи»; 3 — помещение для хранения орудийного имущества; 4 — подъемник для снарядов; 5 — укрытия подъемника и снарядов

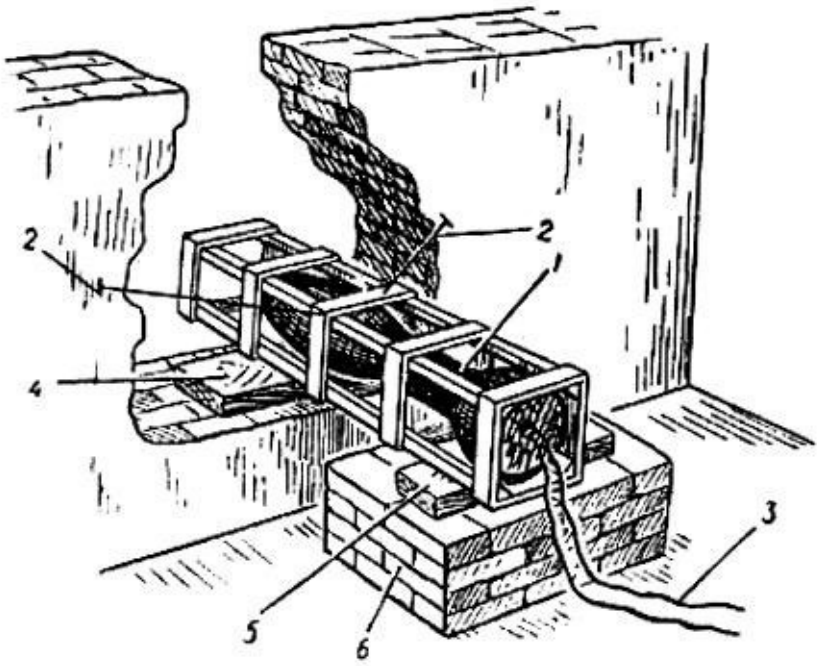
82-мм миномет обр. 1943 г. последнего выпуска в боевом положении с прицелом МПБ-82.

1 — ствол; 2 — прицел (МПБ-82); 3 — двунога; 4 — колесный ход; 5 — опорная плита



Установка реактивного снаряда М-13 для стрельбы прямой наводкой из окна дома:

1 — снаряд, 2 — спарка; 3 — подкладка, 4 — крепление проволокой, 5 — стол, 6 — междуэтажное перекрытие, 7 — электропроводка, 8 — аккумулятор



Положение реактивного снаряда М-31 при выстреле из пролома:

1 — снаряд, 2 — крепление, 3 — электропроводка, 4 — доска, 5 — клин, 6 — кирпичная кладка

Артиллерия была решающей силой в Первой мировой войне и сохранила свое значение во Второй мировой войне. Несмотря на резкое увеличение боевых возможностей танков и авиации, без массированной артиллерийской поддержки проведение серьезных операций было немыслимо.

Автор пишет о «блеске и нищете» советской артиллерии, о ее применении в страшном 1941 году, в великом противостоянии при обороне Сталинграда, в битве на Курской дуге и в завершающих боях под Будапештом и Кенигсбергом, броске на Берлин и последнем штурме вражеской цитадели.

ISBN 978-5-17-065142-9

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ

---

notes

Примечания

1

Название фирмы я даю по русскому экземпляру секретного договора, а качество перевода оставлю на совести советских руководителей, подписавших сей документ.

2

Архив экономики им. Плеханова. Ф. 3429. Оп. 16. Д. 160.

З

К — индекс завода им. Калинина в подмосковной деревне Подлипки.

4

Россия. XX век. Документы. 1941 год в 2-х книгах / Под ред. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 1. С. 752.

5

У немцев вес заряда увеличивался с возрастанием номера заряда и максимальным был последний заряд, а наименьшим заряд № 1. В Красной Армии было все наоборот: самый мощный — полный заряд, затем заряд № 1, а далее с увеличением номера заряд уменьшался.

6

Полигональные снаряды — снаряды, имеющие в сечении вид правильного многоугольника.

7

В 1920–1930-х гг. в СССР проводились опыты исключительно с фугасными подкалиберными снарядами. До бронебойных не додумались. Первые бронебойные подкалиберные снаряды стали изготавливаться у нас в 1942 г. по образцу трофейных германских подкалиберных бронебойных снарядов.

8

Нарезные снаряды — вид беспоясковых снарядов, имеющих на корпусе выступы, которые должны входить в нарезы канала.

9

Кинематическая схема мнимого треугольника — три шарнира и два звена. Третье звено — мнимое. Этим звеном является грунт, на который устанавливается миномет. По этой схеме изготавливалось большинство минометов сопровождения. В конструктивном оформлении она выглядит следующим образом: ствол шарнирно связан с двуногой, опирающейся в грунт, и плитой, также опирающейся в грунт. Двунога и плита друг с другом не связаны. Минометы Брандта имели гладкий ствол и стреляли оперенными минами. Схема воспламенения заряда была разработана английским инженером Стоксом. Воспламенение и горение основного метательного заряда по этой схеме происходит в замкнутом объеме (в трубке стабилизатора мины) при давлении 900–1500 кг/см^2. Пороховые газы прорывают оболочку гильзы и прорываются в пространство за миной. Само же воспламенение происходит путем самонакалывания мины, опущенной в ствол на жало ударника на дне канала.

10

Так в СССР называли тяжелые немецкие орудия. Ствол их был рассверлен для русского калибра 152,4 мм.

11

Российский государственный военный архив. Ф. 20. Оп. 34. Д. 43.

12

ТАОН — Тяжелая артиллерия особого назначения.

13

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1961. Кн. II. С. 483.

14

Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.). Документы и материалы. Минск: НАРБ, 2007. С. 382.

15

Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940–1942 гг. / Составители А. М. Радионов, Р. В. Мазуркевич, Ю. Н. Майоров и др. М.: ГАБТУ, 2005. С. 312.

16

Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940–1942 гг. С. 273.

17

Пост ВНОС — пост воздушного наблюдения, оповещения и связи.

18

Невское время, № 151(2033), 14 августа 1999 г.

19

Карель П. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: Изографус, Эксмо, 2003. С. 15.

20

Цит. по: Егоров Д. Н. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 370–371.

21

Там же. С. 371.

22

Там же. С. 375–376.

23

Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.). Документы и материалы. С. 266.

24

Егоров Д. Н. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. С. 385–286.

25

Архив Министерства обороны СССР. Ф. 219. Оп. 2430. Д. 28. Л. 3.

26

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I. С. 23–24.

27

Там же. С. 61.

28

Там же. С. 60.

29

Ширер У. Берлинский дневник. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2002. С. 312.

30

Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.). Документы и материалы. С. 283.

31

К 1914 г. термины «белорус» и «малоросс» (украинец) как в русской армии, так и во всех учреждениях Российской империи понимались не как национальность, а как место жительства на определенной территории, так же как рязанец, уралец, сибиряк. Вообще ни в паспортах, ни в любых других документах национальность подданных империи не указывалась, указывалось лишь вероисповедание. Городские жители Малороссии и Белоруссии говорили на русском языке. Часть жителей сельских местностей говорила на местных наречиях, крайне близких к русскому языку. Так что москвич без труда мог понять любую «мову». Сейчас на Украине язык коренных жителей сельских местностей презрительно называют суржиком, а официальным языком стал искусственный украинский язык, созданный австро-венгерской разведкой и украинствующими большевиками. Инородцы: финны, малые народы Севера и Сибири, все местные жители Средней Азии и т. д. — в армию не призывались даже в военное время, хотя представители туземной аристократии не подвергались дискриминации и получали высшие чины в российской армии (хан Нахичеванский, барон Маннергейм и т. д.).

32

Солонин М. С. 22 июня. Анатомия катастрофы. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 377–380.

33

1941 год — уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992. С. 114.

34

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971.

35

1941 год — уроки и выводы.

36

Цит. по: Солонин М. С. 22 июня. Анатомия катастрофы.

37

Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссариата обороны СССР. М.: Терра, 1994. Т. 13. С. 202.

38

Там же. С. 201.

39

Солонин М. С. 22 июня. Анатомия катастрофы. С. 418–419.

40

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 гг. М.: АСТ, 2005. С. 380.

41

РГВА. Ф. 25874. Оп. 4. Д. 147.

42

Цит. по: Свирин М. Зачем Сталин уничтожил «Линию Сталина»? Материалы сайта http://tank.uw.ru/ms/poligon/url/index.khtml.

43

Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.). Документы и материалы. С. 377.

44

Егоров Д. Н. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. С. 183.

45

Там же. С. 185.

46

Там же. С. 186–187.

47

Richter G. Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandemburg 1935–1945. Berlin, 1967.

48

Фонды МК БКГ. Оп. 62 УР. Д. 97.

49

Буг в огне. Сборник воспоминаний. Минск, 1965. С. 78.

50

Егоров Д. Н. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. С. 353–354.

51

Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. Выпуск 2. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 73–74.

52

В том числе и орудия корпусных артиллерийских полков, орудия птап РВГК учтены в числе орудий ПТО.

53

С учетом 30-й армии, вошедшей в состав Западного фронта 17 ноября 1941 г.

54

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 129–130, 136.

55

Казаков В. И. Артиллерия, огонь! Записки маршала артиллерии. М.: АСТ, 2008. С. 48.

56

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 1. С. 111.

57

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 141, 148–149.

58

Архив ГАУ. ОРГПУ. Д. 121/2 1941 г. ч 4. С. 115.

59

Архив Штаба артиллерии Советской Армии. Ф. 5. Оп. 17с. Д. 7. Л. 414.

60

История отечественной артиллерии / Под ред. К. П. Казакова. Т. III. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (октябрь 1917 г. — июнь 1941 г.). Кн. 8. Советская артиллерия в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами (1921 — июнь 1941 г.). С. 570.

61

Пример излагается по записи бывшего начальника штаба 888-го артиллерийского полка старшего лейтенанта Логачева.

62

На марше по плохим дорогам у этих орудий стали соскакивать колеса, и орудия пришлось временно вывести из строя.

63

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. Т. III. С. 235.

64

Лебедев Ю. О планах газовой атаки на Ленинград. Материалы сайта http://www.blockade.ru/press/?136.

65

Блокада Ленинграда 1941–1944 гг. Документы и очерки русских и немцев. Сборник. Гамбург: Ровольт, 1992.

Колычев В., Восипчук И. «Слухи о подводных свалках химического оружия в Черном море подтвердились». // «Факты», март 2000 г.

67

Из дневника Гальдера.

НОВ — нестойкие ОВ; СОВ — стойкие ОВ.

69

Рецептура ОВ, проходивших под наименованиями Р-12, Р-15, СОВ, НОВ и т. п., секретна до сих пор.

70

Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). М.: Воениздат, 1964. С. 33.

71

Остехбюро — Особое техническое бюро; АНИИ — Артиллерийский НИИ.

72

Завод «Большевик» по объему производства был примерно равен «Баррикадам», но среди его продукции был большой процент морских артсистем.

73

Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 190–191.

74

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I. С. 389.

75

Артиллерия в оборонительных операциях… С. 390.

76

Артиллерия в оборонительных операциях… С. 393.

77

Юго-Западный фронт был образован в конце октября 1942 г. с передачей ему 1-й гвардейской (переименована из 63-й армии) и 21-й армий из состава Донского фронта.

78

Казаков В. И. Артиллерия, огонь! Записки маршала артиллерии. С. 313, 315.

79

Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». С. 233.

80

В приведенной справке (материалы сайта http://ww2.kulichki.ru/stumpfeld.htm) автор умышленно не делал исправлений.

81

Казаков В. И. Артиллерия, огонь! Записки маршала артиллерии. С. 335.

Судя по Милитере — Казаков Василий Иванович, «На переломе» М.: Воениздат, 1962, — прим. верстальщика.

82

Там же. С. 336–337.

83

Казаков В. И. Артиллерия, огонь! С. 339.

84

Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». С. 235.

85

В 1964 г. День артиллерии переименован в День ракетных войск и артиллерии.

86

Ньютон С. Х. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 24–25.

87

В скобках даны устаревшие танки с пушками, обладавшими недостаточной бронепробиваемостью для поражения танков Т-34 и КВ. Цифры в скобках не включены в стоящие перед скобками цифры.

88

Командирские танки типа T-III и T-IV имели лишь макет пушки.

89

Моторизованная дивизия «Викинг» была сформирована из западноевропейских добровольцев, включая финнов.

90

Архив Штаба артиллерии Советской Армии. Ф. 1. Оп. 40сс. Арх. 13. Лл. 94–105; Ф. 1. Оп. 40сс. Арх. 14. Лл. 1–17. Ф. 1. Оп. 40сс. Арх. 10. Лл. 56–61, 94–106.

91

Там же.

92

Архив Штаба артиллерии Советской Армии. Ф. 1. Оп. 74. Арх. 72–76. Л. 116. Из доклада командира 4-го артиллерийского корпуса прорыва о боевых действиях артиллерии корпуса в июле 1943 г.

93

Архив Штаба артиллерии Советской Армии. Ф. 21. Оп. 482. Арх. 49–53. Ф. 21. Оп. 887. Арх. 9. Л. 176. Ф. 21. Оп. 478. Арх. 13. Продолжение. Л. 39.

94

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. II. С. 183.

95

Замулин В. Засекреченная Курская битва. Неизвестные документы свидетельствуют. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 92.

96

Дегтярев П. А., Ионов П. П. «Катюши» на поле боя. М.: Воениздат, 1991. С. 113–114.

97

Там же. С. 114–115.

98

Дегтярев П. А., Ионов П. П. «Катюши» на поле боя. С. 115–116.

99

Ньютон С. Х. Курская битва: немецкий взгляд.

100

Лопуховский Л. Н. Прохоровка — без грифа секретности // Военноисторический архив. Выпуск 2 (50). М., 2004. С. 57.

101

Лопуховский Л. Н. Прохоровка — без грифа секретности. С. 78–80.

102

Архив Министерства обороны. Ф. 361. Оп. 34379. Д. 4. Л. 58.

103

За день 11-я гвардейская армия израсходовала до 200 тысяч снарядов и мин. Архив МО СССР. Ф. 88. Оп. 20410. Д. 20.

104

12-я иптабр ранее была передана в состав 3-й армии из резерва Ставки.

105

Архив Штаба артиллерии СА. Ф. 1. Оп. 865. Д. 160; Оп. 62. Д. 1, 5, 9, 33; Оп. 94. Д. 5; Оп. 10. Д. 5; Оп. 48. Д. 63. Архив ГШ. Ф. 13. Оп. 504. Д. 107, 311.

106

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

107

Лопуховский Л. Н. Прохоровка — без грифа секретности / Военноисторический архив. Выпуск 2 (50). М., 2004. С. 69.

108

Игуменов П. С. Исследование поражаемости отечественных танков. (По опыту Великой Отечественной войны). Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук, 1947.

109

В скобках — Т-34.

110

История бронетанковых и механизированных войск Советской Армии / Под ред. Е. А. Разина. М.: Издание Академии бронетанковых и механизированных войск Советской Армии, 1953. С. 294.

111

Тяжелые гаубицы и мортиры к 1941 г. стали абсолютно бесполезны для борьбы с кораблями, зато были незаменимы для прорыва обороны противника, хорошо укрепленной в инженерном отношении.

112

Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2005. С. 335–336.

113

Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. С. 338–340.

114

Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. С. 345–346.

115

Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. С. 349–354.

116

Финны называли доты линии Маннергейма «миллионерами», поскольку стоимость каждого составляла около 1 млн финских марок.

117

Возможно, из-за технической безграмотности наши генералы именовали так не только 21-см K.38, но и другие типы 21-см германских пушек (21-см K52, K.39/40 и K.39/41).

118

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989. С. 416.

119

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. С. 417–418.

120

Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 5. М.: Воениздат, 1951. С. 100, 101.

121

117-й и 419-й иптап (7-й оиптабр) были изъяты из 5-го гв. кк, которому до этого они были приданы; 1008-й и 1172-й иптап в ночь на 3 января прибыли в резерв фронта из 57-й армии и сразу же были переданы в 4-ю гвардейскую армию.

122

200-й минп (18-й тк) находился в полосе 31-й гв. ск вместе со 170-й тбр с начала боев, 140 минп передавался в 4-ю гвардейскую армию вместе с 12-й гв. кд.

123

40-я и 41-я гв. сд, 93-я сд, 16-я мбр, 78-й ттп, 1289-я сап, 247-я исб. Понесшие большие потери 80-я гв. и 4-й гв. сд, 470-я и 456-я легкие и 1962-й иптап были выведены на доукомплектование. 4-я гв. сд для доукомплектования с фронта не отводилась.

124

Боевое применение воздушно-десантных дивизий в подобных операциях не отличалось ни по способам, ни по форме от боевого применения обычных стрелковых дивизий, поэтому здесь и дальше все, что говорится о стрелковых дивизиях, относится и к воздушно-десантным.

125

С учетом дивизионной артиллерии, используемой в системе противотанковой обороны.

126

С учетом 595-й и 1658 иптап, 292-й минп, приданных 18-му тк.

127

В последующем 1255-й иптап отошел в северном направлении и поступил в распоряжение командира 5-го гв. кк.

128

Вместе с 31-й гв. и 68-й ск из состава 4-й гвардейской армии выбыли 140-й минп, 117-й и 1961-й иптап, 127-й пап, 1/152-й гап.

129

438-й и 762-й иптап оставались в подчинении (резерве) командующего 4-й гвардейской армией, а 1008-й иптап переподчинялся командиру 5-го гв. кк. В 438-м иптап имелось только три орудия.

130

43-я иптабр, прибывшая во фронт 19–21 января из Волчанского учебного артиллерийского лагеря, была придана 30-му ск, выдвигавшемуся для обороны рубежа между Дунаем и оз. Балатон (совместно с 57-й армией).

131

Громов М., Мощанский И. Штурм Будапешта 24 октября 1944 г. — 13 февраля 1945 г. Военная летопись. Военно-историческая серия «Армии мира». Выпуск 3. Баронов О. Балатонская оборонительная операция. М.: Экспринт, 2001.

132

Данные о соотношении сил приведены из книги «Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». М.: Воениздат, 1959. Т. IV. С. 212.

133

В том числе зенитные артиллерийские полки и минометные полки полевой реактивной артиллерии.

134

В том числе учтены орудия и минометы армейских пушечных артиллерийских соединений.

135

Архив Штаба артиллерии Советской Армии. Ф. 1. Оп. 528сс. Арх. 2. Ф. 21. Оп. 482сс. Арх. 13.

136

Архив Министерства обороны. Ф. 243. Оп. 20607. Д. 27. Л. 152.

137

1963-й иптап был придан 1-му гв. УР и занимал противотанковый район Шерегельеш, на участке обороны 10-го опаб.

138

10-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон в течение первого часа боя потерял до 40 % личного состава, 11 орудий, 26 пулеметов, 10 противотанковых ружей и в конечном счете стал небоеспособен.

139

Так как 1-й гвардейский укрепленный район был разобщен с частями 4-й гвардейской армии озером Веленце, что затрудняло управление им, то 7 марта он был передан в подчинение командующего 27-й армией.

140

8 марта 68-я стрелковая дивизия была выведена в резерв армии для пополнения и приведения в порядок.

141

Архив Штаба артиллерии Советской Армии. Ф. 1. Оп. 872с. Д. 82. Л. 12.

142

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. II. С. 457.

143

Чуйков В. И. Конец третьего рейха. М.: Советская Россия, 1973. С. 126–127, 129.

144

Чуйков В. И. Конец третьего рейха. С. 134–135.

145

Гаубица Б-4 в походном положении возилась раздельно: отдельно — лафет и отдельно — ствол на специальной ствольной повозке. На короткие дистанции гаубица доставлялась самой малой скоростью в вооруженном виде, то есть ствол был установлен на лафете.

146

Чуйков В. И. Конец третьего рейха. С. 136–137.

147

Чуйков В. И. Конец третьего рейха. С. 141, 143.

148

Хроника боевых действий Волжской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза. Выпуск 1. Волжская военная флотилия в боях за Сталинград (Кампания 1942 г.). М. — Л-д. Военмориздат, 1945. С. 59.

149

Хроника боевых действий… С. 96.

150

Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1944–1945 / Под ред. В. И. Ачкасова. М.: Наука, 1975. С. 276–277.

151

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 7. С 19 июля по 31 декабря 1944 г. М.: Военмориздат, 1951. С. 357.

152

По каким-то ведомым только Кузнецову и Трибуцу причинам батарея № 19 была 8 февраля 1945 г. оперативно подчинена командиру Либавской ВМБ. Немцы еще 3 месяца будут сидеть в Либаве, а Балтийский флот уже сформировал аппарат базы. Должности, что ли, были нужны тыловикам?

153

Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1944–1945 / Под ред. В. И. Ачкасова. С. 283.

154

Краснознаменный Балтийский флот… С. 285.

155

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 8. С 1 января по 14 мая 1945 г. М.: Военмориздат, 1951. С. 330.

156

Отделение ЦВМА. Ф. 96. Д. 20921. Лл. 44–46.

157

Ляш О. Так пал Кёнигсберг. М.: 1991.

Война в Корее 1950–1953 гг. СПб, 2000.

159

Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. М.: Наука, 1970. С. 385–386.

160

Григоренко П. Г. В подвале можно встретить только крыс… Нью-Йорк, Детинец, 1981.

161

Белобородов А. П. Всегда в бою. М.: Экономика, 1984. С. 328–329.

162

Белобородов А. П. Всегда в бою. С. 329–330.

163

Использованы материалы из книги: Боевые действия стрелковой дивизии / Под ред. К. В. Сычева и М. М. Малахова. М.: Воениздат, 1958.

164

Материалы сайта: tistchenko_rzns.zip.

165

Белобородов А. П. Всегда в бою. С. 339–341.

166

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В шести томах / Под ред. П. Н. Проспелова. М.: Воениздат, 1963. Т. V. Победоносное окончание войны с фашистской Германией. Поражение империалистической Японии (1945 г.). С. 176.

167

По данным: Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. Кн. II (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.). М. Воениздат, 1965. С. 625–626.

168

Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин 1944–1945. М.: Эксмо, 2005. С. 213.

169

Там же. С. 192.

170

Там же. С. 191–192.

171

Германские данные: Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des feutschem Heeres 1933–1945. Bonn: Bernard & Graefe Verlag, 1992. Советские данные: Гретен К. К., подполковник. Развитие минометного вооружения. М.: Артакадемия, 1945. (Рукопись.)

172

Архив Штаба артиллерии СА, ф. 1, оп. 946, д. 22.

173

Архив ГШ, ф. 13, оп. 419, д. 29. Архив МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 2148.

Архив Штаба артиллерии СА, ф. 1, оп. 945, д. 22.

174

Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Сборник. М.: Терра, 1995. С. 483.

175

Время указано московское. В это время в Берлине было 3 часа ночи.

176

Казаков В. И. Артиллерия, огонь! Записки маршала артиллерии. С. 416–417, 419.

177

Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Сборник. С. 484.

178

Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. Кн. II. С. 660.

179

Казаков В. И. Артиллерия, огонь! Записки маршала артиллерии. С. 421.

180

Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин 1944–1945. С. 301.

181

Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Сборник. С. 461–463, 481.

182

Зигфрид Кнаппе «Битва за Берлин». Материалы сайта: http://vnparabellum.com/battles/berlin-garrison.html.

183

Казаков В. И. Артиллерия, огонь! Записки маршала артиллерии. С. 193.

184

ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 394. Л. 243.

185

Архив СА. Ф. 20. Оп. 25. Д. 1266.

186

Приказ НКО № 0405 от 12.10.41 г.

187

Штатом в бригаде предусматривался также отдельный гвардейский минометный дивизион полевой реактивной артиллерии, но фактически это решение не было реализовано.